Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

УСТАМИ БУНИНЫХ

Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны
и другие архивные материалы,
под редакцией Милицы Грин

В трех томах

Том I

ПОСЕВ

Для сайта BOOK-OLDS.RU

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1977
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Вещи и дела, аще не написанние бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанние же яко одушевленние...» Этой цитатой начинает Бунин свою «Жизнь Арсеньева». Эти слова хочется мне поставить эпиграфом к изданию дневников Буниных.

Объединить выдержки из дневников Ивана Алексеевича и Веры Николаевны я решила по многим причинам. Мне это кажется желательным с литературной точки зрения — пробелы в дневниках одного заполняются другим и получается связное повествование. При этом манера записей Веры Николаевны, естественно, отличается от манеры Ивана Алексеевича, оттеняет его записи и это придает живость рассказу. Да и внимание обоих обращено на разные стороны жизни. Но главное, что побудило меня объединить записи обоих Буниных, — это убеждение, что такое единение символично.

Я глубоко убеждена, что страстный, горячий Бунин, несмотря на свои многие увлечения, несмотря на свои сложные отношения с недавно умершей Галиной Николаевной Кузнецовой, прожившей у Буниных многие годы, по-настоящему любил одну только Веру Николаевну. Еще не пришло время о многом говорить и публиковать некоторые документы интимного характера, имеющиеся в архиве, но, познакомившись с ними, я пришла к убеждению, что Иван Алексеевич никогда не пере-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ставал истинно любить Веру Николаевну и, несмотря на часто жестокое к ней отношение, совсем по-детски от нее зависел. А Вера Николаевна обладала редким даром Любви — Ивану Алексеевичу она посвятила всю свою жизнь, была его ангелом-хранителем, страдалицей, способной во имя любви на непостижимые уму жертвы. Любовь ее распространялась и на окружающих ее людей. Как сына, она любила Леонида Федоровича Зурова, превозмогла себя и от души полюбила Галину Кузнецову, всем сердцем была привязана к Олечке Жировой.

Редактируя дневники, я старалась соблюдать текучесть повествования и избегать повторений. Странным образом, в те периоды, когда много записывала Вера Николаевна, мало записей делал Иван Алексеевич и наоборот. При этом многие дневники Бунин сам уничтожил. Вероятно, не хотел, чтобы копались в его личных делах, а может быть, считал записи неинтересными. Есть периоды долгого молчания и у Веры Николаевны — годы особенно тяжелых личных переживаний. В основном же она строго относилась к добровольно взятой на себя обязанности летописца, заносящего в тетрадь все, что касается жизни ее великого мужа.

Первая часть, «До перелома», начинается юношескими записями Бунина и кончается отъездом из родных мест после революции. Помимо дневниковых записей Ивана Алексеевича, в нее входят отрывки из разбросанных по журналам воспоминаний Веры Николаевны и выдержки из ее ставшей библиографической редкостью книги «Жизнь Бунина», как и важные для биографии Бунина выписки из его писем художнику П. Нилусу, письма Веры Николаевны родным с Цейлона и другие материалы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Эта часть раскрывает облик Бунина-художника, его метод собирания материала, знакомит с его взглядами на народ, на современную литературу, на его отношение к происходящим событиям. Зоркость и наблюдательность его поразительные. Это в особенности справедливо в отношении к природе. Природа для него всегда была существенной частью жизни и неслучайно скажет он потом: «Нет... никакой отдельной от нас природы... каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни». Некоторые из его записей этого времени по своей тонкости и художественности принадлежат к лучшим страницам его творчества.

Жадный до впечатлений, Бунин много путешествовал, чем объясняется необычная ширина географического диапазона в его творчестве. Он хорошо знал не только Россию и Европу, вместе с Верой Николаевной они побывали и в Сирии, и в Палестине, и на Цейлоне. Неоднократно месяцами жили на Капри (где ежедневно встречались с Горьким).

Октябрьская революция решила судьбу Бунина. С самого начала его отношение к происходящим событиям было резко отрицательное. При этом определялось оно не одними только политическими причинами. Бунин болел сердцем, видя, что разрушается традиционная Русь, что порывается связь с прошлым. Но главное, что возмущало и вызывало отвращение, это — хамство, грубость, насилие, выплывшие наружу вместе с революцией. Его коробил язык газет, вечные плакаты, воззвания, ложь, его возмущало вызывающее поведение толпы. С такими взглядами, да еще при страстности Бунина, оставаться в большевистской России было немыслимо.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вторая часть, «Одесса», написана главным образом пером Веры Николаевны. Живо и непосредственно передает она атмосферу послереволюционного времени, переход Одессы из рук в руки, слухи, надежды, разочарования, бытовые детали. Сильное впечатление остается от ее талантливых зарисовок людей — писателей, журналистов и других. С большой любовью писала она о Валентине Катаеве, впоследствии отплатившем ей полным сарказма портретом в «Траве забвения». Детально и живо представлен поэт Максимилиан Волошин, яркими штрихами нарисован искусствовед проф. Кондаков, интересен литературовед Овсянико-Куликовский. Для Веры Николаевны вообще характерна доброжелательность, способность увидеть хорошее в людях, не переходящая, однако, в наивность. Эта черта особенно выделяется в контрасте с записями Ивана Алексеевича этого периода, полными нервного напряжения и ярости. Эти его записи, сохранившиеся в оригинале, написанные на пожелтевших от времени листках, послужили основой созданных уже в эмиграции «Окаянных дней».

Третья часть, «За рубежом», — это Франция, эмигрантская жизнь до получения мирового признания — Нобелевской премии по литературе (1933 г.). Постепенно исчезают надежды на возвращение в Россию, начинается тяжелая эмигрантская жизнь с ее заботами о хлебе насущном. Бунины живут интересами культуры, стоят в центре русского Парижа, встречаются с видными представителями общественности и литературы. Вера Николаевна дает тонкие портреты Зинаиды Гиппиус, Мережковского, П. Струве и многих других.

Жизнь Буниных проходит на людях. Иван Алексеевич жаждет собеседников, тяготится одиночеством. Ему нужны впечатления, необходимо окружение. Вот почему они всегда живут у дру-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гих, как жили в России, или с другими. Вот почему они обрекли себя на бездомность. Вера Николаевна, несмотря на свойственную ей общительность, иногда тяготится тем, что не может быть одна с Иваном Алексеевичем, даже несколько ревнует его. Если в России они постоянно были окружены родственниками Бунина (особенно он любил гулять и беседовать со своим племянником талантливым Н. Пушешниковым), то во Франции с ними постоянно друзья, знакомые — люди общих интересов, но не всегда общих взглядов. Даже на отдых Бунины ездят не одни — так, два лета подряд они проводят с Мережковскими. Ведутся разговоры на общественные и литературные темы, а главное — говорится о прошлом и настоящем России.

Тяжело переживает Бунин смерть любимого старшего брата, Юлия Алексеевича, скорбит Вера Николаевна по оставшейся в Москве семье. Но жизнь течет своим чередом — писательские вечера, встречи, обеды, приемы, Куприн, А. Толстой, Карташев, Цетлины, Фондаминский, Алданов, приезд Художественного театра, Станиславский, Книппер, Качалов и многие, многие другие.

Вероятно, из-за некоторой саркастичности Бунина о нем сложилось представление, как об эгоисте, человеке высокого о себе мнения. Цену себе Иван Алексеевич, действительно, знал, хотя и тут была доля ущемленности, но называть его эгоистом — несправедливо. Дневники свидетельствуют о его доброте, желании помочь людям (чем, однако, он никогда не хвастался) — так хлопочет он о визе И. А. Шмелеву, заботится о других писателях, вызывает к себе начинающего писать Леонида Зурова, покровительствует молодой поэтессе Галине Кузнецовой. О Вере Николаевне и говорить нечего — жизнь ее проходит в заботах о других, хло-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

потах по устройству вечеров писателей, продаже билетов, сборе денег.

Начиная с 1923 года, Бунины летом живут в Грассе, зимой ездят в Париж. С 1925 года их «домом» становится вилла «Бельведэр», ставшая небольшим русским культурным центром. Они окружены писателями, общественными деятелями, «бывшими» людьми. Ведется напряженная жизнь, полная культурных интересов. Для Бунина это период творческого подъема — создается «Жизнь Арсеньева». Для Веры Николаевны это время тяжелых переживаний, на которые она только намекает. (Это время сближения Бунина с Галиной Кузнецовой.) Думается, что эти переживания, как и серьезная операция вызывают внутренний перелом в Вере Николаевне, в результате которого всё растет духовность.

В конце двадцатых годов начинается ежегодное мучительное ожидание решения Нобелевского комитета и ежегодное разочарование с возвратом к вопросу — на что жить? Наконец, 9 ноября 1933 года извещение по телефону из Стокгольма, что премия по литературе присуждена Бунину. С этого момента «всё смешалось в доме Облонских». Париж, приемы, чествования, сутолока. Стокгольм, получение премии, король, ордена, ленты, светлые туалеты дам, дипломаты — как вся эта сказочная атмосфера непохожа на бедное существование в Грассе. Иван Алексеевич, первый из русских писателей удостоившийся премии, в опьянении славой. Вера Николаевна, только что узнавшая о самоубийстве любимого брата в Москве, предчувствует недоброе.

Последняя часть, «На исходе» — это период подведения итогов. Жизнь, после получения премии, идет всё вниз и вниз. Деньги скоро растрачены (пошли не только на себя, но и на помощь

Для сайта BOOK-OLDS.RU

другим писателям, о чем рассказывал мне покойный Борис Константинович Зайцев). Не стал Бунин и русским «культурным послом» в Европе, чего от него ждали и на что надеялись его друзья*. Домашняя жизнь еще больше усложнилась. Галина Николаевна подружилась с сестрой Ф. Степуна, Маргаритой, которая тоже поселилась у Буниных. Иван Алексеевич чувствовал себя обойденным. Публичные выступления, банкеты, кроме мучений и минимального заработка, ничего не приносили. Страшила приближающаяся старость. Забвения Бунин искал в вине.

Вера Николаевна устала, истомилась. А тут приближалась война. За время войны Бунин регулярно ведет дневник, следит за военными событиями, делает выписки из газет, скорбит о судьбе Франции. Но природа по-прежнему привлекает его — вид на Эстерель, звездное небо, погода. Жизнь становится все тяжелее и тяжелее, еды все меньше и меньше. Вино, а потом раскаяние, сознание, что надо переменить жизнь, не пить — но потом опять вино. Болезни, жалобы на одиночество. И бесконечно страшит старость, приближение смерти.

Тяжело переживает Бунин победы немцев в России, ежедневно отмечая новости с фронта, душой болеет за родные места. Затем, когда положение дел в России меняется, чувства у Бунина сложные — русские победы и радуют и вызывают горечь, прилив негодования. «Хотят, чтобы я любил Россию, столица которой — *Ленинград*, Нижний — Горький, Тверь — Калинин — по имени ничтожеств, типа метранпажа захолустной типографии! Балаган».

*** См. мою публикацию писем М. Алданова Буниным, «Новый журнал», № 81, 1965.**

Для сайта BOOK-OLDS.RU

После занятия южного побережья американцами Бунина возмущает атмосфера в русской колонии: «Русские все стали вдруг краснее красного. У одних страх, у других холопство, у третьих 'стадность'».

В августе 1945 года, распростившись навсегда с Грассом, Бунины возвращаются в Париж. Но и здесь мало радости. «Почти у всех траур, у некоторых трагический», записывает Вера Николаевна. Умерла З. Н. Гиппиус, скончался М. О. Цетлин.

В июне 1946 года выходит указ Президиума Верховного совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи. В русской колонии переполох, многие решают вернуться в Россию. Трудно себе представить, чтобы Бунин, при его взглядах, мог серьезно думать о возвращении, но домой тянуло и общее волнение передалось. А его смущали, уговаривали, убеждали, что многое в России переменилось. Некоторое время он, видимо, колебался (см. «Письма Алданова Буниным»), очень уж сильна была тоска по родине. Но колебания были недолговременны, Бунин твердо решился остаться. У Веры Николаевны записано: «О возвращении нашем в Россию не могло быть никаких переговоров, так как мы ни в коем случае туда и не думали ехать. Были предложения, уговоры, на которые даже серьезно не отвечали, так они были нелепы при отношении к большевикам, какое было и есть у Яна».

В русском литературном Париже шла в то время острая политическая борьба. Из Союза Писателей были исключены все члены, взявшие советские паспорта, тогда как люди, сотрудничавшие с немцами, членами оставались. В протест против такой «односторонней нетерпимости» Бунины решили выйти из Союза. Это был принципиальный шаг, так как сами Бунины советских паспортов ни-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

когда не брали и умерли бесподданными эмигрантами. Решение Буниных вызвало обвинение их в большевизанстве. М. С. Цетлина пишет им из Америки резкое письмо, что она порывает с ними. Бунин, больной и слабый, тяжело переживает все эти волнения. Во многих прежних друзьях он теперь видит врагов.

Последние годы — это медленное и мучительное умирание. Вера Николаевна не сдается, устраивает «четверги», чтобы хоть как-нибудь развлечь больного, собирает деньги на Олечку, на Тэффи, на книгу Зурова, на «Быструю помощь». Но и ее здоровье неважно. А Иван Алексеевич — больной нелегкий, расходы громадные, денег нет. В довершение всех невзгод, заболела нервным расстройством Олечка Жирова, а в следующем году свалился с ног и Л. Ф. Зуров, помогавший Вере Николаевне ухаживать за больным. Дни Бунина сочтены. 27 сентября 1953 года Вера Николаевна записывает: «Ян очень ослабел, все спит». Но — характерно для хлебосольной и общительной Веры Николаевны — ее радует, что на ее именинах было 25 гостей.

14 октября 1953 года И. А. Бунин скончался.

На этом я окончила книгу. Дневниковые записи Веры Николаевны после его смерти довольно беспорядочны. Не до дневников было ей теперь, когда на нее легла ответственность опубликовать начатую Буниным книгу о Чехове, написать биографию Бунина, напечатать свои воспоминания.

Вопреки распространенному мнению, что в отрыве от родины блекнет писательский талант, Бунин создал в эмиграции лучшие свои произведения. Талант его расцвел с особой силой. Разлука с Россией только усилила его страстную любовь к ней, все страдания обострили чувства и восприимчивость. Но Бунин — лицо трагическое. Даже

Для сайта BOOK-OLDS.RU

радость получения Нобелевской премии была отравлена для него сознанием, что в России это замалчивается, что вещи его там даже не печатаются. Признание его в России, о чем он мечтал всю свою долгую жизнь, пришло уже после смерти Бунина.

Милица Грин

Эдинбург, июнь 1976 г.

*

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания И. А. Бунина и его знаки препинания. Орфография изменена на новую.

Редакторские примечания и связки, расшифровки авторских сокращений и редакторские сокращения (обозначаемые многоточием) взяты в квадратные скобки. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

*

Приношу свою глубокую благодарность профессору D. Ward, моему многолетнему начальнику и коллеге. Без его помощи это издание не осуществилось бы. Он приложил все усилия обеспечить мне финансовую помощь, поддерживал меня морально и давал дельные советы.

Чувствую себя благодарно обязанной Эдинбургскому университету, который щедро помог мне, дав заем на издание книги. Благодарю за субсидию Carnegie Trust for Scottish Universities. Батюшке о. Иоанну выражаю признательность за тщательную переписку рукописи, а моей коллеге

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Э. И. Вознесенской — за помощь в чтении корректуры и советы. Моей бывшей студентке Пенни Стир приношу благодарность за то, что она разобрала отельные счета, хранящиеся в бумагах Буниных, и установила даты заграничных поездок Бунина.

Благодарю Р. Б. Гуля и Вл. Д. Соколова-Самарина, любезно указавших мне на некоторые ошибки и оплошности, вкравшиеся в мою публикацию отрывков из дневников И. А. Бунина в «Новом журнале».

С особой благодарностью поминаю покойного Леонида Федоровича Зурова, многолетнего хранителя дневников, доверившего их мне после смерти.

Издательство «Посев», в частности А. Н. Артемову, благодарю за советы и помощь в подготовке рукописи к печати.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Часть первая

ДО ПЕРЕЛОМА

[В основу этой части легли дневниковые записи Ив. Ал. Бунина, переписанные им с «истлевших и неполных» клочков заметок того времени, выдержки из автобиографического конспекта, составленного им на основе уничтоженных записей, воспоминания Веры Николаевны, разбросанные по различным журналам, частично вошедшие в ее, ныне ставшую библиографической редкостью книгу «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) или вообще не печатавшиеся. Делаются ссылки на дневничок-конспект, в котором В. Н. записала (видимо, по памяти) даты и главные факты их жизни. Помимо того, приводятся выдержки из писем Бунина и В. Н. родным и другим лицам.

Записи начинаются с восьмидесятых годов прошлого столетия, то есть с отрочества Бунина.]

1881

В начале августа (мне 10 лет 8 мес.) выдержал экзамен в первый класс Елецкой гимназии. С конца августа жизнь с Егорчиком Захаровым (незаконным сыном мелкого помещика Валентина Ник. Рышкова, нашего родственника и соседа по деревне «Озёрки») у мещанина Бякина на Торговой ул. в Ельце. Мы тут «нахлебники» за 15 рубл. с каждого из нас на всем готовом[1].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1885

[Следующие записи относятся к концу декабря 1885 года. Как обычно, Бунин проводил рождественские каникулы у родителей[1].]

Конец декабря.

[...] ветер северный, сухой, забирается под пальто и взметает по временам снег... Но я мало обращал на это внимание: я спешил скорей на квартиру и представлял себе веселие на празднике, а нонешним вечером — покачивание вагонов, потом поле, село, огонек в знакомом домике... и много еще хорошего...

Просидевши на вокзале в томительном ожидании поезда часа три, я, наконец, имел удовольствие войти в вагон и поудобнее усесться... Сначала я сидел и не мог заснуть, так как кондукторы ходили и, по обыкновению, страшно хлопали дверьми; в голове носились образы и мечты, но не отдельные, а смешанные в одно... Что меня ждет? задавал я себе вопрос. Еще осенью я словно ждал чего-то, кровь бродила во мне и сердце ныло так сладко и даже по временам я плакал, сам не зная от чего; но и сквозь слезы и грусть, навеянную красотою природы или стихами, во мне закипало радостное, светлое чувство молодости, как молодая травка весенней порой. Непременно я полюблю, думал я. В деревне есть, говорят, какая-то гувернантка[2]! Удивительно, от чего меня к ней влечет? Может оттого, что про нее много рассказывала сестра...

Наконец, я задремал и не слыхал, как приехал в Измалково. Лошадей за нами прислали, но ехать сейчас же было невозможно по причине мятели, и нам пришлось ночевать на вокзале.

Еще с большим веселым и сладким настроением духа въехал я утром в знакомое село, но

Для сайта BOOK-OLDS.RU

встретил его не совсем таким, каким я его оставил: избушки, дома, река — все было в белых покровах. Передо мной промелькнули картины лета. Вспомнил я, как я приезжал в последний раз осенью [...]

Наконец сегодня я уже с нетерпением поехал в Васильевское[3]. Сердце у меня билось, когда я подъезжал к крыльцу знакомого, родного дома [...] На крыльце я увидал Дуню и ее, как я предположил; это была барышня маленького роста, с светлыми волосами и голубыми глазками. Красивой ее нельзя было назвать, но она симпатична и мила. С трепетом я подал ей руку и откланялся. [...]

За ужином я сидел рядом с ней, пошли домой мы с ней под руку. Уж я влюбился окончательно. Я весь дрожал, ведя ее под руку. Расстались мы только сейчас уже друзьями, а я кроме того влюбленным. И теперь я вот сижу и пишу эти строки. Всё спит... но мне и в ум сон нейдет. «Люблю, люблю», шепчут мои губы.

Исполнились мои ожидания.

29-го Декабря (1885 г.).

Сегодня вечер у тетки. На нем наверно будут из Васильевского, в том числе гуверн[антка], в которую я влюблен не на шутку.

[...] Она моя! Она меня любит! О! С каким сладостным чувством я взял ее ручку и прижал к своим губам! Она положила мне головку на плечо, обвила мою шею своими ручками и я запечатлел на ее губках первый, горячий поцелуй!..

Да! пиша эти строки я дрожу от упоенья! от горячей первой любви!.. Может быть некоторым, случайно заглянувшим в мое сердце, смешным покажется такое излияние нежных чувств! «Еще молокосос, а ведь влюбляется», скажут они. Так!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Человеку занятому всеми дрязгами этой жизни и не признающему всего святого, что есть на земле, правда, свойства первобытного состояния души, т. е. когда душа менее загрязнилась и эти свойства более подходят к тому состоянию, когда она была чиста, и, так сказать, даже божественна, правда слишком (следующее слово нельзя разобрать. — И. Б.). Но может быть именно более всего святое свойство души Любовь тесно связано с поэзией, а поэзия есть Бог в святых мечтах земли, как сказал Жуковский (Бунин, сын А. И. Бунина и пленной турчанки). Мне скажут, что я подражаю всем поэтам, которые восхваляют святые чувства и, презирая грязь жизни, часто говорят, что у них душа больная; я слыхал как говорят некоторые: поэты все плачут! Да! и на самом деле так должно быть: поэт плачет о первобытном чистом состоянии души и смеяться над этим даже грешно! Что же касается до того, что я «молокосос», то из этого только следует то, что эти чувства более доступны «молокососу», так как моя душа еще молода и следовательно более чиста. Да и к тому же я пишу совсем не для суда других, совсем не хочу открывать эти чувства другим, а для того, чтобы удержать в душе эти напевы.

Пронесутся года. Заблестит
Седина на моих волосах,
Но об этих блаженных часах
Память сердце мое сохранит...

Остальное время вечера я был как в тумане. Сладкое, пылкое чувство было в душе моей. Ее милые глазки смотрели на меня теперь нежно, открыто. В этих очах можно было читать любовь. Я гулял с ней по корридору и прижимал ее ручки

Для сайта BOOK-OLDS.RU

к своим губам и сливался с ней в горячих поцалуях. Наконец, пришло время расставаться. Я увидал как она с намерением пошла в кабинет Пети. Я вошел туда же и она упала ко мне на грудь. «Милый, шептала она, милый, прощай. Ты ведь приедешь на Новый Год?» Крепко поцаловал я ее и мы расстались. [...]

Наконец я лег спать, но долго не мог заснуть. В голове носились образы, звуки... пробовал стихи писать, — звуки путались и ничего не выходило... передать все я не мог, сил не хватало, да и вообще всегда, когда сердце переполнено, стихи не клеятся. Кажется, что написал бы Бог знает что, а возьмешь перо и становишься в тупик... Согласившись наконец с Лермонтовым, что всех чувств значенья «стихом размерным и словом ледяным не передашь», я погасил свечу и лег. Полная луна светила в окно, ночь была морозная, судя по узорам окна. Мягкий бледный свет луны заглядывал в окно и ложился бледной полосой на полу. Тишина была немая... Я все еще не спал... Порой на луну, должно быть, набегали облачка и в комнате становилось темней. В памяти у меня пробегало прошлое. Почему-то мне вдруг вспомнилась давно, давно, когда я еще был лет пяти, ночь летняя, свежая и лунная... Я был тогда в саду... И снова все перемешалось... Я глядел в угол. Луна по прежнему бросала свой мягкий свет... Вдруг все изменилось, я встал и огляделся: я лежу на траве в саду у нас в Озерках. Вечер. Пруд дымится... Солнце сквозит меж листвою последними лучами. Прохладно. Тихо. На деревне только где-то слышно плачет ребенок и далеко несется по заре словно колокольчик голос его. Вдруг из-за кустов идут мои прежние знакомые. Лиза остановилась, смотрит на меня и смеется, играя своим передничком. Варя, Дуня...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вдруг они нагнулись все и подняли... гроб. В руках очутились факелы. Я вскочил и бросился к дому. На балконе стоит Эмилия Вас., но только не такая, как была у тетки, а божественная какая-то, обвитая тонким покрывалом, вся в розах, свежая, цветущая. Стоит и манит меня к себе. Я взбежал и упал к ней в объятия и жаркими поцелуями покрывал ее свежее личико... Но из-за кустов вышли опять с гробом Лиза, Дуня, Варя; она вскрикнула и прижалась ко мне.

[После Святок Бунин не вернулся в Елец, решил бросить гимназию и учиться дома с братом Юлием, жившим в Озерках под надзором полиции[4]. Вера Николаевна пишет[5]:]

Юлий Алексеевич рассказывал мне:

«Когда я приехал из тюрьмы, я застал Ваню еще совсем неразвитым мальчиком, но я сразу увидел его одаренность, похожую на одаренность отца. Не прошло и года, как он так умственно вырос, что я уже мог с ним почти как с равным вести беседы на многие темы. Знаний у него еще было мало, и мы продолжали пополнять их, занимаясь гуманитарными науками, но уже суждения его были оригинальны, подчас интересны и всегда самостоятельны.

Мы выписали журнал «Неделя» и «Книжки Недели», редактором которых был Гайдебуров, и Ваня самостоятельно оценивал ту или другую статью, то или иное произведение литературы. Я старался не подавлять его авторитетом, заставляя его развивать мысль для доказательства правоты своих суждений и вкуса».

[Под руководством брата Бунин приобрел много знаний, развился и начал серьезно интересоваться литературой и сам писать.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сохранилась следующая дневниковая запись:]

1886

20 декабря 1886 года.

Вечер. На дворе несмолкая бушует страшная вьюга. Только сейчас выходил на крыльцо. Холодный, резкий ветер бьет в лицо снегом. В непроглядной крутящейся мгле не видно даже строений. Едва-едва, как в тумане, заметен занесенный сад. Холод нестерпимый.

Лампа горит на столе слабым тихим светом. Ледяные белые узоры на окнах отливают разноцветными блестящими огоньками. Тихо. Только завывает мятель да мурлыкает какую-то песенку Маша. Прислушиваешься к этим напевам и невольно отдаешься во власть долгого, зимнего вечера. Лень шевельнуться, лень мыслить.

А на дворе все так же бушует мятель. Тихо и однообразно проходит время. По прежнему лампа горит слабым светом. Если в комнате совершенно стихает, — слышно как горит и тихонько сипит керосин. [...]

[Записи за следующие годы не сохранились. Бунин за это время побывал у окончившего срок ссылки и жившего в Полтаве Юлия Алексеевича, был в Харькове, пережил роман с В. В. Пащенко (частично отразившейся на образе Лики в «Жизни Арсеньева»), стал печататься в «толстых» журналах.]

1893

[Конспект:]

В мае приехал из Полтавы в Огневку. Запись 3 июня («приехал верхом с поля, весь прохваченный сыростью...»).

В июле (?) приехала в Огневку В.[1] С ней к Воргунину.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Осенью в Полтаве писал «Вести с родины» и «На чужой стороне» (?).

Конец декабря — с Волкенштейном в Москву к Толстому[2].

[На другом листке красным карандашом обведены написанные в правом верхнем углу слова: «Переписано с таких же клочков и это и дальнейшее. Ив. Б.».]

[Записи:]

3 июня 1893 г. Огнёвка.

Приехал верхом с поля, весь пронизанный сыростью прекрасного вечера после дождя, свежестью зеленых мокрых ржей.

Дороги чернели грязью между ржами. Ржи уже высокие, выколосились. В колеях блестела вода. Впереди передо мной, на востоке, неподвижно стояла над горизонтом гряда румяных облаков. На западе — синие-синие тучи, горами. Солнце зашло в продольную тучку под ними — и золотые столпы уперлись в них, а края их зажглись ярким кованым золотом. На юге глубина неба безмятежно ясна. Жаворонки. И все так привольно, зелено кругом.

Деревня Бàсово в хлебах.

1894

[Конспект:]

В начале января вернулся из Москвы в Полтаву. «Аркадий». От Николаева (?)

В апреле в «Рус[ском] Богатстве» «Танька» (?)

Вечер 19 Мая, Павленки (на даче под Полтавой), дождь, закат (запись: «Пришел домой весь мокрый...»)

15 Авг., Павленки, сидел в саду художника Мясоедова (запись: «Солнечн[ый] ветр[еный] день...»)

В. в Ельце.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Осенью квартира на Монастырской.

20 Окт. (с. стиля), в 2 ч. 45 м. смерть Александра III в Ливадии. Привезен в Птб. 1 ноября. Стоял в Петропавл[овском] соборе до 7 ноября (до похор[он][1].

4 Ноября — бегство В[2].

Вскоре приехал Евгений[3]. С ним и с Юлием в Огневку, Елец, Поповская гостиница.
Я остался в Огн[евке]. До каких пор?

[Записи:]

Вечер 19 мая 94 г. Павленки (предместье Полтавы).

Пришел домой весь мокрый, — попал под дождь — с отяжелевшими от грязи сапогами. Прошел сперва с нашей дачи к пруду в Земском саду, — там березы, ивы с опущенными длинными мокрыми зелеными ветвями. Потом пошел по дороге в Полтаву, глядя на закат справа. Он все разгорался — и вдруг строения города на горе впереди, корпус фабрики, дым трубы — все зажглось красной кровью, а тучи на западе — блеском и пурпуром.

15 Авг. 94, Павленки.

Солнечный ветр[еный] день. Сидел в саду художника Мясоедова (наш сосед, пишет меня), в аллее тополей на скамейке. Безоблачное небо широко и свежо открыто. Иногда ветер упадал, свет и тени лежали спокойно, на поляне сильно пригревало, в шелковистой траве замирали на солнце белые бабочки, стрекозы с стеклянными крыльями плавали в воздухе, твердые темнозеленые листья сверкали в чаще лаковым блеском. Потом начинался шелковистый шелест тополей, с другой стороны, по вершинам сада, приближался глухой шум, разростался, все охватывал — и свет и тени

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бежали, сад весь волновался... И снова упадал ветер, замирал, и снова пригревало.

1895

[Конспект:]

В январе в первый раз приехал в Птб. Михайловский, С. Н. Кривенко[1], Жемчужников[2].

Потом? Москва, Бальмонт, Брюсов[3], Эртель, Чехов (оба в Б[ольшой] М[осковской] гостинице).

Март: Москва, номера в конце Тверск[ого] бульвара, с Юлием. Солнце, лужи.

В «Р[усской] Мысли» стихи «Сафо», «Веч[ерняя] молитва».

[О днях, проведенных в Москве, Бунин впоследствии писал[4]:]

«Старая, огромная, людная Москва», и т. д. Так встретила меня Москва когда-то впервые, и осталась в моей памяти сложной, пестрой, громоздкой картиной — как нечто похожее на сновидение...

Это *начало* моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренно самым мертвым временем всей моей молодости, хотя внешне я жил тогда очень разнообразно, общительно, на людях, чтобы не оставаться наедине с самим собой. [...]

[В продолжении конспекта за 1895 г. Бунин пишет:]

Летом — Полтава (?)[5]. Поездка на отправку переселенцев с Зверевым. Написал «На край света» (когда?) Напечатали в «Нов[ом] Слове» в октябре.

В декабре — Птб., вечер в Кредитном Обществе. Номера на Литейном (?)

Привез «Байбаки»[6].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Федоров, Будищев, Ладыженский, Михеев; Михайловский, Потапенко, Баранцевич, Гиппиус, Мережковский, Минский, Савина (это на вечере в Кред. О-ве); Сологуб (утром у Федорова), Елпатьевский, Давыдова («Мир Божий» на Лиговке). Муся, Людмила (дочь Елпатьевского). Васильевск[ий] Остров. Попова, ее предложение издать «На край света»[7].

[О вечере в Кредитном Обществе Бунин впоследствии писал[8]:]

Первое мое выступление на литературных вечерах было в начале зимы 95 г. в Петербурге, в знаменитом зале Кредитного Общества.

Незадолго перед этим, в первой книжке народнического журнала «Новое Слово» под редакцией С. Н. Кривенко... я напечатал рассказ «На край света» — о переселенцах. Рассказ этот критики так единодушно расхваливали, что прочие журналы стали приглашать меня сотрудничать, а петербургское общество «Общество попечения о переселенцах» даже обратилось ко мне с просьбой приехать в Петербург и выступить на литературном вечере в пользу какого-то переселенческого фонда. И вот я в Петербурге — в первый раз в жизни...

Я, конечно, читал «На край света» и опять, благодаря этим несчастным переселенцам (да и новизне своего имени), имел большой успех. [...]

[О своих впечатлениях Бунин вспоминает[9]:]

Мои впечатления от петербургских встреч были разнообразны, резки. Какие крайности! От Григоровича и Жемчужникова до Сологуба, например!

[О тогдашних встречах Бунина рассказывает Вера Николаевна:]

В этот приезд [в Петербург] у него заводятся знакомства среди молодых писателей: Федоров, по-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

эт, романист, впоследствии и драматург, очень в себе уверенный сангвиник, подвижной, любящий путешествия; поэт и левый земский деятель Ладыженский, — милый наш Володя, человек редкой души. Он был маленького роста, владел крупным имением в Пензенской губернии; Михеев, необыкновенной толщины, — его я не встречала, — знаток иностранной литературы, очень образованный и умный сибиряк; Будищев — которого я тоже никогда не видала и не имею о нем представления; Потапенко, — с ним я познакомилась в каком-то петербургском ресторане, куда мы однажды поздно ночью заехали с Иваном Алексеевичем. Он сидел один и пил красное вино. Меня поразил его странный синеватый цвет лица. А в пору их первых встреч он был красив, молод, хорошо пел, имел большой успех в литературе, и у женщин. Баранцевича, Гиппиус, Мережковского, Минского, как и артистку Савину, и Вейнберга с Засодимским он увидал на вечере в пользу переселенцев. [...]

Младшая дочь Давыдовой[10], еще совсем молоденькая, с горячими глазами, живая брюнетка, очень остроумная, вечно хохотавшая Муся, Бунину понравилась и они подружились «на всю жизнь». У них или в редакции «Русского Богатства» он познакомился с Елпатьевским, писателем, врачем и политическим борцом, побывавшим в сибирской ссылке, человеком большой привлекательности.

Его дочь Лёдя или Людмилочка, подруга Муси, в первый год знакомства с Буниным еще была гимназисткой. И они тоже «подружились на всю жизнь».

Издательница О. Н. Попова предложила выпустить книгу рассказов Бунина «На край света»,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и он получил аванс, что очень его окрылило. Он почувствовал себя настоящим писателем[11]. (...]

1896

[Конспект 1896 начинается абзацем, у которого синим карандашом рукой Бунина приписано: «Это в *дек.* 1896 г.», поэтому я сперва привожу второй абзац.]

Из Птб. был в Ельце на балу в гимназии (?) — уже «знаменитостью».

Когда познакомился и сошелся с М. В.[1]?

Дальше — по записям: 29 Мая вечером с М. В. приехал в Кременчуг. Почти всю ночь не спали. На другой день уплыл в Екатеринослав (она — в Киев?)[2]

31 мая из Екатеринослава через «Пороги» по Днепру.

1 июня — Александровск — и вечером оттуда в Бахчисарай.

Бахчисарай, Чуфут, монастырь под Бахчисараем.

Байдары, ночевка в Кикинеизе. Ялта, Аю-Даг. В Ялте Станюкович[3], Миров (Миролюбов)[4].

9 июня — в Одессу (к Федорову?)

14 июня из Одессы до Каховки (на пароходе по Днепру?). Никополь.

Где был до Сентября?

По записям:

В ночь с 15 на 16 Сент. из Екатеринослава в Одессу, к Ф [едорову]. 26 Сент. уехал через Николаев на пароходе (очевидно, в Полтаву).

[Среди записей 1896 года сохранилось описание поездки Бунина:]

Днепровские Пороги (по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Екатеринослав. Под Ек., на пологом берегу Днепра, Лоцманская Камянка. Верстах в 5 ниже — курганы: Близнецы, Сторожевой и Галаганка — этот насыпан, по преданию, разбойником Галаганом, убившим богатого пана, зарывшим его казну в землю и затем всю жизнь насыпавшим над ней курган. Дальше Хортица, а за Хортицей — Пороги: первый, самый опасный — Неяситец (или Ненасытец); потом, тоже опасные: Дед и Волнич; за Волн [ичем], в 4 верстах, последний опасный — Будило, за Б[удилом] — Лишний; через 5 верст — Вильный; и наконец — Явленный. [...]

[Об осени 1896 следующие записи:]

С 15 на 16 Сент. из Екатеринослава в Одессу. Лунная ночь, пустые степи.

Вечером 16 Одесса, на извозчике к Федорову в Люстдорф.

Ночью ходили к морю. Темно, ветер. Позднее луна, поле лунного света по морю — тусклое, свинцовое. Лампа на веранде, ветер шуршит засохшим виноградом. (Киппен?)

17 Сент. Проводил Ф[едорова] в Одессу, ветер, солнце, тусклоблестящее море, берег точно в снегу. [...]

21 Сент. Тишина, солнечн [ое] утро, пожелтевш[ий]плющ на балконе, море ярко-синее, все трепещет от солнца. Хрустальная вода у берега. Сбежал к морю, купался.

26 Сент. Уехал на Николаев. Синее море резко отделяется от красных берегов.

[Первый абзац конспекта, согласно приписке Бунина, относящийся к декабрю 1896 г.:]

Птб., Литейный, номера возле памятника Ольденбургского в снегу. Горничная. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1897

[Конспект:]

Январь. Петербург, выход «На край Св[ета]».
Именины Михайловского, потом Мамина[1] (в Царском Селе).
Михеев в снегу на вокзале.
Встреча с Лопатиной[2] в редакции «Нов[ого] Слова» (?).
Из Птб. в Ельце на балу[3].
Огневка.
11 Марта — «еду из Огневки в Полтаву...» (по записи).
30 Апр. из Полтавы в Шишаки (по записи).

Тоже по записи:

24 Мая из Полтавы в Одессу к Федорову через Кременчуг — Николаев, оттуда по Бугу.

Есть еще запись 29 Мая — у Федорова в Люстдорфе.

[Записи, о которых упоминает в конспекте Бунин, сохранились в архиве:]

11. III. 1897.

Еду из Огневки в Полтаву. Второй класс, около одиннадцати утра, только что выехал с Бабарыкиной. Ослепительно светлый день, серебряные снега. Ясная даль, на горизонте перламутрово-лиловые, точно осенние облака. Кое-где чернеют лесочки. Грустно, люблю всех своих.

[Сохранился и вариант этой записи, в котором есть продолжение: В Крыму на татарских домах крупная грубая черепица.]

30 Апреля 1897 г., Полтава.

Из Полтавы на лошадях в Шишáки. Овчарни Кочубея. Рожь качается, ястреба, зной. Яновщина, корчма. Шишáки. Яковенко не застал, поехал за

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ним к нему на хутор. Вечер, гроза. Его тетка, набеленная, нарумяненная, старая, хрипит и кокетничает. Докторша, «хочет невозможного».

Миргород. Там ночевал.

24 Мая 1897 г.

Из Полтавы в Одессу, к Федорову.

Кременчуг, мост, солнце низкое, желто-мутный Днепр.

За Кременчугом среди пустых гор, покрытых только хлебами. Думал о Святополке Окаянном.

Ночью равнины, мокрые после дождя. Пшеницы, черная грязь дорог.

Николаев, Буг. Ветренно и прохладно. Низкие глиняные берега. Буг пустынен. Устье, синяя туча, громадой поднявшаяся над синей сталью моря. Из под боков парохода развалы воды, бегут сквозь решетку палубы. Впереди море, строй парусов.

29 Мая.

Люстдорф. Рассвет, прохладный ветер, волнуется сиреневое море. Блеск взошедшего солнца начался от берега.

Днем проводил Федорова в Одессу, сидел на скалах возле прибоя. Море кажется выше берега, на котором сидишь. Шел берегом — в прибое лежала женщина.

Вечером ходил в степь, в хлеба. Оттуда смотрел на синюю пустыню моря.

1898

[Конспект:]

Начало зимы, зима — где?

Ранней весной, кажется, в Москве, в «Столице». Лопатина[1].

Где весной?

Начало лета — Царицыно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Прощание поздним вечером (часу в одиннадцатом, но еще светила заря, после дождя), прощание с Л[опатиной] в лесу. Слезы и надела на меня крест (иконку? и где я ее дел?)

В конце июня уехал в Люстдорф к Федорову. Куприн[2], Карташевы[3], потом Цакни[4], жившие на даче на 7-ой станции. Внезапно сделал вечером предложение. Вид из окон их дачи (со 2-го этажа). Аня играла «В убежище сюда...» [сада? — М. Г.] Ночуя у них, спал на балконе (это уже, кажется, в начале сентября).

23 Сентября — свадьба[5].

Жили на Херсонск[ой] улице, во дворе.

Вуаль, ее глаза за ней (черной). Пароходы в порту. Ланжерон. Беба[6], собачка. Обеды, кефаль, белое вино. Мои чтения в Артистич[еском] клубе, опера (итальянская).

«Пушкин»[7], Балаклава. Не ценил ничего!

Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурз[уфе] вечером.

Возвращение, качка.

В декабре (или ноябре?) в Москву с Аней. Первое представление «Чайки» (17 дек.), мы были на нем. Потом Птб., номера на Невском (на углу Владимирской). Бальмонт во всей своей молодой наглости.

Первое изд. «Гайаваты»[8].

Лохвицкая?

«Без роду-племени» — где и когда писал? Кажется, в Одессе, после женитьбы. [Эти слова приписаны синим карандашом, почерком Бунина. — М. Г.] В Нивск[ом] издании этот рассказ помечен 97-м годом.

Когда с Лопатиной по ночлежным домам?

16 Ноября — юбилей Златовратского в Колонной зале в «Эрмитаже» (в Москве).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1899

[Конспект:]

Весной ездил в Ялту (?). Чехов, Горький[1], Муся Давыдова и Лопатина.

[...] Летом — в «Затишьи», в имении Цакни. Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью (кажется, через Николаев, в солн[ечное] раннее утро). Род примирения. Солнечный день, мы с ней шли куда-то, она в сером платье. Ее бедро. [...]

[Это примирение было, однако, кратковременным. 14. 12. 1899 Бунин пишет брату Юлию:]

[...] *дни* Ани проходят в столовой в компании, *вечера* так: 6-го была «Жизнь за царя»; 7-го вечер пришла Зоя и некий Яковлев, сидела в столовой, 8-го — репетиция, 9-го — мы были все в Клубе, 10-го — репетиция, 11-го — на балу с 10 вечера до 7 ч. утра, 12-го назначена была «Жизнь за царя» — заболела певица, отложили, но вечером Аня ушла к Зое, вчера легла в 7 *часов* вечера спать, сегодня уехала с Э. П. на какое-то заседание, завтра — вечером репетиция, послезавтра — тоже, в пятницу у нас журфикс, в субботу — репетиция, в воскресенье «Жизнь за царя» — убогое жалкое представление. Затем на 27, на 6 и 15 янв. тоже «Жизнь за царя» — значит будут репетиции, кроме того драматические спектакли, затем — думают ставить «Русалку». *Буквально* с самого *моего приезда Аня не посидела со мной и получасу* — входит в нашу комнату только переодеться. [...] Ссоримся чрезвычайно часто. [...]

Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот — нахлебник. Но главное — *она беременна.* Это факт, ибо я знаю, что делал. [...]

Юлий, пожалей меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но не хватает сил — она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю[2]. [...]

1900

[Конспект:]

Зимой репетиции у Цакни «Жизни за Царя».

В январе ее беременность.

В начале марта полный разрыв, уехал в Москву.

Доктор Рот[1].

Весна в Огневке. «Листопад»[2].

[На полях синим карандашом приписано: «Худ. Театр был в Ялте на Пасхе 1900 г.»]

Лето в Ефремове? Письмо Горькому из Ефремова в конце августа.

В Москве осенью дал ему «Листопад» для «Нов[ой] Жизни». Поссе[3]. Писал «Антоновск[ие] яблоки».

«В Овраге» Чехова в «Нов[ой] Жизни».

В октябре я в Одессе. Отъезд с Куровским[4] заграницу: Лупов — Торн — Берлин — Париж — Женевское озеро — Вена — Петербург.

[Из Одессы 10 октября 1900 года Бунин пишет брату:]

Милый и дорогой Юринька! Еще в Одессе, задержал Куровский. Уезжаем *завтра* при чем маршрут изменен: едем на Берлин прямо в Париж, откуда через Вену. В субботу зашел в редакцию «Южного обозрения», хотел поговорить с Цакни. Не застал. Тогда послал посыльного к Анне, написал следующее: «Сегодня в 5 ч. зайду, чтобы видеть ребенка. [...]» [...] Я спросил: «Кажется были тяжелые роды?» — «Да». Внесли ребенка. Дай ему

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бог здоровья, очень, очень тронул он меня: милый, хорошенький, спокойный, только голову держит что-то на бок. [...] Затем спросил, как зовут — Николай, но еще не крестили. [...]»[5]

[Продолжение конспекта:]

Потом я в Москве. «Среда» художников[6].

В конце декабря я у Чеховой. Чехов заграницей. Ночь у какой-то.

[О пребывании Бунина у сестры А. П. Чехова, Марьи Павловны, рассказывает Вера Николаевна[7]:]

«Евгения Яковлевна [мать Чехова. — М. Г.] полюбила гостя и закармливала его, а с Марьей Павловной у Ивана Алексеевича возникала дружба.

Они ездили в Учан-Су, Гурзуф, Су-Ук-Су. Марья Павловна рассказывала о юности и молодости брата, о его неистощимом веселье и всяких забавных выдумках, о Левитане, которого она талантливо копировала, подражая его шепелявости, — он, например, вместо Маша, произносил Мафа, — о его болезненной нервности, психической неустойчивости. Поведала и о том, что «ради Антоши» она отказалась выйти замуж:

— Когда я сообщила ему о сделанном мне предложении, то по лицу его поняла, — хотя он и поздравил меня, — как это было ему тяжело... и я решила посвятить ему жизнь...

Рассказывала и о увлечениях Антона Павловича, иногда действительных, иногда воображаемых. Он был очень скрытен и о своих сердечных делах никому вообще не говорил. [...]

В такой спокойной обстановке, полной забот о нем, Иван Алексеевич еще никогда не жил. [...]»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1901

[Конспект:]

В «Нивском» изд. помечены этим годом: «Новый год», «Тишина», «Осенью», «Новая дорога», «Сосны», «Скит», «Туман», «Костер», «В августе». Когда писал «Перевал»? [...]

В Январе 1901 г. я все еще жил у Чеховой. Моя запись: «Зима 1901 г., я у Чеховой... Су-Ук-Су...»

31 Янв. в Москве первое предст[авление] «Трех сестер». Арсений (чеховский слуга) из Ялты Марье Павловне по телефону: «Успех агромадный». [...]

Числа 15 февр. Чехов вернулся из-за границы. Я переехал в гостиницу «Ялта». Покойница. [...]

Как-то в сумерки читал ему его «Гусева». Он сказал: «я хочу жениться».

[На оборотной стороне этого листка записано:]

Кульман[1], Елпатьевский[2], Массандра. Вера Ивановна. (В Сентябре, в Ялте).

Паша-гречанка. «Грузинская царевна» (уже забыл, как звали!).

Бегство в Москву через Симферополь (до С. на ямщицкой тройке).

В ноябре в Крыму Толстой. [...]

[К 1901 году относятся несколько записей:]

Крым, зима 1901 г. На даче Чехова.

Чайки как картонные, как яичн[ая] скорлупа, как поплавки, возле клонящейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках — там какая-то дивная, неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-Ук-Су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Еще запись:]

Весной 1901 г. мы с Куприным были в Ялте (Куприн жил возле Чехова в Аутке). Ходили в гости к начальнице женской ялт[инской] гимназии, Варваре Константиновне Харкеевич, восторженной даме, обожательнице писателей. На Пасхе мы пришли к ней и не застали дома. Пошли в столовую, к пасхальному столу и, веселясь, стали пить и закусывать.

Куприн сказал: «Давай, напишем и оставим ей на столе стихи». И стали, хохоча, сочинять и я написал:

В столовой у Варв. Константинны
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки
И вдруг ото всего ни крошки ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

1902

[Конспект:]

В Январе репетиция «Мещан» Г[орько]го. 20 Янв. Чехов пишет кому-то: Умер Соловцов... Оч. болен Толстой... Я привез «Детей Ванюшина»...

Я в Ялте?

31 янв. Чехов кому-то: «*Осенью* Бунина написано несвободно...»

Я в Птб.? Предложение Куприна Мусе Д[авыдовой]?

Февраль. Чехов кому-то: «Горький в Крыму» (кажется, у Токмаковых, на даче «Нюра»). Я в Одессе. Приезд туда «молодых» Андреевых[1] (в конце февраля). [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

24 Марта, Чехов: «В Ялту приезжают Бунин и Нилус[2]». С нами в Ялте был Телешов[3]. Нилус писал портрет Чехова. — Художник Ярцев, Варв. Конст. Харкеевич. Привезли больную Книппер.

Июль. Я под Одессой, на даче Гернета (есть запись).

Когда Вера Климович?

В сентябре: умер Зола; в Одессе чума. Очевидно, это тогда (в августе, вероятно) уплыл от чумы на пароходе из Одессы в Ялту.

Чехов, 26 сент: «Был Куприн, женатый на Давыдовой. Жена беременна».

20 Дек., Чехов: «*На дне* [Горького. — М. Г.] имело большой успех». Я был на первом представлении. Был весь конец осени в Москве?

Макс Ли? «Белый Негр»?

Карзинкин издал мои «Нов[ые] стихотворения».

[Запись от 6 июля 1902 года, сделанная в Одессе на даче Гернета (13-ая станция первого трамвая от Одессы на Большой фонтан).]

2 1/2 часа. Моя беленькая каморка в мазанке под дачей. В окошечко видно небо, море, порою веет прохладным ветром. Каменистый берег идет вниз прямо под окошечком, ветер качает на нем кустарник, море весь день шумит; непрестанно понижающийся и повышающийся шум и плеск. С юга идут и идут, качаются волны. Вода у берегов зеленая, дальше синевато-зеленая, еще дальше — лиловая синева. Далеко в море все пропадает и возникает пена, белеет, как чайки. А настоящие чайки опускаются у берега на воду и качаются, качаются, как поплавки. Иногда две-три вдруг затрепещут острыми крыльями, с резким криком взлетят и опять опустятся. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1903

[Конспект:]

1 Янв., Чехов: «Бунин и Найденов[1] в Одессе. Их там на руках носят». Мы с Н. жили в «Крымск. гост.» — Федоров и Лиза Дитерихс[2].

1 февр., Чехов: «Андреева 'В тумане' хорошая вещь». Когда Андр[еев] рассказывал мне тему этого рассказа?

16 февр., Чехов: «Бунин почему-то в Новочеркасске». Я был там у матери и Маши[3].

Март — я в Ялте.

14 марта Чехов: «Тут М-me Голоушева[4]». Я там с Федоровым и Куприным.

В начале апреля я с Федор[овым] уплыл в Одессу. Чехов: «Купр[ин] тоже уехал — в Птб». (Кажется, в Ялте был и Андреев).

Когда Елена Васильевна?

9 апреля я уплыл из Одессы в Константинополь.

[В архиве сохранилась копия (набросок?) письма Бунина брату. Письмо переписано на машинке, местами правка черными чернилами, рукой Бунина[5].]

Константинополь, 12 Апр. 1903 г. Вечер.

Милый Юлинька,

Выехал я из Одессы 9 Апр., в 4 ч. дня, на пароходе «Нахимов», идущем Македонским рейсом, т. е. через Афон. В Одессу мы приехали с Федоровым 9-го же утром, но никого из художников, кроме Куровского, я не видел. Да и Куровский отправлялся с детьми на Куликово Поле — народное гулянье — так что на пароход меня никто не провожал. Приехал я туда за два часа до отхода и не нашел никого из пассажиров первого класса. Сидел долго один и было на душе не то что скучно, но ти-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

хо, одиноко. Волнения никакого не ощущал, но что-то все таки было новое... в первый раз куда-то плыву в неизвестные края... Часа в три приехал ксендз в сопровождении какого-то полячка, лет 50, кругленького буржуа-полячка, суетливого, чуть гоноровитого и т. д. Затем приехал большой, плотный грек лет 30, красивый, европейски одетый, и наконец, уже перед самым отходом, жена русского консула в Битолии (близ Салоник), худая, угловатая, лет 35, корчащая из себя даму высшего света. Я с ней тотчас же завел разговор и не заметил, как вышли в море. «Нахимов» — старый, низкий пароход, но зыби не было, и шли мы сперва очень мирно, верст по 8 в час. Капитан, огромный, добродушный зверь, кажется, албанец, откровенно сказал, что мы так и будем идти все время, чтобы не жечь уголь; зато не будем ночевать возле Босфора, а будем идти все время, всю ночь. Поместились мы все, пассажиры, в рубке, в верхних каютах, каждый в отдельной. За обедом завязался общий разговор, при чем жена консула говорила с ксендзом то по русски, то по итальянски, то французски, и все время кривлялась á la высший свет невыносимо. И все шло хорошо ...медленно терялись из виду берега Одессы, лило вечерний свет солнце на немного меланхолическое море... Потом стемнело, зажгли лампы... Я выходил на рубку, смотрел на еле видный закат, на вечернюю звезду, но не долго: на верху было очень ветрено и продувало прохладой сильно. Часов в 10 ксендз ушел с полячком спать, грек тоже, а я до 12 беседовал с дамой — о литературе, о политике, о том, о сем... В 12 я лег спать, а утром, солнечным, но свежим, проснулся от качки, умылся, выпил чаю, пошел на корму... поглядел на открытое море, на зеленоватые, тяжелые волны, которые, раскатываясь все шире, уже порядочно покачивали паро-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ход, и почувствовал, что мне становится нехорошо — и чем дольше, тем хуже. [...] Затем заснул и проснулся в 11 ч. Балансируя, пошел завтракать, съел кильку, выпил рюмку коньяку, съел икры паюсной немного — и снова поплелся в каюту. Завтракал только капитан и полячок. Остальные лежали по каютам, и так продолжалось до самого входа в Босфор. Пустая кают-компания, утомительнейший скрип переборок, медленные раскачивания с дрожью и опусканиями — качка все время была боковая — тупой полусон, пустынное море, скверная серая погода... Проснусь, — ежеминутно засыпал, спал в общем часов 20, — выберусь на рубку, продрогну, почувствую себя снова еще хуже — и опять в каюту, и опять сон, а временами отчаяние: как выдержать это еще почти сутки? Нет, думаю, в жизни никогда больше не поеду. К вечеру мне стало лучше, но дурной вкус во рту, полное отсутствие аппетиту, отвращение к табаку и тупая сонливость продолжались все время. К тому же солнце село в тучи, качка усилилась — и чувство одиночества, пустынности и отдаленности от всех близких еще более возросло. Заснул часов в семь, снова выпил коньяку, — за обедом я съел только крохотный кусок барашка, — изредка просыпался, кутался в пальто и плэд, ибо в окна сильно дуло холодом, и снова засыпал. В 2 часа встал и оделся, падая в разные стороны: в 4 часа, по словам капитана, мы должны были войти в Босфор. Выбрался из кают-компании к борту — ночь, тьма и качка — и только. Сонный лакей говорит, что до Босфора еще часа 4 ходу. Каково! В отчаянии опять в каюту и опять спать. Вышел в 4 часа — холодный серый рассвет, но не признака земли, только вдали раскиданы рыбачьи фелюги под парусами... кругом серое холодное море, волны, а внизу — скрип, качка и холод... Снова заснул... От-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

крыл глаза — взглянул в окно — и вздрогнул от радости: налево, очень близко, гористые берега. Качка стала стихать. Выпил чаю с коньяком — и на рубку. Скоро сюда пришли и остальные, за исключением дамы, солнце стало пригревать, и мы медленно стали входить в Босфор...

До завтра, пора спать, 1/2 десятого. В противоположном доме, который от Подворья отделен улицей в 2 шага, музыка. Что-то [...] заунывно страстное. Играют, не знаю, на чем, — как будто на разбитом фортепиано... Теперь заиграли польку... В Подворьи тишина.

13 Апр. (воскресенье) 1903

Вход в Босфор показался мне диковатым, но красивым. Гористые пустынные берега, зеленоватые, сухого тона, довольно резких очертаний. Во всем что-то новое глазу. Кое-где, почти у воды, маленькие крепости, с минаретами. Затем пошли селения, дачи. Когда пароход, следуя изгибам пролива, раза два повернул, было похоже на то, что мы плывем по озерам. Похоже немного на Швейцарию... Подробно все расскажу при свидании, а пока буду краток. Босфор поразил меня красотою. К[онстантинополь] тоже. Часов в 10 мы стали на якорь, и я отправился с монахом и греком Герасимом в Андреевское Подворье. В таможне два турка долго вертели в руках мои книги, не хотели пропускать. Дал 20 к — пропустили. В Подворьи занял большую комнату. Полежав, отправился на Галатскую башню.

[Продолжение конспекта:]

Где я весной и летом? В Огневке? Летом, конечно, в Огневке, переводил «Манфреда»[6].

Конец сентября — я в Москве: Чехов из Ялты сестре (или Книппер?): «Скажи Бунину...»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В октябре — я тоже в Москве: Чехов 28 октября: «Бунину и Бабурину привет». Бабурин — Найденов.

[Впоследствии Бунин писал о Найденове[7]:]

[...] Мы познакомились с ним вскоре после того, как на него свалилась слава, — именно свалилась[8] — быстро стали приятелями, часто виделись, часто вместе ездили — то в Петербург, то на юг, то заграницу... В нем была смесь чрезвычайной скрытности и чисто детской наивности. [...]

[Продолжение конспекта:]

Любочка?

Декабрь — я в Москве, последние встречи с Чеховым[9]. Репетиции «Вишневого сада». Макс Ли[10]. (В ном[ерах] Гунста первая ночь — в это время или раньше?) Тут, кажется «Чернозем»[11].

24 Дек. мы с Найденовым уехали в Ниццу. Макс с нами — до Варшавы. Мы в Вену, она в Берлин[12].

[Теперь в сохранившихся конспектах Бунина наступает перерыв в несколько лет.

В 1904 году Бунин потерял сына, одаренного мальчика, умершего после скарлатины. Бунин, разлученный с сыном, нежно любил его всю жизнь.]

1905

[Записи, относящиеся к *1905* году, привожу по книге Веры Николаевны[1], так как оригиналов в архиве не нашла.]

В 1905 году, с конца сентября и до 18 октября я последний раз гостил в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова, жил с Марьей

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Павловной и «мамашей», Евгеньей Яковлевной. Дни стояли серенькие, сонные, жизнь наша шла ровно, однообразно и очень нелегко для меня: всё вокруг, — и в саду, и в доме, и в его кабинете — было, как при нем, а его уже не было! Но нелегко было и решиться уехать, прервать эту жизнь. Слишком жаль было оставлять в полном одиночестве этих двух женщин, несчастных сугубо в силу чеховской выдержки, душевной скрытности; часто я видел их слезы, но безмолвно, тотчас преодолеваемые; единственное, что они позволяли себе, были просьбы ко мне побыть с ними подольше: «Помните, как Антоша любил, когда вы бывали или гостили у нас!» Да и мне самому было трудно покинуть этот уже ставший чуть ли не родным для меня дом, — а я уже чувствовал, что больше никогда не вернусь в него, — этот кабинет, где особенно *всё* осталось, как было при нем: его письменный стол со множеством всяких безделушек милых, изящных, но всегда дививших меня, — я бы строки не мог написать среди них, — его узенькая, белая, опрятная, как у девушки, спальня, в которую всегда отворена была дверь из кабинета. А в кабинете, в нише с диваном (сзади кресла перед письменным столом), в которой он любил сидеть, когда что-нибудь читал, лежало «Воскресение» Толстого, и я все вспоминал, как он ездил к Толстому, когда Толстой лежал больной в Крыму, на даче Паниной.

[17-го октября 1905 года, узнав о революции, Бунин решил поспешно уехать из Ялты.]

«Ксения» 18 Октября 1905 года

Жил в Ялте, в Аутке, в чеховском опустевшем доме, теперь всегда тихом и грустном, гостил у Марьи Павловны. Дни всё время стояли серенькие, осенние, жизнь наша с М. П. и мамашей (Евгенией

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Яковлевной) текла так ровно, однообразно, что это много способствовало тому неожиданному резкому впечатлению, которое поразило нас всех вчера перед вечером, вдруг зазвонил из кабинета Антона Павловича телефон и, когда я вошел туда и взял трубку, Софья Павловна[2] стала кричать мне в неё, что в России революция, всеобщая забастовка, остановились железные дороги, не действует телеграф и почта, государь уже в Германии — Вильгельм прислал за ним броненосец. Тотчас пошел в город — какие-то жуткие сумерки и везде волнения, кучки народа, быстрые и таинственные разговоры — все говорят почти то же самое, что Софья Павловна. Вчера стало известно, уже точно, что действительно в России всеобщая забастовка, поезда не ходят... Не получили ни газет, ни писем, почта и телеграф закрыты. Меня охватил просто ужас застрять в Ялте, быть ото всего отрезанным. Ходил на пристань — слава Богу, завтра идет пароход в Одессу, решил ехать туда.

Нынче от волнения проснулся в пять часов, в восемь уехал на пристань. Идет «Ксения». На душе тяжесть, тревога. Погода серая, неприятная. Возле Ай-Тодора выглянуло солнце, озарило всю гряду гор от Ай-Петри до Байдарских Ворот. Цвет изумительный, серый с розово-сизым оттенком. После завтрака задремал, на душе стало легче и веселее. В Севастополе сейчас сбежал с парохода и побежал в город. Купил «Крымский Вестник», с жадностью стал просматривать возле памятника Нахимову. И вдруг слышу голос стоящего рядом со мной бородатого жандарма, который говорит кому-то в штатском, что выпущен манифест свободы слова, союзов и вообще всех «свобод». Взволновался до дрожи рук, пошел повсюду искать телеграммы, нигде не нашел и поехал в «Крымский Вестник». Возле редакции несколько человек чего-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

то ждут. В кабинете редактора (Шапиро) прочел, наконец, манифест! Какой-то жуткий восторг, чувство великого события.

Сейчас ночью (в пути в Одессу) долгий разговор с вахтенным на носу. Совсем интеллигентный человек, только с сильным малороссийским акцентом. Настроен крайне революционно, речь все время тихая, твердая, угрожающая. Говорит, не оборачиваясь, глядя в темную равнину бегущего навстречу моря.

Одесса 19 октября.

Возле Тарханкута, как всегда, стало покачивать. Разделся и лег, волны уже дерут по стене, опускаются все ниже. Качка мне всегда приятна, тут было особенно — как-то это сливалось с моей внутренней взволнованностью. Почти не спал, всё возбужденно думал, в шестом часу отдернул занавеску на иллюминаторе: неприязненно светает, под иллюминатором горами ходит зеленая холодная вода, из-за этих гор — рубин маяка Большого Фонтана. Краски серо-фиолетовые; рассвет и эти зеленые горы воды и рубин маяка. Качает так, что порой совсем кладет.

Пристали около восьми, утро сырое, дождливое, с противным ветром. В тесноте, в толпе, в ожидании сходен, узнаю от носильщиков, кавказца и хохла, что на Дальницкой убили несколько человек евреев, — убили будто бы переодетые полицейские, за то, что евреи будто бы топтали царский портрет. Очень скверное чувство, но не придал особого значения этому слуху, может и ложному. Приехал в Петербургскую гостиницу, увидал во дворе солдат. Спросил швейцара: «Почему солдаты?» Он только смутно усмехнулся. Поспешно напился кофию и вышел. Небольшой дождь, сквозь туман сияние солнца — и всё везде пусто:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лавки заперты, нет извозчиков. Прошел, ища телеграммы, по Дерибасовской. Нашел только «Ведомости Градоначальства». Воззвание градоначальника, — призывает к спокойствию. Там и сям толпится народ. Очень волнуясь, пошел в редакцию «Южного Обозрения». Тесное помещение редакции набито евреями с грустными серьезными лицами. К стене прислонен большой венок с красными лентами, на которых надпись: «Павшим за свободу». Зак, Ланде (Изгоев). Он говорит: «Последние дни наши пришли». — Почему? — «Подымается из порта патриотическая манифестация. Вы на похороны пойдете?» — «Да ведь могут голову проломить?» — «Могут. Понесут по Преображенской».

Пока пошел к Нилусу. Вдоль решетки городского сада висят черные флаги. С Нилусом пошел к Куровским. Куровский (который служит в городской управе) говорит, что было собрание гласных думы вместе с публикой и единогласно решили поднять на думе красный флаг. Флаг подняли, затем потребовали похоронить «павших за свободу» на Соборной площади, на что дума опять согласилась.

Когда вышел с Куровским и Нилусом, нас тотчас встретил один знакомый, который предупредил, что в конце Преображенской национальная манифестация уже идет, и босяки, приставшие к ней, бьют кого попало. В самом деле, навстречу в панике бежит народ.

В три часа после завтрака у Буковецкого[3] узнали, что грабят Новый базар. Уже образована милиция, всюду санитары, пальба... Как в осаде, просидели до вечера у Буковецкого. Пальба шла до ночи и всю ночь. Всюду грабят еврейские магазины и дома, евреи будто бы стреляют из окон, а солдаты залпами стреляют в их окна. Перед вече-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ром мимо нас бежали по улице какие-то люди, за ними бежали и стреляли в них «милиционеры». Некоторые вели арестованных. На извозчике везли раненых. Особенно страшен был сидевший на дне пролетки, завалившийся боком на сиденье, голый студент — оборванный совсем до гола, в студенческой фуражке, набекрень надетой на замотанную окровавленными тряпками голову.

20 октября.

Ушел от Буковецкого рано утром. Сыро, туманно. Идут кухарки, несут провизию, говорят, что теперь всё везде спокойно. Но к полудню, когда мы с Куровским хотели пойти в город, улицы опять опустели. С моря повсюду плывет густой туман. Возле дома Городского музея, где живет Куровский, — он хранитель этого музея, — в конце Софийской улицы поставили пулемет и весь день стучали из него вниз по скату, то отрывисто, то без перерыва. Страшно было выходить. Вечером ружейная пальба и стучащая работа пулеметов усилилась так, что казалось, что в городе настоящая битва. К ночи наступила гробовая тишина, пустота. Дом музея — большой трехэтажный — стоит на обрыве над портом. Мы поднимались днем на чердак и видели оттуда, как громили в порту какой-то дом. Вечером нам пришло в голову, что, может быть, придется спасаться, и мы ходили в огромное подземелье, которое находится под музеем. Потом опять ходили на чердак, смотрели в слуховое окно, слушали: туман, влажные силуэты темных крыш, влажный ветер с моря и где-то вдали, то в одной, то в другой стороне, то поднимающаяся, то затихающая пальба.

21 октября.

Отвратительный номер «Ведомостей Одесского Градоначальства». В городе пусто, только санита-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ры и извозчики с ранеными. Везде висят национальные флаги.

В сумерки глядели из окон на зарево — в городе начальство приказало зажечь иллюминацию. Зарево и выстрелы.

22 октября.

От Буковецкого поехал утром в Петербургскую гостиницу. Извозчик говорил, что на Молдаванке евреев «аж на куски режут». Качал головой, жалел, что режут многих безвинно-напрасно, негодовал на казаков, матерно ругался. Так все эти дни: все время у народа негодование на «зверей казаков» и злоба на евреев.

Солнце, влажно пахнет морем и каменным углем, прохладно.

В полдень пошел к Куровскому — город ожил, принял совсем обычный вид: идут конки, едут извозчики...

Часа в три забежала к кухарке Куровских какая-то знакомая ей баба, запыхаясь, сообщила, что видела собственными глазами — идут на Одессу парубки и дядьки с дрючками, с косами; будто бы приходили к ним нынче утром, — ходили по деревням и по Молдаванке — «политики» и сзывали делать революцию. Идут будто и с хуторов, всё с той же целью — громить город, но не евреев только, а всех.

Куровский говорит, что видел, как ехал по Преображенской целый фургон солдат с ружьями, — возле гостиницы «Империаль» они увидали кого-то в окне, остановили фургон и дали залп, по всему фасаду.

— Я спросил: по ком это вы? — «На всякий случай».

Говорят, что нынче будет какая-то особенная служба в церквах — «о смягчении сердец».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Был художник Заузе и скульптор Эдвардс. Говорили:

— Да, с хуторов идут...

— На Молдаванке прошлой ночью били евреев нещадно, зверски...

По Троицкой только что прошла толпа с портретом царя и национальными флагами. Остановились на углу, «ура», затем стали громить магазины. Вскоре приехали казаки — и проехали мимо, с улыбками. Потом прошел отряд солдат — и тоже мимо, улыбаясь.

«Южное Обозрение» разнесено вдребезги, — оттуда стреляли...

Заузе рассказывал: ехал вчера на конке по Ришельевской. Навстречу толпа громил, кричат: «Встать, ура государю императору!» И все в конке подымаются и отвечают: «Ура!» — сзади спокойно идет взвод солдат.

Много убито милиционеров. Санитары стреляют в казаков, и казаки убивают их.

Куровский говорит, что восемнадцатого полиция была снята во всем городе «по требованию населения», то-есть, думой по требованию ворвавшейся в управу тысячной толпы.

В городе говорят, что на Слободке Романовке «почти не осталось жидов!».

Эдвардс говорил, что убито тысяч десять.

Поезда все еще не ходят. Уеду с первым отходящим.

Сумерки. Была сестра милосердия, рассказывала, что на Слободке Романовке детей убивали головами об стену; солдаты и казаки бездействовали, только изредка стреляли в воздух. В городе говорят, что градоначальник запретил принимать депешу думы в Петербург о том, что происходит.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Это подтверждает и Андреевский (городской голова).

Уточкин, — знаменитый спортсмен, — при смерти; увидал на Николаевском бульваре, как босяки били какого-то старика еврея, кинулся вырывать его у них из рук... «Вдруг точно ветерком пахнуло в живот». Это его собственное выражение. Подкололи его «под самое сердце».

Вечер. Кухарка Куровских ахает, жалеет евреев, говорит: «Теперь уже все их жалеют. Я сама видела — привезли их целые две платформы, положили в степу — от несчастные, Господи! Трусятся, позамерзли. Их сами козаки провожали, везли у приют, кормили хлебом, очень жалели...»

Русь, Русь!

1906

[Москва, Васильевское, Ефремов, где Бунин встречал 1906 год, опять Москва, Петербург и опять Васильевское (Глотово), Ефремов и Москва.]

[24 ноября 1906 г. Бунин пишет П. Н. Нилусу:[1]]

Петр, прости Христа ради! Такой беспутной осени и не запомню. Я опять в Москве, — был только на минуту в деревне, — адрес все тот-же. [...] Завтра узнаю о твоем рассказе у Крашенникова. Немедленно присылай новый. Я устал и боюсь, что не дождусь тебя здесь, — уеду в деревню. [...]

[Но в эту «беспутную» осень произошла встреча с Верой Николаевной Муромцевой, с которой Бунин делил всю последующую жизнь. 4 ноября они встретились на литературном вечере. Вера Николаевна рассказывает в «Беседах с памятью»:[2]]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Взбежав на четвертый этаж, я, чтобы перевести дух, остановилась у приотворенной двери квартиры Зайцевых[3] и увидала в передней груду верхней одежды.

Доносилось невнятное чтение Вересаева. [...]

После Вересаева быстро занял его место Бунин и я услышала опять его хорошо поставленный голос.

Читал он просто, но каждый стих вызывал картину. [...]

После чтения хозяйка со свойственной ей живостью пригласила всех закусить. [...]

Разместились в большой тесноте. Я была знакома почти со всеми.

Привлекал меня Бунин. С октября, когда я с ним встретилась у больного поэта Пояркова, он изменился, похудел, под глазами — мешки: видно было, что в Петербурге он вел, действительно, нездоровый образ жизни, да и в Москве не лучше.

Я вспомнила его в Царицыне, когда впервые, почти десять лет назад, увидела его в погожий июньский день около цветущего луга, за мостом на Покровской стороне, с Екатериной Михайловной Лопатиной. Тогда под полями белой соломенной шляпы лицо его было свежо и здорово. [...]

Наговорившись и нахохотавшись, шумно поднялись, и столовая опустела. Я перешла к противоположной стене и остановилась в раздумье: не отправиться ли домой?

В дверях появился Бунин.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

Я рассердилась, но спокойно ответила:

— Так же, как и вы.

— Но кто вы?

— Человек.

— Чем вы занимаетесь?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Химией.

— Как ваша фамилия?

— Муромцева.

— Вы не родственница генералу Муромцеву, помещику в Предтечеве?

— Да, это мой двоюродный дядя.

— Я иногда видаю его на станции Измалково.

Мы немного поговорили о нем. Потом он рассказал, что в прошлом году был в Одессе во время погрома.

— Но где же я могу вас увидеть еще?

— Только у нас дома. Мы принимаем по субботам. В остальные дни я очень занята. [...]

В воскресенье, после зайцевского вечера, можно было выспаться. Днем к нам забежала Вероч-ка и сообщила, что они вчера все отправились в «Большой Московский». Передала, что Бунин в следующую субботу приедет к нам вместе с ними, и вихрем куда-то умчалась. [...]

[Завязалась дружба, начался роман:]

[...] Мы уже начали с Иваном Алексеевичем видаться ежедневно: то вместе завтракали, то ходили по выставкам, где удивляло меня, что он издали называл художника, бывали и на концертах, иногда я забегала к нему днем прямо из лаборатории, оставив реторту на несколько часов под вытяжным шкапом. Ему нравилось, что мои пальцы обожжены кислотами. [...]

1907

[Конспект:]

До середины января я в Васильевском. Потом в Москве.

Вечер в Воронеже?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сборники «Новое Слово», Крашенникова. Я их редактор. В феврале был в Птб. Зачем? Потом Москва. Вечер в Консерватории, читал «Дж[ордано] Бруно»[1] и другое. Приезд Федорова. «Стена» Найденова (?).

Во второй половине[2] февраля уехал в Васильевское. В Марте возвратился и ездил в Птб. Зачем?[3]

10 Апр. отъезд с В[ерой] в Палестину.

Возвратились в конце мая.

[Вера Николаевна рассказывает в «Беседах с памятью»:[4]]

В марте я наконец решилась поговорить с папой и как-то днем, вероятно, в воскресенье или в праздник, войдя к нему, сказала:

— Знаешь, я с Буниным решила совершить путешествие по Святой Земле.

Он молча встал, повернулся ко мне спиной, подошел к тахте, над которой висела географическая карта, и стал показывать, где находится Палестина, не сказав мне ни слова по поводу моего решения связать с Иваном Алексеевичем мою жизнь. [...]

И вот наступил день 10 апреля 1907 года[5], день, когда я резко изменила свою жизнь: из оседлой превратила ее в кочевую чуть ли не на целых двадцать лет.

Начались наши странствия со Святой Земли. [...]

Выехали мы из Москвы вечером. [...]

На вокзал я ехала с мамой. [...]

Когда мы приехали, Ян был там с братом Юлием Алексеевичем и двумя племянниками Пушешниковыми. [...]

На Одесском вокзале нас встречает Нилус в цилиндре и бежевом пальто.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Простите, что без цветов, — говорит он, целуя мою руку. — Иван телеграфировал: «приезжаем», а с кем — неизвестно. Я и подумал, что опять с Телешовым. [...]

[Там же, в «Беседах с памятью», Вера Николаевна подробно описывает их поездку[6]. Первый этап — Босфор, Константинополь, затем Стамбул, Галлиполи, Дарданеллы, Афины.]

К полудню мы прошли мимо Крита. Море терялось в лиловых далях. Мы долго сидели в креслах на спардеке, говорили о том, что завтра Африка, Египет, Александрия... [...]

[И, наконец:]

На горизонте показалась полоска земли, ко мне подошел Ян, и мы стали, молча, смотреть. — Яффа! — сказал он с волнением.

[Из Яффы они направляются в Иерусалим, вместе с музыкантом Д. С. Шором, с которым познакомились на пароходе. Шор ехал с отцом, старозаветным евреем, хотевшим перед смертью совершить паломничество в Палестину.]

Пансион небольшой. Комната наша во втором этаже выходит на какую-то крытую галлерею. На притолке у двери прибита деревянная коротенькая трубочка. Ян объяснил мне, что в ней заключаются десять заповедей[7].

Вечером мы выходим побродить, без всякой определенной цели. Доходим до западной стены, идем вдоль нее. Ян говорит о Христе.

Дома он вынимает Евангелие и дает Его мне, советуя читать особенно серьезно. [...]

[Осмотр Иерусалима, где все «строже, серьезнее», чем в Константинополе, Александрии, даже Яффе. Гроб Господень, Елеонская гора, Иоса-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

фова долина, Гроб Богоматери, Гефсиманский сад, «Виа долороза».

Поездка в Хеврон, а по дороге туда — Вифлеем.

Из Хеврона возвращаются другим путем, чтобы «поклониться могиле Рахили».

Сохранилась запись Бунина, относящаяся к этой поездке:]

23 Апреля 1907 г.

На пути из Хеврона, в темноте, вдали огни Иерусалима. Часовня Рахили при дороге. Внутри висят фонарь, лампа и люстра с лампадками. Но горит, трещит только одна из них. Старик Шор зашел за большую гробницу, беленую мелом, прислонился к стене и начал, качаясь, молиться.

Наш извозчик еврей из Америки. Когда вышли, услыхали крик в темноте возле нашей повозки: он чуть не подрался с каким-то проезжим, дико ругался, не обращал ни малейшего внимания на гробницу своей праматери.

[Вифания, Гора Искушения, Иерихон, Иордан, Мертвое море. Затем Сион, могила царя Давида, мечеть Омара, Гроб Господень, горница, где была Тайная Вечеря. Вера Николаевна вспоминает:]

В день отъезда из Иерусалима мы с Иваном Алексеевичем были утром на базаре. Купили провизию для вагона.

Затем уже знакомое: фаэтон, вокзал, маленький поезд, путь в Яффу... [...] Вечером разработка плана дальнейшего путешествия. Выбираем морской путь до Бейрута, а оттуда на Баальбек, Дамаск, Генисаретское озеро, Тивериаду, Назарет, Кайфу, Порт-Саид, Каир и Александрию, из Александрии же прямо в Одессу, из Одессы в Москву, а на лето в деревню[8].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Сохранились рукописные записи Ивана Алексеевича, относящиеся к этому времени:]

6 Мая 1907 г.

В час дня от ст. Raijak. Подъем. Среди голых гор дико-кирпичного цвета. Вдоль пути шум потока, деревья в зелени. Идет дождь. Все время теснина. Высоко на горах точно развалины крепостей.

1 ч. 45 м., ст. Serehaya. Зеленая покатая круглая равнина. Деревья, посевы, деревни с плоскими глиняными крышами. Кругом горы. Сзади огромная голая гора на фоне дождевой тучи и далекая лиловая гора. Возле станции, налево, тоже горы, дико-фиолетовые, в пятнах снега. Прохладно, скоро перевал.

По долине в зеленых посевах. Справа глиняные холмы. Слева скалистые горы. Впереди — исполинский величавый кряж — серебро с чернью. Перевалы пошли вниз...

Спуск. Земля [? — М. Г.] кирпично-глинистая. В посевах — женщины в чем-то цвета мака.

Ст. Zebdani, вся в садах. Женщины в шароварах, в синих юбках и туфлях, на головы накинуты куски темно-лиловой материи.

3 ч. 15 м. Ст. Aiu Fijeh. Поразительная гора над нею. Сады. Перед станцией большие [? — М. Г.] горы, каменно-серо-красноватые.

Тронулись. Теперь кругом горы даже страшные. Шумит зелено-мутная река. Мы едем — и она быстро бежит за нами.

Пошли сады, говорят — сейчас Дамаск.

4 ч. Дамаск.

Огромная долина среди гор, море садов и в них — весь желто- (неразборчиво написанное слово. — М. Г.) город, бедный, пыльный, перерезан-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ный серой, быстро бегущей мутно-зеленоватой Барадой, скрывающейся возле вокзала под землю. Остановились в Hôtel Orient. После чая на извозчике за город. Удивительный вид на Дамаск. Я довольно высоко поднимался на один из холмов, видел низкое солнце и Гермон, а на юге, по пути к Ерусалиму, три сопки (две рядом, третья — дальше) синих, синих. Возвращались вдоль реки — ее шум, свежесть, сады.

7 мая, 9 ч. утра.

На минарете. Вся грандиозная долина и желто-кремовый город под нами. Вдали Гермон в снегу (на юго-западе). И опять стрижи — кружат, сверлят воздух. Город даже как бы светит этой мягкой глинистой желтизной, весь в плоских крышах, почти весь слитный. Безобразные длинные серые крыши галлерей базара.

Потом ходили по этому базару. Дивный фон. Встретили похороны. Шор записал мотив погребальной песни, с которой шли за гробом.

[Вклеена бумажка с мотивом и надписью «Напев при похоронах в Дамаске. Бог, Бог един! Д. Шор. Май 1907 г»]

Магазин Hassan'a.

В 3 часа поехали за город. Пустыни, глиняное кладбище[9].

Большая мечеть — смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучше всего, как всюду, дворы мечети. Зашли в гости к гиду.

Вечером на крыше отеля. Фиолетовое на Гермоне. Синева неба на востоке, мягкая, нежная. Лунная ночь там-же. Полумесяц над самой головой.

8 мая.

Проснулся в 5. Выехали в 6[10].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Путь поразительно скучный — голые горы и бесконечная глинистая долина, камень на камне. Ни кустика, ни травки, ни единого признака жизни.

9 ч. 30. Пустыня, усеянная темно серыми камнями. Вдали фигура араба в черной накидке.

10 ч. Строющаяся станция. Пока это только несколько белых шатров. Очень дико. Три солдата-араба в синем, два бедуина, зверски-черных, в полосатых (белое и коричневое) накидках, в синих бешметах, в белых покрывалах, на голове схваченных черными жгутами, босые. Потом опять глинистая пашня, усыпанная камнями. Порой тощий посев. Пашут на волах. И все время вдали серебро с чернью — цепь гор в снегу с Гермоном над ними. Нигде ни капли воды.

2 часа. Тунель. Потом все время спуск в ущелье, среди серо-желто-зеленоватых гор и меловых обрывов, вдоль какой-то вьющейся речки, по берегам которой розовые цветы дикого олеандра (да́фля по арабски) и еще какие-то дикие, голубые. Поезд несется шибко. Жарко, весело, речка то и дело загорается серебром.

6 часов, Самак. Пустынно, дико, голо, просто.

Нашли лодку с 4 гребцами (за 10 фр.). Пройдя по совершенно дикарской и кажущейся необитаемой глиняной деревушке, вышли к озеру. Скромный, маленький исток Иордана. Озеро бутылочного цвета, кругом меланхолические, коричневые в желтых пятнах горы. Шли сперва на веслах, потом подняли парус. Стало страшно — ветер в суперках стал так силен, что каждую минуту нас могло перевернуть.

В Тивериаде отель Гросмана, оказалось, весь занят. Пошли ночевать в латинский монастырь. После ужина — на террасе. Лунно, полумесяц над головой, внизу в тончайшей дымке озеро. Ночью в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

келье-номере было жарко. Где-то кричал козленок[11].

9 мая.

Утром на лодке в Капернаум. Когда подходили к нему (в десятом часу) стало штилеть, желто-серо-зеленые прибрежные холмы начали отражаться в зеркалах под ними зеленоватым золотом. Вода под лодкой зеленая, в ней от весел извиваются зеленые толстые змеи с серебр[яными] поблескивающими брюхами.

Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У берега олеандры. Развалины синагоги. Раскопки. Монах итальянец.

Из Кап[ернаума] в Табху, на лодке-же. Из гребцов один молодой красавец, другой похож на Петра Ал.[12] в валеной ермолке. Тишина, солнце, пустынно. Холмы между Кап[ернаумом] и Таб[хой] сожженные, желтоватые, кое-где уже созревший ячмень. Возле Т[абхи] что-то в роде водян[ой] мельницы, домишко в ячмене, на самом берегу эвкалипты и два кипариса, молодых, совсем черных. Озеро млеет, тонет в сияющем свете.

В страннопримемном немецком доме. Полный штиль. У берегов на востоке четкая, смело и изящно-сильно пущеная полоса, ярко-зеленая, сквозящая. Ближе — водные зеркала, от отраженных гор фиолетово-коричневые. Несказанная красота!

[В. Н. рассказывает об этом вечере[13]:]

Вечерней зарей мы гуляли за монастырем, где колосилась тощая пшеница. Мир, покой и тишина царили над всей, уже позлащенной закатом страной. Мы долго сидели и на самом берегу озера, и золотой шар солнца медленно склонялся к горам, которые казались уже почти бесплотными в своей золотистой дымке.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян прочел мне свои новые стихи, которые он написал по дороге из Дамаска о Баальбеке, и сонет «Гермон», написанный уже здесь. Я выразила радость, что он пишет, что он так хорошо передает эту страну, но он торопливо перебил меня:

— Это написано случайно, а вообще еще неизвестно, буду ли я писать...

И перевел разговор на другое. Я тогда не обратила на это его замечание никакого внимания, но оно оказалось характерно для него.

Потом он заговорил о Христе:

— Вот в такие самые вечера Он и проповедывал... Надо всегда представлять прошлое, исходя из настоящего... Правда, зелени здесь было больше, край был заселен, но горы были такие же и солнце садилось все в том же месте, где и теперь, и закаты были столь же просты и прелестны...

Потом он заговорил об апостолах. Он больше всего любит Петра за его страстность. (Я же с детства любила больше всего Иоанна, как самого нежного).

— Петр самый живой из всех апостолов. Я лучше всех его вижу... Он и отрекался, и плакал... и потребовал, чтобы его распяли вниз головой, говоря, что не достоин быть распят так, как Учитель...

Очень интересовал его и Фома. — Хорошо было бы написать о нем, — говорил он. — Это вовсе не так просто, как кажется с первого взгляда, — это желание вложить персты в рану... [...]

[Продолжение записи Бунина:]

Завтрак, сон.

Три часа, сильный теплый западный ветер, зеленое озеро, мягко клонятся в саду мимозы в цвету, пальмочка[14].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

На террасу вошел работник в черной накидке на голове и черных жгутах по ней (на макушке), в одной синей рубахе, которую завернул ветер на голых ногах почти до пояса.

Сейчас около шести вечера, сидим на крыше. Ветер стал прохладней, ласковей. Воркуют голуби. Все кругом пустынно, задумчиво, озеро бутылочное, в ряби, которую, сгущая, натемняя, ветер гонит к холмам восточного прибрежья, из-за которых встало круглыми купами и отсвечивает в озере кремовое облако. Там, с тех холмов, сверг Христос в озеро стадо бесноватых свиней. Возле нас на жестких буграх пасутся козы, какой-то табор, совсем дикий, проехал на великолепной белой кобылице бедуин.

10 мая.

Утром в шесть часов купался. Бродяга с обезьяной. Приехал Шор. В девять выехали из Тапхи. Издали видел Магдалу. Дорога из Магдалы в Тивериаду идет вдоль берега. По ней часто ходил Христос в Назарет. Черные козы.

В Тивериаде очень жарко.

После завтрака выехали в Назарет. Гер Антон, милый Ибрагим. Подъем, с которого видно все озеро и Тивериада. На восток синева туч слилась с синевой гор и в ней едва видными серебряными ручьями означается Гермон. Перевал и снова подъем. Фавор слева, круглый, весь покрытый лесом. Длинная долина, посевы.

Кана. Кактусы, гранаты в цвету, фиговые деревья, женщины в кубовых платьях. Кана в котловине и вся в садах[15]. Подъем, снова долина, снова подъем, огромный вид на долину назад. Потом котловина Назарета. Отель Германия. Мальчик

Для сайта BOOK-OLDS.RU

проводник в колпачке на макушке. Церковь и дом Богородицы. Потом лунная ночь.

[Вера Ник. рассказывает[16]:]

В Назарет мы приехали в тот час, когда стада возвращаются домой; навстречу нашему спускающемуся вниз по улице экипажу поднимались черные козы с живописным пастухом позади.

У фонтана женщины в длинных синих рубашках, с платками, ниспадающими до самых пят, наполняли глиняные кувшины водой, ставили их на плечо и медленно, грациозно ступая, расходились по своим домам.

— Здесь ничего не изменилось, — сказал Ян, — вот так и Божья Матерь приносила домой по вечерам воду.

Мы как раз подъехали и остановились около дома Иосифа, где прошло детство и отрочество Иисуса, — темной без двери конуры.

— Да, да, — сказал Ян грустно, — вот на этом самом пороге сидела Она и чинила Его кубовую рубашку, такую же, как и теперь носят здесь. Легенда говорит, что Они были так бедны, что не могли покупать масло для светильника, а чтобы Младенец не боялся и засыпал спокойно, в Их хижину прилетали светляки. [...]

[Бунин продолжает:]

11 мая.

Утром из Назарета. Необъятная долина и горы Самарии. Потом подъем, ехали дубовым лесом. Снова долина и вдалеке уже полоса моря.

Удивительный цвет залива в Кайфе сквозь пальмы. В четыре на Кармель[17]. Вид с крыши монастыря Ильи, виден Гермон. Лунный вечер, — это уже возвратясь в Кайфу, — ходил за вином[18].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

12 мая.

Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце. До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривой. Закат во время обеда.

13 мая. Порт-Саид.

Купил костюм. В час из Порт-Саида, в экспрессе на Александрию. Озеро Мензалех. Вдали все розовое, плоский розовый мираж. В шестом часу Каир — пыльно-песчаный, каменистый, у подножия пустынного кряжа Мокатама.

Вечером на мосту. Сухой огненный закат, пальма, на мосту огни зеленоватые, по мосту течет река экипажей.

Ночью почти не спал. Жажда, жара, москиты. В час ночи ходил пить в бар. Проснулся в пять. К пирамидам. Туман над Нилом. Аллея к пирамидам — они вдали, как риги, цвета старой соломы. Блохи в могильниках за пирамидами. На возвратном пути Зоологический.

Вечером в цитадели. Новая, но прелестная мечеть. Вид на Каир, мутный и пыльный, ничтожный закат за великой Пирамидой.

[Вера Ник. вспоминает[19]:]

На Цитадель мы поднялись как раз вóвремя, за четверть часа до заката. У ворот нас встречает очень приятный человек в белой чалме и ласково предлагает свои услуги. Он прежде всего ведет нас к колодцу Иосифа, который волнует нас своей древней простотой. В мечеть мы только заглядываем, она в стиле Айа-Софии. Двор ее большой, чистый, выложен мрамором, обнесен высокими стенами, с фонтаном посреди. Цитадель построена Саладином в XII веке, на нее пошли камни с малых пирамид.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Нас тянет к себе западная стена, оттуда открывается вид на весь Каир; сначала мы видим Старый Каир с лесом минаретов, затем Новый, далее Нил, пирамиды, пустыню...

[Продолжение записей Бунина:]

15 мая.

Выехали в семь с половиной часов утра. Равнина. Рамле. Александрия. «Император Николай Второй». Все загружено русскими богомольцами из Палестины. Та-же каюта.

[Вера Ник.[20]:]

Ян предлагает ехать завтракать в Александрию:

— Закажем морской рыбы, кебаб...

Берем извозчика и едем в ресторан. Потом бродим немного по улице Шерифа Паши, любуемся в окнах переливающимися серебром, шалями, шарфами, кружевами, страусовыми перьями необыкновенной величины. Затем направляемся к морю, там не так знойно. [...]

[Последняя запись Бунина:]

16 мая, утром, в Средиземном море.

Опять эта поразительная сине-лиловая, густая, как масло, вода, страшно яркая у бортов.

[Сбоку почерком Бунина приписано:]

Вчера вечером страшная резня кинжалами на палубе (самаркандские евреи).

Четыре часа. Слева волнист[ые] линии Крита, в дымке. У подножия — светлый туман.

[В. Н. продолжает рассказ[21]:]

В Пирей мы только завернули, а потому в Афины на этот раз не поехали. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян опять восхищается сухостью и пустынностью островов.

— Как нужно все видеть самому, чтобы правильно все представить себе, а уж если читать, то никак не поэтов, которые все искажают. Редко, кто умеет передать душу страны, дать правильное представление о ней. Вот за что я люблю и ценю, например, Лоти. Он это умеет и всегда все делает по-своему. Я удивлен, как он верно передал, например, пустыню, Иерусалим. Ты обязательно прочти это... [...]

Дарданеллы мы проспали, они были на заре. Мраморное море показалось нам иным, оно не имело на этот раз мраморных разводов.

Ян то читал Саади и все восхищался им, то спускался к паломникам. И я иногда слышала, какой взрыв смеха вызывали его шутки. [...]

В Константинополе мы остались ночевать на пароходе. [...]

[Стамбул, Скутари. Каваки.]

[...] Завтра Одесса, а там Москва [...]

— Вот и Большой Фонтан, — говорит Ян, указывая на что-то белое, блестящее. — Это маяк, он стоит у монастыря. Я очень люблю это место, хорошо было бы провести здесь лето. Если бы не мать, я так бы и сделал...

Спустя час, мы входим в порт. [...]

[Нилус, Куровский, Федоровы — радушный прием путешественников. Затем:]

[...] На вокзал проводить нас приехали друзья Яна. Цветы, прощанье. Наконец, мы двинулись. И вот опять вдвоем в купе, более просторном, чем на других дорогах... Завтра утром Киев, послезавтра Москва. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В вагоне мы стали говорить о наших планах по приезде в Москву. Мне нужно было пробыть там некоторое время. [...] Яну же в Москве делать нечего, он должен заехать перед деревней в Грязи, к матери, которая жила у его сестры Маши. Ему хотелось успеть выехать туда в день приезда.

Лето мы будем проводить в имении Софьи Николаевны Пушешниковой, в шести верстах от Предтечева, где была земля и моего деда[22].

[Побывав у матери, Бунин направился в Васильевское, куда в начале июня приехала и Вера Николаевна. Он пишет писателю Н. Телешову 6 июня 1907 г.:]

Я уже давно в деревне, выехал сюда тотчас же по приезде в Москву, а Вера Николаевна приезжает ко мне только сегодня[23].

[В очерках «Первые впечатления от Васильевского» и «Будни в Васильевском»[24], Вера Ник. пишет:]

[...] Наконец, Измалково. Обычная деревенская станция с высокими деревьями вдоль платформы. Знакомый синий костюм, и чуть-чуть встревоженные густо-синие глаза.

— Здорова? — слышу знакомый голос.

Ян не один, что меня чуть задевает: с ним его племянник Коля Пушешников, которого он очень любит и с которым он близок. Это очень одаренный от природы молодой человек. [...]

Выехав из села, мы стали спускаться вдоль тенистого сада графа Комаровского. Ян сказал мне, указывая вправо на дорогу, поднимающуюся в гору:

— А вот тут сворачивают в Предтечево...

[...] на пригорке, за темными елями серый одноэтажный дом, смотрящий восьмью окнами, — дом, где я буду жить. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Комната моя (гостиная) оклеена темными обоями, велика, со старой мебелью и новой кроватью. [...]

Рядом комната Яна, угловая, с огромными старинными темными образами в серебряных ризах, очень светлая и от белых обоев и от того, что третье окно выходит на юг, на фруктовый сад, над которым вдали возвышается раскидистый клен. Мебель простая, но удобная: очень широкая деревянная кровать, большой письменный стол, покрытый толстыми белыми листами промокательной бумаги, на котором кроме пузатой лампы с белым колпаком, большого пузыря с чернилами, несколько [— их?] ручек с перьями и карандашей разной толщины, ничего не было: над столом полка с книгами, в простенке между окнами шифоньерка, набитая книгами, у южного окна удобный диван, обитый репсом, цвета бордо.

Другая одностворчатая дверь вела в полутемную комнату, в которой стоял кованный сундук Яна тоже с книгами, и умывальник. [...]

После нескольких дней праздной жизни мы принялись за свои дела. Ян без меня не начинал работать, а между тем ему уже хотелось, хотя он высказывал опасения насчет своей бездарности. Мне тоже было пора готовиться к оставшимся выпускным экзаменам. [...]

[...] Ян после моего прибытия все только читал (он всегда перед писанием много читал). [...]

После этого он довольно долго писал стихи. А затем на прогулках читал их, иногда вызывая длинные разговоры, иногда споры. [...]

[В другом очерке Вера Николаевна пишет[25]:]

Из Васильевского, [...] мы поехали в уездный город Ефремов к матери Яна[26]. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Дом Евгения Алексеевича[27], выделяясь своим красным кирпичным фасадом, находился на Тургеневской улице. [...]

В дверях останавливаюсь, оглядываю увешанную картинами гостиную с мягкой мебелью и большими растеньями, затем вижу худую несколько согнутую женщину в темном платье, с кружевной черной наколкой на еще чуть седых волосах, смотрящую темными немного измученными глазами на сына. Это и есть его мать. Людмила Александровна. Удивляюсь ее бодрости, — ведь ей за семьдесят, и она уже много лет по ночам страдает астмой, лежать не может, дремлет в кресле. [...]

Там мы сели в беседке, и тут только Людмила Александровна ласково заговорила со мной.

Расспрашивала о Святой Земле, о Иерусалиме, — она была глубоко религиозным человеком, — высказывала пожелание съездить в Киев, поклониться мощам, — «Ваня свезет», говорила она трогательно. Потом расспрашивала о нашей жизни в Васильевском, вспоминала, как она с детьми и Машей жила там, в тех же комнатах, в каких живем теперь мы, когда ее зять Ласкаржевский был призван во время японской войны.

Потом я стала расспрашивать ее о Ване. Она сказала, что он с самого рождения сильно отличался от остальных детей, что она всегда знала, что «он будет особенный», и «ни у кого нет такой тонкой и нежной души, как у него» и «никто меня так не любит, как он» — говорила она с особенно радостным лицом. В этой беседе я почувствовала, что она считает, что лиризм и поэтичность сын унаследовал от нее. Я думаю, что она была совершенно права: от отца он получил образность языка, силу воображения и художественность образов.

Потом она говорила, что ему пришлось труднее, чем братьям, что он ничего не получил из их

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бывшего состояния, что он ушел в жизнь с «одним крестом на груди» и что «Юлий был его путеводителем».

Затем она предалась воспоминаниям, как он в Воронеже моложе двух лет ходил в соседний с их домом магазин за конфеткой, как его крестный, генерал Сипягин, уверял ее, что он будет большим человеком, генералом... Как с самых ранних пор он больше всего любил природу, и в детстве, когда еще не умел произносить буквы «р», он потихоньку будил Машу, и они с ней вылезали неслышно в окно, чтобы на гумне встречать «зою» (зорю), а чтобы она не заснула, рассказывал ей сказки. Рассказывал он и тогда хорошо, а любил больше всего «Аленький цветочек». [...]

[В очерке «Глотово»[28] Вера Николаевна описывает ярмарку на Кирики — Престольный праздник 15 июля, приезд родных Ивана Алексеевича, знакомство с троюродным братом Буниных — В. Н. Рышковым и его семьей.

В конце августа Вера Ник. с Колей Пушешниковым уехали в Москву. В первых числах сентября 1907 года вернулся в Москву и Бунин и остановился у Муромцевых. В. Н. вспоминает[29]:]

Комнаты Яну понравились. В его кабинете, выходившем в гостиную, стояла тахта, большой письменный стол, над которым висел мой портрет гимназисткой, в профиль. [...] Ян любил эту фотографию. [...]

За обедом Юлий Алексеевич сообщил, что Телешовы еще на даче. Они 8 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, пригласили своих друзей на целый день. Меня это огорчило, — в этот день рождение папы, и мне неудобно было бы уехать из дому[30].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Зайцевы вернулись из Италии, куда они поехали после Парижа, там встретились с друзьями, все влюбились в эту страну. [...]

Недели три мы тихо прожили, Ян ввел кой-какие нововведения, попросил, чтобы на сладкое ему ежедневно варили яблочный компот.

В середине сентября[31] он отправился в Петербург, надо было распродать написанное летом. [...]

Побывал он в издательстве «Шиповник», издателем которого были Копельман и Гржебин. Они решили выпускать альманахи под редакцией Б. К. Зайцева. Для первого альманаха «Шиповник» приобрел у Бунина «Астму». [...]

В Москве появился некий Блюменберг, основавший издательство «Земля» и пожелавший выпускать сборники под тем же названием. Он предложил Ивану Алексеевичу стать редактором этих сборников. Шли переговоры за долгими завтраками. Ян был оживлен, но не сразу дал согласие. Сошлись на том, что редактор будет получать 3.000 рублей в год, условия хорошие. Ян принялся за дело с большим рвением.

[...] Ян то и дело отлучался в Петербург, ему необходимо было повидаться с Пятницким[32], узнать, как идут дела «Знания». «Шиповник» переманивал его к себе, как переманил Андреева и некоторых других писателей. Но Ян уклонился от окончательного ответа, хотя условия «Шиповник» предлагал заманчивые. [...]

[14 окт. 1907 г. Бунин пишет П. Нилусу:]

[...] только что вернулся из Птб., где уже с месяц танцую кадриль с «Шиповн[иком]». Пятницкий все еще заграницей, и «Шиповн[ик]», пользуясь этим, хочет оплести меня — перевести к себе, издавать мои книги и осыпать золотом. А я все боюсь — и жду Пятницкого. Говорят, приедет

Для сайта BOOK-OLDS.RU

через неделю и, кто знает, может быть, опять я буду в Птб. — уже четвертый раз! Просто замучился.

Слышал ли ты про судьбу моего «Каина»[33]? Его хотел поставить Художж[ественный] Театр и дать мне тысяч 10 за 2 сезона, но воспротивился Синод! Адам, Ева, Авель — святые! — Впрочем, надежда на постановку еще не совсем потеряна. [...]

[В октябре приехал в Москву Леонид Андреев. В «Беседах с памятью» В. Н. пишет[34]:]

[...] смотрела на Андреева. Он немного постарел и стал полнее с тех пор, как я видела его в «Кружке», показался даже немного ниже ростом, потому что стоял рядом с высоким Голоушевым. [...]

Сразу завязался оживленный разговор, сначала о Горьком, о Капри... Я смотрела на черные с синеватым отливом волосы Андреева, на его руки с короткими худыми пальцами, на красивое (до рта) лицо, увидела, что он смеется, не разжимая рта, — зубы у него плохие, — что черный бархат его куртки мягко оттеняет его живописную цыганскую голову. Говорил он охотно, немного глухим однообразным голосом. Услышав меткое слово, остроумное замечание, заразительно смеялся. О Горьком говорил любовно, даже с некоторым восхищением, но Капри ему не нравилось, — «слишком веселая природа». Он решил построить дачу в Финляндии: «Юга не люблю, север другое дело! Там нет этого бессмысленного веселого солнца».

Затем начались разговоры о его работах. Он говорил о них с особенным удовольствием. Он только что закончил трагедию «Царь-Голод», а новая повесть его «Тьма» скоро должна была появиться в альманахе «Шиповник».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— «Знание», — говорил он, — не простит мне этой измены, но мне нужны деньги, а «Шиповник» гораздо щедрее на гонорары.

Затем он внезапно заявил: — Страшно хочется в «Большой Московский», — еще ни разу не был после возвращения из-за границы. [...]

[В дневничке-конспекте Веры Николаевны, между прочим, отмечено:]

Вечера и ночи у Андреева в Лоскутной. Много вина, шампанского и бесконечные разговоры, уверения Андреева в своей любви к Яну.

Приезжал в Москву и Найденов. Бунин любил его — тяжелый человек, но до чего прекрасный, редкого благородства!

[Когда Вера Ник. покончила с экзаменами, она с Иваном Алексеевичем поехала в Петербург:]

Остановились в «Северной гостинице», против Николаевского вокзала[35]. Первым делом Ян позвонил по телефону М. К. Куприной, она пригласила нас к обеду, сказав, что у нее будет адмирал Азбелев и Иорданский, оба сотрудники ее журнала. [...]

Вскоре в дверях, немного сутулясь, появился Куприн[36] с красным лицом, с острыми, прищуренными глазками. Его со мной познакомили. Александр Иванович молча, грузно опустился на стул между хозяйкой и мною, неприязненно озираясь. Некоторое время все молчали, а затем загорелся диалог между Куприными, полный раздраженного остроумия. [...]

[...] Ян побывал у Блока и приобрел у него стихи, заплатив по два рубля за строку. Блок произвел на него впечатление воспитанного и вежливого молодого человека. Вечером мы поехали в «Вену» и ужинали в этом популярном ресторане

Для сайта BOOK-OLDS.RU

средней руки. Хозяин любил литературу и даже завел книгу, куда литераторы вносили свои впечатления. Около полуночи в зал стремительно вошел Блок с высокой, красивой женой, на ней было блестящее розовое платье и что-то похожее на золотую корону. [...]

[Встреч было много — и Андреев с матерью, и Скиталец, Серафимович, Юшкевич, Копельман, и проф. Гусаков, проф. Гессен, С. Рахманинов, и Ростовцевы, художник Бакст, проф. Котляревский, поэтесса Крандиевская, писательница Леткова-Султанова и многие, многие другие — сливки петербуржского культурного общества того времени.

В конце ноября опять Москва, генеральная репетиция Андреевской пьесы «Жизнь человека». Наконец, накануне Рождества, отъезд в деревню. В. Н. вспоминает:]

Ян в деревне опять стал иным, чем в городе. Все было иное, начиная с костюма, и, кончая распорядком дня. Точно это был другой человек. В деревне он вел строгий образ жизни: рано вставал, не поздно ложился, ел во́-время, не пил вина, даже в праздники, много читал сначала, а потом стал писать. Был в ровном настроении.

К праздникам относился равнодушно. Не выходил к гостям Пушешниковых. Сделал исключение для моих [предтеченских. — М. Г.] родственников, которые у нас обедали. За весь месяц Ян только раз нарушил расписание своего дня.

1908

[В архиве сохранились листки, на которых почерком И. А. Бунина записано, какая была погода в определенные дни. Почерком Веры Ник. на листках написано: 1908?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Привожу некоторые из записей:]

1,2 Янв. —7, метель, 5 Янв. +10, дождь, 11 Янв. —5, солнечно, 16, 17 Янв. —6, метель, 19 Янв. —6, солнечно, лун. н., 28-30 Янв. морозы —25, 1 Февр. —5.

[Вера Николаевна продолжает рассказ в «Беседах с памятью»:]

По вечерам Ян не писал. После ужина мы выходили на вечернюю прогулку, если бывало тихо, то шли по липовой аллее в поле. Любовались звездами, Коля знал превосходно все созвездия.

[По свидетельству Веры Николаевны, Бунин писал в то время «Иудею», просматривал «Море богов», «Зодиакальный свет». Начал переводить «Землю и небо» Байрона, писал стихи, а в конце своего пребывания у Пушешниковых написал «Старую песнь».

В дневничке-конспекте Веры Ник. сказано, что Бунин с Н. Пушешниковым вернулись в Москву в середине января, однако, по записям погоды того года, вернее, что в начале февраля. Эти записи прерываются после 1-го февраля и возобновляются только 12, 13 марта. Вероятно, именно тогда и вернулся Бунин в Васильевское после краткого пребывания в Москве и волнений относительно здоровья серьезно заболевшей сестры.

Судя по записям погоды, в деревне Бунин пробыл весь март[1]. Вера Николаевна пишет[2]:]

Вскоре Ян получил приглашение выступить на вечере в Киеве. Он с радостью туда поехал. Из Киева отправился в Одессу, хотел немного отдохнуть среди друзей-художников, но внезапно оттуда уехал, получив от меня письмо. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[8 апреля 1908 года Бунин пишет из-под Конотопа П. А. Нилусу:]

Дорогой друг, заслушай сам и передай товарищам, которых я очень люблю, что я уезжаю все дальше от Одессы, совершенно не насыщенный ею, уезжаю с большой грустью, что мало виделись, много истратили времени на кабаки, будь они прокляты, и не поговорили как следует... в чем виновато, конечно, то, что была полярная погода, что приехал я наспех и еще очень подавлен московской зимой и участью сестры и матери. Расставаясь с тобой, не имел твердого намерения уехать, но, вернувшись в гостиницу, получил письмо от Веры Ник., из которого понял, что она весьма хочет поскорее в деревню.

Стоит-ли только забиваться в деревню, за работу сейчас? Сижу и мечтаю проехать туда на несколько дней, и затем взять Веру Ник., к[ото]рая тоже очень устала, и поехать с ней через Одессу в Крым недельки на две, на три. Это было бы очень недурно уже потому, что ехать за границу, — а Вера Ник. очень мечтала об этом, — нельзя, ибо нельзя бросить на долго сестру и мать, да и нервирует заграница. [...]

[В Великую Субботу, 12 апреля Бунин и Вера Ник. из Москвы уехали в Ефремов навестить мать Бунина, потом 20 апреля поехали в Глотово. «Чудесная погода. Редкая весна», записано у Веры Ник. Но, видимо, погода вскоре резко изменилась, в конспекте погоды у Бунина сказано: «24 Апр. Так холодно, что полушубок. 29 Апр. Холод, весь день дождь. Но все зелено и соловьи. 15 Мая. Белые облака яблочного цвета с розовым оттенком на фоне нежной зелени. Во всех комнатах запах ландышей».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Согласно записям Веры Ник., Бунин за это лето написал: «Бог полдня», «Иудею», «Долину Иосафа», «Последние слезы», «Рыбачку», «В Архипелаге» (?), «Иерихон», «Гробницу Рахили», «Люцифер», «Бедуин», «Солнечные часы», «За Дамаском», «Караван».

В конце августа — Москва, затем Петербург.

Осенью 1908 года Бунин писал П. А. Нилусу:]

[...] Кручусь, как в водовороте, а тут еще инфлуэнца замучила. Послал тебе несколько сонетов, посылаю еще — напиши свое мнение. [...]

Бронхит у меня такой и устал я так, что не миновать ехать или в Крым, или заграницу. Но туда-ли, сюда-ли — все через Одессу. Собираемся выехать в конце октября. [...]

[Однако, планы не осуществились, в ноябре опять поехали в деревню, на этот раз одни. В. Н. вспоминает:]

[...] я уже тяготилась родственниками Яна, с которыми он проводил почти все досуги, ему же хотелось, чтобы я слилась с ними[3]. [...]

[Сохранилось письмо Нилусу:]

20 ноября 1908 (Ст. Измалково, Юго-Вост. ж. д.)

[...] Мне *очень* хочется тебя видеть. Приехал в деревню с обязательством хоть умереть, а написать рассказ к началу декабря. Потом я свободный мальчик. *Когда именно поедешь на север?* Где бы то ни было, а надо встретиться. [...]

[Встреча произошла в Москве, и Иван Алексеевич вернулся в деревню с Колей Пушешниковым.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1909

[2 января 1909 года Бунин пишет Нилусу:]

[...] Был и я болен с неделю, только нынче чувствую себя мало мальски сносно. Дьявольский насморк, жар, гастрит — и такой геморой, что и Павлыч бы позавидовал. Это меня выбило из седла, а то было работалось недурно. [...]

[10 января 1909 года он пишет:]

[...] Мои планы таковы: досидеть здесь, если возможно — хотя устал очень, — до начала февраля. Затем на несколько дней — Москва. Затем — в середине февраля — в Одессу недели на две. К 1-му марта туда подъедет Вера и поехать за границу. [...]

[Планы, видимо, несколько изменились: в Одессу Бунин поехал вместе с Верой Николаевной и 28 февраля они уехали за границу. «Вена, Инсбрук, Бреннер-Пасс, Верона, Рим, Неаполь, Капри, Горькие, «Отель Пагано», записывает в дневничке-конспекте В. Н.

Поездка эта описана в «Беседах с памятью», Италия[1]:]

[...] Хотя мы платили в «Пагано» за полный пансион, но редко там питались. Почти каждое утро получали записочку [от Горьких. — М. Г.], что нас просят к завтраку, а затем придумывалась всё новая и новая прогулка. На возвратном пути нас опять не отпускали, так как нужно было закончить спор, дослушать рассказ или обсудить «животрепещущий вопрос». [...]

[17 марта, как отмечено в дневничке В. Н., именины Горького, танцы, тарантелла, пение, мандолина, стихи.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19 марта отъезд на пароходе в Сицилию:]

[...] Несколько дней мы осматривали столицу Сицилии, смотрящую на север, в бухте которой никогда не отражаются ни солнце, ни месяц.

Мы восхищались замечательными византийскими мозаиками, испытывали жуткое чувство при виде мумий, лишь едва истлевших в подземелье какого-то монастыря. Особенно жуткое впечатление произвела невеста в белом подвенечном платье.

Из Палермо мы отправились в Сиракузы. [...] Оттуда поехали в Мессину, где испытали настоящий ужас от того, что сделало землетрясение.[...]

[26 марта опять на Капри:]

[...] Ян всегда был в ударе. Нужно сказать, что Горький возбуждал его сильно, на многое они смотрели по-разному, но все же г л а в н о е они любили по-настоящему. [...]

[2 апреля в дневничке у В. Н. записано:]

Рим захватил меня. Погода дивная. С 9 ч. до 9 осмотр города, в 9 спать.

[В Риме прожили неделю. «Еще не раз приедем сюда, — говорил Бунин, — и увидим пропущенное». 9 апреля вернулись на Капри. В. Н. пишет:]

Последнее наше пребывание на Капри было тихое, мы продолжали почти ежедневно бывать у Горьких. Иногда втроем — писатели и я — гуляли. Они часто говорили о Толстом, иногда не соглашались, хотя оба считали его великим, но такой глубокой и беззаветной любви, какая была у Ивана Алексеевича, я у Горького не чувствовала. Алексей Максимович рассказывал о пребывании

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Льва Николаевича в Крыму, в имении графини Паниной, в дни, когда боялись, что Толстой не перенесет болезни, и о том, как один раз взволнованная Саша Толстая верхом прискакала к нему о чем-то советоваться. Вспоминал он, как однажды видел Льва Николаевича издали, когда тот сидел в одиночестве на берегу:

— Настоящий хозяин! — повторял он — настоящий хозяин! [...]

Когда [Горький. — М. Г.] вспоминал сына, всегда плакал, но плакал он и глядя на тарантеллу, или слушая стихи Яна.

Пил он всегда из очень высокого стакана, не отрываясь, до дна. Сколько бы ни выпил, никогда не пьянел. Кроме асти на праздниках, он пил за столом только французское вино, хотя местные вина можно было доставать замечательные. В еде был умерен, жадности к чему-либо я у него не замечала. Одевался просто, но с неким щегольством. [...]

[Осмотрев Помпею, Бунины 12 апреля 1909 отплыли на итальянском пароходе назад в Одессу.]

[...] В первом классе[2], кроме нас, был всего один пассажир — лицеист из Петербурга, проигравшийся в Монте Карло. [...]

Иногда мы проводили с ним время на спардеке и вели беседы на разные темы. Зашел разговор о социальной несправедливости. Лицеист был правого направления. Ян возражал:

— Если разрезать пароход вертикально, то увидим: мы сидим, пьем вино, беседуем на разные темы, а машинисты в пекле, черные от угля, работают и т. д. Справедливо ли это? А главное, сидящие наверху и за людей не считают тех, кто на них работает. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Подружившись с моряками, мы везде побывали, куда обычно пассажиров не пускают.

Я считаю, что здесь зародился «Господин из Сан-Франциско». [...]

[Афины. Константинополь, наконец, 26 апреля — Одесса. Нилус, Куровский, Федоров — одесские друзья Бунина. В. Н. пишет:]

[...] я познакомилась с художником Буковецким [...] Это был человек с большим вкусом и с причудами, со строгим распределением дня. [...] Теперь он жил один, но всё свободное время от работы и всяких личных дел — свои досуги — он делил с Петром Александровичем Нилусом с которым жил в самой нежной дружбе.

Кроме писания портретов и ежедневной игры на рояле по вечерам, Буковецкий ничем больше не занимался (Петр Александрович Нилус вел все его дела). У него на самом верху дома была прекрасная мастерская, устланная коврами, с удобной мебелью и огромным окном над тахтой. В этой студии было много икон, которые он собирал. [...]

По приезде в Москву[3] Ян сразу стал торопиться уехать, — была больна его мать. Побывали у тех, кто присутствовал на открытии памятника Гоголя и на всяких заседаниях и раутах. Побывали мы и у Зайцевых. Они много рассказывали. Говорили и про скандал на докладе Брюсова. В Москве очень им возмущались, говорили, что это не торжественная речь. Люди шикали, свистели. Робкие аплодисменты слабо боролись со свистом. Рассказали Зайцевы и о рауте в Думе, где они весь вечер провели с Розановым. [...]

Мнения о памятнике были различные. Рассказывали о том удивлении, которое он вызвал, когда спала с него завеса. Словом, Москва до лета пере-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

живала впечатления торжеств по случаю столетия со дня рождения Гоголя.

[13 мая 1909 г. Бунин писал из Москвы Нилусу:]

[...] у меня опять беда: больна мать. Если же останусь до субботы, то все таки выеду в субботу вечером — вместе с братом Юлием (Вера приедет в деревню в конце мая, а Коля уже уехал: повалил на себя горящую лампу, запылал, спасся, накинувши на себя одеяло, но все таки обжегся, обрился — и удрал). Юлий взял заграничный паспорт — и будет (вместе с другим племянником, Митей) 30-го или 29-го *в Одессе*, откуда 31-го хочет отплыть в Константинополь, Смирну и Афины. Дальше ехать не хочет. [...]

[В архиве сохранились переписанные на машинке **записи Бунина:**]

26 Мая 1909 г.

Перед вечером пошли гулять. Евгений, Петя и дьяконов сын пошли через Казаковку ловить перепелов, мы с Колей в Колонтаевку. Лежали в сухом ельнике, где сильно пахло жасмином, потом прошли луг и речку, лежали на Казаковском бугре. Теплая, слегка душная заря, бледно аспидная тучка на западе, в Колонтаевке цоканье соловьев. Говорили о том, как бедно было наше детство — ни музыки, ни знакомых, ни путешествий... Соединились с ловцами. Петя и дьяконов сын ушли дальше, Евгений остался с нами и чудесно рассказывал о Доньке Симановой и о ее муже[4]. Худой, сильный, как обезьяна, жестокий, спокойный. «Вы что говóрите?» И кнутом так перевьет, что она вся винтом изовьется. Спит на спине, лицо важное и мрачное, «кляп на животе, как двустволка». Потом перешли к мужицкой нищете, грязи, к мужиц-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кому бессмысленному и грубому разврату с женами, следствие которого невероятное количество детей. «Конечно, каждую ночь. А то как же? Потушат огонь, сейчас за подол и пошел чесать...» Да, я пишу только сотую долю того, что следовало бы написать, но чего не вытерпит ни одна бумага в мире. Еще Евгений рассказывал, как какой-то новосельский мужик привязывал свою жену, всю голую, за косу к перемету и драл ее вожжами до потери сознания.

11 Июня 1909 г. возвратясь из Скородного.

Утро, тишина, мокрая трава, тень, блеск, птицы и цветы, цветы. Преобладающий тон белый. Среди него лиловое (медвежьи ушки), красное (кашка, гвоздика, иначе Богородицына трава), желтое (нечто вроде желтых маргариток), мышиный розовый горошек... А в поле, на косогоре, рожь ходит зыбью, как какой-то великолепный сизый мех, и дымится, дымится цветом.

21 Июня 1909 г.

Полмесяца гро́зы и холодные ливни, вчера и нынче первые хорошие дни.

Поразительная лунная ночь, светлый дым, туман в саду и на огороде, все мокро, коростель; под Колонтаевкой, на лугу — густой белый слой тумана. Двенадцатый час, на северо-востоке уже затеплилась розоватая Капелла, играет зеленым и красным. Петухи.

У лавочника Сафонова на ковре над постелью был изображен тигр, тело в профиль, морда en face — и подпись:

Ягуар, краса лесов,
Чует близость стаи псов.

Плотники часто пакостят при постройке домов: разозлятся на хозяина и вобьют, например,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гвоздь от гроба под лавкой в переднем углу, а хозяину после того все покойники будут мерещиться.

[27 июня Бунин пишет открытку П. А. Нилусу:]

[...] повторяю то же, что писал тебе (кажется, позавчера) в Париж: это просто усталость, нервность плюс мнительность. Писал тебе, кроме того [...] что мои дела не лучше твоих: дождь не прекращается ни на минуту, на дворе ветер и холод, сплю мало, тяжко, голова тупая. Пропадаю без солнца — и буквально перо валится из рук. [...]

[Вера Николаевна пишет в «Беседах с памятью»[5]:]

Но всё же, 3 июля он написал «Сенокос» [...]
В мое отсутствие, в мае, он написал стихи «Колдун» [...] 9 июня написал «Мертвая зыбь», 10-го «Прометей в пещере». [...]

Много было разговоров у Яна и с родными, что ему хочется написать длинную вещь, все этому очень сочувствовали, и они с Евгением и братьями Пушешниковыми вспоминали мужиков, разные случаи из деревенской жизни. Особенно хорошо знал жизнь деревни Евгений Алексеевич, много рассказывал жутких историй. [...] Рассказывал он образно, порой с юмором. [...]

[10 июля 1909 года в письме Нилусу Бунин сообщает:]

[...] Я, дай Бог не сглазить, поправился, хотя насморк еще держится крепко, да сильно болят пальцы в суставах, как всегда в непогоду. Подагра или суставной ревматизм? Вот вопрос. Как бы то ни было, впрочем, — ничего не пишу. Все собираюсь. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В письме от 24 июля он пишет:]

[...] Чувствую себя не хорошо и на юг, верно, уеду. Как жаль, что ты пустил мимо ушей мое предложение на счет Крыма! В Крым я и поеду — конечно, через Одессу. Возле вас поселиться нельзя — питаться раз в сутки и жить как попало — это не поправка. Выеду, д[олжно] б[ыть] в начале августа. Совестно мне это говорить, дорогой, — ведь на август ты хотел сюда приехать, — да что-же делать? Осточертело мне все здесь, изморило погодой. Да и в доме у нас — точно покойник. Сестра (не Маша, Софья, владетельница моего приюта) форменно сходит с ума: вот уже третий месяц (со времени смерти одного соседа, погибшего от рака) бродит как тень и молчит, как могила — вообразила, что и у нее или рак, или что-то в этом роде. [...]

[Однако в Крым Иван Алексеевич так и не уехал, остался на август в деревне. В конспекте Веры Ник. сказано, что написал: «Сенокос», «Собака», «Могила в скале», «Морской ветер», «До солнца», «Полдень», «Вечер», «Старинные стихи», «Сторож», «Берег», «Спор».

В начале сентября — Москва.

В. Н. вспоминает[6]:]

В три дня Ян написал начерно первую часть «Деревни». Иногда прибегал к маме, говорил «жуть, жуть», и опять возвращался к себе и писал.

[7 сентября Бунин пишет Нилусу:]

Милый Петр, я уже неделю толкусь в Москве и все никак не выеду не в силу своей нерешительности, а по весьма печальным причинам. [...] оказалась — подагра! [...] Не в сильной степени, но подагра. [...] Нужно, наконец, и по-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лучше устроить денежные дела: жить в Одессе придется мне в помещении хорошем, ибо буду усердно писать, питаться придется изысканно — в Лондонской или Петербургской, ванны тоже, небось, обойдутся дорого, переезд дорого, да Вере надо оставить. И решил я выехать числа 16, 17-го Сентября. Кстати-же — разнюхаю всяческие литературные начинания, м[ожет] б[ыть] кое-что запродам. И уже имел деловые свидания. Завтракал с Сытиным — говорит он, что к концу октября дело он свое обделает и будет снова просить меня взять его в свои руки. Но выйдет-ли из этого что — еще не знаю, тут есть штуки, о которых расскажу при свидании. Затем совещались мы с Телешовым, Грузинским, Гальберштадтом, братом Юлием и опять таки [с] Сытиным о Телешовском сборнике, часть которого пойдет на подписчиков «Сев[ерного] Сияния». Телешов совсем было хвост опустил — теперь дело, кажется, налаживается крепко. [...]

Завтра снова будет совещание — у Телешова на даче. [...]

Не в Одессе ли Куприн? Поймай его, если так, и передай нашу общую просьбу — непременно дать что-либо для Телешовского сборника. *Скажи и Митрофанычу*[7] *— пусть даст лист, да хороший.* [...]

Ужасно хочется мне ехать в Одессу через Севастополь, на денек завернуть в Бахчисарай, на денек в Балаклаву и Успенский монастырь. *Не приедешь ли в Севастополь*, где мы и встретились-бы, съездили-бы по этим местам и поехали-бы в Одессу? Или: не съездить-ли нам в *конце октября*, перед моим возвращением в Москву и Питер? [...]

[Вера Николаевна вспоминает[8]:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Во время отсутствия Яна приехал в Москву Федоров, кажется, на неделю. Он ежедневно обедал у нас, чем был очень доволен папа, так как Федоров много рассказывал о литературной жизни. И папа сказал:

— Вот Иван Алексеевич ничего никогда не рассказывает, а ведь это очень интересно.

[В начале октября Бунин вернулся в Москву. 19 октября ему вместе с Куприным была присуждена Пушкинская премия.

В конце октября праздновалось двадцатипятилетие литературной деятельности Н. Д. Телешова. Вера Николаевна пишет[9]:]

[...] Мы сидели за главным столом: Ян — рядом с Еленой Андреевной Телешовой, а я между юбиляром и артистом Южиным, который за весь ужин не проронил ни единого слова, кроме речи, посвященной юбиляру. [...]

Не помню хорошо, до этого дня или после Ян позвонил к нам по телефону и сказал, чтобы я приезжала с Колей в Большой Московский и захватила рукопись, он там будет читать «Деревню».

Когда мы вошли в отдельный кабинет, то увидали Карзинкина, Телешова, Белоусова и еще кого-то.

На столе стояли бутылки, вина, закуска.

Ян приступил к чтению и прочел всю первую часть. Читал он хорошо, изображая людей в лицах. Впечатление было большое, сильное. Даже мало говорили.

[1 ноября Бунин получил телеграмму от Котляревского: «Сердечный привет от товарищей по разряду. Котляревский». Иван Алексеевич был избран почетным академиком. 4 ноября он пишет Нилусу:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Дорогой, пока, спешно — два слова (тороплюсь отправить), благодарю за поздравление — удивлен я этим неожиданным! [...]

[А в письме от 24 ноября он рассказывает:]

Дорогой друг, немного беспутный образ жизни вел я последнее время — уж извини за молчание, на этот раз оно довольно простительно. Был я, как ты знаешь, в Питере, трепетал холеры, но — пил, гулял, чествовали меня и пр. Визиты делать товарищам по Академии, слава Богу, не требуется — знакомство и поклоны происходят на первом заседании, где вновь избранный может говорить «вступительную» речь, так что был я только у Великого Князя, да и того не застал: он уехал в Павловск и я ограничился тем, что росписался. Приехал сюда дня четыре тому назад — и опять немного загулял, тем более, что Вера осталась гостить под Петербургом в Лесном, у проф. Гусакова, вместе со своей матерью. Устал я порядочно, и смертельно надоело бездельничать, да и чувствую себя нездоровым. Посему очень подумываю об отлете в теплые края, но куда — еще не придумал. [...] По моему, необходимо мне в самом начале декабря исчезнуть из Москвы — через неделю вытребую сюда Веру и — за сборы. Но куда? куда? Сухое, сухое место надобно. [...]

[Однако, уехать из Москвы в начале декабря Бунину не удалось: заболел ангиной, заразил Веру Николаевну. Рождество и Новый год встретили в Москве.]

1910

[За январь этого года в дневничке-конспекте В. Н. значится: «Пятидесятилетие со дня рождения Чехова. Торжественное утро в Худ. Т., «Среды» у

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Телешова. Переписка «Деревни». Раут в Думе по случаю приезда из Франции депутатов Лебук».

Выступление Бунина на литературном утреннике в память Чехова прошло с большим успехом. Станиславский предлагал ему вступить в труппу Художественного театра, привлекал ролью Гамлета. По рассказу Веры Николаевны[1]:]

В феврале мы уже готовились к путешествию. Решили ехать на юг Франции, а оттуда, если будет возможно, в северную Африку, но, конечно, с заездом в Одессу, где мы проведем несколько недель. [...]

[2 февраля Бунин писал Нилусу:]

[...] Был в Птб. — продал повесть Марье Карловне[2] за очень хорошую цену. Перебила у «Шиповн[ика]» и «Шип.» почти поссорился со мною. Продал книгоизд. «Обществ[енная] Польза» свой 6-ой т. — 3000 экз. за 800 р. «Знание» меня вывело из терпения своей медлительностью. «Просвещение» ведет со мной переговоры — покупает навек мои сочинения. Прошу 70 тысяч за 9 томов. До 10-15 февр. остаюсь в Москве. [...]

[В дневничке-конспекте В. Н. отмечено, что в феврале Бунины уехали в Одессу, остановились в гостинице «Бристоль» и провели там месяц. В. Н. позировала для портрета Буковецкого. Про пребывание в Одессе В. Н. писала:]

В Одессе было жить приятно. Встречались с художниками. Они по-прежнему устраивали три раза в неделю «мальчишники». [...]

[В марте Бунины уехали за границу: Вена, Земмеринг, Венеция, Милан, Генуя и 10 дней в Ницце[3]. 3/16 апреля 1910 года Бунин пишет Нилусу из Марселя:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Дорогой Петр, нынче в 5 ч. вечера уплываем в Оран. Думаю, что потолкаемся по этому берегу Африки и по Южной Испании и поедем пароходом на Одессу. Но откуда? Еще не знаю. Или — из Туниса на Неаполь, или из Барселоны — опять таки на Неаполь (заедем на Капри). [...]

В Марселе чудесно! Думаю, что будем на Капри недели через три.

[В. Н. вспоминает[4]:]

В Оране мы пробыли сутки, он нам показался уютным, виллы с террасами напомнили мне дачи под Москвой — как и у нас на террасах стояли лампы и свечки с колпаками.

Из Орана мы поехали в Блиду, маленькое, все в зелени, местечко. [...] Пробыв там сутки, поехали в Алжир. Город поразил красотой, мы знали его по Лоти, которого очень ценили и любили. [...]

[В дневничке-конспекте В. Н. о дальнейшем пути сказано:]

[...] Бискра, 1/2 месяца Константина [?] Тунис. Апрель 17, Пасха 18, в ночь на пароходе в Марсалу. Буря двое суток. Пришлось повернуть курс на Эмпидокл. По жел. дороге в Термини. Ночь. Пустой город. Проводники. Незнание языка. Огромный пустой отель. Месина. По ж. д. до Неаполя.

24 [апреля] на Капри. Pagano. Горький в Ницце у сына. М. Ф. [Андреева. — М. Г.] с Пятницким. Их ссора при нас. Просьба М. Ф. переселиться к ней: ее страх Пятн[ицкого]. Неделю с ними. Приезд Каменских. Ухаживание за ними.

Мая 1 — Приезд Горького и Зины [З. Пешков. — М. Г.]. 3 дня при нем. Разговоры о Знании, путанье Горьк[ого] с Пятницким. Процессии детей и праздник рыбаков.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6 [мая]. Все в Неаполе. Обеды, завтраки в Неаполе три дня.

9 — Отплытие на французе. Провожали в лодке Горький, М. Ф. и Зина.

16 — Пересадка на русск[ий] пароход. Много дипломатов, один похож на жабу. Держатся, как дома. Говорят о политике.

18 — Одесса.

Москва.

Глотово.

[В архиве сохранилось письмо Бунина Нилусу от 10 июня 1910 года:]

Дорогой Петр, я опять в Глотове, у сестры Софьи. После Москвы был с неделю в Ефремове и чувствовал себя весьма скверно — матери хуже, у сестры Маши тяжко болен муж и нет денег, Софья по прежнему — тоска, боли в кишках и т. д. И был я в дурацком положении, — где основаться на лето? Искал дачу в имениях под Ефремовым, ездил в Липсук — и, не найдя ничего путного, клял себя, что не нанял дачку под Одессой. Кончилось, все таки, Глотовым. Но опять льют ледяные дожди, опять даже гулять нельзя... а гулять нам необходимо — и мне, и Вере, которой прописано движение, *морское купанье*, солнце, — все, что и мне, подагрику, до зарезу нужно. Мелькает и теперь иногда мысль об Одессе, но холера, холера! — боюсь ее до смерти! [...]

Писать еще не начинал, — приехав сюда, раскис, все валялся и читал. [...]

Давно-ли читал «Воскресение» Толстого? Это одна из самых драгоценных книг на земле.

Где Федоров? Где Куприн? Свидание наше было неважное. Попрекнул меня с первого слова академией... [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В дневничке В. Н. записано:]

Ян все жалеет, что запродал «Деревню». «Гораздо лучше» написал бы несколько портретов мужиков. Мы с ним не соглашаемся. Холера приближается.

[10 июля Бунины уехали в Москву, 11 были на именинах у Телешова. 16 июня умерла мать Ивана Алексеевича. [В. Н. записывает:]

Целый месяц Ян нигде не бывает, работает по 14 ч. в сутки. Гулять выходили лишь под вечер в тенистые переулки.

[3 августа Бунин посылает П. А. Нилусу из Москвы открытку:]

«Искусство всего лучше познается тогда, когда оно облекается в поношеные одежды» (Нитцше). — «Будь поэтом природы — и ты будешь поэтом *людей*» (Гюго). — «Для человека искусство то же, что для Бога — природа» (Гюго). — «Есть друзья, подобные солнечным часам: они обозначают только то время, когда светит солнце» (Гюго). — «У всякого сокровища (клада) лежит змей» (Гулистан Саади). — Когда один друг боится чумы, другой спрашивает Ценовского, что это за штука, можно-ли уберечься — и немедленно сообщает другу (Бунин).

[Сентябрь Бунины провели в Глотове. Бунин занимался окончательной отделкой «Деревни». Вернулись в Москву, поехали в Петербург.

«Северная Гостин. — записано у В. Н. — 25-го [сентября. — М. Г.] именины Елпатьевского. Ов[сянико]-К[уликовский], Мякотин, Горнфельд, Анненский и др.».

10 октября Бунин пишет открытку Нилусу:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Две недели был в Птб., приехал к похоронам Муромцева. Нездоровится — есть белок [...], надо ехать на юг. Поедем в Египет, поедем! Что ты задолбил — Париж, да Париж! Торгуюсь с «Просвещением» — хотят меня купить. Это задерживает. [...]

[Вернувшись в Петербург, Бунин узнал о смерти Л. Н. Толстого. «Толстой потряс меня, как, кажется, ничто в жизни не потрясало», пишет Бунин Нилусу 11 ноября 1910 года. 29 ноября он сообщает: «Мы собираемся в отлет. Куда бы ни поехали, верно, поедем через Одессу. Хочется дней через 7-10 уже выехать...» 2 декабря он пишет:]

В Москве невероятно гнусная погода — не запомним такой. Все больны. Ужасно боюсь опять свалиться от жабы. Сыпной тиф и прочее так и косят народ. Спешу отделаться поскорее — во всю мочь. Думаю, что числа 6, 7-го — выедем. [...]

[В дневничке-конспекте В. Н. сказано:]

Декабрь 10. Выехали в Одессу. 14 — отплытие на Дальний Восток на Добровольце Владимире. Десять дней жизнь на пароходе. Дружба с моряками. 24 — Порт-Саид. Припадок у Яна[5]. Доктор. Черные морды солдат в фесках. Жуть и красота неба. 25 — Суэцкий канал. 26 — Каир. Метрополь. 28 — Гелуан. Белок у Яна. Жизнь в Арабском доме. Ян написал рецензию о Городецком. Стихи. Гелиополис. Пирамиды. Музей.

1911

[Новый год Бунин встречал в постели. Когда он поправился, — Фивы и Ассуан.

Из письма Бунина Нилусу от 5 февр./23 янв. 1911 года:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Мы вернулись из Ассуана, раздумав ехать глубже в Африку — утомляет меня железная дорога и убойная, перченая еда в отелях. [...] Ждем теперь, поселившись опять в Гелуане, парохода для продолжения пути, но дойдем-ли до Японии — опять таки не знаю: м. б., дело кончится Коломбо, Сингапуром; повторяю, неважно себя чувствую, да и когда, в случае Японии, вернемся мы в Россию! В пути трудно работать, а меня, дай Бог, не сглазить, уже потягивает. Мечтаю вернуться самое позднее — в начале апреля, а лето провести под Одессой, — это давнишняя мечта. [...]

Что ты бредишь о вещах и душе их? Это что-то пахнет старчеством, опомнись [...]

[Открытка Нилусу из Измаилии от 23/10 февраля:]

Неделю тому назад приехали в Порт-Саид (пожив в Гелуане, откуда я писал тебе, закончив осмотр Каира, побывав у Пирамид Дашура, Ступенчатой, в Серапауме и т. д.) — и, бесплодно прождав в П.-Саиде парохода четверо суток, уехали в Измаилию — городок у озера Тимза, через которое проходит Суэцкий канал, город среди необозримых пустынь песчаных (в Аравийской пустыне), городок, лучше которого я никогда не видал. Нынче опять возвращаемся в П.-Саид. Ожидание парохода измучило! [...]

[Дневник Бунина того времени был напечатан в эмигрантских изданиях 20-х годов, а потом помещен в сборник «Петлистые уши», под названием «Воды многие»[1]. Привожу некоторые отрывки:]

12 февраля 1911 г., ночью, в Порт-Саиде.

[...] Суздальская древняя иконка в почернев-шем серебряном окладе, с которой я никогда не расстаюсь, святыня, связующая меня нежной и

Для сайта BOOK-OLDS.RU

благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство, — иконка эта уже висит над моей корабельной койкой. «Путь Твой в море и стезя Твоя в водах великих и следы Твои неведомы...» Сейчас, благодарный и за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, странствую, люблю, радуюсь, поклонюсь Тому, Кто незримо хранит меня на всех путях моих своей милосердной волей, и лягу, чтобы проснуться уже в пути. Жизнь моя — трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, Боже, сроки мои!

13 февраля, Суэцкий канал.

[...] К полудню мы были уже далеко от Порт-Саида, в совершенно мертвом, от века необитаемом царстве. И долго провожала нас слева, маячила в мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая, и весь день прошел под его величавым и священным знаком, был связан с чувством его близости, его ветхозаветного, но вместе с тем и вечного владычества, ибо это вечно, вечно: «Аз есмь Господь Бог твой... Помни дни Господни... Чти отца и матерь твою... Не делай зла ближнему твоему... Не желай достояния его...» [...]

Я сидел и думал: все-таки оно есть в мире, — нечто незыблемо-священное. В гигантском человеческом таборе, который стремится, невзирая на все свои блуждания, все-таки вперед, в какую-то обетованную землю, в пестром и шумном стане, который ютится в низкой земной юдоли, а все-таки у подножия неких горних высот, кипит мелкая, будничная жизнь, царит человеческое ничтожество, человеческая слабость, убогая гордыня, злоба, зависть, и Божьи избранники, пророки, мудрецы не

Для сайта BOOK-OLDS.RU

раз содрогались в этом таборе от ужаса перед его мерзостью, в отчаянии дробили о камень скрижали синайского завета между человеком и Богом — и все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все те же самые уставы, ибо снова и снова гремели из мглы и туч омраченных высот все те же страшные, но и утешающие, указующие спасительный путь глаголы. [...]

15 февраля.

За вчерашний день все чрезвычайно изменилось, — менялось чуть не каждый час. И вот оно уже наступило, то вечное, светоносное лето совершенно нового для меня мира, которое говорит о какой-то давно забытой нами, райской, блаженной жизни. [...]

[...] А поздно вечером капитан поздравил нас со вступлением в тропики. Итак, заветная черта, о которой столько мечтал я, перейдена. [...]

16 февраля.

В два часа прошли остров Джебель-Таир. Совсем не похож на Средиземные острова. Те всегда очертаниями волнисты, мягки и всегда в голубоватой или нежно-сиреневой дымке воздуха. Этот же совершенно четкий, голый и со всех сторон точно топором обрублен. И цвет его совсем новый для глаза, — верблюжий. [...]

В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидал над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днем! Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну! И неужели в некий день все это, мне уже столь близкое, привычное, дорогое, будет сразу у меня отнято, — сразу и уже навсегда, навеки, сколько бы тысячелетий ни было еще на земле? Как этому поверить, как с этим примирить-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ся? Как постигнуть всю потрясающую жестокость и нелепость этого? Ни единая душа, невзирая ни на что, втайне не верит этому. Но откуда же тогда та боль, что неотступно преследует нас всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящий день, час и миг? [...]

19 февраля.

Уже в Океане. Совсем особое чувство — безграничной свободы. [...]

[...] Потом был на верхней палубе. Четверть месяца стоит очень высоко и светит очень ярко, — с правой стороны настоящая лунная ночь. Россыпь Ориона в зените. Южный Крест на юге, в большом пространстве почти пустого неба. Смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: «Южный Крест освещает преддверие Рая». Слева низко лежала серебром раскинутая по темносинему небосклону Большая Медведица, под нею, почти на горизонте, печально белела Полярная Звезда. А на востоке точно ветром раздувало какую-то огромную и великолепную звезду, ровно и сильно пылавшую красным огнем. И ход наш был прямо на нее.

20 февраля.

[...] Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование — каждую секунду висишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всем творении по таинственности и тонкости? [...]

[...] Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному мирку, его значение для той обыденной жизни, которой

Для сайта BOOK-OLDS.RU

живет огромный человеческий мир, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды!

«За что, зачем?» Вот для тех арабов, которых мы встретили давеча, не существует этого вопроса. Они знают одно — древнюю «покорность Вожатому», Тому, Кто говорит о себе в Коране: «Мы к человеку ближе, чем его сонная жила». [...]

23 февраля.

[...] Все утро идем мимо Гвардафуя: далекий берег коричневого цвета, полосы желтеющих у моря песков. Страшное место, славное в летописях кораблекрушений. [...]

25 февраля.

Вчера, потушив огонь, долго лежал, мысленно видя те облачные горы на восточном горизонте. [...]

[...] Потом очнулся и, не зажигая огня, записал:

Океан под ясною луной,
Теплой и высокой, бледнолицей,
Льется гладкой, медленной волной...
Озаряясь жаркою зарницей.
Всходят горы облачных громад:
Гавриил, кадя небесным Силам,
В темном фимиаме царских врат
Блещет огнедышащим кадилом.

[...] Я сплю, мы все спим, кроме тех двух-трех бессонных, безмолвных, недвижных, что бдят за нас там, наверху, на вахте, мы спим, а ночь, вечная, неизменная, — все такая же, как и тысячелетия тому назад! — ночь, несказанно-прекрасная и неизвестно зачем сущая, сияет над океаном и ведет свои светила, играющие самоцветными огнями, а ветер, истинно Божие дыхание всего этого прелестного и непостижимого мира, веет во

Для сайта BOOK-OLDS.RU

все наши окна и двери, во все наши души, так доверчиво открытые ей, этой ночи, и всей той неземной чистоте, которой полно это веяние.

28 февраля.

[...] Возвращаясь с кормы к обеду, ахнул: луна — зеленая! Посмотрел из столовой в окно, выходящее на бак: да, зеленая! Нежно-зеленая на гелиотроповом небе, среди пепельных облаков, над зеленым блеском океана! И так качает, что нос «Юнана» лезет в небо, а в окно бьет блаженно проникающий до самой глубины души ветер. [...]

1 марта ночью.

[...] Последняя ночь в океане, завтра Цейлон, Коломбо.

«Путь Твой в море и стезя Твоя в водах великих и следы Твои неведомы...» И я был в страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь к Тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно Твое! [...]

[На Цейлоне Бунины провели 1/2 месяца. Среди бумаг Ивана Алексеевича сохранились 2 рукописных листка с надписью «Цейлон», сделанной карандашом:]

9/22 Марта 1911 г. В вагоне.

В 2 ч. 20 м. дня выехали из Анарадхапуры в Коломбо.

Длинный вагон третьего класса, два отделения. В одном:

1. старик, в профиль губастый, похожий на Шуфа, хотя с более крупными чертами, бронзовый лицом, бритый, как актер, с сережками в ушах; на голове платок чалмой, до пояса голый, грудь в волосах, до пояса закутан в белое;

2. не старик, хотя с сединой в стриженой голове, похожий на Победоносцева, на шее ожерелок

Для сайта BOOK-OLDS.RU

из чего-то вроде сухого чернослива, в ушах сережки, очень худой, тоже до пояса весь голый, ниже окутан ярко-оранжевой тканью;

3. старуха, оч. обыкновенная, — как баньщица;

4. малый лет 12, голый до пояса;

5. миловидная молоденькая (лет 14) женщина.

В другом (где мы):

1. старый [неразборчиво написанное слово. — М. Г.], весь бритый, в седой щетине, ноги и жопа закутаны белым, прочее все голое;

2. дикий малый, очень темный (тамил), черно-зубый от бетеля, похожий на индейца, верхняя губа в черной щетине (давно не брита), половина головы синяя (бритая), половина — в черных конских волосах, голый, закутаны в простыню опять таки только ноги; жевал бетель и дико глядел; потом, достаточно окровавив пеной бетеля рот, лег; возле — медный кувшин с водой, — как у многих, потому что пить из общей посуды нельзя, да нельзя даже и к собственному кувшину прикасаться губами — слюна считается нечистой;

3. старуха в серьгах, очень черная, похожа на еврейку, голая, но через одно плечо и на ногах — красная ткань;

4. «мужик», лысоватый, черная борода, страшно волосатая грудь, вид рабочего, похож на Петра Апостола.

На станциях продавцы кокосовых орехов кричат «Курумба!»

[В архиве сохранились оригиналы трех писем Веры Николаевны с Цейлона: 2 — матери, 1 — брату Дмитрию Ник. Муромцеву.]

19/7 марта.

[...] Сейчас мы в Кэнди, в гористой местности Цейлона. Здесь очень красиво. Священное искус-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ственное озеро. Очень интересный буддийский Храм. Сегодня мы уезжаем отсюда в горы. Там уже прохладно. За дни, проведенные на этом необыкновенном острове, мы увидали столько нового, ни на что не похожего, столько прекрасного, что я еще не могу как следует освоиться, не могу разобраться во всех впечатлениях. [...] по преданию, рай находился здесь. Есть на Цейлоне Адамов пик, есть и мост, по которому они бежали с Евой в Индию, изгнанные из рая. Да, здесь, действительно, рай. Поразило меня буддийское богослужение. Мы вошли в первый раз в храм их вечером. В полумраке грохот бубен, бой в барабан, игра на флейтах, много цветов с одуряющим запахом, и бонзы в желтых мантиях. [...] Мне очень нравится, что здесь приносятся в жертву цветы. [...]

Мы думаем, если все будет так, как надо, сняться в Коломбо 15 марта. В Одессе быть через месяц, следовательно, в Москве в начале Фоминой. [...]

20/8 марта.

[...] Нурильо, где мы находимся, горное местечко, здесь прохладно, ночью даже холодно. Немного отдохнули от жары. Ян очень истомлен. Мне кажется, что ему вредно потеть при его худобе. Пища здесь ужасная, почти все с перцем. Но зато так хорошо, красиво, интересно, что редко бывает подобное сочетание: и древности, и чудесная растительность, здоровый климат. Много увидели нового, например, здешние туземцы мужчины не стригут волос, и делают прически и все носят гребень, панталон, так же как в Египте нет, а все [в] юбках и босиком. Ездят здесь на людях, как в Японии. Легонький на резиновых шинах двуколесный экипаж везет на себе вместе с толстым англичанином худой черный голый сингалезец, силь-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но обливающийся потом под отвесными лучами солнца.

— Сегодня утром мы поднялись на одну из здешних вершин. Поднимались 3 часа, спускались 1 1/2 ч. Все время шли по хорошей искусственной дорожке, вьющейся среди леса. Растительность здесь какая-то необыкновенная: деревья покрыты мхом, какие-то гелиотроповые цветы. Сухо было поразительно, что-то по временам шуршало в сухих листьях, может быть и змеи. Когда мы взошли на вершины, то увидали целый океан гор, идущих кольцами, а на горизонте серебряная гирлянда облаков, — это было на 8.300 ф. над уровнем моря. Тянуло свежестью, может быть, с океана. Здесь горы конусообразные, только Адамов пик имеет иную форму. [...]

[Письмо В. Н. брату и невестке от 20/8 марта 1911 г., к которому, судя по приписке, был приложен священный цветок из Буддийского храма:]

[...] Мы теперь в Англии, но не в той дождливой со сплином, в какой вы были в прошлом году, а в цветущей, экзотической, где чувствуется нега Азии, с удушающе-сладкими запахами и красной почвой. [...] После 18 дневного перехода по Красному морю и Океану, где мы пережили совершенно новые ощущения, видели очаровательные закаты, необыкновенно красивые лунные ночи, обливались потом и практиковались во французском языке, мы, наконец, попали в Коломбо. И с первого же шага изумление и восхищение попеременно охватывают нас. Прежде всего меня поразила мостовая терракотового цвета, затем рикши-люди-лошади с их элегантными легкими колясочками, потом необычайная растительность, тут все есть. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В Коломбо мы прожили 2 дня, жили за городом в одноэтажном доме-бунгалове, в саду, комнаты без потолка, всю ночь электрический вентилятор производил ветер, — жара была неугасимая. Ездили мы на рикшах за несколько верст к отелю, стоящему на океане за городом. Возвращались при лунном свете, казалось, что едешь по какой-то волшебной стране. — Из Коломбо мы поехали по железной дороге в Кэнди, путь очень интересный идет среди гор мимо плантации чая [...] проходит через рощи кокосовых пальм, по временам поезд несется над пропастями... В Кэнди тоже были 2 дня. Ездили в лунную ночь в горы, видели летающие огоньки. Бездна, освещенная лунным светом, блестела. Несколько раз были в Буддийском храме. Видели танцы диавола: их танцуют с факелами в руках под бой бубен, грохот барабанов и пение туземцев. Зрелище интересное, но утомительное. Теперь мы поднялись еще выше, в местечко Nuwarn Eliya, выговаривают ее Нурилья. — Едим здесь ананасы, бананы, но виски не пьем, хотя и видим, как пьют их спокойные англичане. [...]

[В дневничке-конспекте В. Н. за апрель/май 1911 г. сказано:]

«Проход по Босфору при лунном свете. Апрель 6 — Приход в Одессу. Одесса. 27 — Москва. Панихида по дяде Сереже. Сева. Май 10 — Отъезд в Глотово».

[С мая 1911 года начинаются дневниковые записи И. А. Бунина. (Первые записи перепечатаны на машинке):]

14 Мая 1911 с[ело] Васильевское-Глотово.

Приехали одиннадцатого.

Нынче прохладно. Еще по ранне-весеннему кричат грачи в глотовском саду на старых голых

Для сайта BOOK-OLDS.RU

березах. Наш сад одевается. Зелень свежая, густая, мягкая даже на вид. На яблонях еще видны ветви, — не совсем еще опушились зеленью, особенно мягкой и сероватой (по сравнению с более зеленой и гораздо более яркой на кленах). Кисти сирени уже серо лиловеют. Густая трава усыпана голубенькими цветочками.

Весь день трезвонят на колокольне — лавочник Ив. Лаврентич нанял мальчишек и велел звонить с утра до вечера, чтобы прошел слух, что он, новый староста, чтит царские дни. Безобразит церковь, — обивает стены железом дикого цвета. [...]

Как дьявольски густы у некоторых мужиков бороды исподнизу! Что-то зоологическое, древних времен.

Царствие Божье, радость внутри нас самих. Для радости порою надо удивительно мало. Бывало, в гимназии, зацепится у учителя панталона за заднее ушко штиблета, — какой смех!

20 Мая 1911 г.

Молились о дожде мужики, потом Бахтеяров, было отдание Пасхи, Вознесение — по целым дням трезвон на колокольне. Так и свяжется в воспоминании эта весна с этим трезвоном. И станет все милым, грустным, далеким, невозвратным.

Был довольно молодой мужик из Домовин. Говорит, был 14 лет в Киеве, в Лавре, и хвастается: «выгнали за девочек, игумен поймал за *работой*... Я провиненный монах, значит». Почему хвастается? Думаю, что отчасти, что бы нам угодить, уверен, что это должно нам очень нравиться. Вообще усвоил себе (кому-то на потеху или еще почему-то?) манеру самой цинической откровенности. «Что-ж, значит, ты теперь так и ходишь, не работаешь?» — «Чорт меня теперь заставит работать!» — В подряснике, в разбитых рыжих сапо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гах, женский вид, — с длинными жидкими волосами, — и моложавость от бритого подбородка (одни русые усы). Узкоплеч и что-то в груди — не то чахоточный, не то слегка горбатый. «Нет-ли, господа, старенькой рубашечки, брючишек каких-нибудь?» Я подарил ему синюю косоворотку. Преувеличенный восторг. «Ну, я теперь надолго житель!»

Ездили недавно в Скородное. Как чудесно! Был жаркий день, и какая свежесть и густота трав и зелени деревьев, какая прелесть полураспустившихся дубков! Великое множество мелких желтеньких цветов, — целые поляны ярко-желтые, — и желтых лилий, а больше всего все искраплено какими-то голубенькими, вроде незабудок. И уже много лиловых медвежьих ушек на их высоких стеблях.

Как-то вечером гуляли в Острове. Левитановские мягко-лиловые тучки, нежно-алые краски на закатном небе. И прелесть соединения свежести, сочности молодой зелени с запахом прошлогодней листвы. Необыкновенно тонкое время.

Вчера холод, осенние тучи. Ночь ледяная, с золотой крупной Венерой над закатом, с молодым месяцем.

Нынче ясно, весело, но ветрено и холодно.

Карпушка говорит вместо фокстерьер — фокстерьерц. Конечно, это гораздо более по русски.

28 мая, 1911 г.

Все последние дни лил дождь, холод ужасный.

Сейчас пять часов, резко потеплело. Заходила огромная лилово-синяя туча с юга, гремел гром. Против солнца она стала металлической, зелень сада на ее фоне необыкновенна. Мы с Колей смотрели к югу от людской. Глотовский сад, Бахтеяровский, зеленая долина под Колонтаевкой — все

Для сайта BOOK-OLDS.RU

образовывало чудеснейший пейзаж, теплый, весенний. Зелень кленов яркая, лозин и берез — нежная, бледная; на зеленях возле Колонтаевки — чуть синеватый налет. Прелестная серебристость старых тополей в лугу под глотовской усадьбой.

— Карпушка, а ты знаешь, что такое пейзаж?

Молчит.

— Ну что-ж ты молчишь? Немой что-ли? Что такое пейзаж?

— А я знаю?

— Ну, все таки?

Помолчав:

— Лапша.

— Ты очумел!

— Ну матерко́м что-нибудь...

Стряпуха, его мать, ходила возле ограды, собирала в фартук желто-пуховых кривоногих утят, боясь нового дождя.

В церковной караулке часы часто останавливаются: мухи набиваются. Сторож бьет по ночам иногда чорт-знает-что, — например, одиннадцать, вместо двух.

5 июня 1911 г.

Настасья Петровна привезла в подарок Софье Петровне Ромашковой огромный белый платок, весь в черных изображениях черепов и костей, с черными надписями: «Святый Боже, Святый Крепкий».

Старуха Луковка; специальность обмывать покойников, быть при похоронах, и это уже давно, чуть не с молодости. «Сюжет для небольшого рассказа». На варке у нее одна овца. Хороша жизнь и овцы этой!

Мужик с култышкой (уродливый большой палец), и узким когтем вместо ногтя.

Ярыга, циник печник.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Дворянская близость с дворовыми и усвоенная, конечно, от них, дворовых, манера потешаться над собой, забавлять собой.

7 Июня.

Приехал Юлий.

Первый хороший день, а то все лютые холода и проливные дожди.

8 Июня.

Юлий привез новость — умер ефремовский дурачок Васька. Похороны устроили ему ефремовские купцы прямо великолепные. Всю жизнь над ним потешались, заставляли дрочить и покатывались со смеху, глядели, как он «старается», — а похоронили так, что весь город дивился: великолепный гроб, певчие... Тоже «сюжет».

Монахиня, толстая старуха, белое лицо обрезано черным клобуком; в очках, в новых калошах.

20 Июня.

Третий день хорошая погода.

Вчера ездили кататься за Знаменское. Лощинки, бугор, на бугре срубленный лес, запах костра. Два-три уцелевших дерева, тонких, высоких; за листвой одного из них зеркальная луна бобом (половинкой боба). Ехали назад мимо знаменского кладбища — там старики Рышковы и уже Валентин с ними. А на кладбище возле Знаменской церкви — наши: дед, бабка, дядя Иван Александрович, на которого я, по словам матери, будто-бы разительно похож.

Нынче опять катались, на Жадовку. Долгий разговор с Натахой о крепостной, старинной жизни. Восхищается.

[В тот же день (20 июня, 1911 г.) Бунин пишет Нилусу:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Мои дела, как всегда, дрянь: лили дожди, бушевали грозы, ураганы, замирало по ночам сердце от подагры и кишечника — вредны мне дожди и сидение в кресле! В Одессу думаю приехать — или в июле, или *в августе*, но навряд к Федорову: там у него на вышке умрешь. Скажи Евгению[2]: я целую его и спрашиваю: буде я вздумаю ехать, можно-ли воспользоваться его старым приглашением? Но чур — говорить откровенно, как подобает настоящим друзьям! [...]

[Продолжение дневниковых записей:]

3 Июля.

Изумительно — за все время, кажется, всего два-три дня хороших. Все дождь и дождь.

Ездили с Юлием и Колей в Слободу.

Нынче опять был дождь, хотя клонит, видимо, на погоду. Сейчас 6 часов, светло и ветрено, по столу скользят свет и тени от палисадника. Речка в лугу как огромное ослепительное, золотое зеркало. Только что вернулись от Таганка, ста восьмилетнего старика[3]. Весь его «корень» — богачи, но грязь, гнусность, нищета кирпичных изб и вообще всего их быта ужасающие. Возвращаясь, заглянули в избу Донькиной старухи — настоящий ужас! И чего тут выдумывать рассказы — достаточно написать хоть одну нашу прогулку.

Мужики «барские» называют себя, в противовес однодворцам, «русскими». Это замечательно.

Таганок милый, трогательный, детски простой. За избой, перед коноплями, его блиндаж; там сани, на которых он спит, над изголовьем шкатулочка, где его старый картуз, кисет. Когда пришел, с трудом стащил перед нами шапку с голой головы. Легкая белая борода. Трогательно худ, опу-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

щеные плечи. Глаза без выражения, один, левый, слегка разодран. Темный цвет лица и рук. В лаптях. Ничего общего не может рассказать, — только мелкие подробности. Живет в каком-то другом, не нашем мире. О французах слабо помнит — «так, — как зук находит». Ему не дают есть, не дают чаю, — «ничтожности жалеют», как сказал Григорий.

Говорит с паузами, отвечает не сразу.

— Что-ж, хочется еще пожить?

— А Бог ё знает... Что-ж делать то? Насильно не умрешь.

— Ну, а если бы тебе предложили прожить еще год или, скажем, пять лет? Что бы ты выбрал?

— Что ж мне ее приглашать смерть-то? — (И засмеялся и глаза осмыслились.) — Она меня не угрызет. Пускай кого помоложе, а меня она не угрызет — вот и не идет.

— Так как же? Пять лет или год?

Думает. Потом нерешительно:

— Через пять-то годов вошь съест...

15 Июля.

Уже дней десять — и без перерыва — дождь.

Я уже с неделю болен — насморк, бронхит. Вообще, когда-же это кончится, мое самоубийство, летняя жизнь в Васильевском?

Нынче Кирики, престольный праздник, ярмарка. Выходил. Две ужасных шеренги нищих у церковных ворот. Особенно замечателен один калека. Оглобли и пара колес. Оглобли на половину заплетены веревкой, на оси — деревянный щиток. Под концами оглобель укороченная, с отпиленными концами дуга, чтобы оглобли могли стоять на уровне оси. И на всем этом лежит в страшной рвани калека, по женски повязанный платком, с мо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лочно-голубыми, почти белыми, какими-то нечеловеческими глазами. Лежит весь изломанный, скрюченный, одна нога, тончайшая, фиолетовая, нарочно (для возбуждения жалости, внимания толпы) высунута. Вокруг него прочая нищая братия и почти все тоже повязаны платками.

Еще: худой, весь изломанный, без задницы, один кострец высоко поднят, разлапые ноги в сгнивших лаптях. Невероятно мерзки и грязны рубаха и мешок, и то и другое в запекшейся крови. В мешке куски сального недоваренного мяса, куски хлеба, сырые бараньи ребра. Возле него худой мальчишка, остроухий, рябой, узкие глазки. Весело: «Подайте, папашечки!» Еще: малый, лет двадцати пяти, тоже рябой и веселый. Сказал про одного нищего, сидевшего на земле, у которого ноги в известковых ранах, залепленных подорожником, и в лиловых пятнах: «Ето считается по старинному заведению проказа». Потом все нищие деловито двинулись на ярмарку. Прокаженный поехал, заерзал задницей по земле.

Кирюшка рассказывает, что его родственник, «Трегубый», уже лет двадцать пьет, собирая на Иерусалим. Говорят, что в Рождестве ребята страшно франтят и пьют: «По двадцать целковых сапоги. Теперь новый народ пошел!»

Мужик на ярмарке, держа елозившего у него под мышкой в мешке поросенка, целый час пробовал губные гармонии и ни одной не купил. Веселый, ничуть не смутился, когда торгаш обругал его.

Грязь страшная. Сейчас, после полдня, опять дождь. На гумне пахнет теплой и сырой землей и «бздюкой».

Для рассказа: бородатый, глаза блестящие, забитый курносый нос, говорит, говорит и налезает на человека.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19 Июля.

Вчера и нынче первые хорошие дни, нынче особенно. Тихо, розоватое солнце сквозь голубой сухой тонкий туман.

Шесть часов. Все стало еще краснее от этого тумана. Река в лугу течет золотым красноватым пламенем.

Половина восьмого. Солнце в аспидной мути, малиново-огненное (особенно сквозь ветки палисадника).

Без двадцати восемь. Совсем помутнело, малиновое.

Юлий и Коля уехали в Ефремов, Софья в Орел[4].

29 Июля 1911 г.

Все время отличная погода.

Ездили с Юлием на Бутырки. О, какое грустное было мое детство! Глушь, Николай Осипович, мать...

25-го уехал Юлий.

Идешь вечером к Пескам — из-за Острова большая луна, сперва малиновая, потом оранжевая и все прозрачнее и прозрачнее.

Вчера вечером катались (с Верой и Колей) к лугам на Предтеченево. Что за ночь была! И вообще какое прелестное время — начало августа! Юпитер низко на юге, Капелла на севере. Лозинки вдоль дороги, за ними луна. Слева, сзади — чуть алеющий закат, бледно-бледно-синие, необыкновенной красоты облака. Справа жнивье, бледное в лунном свете, телесного цвета. Рисового цвета ряды. Думал о поздней осени: эти луга, очень высокая луна, тонкий туман в лугах... Потом с грустью вспомнил Бутырки, ужин, самоцветные глаза собак под окнами... отец ложится спать под окнами в телегу...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Нынче Вера уехала в Лазавку[5].

Перед вечером опять было оранжево-золотое солнце и оранжево-золотой блеск в реке.

Сейчас 10 часов. Луна уже высоко, но она на каком-то непрозрачном небосклоне. Ночь вообще странная — тени от меня нет. Луна очерчивается на этом небосклоне розово-желтым, без блеску диском.

Лежали с Колей на соломе. О Петре Николаевиче — как интересна психика человека, прожившего такую изумительно однообразную и от всех внутренно сокровенную жизнь! Что должен чувствовать такой человек? Все одно и то же — дожди, мороз, мятель, Иван Федоров... Потом о Таганке: какой редкий, ни на кого не похожий человек! И он — сколько этого однообразия пережил и он! За его век все лицо земли изменилось и как он одинок! Когда умерли его отец и мать? Что это были за люди? Все его сверстники и все дети их детей уже давно-давно в земле... Как он сидел вчера, когда мы проходили, как головой ворочал! Сапсан! Из жизни долголетнего человека можно написать настоящую трагедию. Чем больше жизнь, тем больше, страшней должна казаться смерть. В 80 лет можно надеяться до 100 дожить. Но в 100? Больше не живут, смерть неминуема. А при таком долголетии как *привыкает* человек жить! [...]

30 Июля

Сейчас, перед обедом, ходили через деревню на кладбище. Пустое место среди изб — бугры глины, битого кирпича, заросшие лебедою, репьями. Двор Пальчикова, подсолнечники на гумне.

Кладбище все в татарках, ярких, темно лиловых и розовых (другого сорта). И уже приметы осени — уже есть татарки засохшие, из одного

Для сайта BOOK-OLDS.RU

шелковистого серого пуха, который будет осенью летать. В картофеле еще есть цветы. По валам чернобыльник.

«Наглый хохот черных женщин. Спросите ее об ее имени — хохот и вранье». Это из Гончарова. То же самое и в русской деревне.

«Голубое небо с белым отблеском пламени». Очень хорошо.

«Если вы ничего не знаете о жизни, что же вы можете знать о смерти?» Конфуций. [...]

2 Августа 1911 г.

Погода непрерывно чудесная. Особенно хороши лунные ночи. Вчера, от половины десятого, с *час гулял*. Обошел весь сад. Уже кое-где хрустит под ногами точно поджаренная листва, чуть пахнет яблоками (хотя их нет), корой, дымком, кое-где тепло, кое-где свежесть. Просветы между стволами на валу. Стоял у шалаша. Какой чудесный пролет на старое кладбище, на светлое поле! Светлый горизонт, розоватый. Сухая наглаженная солома кое-где блестит на земле.

На что похожи копны в поле? Обрывки цепи, гусеницы.

Страстное желание (как всегда в хорошую погоду) ехать. Особенно на юг, на море, на купанье.

8 Августа.

Еду в Одессу, пишу под Киевом в вагоне.

[Поехал Иван Алексеевич один, Вера Николаевна осталась в Глотове: «Очень одиноко», записано у нее 8 августа.

В сентябре — Москва, отъезд Буниных через Петербург за границу вместе с Н. Пушешниковым. Берлин, Нюрнберг, Швейцария, Флоренция, Рим, Неаполь, Капри.

В архиве сохранились две открытки, посланные Буниным П. А. Нилусу:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1) 2 ноября.

Дорогие друзья, мы на Капри [...]. В Москве все время хворал — глубокий бронхит. Ехали долго — через Питер, Берлин, Швейцарию, с остановками. [...]

2) Почтовый штемпель: Capri, 23. 12. 11

Дни идут в работе. Написал два рассказа[6] — один послал в «Совр. Мир», другой Сакеру. [...] Ходим в пиджаках, в общем живем — слава Богу. Рано, рано просыпаемся — и все двери настеж на балконы, на морской воздух. «Екатеринослав» пойдет в конце февраля в Японию. Едем? [...]

[В дневничке-конспекте В. Н. сказано: Горькие Ал. М., М. Ф., Черемновы[7], Piccola Marina, Шаляпин и Терещенко.]

1912

[Конспект В. Н.:]

Новый год встречали у Горьких (русский). Ян читал «Веселый двор».

[Сохранились письма Бунина П. А. Нилусу (и Е. Буковецкому):]

4 Янв. 1912 (ст. стиля)[1]:

Дорогие друзья, Вы смолкли — крепко, как перепела, когда погорит заря и потянет ночным ветром: сколько ни трюкай — ни звука в ответ. А я уже беспокоюсь: ну, ты-то, Евгений, вообще редко пишешь, а вот Петр — что с ним сделалось? Видел недавно сон какой-то про него, истолковал его дурно — и хотел было послать телеграмму. Где Вы, как живете? Я свою жизнь и труды свои описывал, теперь нового у меня только то, что отлучались мы с Капри на двое суток — были в Неаполе, Пуцуоли, Помпее и Соренто и дьявольски устали и испортили желудки. Теперь снова

Для сайта BOOK-OLDS.RU

уселись на Капри за работу. Но прохладней стало, завертывает иногда дождь с ветром, приходит в голову, не удрать-ли отсюда недельки через две-три? В Египет, например? Ничего еще не знаю, но мысли бродят. [...] Не знаешь-ли, Петр, о «Екатеринославе» чего-нибудь? [...]

[Открытка от 21 (8) Янв. 1912:]

Ужели Вы так сошли с ума на гравюрах, что и не читали двух томов Толстого? А если да — то что скажете? Я порою не нахожу слов для выражения телячьего восторга! В Русских изданиях страсть сколько выпущено — я читал берлинские. [...]

[Открытка, почтовый штемпель 20. 2. 12:]

[...] Живем по прежнему — в работе. Я написал еще рассказ — развратный. [...]

[За февраль, как сказано в дневничке В. Н., Бунин написал: «Игнат», «Захар Воробьев».

Март: Возвращение домой. Неаполь. Бриндизи, австрийский пароход, Котору, Патрас, Афины. Неделя в Афинах. Путь в Константинополь. Астма у Коли. Одесса. Лондонская гостиница. Батистини. Грациэлла[2]. Куровские. Грузинский. Ценовский, ресторан Кузнецова.

Апрель: Мое возвращение в Москву. [...] «Среда» — «Веселый двор». — Успех большой.

В мае возобновляются дневниковые записи Бунина:]

9 Мая 1912 г.

Юлий, Митя и я ездили в Симонов монастырь.

Потом в 5-ом часу были у Тестова. Говорили о Тимковском, о его вечной молчаливой неприязни к жизни. Об этом стоит подумать для рассказа.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ресторан был совершенно пустой. И вдруг — только для нас одних — развеселый звон и грохот, кэк-уок.

19 Мая. Глотово (Васильевское).
Приехали позавчера.
Пробыли по пути пять часов в Орле у Маши[3].
Тяжело и грустно. Милая, старалась угостить нас. Для нас чистые салфеточки, грубые, серые; дети в новых штанишках.

Орел поразил убожеством, заброшенностью. Везде засохшая грязь, теплый ветер несет ужасную пыль. Конка — нечто совершенно восточное. Скучная жара.

От Орла — новизна знакомых впечатлений, поля, деревни, все родное, какое-то особенное, орловское; мужики с замученными скукой лицами. Откуда эта мука скуки, недовольства всем? На всем земном шаре нигде нет этого.

В сумерках по Измалкову. У одной избы стоял мужик — огромный, с очень обвислыми плечами, с длинной шеей, в каком-то высоком шлыке. Точно пятнадцатое столетие. Глушь, тишина, земля.

Вчера перед вечером небольшой теплый дождь на сухую сизую землю, на фиолетовые дороги, на бледную, еще нежную, мягкую зелень сада. Ночью дождь обломный. Встал больным. Глотово превратилось в грязную, темную яму. После обеда пошли задами на кладбище. Возвращались по страшной грязи по деревне. Мужик покупал на улице у торгаша овечьи ножницы. Долго, долго пробовал, оглядывал, торгаш (конечно, потому, что надул в цене) очень советовал смазывать салом.

Мужик опять точно из древности, с густой круглой бородой и круглой густой шапкой волос; верно, ходил еще в извоз, плел лапти, пристукивал их кочетыгом при лучине.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Перед вечером пошли на луг, на мельницу. Там Абакумов со своими ястребиными глазами (много есть мужиков, похожих на Удельных Великих Князей). Пришел странник (березовский мужик). Вошел, не глядя ни на кого, и прямо заорал:

Придет время,
Потрясется земля и небо,
Все камушки распадутся,
Престолы Господни нарушáтся,
Солнце с месяцем примеркнут,
И пропустит Господь огненную реку,
И поморит нас, тварь земную,
Михаил Архангял с небес сóйдет,
И вострубит у трубы,
И возбудит всех мертвых от гроба,
И возглаголет:
Вот вы были-жили
Вольной волей,
В ранней обедне не бывали,
Поздние обедни прожирали:
Вот вам рай готовый, —
Огни невгасимые!
Тады мы к матери сырой земле припадаем
И слезно восплачем, возрыдаем.

(Я этот стих слыхал и раньше, немного иначе).

Потом долго сидел с нами, разговаривал. Оказывается, идет «по обещанию» в Белгóрод (ударение делает на «город»), к мощам, как ходил и в прошлом году, дал-же обещание потому, что был тяжко болен. Правда, человек слабый, все кашляет, борода сквозная, весь абрис челюсти виден. Сперва говорил благочестиво, потом проще, закурил. Абакумов оговорил его. Иван (его зовут Иваном) в ответ на это рассказал, почему надо курить, жечь табак: шла Богородица от Креста и плакала,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и все цветы от слез Ее сохли, один табак остался; вот Бог и сказал — жгите его. Вообще, оказалось, любит поговорить. Во дворе у него хозяйствует брат, сам-же он по слабости здоровья даже не женился. Был гармонистом, то есть делал и чинил гармонии. Сидел в садах, на огородах. Разговор начал певуче, благочестиво, тоном душеспасительных листков, о том, что «душа в волнах, в забытѝщах».

Потом Иван зашел к нам и стал еще проще. Хвалился, что он так забавно может рассказывать и так много знает, что за ним, бывало, помещики лошадь присылали, и он по неделям живал в барских домах, все рассказывал. Прочитал, как слепые холстину просят:

Три сестры жили, три Марии Египетские были,
На три доли делили, то богаты были.
Одну долю отделили, незрящее тело прикрывали,
А другую долю отделили по тюрьмам темницам,
Третью долю отделили по церквам-соборам.
Не сокрашайте свое тело хорошим нарядом,
А сокрасьте свою душу усердным подаяньем.
Ето ваше подаяние будет на первом присутствии
Как свеча перед образом-Богом.
Не тогда подавать, когда соберемся помирать,
А подавать при своем здоровьи,
Для своей души спасенья,
Родителям поминовенья.
На том не оставьте нашей просьбы!

Рассказывал, что если слепым не подают, они проклинают:

Дай тебе, Господь, два поля крапивы
Да третье лебеды,
Да 33 беды!
Новая изба загорись,
Старая провались!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером гуляли. Когда шли на Казаковку, за нами шла девочка покойного Алешки-Барина, несла пшено. «На кашу, значит?» — «Нет, одним цыплятам мать велит, а нам не дает». Мать побирается, девочка все одна дома, за хозяйку, часто сама топит. «У нас трусы есть, два, цыплят целых двенадцать...»

21 Мая

Еще лучше день, хотя есть ветерок. Ходили на кладбище. Назад через деревню. Как грязны камни у порогов! Солдат, бывший в Манджурии. Море ему не нравится. «Японки не завлекательны».

Иван рассказывал, что в Духовом монастыре (под Новосилем) есть такой древний старец, что, чтобы встать, за рушник, привязанный к костылю в стене, держится. «И очень хорошо советует».

Шкурка змеи — выползень.

Перечитываю Куприна. Какая пошлая легкость рассказа, какой дешевый бойкий язык, какой дурной и совершенно не самостоятельный тон.

23 Мая

Встретил Тихона Ильича. Говорит, что чудесно себя чувствует, несмотря на свои 80 лет, только «грызь живот проела». Сам себе сделал деревянный бандаж. «О! Попробуй-ка! Так и побрехивает!» И заливается счастливым смехом.

Мужик Василий Старуха похож на Лихунчанга, весь болен — астма, грыжа, почки. Побирается, а про него говорят: «Ишь войяжирует!»

Ездили через Знаменье к Осиновым Дворам. Дьяконов сын. Отец без подрясника, в помочах, роет вилами навоз, а сын: «Ах, как бы я хотел прочитать «Лунный камень» Бальмонта!»

Из солдатского письма: «Мы плыли по высоким волнам холодного серого моря».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25 Мая

Все зацвело в садах.

Вчера ездили через Скородное. Избушка на поляне, вполне звериное жилье, крохотное, в два окошечка, из которых каждое наполовину забито дощечками, остальное — кусочки стекол и ветошки. Внутри плачет ребенок Марфутки, дочери Федора Митрева, брошенной мужем. А лес кругом так дивно зелен. Соловьи, лягушки, солнце за чащей осинника и вся белоснежная большая яблоня «лесовка» против избушки.

Нынче после обеда через огороды. Нищая изба Богдановых, полная детей, баб, живут вместе два брата. Дети идиоты. На квартире Лопата. Любовница Лопаты со смехом сказала, что он очень болен. Он вышел пьяный. Вид — истинный ужас. Разбойник, босяк, вся морда в струпьях, — дрался с любовницей. Пропивает землю и мельницу.

Был на мельнице. Разговор с Андреем Сима́новым. По его словам, вся наша деревня вор на воре. Разговор о скопцах. Мужик сказал про лицо скопца: «голомысый». Малый, похожий на скопца, жует хлеб и весело: «Вот выпил, хлебушка закусил, оно и поблажало». [...]

27 Мая. 12 ч.

Ждем Юлия.

Сплю плохо, вчера проснулся очень рано от тоски в животе и душе. Было дивное утро. Свежесть росы, ясность всего окружающего и мысли. Пять часов, а уже все давно проснулось. Все крыши дымились — светлым снизу, тонко и ярко голубым дымом. Нынче опять проснулся около пяти. День дивный, но не выходил до обеда, немного повышена температура. После обеда, часа в два — часто, часто: бам-бам-бам-бам! — набат. Побежали за сад — горит глотовская деревня. Огромный из-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вивающийся столб дыма прелестного цвета, а ниже, сквозь дым, огромное пламя цвета уже совсем сказочного, красно-оранжевого, точно яркой киноварью нарисованного. На деревне творилось нечто ужасающее. Бешено, с дикарской растерянностью таскали из всех изб скарб необыкновенного, дикарского убожества. Бабы каждая точно десять верст пробежала, бледны смертельно, жалкие безумные лица, даже и кричать не могут, только бегают и стонут. Жара — сущий ад, конец улицы совершенно застлан дымом. В один час сгорело девять дворов. Народ со всех деревень все бежит и бежит. Бежит баба, за ней коза. Остановится, ударит козу и опять бежит, а коза за ней.

Перед вечером ходили опять на деревню. Встретили рыжего мужика, похожего на Достоевского: «Мой двор девка отстояла, я был в волости. Одна отстояла: ходит и поливает, только и всего. Давайте мне, говорит, воды, — только и всего. Ходит и поливает, ходит и поливает». И от того, что выпивши, и от умиления — слезы на глазах. «Мне давно один человек говорил: ваша деревня *процветет*, говорит». Подозревают, что деревню сожгли те три двора, что общество хотело выселить в Сибирь (да не выслало, ибо на высылку нужно было 900 рублей). Один из этих дворов — двор тех, что убили Ваньку Цыпляева. Возле песков встретили отца этого Ваньки. Шея клетчатая, пробковая. Рот — спеченая дыра, ноздри тоже, в углах глаз белый гной. Лысый. Потом нас нагнал еще какой-то мужик, а с ним кузнец, он-же и сельский писарь, маленький, говорливый, знаменитый тем, что он всю жизнь посвятил сутяжничеству. К каждому слову: «согласно статье» (не говоря, какой именно) и «глазомерно» (ни к селу, ни к городу).

Все последние дни цвели яблони и сирень. Из зала через гостиную в окне моей комнаты — ярко-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

темная зелень, ниже как-бы зимний вид — белизна яблонь, еще ниже купы цветущей сирени.

28 мая

Прелестнейшая погода, и все слава Богу — и Юлий, и Евгений с нами. Евгений рассказывал об отце Николки Мудрого, которого звали Хмеру, за привычку его говорить к каждому слову «к хмеру», т. е. «к примеру». Он пьянствовал совершенно как одержимый, старуху жену убивал чуть не каждый день до полусмерти. Наконец, она сказала ему, что идет к земскому, просить, чтобы у него отобрали все имущество. И ушла к соседкам. Он посидел, посидел на пороге, потом встал, вошел в избу, взял веревку, поцеловал дочь девченку, пошел в закуту и удавился. Когда Николка (который убивал его страшно, каждый праздник) вернулся под вечер домой, он уже давно был мертв. Николка перерезал веревку, на которой он висел, вытащил его из закуты и положил на навоз возле ворот. Лапти Хмеру зачем-то снял, был в одних онучах. И они торчали серыми трубками.

Ходили в Колонтаевку. Говорили, что хорошо бы написать историю Е. с Катькой. Как он потребовал, чтобы она, его любовница, подвела ему Настьку, — «а не то брошу тебя». Лунная ночь, он с Катькой в копнах. Мать подсматривает, а разогнать боится — барин, дает денег. Коля говорил о босяках, которые перегоняют скотину, покупаемую мещанами на ярмарках. Я подумал: хорошо написать вечер, большую дорогу, одинокую мужицкую избу; босяк — знаменитый писатель (Н. Успенский или Левитов)... Евгений рассказывал: у него в саду сидели два босяка, часто ссорились и один, бывший солдат, наконец застрелил другого (с мыслью сказать, что тот сам застрелился). Холод, поздняя осень. Он перемыл в пруде ру-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

башки, портки, снятые с убитого, надел их. Варил кашу, ночевал от холода под ящиком для яблок...

Потом о последнем дне нашего отца. Исповедуясь, он лежал. После исповеди встал, сел, спросил: «Ну, как по вашему, батюшка, — вы это знаете — есь во мне *она?*» Робко и виновато. А священник резко, грубо: «Да, да, пора, пора собираться».

31 Мая

Прекрасная погода.

Вчера ездили осматривать Жадовскую землю, по межам, среди хлебов.

Нынче часов в пять пришел какой-то нищий солдат, пьяный, плакал, ругал и дворян, и забастовщиков, а царя то ругал, то говорил, что он, батюшка, ничего не видит. [...]

А через час еще один бродяга, в скуфье. Поразительно играл глазами, речь четкая, повышенная, трагическая: «Бог есть добро, добро в человеколюбии!». [...]

7 июня 12 г.

[...] Читал биографию Киреевского[4]. Его мать — Юшкова, внучка Бунина, отца Жуковского.

Поездка в Гурьево. На обратном пути ливень. Оборвался гуж, мучительно тащились по грязи.

Разговаривал с Илюшкой о казнях. Говорил, что за сто рублей кого угодно удавит, «только не из своей деревни». «Да чего-ж! Ну, другие боятся покойников, а я нет».

К Андрею Сенину приблудилась собака. «Пожила, пожила, вижу — без надобности, брехать не брешет, ну я ее и удавил».

В избе у Абакумова показывал фокусы заезжий, бродячий фокусник. В избе стояла корова. Ее «для приличия» отделили от публики «занавесом» — веретьями.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Гуляли с Юлием. Грязь, сырость, холодно. Перебирали ефремовскую компанию. Знаменитый по дерзости еврей Николаев, бивший всех в морду, Анна Михайловна, помощник податного инспектора, сборы Маши в городской сад... Ужасно!

13 Июня.

Все эти дни то хорошо, то дождь.

Вчера ездили в Осиновые дворы.

Сырой, с тучами вечер. Прошли до песков, оттуда через деревню. Стояли возле избы Григория, бывшего церковного сторожа. Сдержан в ответах. Очень вообще скрытны, хитры мужики.

У старух, когда они молятся, кладут поклоны, трещат коленки.

— «Что это ты, Тихон Ильич, грустный стал?» — «Чем *грузный*?»

16 Июня 12 г.

Поездка в лес Буцкого. Выгоны в селе Малиновке. Мужик точно древний великий князь. Много мужиков похожих на цыган.

Ребенок, заголив белое пузо с большим пупком, заносит через порог кривую ножку.

За Малиновым — моря ржей, очаровательная дорога среди них. Лужки, вроде бутырских. Мелкие цветы, беленькие и желтые. Одинокий грач. Молодые грачи на косогоре, их крики. Пение мошкары, жаворонков — и тишина, тишина...

Потом большая дорога — и пение косцов в лесу: «На родимую сторонушку...» В лесу усадьба, полумужицкая. Запах елей, цветы, глушь. Огромные собаки во дворе. Говорят, как-то разорвали человека.

На большой дороге деревушка.

Шла отара, — шум от дыхания щиплющих траву овец.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечер, половина одиннадцатого. Гроза, ливень, буря. Слепит белой молнией, сполохом с зеленоватым оттенком, — в общем остается впечатление жести и лиловатого. Туча с запада. А за садом полный оранжевый месяц (очень низкий) за мотающимися ветвями сада. Небо возле него чисто. Выше красивые облака, точно из размазанных и засохших чернил.

Сейчас опять глядел в окно: месяц прозрачный и все таки нежный, молния ослепляет белым, в последний миг оставляя в глазах лиловое.

17 июня.

Ночь провел плохо, — всю ночь гроза. Просыпался в четыре. Был страшный удар.

После обеда сидел в шалаше. Что за прелестный человек Яков, как приятно слушать его. Всем доволен. «И дожжок хорошо! Все хорошо!» Был женат, пять человек детей; с женой прожил 21 год, потом она умерла и он был семь лет вдовцом. Жениться второй раз уговорили. Был у родных, пришла дурочка «хлебушка попросить». — «А хочешь замуж?» — «За хорошую голову пошла бы». — «Ну, вот тебе и хорошая голова», — сказал ей Яков про себя. Повенчались, а она «прожила с после Успенья до Тихвинской — и ушла. Меня, говорит, прежние мужья жамками, канахфектами кормили; а ты кобель, у тебя ничего нету...» Земли у него полторы десятины. — «Да что-ж, я не жадный, я добродушный».

Вечером были на выезде из Глотова, в крохотной избушке, где молнией убило малого лет 15 и девочке-ребенку голову опалило.

Видел сына Таганка — страшный, седой, древний старик.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20 Июня.

Не мог заснуть до 2 ночи. Встал в полдень. Холодновато, хмуро, дождь. Страшно ярка зелень деревьев. Сев. зап. ветер.

Перечитывал «Пут[ешествие] в Арзрум»[5], — так хорошо, что прочел вслух Вере и Юлию первую главу. Перечитывал Баратынского (прозу) «Перстень» — старинка и пустяки. Как любили прежде рассказывать про чудаков, про разные «странности»!

21 Июня.

Много ветвей с зелеными листьями нарвало, накидало по аллее холодным ураганом.

Яков: «Ничаго! Не первой козе хвост ломать! Мы этих бурей не боимся!»

Читаю «Былины Олонецкого края» Барсова. Какое сходство в языке с языком Якова! Та же криволапая ладность, уменьшит[ельные] имена...

На деревне слух — будто мужиков могут в острог сажать за сказки, кот[орые] мы просим их рассказывать.

Пришел Алексей (прообраз моего Митрофана из «Деревни»). Жалкий, мокрый, рваный, темный, глаза слабые, усталые. Все возмущается, про что-нибудь рассказывает и — «вот бы что́ в газетах-то пронесть!» Жил зимой в Липецке, в рабочем доме, лежал больной, 41 градус жару. Ужасно!

Холод нынче собачий. У меня болит все тело, жилы под коленками.

Яков в непрестанном восхищении перед своим хозяином, — в холопском умилении. Часто представляет его, — у того будто бы отрывистый говор, любовь к странным выходкам, к тому, что бы озадачить человека чем-нибудь неожиданным.

— Придешь к нему, взлохматишь нарочно голову... «Ай ты с похмелья, Яков?». — С похмелья,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Александр Григорич... «Ну на, выпей сотку! Живо!» — А то сидишь — удруг мальчишка бежит: «Скорей, хозяин кличет!» Я со всех ног к нему: что такое, А. Г., что прикажете?» «Садись!» Сел. «Пей!» И ставит на стол бутылку, и с торжеством: «А ведь сад-то я снял!». [...]

У Якова один сын в солдатах (его жена и правит домом летом), другой хромой, пьяница, сапожник, «отцу без пятака латки не положит», а как нужда — к отцу: «Батя, помоги!»

23 Июня.

В 6 1/2 утра уехал Юлий. Скучно и жалко его. Стареет, слабеет.

Вчера северная холодная погода. Прошли в Остров, вернулись через деревню. Пьяный, довольно молодой мужик, красное лицо, губы спеклись, ругает своего соседа. Вид разбойника, того гляди убьет.

Рагулин рассказывал, как их бил Гришка Соловьев. Один из них схватил черпак и ударил Гришкину беременную мать по животу, хотя она-то была совсем не при чем. Скинула.

Были с Колей на Казаковке, в той избе, куда ударило грозой. Никого нету — мать в поле навоз «бьет», отец в Ливнах — пропал, спился, — девка «на месте»; в избе два ребенка — одному мальчишке 3 года, другому лет 10. Этот трехлетний (идиот) сидит без порток, намочил их, «в чугун с помоями вляпался». Изба крохотная и мерзость в ней неописуемая — на лавке разбитые, гнилые лапти и заношенные до черноты, залубяневшие онучи, на полу мелкая гниющая солома, зола, на окне позеленевший самоварчик...

24 Июня.

Проснулся поздно. С утра был дождь.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все грустно об Юлии, ужасно жаль его. Вот уехал и точно не бывало ни его, ни времени с ним.

После обеда прошли через кладбище на деревню. Изба Федора Богданова, выглядывает баба. Коля зашел раз в рабочую пору к ней, а она лежит среди избы на соломе — вся черная, глаза огненные — рожает. Четыре дня рожала — и ни души кругом! Вот это «рождение человека»!

Посидели с Яковом.

— Яков Ехимыч!

— Аюшки?

— Ты что любишь из кушаний?

— Моя душа кривая, все примая. И мед — и тот прет. А я всего раз сытый был — когда на сальнях, на бойнях под Ельцом жил.

Потом разговор о старости, о смерти. Я рассказал ему о Мечникове.

— Да, конечно, стараются, жалованье получают...

26 Июня.

Холода, сумрачно, нынче несколько раз принимается дождь. Сидели опять с Яковом, он начал было рассказывать «Конька-Горбунка» — чудесно путает чепуху — потом надоело, бросил.

Были на мельнице. Грязь, дождь, скука, один Абакумов не унывает, энергия неугасимая.

Мужик, поднимая меру с рожью, прижимая ее к животу, высоко задирает голову.

[В архиве я нашла письмо (написанное карандашом) в конверте, адресованном П. А. Нилусу (почтовый штемпель 5. 7. 12):]

Едем — я, Вера и Коля — в гости к Александру Сергеевичу Черемнову [...] Были в Москве. Почти набран том моих новых рассказов. Как его озаглавить? В нем все только о Руси — о мужиках

Для сайта BOOK-OLDS.RU

да «господах». «Смерть», «Крик» оставил для другого тома, если Бог даст его. Как озаглавить? Придумай! «Русь»? «Наша душа»? Или просто «Повести и рассказы»?[6] [...]

7 Июля 12 г. Клеевка, Себежский уезд.
Гостим у Черемнова.
В Глотове замучил дождь. Выехали оттуда 29 июня в Москву. В Москве пробыли до утра 4-го. Здесь тоже дождь.

Перебирали с Юлием сумасшедших, вернее, «тронувшихся», в нашем роду: дед Ник. Дм., Олимпиада Дмитриевна, Алексей Дм., Ольга Дм., Владимир Дм., Анна Вл. (Рышкова), Варвара Никол. (сестра нашего отца), Анна Ивановна (Чубарова, урожденная Бунина). Впрочем, все они «трогались» чаще всего только в старости.

Наше родословие: прадед — Дм. Семеныч, его дети — Ник. Дм., Олимпиада Дм., Алексей, Ольга, Владимир. У Дм. Сем. был брат Никифор Семен., его сын — Аполлон, а у Аполлона — Влад. и Федор. Дмитрий Сем. служил в гвардии в Петербурге.

Яков Ефимыч рассказывал, что он иногда и теперь «кой с кем» занимается («займается»), — с какой-нибудь «пожилой бабочкой»:

— Ну, сделаешь ей там валёк (валёк для битья белья) — вот и расход весь...

Про смерть:

— Вона, чего ее бояться! Схоронят з'ызбой (за избой), помянут п...ой.

Про облака:

— Облака, они толстые, непревают, выспаре-ние делают.

Ходил перед отъездом к Рогулину, записывать его сказки. Хозяева пьют чай, их мальчишка конфоркой от самовара об стену — и с радостно-жуткой улыбкой к уху ее: она гудит и щекочет.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[13 июля Бунин пишет Нилусу из Клеевки (Витебская губ.):]

[...] Я вял и бесплоден. Жить здесь очень приятно. Край оригинальный — холмистый, лесистый, пустынный, редкие маленькие поселки среди лесов, хлебов мало. Но погода была почти все дни дурна. Я простудился, немножко повалялся в насморке. И все только читаю. [...]

[Продолжение записей:]

12 Августа 12 г., Клеевка.

Девятого ходили перед вечером, после дождя, в лес. Бор от дождя стал лохматый, мох на соснах разбух, местами висит, как волосы, местами бледно-зеленый, местами коралловый. К верхушкам сосны краснеют стволами, — точно озаренные предвечерним солнцем (которого на самом деле нет). Молодые сосенки прелестного болотно-зеленого цвета, а самые маленькие — точно паникадила в кисее с блестками (капли дождя). Бронзовые, спаленые солнцем веточки на земле. Калина. Фиолетовый вереск. Черная ольха. Туманно-синие ягоды на можжевельнике.

Десятого уехали в дождь Вера и Юлий; Вера в Москву, Юлий в Орел.

Нынче поездка к Чортову Мосту. В избе Захара. Угощение — вяленые рыбки, огурцы, масло, хлеб, чай. Дождь в дороге.

С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок.

[В августе Бунин ездил на Кавказ, из-под Гурзуфа, из Су-Ук-Су послал Нилусу 31 августа открытку. В октябре — Москва, где остановился в Лоскутной гостинице, на бумаге которой 20 окт. пишет Нилусу письмо:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...]Неужели не приедешь на юбилей?! Ты с ума сошел! Вот так друг! Как! Не найти 50 целковых на проезд! Отказываюсь верить! [...]

[Дело в том, что 28 октября праздновалось 25-летие литературной деятельности Бунина. У Веры Николаевны отмечено:]

Днем у нас прием депутации, dejeuner dinatoire в зале Лоскутной. Масса цветов. Вечером банкет[7].

[12 ноября Бунин в открытке Нилусу пишет: «[...] замотался. Едем нынче заграницу. [...]» Через Варшаву, Вену, Венецию, Неаполь Бунины в декабре приехали опять на Капри. С ними приехал и Ник. Ал. Пушешников. Судя по конспекту Веры Ник., Бунин в декабре написал «Преступление», «Князь во князьях» и «Вера».]

1913

[В дневничке-конспекте В. Н. записано:]

— Новый год у Горьких, Ян читал.

[В открытке Нилусу (почтовый штемпель 25. 1. 13, Capri) Бунин, между прочим, пишет:]

Писал во все руки, переписывал — кое-что отправляю. Сочинил 4 небольших рассказа. [...] Был Андреев 4 дня, пьянствовал, зацеловывал меня и говорил дерзости.

[У В. Н. записано, что за январь и февраль Иван Алексеевич написал: «Илья Пророк», «Забота», «Будни», «Личарда», «Последний день», «Вина», «Иоанн Рыдалец», «Копье Господне», «Псальма».

В марте: «Ян пишет «Чашу жизни». Нервен, раздражителен, придирчив».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В письме Нилусу, написанном на бумаге Grand Hôtel Quisisana, Capri от 2 марта/17 февр. 1913, Бунин сообщает:]

[...] Шлю тебе, Петр один из рассказов, написанных мною. Есть еще штук 5 — лучше. [...] Глупейшая зима — дожди, бури. Чувствую себя паршиво. [...]

Жил Шаляпин неделю. Я ему закатил обед — он пел после обеда часа два. Весь отель слушал, трепетал.

[У В. Н. записано, что Шаляпин приехал 2 февраля.

В конце марта: Отъезд домой. Неаполь, Генуя... Швейцария, высоко снега. Яну очень плохо. Инсбрук. Вена.]

[17/3 апр. открытка Нилусу:]

Вчера приехали в Вену. Завтра-послезавтра думаем выехать отсюда на Одессу — или по ж. д., или по Дунаю. Иду наводить справки. [...]

[Запись В. Н.:]

[...] Скандал на границе из-за книг. Разъезд: Ян в Одессу, Коля в Глотово, я — в Москву.

[В середине апреля вернулся в Москву и Бунин.

29 апреля: Отъезд в Петербург.

В середине мая Бунины поселились на даче Ковалевского под Одессой: Федоровы, Нилус, Юлий Алексеевич, — записывает В. Н.

Сохранилась перепечатанная на машинке запись Бунина:]

26 Июля 1913 г., дача Ковалевского (под Одессой)

Нынче уезжает Юлий. А наступила дивная погода. Страшно жалко его.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Каждое лето — жестокая измена. Сколько надежд, планов! И не успел оглянуться — уже прошло! И сколько их мне осталось, этих лет? Содрогаешься, как мало. Как недавно было, напр. то, что было семь лет тому назад! А там еще семь, ну, 14 — и конец! Но человек не может этому верить.

Кончил «Былое и думы»[1]. Изумительно по уму, силе языка, простоте, изобразительности. И в языке — родной мне язык — язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени.

[Записи В. Н.:]

Июль: Овсян[ико]-Куликовские, Куровск[ий]. «При дороге». Ян читал «Я все молчу».
Август, Сентябрь, Октябрь: Лоскутная. 50-летие Русских Ведомостей. Речь Яна. Банкет. Скандал. Инцидент Строева и Бун[ина].

Приезд в Москву.

М. Ф. Андреева.

«Среда» у Телешовых — Я все молчу.
Ноябрь: «Среда» в кружке — «Чаша жизни». Продажа дома[2].

Декабрь: 4 — Ян в Петербурге. Именины Белоусова. 6-го вернулся. [...] Сборы за границу [...]

20 — отъезд. [...] Берлин, Мюнхен, Бреннер-Пасс, Меран[3], Рим, Неаполь, Капри. Горькие уехали. Мать Ек[атерины] П[авловны], Кончевская, Черемновы.

1914

[Сохранились рукописные странички с записями Бунина:]

Капри 1/14 Янв. 14 г.

Позавчера с Верой и с Колей приехали на Капри. Как всегда, отель «Квисисана».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Горький и Кат. Павл. с Максимом уехали в Россию, он на Берлин, она на Вену.

Вчера встречали Нов. Год: Черемновы, вдова революционера и «историка» Шишко с психопаткой своей дочерью, Иван Вольнов, Янина и мы.

Ныне весь день проливной дождь. Кляну себя, что приехал. Италия зимой убога, грязна, холодна да и все давно известно-переизвестно здесь.

2. I. 14

Проснулся необычайно поздно — в 9: дождь, буря (со стороны Амальфи).

Потом временами солнечно, временами сыро. Очень прохладно. [...]

Вечером на даче Горького — там живет Шишко и мать Катерины Павл. — старозаветнейшая старуха: воображаю, каково ей жить ни с того ни с сего среди эмигрантов, бунтарей! И с трепетом в душе: шутка-ли, за какую знаменитость попала ее дочка!

4. I. 13 [14]

Весь день мерзкая погода. В газетах о страшных метелях в России. Землетрясение на итальянских озерах.

Лень писать, вялость — и беспокойство, что ничего не делаю.

5. I. 14

Отчаяние — нечего писать!

Солнечно и холодно.

6. I. 14

То же. А день прелестный.

7. I. 14

Пасмурно, прохладно. Пожар в Квисисане.

8. I. 14

Ужасная погода. Опять боль в боку (в правом) ниже ребер, возле кости таза.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9. I. 14

Весь день дождь. Боль.

Старухи (мать К. П. и Шишко) — «сюжет для маленького рассказа». Шишко была в дружбе с Э. Реклю, с Кропоткиным.

11. I. 14

Прохладно, но чудесно.

Начал «Человека» (Цейлонский рассказ)[1]. [...]

23. I. 14

Едем с Колей в Неаполь.

24. I. 14

Вчера из Неаполя ездили в Салерно. Удивительный собор. Пегий — белый и черно-сизый мрамор — совсем Дамаск. Потом в Амальфи.

Ночевали в древнем монастырском здании — там теперь гостиница. Чудесная лунная ночь.

Необыкновенно хорошо, только никаких муратовских сатиров[2].

25. I. 14

Выехали из Амальфи на лошадях. [...] Дивный день.

[Записи В. Н. в дневничке-конспекте:]

Март — Отъезд с Капри, Неаполь. [...] Рим — Страстная, Храм Св. Петра. [...] Сад Боргезе. Катание по Риму. [...] Венеция. [...] В Триесте на пароход. Аббация. [...] Фиумэ.

30 марта ст. ст. Пасха Катол. вечером отъезд в Загреб. [...] Будапешт. [...] Отплытие вниз по Дунаю к Черному морю. [...]

Астма[3] заставляет нас пересесть в поезд. [...] Бухарест. Провинция румынская. [...]

5 апреля в Одессе. [...]

Москва, Скатертный пер[еулок] и Княжий Двор. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Среда: «Братья».

Май: Отъезд в Одессу. Дача Ковалевских. [...] Зайцев 10 дней у нас. [...]

[В «Происхождении моих рассказов» Бунин вспоминает: «В июне 14 года мы с братом Юлием плыли по Волге от Саратова до Ярославля [...]». Вероятно, ко времени этой поездки и относятся следующие дневниковые записи, сохранившиеся в рукописи:]

19. VI. 1914.

На корме грязь, вонь, мужики весь день пьют. Какой-то оборванный мальчишка бесстрастно поет:

Запала мысль злодейская:
Впотьмах нашел топор...

Приземистый, пузатый монах в грязном парусиновом подряснике, желтоволосый, с огненно-рыжей бородой, похожий на Сократа, на каждой пристани покупает ржавые таранки, с золотисто-коричневой пылью в дырах выгнивших глаз.

Вечер, Жигули, запах березового леса после дождя. На пароходе пели молебен.

20. VI. 1914

Половина девятого, вечер. Прошли Балахну, Городец. Волга впереди — красно-коричнево-опаловая, переливчатая. Вдали, над валом берега в нежной фиолетовой дымке, — золотое, чуть оранжевое солнце и в воде от него ослепительный стеклянно-золотой столп. На востоке половинка совсем бледного месяца.

Одиннадцать. Все еще не стемнело как следует, все еще впереди дрожат в сумраке в речной ряби цветистые краски заката. Месяц справа уже блещет, отражается в воде — как бы растянутым, длинным китайским фонарем.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21. VI. 14. В поезде под Ростовом Великим.

Ясный, мирный вечер — со всей прелестью июньских вечеров, той поры, когда в лесах такое богаство трав, зелени, цветов, ягод. Бесконечный мачтовый бор, поезд идет быстро, за стволами летит, кружится, мелькает-сверкает серебряное лучистое солнце.

[А вот страничка, написанная уже старческим почерком Ивана Алексеевича:]

В начале июля 1914 г. мы с братом Юлием плыли вверх по Волге от Саратова, 11 (одиннадцатого) июля долго стояли в Самаре, съездили в город, вернулись на пароход (уже перед вечером) и вдруг увидали несколько мальчишек, летевших по дамбе к пароходу с газетными клочками в руках и с неистовыми веселыми воплями: Екстренная телеграмма, убийство австрийского наследника Сараева [в Сараеве. — М. Г.] в Сербии.

Юлий схватил у одного из них эту телеграмму, прочитал ее несколько раз и, долго помолчав, сказал мне:

— Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!

Через несколько дней мы вернулись с ним на дачу Ковалевского под Одессой, которую я снимал в то лето и на которой он гостил у меня, и вскоре началось сбываться его предсказание.

В августе мы уже должны были вернуться в Москву. Уже шла наша война с Австрией.

[Сохранилась еще одна рукописная запись этого времени:]

28. VII. 1914. Дача Ковалевского, под Одессой.

Половина двенадцатого, солнечный и ветреный день. Сильный, шелковистый, то затихающий,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

то буйно возрастающий шум сада вокруг дома, тень и блеск листвы в деревьях, волнение зелени, мотанье туда и сюда мягко гнущихся ветвей акаций, движущийся по подоконнику солнечный свет, то яркий, то смешанный с темными пятнами. Когда ветер усиливается, он раскрывает зелень и от этого раскрывается и тень на меловом потолке комнаты — потолок, светлея, становится почти фиолетовый. Потом опять стихает, опять ветер уходит куда-то далеко, шум его замирает где-то в глубине сада, над морем...

Написать рассказ «Неизвестный». — «Неизвестный выехал из Киева 18 марта в 1 ч. 55 дня...» Цилиндр, крашеные бакенбарды, грязный бумажный воротничек, расчищенные грубые ботинки. Остановился в Москве в «Столице». На другой день совсем тепло, лето. В 5 ч. ушел на свадьбу своей дочери в маленькую церковь на Молчановке. (Ни она и никто в церкви не знал, что он ее отец и что он тут.) В номере у себя весь вечер плакал — лакей видел в замочную скважину. От слез облезла краска с бакенбард...

[9 ноября Бунин пишет из Москвы Нилусу:]

Дорогие друзья, газеты на этот раз правы — я болен, не так тяжко, как пишут, но болен: недели две держалась инфлуэнца, доходило иногда чуть не до 40°, теперь — уже с неделю — держится боль в правой брови и в глазу, временами, чрезвычайно мучительная. Почти ничего не могу делать, не могу долго читать и писать. [...]

Вера поехала в Вязьму — повидаться с Павликом[4], который направляется на войну. В Москве уже зима. [...]

[25 декабря 1914 г., на бланке «День печати» в Москве: Редакционный комитет по изданию Московского Сборника на помощь жертвам

Для сайта BOOK-OLDS.RU

в о й н ы обращается к Вам с просьбою принять безвозмездное участие в этом сборнике и прислать рассказ или стихотворение (на любую тему) не позже 15 января 1915 года по адресу: Москва, Покровский бульвар, 18, Ник. Дм. Телешову. (Ив. Бунин, В. Вересаев, Н. Телешов).]

Дорогой друг, вот сборник, в котором тебе следовало бы принять участие. С Вересаевым мы во вкусах не сходимся, а Телешов слаб духом, посему есть шанс [...], что тебе могут отказать, но не обращай на это внимания [...]

Через неделю думаю ехать на месяца два или полтора в деревню — в ножки бы тебе поклонился, если бы *ты немедля послал* туда ружье и патроны. [...]

P. S. Был долгий скандал в «Книгоиздательстве»[5]. Я отказался от редакторства.

1915

[Рукописная запись Бунина:]

Москва, 1 Янв. 1915.

Позавчера были с Колей в Марфо-Мариинской обители на Ордынке. Сразу не пустили, дворник умолял постоять за воротами — «здесь в[еликий] кн[язь] Дм[итрий] Павл[ович]». Во дворе — пара черн[ых] лошадей в санях, ужасный кучер. Церковь снаружи лучше, чем внутри. В Грибоедовском переулке дома Грибоедова никто не мог указать. Потом видели безобразно раскрашенную церковь Ивана Воина. Там готовились крестить ребенка. Возвращались на пьяном извозчике, похожем на Андреева. От него воняло денатур[атным] спиртом, который пьют с квасом. Он сказал: «Дед на бабку не пеняет, что от бабки воняет».

Вчера были на Ваганьков[ском] кладб[ище]. Вся роща в инее. Грелись на Александр[овском]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вокзале. Лакей знакомый, из Лоскутной, жалеет о ней — «привык в кругу литераторов жить», держал чайную возле Харькова, но «потерпел фиаско». Потом Кремль, долго сидели в Благовещ[енском] соборе. Изумительно хорошо. Слушали часть всенощ[ной] в Архангельском. Заехали в Зачатьевский монастырь. Опять восхитили меня стихиры. В Чудове, однако, лучше.

В 12 ночи поехали в Успенск[ий] собор. Черный бесконечный хвост народа. Не пустили без очереди. Городовой не позволил даже в дверь боковую, в стекла заглянуть — «нечего там смотреть!»

Нынче часа в 4 Нов[о]-Дев[ичий] монастырь. Иней. К закату деревья на золотой эмали. Очень странны при дневном свете рассеянные над могилами красные точки огоньков, неугасимых лампад.

[Следующие записи переписаны на машинке:]

2 Января 1915 г.

Иней, сумерки. Розовеют за садом, в инее, освещенные окна.

3 Января

В 2 часа поехали с Колей в Троице-Сергиевскую Лавру. Были в Троицком соборе у всенощной. Ездили в темноте, в мятель, в Вифанию. Лавра внушительна, внутри тяжело и вульгарно.

4 Января

Были в Скиту, у Черниговской Божьей Матери. Акафисты в подземной церковке. Поп выделывал голосом разные штучки. Вернулись в Москву вечером. Федоров.

5 Января

Провожал Федорова на Николаевский вокзал — поехал в Птб., а потом в Варшаву. Вечером у

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нас гости, Любочка. Был на заседании. Князь Евг. Трубецкой. [...]

7 Января

Поздно встал. Читаю корректуру. Серый день. Все вспоминаются монастыри — сложное и неприятное, болезненное впечатление.

8 Января

Завтракал у нас Горький. Все планы, нервничает. Читал свое воззвание о евреях.

9 Января 15 г.

Отдал в набор свою новую книгу.

Кончил читать Азбуку Толстого. Восхитительно. [...]

11 Января

Была Авилова[1]. Говорила, м. пр., что она ничего не знает, ничего не видала — и вот уже седая голова. [...]

14 Января

Все мерзкая погода. Телеграмма от Горького, зовет в Птб. [...]

16 Января

Непроглядный мокрый снег к вечеру. Поехали с Колей в Птб. Страшно ударила меня в левое плечо ломовая лошадь оглоблей. Едва не убила.

17 Января. 15 г.

Птб., гост. Англия.

Дивная морозная погода.

Заседание у Сологуба[2]. Он в смятых штанах и лакированных сбитых туфлях, в смокинге, в зеленоватых шерстяных чулках.

Как беспорядочно несли вздор! «Вырабатывали» воззвание в защиту евреев.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 Янв.

Поездка на панихиду по Надсону. Волково кладбище. Розовое солнце.

Был в Куокале у Репина[3] и Чуковского[4]. Вечером обедал у Горького на кв[артире] Тихонова. Хорош Птб!

19 Янв.

Вечером с курьерским уехали из Птб. Хотели ехать в Новгород, но поезда ужасно неудобны (в смысле расписания).

28 Янв.

Чествование Юлия. Почтили память худ. Первухина — нынче его похоронили.

29 Янв.

Завтрак с Ильей Толстым[5] в «Праге». [...]

7 Февраля 15 г.

Вышла «Чаша Жизни». Заседание у Давыдова об ответе англ[ийским] писателям.

18 Февраля

Отпевание Корша[6] в университетс[кой] церкви. Два епископа. Сильное впечатление.

Вчера ночью в 12 ч. 52 м. кончил «Грамматику любви». «Среда». Читали Шкляр, Зилов, Ляшко.

22. 2. 15.

Наша горничная Таня очень любит читать. Вынося из под моего письменного стола корзину с изорванными бумагами, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает — медленно, с напряженьем, но с тихой улыбкой удовольствия на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется...

Как мы жестоки!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В начале марта (почтовый штемпель 3 или 5 марта) Бунин пишет Нилусу:]

[...] к креслу я привинчен не по старости, а по болезни: клянусь тебе, что всю зиму тяжело страдаю — заел бок и все истекаю кровью, хотя лечусь и живу, как святой. [...]

29 марта 1915 он пишет:

[...] Слушал «Всеощ[ное] бдение» Рахманинова. Кажется, мастерски обработал все чужое. Но меня тронули очень только два-три песнопения. Остальное показалось обычной церковной риторикой, каковая особенно нетерпима в служениях Богу. [...]

...Рыба кета запала мне в голову. Я над этим и прежде много думал. Все мы такая-же рыба. Но помни, о поэт и художник! — мы должны метать икру только в одно место. [...]

С корректурой для «Нивы» стало легче. Пишу для «Истории Рус[ской] литературы» Венгерова автобиографию. Это мука. Кажется, опять ограничусь заметкой. [...]

[Из дневниковых записей Бунина:]

9 Мая, Рест[оран] «Прага».

Рядом два офицера, — недавние штатские — один со страшными бровными дугами. Под хаки корсет. Широкие, колоколом штаны, тончайшие в коленках. Золотой портсигар с кнопкой, что-то вроде жидкого рубина. Монокль. Маленькие, глубокие глазки. Лба нет — сразу назад от раздутых бровных дуг.

У метрдотелей от быстрой походки голова всегда назад.

Для рассказа: сильно беременная, с синими губами.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все газеты полны убийствами, снимками с повешенных. А что я написал, как собаку давят, не могут перенести!

Вторник 30 Июня, Глотово.

Уехал из Москвы 9 Мая. Два дня был в Орле. Сюда приехал 12.

1 Июля 15 г.

Погода прекрасная. Вообще лето удивительное.

Собрать бы все людские жестокости из всей истории. Читал о персидских мучениках Даде, Тавведае и Таргала. Страшное описание Мощей Дм[итрия] Ростовского. [...]

3 Июля.

Читал житие Серафима Саровского. Был дождь.

4 Июля.

Житие юродивых. Дождь. Записки Дашковой.

1 Августа, Глотово.

Позавчера уехал Юлий, утром в страшный дождь. Кажется, что это было год тому назад. Погода холодная и серая. Вечером позавчера долго стояли возле избы отца так страшно погибшей Доньки. Какие есть отличные люди! «Жалко дочьто?» — «Нет». Смеется. И потом: «Я через нее чуть не ослеп, все плакал об ней». Нынче вечером сидели на скамейке в Колонтаевке. Тепло, мертвая тишина, запах сырой коры. Пятна неба за березами. Думал о любви.

2 Августа 15 г.

Серо и холодно. Проснулся рано, отправил корректуру «Суходола». Во втором часу газеты. Дикое известие: Куровский[7] застрелился. Не вяжется, не верю. Что-то ужасное — и, не знаю, как сказать: циническое, что-ли. Как я любил его!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Не верю — вот главное чувство. Впрочем, не умею выразить своих чувств.

3 Августа

[...] Все же я равнодушен к смерти Куровского. Хотя за всеми мыслями все время мысль о нем. И умственно ужасаюсь и теряюсь. Что с семьей? Выстрелил в себя и падая, верно, зацепился шпорой за шпору.

Вечером были в Скородном. Заходил в караулку. Окна совсем на земле. 5 шагов в длину, 5 в ширину. Как ночевать тут! Даже подумать жутко. Возвращались — туманно, холодно. Два огня на Прилепах, как в море.

Неужели это тот мертв, кто играл в Мюррене? С кем столько я пережил? О, как дико!

Веры все еще нет, уехала через Вырыпаевку в Москву еще 10-го июля.

Долго не мог заснуть от мыслей о Куровском.

4 Августа.

С утра дождь и холод. Страшная жизнь караульщика сада и его детей в шалаше, с кобелем. Варит чугун грибов. [...]

Послал телеграмму Нилусу, спрашивал о Куровском.

6. VIII

Приехала Вера. Привезла «Од[есские] Нов[ости]». Там о Куровском. Весь день думал о нем.

7. VIII

Тихий, теплый день. Пытаюсь сесть за писание. Сердце и голова тихи, пусты, безжизненны. Порою полное отчаяние. Неужели конец мне как писателю? Только о Цейлоне хочется написать.

8 ч. 20 м. Ужинал, вошел в свою комнату — прямо напротив окно, над купой дальних лип —

Для сайта BOOK-OLDS.RU

очень темно-зеленой — на темной, мутной, без цвета синеве (лиловатой) почти оранжевый месяц.

21 Августа

Две недели не записывал. Время так летит, что ужас берет. 14-19 писал рассказ «Господин из Сан-Франциско». Плакал, пиша конец. Но вообще душа тупа. И не нравится. Не чувствую поэзии деревни, редко только. Вижу многое хорошо, но нет забвенности, все думы об уходящей жизни.

Годные гуляют, три-четыре мальчишки. Несчастные — идут на смерть и всего удовольствия — порычать на гармонии.

В Москве, в Птб. — собственно говоря «учредительное собрание».

Все глотовские солдаты — в плену.

[...] Вчера снимали Тихона Ильича. «Вот и Николаю Алексеевичу может идти в солдаты... Да ему что-ж, хоть и убьют, у него детей нету». К смерти вообще совершенно тупое отношение. А ведь кто не ценит жизни — животное, грош тому цена. [...]

[Из письма Бунина Нилусу от 15 сентября 1915 г.:]

Здесь надеюсь пробыть еще с месяц. Потом отправимся в Москву. Где будем проводить зиму, еще не знаю. Верно, здесь-же. Куда теперь денешься! Все битком набито.

Не припомню такой тупости и подавленности душевной, в которой уже давно нахожусь. Вероятно, многое действует, иногда, может быть, даже помимо сознания. А смерть Павлыча прямо сбила меня с ног, хотя странно, *острую* боль я испытывал только минутами. Впрочем, этого не расскажешь, особенно письменно. И не дивись, что я ничего не написал тебе об этом. Ничего не могу выразить.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Пятый месяц живу здесь изумительно однообразной жизнью. Все читаю, да хожу, да думаю. Деревни опустели так, что жутко порой. Война и томит, и мучит, и тревожит. Да и другое многое тоже. «Портфель» мой пуст. [...]

[Вера Николаевна уехала в Москву в конце сентября, в ноябре приехал туда и Бунин. Затем (дневничок В. Н.): Поездка Яна в Петербург. «Среда» у Переплетчикова. 20 декабря — отъезд в деревню. 21 — Глотово.]

1916

[За январь и февраль у В. Н., между прочим, отмечено: Занятие фотографией. Снимание мужиков.

Записи Бунина, переписанные на машинке:]

23. II. 16

Милый, тихий, рассеянно-задумчивый взгляд Веры, устремленный куда-то вперед. Даже что-то детское — так сидят счастливые дети, когда их везут. Ровная очаровательная матовость лица, цвет глаз, какой бывает только в этих снежных полях.

Говорили почему-то о Коринфском[1]. Я очень живо вспомнил его, нашел много метких выражений для определения не только его лично, но и того типа, к которому он принадлежит. Очень хорошая фигура для рассказа (беря опять таки не его лично, но исходя из него и сделав, например, живописца самоучку из дворовых). Щуплая фигурка, большая (сравнительно с нею) голова в пошло картинном буйстве коричневых волос, в которых вьется каждый волосок, чистый, прозрачный, чуть розовый цвет бледного лица, взгляд как будто слегка изумленный, вопрошающий, настороженный,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

как часто бывает у заик и пьяниц, со стыдом всегда чувствующих свою слабость, свой порок. Истинная страсть к своему искусству. [...]

На возвратном пути я говорил о том, какую огромную роль в жизни деревни сыграют пленные. Еще о том, что дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие.

17. III. 16

[...] Нынче именины отца. Уже десять лет в могиле в Грунине — одинокий, всеми забытый, на мужицком кладбище! И уж не найти теперь этой могилы — давно скотина столкла. Как несказанно страшна жизнь! А мы все живем — и ничего себе!

К вечеру свежей. В небе, среди облаков, яркие прогалины лазури. Мокрый блеск на коре деревьев.

Вечер очень темный. От темноты, грязи и воды нельзя никуда пойти. До одиннадцати ходили по двору, от крыльца до скотного двора. Говорили о Тургеневе. Я вспомнил, как Горький басил про него со своей лошадиной высоты: «Парное молоко!» Я говорил еще, что Пушкин молодым писателям нравственно вреден. Его легкое отношение к жизни безбожно. Один Толстой должен быть учителем во всем. [...]

[Следующие страницы написаны рукой Бунина:]

21 Марта 16 г.

Вечером гуляли по задворкам, возле кладбища. Темь, туман. Сад виден неясно, рига совсем не видна, только когда подошли к ней, обозначилась ее темная масса.

Говорили об Андрееве. Все таки это единств[енный] из совр[еменных] писателей, к кому

Для сайта BOOK-OLDS.RU

меня влечет, чью всякую новую вещь я тотчас-же читаю. В жизни бывает порой очень приятен. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. Все схватывает с полслова, ловит малейшую шутку — полная противоположность Горькому. Шарлатанит, ошарашивает публику, но талант. Впрочем, м. б., и хуже — м. б., и самому кажется, что он пишет что-то великое, высокое. А пишет лучше всего тогда, когда пишет о своей молодости, о том, что было пережито.

Дома нашли газеты и «Совр[еменный] мир»[2]. Задирчивая статья Чирикова[3] о Тальникове[4] — Чириков «верит в рус[ский] народ!». В газетах та же ложь — восхваление доблестей рус[ского] народа, его способностей к организации. Все это оч[ень] взволновало. «Народ, народ!» А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действит[ельно] несчастн[ого] народа?

22 Марта.

Коля записал то, что я вчера говорил с ним и принес мне эту запись: «Ив. Алекс. статьей Чирикова и газетами так[5] взволнован, что до поздней ночи, уже сидя и ежеминутно куря в постели, говорил:

— Нет, с какой стати он так его оскорбляет? Кто дал ему на это право? Ах, уж эти русские интелегенты, этот ненавистный мне тип! Все эти Короленки, Чириковы, Златовратские[6]! Все эти защитники народа, о котором они понятия не имеют о котором слова не дают сказать[7]. А это идиотское деление народа на две части: в одной хищники, грабители, опричники, холопы, царские слуги, правительство и городовые, люди без всякой чести и совести, а в другой — подлинный народ, мужики,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«чистые, святые, богоносцы, труженики и молчальники». Хвостов, Горемыкин, городовой это не народ. Почему? А все эти начальники станций, телеграфисты, купцы, которые сейчас так безбожно грабят и разбойничают, что же это — тоже не народ? Народ-то это одни мужики? Нет. Народ сам создает правительство и нечего все валить на сам модержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, не даром же она продержалась триста лет! Ведь вот газеты! До какой степени они изолгались перед русским обществом. И все это делает русская интелегенция. А попробуйте что-нибудь сказать о недостатках ее! Как? Интелегенция, которая вынесла на своих плечах то-то и то-то и т. д. О каком же здесь можно думать исправлении недостатков, о какой правде писать, когда всюду ложь! Нет, вот бы кому рты разорвать! Всем этим Михайловским, Златоврат ским, Короленкам, Чириковым!.. А то: «мирские устои», «хоровое начало», «как мир батюшка скажет», «Русь тем и крепка, что своими устоями» и т. д. Все подлые фразы! Откуда-то создалось совершенно неверное представление о организаторских способностях русского народа. А между тем нигде в мире нет такой безорганизации! Такой другой страны нет на земном шаре! Каждый живет только для себя. Если он писатель, то он больше ничего, кроме своих писаний, не знает, ни уха ни рыла ни в чем не понимает. Если он актер, то он только актер, да и ничем, кроме сцены, и не интересуется. Помещик?.. Кому неизвестно, что представляет из себя помещик, какой-нибудь синеглазый, с толстым затылком, совершенно ни к чему не способный, ничего не умеющий. Это уж стало притчей во языцех. С другой же стороны — толстобрюхий полицейский поводит сальными глазками — это «правящий класс».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из переписанных на машинке записей:]

24 Марта 16 г.

Яркий, настоящий весенний день. Крупные облака в серых деревьях, серые стволы имеют необыкновенно прелестный тон и глянец. Напоминает картины Бэклина.

После обеда стреляли в галок. [...] Какое-то приторное, гадкое впечатление. Мы еще совершенные звери. А из-за вала мрачно-равнодушно глядел какой-то рыжий малый. Собирается идти добровольцем на войну. Почему? Целый рассказ! — «А если убьют?» — «Ну, что-ж. Все равно». [...]

25 Марта.

Облачный день, на черно-жирных буграх остатки талого снега, — что-то траурное. Опять видели возле попа мужика, утопившего лошадь и розвальни в колдобине, полной воды и снега. Лошадь серая, лежит на животе, вытянув передние ноги, и карабкается ими, а мужик бьет ее кнутовищем по голове, из которой смотрят человеческие глаза. На помощь ему подошел другой и оба долго, раздумывая и заходя с разных сторон, пытались ее вытащить.

Пьеса А. Вознесенского «Актриса Ларина». Я чуть не заплакал от бессильной злобы. Конец русской литературе! Как и кому теперь докажешь, что этого безграмотного удавить мало! Герой — Бахтин — почему он с такой дворянской фамилией? — называет свою жену Лизухой. «Бахтин, удушливо приближаясь...» — «Вы обо мне не тужьте... (вместо «не тужите») и т. д. О, Боже мой, Боже мой! За что Ты оставил Россию!

Вечером на кладбище. Месяц блестит в перепутанных сучьях, большая Венера, но все таки как-то сумрачно и траурно от земли и кое-где лежащего снега.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Потом небо стало туманиться и деревья стали еще тоньше и красивее.

Перечитал «Дядю Ваню» Чехова. В общем, плохо. Читателю на трагедию этого дяди в сущности наплевать.

26 Марта.

После обеда были на Казаковке, на мужицкой сходке. Изба полна. За столом несколько замечательных лиц. Лысый, с острым черепом старик в розовом полушубке; старик со вздернутым носом и хитрыми глазами; старик с желто-кофейным, морщинистым лицом; мужик с черной курчавой бородой и ярко-румяными щеками, все время игравший как на сцене. Очень хорош, как всегда для меня, запах полушубков. [...]

27 Марта.

После обеда сидели в избе Ивана Ульянова. Очень милый старик с постоянным приятным смехом. Две половины. Первая маленькая, с мокрым земляным полом. Тут всегда сидит полуслепая старуха. Во второй — с выбеленными стенами и горшечками для цветов на окнах — живет он сам и его жена, пожилая и уже вянущая. Вошли — она за работой возле окна, он на хорах в полушубке, курит. Солнце ярко освещает часть избы. [...]

А как влияет литература! Сколько теперь людей, у которых уже как бы две души — одна своя, другая книжная! Многие так и живут всю жизнь начитанной жизнью.

30 Марта.

На крыльце у Александра Пальчикова. Богат, а возле избы проходу нет от грязи и навозу. Полушубок, кубовая рубаха, видная из расстегнутого ворота, серо-серебристая борода. Весеннее небо, жидкие облака, ветер дует в голые деревья, качает их, а он говорит: «Ничего не будет после войны,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

все брешут. Как же так? Если у господ землю отобрать, значит, надо и у царя, а этого никогда не допустят». С большим удовольствием рассказывал, как ему на службе полковник раз «засветил по-щечину». Крепостного права не хочет, но говорит, что «в крепости» лучше было: «Нету хлеба — идешь на барский двор... Как можно!»

Роман Григорьевой в «Совр. Мире». Ее героиня «легкая, воздушная», «затесалась в толпу...» Кончена русская литература!

1 Апреля.

[...] Больной старик греется на солнце возле избы. Задыхается. В нашу победу не верит. «Куда нам!» [...]

Коля рассказывал[8], что встретил в «Острове» двух почти голых ребятишек — в рваных лохмотьях, в черных и мокрых, сопревших лаптях. Тащили хворост, увидали Колю — испугались, заплакали... И для этого-то народа требуют волшебных фонарей! От этого-то народа требуют мудрости, патриотизма, мессианства! О разбойники, негодяи!

2 Апреля.

Фельетон Сологуба: «Преображение жизни». Надо преображать жизнь и делать это должны поэты. А так как Сологуб тоже причисляет себя к поэтам, то и он преображает, пиша. А писал он всегда о гнусностях, о гадких мальчиках, о вожделении к ним. Ах, сукины дети, преобразители.

5 Апреля.

Жаркий последождевой день.

Охота в Скородном на вальдшнепов. [...] В лес пошли от караулки. В редких жидких верхушках деревьев белые глыбы грозовых облаков. Гремел гром. По низам прохлада, колокольчиками звенят птицы. Кое-где снег, ослепительный на солнце, на нем легкие лазурные отблески неба.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Возле караулки Настька моет калоши, собирается в церковь. Желтое страшно яркое на солнце платье. В избе дышать нечем, натоплено, все купались. Федор с мокрыми волосами, розовый.

При возвращении домой на несколько минут густой быстрый дождь. Все думаю о той лжи, что в газетах на счет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела. «Да что, пора бросать. А то и в лавках товару стало мало. Бывало зайдешь в лавку...» и т. д.

8 Апреля.

Уезжаем в Москву, на Становую, на тройке. [...]

Никогда в русской литературе не было ничего подобного. Прежде за одну ошибку, за один неверный звук трепали по всем журналам. И никогда прежде русская публика не смотрела на литературу такими равнодушными глазами. Совершенно одинаково она восхищается и Фра Беато и Анджелико, и Барыбой Городецкого. [...]

[Из Москвы Бунин ездил в Петербург, затем в Одессу. 25 мая 1916 года пишет Нилусу: «Приехал в Глотово».]

23 Мая 16 г., Елец[9].

У парикмахера. Стрижет и разговариваем. Он про женский монастырь (оговорился от привычки быть изящным): дамский монастырь.

Для рассказа: встречный пароход на Волге всегда страшно быстр; ночь, уездн. город. Крепкий костяной стук колотушки.

Беллетрист. Пошлость «Белая как дебелая купчиха». [...]

Пьяный мужик шел и кричал:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Проем усе именье.
Сам зароюсь у [нрзб. — М. Г.]
В этом вся Русь. Жажда саморазорения, атавизм.

26 VI 16.

Гнало ветром дождь. Сейчас — 7 часов вечера — стихло. Все мокро, очень густо-зелен сад. За ним, на пыльной туче бледная фиолетово-зеленая радуга. Хрипел гром. [...]

[18 июля 1916 года Бунин пишет П. А. Нилусу:]

[...] Серьезно, — не о чем даже написать, так однообразно живу. Лето плохое, писать не пишу, разве стишки изредка... Все мы — Юлий, Вера, Коля — целуем, все мы здоровы пока. [...]

[Дневниковые записи Бунина возобновляются осенью:]

27 Октября 1916 г.

Читаю записки В. Бертенсона «За тридцать лет». Еще раз убеждаюсь в ничтожестве человеческих способностей — сколько их, людей, живших долго, видевших очень многое, вращавшихся в обществе всяких знаменитостей и обнаруживших в своих воспоминаниях изумительное ничтожество. Вспоминаю книгу Н. В. Давыдова — то же думал и ее читая.

Прочел (перечел) «Дневник Башкирцевой». [...] Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Вспоминаю ее брата, в Полтаве, на террасе городского сада. Наглое и мрачное животное, в башке что-то варварски-римское. Снова думаю, что слава

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Б., (основанная ведь больше всего на этом дневнике,) непомерно раздута. Снова очень непр[иятный] осадок от этого дневника. Письма ее к Мопас[сану] задирчивы, притязательны, неуверены, несмотря на все ее самомнение, сбиваются из тона в тон, путаются и [в] конце концов пустяковы. Дневник просто скучен. Французская манера писать, книжно умствовать; и все — наряды, выезды, усиленное напоминание, что были такие-то и такие-то депутаты, графы и маркизы, самовосхваление и снова банальные мудрствования. [...]

Мой почерк истинное наказание для меня. Как тяжко и безобразно ковыляю я пером. И всегда так было — лишь иногда немного иначе, легче.

Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается. Уж как давно я великий мученик, нечто вроде человека, сходящего с ума от импотенции. Смертельно устал, — опять таки уж очень давно, — и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война, — какое великое душевное разочарование принесла она мне!

24 уехала Вера, на тройке, на Становую. Мы с Колей на бегунах провожали ее до поворота на Озерскую дорогу. [...]

Коля по вечерам мне читает. [...] Продолжаем «Мелкого беса»[10]. Тоже хорош! *Не запомню* более скучной, однообразной книги. [...] В стихах у него был когда-то талант. [...]

28 Октября 16 г.

Почти весь день тихо, тепло, туман. Ходил с ружьем за голубями. Кисловато пахнет гнилью трав и бурьянов, землей.

Ночь изумительная, лунная. Гуляли, дошли до Пушешниковского леса. Вдали, низко по лесной

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лощине, туман — так бело и густо, как где-нибудь в Нижегородской губ.

29 Октября 16 г.

Не запомню такого утра. Ездили кататься — обычный путь через Пушешниковский лес, потом мимо Победимовых. С утра был иней на деревьях. Так удивительно хорошо все, точно это не у нас, а где-нибудь в Тироле.

Писать не о чем, не о чем!

4 Декабря 16 г.

Четыре с половиной часа. Зажег лампу. За окнами все дивно посинело. Точно вставлены какие-то сказочные зелено-синие стекла.

Вчера прекрасный морозный вечер. Кривоногие китайцы коробейники. Называли меня «дядя».

[Выписка из дневничка Веры Николаевны:]

Декабрь. [...] 14. Приезд Яна [в Москву. — М. Г.] [...] Убийство Распутина. Обед у Устиновых. Пьеса Зайцева у Корша. [...] 31 Ян лежит в постели. Встречали дома с индейкой и шампанским.

1917

[Видимо, первые месяцы этого года Бунины оставались в Москве. В марте, как отмечено в дневничке В. Н.: «Отречение Государя. Революц. войска на улице».

В письме от 12 марта 1917 года Бунин пишет Нилусу:]

[...] не вини меня, что не писал тебе, — причина тому необыкновенно беспорядочная и неопределенная жизнь, которой я живу в Москве вот уже три месяца, из которых, кстати сказать, я целый месяц был болен. Я за это время строил не мало

Для сайта BOOK-OLDS.RU

планов относительно упорядочения этой жизни, отъезда из Москвы и пр. — и все это разрушалось то вестями из Петербурга, то приостановкой железно-дорожного движения. А потом мне было до не [не до] планов и не до писем. [...]

Федоровы пишут, что их сосед Чарпов продаст свою дачу, т. е. не дачу, а главную часть ее с домом — за 18 т. Прошу ради Бога: поезжай к Федоровым, посмотри дачу. [...] и напиши мне свое дружеское мнение по сему поводу. Да *поскорее, поскорее* сделай все это. Если посоветуете покупать, приеду непременно в Одессу. [...]

[В открытке с почтовым штемпелем 19. IV. 17 Бунин пишет:]

Только что вернулся из Петрограда[1]. Завтра буду наводить справки, можно-ли мало-мальски по человечески проехать в Одессу. Не понимаю, сколько же в конце концов просят за дачу!

[В Одессу Бунин, видимо, не поехал. 27 мая 1917 года он пишет Нилусу из Глотова:]

[...] Из Москвы, в апреле, я писал тебе — кратко, но дельно, хотел написать подробнее, да все тянул, а затем стал собираться в отъезд, а приехав сюда (три недели тому назад, в *ужасную метель* — это в начале мая-то!) захворал, — простудился.

Теперь скажу прежде всего о даче: повторяю, мысль о покупке дачи парализовалась у меня страхом немцев, которые еще, может быть, возьмут Одессу, а кроме того «товарищами». Теперь и так-то жить ужасно, а каково с собственностью! Словом, я это дело немножко отложил, но вовсе не поставил на нем креста. Все таки приютиться мне где-нибудь необходимо, а где, в некоторых отношениях, лучше Одессы? Здесь, я, очевидно, послед-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нее лето. Если и не отберут у Пушешниковых землю, жить в деревне все равно им нельзя будет — мужики возьмут не мытьем, так катаньем. И, значит, возникает оч. серьезный вопрос: где мне существовать, летом, по крайней мере?

Ужасно, необыкновенно хотелось в апреле поехать куда-нибудь на юг. И будь возможность, я непременно приехал бы в Одессу. Но ты имеешь понятие, что такое значит ездить теперь по ж[елезной] д[ороге]? Наведя справки в Москве, я пришел к твердому убеждению, что поездку в Одессу надо отложить. Теперь мне кажется, что я все таки буду у вас, — м. б., в конце лета. *И посему помни, что мысль о покупке дачи я еще не оставил.* Я из-за этой дачи даже собрание сочинений продал. [...]

Жить в деревне и теперь уже противно. Мужики вполне дети, и премерзкие. «Анархия» у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание не то что «лозунгов», но и простых человеческих слов — изумительные. Ох, вспомнит еще наша интеллигенция, — это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни[2] и изолгавшееся на счет совершенно неведомого ему народа, — вспомнит мою «Деревню» и пр.!

Кроме того и не безопасно жить теперь здесь. В ночь на 24-ое у нас сожгли гумно, две риги, молотилки, веялки и т. д. В ту же ночь горела пустая (не знаю, чья) изба за версту от нас, на лугу. Сожгли, должно быть, молодые ребята из нашей деревни, побывавшие на шахтах. Днем они ходили пьяные, ночью выломали окно у одной бабы солдатки, требовали у нее водки, хотели ее зарезать. А в полдень 24-го загорелся скотный двор в усадьбе нашего ближайшего соседа (живет от нас в двух шагах), зажег среди бела дня, как теперь оказывается, один мужик, имевший когда-то судебное дело с ним, а мужики арестовали самого-же по-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

страдавшего, — «сам зажег!» — избили его и на дрогах повезли в волость. Я пробовал на пожаре урезонить, доказать, что жечь ему самому себя нет смысла, — он не помещик, а арендатор, — пьяные солдаты и некоторые мужики орали на меня, что я «за старый режим», а одна баба все вопила, что нас (меня и Колю), сукиных детей, надо немедля швырнуть в огонь. И случись еще пожар, — а ведь он может быть, могут и дом зажечь, лишь бы поскорее выжить нашего брата отсюда, — могут и бросить, — нужды нет, что меня здесь хотят в учредит[ельное] собрание выбирать, — «пусть Ив. А. там в Петербурге за нас пролазывает». [...]

Целую за посвящение, за похвалы и хулы «Петлистым ушам». [...] Тут главное — адский фон и на нем здоровенная и ужасная фигура. А согласись, что это удалось. [...]

[Из следующих записей Бунина первая — рукописная, другие перепечатаны на машинке:]

11 июня 17 г.

Все последн[ие] дни чувство молодости, поэтическ[ое] томление о какой-то южной дали (как всегда в хорошую погоду), о какой-то встрече...

В ночь на пятое Коля уехал в Елец — переосвидетельствование белобилетчиков. Все набор, набор! Идиоты. [...]

Шестого телеграмма от Веры. Седьмого говорил с ней по телефону в Елец. Условились, что я приеду за ней и за Колей, а по дороге заеду к Ильиным. Вечером Антон (австриец) отвез меня на Измалково. На станции «революционный порядок» — грязь, все засыпано подсолнухами, не зажигают огня. Много мужиков и солдат; сидит на полу и идиотски кричит Анюта-дурочка. В сенях вагона 1-го кл[асса] мешки, солдаты. По поезду идет сол-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

датский контроль. Ко мне: сколько мне лет, не дезертир ли? Чувство страшного возмущения. Никаких законов — и все власть, все, за исключением, конечно, нас. Волю «свободной» России почему-то выражают только солдаты, мужики, рабочие. Почему, напр. нет совета дворянских, интеллигентск[их], обывательских депутатов? [...]

15 Июня 1917 г.

10 часов веч. Вернулись из Скародного. Коля, Евгений (который приехал вчера с Юлием из Ефремова) и Тупик ездили в усадьбу Победимовых, я, Юлий и Вера пошли к ним навстречу. День прекрасный, вечер еще лучше. Особенно хороша дорога от Крестов к Скародному — среди ржей в рост человека. В лесу птичий звон — пересмешник и пр. Возвращались — уже луна над морем ржей.

У Бахтеяровой сейчас хотели отправить в Елец для Комитета 60 свиней. Пришли мужики, не дали отправить.

Коля рассказывал, что Лида говорила: в с. Куначьем (где попом отец Ив. Алексеевича, ее мужа) есть чудотв[орная] икона Ник[олая] Угодника. Мужики, говоря, что все это «обман», постановили «изничтожить» эту икону. Но 9-го мая разразилась метель — испугались.

Тупик говорит, что в с. Ламском мужики загалдели, зашумели, когда в церкви запели: «Яко до царя»: «Какой такой теперь царь? Это еще что такое?»

В Ефремове в городском саду пьяный солдат пел:

Выну саблю, выну вострy
И срублю себе главу —
Покатилася головка
Во зеленую траву.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Замечательно это «себе».

В Ефремове мужики приходили в казначейство требовать, чтобы им отдали все какие есть в казначействе деньги: «Ведь это деньги царские, а теперь царя нету, значит, деньги теперь наши». [...]

7 Июля

[...] О бунте в Птб. мы узнали еще позавчера вечером из «Ранн[его] Утра», нынче вести еще более оглушающие. Боль, обида, бессильная злоба, злорадство.

Бунт киевский, нижегородский, бунт в Ельце. В Ельце воинск[ого] начальника били, водили босого по битому стеклу.

13 Июля 17 г.

Все еще мерзкая погода. Холодно, тучи, сев. зап[адный] ветер, часто дождь, потом ливень. Газетами ошеломили за эти дни сверх меры. Хотят самовольно объявить республику. [...]

27 июля 17 г.

Счастливый прекрасный день.

Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века. И мне всегда приятно вспоминать и чувствовать его старину. Старинный, простой быт, с которым я связан, умиротворяет меня, дает отдых среди моих постоянных скитаний. А потом я часто думаю о всех тех людях, что были здесь когда-то, — рождались, росли, любили, женились, старились и умирали, словом, жили, радовались и печалились, а затем навсегда исчезали, чтобы стать для нас только мечтою, какими-то как будто особыми людьми старины, прошлого. Они, — совсем неизвестные мне, — только смутные образы, только мое воображение, но всегда со мною, близ-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого.

Еще утро, легкий ветерок проходит иногда по комнате, — открыты все окна. Которое нынче число? Если бы я даже не знал какое, я бы и так, кажется, мог сказать, что это конец июля, — так хорошо знаю я все малейшие особенности воздуха, солнца всякой поры года. В то окно, что влево от меня, косо падает на подоконник радостный и яркий солнечный свет, и глядит зеленая густота сада, блестящая под солнцем своей несметной листвой, в глубине своей таящая тень и еще свежую прохладу и то замирающая, затихающая, то волнующаяся и тогда доходящая до меня шелковистым, еще совсем летним шорохом. В другие окна я вижу прежде всего ветви и сучья старых деревьев — серебристого тополя, сосен и пихт, — и бледно голубое небо среди них, а ниже, между стволами, деревенскую даль: слегка синеющий на горизонте вал леса, желтизну уже скошенных и покрытых копнами полей, ближе — раскинувшееся по склону к мелкой речке поместье Бахтеярова, а затем, уже совсем близко, — старую низкую ограду нашей усадьбы, молодые елки, идущие вдоль нее, и часть двора, густо заросшую крапивой, — и глухой и жгучей, — которую припекает солнце и над которой реет крупная белая бабочка. Уже по одному тому, как высока крапива, мог бы я безошибочно определить, какое сейчас время лета. А кроме того, сколько едва уловимых, но мне столь знакомых, родных с детства, совсем особых запахов, присущих только рабочей поре, косьбе, ржаным копнам!

И течет, течет мое спокойное, родное, счастливое деревенское летнее утро. Смотрю на пятна тени, косо испещрившей под елками ограду, на крапиву, на бабочку; потом на тихо колеблющуюся

Для сайта BOOK-OLDS.RU

возле окон серо-зеленую бахрому корявых горизонтальных сучьев пихты, на воробьев, иногда садящихся на солнечный подоконник и с живым, милым, как будто чуть чуть насмешливым любопытством оглядывающих мою комнату. Не слушая, я слышу то непередаваемое, летнее, как будто слегка завораживающее, что производят летающие вокруг меня и роящиеся на подоконнике мухи, слышу шорох сада, отдаленные крики петухов — и чуть внятную детскую песенку кухаркиной девочки, которая все бродит под моими окнами в надежде найти что-нибудь, дающее непонятную, но великую радость ее маленькому бедному существованию в этом никому из нас непонятном, а все таки очаровательном земном мире: какой-нибудь пузырек, спичечную коробочку с картинкой... Я слушаю эту песенку, а думаю то о том, как вырастет эта девочка и узнает в свой срок все то, что когда-то и у меня было, — молодость, любовь, надежды, — то о том, где теперь косят работники, — верно уже у Крестов, — то о Тиверии, о Капри... Почему о Тиверии? Очень странно, но мы невольны в своих думах. И я представляю себе вот такое-же, как сейчас летнее утро, с тем-же самым солнцем, что горит на моем подоконнике, и совершенно ясно вижу белый мраморный дворец на горном обрыве острова, столь знакомого мне, и этого человека, которого называли императором и который жил в сущности очень недавно, — назад тому всего сорок моих жизней, — и очень, очень немногим отличался от меня; вижу, как сидит он в легкой белой одежде, с крупными голыми ногами в зеленоватой шерсти, высокий, рыжий, только что выбритый, и щурится, глядя на блестящий под солнцем, горячий мозаичный пол атрия, на котором лежит, дремлет и порой встряхивает головой, сгоняя с острых ушей мух, его любимая собака...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Во втором часу вышел из дому, пошел в сад по липовой аллее, в конце которой, за воротами, светлело, белело небо. Земля суха и тверда, приятно идти, на земле лежат уже кое-где палевые листья. Солнце скрылось, потускневший сад был под синеватой тучей, заходившей с юга, — очень хорошо. За воротами серо-зеленые бугры кладбища (давно упраздненного), дальше открытое поле, желтое, покрытое где-то копнами, кое-где рядами. Удивительная бирюза между ними на севере, сладкий, еще совсем летний ветер дует с юга из-под тучи и еще по летнему доносится хлопанье перепела.

Четвертый час. Крупный ливень, град, — даже крыша от него дымилась как будто. К северу из-за тучи белая гора другой тучи и млеющий синий яхонт неба. В комнате с решетчатыми окнами сырая свежесть, запах дождя, мокрой крапивы, травы.

Пять часов. Сад на низком фоне свинцово-синей тучи. Высовывался из окна под редкие капли дождя на эту сырую пахучую свежесть, в одной рубашке — необыкновенно приятно, но почему-то страшно напомнило детство, свежесть и радость первых дней жизни.

Все дождь — до заката. К закату стало на западе, под тучей, светиться. Сейчас шесть. В комнате от заката, сквозь ветки палисадника, пятно странного зелено-желтого света.

Опять прошел день. Как быстро и как опять бесплодно!

[На этой записи кончаются деревенские записи Бунина, находящиеся в архиве. Дневник его с записями от 2 августа 1917 года до мая 1918 попал каким-то образом в Сибирь и отрывки из

Для сайта BOOK-OLDS.RU

него были опубликованы в «Новом мире», Москва (10/1965, стр. 213 — 221), но среди напечатанного нет записей после 21 ноября 1917 года.

25 июля 1917 года Бунин в письме Нилусу писал, между прочим, следующее:]

[...] Добрых и бодрых настроений твоих не разделяю. В будущем, конечно, лучше будет — и относительно, и безотносительно, но кто-же вернет мне прежнее отношение к человеку? Отношение это стало гораздо хуже — и это уже непоправимо.

До ярости, до боли кровной обиды отравляемся каждый день газетами. Порою прямо невыносима жизнь и здесь. [...]

[В письме от 7 октября он пишет:]

[...] прости, что так мало и редко пишу, — скверно себя чувствую, примотаны нервы всем, что творится, до-не́льзя, а тут еще новая беда — болен Юлий Алексеевич (которого ты вообще не узнал бы теперь, — так он постарел, ослабел, изменился). [...] — думаю, что это неизлечимо, и полон самых ужасных ожиданий. [...]

Пока сидим в деревне. Скверно и жутко порой, но что делать! В Москву хотим поехать к концу октября. [...]

[16 октября Бунин все еще из деревни пишет Нилусу:]

[...] В Одессу на зиму? И это серьезно? Но, дорогой, где-же там жить, что есть? (Хотя я, вообще, не понимаю — где мы будем жить и что будем есть! Серьезно — *трагическое* положение!). [...]

В деревне невыносимо и оч[ень] жутко.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В деревне Бунины оставались до конца октября. В дневничке Веры Николаевны сказано:]

22 октября: Первое известие о погромах за Предтечевым. [...] Волнение среди местной интеллигенции. Сборы.

[23 октября Бунин навсегда покидает родные места. Конспект Веры Ник.:]

Бегство на заре в тумане. Пленные. Последний раз Глотово, Озерки, Большая дорога... Бабы: «войну затеяли империалисты». Бешеная езда. Рассыпалось колесо. Семь верст пешком в валенках и шубах. Елец. Ни единой комнаты ни в одной гостинице.

[В Ельце Бунины пробыли до 25 октября (остановившись у Борченко), в Москву выехали 25-го. «Отъезд в I классе, — записано у В. Н., — мы — втроем и Орлов. Солдаты в проходах. Отношение не вражд[ебное]».

В открытке от 7 ноября 1917 года Бунин сообщает Нилусу:]

Мы с 26-го Окт. в Москве. Живы, здоровы. Адрес: Москва, Поварская, 26, кв. 2. [...]

[В дневничке В. Н. за конец ноября записано:]

26 Москва. Первые слухи о восстании. Телефон к Телешовым. Спасение 8000 рублей. Обед и вечер у них. Возвращение пешком домой. 27 — Начало большевиц. восстания. Горький у Ек[атерины] П[авловны]. Отказ Яна позвонить ему.

[Декабрь. — М. Г.]: 3. Конец больш[ого] вост[ания]. Обыски. [...] Серафимович. Его доносы на гимназиста и писателей. Среда. Изгнание Серафимовича. Книгоиздательство. Отказ писателей

Для сайта BOOK-OLDS.RU

участвовать в одном сборнике с Сераф[имовичем]. [...]

6 [...] Устиновы пригласили Яна в Воронеж. Ян вечером у Толстых.

Рождество.

Среда у нас. [...]

1918

[Дневничок-конспект В. Н.:]

Январь: Вечер писателей. Ужин у Толстых, устр. Делидзе. Среды в Кружке. Среды у нас.

[Дневниковые записи Ивана Алексеевича от 1 января 1918 г. до 20 июня 1919 г. вошли в его книгу «Окаянные дни».

Среди бумаг Веры Николаевны я обнаружила перепечатанные на машинке страницы воспоминаний о весне 1918 года. Привожу выдержки:]

Первое мая нового стиля падало на Среду Страстной. Большевики, истратившие очень много денег на праздник пролетариата, отметили его, как полагается, красным цветом, шествиями, музыкой, пением интернационала рабочими и работницами, которые приплясывая и нестерпимо перевирая мотив, кричали: «вперед, вперед, вперед!..» и всю ночь Москва, давно уже привыкшая с заходом солнца погружаться во тьму, пылала всеми огнями дорого стоющей иллюминации вплоть до рассвета... А в Святую ночь новые хозяева не только решились нарушить вековой обычай — лишить москвичей Кремля и волнующих полновесных ударов Ивана Великого, — но даже ради такого большого праздника не позволили хотя бы скудно осветить улицы. И все мы, пробиравшиеся в полной темноте в свои приходы или соседние церкви, ежеминутно оступались, споты-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кались, — уже дворники, переименованные в «смотрители дворов», ничего не делали, и на тротуарах лед не скалывался, и образовывались неровные бугры.

Мы с Яном были у Заутрени в церкви «Никола на Курьих Ножках». Родители не рискнули пробираться в темноте... Маленькая уютная старинная церковка была полна народом. Когда мы вошли, пели «Волною морскою» и слова «гонители» и «мучители» отзывались в сердце совершенно по-новому. Настроение было не пасхальное, — многие плакали. И первый раз за всю жизнь «Христос Воскресе» не вызвало праздничной радости. И тут, может быть, мы впервые по-настоящему поняли, что дышать с большевиками одним воздухом невозможно. [...]

Большинство уже не доедало. Сыты были лишь те, у кого имелись запасы. [...]

Почему-то у нас в доме не придавали серьезного значения «экономической разрухе», о которой более жизненные люди порой нам говорили и всерьез никто не представлял, что жизнь дойдет до того, до чего дошла в 1919-20 годах, а потому в ожидании лучших времен мы лишь сокращались и сокращались в потребностях. Хозяйство с каждым днем делалось все менее и менее сложным, и свободного времени оказывалось очень много. [...] устанешь от впечатлений шумных улиц, приобретавших все более хамский вид, от бульваров с зелеными газонами, где в прежнее время желтели или мохнатились одуванчики, а теперь парами лежит освобожденный народ и усыпает шелухой подсолнечной свежую траву — вот и свернешь незаметно для себя в переулок и ходишь от одного особняка до другого и думаешь о былых временах, смутно ощущая уже, что ста-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

рый мир, полный несказанной красоты и прелести, уходит в Лету! [...]

Об отъезде я думала тоже мало. С одной стороны, отгоняла неприятную мысль о разлуке с близкими, а с другой, привыкнув за одиннадцать лет к скитальческой жизни, я довольно просто относилась к отъезду в полной уверенности в скором возвращении назад.

Жить мы уже стали кварталами. Развлекаться — только литературными «Средами», которые после изгнания из «Кружка» происходили в воскресенье в приютившем их «Юридическом Обществе» на Малой Никитской.

В начале мая Ян вместе с Ю. И. Эйхенвальдом[1] ездили в Тамбов и Козлов, где устраивались «Бунинские вечера», откуда они привезли окорока, муки и круп, а Ян еще твердую и непоколебимую уверенность, что нужно уезжать, и как можно скорее, на юг, где с воцарением Гетмана большевики были прогнаны. Его поездка дала ему подлинное ощущение большевизма, разлившегося по России, ощущение жуткости и бездонности.

К хлопотам и сборам в связи с отъездом я относилась пассивно. Все делал Ян. [...]

По совету опытных людей Ян решил ехать через Оршу. Ему обещали в санитарном поезде устроить проезд. Была пора обмена пленными. И довольно часто из Москвы уходили эшелоны с немцами. [...]

Мы звали с собой ехать Юлия Алексеевича, но он решил ждать выздоровления Н. Ал. П[ушешникова], который тоже намеревался приехать к нам. [...] Почему не поехал Юлий Алексеевич? Трудно сказать. Вероятно, и он, несмотря на свой пессимистический ум, не представлял, до чего могут довести страну большевики и до чего они упрочатся. [...] Кроме того, у него была квартира,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

были книги, конечно, если бы он уехал, то квартиру потерял бы. [...]

В четверг утром 23 мая я, наконец, услыхала давно жданные, но все же для меня жуткие слова: «Поезд № такой-то отходит сегодня в 5 часов пополудни, в три часа вы должны быть на вокзале. [...]»

[Эти воспоминания В. Н., как и ее записи, сделанные во время пути (листки, вырванные из записной книжки, исписанные карандашом) датой отъезда называют 23 мая.

В «Розе Иерихона»[2] Бунин писал, что Москву он покинул 21 мая 1918 года. Думается, что эта дата основывается на другом источнике, а именно дневничке-конспекте Веры Ник. Записи, относящиеся к отъезду из Москвы, более позднего, судя по почерку, происхождения, чем все другие. Вера Ник., видимо, по памяти заполняла этот пробел и, несмотря на свое исключительное внимание к датам и прекрасную память, ошиблась, а может, просто описалась.

Немногочисленные записи этого времени, очевидно, стилистическая переделка путевых заметок Веры Николаевны. Они написаны чернилами, почерком Бунина:]

25 Мая 1918 г. (старый стиль).

11 часов утра (по «нов[ому] времени»), Орша.

Вдоль полотна ж[елезной] д[ороги] досчатые шалаши, в них беженцы из России, возвращающиеся на родину, на Украину.

Мы третий день в пути. В Москве приехали на Савеловский вокзал в 3 ч. дня, 23-го, провожал Юлий, простившийся с нами на подъезде. В поезд сели только в 7 ч. — раньше отправляли «пролетарских» детей на каникулы в Саратовскую губ. — затеи Луначарского. С Сав. вокзала

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мы тронулись только в час ночи, а с Александровского — в 3 ч. Спать пошли только в 4 — до того сидели с доктором этого санитарного поезда, пили тминную водку[3]. В Вязьме были в 3 ч. 24 мая и стояли там до вечера. В Смоленск прибыли рано утром 25-го, откуда тронулись в 5 утра. В Орше стоим уже 3 часа, не зная, когда поедем дальше.

26 мая.

Двинулись в 11 ч. 20 м. утра. В 12 ч. без 10 м. мы на «немецкой» Орше — заграницей. Ян со слезами сказал: «Никогда не переезжал с таким чувством границы! Весь дрожу! Неужели наконец я избавился от власти этого скотского народа!» Болезненно счастлив был, когда немец дал в морду какому-то большевику, вздумавшему что-то сделать еще по большевицки.

Время здесь уже нормальное.

Немецкий пост, купил у немцев бутылочку кюммеля. За завтраком и обедом у нас в поезде был помощник коменданта станции, немец 23 лет.

Едем на Жлобин.

27 мая (9 июня). Воскресенье.

Утром Минск. Серо, скучно. Узнали, что поезд пойдет на Барановичи. Из поезда пришлось непосильно тащить вещи на другой, Александровский, вокзал — больше версты. Помогли 2 больных солдата.

[Путевые записи Бунина на этом кончаются. Следующая запись касается Киева. О продолжении пути говорится в заметках Веры Николаевны:]

[...] На вокзале [т. е. Александровском вокзале в Минске. — М. Г.] выпили кофе с миндальными пирожками. Рядом сидели два студента из Киева, кот[орые] дали нам сахару и рассказали о взры-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ве. От коменд[анта] станции, немца, я узнала, что нам нужно ехать на Виленский вокзал. [...] На вокзале мы узнали, что нужно взять пропуск для получения билетов на выезд. Поехали за разрешением, на главной улице в каком-то большом доме у подъезда стоят пруссаки и жаждущие выехать обыватели.

Когда мы поднялись наверх и прошли мимо немецких часовых и, наконец, попали в комнату, где что-то писали и чего [-то. — М. Г.] ожидали, нас охватило отчаяние, т. к. выяснялось понемногу, что пропуски выдаются с большим трудом, что нужно коменданту подавать прошение, написанное на немецком языке. [...]

Ян был взбешен, расстроен, прямо не знал, что делать. Я все думала, все обращалась то к тому, то к другому, и получала в ответ «keine Zeit», довольно грубым тоном.

Вдруг мы увидели сестру милосердия, в кожаной куртке и пенснэ. Когда она узнала, в чем дело, она выразила готовность помочь, сказав: «Да кто же вас не знает, Ив. Ал.». Она сказала немцам, кто Ян, и те согласились дать нам пропуск. [...] в конце концов мы получили пропуск и, поблагодарив сестру, отправились на вокзал. [...]

Затем мы сели обедать, и вдруг Ян говорит: «Да это Вера Инбер[4] идет». Мы раскланялись, они подошли к нам. Оказывается, она проехала с датским посольством. В Орше ее чуть было не вернули обратно в Москву. Она едет в Одессу.[...]

Билеты нам продали в III-ий класс. [...] Ян был мокр, ветер гулял по вагону. Когда пошел контроль, я попросила их, нельзя ли за хорошую мзду перевести нас во второй класс, и он быстро согласился. Они перенесли наши вещи и посадили нас в просторное купе, где уже сидело 2 польских офицера, инженер-поляк и какой-то усач. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Без даты:]

Сидим на палубе[5]. Как хорошо. Легкий ветерок, солнце. [...] Мне только жаль оставшихся в Московии. Но Ян долго не позволяет быть на воздухе и сейчас мы пьем пиво и едим удивительно хорошее сало. Он повеселел. Много говорит. [...]

Седьмой час, мы где-то стоим. После грозы в воздухе разлилась приятная прохлада. Чувствуем сильную усталость и очень рады, что плывем на пароходе. В вагоне могла быть такая же теснота, какая была и вчера, когда в наше купэ ввалилось человек 8 офицеров польского легиона со своими пожитками, занявшими все пространство на полу и целую верхнюю лавочку. [...]

[Заметки В. Н. обрываются. Возвращаюсь к записям Ивана Алексеевича:]

Лето, восемнадцатый год, Киев.

Жаркий летний день на Днепре. На песчаных полях против Подола черно от купающихся. Их всё перевозят туда бойкие катерки. Крупные белые облака, блеск воды, немолчный визг, смех, крик женщин — бросаются в воду, бьют ногами, заголяясь в разноцветных рубашках, намокших и вздувающихся пузырями. Искупавшиеся жгут на песке у воды костры, едят привезенную с собой в сальной бумаге колбасу, ветчину. А дальше, у одной из этих мелей, тихо покачивается в воде, среди гнилой травы, раздувшийся труп в черном костюме. Туловище полулежит навзничь на бережку, нижняя часть тела, уходящая в воду, все качается — и все шевелится равномерно выплывающий и спадающий вялый белый бурак в растегнутых штанах. И закусывающие женщины резко, с хохотом вскрикивают, глядя на него.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта **BOOK-OLDS.RU**

Часть вторая

ОДЕССА

1918

[В Одессу Бунины приехали в начале июня 1918 года, вероятно 3/16 июня, так как в Одесском дневнике Веры Николаевны под датой 3/16 июня 1919 года сказано: «Год, как мы в Одессе». Жизни в Одессе посвящен пространный дневник В. Н., как и страницы записей Бунина, сохранившихся в том виде, как были сделаны в свое время. Это пожелтевшие, исписанные его рукой листки бумаги, размера «фолио», сложенные пополам. Почерк нервный и местами неразборчивый. Начало и конец отсутствуют. Относятся эти записи ко времени, когда Одесса находилась в руках большевиков в 1919 году. Предполагаю, что из этих заметок частично родились впоследствии «Окаянные дни».

Из дневника Веры Николаевны, перепечатанного на машинке, иногда в нескольких вариантах:]

17/30 июня.

Мы на даче Шишкиной[1]. Опять новая жизнь. [...] Я сижу на веранде с цветными стеклами — как это хорошо! На столе розовые лепестки розы, а в бутылке красная роза — принес Митрофаныч[2]: «Лучшая роза из моего сада!»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

У нас Нилус. Он согласился на предложение Яна жить с нами, Буковецкий еще колеблется.

19 июня/2 июля.

[...] Ян опять в городе. Мне жаль его. Но сама я еще не способна на трепку. [...] Отдыхаю от людей, от забот. Рада, что мы живем вдвоем. [...] Отравляет мысль о Москве. Как там живут? Голодают ли? Мы ничего не знаем почти месяц.

Объявился Керенский. «Одесские Новости» поднимают его на щиты, сравнивают с Гарибальди и Мицкевичем... [...]

20 июня/3 июля.

[...] Ян все «вьет свое гнездо», — дай-то Бог, чтобы его труды не пропали даром!

22 июня/5 июля.

[...] Вчера вечером пили чай у Недзельских. У них был художник Ганский, первый русский импрессионист. [...] Пришли туда и Тальниковы[3]. Впрочем, Юлия Михайловна скоро ушла и хорошо сделала, т. к. между Ганским и Тальниковым возник очень острый разговор по поводу евреев. Ганский ярый юдофоб, почти маниак. [...] Тальников сдерживался, но все таки горячился. [...] Слушать было тяжело, неприятно-остро. [...]

Ян опять в городе. Он понемногу приходит в себя. О политике говорит мало. [...]

25 июня/8 июля.

Месяц уже прошел, как мы уехали из Москвы. Живем в другом мире: другие люди, другая природа. Получили всего несколько открыток от Юлия Алексеевича и письмо от мамы[4]. 14 июня они еще не знали, где мы. Знают ли теперь?

Приехали Гребенщиковы[5]. Настойчиво поселились у Федоровых в подвале. Мне кажется, они

Для сайта BOOK-OLDS.RU

сердятся, что мы не предложили им жить с нами. [...]

26 июня/9 июля.

Вчера неожиданно у нас был five o'clock. Пришли Овсянико-Куликовские[6], Ян позвал Недзельских, пришли Федоровы, Тальниковы, Гребенщиковы. [...] Тальников сделал предложение от «Одесских Новостей» взять в свои руки журнал «Огонек» писателям и самим быть его хозяевами. [...]

30 июня/13 июля.

[...] Пришел Катаев[7]. Я лежала на балконе в кресле. Ян вышел, поздоровался, пригласил Катаева сесть, со словами: «Секретов нет, можем здесь говорить». Катаев согласился. Они сели. Я лежала затылком к ним и слушала.

После нескольких незначущих фраз, Катаев спросил:

— Вы прочли мои рассказы?

— Да, я прочел только два, «А квадрат плюс Б квадрат» и «Земляк», а больше читать не стал, — сказал с улыбкой Ян, — так как подумал: зачем мне глаза ломать? Шрифт сбитый, да и то, что на машинке переписано, тоже трудно читать, и я понял из этих вещей, что у вас несомненный талант, — это я говорю очень редко и тем приятнее мне было увидеть настоящее. Боюсь только, как бы вы не разболтались. Много вы читаете?

— Нет, я читаю только избранный круг, только то, что нравится.

— Ну, это тоже нехорошо. Нужно читать больше, не только беллетристику, но и путешествия, исторические книги и по естественной истории. Возьмите Брэма, как он может обогатить словарь. Какое описание окрасок птиц! — Вы и представить не можете.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Да, это верно, — соглашается Катаев, — но, по правде сказать, мне скучно читать не беллетристические книги.

— Я понимаю, что скучно. Но это необходимо, нужно заставлять себя. А то ведь как бывает: прочтут классиков, а затем начинают читать современных писателей, друг друга, и этим заканчивается образование. Читайте заграничных писателей. Одолейте Гете.

Я искоса посматриваю на Катаева, на его темное, немного угрюмое лицо, на его черные, густые волосы над крепким невысоким лбом, слушаю его отрывистую речь с небольшим южным акцентом. Он любит больше всего Толстого, о нем он говорит с восторгом, затем Чехова, Мопассана, Флобера, Додэ, но Толстой и Пушкин — выше всех, недосягаемы. Уже три года он пишет роман, но написал только девяносто пять страниц. Хочет дать прочесть Яну первую часть его.

5/18 июля.

Вчера вечером я слышала, как Ян, гуляя с Нилусом в саду, сказал: недавно я вспомнил молодость и так ярко все представил, что расплакался.

Они ходили по саду и долго говорили о художественной литературе.

— Я только того считаю настоящим писателем, который, когда пишет, видит то, что пишет, а те, кто не видят, — это литераторы, иногда очень ловкие, но не художники, так, например, Андреев. [...]

8/21 июля.

[...] Ян по утрам раздражителен, потом отходит. Часами сидит в своем кабинете, но что делает — не говорит. Это очень тяжело — не знать, чем живет его душа. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Известие о расстреле Николая II произвело удручающее впечатление. В этом какое-то безграничное хамство: без суда...

[...] ночью я долго не могла спать, меня взял ужас, что, несмотря на все ужасы, мы можем еще есть, пить, наряжаться, наслаждаться природой.

9/22 июля.

Дождь. Именины Федорова пройдут тускло. [...] Мы живем здесь так однообразно, что именины — целое событие! Вспоминаются его именины до-военного времени. Первый год, когда мы были так беззаботны, веселы, многие пьяны, пир был на весь Фонтан! Второй год было тревожно, уже чувствовалось в воздухе, что «назревают события», но все-таки все были далеки от мысли о всемирной войне, о революции в России, обо всем, что пришлось пережить за все эти годы. [...]

12/25 Июля.

[...] Был разговор о Гете, Ян хвалил Вертера и рассказал, что в прошлом году он хотел развенчать любовь.

— Ведь все влюбленные на манер Вертера — это эротоманы, то есть весь мир вколачивающие в одну женщину. Я много перечитал уголовных романов, драм, кое-что припомнил из своей жизни, когда я также был эротоманом...

— Разве ты мог быть так влюблен? — спросил Буковецкий. — Это на тебя не похоже.

— Да, это было, — только я никогда не молился *ей* и не считал *ее* совершенством, а скорее был напоен чувством любви к ней, как к облаку, к горизонту. Может быть, вы не понимаете моих отрывистых фраз, но это так, когда-нибудь расскажу подробнее. [...]

Нилус очень хорошо разбирается в музыке, понимает и любит ее, знает очень много сонат, ро-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мансов наизусть, может их пропеть. Он в музыке гораздо более образован, чем в литературе. О Чайковском он говорит: «Местами он гениален, а местами ничтожен», поэтому он кажется ему неумным. Ян оспаривал это мнение, говоря, что нужно судить по лучшим местам, а «человек, который одной музыкальной фразой дал почувствовать целую эпоху, целый век — должен быть очень большим». [...]

— Прочел биографию Верлэна, — сказал Ян, выходя из своего белого кабинета, — и во время чтения чувствовал и думал, что когда-то жил Гете, а потом Верлэны — какая разница! [...]

14/27 июля.

Иметь прислугу теперь это мука, так она распустилась — как Смердяков поняла, что все позволено. У Мани, нашей кухарки, в кухне живет, скрывается ее любовник, большевик, матрос, и мы ничего не можем сделать. Если же принять серьезные меры, то может кончиться вся эта история и серьезными последствиями. [...]

У Овсянико-[Куликовских] велись довольно интересные разговоры. Между прочим, и о народе, о религиозности его.

— Русский народ все-таки очень религиозен, — сказал Д[митрий] Н[иколаевич] своим мягким голосом.

— А что вы подразумеваете под религиозностью? — спросила я.

— Веру в высшее существо, которое нами управляет, страх перед явлениями природы, — ответил он.

— Но ведь это каждый народ тогда религиозен... [...] — заметил Ян. — Ведь это все равно, что говорить, что на руке русского человека пять

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пальцев. Разве в Германии, Англии, я уж не говорю об Америке, нет религиозного движения. [...]

— Да, чем народ культурнее, тем он религиознее, — согласился Д. Н.

— Русский народ религиозен в несчастии, — заметил Ян. [...]

26 июля/8 авг.

Ян повеселел, стал говорить глупости, так что жаловаться не на что.

После пяти часов вечера мы с художником Шатаном, который пишет меня, отправились в «степь» за пшенкой, по-нашему кукурузой. [...] Шатан очень милый человек, но таланта у него мало. [...]

27 июля/9 августа.

Вчера перед обедом пришел Тальников. [...]

— Расскажите, что вы читали на чеховском вечере в Одессе, — попросила я. [...]

Сначала он рассказал, что Овсянико-Куликовский говорил всего пятнадцать минут.

— [...] он говорил, что Чехов отрицательно относился к русскому народу, — раньше он об этом не решился бы сказать. [...]

Я спросила, а что же говорил сам Тальников.

— Я говорил, что Чехов не великий писатель, потому что в нем нет железа. Он лирик. Ведь несмотря на то, что мы все Чехова читаем и любим, мы почти не помним образов, остается в памяти: «Мисюсь, где ты?» и тому подобные фразы. Остается впечатление, как от музыки. [...]

— А куда вы отнесете Мопассана? — спросил улыбаясь Ян.

— Мопассан — другое дело, — он создал пятнадцать томов мужчин, женщин, — возразил Тальников.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Да и мироотношение у него иное, очень глубокое, — добавил Ян.

— Вот у вас есть то, чем характеризуется великий талант, — продолжал Тальников.

Но Ян не поддержал этого разговора. И мы заговорили о Короленко. Ян возмущался его речью: — Разве художник может говорить, что он служит правде, справедливости? Он сам не знает, чему служит. Вот смотришь на голые тела, радуешься красоте кожи, при чем тут справедливость?. [...]

[...] вскоре пришел профессор Лазурский с женой. [...] Разговор вертелся на политике: Архангельск занят англичанами, есть слухи, что Вологда — тоже. Начинается мобилизация и в Великоруссии и здесь. [...]

28 июля/10 августа.

Письмо от Юлия Алексеевича и Коли.

[Вероятно, полученное от Ю. А. Бунина письмо было от 13 июля 1918. Оно сохранилось в архиве. Привожу выдержки:]

«[...] Письмо это пересылаю через Н. А. Скворцова, который возвращается на Украину. Насчет нашей поездки на юг не так склалось, як ждалось. Коля до сих пор еще лежит; теперь поправляется, но, по мнению докторов, поехать куда-либо может не раньше, как месяца через полтора, если не будет никаких осложнений. [...]

Сам я положительно истомился и изнервничался. Да, проводить лето при наших условиях нелегко. Многие разъезжаются. Телешов в Малаховке (ютится в 2-3 комнатах). Уехали Шмелевы, Гусев-Оренбургский, Никандров и др. в Крым. Вересаев еще не возвращался из отпуска. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Довольно часто захожу к Муромцевым. [...] Все они здоровы. [...] Газеты [...] целую неделю не выходят, кроме советских. [...] Дороговизна становится невыносимой. Сейчас, напр., купил [...] копченой колбасы по 24 р. фунт. Бутылка сельтерской воды стоит 3 р. Последние 2 дня получали хлеб по 1/8, а то давали рису или гороху. [...]»

4/17 августа.

[...] Про Елец рассказы страшны: расстреляно много народу. [...] Когда подходили немцы к Ельцу, то большевики созвали съезд крестьянский, Микула Селянинович, и хотели, чтобы он санкционировал диктатуру, всеобщую мобилизацию и еще что-то. Но Микула не согласился ни на один пункт, тогда президиум объявил, что это не настоящие крестьяне, а кулаки, и председатель стал стрелять в публику, но члены съезда кинулись на него, и начался рукопашный бой, какой всегда бывал в древней Руси, когда решались общественные вопросы. Бежали по улицам мужики, за ними красноармейцы. [...] Многих мужиков арестовали, четырнадцать человек из них расстреляли. Когда на следующий день жены принесли в тюрьму обед, то им цинично сказали: «Это кому?» — «Как кому, да мужьям нашим!» — «Да нешто покойники едят?» Бабы с воплем разбежались по городу.

Прислуга в Ельце вся шпионы. Продовольствия мало. [...]

11/24 августа.

Из Москвы приехала Толстая — жена А[лексея] Н[иколаевича]. — Вид сытый, она очень хорошенькая. Муж в поездке, зарабатывает на жизнь. О Москве рассказывает много ужасного. Нет молока, наступил голод. Что делают наши? Она рассказывала, что видела издали Юлия Алексеевича, сидящего на Тверском бульваре, и мне

Для сайта BOOK-OLDS.RU

так сделалось жалко его, одинокого старика, напрасно мы не захватили его с собою, погибнет он там! Нет энергии уехать. Ведь он и здесь устроился бы. Нет отваги. Страх перед жизнью! [...] Вот разница — Толстой. Что за жизнеспособность — нужно пять тысяч в месяц, и будет пять. [...]

12/25 августа.

[...] Ян совершенно забыл, что Толстой вел против него кампанию в «Среде». Как будет он держаться с нами?

Толстая понравилась Нилусу, да не очень, «злые глаза и большие зубы». Сразу заметил, что она хищница.

14/27 августа.

[...] Ян и Нилус в городе. В 11 часов утра назначено свидание с Брайневичем насчет книгоиздательства, товарищества на паях в Одессе. [...]

Деньги, взятые из Москвы, приходят к концу. Ян не работает. Проживать здесь нужно минимум 2000 р. в месяц. Ехать в Россию?.. А там что? Голодать, доживать на последние деньги.

[Сохранилась одна запись Ив. Ал. Бунина этого времени:]

15/28 дача Шишкиной (под Одессой).

Пятый час, ветер прохладный и приятный, с моря. За воротами стоит ландо, пара вороных лошадей — приехал хозяин дачи, ему дал этих лошадей приятель, содержатель бюро похоронных процессий — кучер так и сказал — «это ландо из погребальной конторы». Кучер с крашеной бородой.

Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду «радикалов» и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всяким клас-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

сам общества, кроме этих самых «радикалов». О проклятие!

[Следует длинный перерыв в записях Бунина, вплоть до весны 1919 года. Продолжаю выдержки из дневника Веры Николаевны:]

18/31 августа.

В четыре часа дня начались взрывы. Где, неизвестно. Наверху из западной комнаты было хорошо наблюдать. Нилус некоторое время сидел и делал наброски карандашом. Ян сказал, чтобы я записала. Сначала появляется огонь, иногда небольшой, иногда в виде огненного шара, иной раз разбрасывались золотые блестки, после этого дым поднимается клубом, иногда в виде цветной капусты, иногда в виде дерева с кроной пихты...

Из города едут массы народа, платформы полны людьми; из Люстдорфа многие кинулись в город спасать вещи, [...] Неужели это повторение киевских взрывов?

[...] Масса народу с Молдаванки бежит в Люстдорф, на степь. Люди в панике. Говорят, что выбиты окна в высоких домах. Все взволнованы. Рассказывают, что вся Одесса горит, что есть человеческие жертвы.

Весь вечер стояло зарево. Иногда вспыхивали и окрашивали пол-неба огненные шары, а секунд через 20-30 доносились раскаты взрыва. [...]

Нилус сказал о Толстом: «Он, как актер, приехал в Новый край для себя и хоть бы звук наблюдений. [...] Все разговоры такие, как будто и из Москвы не выезжал...» Это действительно так. За весь путь его больше всего поразил армянин, который просил: белую сажу или черную.

Он рассказывал с чьих-то слов об убийстве Распутина: травили и не отравили. Почти слово в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

слово, как мне рассказывал Воля Брянский[7а] со слов Эльстона. [...]

25 авг./ 7 сент.

[...] Завтра приглашены к Толстым. Обеды с ними проходят оживленно и весело. Масса шуток, воспоминаний из литературной жизни. [...] у него много актерских черт, больше, чем писательских. [...] Но интересных разговоров не бывает, как иногда бывало на Капри. [...]

29 авг.

[...] Газета принесла кошмарные вести: расстрелян Брусилов, Великие князья, начался истинный террор. Что испытывают люди в Москве, Петрограде и других городах — трудно даже представить. Но в такие минуты лучше быть там, а не здесь. [...]

30 авг./12 сентября.

[...] В семь часов пришли Лазурские. [...] Затем вскоре явились и остальные. Сразу сели за стол, т. к. нам очень хотелось есть. [...] Катаев привез 6 б. вина, 5 было выпито, шестую Ян отстоял. Много по этому случаю было шуток. Толстая читала свои стихи. [...] Озаровский изображал в лицах неаполитанский театр и оперетку. [...]

31 авг./13 сент.

Мы провожали всех до Люстдорфа. Дорогой был принципиальный спор о евреях. [...]

Мы как-то с Яном говорили, что здешние места не дают нам той поэзии, тех чувств, как наши. И это правда.

Возвращалась с Валей [Катаевым], всю дорогу мы с ним говорили о Яновых стихах. Он очень неглупый и хорошо чувствует поэзию. Пока он очень искренен. Вчера Толстому так и ляпнул, что его пьеса «Горький цвет» слабая.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сегодня уехал Нилус. Завтра с нами селится Кипен[8].

1/14 сентября.

[...] Квартира на Княжеской нам улыбнулась. [...] [Буковецкий. — М. Г.] расспрашивал меня, как мне представляется жизнь у него. [...] Его идеал близок нашему.

— Хорошо перед сном в половине одиннадцатого нам всем сходиться на часок и проводить в беседе время, — сказал он полувопросительно.

Потом опять показывал и рассказывал, как будет у нас. [...]

[В сохранившейся копии письма родным (или же не отосланном за неимением оказии письме) Вера Николаевна пишет:]

Вчера окончательно решили и сняли две комнаты у Буковецкого — *до июня месяца будущего 1919 года* — это его желание. Квартира очень красивая, со вкусом убранная, много старинных вещей, так что с внешней стороны жизнь будет приятной, а с внутренней — увидим. Кроме платы за комнаты, все расходы по ведению дома и столу будем делить пополам. Деньги, взятые из Москвы и полученные в Киеве, приходят к концу. Ян делает заем в банке, тысяч на десять. [...] Он очень озабочен, одно время был оживлен, а теперь снова загрустил. Писать не начинал. Последний месяц он берет ванны, много гуляет, но вид у него почему-то стал хуже. Вероятно, заботит предстоящая зима, а теперь и здоровье Юлия Алексеевича. [...]

[В другом, тоже сохранившемся среди ее бумаг письме В. Н. говорит:]

[...] В такой обстановке не приходилось жить: у нас две комнаты, большие, высокие, светлые, с

Для сайта BOOK-OLDS.RU

большим вкусом меблированы, но лишних вещей нет. Удобств очень много. Даже около моего письменного стола стоит вертящаяся полка с большим энциклопедическим словарем, — это то, о чем я всегда мечтала.

[Выписки из дневника Веры Николаевны:]

5/18 сентября.

Как только прочтешь известия из Совдепии, так холодеешь от ужаса. [...]

7/20 сентября.

— Вы слышали, — спросил Ян Яблоновского[9]: — говорят, Горький стал товарищем министра Народного Просвещения?

— Это хорошо, теперь можно будет его вешать, — с злорадством ответил Яблоновский.

Харьковская городская Дума протестует против террора. Возмущается, а в заключение говорит, что это «наносит последний удар революции и демократии». [...]

24 сентября/7 октября.

Комнаты, снятые нами у Буковецкого, реквизированы. Третий день Ян хлопочет. [...]

Я присутствовала в квартире Буковецкого, когда ввалились австрийцы, — нынешние хозяева наши — и стали занимать [нашу] будущую комнату, где живет пока Нилус, чтобы водворить в ней украинского морского офицера. Я два раза нарочно загораживала путь, и два раза на меня направляли штык. Русский, т. е. украинский, морской офицер стоял и спокойно смотрел. [...]

6/19 октября.

[...] Яблоновский написал открытое письмо Горькому. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

7/20 октября.

Письмо от Н. А. Скворцова. Юлий Алексеевич был в постели довольно долго. Письма посылать запрещено. Телешов не может добиться разрешения на выезд из Москвы. Скворцов пишет про него: «Он похудел, отощал, стал чрезвычайно нервен». Про Юлия Алексеевича: «осунулся, почернел, глаза ввалились». [...]

[...] Ян говорит, что никогда не простит Горькому, что он теперь в правительстве.

— Придет день, я восстану открыто на него. Да не только, как на человека, но и как на писателя. Пора сорвать маску, что он великий художник. У него, правда, был талант, но он потонул во лжи, в фальши.

Мне грустно, что все так случилось, так как Горького я любила. Мне вспоминается, как на Капри, после пения, мандолин, тарантеллы и вина, Ян сделал Горькому такую надпись на своей книге: «Что бы ни случилось, дорогой Алексей Максимович, я всегда буду любить вас». [...] Неужели и тогда Ян чувствовал, что пути их могут разойтись, но под влиянием Капри, тарантеллы, пения, музыки душа его была мягка, и ему хотелось, чтобы и в будущем это было бы так же. Я, как сейчас, вижу кабинет на вилле Спинола, качающиеся цветы за длинным окном, мы с Яном одни в этой комнате, из столовой доносится музыка. Мне было очень хорошо, радостно, а ведь там зрел большевизм. Ведь как раз в ту весну так много разглагольствовал Луначарский о школе пропагандистов, которую они основали в вилле Горького, но которая просуществовала не очень долго, так как все перессорились, да и большинство учеников, кажется, были провокаторами. И мне все-таки и теперь не совсем ясен Алексей Максимович. Неужели, неужели...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11/24 октября.

[...] Слухи, что сегодня в ночь восстание большевиков, и австрийцы уходят. В городе среди обывателей тревога. [...]

15/28 октября.

Вечер. Одиннадцать часов. Буковецкий играет на пьянино. Я сижу, слушаю и беспокоюсь. Ян уехал через Киев в Екатеринослав, а между тем чувствовал себя больным весь день. [...] Но, если все обойдется благополучно, то я умолять буду Яна никуда не ездить. Бог с ними, с деньгами. [...] по-моему вчерашнее «воскресенье» оставило на него дурное впечатление. Ему очень неприятно, что он не сдержался и спорил с «дураками», которые рассказывали, что в Совдепии «истинный рай», «взяток не берут», «поезда ходят превосходно» и т. д., и т. д. [...]

21 октября/3 ноября.

[...] Цетлин[10] сидел часа два. Велись разговоры на политические темы.

— Вильсон хочет погубить Европу, — сказал Ян.

Цетлин не соглашался. Он рассказывал, что проездом был здесь Руднев, московский городской голова при Временном Правительстве; у него есть небольшой хуторок в Воронежской губернии. В соседней с ним деревне убили комиссара и за это было убито двенадцать крестьян, которых предварительно истязали. Мать и сына Руднева пытали, теперь они в больнице.

Юшкевич[12] сообщил по телефону, что в Жмеринке, Бирзуле и Вапнянке бунт мадьярских войск и еврейские погромы.

У нас в городе стрельба.

Сегодня австрийские солдаты ходили по городу с красным флагом. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Год назад мы в эту ночь выехали из Глотова. Как я все хорошо вижу, точно это было вчера. Помню, как я ходила в контору Бахтеяровой говорить с офицером по поводу благонадежности солдат. Накануне в деревне появились солдат-еврей и матрос. Матрос, перед тем, как священник вышел с крестом, обратился к прихожанам и сказал, чтобы завтра, 23 ноября, они все собрались, он будет держать речь. В час дня явился посланный из Предтечева [...] там начались беспорядки. Мы сидели и читали вслух «Село Степанчиково», когда С. Н. Пушешникова вошла и сказала нам об этом. А в два часа, когда Ян сидел и писал стихи, явился из Петрищева мужик и объявил, что начались погромы. [...]

Все надеются на англичан. Есть слух, что состоялось соглашение между ними и немцами не оставлять Одессы в анархическом состоянии.

[...] Лекция Овсянико-Куликовского не состоялась, т. к. университет закрыт: студенты стали неугодных профессоров выносить из университета. [...]

1 ноября.

[...] Вчера были у Цетлиных. Кроме нас, были Толстые, Керенский и Инбер, потом — уже очень поздно — пришли Фондаминский-Бунаков[13] и Руднев. [...]

5/18 ноября.

[...] Главный вопрос об Учредительном собрании. Эс-эры, в лице Руднева и Фондаминского, будут стоять за Учредительное собрание старое, а кадеты — против, основываясь на том, что в прежнем Учредительном собрании 45 большевиков. [...]

6/19 ноября.

Был Катаев. Собирает приветствия англича-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нам. Ему очень нравятся «Скифы» Блока. Ян с ним разговаривал очень любовно. [...]

7/20 ноября.

Был Тальников и сообщил, что английская эскадра обстреливает Кронштадт. [...]

В городе волнение. Идут аресты. Кажется, социалистов всех видов.

8/22 ноября.

[...] — Высшие классы, — сказал Ян, — это действенные классы, а народ, аморфная масса. Так называемая интеллигенция и писатели — это кобель на привязи, кто не пройдет, так и брешет, поскакивает, из ошейника вылезает. [...]

11/24 ноября.

[...] Ян сказал: «Как это сочетать, — революционеры всегда за свободы, а как только власть в их руках, то мгновенно, разрешив свободу слова, они закрывают все газеты, кроме своей. Революция производится во имя борьбы против насилия, а как только власть захвачена, так сейчас же и казни. Вот Петлюра уже расстреливает офицеров Добровольческой армии. [...]

Ян рассказал, что сегодня гулял в порту. Заводил разговоры насчет Петлюры — все относятся к нему отрицательно, многие ругают его матерно.

13/26 ноября.

[...] В порт пришел английский миноносец, ждут броненосца. [...] На улицах большие толпы. [...]

14/27 ноября.

[...] Забастовка прекратилась: вышли «Одесские Новости». [...]

— Вероятно, англичане заняли почту, телеграф и электрическую станцию — сказал Ян.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В пять часов нам дали электричество, и какая радость. [...]

17/30 ноября.

Приехал к Яну Гроссман[14], высокий, худой и самоуверенный человек, говорит гладко, несколько певуче. Он явился просить у Яна выборных рассказов из его произведений. [...]

— Из современников только вас, — говорит он с улыбкой, — из умерших: Герцена, Гоголя, Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Тургенева и других. Разные лица будут делать выборки, например, Островского подаст профессор Варнеке, Достоевского — я.

— Значит, в каждой книге будет критическая статья? И это будет относиться и к живым авторам? — спросил Ян.

— Да, но можно сделать по другому принципу, — стал объяснять Гроссман: — В данном случае не будет какого-нибудь исследования, а вы сами сделаете выбор произведений.

— Что такое избранные произведения, — перебил Ян: — это не самые лучшие, а разнообразные. Можно отметить характерные черты в творчестве.

— Да, — согласился Гроссман, — учебные цели. [...]

— Что же я с собой делаю? Я выбираю шесть листов лучших, следовательно, все остальные я считаю плохими?

— Да, к современному автору неудобно прилагать такое заглавие, вы правы, — соглашается Гроссман, — лучше назвать «Избранные страницы». [...]

Гроссман производит впечатление очень культурного человека, вероятно, с ним иметь дело будет приятно, хотя он человек холодный. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19 ноября/2 декабря.

Ян вспоминал, как в год войны Горький говорил в «Юридическом Обществе», что он боится, «как бы Россия не навалилась на Европу своим брюхом». — А теперь он не боится, если Россия навалится на Европу «большевицким» брюхом, — сказал Ян зло. [...]

20 ноября/3 декабря.

[...] Гроссман просит у Яна два тома — один рассказов, другой стихов, издание должно быть в пять тысяч экземпляров. [...]

21 ноября/4 декабря.

[...] Дома у нас вчера был пир, который затянулся до трех часов вечера. Все были благодушно настроены. Вспоминали Куровского. Буковецкий говорил, что он последнее время от них отстранялся. Ян вспомнил, что и он испытал это раз, когда приехал в Одессу и пережил точно измену женщины — Куровский как будто ушел от него, началась у него в то время дружба с Соколовичем, «а между тем, я пережил с ним то, чего не переживал ни с кем — опьянение от мира». И тут Ян вдался в воспоминания о их путешествии, когда их восхищало все — и кабачок в Париже, и восход солнца в Альпах, и вьюга, и немецкие города...

Говорили о Федорове. Ян сказал: — «Всегда в моем сердце найдется капля любви к нему, ибо раз мне пришлось пережить с ним так много хорошего, что забыть я этого не могу. Ночь в Петербурге, Невский, мы едем к Палкину, где много красивых женщин, мы пьем вино, а завтра Федоров едет в Одессу, чтоб отправиться в Америку. Разве это не прекрасно? И как он не понимает, что я всегда с ним очень деликатен, стараюсь умаливать свои успехи, а он относится по-свински. [...]»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Наконец, Ян стал уговаривать Буковецкого писать нечто вроде дневника. — «При твоем уме, наблюдательности, это будет очень интересно. [...] Ты, хотя, в некотором отношении, сумасшедший, но все же человек ты замечательный, тонкий». Нилус тоже поддерживал. Решили, что он начнет писать Яна, и во время сеансов Ян преподаст ему «искусство писать». Все были возбуждены, конечно, от вина. [...]

23 ноября/6 декабря.

[...] Жена Плеханова говорила, что Горький сказал, что «пора покончить с врагами советской власти». Это Горький, который писал все время прошлой зимой против Советской власти. Андреева в Петербурге издает строжайшие декреты. Вот, когда проявилась ее жестокость. Пятницкий рассказывал, что она в четырнадцать лет перерезывала кошкам горло! [...]

26 ноября/9 декабря.

[...] Вчера вечером был у нас Цетлин. Многое мне в нем нравится, он хорошо разбирается в людях. Много интересного он рассказывал о Савинкове[15]. [...] Он человек сильный, жизнь у него редкая по приключениям. Рассказывать он любит. Впрочем, молчалив. Керенского презирает и ненавидит. [...]

Савинков теперь в Сибири, зимой жил в Москве. Он за диктатора и республику. Зимой он был в Ростове, где вел дела вместе с Корниловым[16]. [...] Корнилова он не считает умным. [...] Между Савинковым и Корниловым были такие отношения, что они иногда говорили: «А пожалуй, кому-нибудь из нас придется другого вешать». — «Пускай я лучше вас повешу», — шутил Савинков. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

28 ноября/11 дек.

[...] Вчера убито много в стычке между немцами и легионерами. [...] Петлюровцы приблизились к Одессе. [...]

29 ноября/12 дек.

[...] Мы — в республике. Петлюровские войска вошли беспрепятственно в город. [...] По последним сведениям, Гетман арестован. Киев взят. Поведение союзников непонятно. [...] Сегодня, вместе с политическими, выпущено из тюрьмы и много уголовных. Вероятно, большевицкое движение начнется, если десанта не будет. [...]

Петлюровские войска в касках, вероятно, взятых от немцев. [...]

30 ноября/13 декабря.

Опять началась жизнь московская. Сидим дома, так как на улицах стреляют, раздевают. Кажется, вводится осадное положение, выходить из дому можно до девяти часов вечера. Вчера выпустили восемьсот уголовных. Ждем гостей. Ожидание паршивое. [...]

Вчера мы за ужином угощали грушами. Ян был подавлен. Он говорил, что прошлую ночь три часа сидел на постели, охватив руками колени, и не мог заснуть.

— Что я за эти часы передумал. И какое у меня презрение ко всему!... [...]

2/15 декабря.

Пошли все гулять. День туманный. На Дерибасовской много народу. Около кафэ Робина стоят добровольцы. Мы вступили во французскую зону. Дошли до Ришельевской лестницы. На Николаевском бульваре грязно, толпится народ. По дороге встретили Катаева.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

На бульваре баррикады, добровольцы, легионеры. Ян чувствует к ним нежность, как будто они — часть России. [...]

4/17 декабря.

Сегодня десант в десять тысяч человек. Об этом мы знали еще вчера вечером.

Вчера в полдень мы с Яном гуляли по городу и видели много печенегов-скифов на конях, — совершенно двенадцатый век. Сидят на лошадях в коротких полушубках, даже ноги назад оттянуты. Сидят крепко, с винтовками, только одного видели, который не умел держаться в седле, он качался, чуть за гриву не схватывался...

— Совершенно зверь, — внимательно посмотрев, сказал Ян.

— Нет, это не зверь, а домашнее животное, — возразила я. Он согласился.

Я очень люблю ходить с Яном, он так живо ко всему относится, все замечает, прямо одно удовольствие, точно образовательная экскурсия...

Были в банке у Дерибаса[16а]. Он думает, что Одесса останется свободным городом. [...]

Прийдя домой, мы застали в столовой за чашкой кофе Цетлину. [...] Почти все время говорили о Серове, об ее портрете. Она рассказывала [...], что несмотря на то, что он нуждался в то время, когда получил заказ на ее портрет, он велел прислать ее фотографическую карточку, а уж тогда согласился приехать к ним в Биариц и там работать. И «работали мы с утра до ночи», — сказала она.

После ее портрета он писал Иду Рубинштейн, которой, как художник, очень увлекался и вез этот портрет в Рим на выставку с собой в вагоне.

Серову очень нравился Николай II, он находил его необыкновенно приятным человеком. Однаж-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ды, когда он писал его, ему захотелось посмотреть на какую-то картину, висевшую очень высоко, Николай II сам встал на стул, снял картину и подал ее Серову. Александра Федоровна ему не нравилась, он определял ее так: «Это женщина, которая всегда злится и бранится». [...]

5/18 декабря.

С утра идет сражение: трескотня ружей, пулемет, изредка орудийные выстрелы. Ян разбудил меня. Петлюровцы с польскими войсками и добровольцами. У нас на углу Ольгинской стоят петлюровцы. [...]

6/19 декабря.

Вчера весь день шел бой. Наша улица попала в зону сражения. До шести часов пулеметы, ружья, иногда орудийные выстрелы. На час была сделана передышка, затем опять. Но скоро все прекратилось. Петлюровцы обратились к французам с предложением мирных переговоров. Но французы отказались, так как петлюровцы пролили французскую кровь. — «Мы сюда явились на помощь», — сказали они: «а нас встречают огнем». Переговоры вели Брайкевич и Шрейдер — вот, кто вершит судьбы России.

Погода была дождливая. Ян почти целый день был на ногах, в пальто, ежеминутно выходил во двор, где говорил с жителями нашего дома. Демократия настроена злобно. [...]

[...] Сегодня проснулись рано. [...] На Дербасовской встретили двое дрог с убитыми петлюровцами. У одного жутко торчали руки вверх, выглядывали ноги, шея. Зачем-то сидели гимназисты, вероятно, это санитары. Мне все-таки жаль этих обманутых печенегов. Рассказывают, что один, умирая, сказал, что не знает, за что он дрался. На

Для сайта BOOK-OLDS.RU

почте развевался русский флаг, — увидеть его было радостно.

Добровольцы очень статные, с хорошей выправкой люди, — я отвыкла видеть подобных людей. Старые генералы, наравне с молодыми, таскали различные вещи. [...]

Потери у добровольцев очень большие. [...]

Ян был очень взволнован. Он сказал, что за два года это первый день, когда чувствуешь хоть луч надежды. Его очень трогает самоотверженность добровольцев. [...]

По народу идет слух, что еще вернутся петлюровцы, соединясь с немцами, и тогда все будет хорошо. Вероятно, это работа большевиков. [...]

7/20 декабря.

[...] Прачка Буковецкого рвет и мечет, плачет, что петлюровцы побеждены, уверяет, что добровольцы введут панщину, то есть крепостное право. [...]

11/24 декабря.

Дождь. Сегодня Сочельник на Западе. Вспомнили Капри, раннее утро, последние звуки запоньяров. Как это хорошо! Потом мальчишки весь день бросают шутихи. Этот день в Италии считается детским, и никто не сердится на проказы мальчишек, пугающих взрослых. А вечером процессия: несут Христа в яслях, идет Иосиф, Божья Матерь, — процессия проходит по всему Капри. Мы идем с Горькими. Марья Федоровна говорит, как в театре, каждому встречному все одно и то же, на слишком подчеркнутом итальянском языке. Алексей Максимович восхищается всем, возбужден, взволнован. Мне жаль, что я его знала. Тяжело выкидывать из сердца людей, особенно тех, с которыми пережито много истинно прекрасных дней, которые бывают редко в жизни.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13/26 декабря.

Вчера была впервые на «Среде» здешней, но читали наши москвичи: Толстой и Цетлин. [...] На прениях мы не присутствовали — поспешили домой. [...]

Зейдеман затевает клуб. И Толстой согласился быть старшиной в нем, кажется, за три тысячи в месяц. Легкомысленный поступок! [...]

Буковецкий хорошо сказал про Толстого: «Он читает так, точно причастие подает».

16/29 декабря.

[...] Ян читает сегодня в «Урании». Он читал «Моисея», и я слушала его с необыкновенным интересом, а ведь это, вероятно, в сотый раз! Ян прочел и ушел, а публика сидела и ждала продолжения. [...]

20 декабря/3 января.

Ян всю эту неделю болеет, простудился в «Урании». Очень жаль, так как он как раз начал было писать. [...]

[...] Как социалисты всегда умеют устраиваться с богатыми. Мякотин — у Рубинштейн, Руднев — у Цетлиных, Елпатьевский всегда останавливался у богатых друзей — или у Соболевского, или у Ушковых, Чириковых водой не разольешь с Каринскими, это понятно — одним лестно, другим удобно. В жизни все оплачивается. Рубинштейны за содержание Мякотина устроили у себя народно-социалистический центр. Кроме того, присутствие Мякотина, вероятно, избавляет их от реквизиции комнат. Социалисты ходят по ночам, — не боятся, что стащут пальто, деньги. Мне кажется, что они так привыкли, что они обеспечены — минимум всегда будет — что об этом они не беспокоятся.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Когда во время Временного Правительства сын Елпатьевского был в Ташкенте, то он занял Белый Дворец Куропаткина.

У нас был Сергей Яблоновский. [...] Он бежал из Москвы, т. к. был приговорен к расстрелу. В конце мая он был в Перми у Михаила Александровича, который произвел на него самое приятное впечатление. Он говорил, что никогда не хотел престола. [...]

23 декабря/5 января.

У Яна был жар один день, и в этот день он был очень трогательный. Говорил все из «Худой травы»[17], уверял, что он похож на Аверкия. [...]

В Одессу приехал Родзянко и еще какой-то член Думы. [...]

Зубоскальство фельетониста, дошедшее до цинизма:

Хлеб наш насущный даждь нам днесь,
Только настоящий, а не смесь...

По народу идет, что 25 декабря в десять часов утра петлюровцы начнут брать бомбардировкой Одессу, они думают, что французы уйдут, так как иначе город сравняют с землею.

30 декабря/12 января.

На днях был Наживин[18]. Коренастый, среднего роста человек, с широким лицом и довольно длинным носом. Он производит впечатление человека с еще большим запасом жизненных сил, хотя по виду он немного сумрачный, благодаря большим, нависшим, немного толстовским бровям.

Он два месяца, как из Совдепии, главным образом он жил у себя на родине, во Владимирской губернии, но бывал в Москве, имел доступ в Кремль, а потому много видел. [...]

Он удивлен настроениям в Одессе.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— В Совдепии о республике никто не говорит — это уже считается дурным тоном, — сказал он смеясь, — разговор идет лишь о том, кого выбрать. Мужики, которые почти поголовно настроены черносотенно, при прощании говорили мне: «Ну, как хошь, а передай, что мы, такие-то, хотим, чтобы был кто потверже! На Алексея мы не согласны, мал еще!».

— Ну, а молодые ежики, у которых за голенищами ножики? — спросил Ян.

— Молодые? — продолжал Наживин: — у нас деревня почему-то искони поставляла рекрутов в Балтийский флот, хотя даже реки у нас нет. И теперь эти матросы, которые раньше драли глотку в пользу большевиков, ходят в дорогих шубах и у каждого по драгоценному перстню на руке, говорят: «Нет, без буржуазии никак нельзя, нигде этого не было и не будет — во всех странах она есть».

Где-то Наживина чуть не расстреляли, спас его пропуск, данный местным советом.

Ян спросил относительно комитетов бедноты.

— На заседание этого комитета приехал председатель на жеребце, стоющем несколько тысяч. Все богатые крестьяне записаны в «комитет бедноты».

В Москве все почти поправели. Во Владимире пересматривают все вопросы сызнова. Отдельные лица перерождаются самым невероятным образом. [...]

Он советовал нам ехать на Кубань, там и деше́вле, и жизнь кипит. Тут же рассказал о нравах добровольцев и большевиков. Пленных нет. Офицеров вешают без суда, солдат секут шомполами, небольшой процент выживает. Кто выживет, из тех образуют полки, которые оказываются лучшими. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Вот, — сказал Наживин, — Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и все за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. [...] И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы.

Говорили и об еврейском вопросе. — Я теперь стараюсь всюду бороться с антисемитизмом, — продолжал Наживин, — но трудно, во многих местах погромы. [...]

Заговорил о том, что евреи не понимают, что Кремль наш, что в Кремле наша история, а не их, что они никогда не могут так чувствовать, как мы. [...]

Потом перешли на Софью Андреевну Толстую. Он большой ее защитник.

— Вот сидим мы раз в сапогах в гостиной, — рассказывает он, — с Булыгиным, бывшим пажом. Входит Софья Андреевна и подходит к нам с каким-то вопросом. Мы оба поднялись. Вдруг на глазах ее показались слезы. «Что с вами?» — «За двадцать лет в первый раз, что толстовцы встали передо мной, они никогда не считались со мной, как с хозяйкой» — ответила она взволнованно.

[...] Был Сергей Викторович Яблоновский. [...] Рассказывал, что из Харькова к Бальмонту поехали еще две жены. [...] Говорили об Алексее Константиновиче Толстом[19]. О том, что Чехов неправ был, назвав его оперным актером.

— Толстой, напротив, сам создал, — сказал Ян, — тот стиль, в котором его упрекает Чехов. [...]

Ян все это время читает А. К. Толстого.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1919

[Из дневника Веры Николаевны:]

2/15 января.

Ян все болен, сегодня было два доктора. [...] Сейчас он прочел «Коляску» и «Рим» и в восторге[1].

— Когда вспомнишь, что целая литература из одной «Коляски» вышла, пол-Чехова из «Коляски»! Какая простота и легкость удивительная!

— А как тебе «Рим» понравился? — спросила я.

— Очень. [...]

4/17 января.

Еще по старому тянутся праздники, а я ничего не чувствую, кажется, что даже совершенно никаких праздников не было, и Нового года не встречали, хотя были в двух местах. У Дерибаса, брата Александра Михайловича, было человек двадцать, мало связанных друг с другом людей. Потом были в клубе Зейдемена. Приехали туда, когда все были пьяны, точно в Москву попали: почти вся редакция «Нового Слова», Шер, Толстые, Гюнтер и другие. [...]

6/19 января.

Был Елпатьевский[2]. [...] Конечно, прежде всего заговорили о событии сегодняшнем, — назначении Колчака Верховным Главнокомандующим. [...]

13/26 января.

Ян очень подавлен. Вчера был в клубе. Ян читал. Кошиц пела, Волошин[3] прочел два исторических своих стихотворений. [...]

Сам Волошин, кажется, большой тугоум, какая-то у него толстая черепная кость. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15/28 января.

[...] Потом разговор перешел на политику и Ян сделал предсказания: 1) через 25 лет евреи утеряют силу, 2) будущее будет принадлежать японцам, русским и немцам (?)

— А англичане тоже будут в хвосте? — спросила я.

— Ну, и англичане будут в хвосте, — ответил он, — вообще, только тот народ силен, который религиозен, а евреи по существу своей религии не религиозны. Это удивляет тебя? Религия, как и поэзия, должна идти от земли, а у евреев все абстракция. Иегова их — абстрактен. В религии необходимо, познав плоть, отрешиться от нее. [...]

3) сильную религиозность в России, 4) крах социализма и увлечение индивидуализмом.

Он находит, социализм совершенно не свойственен человеческой душе, противоречит ей. [...]

16/29 января.

Встретила Варшавского[4], присяжного поверенного, журналиста из «Русского Слова». [...]

22 января/4 февраля.

Был у нас Врангель. Чем больше узнаю его, тем больше нравится. [...]

27 января/9 февраля.

Второй день снег в Одессе. [...] Публику здесь снег очень возбуждает — большое оживление, на Дерибасовской молодежь кидается снегом, подростки скользят по тротуару. [...]

В порту спекулянты, не раскрывая ящиков, перекупают их друг у друга, платя вдвое, зная, что все равно останутся в огромных барышах.

29 января/11 февраля.

Был у нас Александр Александрович Яблоновский. Вид у него человека много пережившего.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В Одессе он три недели. Из Киева ехали в вагонах с разбитыми окнами и дверями, с пробитой крышей. Стоило много денег, — самое дешевое билеты. Носильщик взял триста рублей. Несколько раз их вытаскивали из вагонов. Некоторые миллионеры платили за купэ шестьдесят тысяч рублей.

В Киеве двенадцать дней не прекращалась стрельба. [...]

Петлюровцы, солдаты, подали протест, что их обманули и не дали им Киева на три дня для разграбления, как было обещано и как бывало в старину. [...]

Из Москвы приехал служащий в нашем книгоиздательстве, Серкин. Книгоиздательство существует, типография работает, книги идут очень хорошо. Советская лавка купила у нас на пол миллиона книг. Юлий Алексеевич постарел, похудел, но мука́ у него еще есть. Телешов очень изменился, одно время узнать было нельзя, так постарел. Летом у него был налет, сняли даже часы и одежду. Теперь они живут в задней части дома, а передние комнаты заняты Главкосахаром.

Ехал Серкин в ужасных условиях. До Киева 60 верст шел пешком, таща на себе багаж в три пуда. Ночевали в хатах вместе с большевиками. Обыскивали много раз его, но денег не нашли.

31 января/13 февраля.

Холодно и на дворе, и в комнатах. [...] У большинства дров уже нет. Хлеба тоже нет. [...]

7/20 февраля.

Опять у нас хотят реквизировать комнаты.

13/26 февраля.

[...] Ян недавно перечитал «Семейное счастье» и опять в восторге. Он говорит, что мы даже и представить себе не можем, какой переворот в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

литературе сделал Лев Николаевич. Ян перечитывает старые журналы, а потому ему очень ярко бросается в глаза разница между Толстым и его современниками.

— По дороге неслись телеги, и дрожали ноги, — прочел он: ведь это модерн для того времени, а между тем, как это хорошо! Ясно вижу картину.

Ян много читает по-русски, по-французски. Политика чуть-чуть менее заполняет его. Буковецкий начал писать его. Я рада. Если не работает, то пусть хоть время не пропадает даром.

Вчера во время сеанса приехали Кугель и Раецкий приглашать Яна принять участие в «Живой газете» в качестве одного из редакторов. Эта «Живая газета» будет в пользу безработных журналистов, которых здесь очень много, и многие из них уже сильно голодают. Редакция: Трубецкой, Кугель, Овсянико-Куликовский, Яблоновский, Бунин.

Кроме того, Раецкий затевает здесь школу журналистов и в совет приглашает трех: Овсянико-Куликовского, Кугеля и Яна, с окладом по тысяче рублей в месяц. Не знаю, что из этого выйдет. Ян согласился на оба предложения. [...]

На «Среде» Валя Катаев читал свой рассказ о Кранце, Яну второй раз пришлось его прослушать. Ян говорит, что рассказ немного переделан, но в некоторых местах он берет не нужно торжественный тон. Ян боится, что у него способности механические. Народу было немного. [...]

17 февраля/2 марта.

[...] Перед обедом пришел Кипен в матросской форме [...] рассказывал о моряках, о том, как они забавляются во время пиров. Поют хором «Медный ковш упал на дно и досадно, и обидно, а достать его трудно! Ну, да ладно, все-равно...» Когда про-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

поют один раз, поют второй, но перед словом «все-равно» останавливаются, а кто не остановится и пропоет «все-равно» — с того бутылка шампанского, и так до бесконечности.

Кипен не знал раньше этого мира и пока он в большом восторге. Он говорит, что все они очень хорошо образованы, знают языки, хорошие математики. [...]

Затем мы все [...] отправились к Цетлиным. [...]

Говорили о большевиках. Ян считает их всех негодяями, не верит в фанатизм Ленина. — Если бы я верил, что они хоть фанатики, то мне не так было бы тяжело, не так разрывалось бы сердце...

Волошин, который сидел рядом со мной, сказал:

— Вот я смотрю на вас и думаю, как мало вы изменились со времен гимназии. Помните бал у Сабашниковых? Вы сидите там и такой же профиль и та же прядь волос, только вы кажетесь там смуглой и брюнеткой, но это эффект магния. На вас смотрит Иловайский[5]...

Как-то [...] перешли на Андрея Белого, — они с Яном хвалили его, как собеседника, — дошли и до Блока. Тут мнения разделились: Волошину очень нравится «Двенадцать»; он видит, что красногвардейцы расстреливают Христа, и он сказал:

— Я берусь доказать это с книгой в руках.

Ян не соглашался с таким толкованием, кроме того он нападал на пошлый язык.

— Поэту я этого простить не могу и ненавижу его за это... [...]

Волошин производит приятное впечатление. Он любит прекрасные вещи, живет художественной жизнью. Он оригинален по натуре, знающ, образован, но я думаю, — не очень умен. Рассказывал, что он два раза был в Риме и один раз все

Для сайта BOOK-OLDS.RU

время проводил в католическом обществе, а другой в археологическом. [...]

Потом говорили о том, у кого хорошо изображен Рим: у Ренье, у Гонкуров.

— Я нахожу, что у Тэна, — сказал Ян.

— А Муратов, — сказал Цетлин, — слишком красив. [...]

23 февраля/8 марта.

Пошли к Куликовским. Улицы темные, двор тоже, стали подниматься по лестнице, чуть не разбила нос, из одной квартиры услышали испуганный голос: «Кто идет?» Наконец, мы добрались до Куликовских. Ирина Львовна открыла сама дверь. В столовой они сидят при двух ночниках, она читает вслух.

Д[митрий] Н[иколаевич], как всегда, производит на меня чудесное впечатление, какое-то успокаивающее. Все время шла оживленная беседа. Ян сказал, что он всегда соглашается с его статьями, а когда они разговаривают — то вечно спорят:

— Это от того, что в статьях я резче, — смеясь сказал Д. Н.

И тут сейчас же заспорили. Дело в том, что Д. Н. получил из Севастополя приглашение участвовать во французской газете, цель которой осведомлять союзников, а платформа — союз «Возрождения». Кроме приглашения просьба — привлечь к участию Короленко, Арцыбашева, Вересаева, еще кого-то и Яна. [...] Д. Н. сказал, что он дал согласие, а Ян сказал:

— А я воздержусь. Посмотрю газету, да и с платформой «Возрождения» я согласиться не могу.

Д. Н. удивился. Ян развил свою мысль:

— Вот «Возрождение» требует подчинения Добровольческой Армии себе, разве это возможно?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Армия должна только воевать, а управлять должны граждане, — возразил мягко Д. Н., — зачем вмешиваться ей, например, в водопроводные дела?

— Да вот как раз ей теперь и приходится вмешиваться в дела Беляевых — ответил Ян. — Если бы власть принадлежала Рудневу, то он поехал бы на автомобиле и стал бы уговаривать, чтобы рабочие не отравляли воду, которая употребляется миллионным городом. И стали бы мешать «контрреволюционной» деятельности армии, а между тем ведь нужно в таких случаях давить, подавлять!

— Да, — соглашается Д. Н., — тут нужно действовать беспощадно.

— Ну, вот, видите, — продолжал Ян, — а в прошлом году перед большевицкой борьбой, Московская Дума во главе с Рудневым, во-первых позволяла красной армии вооружаться и укрепляться, а во-вторых не только палец о палец не ударила, чтобы готовить к бою войска, верные Временному Правительству, но даже мешала им в этом, говоря, что это «не демократично»...

Тут перешли к большевикам, а от них к Горькому. Куликовские говорили, что когда Бурцев[6] написал, что «откроет имя, кто был на службе у немцев, то все содрогнутся», многие подумали о Горьком. Д. Н. говорит, что после победы над большевиками нужно будет Горького изгнать из всех обществ, и что он первый не допустит его никуда. [...]

Ян [...] рассказал о [его] честолюбии, как он зеленел при появлении трех, четырех новых лиц, вечно начинал проповедывать и т. д. Потом Ян задал такой вопрос: почему ими было выбрано Капри, в то время почти неизвестное Капри, где главным образом бывали немцы? Кто посоветовал им этот остров? Говорили о непонятной и странной ро-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ли Ладыжникова[7], который долго жил в Берлине. Непонятна его роль около Горького. Деньги все на его имя лежат и даже Ек. П. списывается со счета Ладыжникова, а не Пешкова. Затем Ян нарисовал картину 13 года. Перед возвращением в Россию, летом, сильная болезнь, заливался кровью, чудесное выздоровление после Манухинских свечений. Это было в начале осени, а зимой, в декабре, он поехал в Россию через Берлин. Странно и необычно это... Как чахоточный, после 7-летнего пребывания на Капри, выдержал сразу сначала берлинскую, а потом финскую зиму и зиму в Тверской губ. Да, многое непонятно и будет ли когда-либо понято? [...]

24 ф./9 марта.

Был у нас Гальберштадт[8]. Это единственный человек, который толково рассказывает о Совдепии. Много он рассказывал и о Горьком. Вступление Горького в ряды правительства имело большое значение, это дало возможность завербовать в свои ряды умирающих от голода интеллигентов, которые после этого пошли работать к большевикам, которым нужно было иметь в своих рядах интеллигентных работников.

На Невском теперь устроено бюро, где сидит Тихонов[9], для получения переводов со всех существующих и несуществующих языков. При Гальберштадте очередь была чуть ли не в версту. Платят, смотря по тому кому — от пятисот рублей до полторы тысячи за лист. Авансы дают свободно. Если какой-нибудь журналист голодает, к нему обращаются с советом: «да возьмите перевод, это вас ни к чему не обязывает, дело хорошее», — это первая ступень. Затем, когда человек уже зарабатывает немного, если он журналист, к нему являются и говорят: «почему бы вам не участвовать в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

такой-то газете, будете получать несколько тысяч в месяц, а участвовать можете и не участвовать, дайте лишь имя». Существует даже непартийная газета.

Горькому дано в распоряжение 250 миллионов рублей. Подкуп интеллигенции развит до нельзя и чем он контр-революционнее, тем дороже ценится.

Горький вступил в правительство как раз после расстрела офицеров, когда в одну ночь было казнено 512 человек.

Гальберштадт передал два рассказа очевидцев казни. Один знакомый ловил с приятелями рыбу по воскресеньям, и для этой цели они уезжали с вечера на какой-то остров недалеко от устья Невы. Они разложили костер и ждут рассвета. Вдруг слышат крики, не понимают откуда, затем треск пулеметов, потом опять крики. Вдруг к ним подходят два красногвардейца или «красно-индейца», как их зовут в Петербурге, просят позволения прикурить и посидеть. Они испугались и, конечно, разрешили. Красногвардейцы посоветовали затушить огонь, «а то плохо будет». Они затушили. Воцарилось молчание жуткое, которое продолжалось довольно долго. Слышат, что один из красногвардейцев плачет. Спросили о причине. Оказывается, это расстреливали офицеров, они не выдержали вида казни, и теперь не знают, что им будет за то, что они убежали...

Второй случай ему рассказывал рабочий, который раз с товарищем пошел по грибы и тоже услышал стоны. [...] за рощей ров, на краю которого стоят приговоренные к расстрелу: офицеры и в штатском. Латыши произвели залп, приговоренные упали в ров. После этого поставили следующую партию. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Ужас ведь в том, — сказал Гальберштадт, — что хоть бы какое-нибудь сопротивление, а то в покорном оцепенении люди подставляют себя под выстрелы. Ведь это не единичная смертная казнь, когда личность индивидуализируется. [...]

27 ф./12 марта.

Два года, два кошмарных года, сколько чаяний, надежд похоронено в этот срок. Сколько пролито крови, сколько разорено, почти вся Россия перевернута вверх дном. Последние дни события очень не радостные. Взяты Херсон, Николаев, последний без боя, а в первом происходили бои, кончившиеся убийством шести тысяч человек в самом городе. [...] Есть слухи, что отправлены войска в Херсон и Николаев, чтобы отбить их от большевиков. [...]

Вчера были у Тэффи[10]. Она производит впечатление очень талантливой женщины. Под конец она хорошо пропела свои песенки «Горниста», и «Красную шапочку». [...] Одета так, что сначала бросается в глаза мех, яркость шелковой кофты, взбитые волосы и уже наконец — лицо. [...]

28 ф./13 марта.

Пришло известие о смерти Ал. С. Черемнова[11]. Ян очень взволновался. Слухи: французы уходят из Одессы. [...]

5/18 марта.

Сейчас я долго сидела с Яном. Он возбужден, немного выпил и стал откровеннее. Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь нет его. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. [...] «Мои предки Казань брали, русское государство созидали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы? Во

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мне отрыгнулась кровь моих предков, и я чувствую, что я не должен был быть писателем, а должен принимать участие в правительстве».

Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал и я вдруг увидела, что он похож на боярина.

— Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство. Ведь читать газеты и сидеть на месте — это пытка, ты и представить не можешь, как я страдаю... [...]

Утром я видела, как после молебна уходили добровольцы. [...] Народ равнодушно и без симпатии смотрел на них. [...]

Утром был у нас Ал. Ал. Яблоновский. Он приглашал Яна быть постоянным сотрудником в «Русском Слове» на каких угодно условиях. Просил очень дать и для первого номера. Кроме Яна, пригласят и Толстого, и больше никого из беллетристов — слишком мало бумаги. [...]

Потом Ал. Ал. рассказывал, как в Москве на задних лапках стоят перед большевиками Немирович[12] и Южин[13]. «Странно, что Южин, он в прошлом году жал мне руки за то, что я первый печатно восстал против большевиков». [...]

7/20 марта.

Был вчера Варшавский, просил Яна дать им для первого номера новой газеты сотрудников «Русского Слова» что-нибудь. [...] Ян принципиально согласился, но не знаю, начнет ли он работать, а пора. [...]

8/21 марта.

Ян был на заседании в редакции «Наше слово», на котором присутствовали Яблоновский, Варшавский, Койранский, Благов и еще несколько человек. [...] Ждали Бернацкого, который обещал

Для сайта BOOK-OLDS.RU

приехать, но не приехал, вероятно, его вызвали куда-нибудь экстренно. [...]

Слухи очень неприятные: у Березовки большевики победили, отняли по одной версии 3 танка, а по другой — 5. [...] Очень большие потери у греков. [...] В Херсоне большевики вырезали *до 200 семей греческих*. Французы сражаться не хотят. [...]

Вокруг Одессы роют окопы, на вокзале навалены мешки с песком. [...]

10/23 марта.

[...] Ян был в редакции «Наше Слово». Присутствовал на заседании Бернацкий. По словам Яна, он по виду приятен, худощав, тонкий нос, пенснэ, моложав, по виду лет сорок (но кажется, ему больше), усталый, губы запеклись, вероятно, много говорить приходится. Чувствуется, что ему нравится, что он министр. Он прост, но со знанием своего превосходства. [...]

Бернацкий очень раздражен на французов. Он говорил, что если добровольцы уйдут, то эту сволочь большевики сбросят в воду. [...]

11/24 марта.

[...] За 3-4 дня положение Одессы должно выясниться: или она укрепится, или французы уйдут, и Одесса будет сдана без боя. [...] Французы хотят действовать, как оккупанты, будут рады внутренней нашей неурядице, как это бывает среди диких племен. [...]

12/25 марта.

В воскресенье после нашего обеда зашел к нам Л. Ис.[14] и сообщил несколько новостей из писательского мира (приехал из Совдепии один человек):

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Горький теперь член Исполнительного Комитета Совета рабочей, крестьянской и красноармейской северной коммуны — в Петербурге.

Брюсов[15] занимает три должности: первая — регистратура выходящих книг, вторая — реквизирует частные библиотеки, а третья — профессор истории культуры в Академии социальных наук.

Гусев-Оренбургский[16] в «Известиях» печатает длинную повесть, как один плохой человек стал хорошим, превратясь в коммуниста. [...]

Вчера [...] у нас был Алданов[17]. Молодой человек, приятный, кажется, умный. Он много рассказывал о делегации, в которой он был секретарем.

Клемансо, который теперь царь и Бог во Франции, действительно не пожелал принять Милюкова[18] и требовал, чтобы он покинул Францию. Он хотел тотчас же уехать, но делегация [...] решила вместе с ним перебраться в Англию, где к Милюкову относятся очень хорошо. [...] Милюков остался в Англии, а вся делегация вернулась в Париж. [...] По словам Алданова, большевизм растет во Франции, есть он и в Англии. [...]

Потом говорили о Толстом [Л. Н. Толстом. — М. Г.]. Алданов считает Толстого мизантропом, так же как и Ян. Ян говорил, что до сих пор Толстой не разгадан, не пришло еще время. Алданов расспрашивал о встречах Яна с Толстым. Ян передал их, они были кратки. Сильная любовь Яна к Толстому мешала ему проникнуть в его дом и стать ближе к Толстому. [...]

В воскресенье была на концерте Скрябина. У Шульц, в богатом немецком доме, днем был концерт [...]

Ян стал работать. Настроение ровнее. Он нежен и заботлив. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

17/30 марта.

[...] А. А. Яблоновский очень накален. Ян говорит, что он один по-настоящему страдает, а остальные — механические люди!

В Одессе наши москвичи большей частью устроились плохо. У большинства расстраиваются желудки от обедов по столовым. Приходится часами ждать, стоя, чтобы съесть отвратительный обед. [...]

В Москве полный душевный маразм. Все ненавидят большевиков, но все служат им покорно. Ленин говорит, что мировая революция зависит от того, возьмут ли большевики порты Черного моря.

Большевики сильно работают. Они разрабатывают прокламации к добровольцам, где пишут: «как вам не стыдно идти вместе с французами. Разве вы забыли 12-ый год?» и обещают все блага добровольцам. А с другой стороны — прокламации французам, где тоже напоминают 12-й год и пугают им. [...]

Еврейская политика: все газеты [...] за освобождение спекулянтов. Почему? А потому, чтобы в глазах населения дискредитировать власть перед приходом большевиков. [...]

Сейчас возвратились с прогулки. Погода неаполитанская. На улицах масса народу, половина — военные всех наций. Скоро Одесса будет иметь вид военного лагеря. На Николаевском бульваре, около Думы, небольшой митинг. Солдат уверял, что война проиграна из-за Сухомлинова[19]. Ему возражали. И, как всегда на митингах, всякий долбит свое. [...]

19 марта/1 апреля.

[...] Ян стал ровнее. Эти дни он делает вырезки из газет, вероятно, готовит материалы для будущих статей. Дойдет ли он в этом до высоты

Для сайта BOOK-OLDS.RU

своих художественных произведений? Но все же я рада, что он вышел из мрачно-уединенного образа жизни. Все таки — редакция, постоянное общение с людьми дает известный колорит дню.

Как-то он говорил о трагичности своей судьбы. Принадлежа по рождению к одному классу, он в силу бедности и судьбы, воспитался в другой среде, с которой не мог как следует слиться, так как многое, даже в ранней молодости, его отталкивало. Поэтому ему очень трудно писать так, как хотелось бы.

Возник спор. П. Ал. [Нилус] доказывал, что занятие искусством это сплошное удовольствие, а Ян и Евг. И. [Буковецкий] — что это Голгофа. Евг. И. говорил, что такое отношение П. Ал. вытекает из его характера. Как очень одаренному человеку, ему все давалось удивительно легко. В 17 лет он написал поразительно хороший этюд, а напрягаться он не любит. И это отсутствие напряжения чувствуется в его рассказах. [...]

Вчера пришло письмо, в котором какая-то женщина сообщает Яну подробности смерти Черемнова. Он, оказывается, был кокаинистом. Умер он насильственно: порезал себе вену и принял какой-то яд. Один из друзей нашел его на берегу моря чуть живым. [...] Какая-то ненужность в этой смерти. И почему он ничего не написал Яну? Боялся, стыдился? Ян, правда, странный человек — оказывается, очень любил его, но ничего не сделал, чтобы повидаться или хотя бы изредка общаться. [...]

21 марта/3 апреля.

Позвонил Катаев. Он вернулся совсем с фронта. [...]

Радио: Клемансо пал. В 24 часа отзываются войска. Через 3 дня большевики в Одессе!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Сегодня призвали всех французов в консульство и предлагали уехать. [...]

Кончается мое мирное житие. Начинается скитальческая жизнь, без всяких связей в тех городах, где мы остановимся. [...]

23 марта/5 апреля.

Вчера целый день на ногах. Пришел мистер Питерс[20] проститься. В сутки пришлось ему собраться и ехать, бросив насиженное гнездо, в котором он прожил целых 18 лет! Он полюбил Одессу и русских. И вдруг, совершенно неожиданно, по приказанию консула, он должен бежать в Константинополь. [...]

Простившись с ним, я пошла в продовольственную управу. [...] Они спокойны, думают, что большевики поладят с интеллигенцией. Говорили, что дни Деникина и Колчака сочтены. [...]

Я спрашиваю совета: уезжать ли нам? Они уговаривают остаться, ибо жизнь потечет нормально. Я не спорю. Но я знаю, что под большевиками нам придется морально очень страдать, жутко и за Яна, так как только что появилась его статья в «Новом Слове», где он открыто заявил себя сторонником Добровольческой Армии. Но куда бежать? На Дон? Страшно — там тиф! За границу — и денег нет, да и тяжело оторваться от России.

Захожу в то отделение управы, где служит дальняя родственница Яна, княгиня Голицына. [...] Она очень возбуждена, говорит, что им нужно бежать. [...]

На улицах оживление необычайное, почти паническое. Люди бегут с испуганными лицами. Кучками толпятся на тротуарах, громко разговаривают, размахивая руками. Волнуются и те, кто уезжает, и те, кто остается. Банки осаждаются.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Франк, который стоил рубль, доходит до 10-12 рублей, фунт — до 200 р. [...]

Вернулся Ян, очень утомленный. Новых известий не было. Я позвонила Цетлиным. Они уезжают, звали и нас. Мы пошли проститься. У них полный разгром. Им назначили грузиться на пароход через 2 часа. Фондаминский хорош с французским командованием, он устраивает им паспорта. Кроме Цетлиной, мы застаем там Волошина, который остается после них на квартире, и жену Руднева. Она только недавно вырвалась из Москвы, где сидела в тюрьме за мужа, но, несмотря на это, она защищает большевиков, восхищается их энергией. [...]

Цетлина опять уговаривает нас ехать. Сообщает, что Толстые эвакуируются. Предлагает денег, паспорта устроит Фондаминский. От денег Ян не отказывается, а ехать не решаемся. Она дает нам десять тысяч рублей. [...]

Волошин весь так и сияет. Не чувствуется, чтобы он волновался, негодовал или боялся, в нем какая-то легкость.

Оттуда мы пошли на Пушкинскую, где как раз происходила стрельба. По слухам, убит налетчик. В военно-промышленном комитете сборный пункт для отъезжающих политических и общественных деятелей. Народу много в вестибюле и в небольших комнатах комитета. Толпятся эс-эры, кадеты, литераторы. Вот Руднев, Цетлин, Шрейдер, Штерн, Толстые и другие. У всех озабоченный вид. [...] Прощаемся с Толстыми, которые в два часа решили бежать отсюда, где им так и не удалось хорошо устроиться. Они будут пробираться в Париж. [...]

Оттуда пошли в «Новое Слово». На улице суета, масса автомобилей, грузовиков, людей, двуколок, солдат, извозчиков с седоками, чемоданами, да, навьюченные ослы, французы, греки, добро-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вольцы — словом, вся интернациональная Одесса встала на ноги и засуетилась. [...]

Мимо нас провезли на извозчике убитого, картуз на заду, сапоги сняты и болтаются портянки. — Какие нужно иметь нервы и здоровое сердце, чтобы снять с убитого сапоги, — сказал Ян.

Еврейская дружина сражалась с поляками. На Белинской улице из домов стреляли в уходящих добровольцев, они остановились и дали залп по домам.

Началась охота на отдельных офицеров добровольцев. Несмотря на засаду за каждым углом, добровольцы уходили в полном порядке, паники среди них совершенно не наблюдалось, тогда как французы потеряли голову. Они неслись по улицам с быстротой молнии, налетая на пролетки, опрокидывая все, что попадается на пути... [...]

Целый день народ. Я лежу за ширмой и слушаю, что рассказывают, стараюсь запомнить, кое-что записываю. Все встревожены, стараются понять происшедшее, так внезапно свалившееся на нашу голову.

Были Недзельский, Розенталь, Гальберштадт. Как всегда, Гальберштадт рассказывал много. Лицо его красно, он очень возбужден. Он признался, что вчера ночью он первый раз в жизни плакал: — Ведь на завтра, воскресенье, было назначено выступление союзников на Киев! [...] Да, — продолжал Гальберштадт, — я — буржуй, буржуй, которого эксплуатировали, впрочем, всю жизнь издатели, не меньше всякого рабочего, но все же социалистические идеи для меня чужды, я никогда не был социалистом и быть им не могу.

— Да почему-же вы не эвакуировались? — спросил Ян. — При ваших связях с французским штабом, вам, вероятно, ничего бы это не стоило?..

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Да, мне даже предлагали место во французской колонии и, будь я на 20 лет моложе, я отправился бы, а теперь начинать новую жизнь трудно...

— Да, — соглашается Ян, — очень жутко. Вот нам m-me Цетлина предлагала, да мы не решились... предлагали и на Дон, но там тиф, да вот и Вера свалилась, да и приятелей неловко оставлять... все это так внезапно...

— Да кроме того, совсем бы и с Москвой разделились, а теперь мы можем переписываться, хотя и страшно получить оттуда первую весть [...] папа был очень болен, — добавляю я.

У нас на улице около аптеки идет пляс. Временами рвутся снаряды, бомбы, раздаются выстрелы...

— Попляшите, попляшите, скоро заплачете, — говорит печально ухмыляясь Ян.

24 марта/6 апреля.

Вошли первые большевицкие войска под предводительством атамана Григорьева, всего полторы тысячи солдат! Вот та сила, от которой бежали французы, греки и прочие войска. Одесса — большевицкий город. Суда еще на рейде.

25 марта/7 апреля.

Два дня лежу. Благовещенье. Погода чудесная, солнце, синее небо. Смотрю на распускающееся дерево перед моим окном. И как хорошо, и как грустно!

Пронесли мимо нас покойника в открытом гробу, с венчиком, хоронили со священником, а впереди красные знамена с надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

[...] Вчера весь день гости. Вечером был Волошин, читал нам свои стихи, которые нам понравились. Он производит очень приятное впечатле-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ние, хотя отношение к жизни у него не живое. [...]

Сегодня в одиннадцать часов утра прилетел к нам журналист Пильский[21]. Высокий, очень веселый человек, все время острящий. Он говорит, что необходимо обезопасить себя профессиональным билетом, без которого «в теперешнее время пропадешь, запишут в буржуи и тогда капут!»

— Надо образовать беллетристическую группу и послать в Совет своего представителя на всякий пожарный случай, — возбужденно говорил он.

— Ну, да это курам на смех, — возражает Ян, — здесь и беллетристов не так много. Да и что за защита будет... А иметь дело с ними нестерпимо для меня... [...]

Я хотя и не выхожу, но уже ощущаю то «безвоздушие», которое всегда бывает при большевиках. Это чувство я испытывала в Москве в течение пяти месяцев, когда они еще не были так свирепы и кровожадны, как стали после нашего отъезда, но все же дышать было нечем. И я помню, что когда мы вырвались из их милого рая, то главная радость, радость легкого дыхания, прежде всего охватила нас. Я уж не говорю о том, что мы испытывали в Минске, Гомеле и, наконец, в Киеве, где была уже настоящая человеческая жизнь, жизнь, какую мы знаем; большевики же приносят с собой что-то новое, совершенно нестерпимое для человеческой природы. И мне странно видеть людей, которые искренне думают, что они, т. е. большевики, могут дать что-нибудь положительное, и ждут от них «устройства жизни»...

Нам жутковато: в слишком хорошем доме живем мы, слишком много ценных вещей в нашей квартире. Но больше всего боюсь я наших дворовых большевиков...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Немного страшно за Яна, ведь нужно же было начать издавать газету за 3 дня до ухода союзников! Точно нарочно все высказались. Уехали, кажется, только Яблоновские, большинство из редакции и сотрудников остались.

26 марта/8 апреля.

[...] На базаре нет ничего. Куда же все девалось? [...] Была в Продовольственной управе. [...] В коридорах, как и в передней вооруженные солдаты, развалясь, играют затворами ружей. Суета большая. Несут какие-то доски. Никто ничего не делает, но все суетятся. [...] У ворот нашего дома сталкиваюсь с Яном. Он с бульвара. Возмущенно рассказывает:

— На бульваре стоят кучками. Я подходил то к одной, то к другой. И везде одно и то же: «вешать, резать». Два года я слушаю и все только злоба, низость, бессмыслица, ни разу не слышал я доброго слова, к какой бы кучке я ни подходил, с кем бы из простого народа ни заговаривал... На рейде пароходов осталось очень мало. Иностранный только один. Жуткое чувство — последняя связь с культурным миром порывается.

Около 5-ти часов мы опять идем на улицу. Дома сидеть трудно, все кажется, что где-то что-то узнаешь об очень важном. Идем по Дерибасовской вниз по правой стороне. Перед нами странная фигура: господин в огромном черном плаще с жирным пятном на спине. На шее у него фурункул, который немилосердно трется о грязный картонный воротник.

Ян толкает меня и шепотом говорит:

— Комиссар Народного Просвещения Щепкин.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Я так и ахнула. Неужели он такой? Неужели это брат Николая Николаевича, которого я хорошо знала в лицо по Москве? Я перегоняю его и заглядываю ему в лицо, оттененное широкими полями фетровой шляпы. В глаза бросается ярко-красный галстук, выкрашенный масляной краской. Впечатление и от него, и от галстука жуткое...

— И вот кто теперь во главе правительства! Да этот хоть сумасшедший, но культурный человек, а ведь остальные полные невежды и мерзавцы, — говорит Ян.

На Дерибасовской масса тележек с апельсинами, и все едят их, хотя они стоят дорого.

— Да, — говорю я, — вот комиссаром театров, говорят, назначен Шпан, — это, вероятно, тот самый, который приходил к тебе летом и предлагал устроить твой литературный вечер?

— Да, конечно, он. Но, знаешь, он ведь по-русски говорит так плохо, как даже в Одессе редко встретишь. И кроме того, он ведь совершенно безграмотный человек. Неужели у них уж совершенно людей нет?

— Я думаю, что кто поумнее, тот пока хочет подождать ответственное место брать.

— Да, конечно, это так: все выжидают. Есть все таки известная неуверенность, — соглашается Ян.

Вечером у нас опять Волошин. Он плохо устроился в смысле воды. Чаю ему иногда дает прислуга, как особую милость, и то только один стакан! Но несмотря на свое неустройство, он, как всегда, радостен и весел:

— Не нужно предаваться унынию, — подбадривает он. — Нужно отвлекаться, отдохнуть от политики. Давайте читать стихи. Я никогда не слышал чтение стихов Ивана Алексеевича.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Прекрасно, — подхватывает Ян: — вот вы нам почитайте, а я сегодня не могу.

— Хорошо, — соглашается Волошин, — я буду читать портреты.

Он читает хорошо. Читает долго и много. Этот жанр ему удается. Но портрет он пишет так, как пишут художники, когда выдумывают сами, и отыскивают те черты, которых никто, кроме них, не видит. Мне понравились портреты писательницы Хин и Савинкова, хотя я не знаю, верны ли они. С Савинковым Волошин в хороших отношениях, высоко его ценит, говорит, что он похож на лося.

Под вечер, возвращаясь домой, встречаю Гальберштадта. Он сообщает, что поступил на техническую работу в «Голос Красноармейца». [...]

28 марта/10 апреля.

С утра мы оба чувствуем себя хорошо. Пошли покупать мне чулки, если возможно, башмаки Яну. На Дерибасовской видели войска, по виду утомленные, похожие на мужиков. Среди них баба верхом.

— Не семнадцатый ли век! — восклицает Ян мрачно, — и как им к лицу интернационал!

Входим в галантерейный магазин Васильева. Как все эти дни, торговля идет бойко. Товарищи портовые, очень обдерганные, накупают себе крахмальных рубашек, ценою в 375 рублей штука, галстуков, носков... В магазинах готового платья тоже толкотня — выбирают себе «кустюмчики»... А в башмачном магазине у Безековича, куда мы тоже заходили, портового люда тоже много, и у одного такие портянки, что ему дали газету, чтобы он отжал их перед примеркой обуви. Цены с 250 прыгнули на 650 — пришлось отказаться от покупки.

— Да, это «заработали» на тех, кто «бежал», — говорю я тихо, — ведь за каждый чемодан, что-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бы внести на пароход, брали по 1000 рублей, да сколько еще наворовали...

30/12 апреля.

Погода хорошая. С утра небо серое, а к вечеру очистилось. Но тоска, тоска. Завтра можно послать телеграмму в Москву. Но какой ответ получишь оттуда?

Отличительная черта в большевицком перевороте — грубость. Люди стали очень грубыми.

Вчера на заседании профессионального союза беллетристической группы. Народу было много. Просили председательствовать Яна. Он отказался. Обратились к Овсянико-Куликовскому, отказался и он. Согласился Кугель. Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов, с острым лицом и преступным видом, Олеша, Багрицкий и прочие держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям. Держали себя они нагло, цинично, и, сделав скандал, ушли. Волошин побежал за ними и долго объяснялся с ними. Говорят, подоплека этого такова: во-первых, боязнь за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами, а во-вторых, им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало перепадет...

Квартира наша освобождена от реквизиции. Кроме Буковецкого и Нилуса, хлопотал Волошин, очень легко, охотно и бескорыстно. Он, повидимому, очень легкий и приятно-простой человек. Он прибежал днем сообщить нам об этом и очень радостно стал писать вывеску: «Художественная неореалистическая школа» Буковецкого, Нилуса и Волошина. Мы распределили занятия. Преподаватели — Нилус и Буковецкий, лектор по истории

Для сайта BOOK-OLDS.RU

живописи профессор Лазурский, заведующая школой — я. Ученики — дети приятелей и знакомых.

Волошин уверяет, что рисовать может всякий.

— Нужно только научиться смотреть на предмет, а если научишься смотреть, то и рисовать научишься легко.

— Ну, значит, я смотреть не умею, — говорю я, смеясь, — ибо простой вещи не нарисую. [...]

Ян был утром в артистическом обществе, потом пошел в пассаж, где видел несколько солдат в греческих шинелях, и подумал: «сколько теперь людей, одетых в одежды убитых»...

Были сегодня в особняке Толстого. Чудесный особняк, особенно хороша лестница, но уж очень загажено там. [...] Теперь его захватили большевики для комиссариата Народного Просвещения и Театров. [...] Чудесный паркет весь затоптан, уже на всем отпечаток загаженности большевицких официальных мест. [...]

За обедом Нилус рассказывает, что на заседание художников явились маляры, которые были встречены с большим почетом. Говорились речи на тему, что маляр и художник почти одно и то же. Указывалось на средневековые цехи. Предлагали возвратиться к ним...

— Господи, что за чушь, бесстыдство! — воскликнул Ян. И загорелся спор. Ян и Буковецкий набрасываются на Нилуса за то, что он видит в большевиках защитников искусства.

— Да пойми, что все поблажки, которые они делают, только для того, чтобы перетянуть интеллигенцию на свою сторону, заткнуть ей глотку и начать свободнее расправляться с контр-революционерами...

— Но все же можно этим воспользоваться, — возражает Нилус, — и сделать что-нибудь для искусства. Ведь позор, в каком загоне оно у нас бы-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ло! Нужно поощрять их в этом, а не мешать им. [...]

31 марта/13 апреля.

Сейчас видели гражданские похороны. В России всегда лучше всего умели хоронить — при всех режимах. Не символ ли это нашей страны? Большевики тоже постарались. Похороны помпезные. Масса красных знамен с соответствующими надписями, были и черные с еще более свирепыми — «смерть буржуям», «за одного нашего убитого смерть десяти буржуям»... Оркестр играет марш Шопэна. Покойников несут в открытых гробах. Я видела несколько лиц, почему-то очень темных, но только у одного кровоподтек на правой стороне лица. Некоторые имеют очень спокойное выражение, значит умерли легко, а вовсе это не «жертвы добровольческих пыток», как писалось в их безграмотных газетах. Вместо венчика полоска красной материи вокруг лба. Процессия очень длинная. Я стою около часа на Херсонской и вижу, как идут китайцы с очень серьезными лицами, — отношение к смерти у них иное, какое-то древнее, и смотря на них, я испытываю странную жуть. Впереди гробов разные депутации с венками, увитыми красными лентами. Масса барышень, студентов, рабочих. Порядок образцовый. Публика на тротуарах стоит шпалерами. [...]

1/14 апреля.

[...] К Недзельским шли пешком через весь город, так как трамваев нет. Устали изрядно. У них застали Федорову. Она говорит, что Митрофаныч [А. М. Федоров. — М. Г.] очень беспокоился об Яне, «целую ночь не спал»!

— А вы не боитесь, — спрашивает она Яна, — после вашей статьи?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Да как вам сказать, как-то я об этом не думал. Может быть, и глупо, что остался, а, может быть, они и не посмеют тронуть... [...]

Вечером у нас Волошин, он остался у нас ночевать (то есть в мастерской Нилуса), чтобы провести вместе весь вечер. Сидели мы в моей комнате, Нилус вышел к нам на один момент, т. к он чувствовал себя очень уставшим, а Буковецкий совсем не пришел, вероятно, боясь, как-бы Волошин не подумал, что он считает себя его знакомым. [...]

Ян угощает нас вином и копченой грудинкой, которую Волошин ест с большим удовольствием, — он уже голодает. Даже съедает наш пайковый гороховый хлеб, который мы не в состоянии проглотить и кусочка.

Поэты просят друг друга читать стихи. Ян опять уклоняется. Волошин читает свои Кемерийские стихи. Он знает, чувствует тонко, любит свой край и все это передается слушателю. Но много стихов у него высокопарных, риторичных, пустых.

Как человек, он обладает следующими особенностями: он никем не интересуется, любит монолог, часто повторяется, но, если что интересует собеседника, он охотно рассказывает и вполне удовлетворяется репликами. [...]

2/15 апреля.

[...] Нилус начал разговор о том, что художников приглашают украсить город на первое мая.

— У меня есть эскиз, как нужно украсить город.

— Неужели ты будешь принимать участие в этом? — спрашивает Ян.

— А почему же нет? Я нахожу, что от жизни уклоняться нельзя. А так как большевики признают науку и искусство, то этим нужно пользовать-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ся, так как самое важное в жизни — искусство и наука, — говорит он со своей милой улыбкой.

— Так значит, — замечаю я, — несправедливо, что возмущаются Горьким?

— Конечно, — подхватывает Волошин, — я никогда им не возмущался... — И он опять изложил свою теорию. Он верит, что люди — настоящие ангелы, принявшие на земле вид дьявольский, а в сущности в каждом человеке сидит распятый Серафим, и он сидит во всяком, и в убийце, и даже в идиоте. А потому не нужно ни от кого отворачиваться. Нужно все принимать. В мире все есть, кроме любви. Любовь принес человек. Ненависть — первый шаг к любви.

Ян, слушая, едва сдерживается. Наконец, просит «оставить в покое всех серафимов». Волошин быстро переходит на то, как, по его мнению, нужно украсить город. [...]

Ян, сдерживаясь, говорит:

— Не понимаю, как в то время, когда люди почти умирают с голоду, ходят оборванными от недостатка материи, когда воцарились разбойники, вы спокойно рассуждаете о том, как наилучшим образом украсить город, украсить лобное место? Ведь это значит помогать тому врагу, которого мы ненавидим, хотим уничтожить, а о развитии искусства и науки в государстве, где мрут с голоду [...] мне просто странно слушать!

5/18 апреля.

[...] Вчера в сумерках Ян зашел в церковь на базаре, где он венчался с А. Н. Цакни. Возвратясь оттуда, он сказал: «Только что из церкви, где не был более двадцати лет! Зачем-то залетел в нее, женившись на гречанке, и подумал: — Как мы легкомысленно поступаем в жизни, которая так коротка».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером Волошин читал нам своего Аввакума. Справился он с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна.

За чаем он развил свою теорию о материнстве.

— Если женщина любила без взаимности, то в следующем воплощении она родит сына, в которого войдет душа того, кого она любила, и из этого вытекают все результаты отношений матери с сыном: сначала удовлетворение, потом распятие. Вот почему матери иногда покорны невесткам.

У него хорошо — на все примиряющая теория. Вероятно, он один из самых счастливых людей на свете. Что ни случись, он с легкостью жонглера откинет, подбросит вещь и она летит на свое место. [...]

Художники Одессы заняты приготовлением празднества первого мая. Во главе стоит художница Эстер, присланная из Москвы. Волошин тоже в первомайской комиссии. [...] Нилус выбран в правление «Союза Художников». [...]

Третьего дня Куликовские были у нас. Д. Н. принес свою автобиографию и сказал:

— Вот, как только окончу вторую часть, за которую я теперь принялся, так большевики и уйдут. В Харькове я как раз подогнал, когда писал первую часть — последняя строчка совпала с их уходом.

Мы желаем, чтобы он скорее кончил свою автобиографию. [...]

Во многих домах уже нет воды, многим приходится таскать ведра за несколько кварталов.[...]

Ян жадно читает газеты, почти весь день живет злободневностью и только по вечерам, когда уже нельзя выходить, он способен читать какой-нибудь французский роман. Я иначе. Я гораздо меньше времени посвящаю текущим событиям, при первой возможности спасаюсь, углубляюсь в ту

Для сайта BOOK-OLDS.RU

или иную книгу, перевод или в разговор с детьми нашей школы.

Многие озабочены и заняты главным образом съедобными делами — где бы что достать, где бы что купить? Наш дом этим не страдает. Мы уже начинаем быть на грани недоедания.

Многие стали перевозить библиотеки в Городскую читальню. Милый Людвиг Михайлович де-Рибас охотно помогает сохранить книги от нынешних варваров.

Профессиональные карточки у нас в руках, но мы не чувствуем себя от этого в большей безопасности, ведь, строго говоря, мы очутились вдруг вне закона. [...]

Слухи все растут. Откуда они берутся? Какая сила порождает их? Почему они так всем необходимы? Может быть, в них наше спасение? И странно, с какой жадностью мы ловим их, передаем нашим друзьям, хотя и не вполне верим им, а все таки успокаиваемся.

Идет сильное «перекрашивание». Уже острят: «Что ты делаешь?» — «Сохну, только что перекрасился».

Интересно наблюдать, как каждый по-своему переживает водворение в жизнь «коммунистического рая». Нилус, например, все хочет видеть в большевиках что-нибудь положительное. Он вообще таков, что прежде всего в каждом отыскивает хорошее. Ему органически чуждо все подлое, а потому он все надеется найти хоть одну луковку, за которую можно простить. [...]

8/21 апреля.

Пасха. Погода чудесная. Солнце. Синее небо. Распускающиеся деревья. А на душе печаль.

За всю неделю не были в церкви. Только пошли с Яном в Великую Субботу в архиерейскую

Для сайта BOOK-OLDS.RU

церковь. Служил архиерей. Народу было мало. Один гимназист, несколько гимназисток, два-три пожилых чиновника, немного старух и стариков. Архиерей, худой с приятным русским крестьянским лицом, служил очень хорошо, на какой-то грани — и величественно и просто. [...] Около меня заплаканная сестра милосердия, а передо мной гимназист, необыкновенно усердно молящийся. И как странно для такого дня — такая пустота в церкви. [...]

И в церкви особенно чувствовалось, как наваливается на тебя тяжелая рука большевизма. То забываясь под чудные слова и песнопения, то пробуждаясь и вспоминая, что наша жизнь кончена, что мы очутились в плену у чудовищ, где нет больше ни истинной красоты, ни поэзии, ни добра, а только циническая подделка подо все это, что теперь раздолье всякому хамству, всякому цинизму и что единственное, что они не могут отнять у нас — это наши духовные богатства, хотя, конечно, ослабить их могут при помощи голода, холода и всяких истязаний — я тут в церкви неожиданно понимаю, в каком направлении нужно работать, чтобы сохранить себя, свое я, не калеча его.

На возвратном пути читаем на стене новый декрет: все буржуи, моложе 40 лет, завтра в Светлое Воскресенье должны выйти на работу — чистить улицы! У наших ворот сталкиваемся с дворником Фомой. Мы с ним приятели — он из деревни моего деда, а потому мы считаемся земляками и подсмеиваемся надо всем южным. Рассказываю ему о декрете, он усмехается, даже задет неуважением к его специальности.

— Они думают, что всякий сумеет улицу подмести, — говорит он внушительно, — да вы больше грязи наделаете, ведь это надо знать, как делать. Да вы не беспокойтесь, я сам все сделаю, а

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вам просто придется метелочку в руках подержать. [...]

Пошли с Яном к Заутрене. Улицы пустынны, иногда встречали одного, двух прохожих. Подойдя к церкви, наткнулись на хулиганов, которые выходили с гоготом из ворот. У нас пропало настроение. Ян чувствовал себя дурно, и мы вернулись домой и легли спать. Дорогой он рассказал, что под вечер он опять ходил в базарную церковь, там никого не было, он встал как каменный, около клироса и стоял, не зная, что делать. Прошел батюшка, посмотрел на него. Он вышел, сел без шапки на лестнице паперти и снова окаменел, чувствуя отчаяние. [...]

К обеду пришел Волошин. Как всегда, много рассказывал, весело и живо:

— Поэт Багрицкий уехал в Харьков, поступив в какой-то отряд. Я попросил у него стихотворение для 1 мая, он заявил, смеясь: «У меня свободных только два, но оба монархические». [...]

Офицеры говорят солдатам «ты». Солдаты называют офицеров «товарищами», но трепещут их не меньше «вашего благородия».

Хорошо сказала одна поэтесса про Катаева: «Он сделан из конины»... Его не любят за грубый характер.

После обеда пошли гулять. Начали разбирать эстакаду в порту, чтобы ею топить водокачку. Что за идиотская выдумка! Говорят, что днем наломают, то ночью портовые рабочие растаскают...

Все волнуются, что Одесса останется без воды, так как топить водопровод нечем. Ведь никто из серьезных людей не может верить, что эстакада спасет! [...]

Только что был Бутенко, двоюродный брат Нилуса. В его имении был воинский обоз, вместе с местными мужиками разгромили дом, и все ис-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кали убить его. За что? Он всегда был необыкновенно добр к мужикам... Шашками рубили бюро красного дерева. Увезли много ячменя, пшеницы. А на соседнем хуторе Пташниковых, родственников одесских, убили кого-то. [...]

Слухов не оберешься: 1) о заключение мира союзников с Германией. [...] 2) Германия оккупирует на 15 лет юг России без портов Черного моря. Север России займут англичане. 3) В Эльзас-Лотарингии плебисцит. 4) Ансельм в Акермане, как получит подкрепление с моря, двинет войска на Одессу... [...]

Касперовскую икону нашли на базаре, ободранную и исцарапанную. Архиерей служил ей молебен, толпа плакала. Целый день около собора толпился народ, пришлось даже разгонять, женщины падали и бились в истерике. [...]

Когда был у нас Федоров, мы рассказали ему о поведении Катаева на заседании. Александр Михайлович смеется и вспоминает, как Катаев прятался у него в первые дни большевизма:

— Жаль, что не было меня на заседании, — смеется он, — я бы ему при всех сказал: скидывай штаны, ведь это я тебе дал, когда нужно было скрывать, что ты был офицером...

— Да, удивительные сукины дети, — говорит Ян и передает все, что мы слышали от Волошина о молодых поэтах и писателях.

10/23 апреля.

[...] Сегодня двенадцать лет, как мы с Яном пустились в путь!

Одесса превращена в восточный город, главная торговля происходит на улицах. Носки, апельсины, нитки, свечи; торговцы сидят вдоль стен; нищие, убогие — кто поет, кто играет, кто просит, а некоторые просто стоят с надписями на груди.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вид Одессы очень изменился, вместо моря военных — французов, поляков, добровольцев, греков и цветных воинов — улицы залиты красноармейцами с огромными бантами на шапках. Публика посерела, нет изысканных туалетов, все одеты проще, под один ранг. Лица у большинства отталкивающие. Ян пристально вглядывается и время от времени восклицает: «Да это подбор какой-то! Посмотри, что за лица! Да ты вглядись в них. Раньше были иные! Чем объяснить?» Я волнуюсь, так как Ян возбужден и говорит громко. Прошу его быть осторожнее. Он не обращает внимания на мои слова.

— Боже, сколько за 2 недели пожрали апельсинов, — говорит он, когда мы проходим мимо тележек с ними. — Красноармейцы уничтожают их с остервенением десятками. [...] ведь это какое-то апельсинное увлечение. Посмотри, у всех в руках оранжевые шары... [...]

От всего этого кружится голова и хочется скорее к себе домой.

Идут аресты. Арестован прокурор, арестовано много буржуев.

11/24 апреля.

[...] Вчера вечер у нас провел Волошин. [...] За чаем, когда к нам вышел Ян, мы много говорили о Николае II. Волошин рассказывал со слов очевидцев очень интересные вещи. [...] У него в Крыму было много знакомых среди высокопоставленных. К сожалению, записать опасно. Между прочим, он передал слова императрицы: «Дважды нельзя изменять родине!» Эти слова она произнесла, когда предлагали Николаю II заключить мир с Германией. Вильгельма она ненавидела. [...] Тон нашей беседы был очень приятный, «человеческий», по определению Яна. Было досадно, когда в 9 часов

Для сайта BOOK-OLDS.RU

М. Ал. нужно было уходить. Жаль, что я не предложила ему остаться ночевать у нас.

На Маразлиевской улице анархисты реквизировали целый дом. В 24 часа жильцы должны оставить квартиры, вывоз вещей почти запрещен. Книги позволили взять лишь детские и французские. [...]

Сегодня на базаре появилась мука, 9 рубл. фунт, мяса нет, рыба есть.

12/25 апреля[22].

Сейчас получила письмо от папы, написанное 10/23 августа, письмо шло 8 месяцев из Москвы в Одессу.

В «Известиях» написано, что Волошин отстранен из первомайской комиссии: Зачем втирается в комиссию по устройству первомайских торжеств он, который еще так недавно называл в своих стихах народ «сволочью».

Часов в 10 утра Волошин прибегает к нам. Он написал ответ и хочет прочесть его Яну. Содержание его письма приблизительно следующее: Есть разница между тем, если сам человек предлагает свои услуги или к нему обратились за помощью. В данном случае обратились к нему, как знатоку русской поэзии. Он согласился оказать посильную помощь и вдруг его за это же порочат.

Ян слушает, ухмыляется: — Прекрасно, но только ваш ответ не будет напечатан. — Волошин удивлен: — Что вы, мне обещали. Я уже был в редакции. — Попробуйте, — говорит Ян, — я очень сомневаюсь.

Ян в подавленном состоянии: «Все отнято — печать, средства к жизни. Ну, несколько месяцев протянем полуголодное состояние, а затем что? Идти служить к этим скотам я не в состоянии. Я зреть не могу их рожи, быть с ними в одной ком-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нате. И как только можно с ними общаться? Какая небрезгливость. Ну, можно понять, когда от нужды, с голода, но ведь многие подсовывают какие-то теории. Я рад, что Волошину попало, а то распятые серафимы. [...] А молодые поэты, это такие с[укины] д[ети]. Вот придет Катаев, я его отругаю так, что будет помнить. Ведь давно ли он разгуливал в добровольческих погонах!» [...]

Слухи, и слухи самые невероятные: 1) Колчак соединился с Деникиным. Царицын отнят у большевиков. 2) Гинденбург идет на Россию. [...] 3) Одесса будет свободным городом. 4) [...] Ленин и Троцкий произносят очень тревожные речи. 5) Киев берут поляки. 6) Взят Петербург. Кем? [...]

Яна стали травить в «Известиях». Пишут, между прочим, что «нижняя часть его лица похожа на гоголевский сочельник». Что это значит, мы так и не поняли. Перелистала даже Гоголя, но и он не помог.

Шли по улице, как всегда чувствовали омерзение, и вдруг чудное пение. Что это?

— Это Синагога, — сказал Ян, — зайдем.

Мы вошли. Мне очень понравилось пение. Масса огня, но народу мало. [...] Я ощутила религиозный трепет. Лучшее, что создало человечество, — это религия. [...]

14/27 апреля.

В университете начались реформы. Ректор, про-ректор, совет и правление — все упраздняется. Передается все в руки совета комиссаров, т. е. мальчишек I и II курсов, которые мгновенно переменили свои фамилии, но, конечно, это секрет полишинеля. [...] Университет больше не существует, а есть «Сквуз», то есть «Совет Комиссаров Высших Учебных Заведений».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В «Известиях» письма Волошина не напечатали. [...] Слухи, слухи до разврата! [...]

Днем заходит за нами Волошин, чтобы идти к фотографу-любителю, который снимает всех знаменитых и известных людей. Просил привести и Яна. Идем пешком через весь город. Волошин совершает такое путешествие ежедневно: его столовка находится в том районе — там можно есть супа, сколько влезет! Он голодает, по прежнему цетлинская горничная ему ничего не дает, кроме стакана горячей воды утром. Но он относится и к этому весело. «Похудею, а то я за время пребывания у Цетлиных очень растолстел». [...]

16/29 апреля.

Ян вчера был в очень тяжелом настроении. Он сильно страдает: «Я не живу теперь», сказал он мне. «Все равно, хоть умереть сейчас, — жизнь не вмоготу»...

Встретились с Гальберштадтом[23], много новостей. Мне кажется, что последнее время он опять начал пить. У него знакомство с красными офицерами. [...] «В Одессу ждут Ленина, Троцкого, Горького». Прощаемся. К себе не приглашаем. У него, конечно, хватит такту больше к нам не приходить. С тяжелым сердцем возвращаемся домой. [...]

Под вечер забегает Волошин. Он в больших хлопотах по выезду из Одессы, ему здесь не безопасно, и нет денег. [...]

— Я познакомился с Северным в гостиной хорошенькой женщины, — говорит с улыбкой Волошин. — Он очаровал меня. Это человек с кристальной душой.

— Как, — перебивает Ян, — с кристальной душой и председатель Чрезвычайки?

Волошин: Он многих спасает.

Ян: На сто — одного человека.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Волошин: Да, это правда, но все же он чистый человек. Знаете, он простить себе не может, что выпустил из рук Колчака, который, по его словам, был у него в руках. Он рассказывает, что французы пытали его. Связывали назад руки и поджигали пальцы. [...] А Северный сам — против крови! [...]

18 апр./1 мая.

Декрет о запрещении пользоваться электричеством — всем, кроме коммунистов. [...]

Мы с приятельницей [...] решаем с вечера осмотреть город, который так старались украсить новые хозяева наши. [...] Общее впечатление: бездарно, безвкусно, злобно и однообразно. [...]

Когда я вернулась, Ян был уже дома. Он с приятелями тоже ходил по городу. Спрашиваю о впечатлении. — Грязная, гадкая, унылая картина! [...]

Был Серкин, принес яиц и компота сушеного. Очень он трогает нас, какая забота всегда, точно мы его родные. От интеллигентных людей мы этого не видим, а ведь он простой человек, но сердце у него хорошее, да и не глупый совсем, все понимает. [...]

Вечером на улицах были главным образом гимназисты, горничные, отдельные отряды солдат. Людей среднего возраста почти не было видно. Красными значками пестрело очень много народа. [...]

Рабочий праздник. [...] После завтрака иду бродить по городу одна. [...] Все дома с красными флагами, на балконах ковры — по приказу новых властителей, — вероятно, для того, чтобы узнать, у кого есть ковры и затем их реквизировать. [...]

На Соборной площади плакат: стоит толстый буржуй и за шиворот держит рабочего, подписано

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1918 год, рядом стоит рабочий, а буржуй подметает улицу, подписано — 1919 год.

На углу Дерибасовской и Екатерининской плакаты на ту же тему: разница между 1918 и 1919 годами. В 1918 стоят буржуй и немец, а под ними лежит рабочий, в 1919 г. стоят рабочий и солдат на буржуе, у которого изо рта торчит огненный язык. [...] На бывшей кофейне Робина, которая с первых же дней новых завоевателей была превращена в красноармейскую казарму, и на балконах которой постоянно сушатся подштанники, рубахи, висит огромный плакат: рабочий, солдат и матрос выдавливают прессом из огромного живота буржуя деньги, которые сыпятся у него изо рта. Народ останавливается, молча посмотрит и двигается дальше. Дальше двигаюсь и я, до самой Екатерины, которая завернута в серый халат. А сзади памятника, над Чрезвычайкой, огромный плакат в кубическом духе: кто-то стоит с неестественно длинной ногой на ступенях, увенчанных троном, а подпись такая:

«Кровью народной залитые троны
Мы кровью наших врагов обагрим».

Авторы плакатов, в большинстве случаев, очень молодые художники. Есть среди них дети богатых буржуев, плохо разбирающиеся в политике и почти не понимающие, что они делают. [...]

Над домом бывшего генерала губернатора устроена иллюминация из французских слов: «Vive la revolution mondiale» — это для команды на французских судах, которые, увы, как нарочно, ушли из порта, и заряд пропал даром. [...]

Над Лондонской гостиницей надпись: «Мир хижинам и война дворцам». [...] Иду по бульвару к Пушкинской улице. Там тоже плакаты и плакаты. Навстречу мне двигаются колесницы, медленно

Для сайта BOOK-OLDS.RU

возвращающиеся с парада. В колесницах мелкие актеры и актрисы в разных национальных костюмах. [...] у всех на лице испуг и усталость. [...]

В городском саду на открытой сцене поет охрипшая певица с очень несчастным видом. [...]

Вечером мы с Яном немного бродим по городу. Толпа значительно поредела. На Пушкинской показывали воздушный кинематограф на радость мальчишкам. Мы тоже немного стоим и смотрим.

По дороге домой мы шепотом обсуждаем, почему все таки веселья не было. Приходим к заключению, что кровавые плакаты даже на сочувствующих действуют угнетающе, удручающе. [...]

19 апреля/2 мая.

В газетах — списки расстрелянных. Тон газет неимоверно груб. Приказы, касающиеся буржуев, в самых оскорбительных тонах, напр. «буржуй, отдай свои матрацы». В газетах вообще сплошная ругань. Слово «сволочь» стало техническим термином в оперативных сводках: «золотопогонная сволочь», «деникинская сволочь», «белогвардейская сволочь».

По городу плакаты такого возмутительного содержания, что «от бессильного бешенства темнеет в глазах и сжимаются кулаки», — говорит Ян.

И что за язык у них! Все эти сокращения, брань, грубость. [...]

20 апреля/3 мая.

[...] Последний слух, что Колчак под Москвой, и нет сообщения с Москвой.

[...] До нас доходят уже подробности о расстрелах, об издевательствах в чрезвычайках. Начало положила расправа над семьей убитого из-за угла еще при добровольцах директора частной гимназии Р. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21 апр./4 мая.

Расстрелено 26 «черносотенцев»! [...]

23 апр./ 6 мая.

[...] Вечер. Сидим со светильниками. У нас целых четыре! Волошин читает свои переводы Верхарна.

Я сижу на нашем клеенчатом диване и под его ритмическое чтение уношусь мыслями в далекие, счастливые времена, еще до-военные. Зима. Ярко освещенный зал Художественного Кружка. Верхарн читает лекцию о своей милой героической стране. Публики очень много, слушают внимательно. Верхарн сразу завоевывает залу. Мне он тоже нравится своим необыкновенно приятным умным лицом. На сцене, как всегда, сидят директора клуба и литераторы. Прячась от взоров публики, выглядывает Брюсов. Он только что пережил тяжелую историю: поэтесса Львова застрелилась из-за него. Просила его приехать к ней, он отказался и она — бац! Поэтому приветствие знаменитому гостю произносит не он, а Мамонтов. Не остался Брюсов и на ужин, который был дан после лекции в одной из верхних зал Кружка. Я сижу рядом с Верхарном. Он мне рассказывает о своей стране, о своей жизни там и во Франции. Каждую зиму они проводят в Сен-Клу. Касаемся и поэзии. Он, конечно, говорит комплименты русской. Я восхищаюсь его творчеством. Верхарн восторгается Москвой, Кремлем. В первый раз в жизни прошу автограф. Один мой знакомый, мой сосед слева, Василий Михайлович Каменский, дарит мне тут же изящную книжечку в красном сафьяновом переплете, и Верхарн вписывает в нее несколько слов. Напротив нас сидит его жена. Очень милая, простая на вид женщина, фламандского типа. Не обошлось без курьезов. Ужин был составлен на сла-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ву, но чего-то, самого гвоздя, кажется, осетрины, Верхарн не ест. Пришлось заменять другим блюдом, хотя он умолял ничего не давать взамен, так как он не привык ужинать. Но, конечно, его по-русски закармливали. По-русски, не в меру, хвалили, слишком долго говорили и дошли до того, что Ермилов на русском языке рассказывал анекдоты, которых, конечно, Верхарн не понимал, несмотря на то, что Илья Львович Толстой старался ему переводить... Прошло несколько лет с тех пор, а кажется, что все это было бесконечно далеко. Погиб бессмысленной смертью Верхарн, умер и Ермилов, погибает и наша Россия.

25 апр./8 мая.

Приезжали за матрасами. Красноармейцы были вежливы, но чувство неприятное, когда вмешиваются, на чем спишь. [...] У нас ничего не взяли, хотя и у меня, и у Яна по два. Но я сыграла на психологию. Сказала, что у нас по одному и, сделав жест рукой, пригласила:

— Хотите, идите за ширмы и смотрите.

Они помялись и ушли. Все таки хороший дом их еще смущает, в плохих квартирах они проявляют больше хамства. Уже целая неделя уходит на это занятие — отбирать матрасы, которые потом будут где-нибудь гнить. [...]

Рассказывают, что сотрудникам большевицких газет, в том числе и тем, кто работает в «Голосе Красноармейца», т. е. Гальберштадту, Регинину и другим, выдали обувь и одежду, и еще что-то. [...]

Вечером у нас Волошин со своей приятельницей, которую на сокращенный манер зовут Татидой (Татьяна Давыдовна). Волошин читает на этот раз не свои стихи, а переводы Анри де-Ренье. Это

Для сайта BOOK-OLDS.RU

новый для меня поэт. Чувствуется, что Волошин хорошо и точно передает его.

— Французы, — говорит Ян после чтения, — отличаются от русских в поэзии. Они слишком все договаривают, тогда как мы много оставляем работы читателю. Кроме того, кто из романских поэтов скажет:

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой...

— Да, — соглашается Волошин, — но зато никто из русских поэтов не скажет, как Ренье, — и прочел «Прощание».

9 часов. Надо было гостям уходить. Опять досадно, только что завязался интересный разговор... Не успели мы захлопнуть за ними парадной двери, как вдруг стук со двора. Я бросаюсь к двери, вижу две мужские фигуры с длинными палками.

— Что такое? — спрашиваю я, открыв двери, чувствуя, как сильно бьется сердце.

— Простите, я домовой комиссар, получил приказ вымерить все комнаты. [...]

26 апр./9 мая.

У нас завтракает писатель Федоров. У него седые длинные волосы. Он очень приятен на этот раз. Настроен против большевиков. [...]

Заходим вечером к Куликовским. Сидят в полутьме. Дм. Н. бодр. Ир. Л. волнуется, говорит, как всегда быстро, быстро, сама себя перебивая. [...] Передает, что идут разговоры о дне «мирного восстания». [...] Что за бессмысленное сочетание слов — «мирное восстание»? И как может восставать правительство? [...] Говорят, что отбирать будут все, оставляя только самое необходимое и то в очень малых размерах. Как-то даже не верится. Ведь

Для сайта BOOK-OLDS.RU

этим они возмутят всех, восстановят против себя все население. [...]

Дома, рассказав в с е, что слышали, нашим сожителям, мы, на зло большевикам, пьем хорошее вино. Конечно, Евг. Ос. [Буковецкий. — М. Г.] относится к нашим сообщениям недоверчиво: он не любит верить неприятным вещам.

27 апр./10 мая.

Волошин устроил себе выезд через комиссара красного флота, поэта, который пишет триолеты, тоже, по словам Волошина, очень милого человека. [...]

— А велик ли красный флот? — спросил Ян.

— Да несколько дубков...

Последний вечер Волошин проводит у нас со своей спутницей, Татидой. Сидим при светильниках в полумраке. Грустно. На столе жалкое угощение. За последнее время мы привыкли к Максимилиану Александровичу. Он вносит бодрость, он все принимает, у него нет раздражения к большевизму, но он и не защищает его. Он прощает людям не только недостатки, но даже и пороки. Может быть, это проистекает от большого равнодушия к миру — тогда это не достоинство. Но такое спокойствие приятно среди всеобщего возбуждения, раздражения, озлобления.

Волошин одет по-морскому: в куртке с большим вырезом и в берете. Он снабжен всякими документами на тот случай, если попадется в руки французов, у него одни документы [...], а если будет обыск при отходе, — то он имеет какие-то мандаты. Но все же исход путешествия их сильно волнует. [...]

Потом речь заходит о молодых поэтах, населяющих квартиру Цетлиных. Это совершенно без-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нравственно-грубые люди! Один из них украл у Волошина ножик из несессера. Когда его уличили, то он отдал, нисколько не смутясь. [...]

В первом часу ночи мы провожаем уходящих в море наверх, в мастерскую П. Ал. Нилуса. Завтра в 5 ч. утра им нужно уже быть на дубке. Прощаемся, желаем им добраться благополучно до Кокте-беля. [...]

28 апр./11 мая.

[...] Познакомилась с Анной Николаевной Буниной, бывшей женой Яна, с которой уже в темноте возвращались домой. [...]

На улицах товарищи со своими дамами довольно весело прогуливаются по Дерибасовской. [...] Я сообщила А. Н. о смерти Бибиковой[24]. Оказывается, А. Н. очень высоко ставит Варвару Владимировну — «такой живой, умный, добрый человек»... Она очень жалела ее. В Москве она часто бывала у них. Но знала ли она, кто это? А. Н. произвела на меня приятное впечатление.

29 апр./12 мая.

[...] Завтрак и обед у нас делаются все легче и легче. А между тем, в библиотеке я читаю у знаменитого физиолога Бунге: «[...] нужно, чтобы пища доставляла человеку радость, чтобы каждая еда для него была праздником. [...]» Что же будет с Россией, если не только вкусно, но просто нечего будет есть! Ведь в Великороссии минувшую зиму уже голодали...

30 апр./13 мая.

С утра в городе волнение. Угроза приведена в исполнение: издан декрет о «Мирном восстании», то есть в законном порядке ходить по домам и отбирать у всех все, оставляя по паре ботинок, по одному костюму или платью, по 3 рубашки, по 3

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пары кальсон, по 2 простыни, по 2 наволочки и все в таком роде, и по 1000 рублей денег на человека. Город разделен на участки и в каждый участок командируются работники и работницы, стоящие на советской платформе, и, для контроля что ли, назначаются чиновники и служащие в банках. Многие, говорят, отказываются, что, конечно, не безопасно. [...]

Легко представить, что пережили все граждане, и сознательные, и несознательные. Одни мучились, в чем остаться, что надеть на себя — башмаки или туфли? Некоторые напяливали на себя несколько костюмов. [...] Мы испытывали очень противное чувство: мы живем в доме, где много ценных вещей, — картин, фарфора, ковров, икон... Поживиться было бы чем.

Но вдруг в 2 часа дня узнаем, что «мирное восстание» отменяется. Моментально город облетают 2 версии: 1) вмешательство английского крейсера [...] и 2) немирное восстание «ропитовцев» (т. е. рабочих в «Русском Обществе Пароходства и Торговли»), они меньшевики. Рассказывают, что когда начали производить «мирное восстание» в порту, то пролетарии встретили пришедших кипятком и ножами. О, эти легко не расстанутся с собственностью, они не буржуи!

В тех квартирах, где это «восстание» произошло, обыскивали «честно». Женщинам распускали волосы, подозревая, что в прическах драгоценности, тщательно осматривали клозеты, высыпали соль, сахар, желая убедиться, что ничего не спрятано. [...]

2/15 мая.

Холодно, ветрено. [...] День идет обычно. Чтение по-английски, перевод. Минутный завтрак. Библиотека. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] И вот все, как водится: самый революционный народ в мире устраивает еврейский погром. [...] На Большом Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 мирных жителей. Все лавчонки против дачи Ковалевской разнесены, хозяевам удалось спастись. Ночью в рыбацком селении около монастыря солдаты врывались в дома, стаскивали с кроватей ни в чем неповинных людей. Люди бросались в поле, в море. За ними охотились, как за зайцами, по мокрым от росы хлебам. Убит Моисей Гутман, тот самый, который нас перевозил с дачи — очень милый еврей. Все сделано было так неожиданно, что многие попались врасплох, спаслись те, кто успел сесть в лодку и уйти в море. Расстреливали человека со сна, на глазах родных. Расстреливали люди, не видевшие раньше своих жертв, месяц назад прибывшие с севера.

В этом погроме чуть не погиб Алек. Абр. Кипен. Он живет у рыбаков, как раз там, где происходил погром, а в эту ночь он, к счастью, ночевал в санатории «Белый цветок», которая стоит среди поля совершенно одиноко в верстах двух от моря. На рассвете к ней подъехал отряд красноармейцев. На крыльце кто-то находился. Солдаты спросили: «Нет ли здесь жидов?» Им ответили, что нет ни одного. — «Побожись!» — Побожились. И солдаты отъехали. Как это страшно и примитивно! Великое счастье, что Александр Абрамович спал. Он не отрекся бы. С ним был уже такой случай в Кишиневе во время погрома. Его спросили, кто он? Он, конечно, по своему благородству и храбрости, ответил, что он еврей. Но ему не поверили, найдя, что он не похож на «жида». [...]

Год со смерти Варвары Владимировны Бибиковой. Как ясно помню я весь этот день. Утром торопливые шаги Арсика к Яну. [...] Вечером я одна отправилась к ним на панихиду. Но панихи-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ды не было. Я поклонилась телу усопшей. Она, помолодевшая, совсем девочка, спокойно лежала, точно спала, еще не в гробу, а на столе. А в соседней комнате подшкваривали яичницу, и не чувствовалось в доме торжественности смерти. Так всю жизнь и прожила Варвара Владимировна студенческой жизнью. И всегда была довольна. [...]

3/16 мая.

«В «Известиях» сообщается подробнее об убийстве на Большом Фонтане, а также и о погроме евреев. [...]

7/20 мая.

[...] ухожу в библиотеку с радостным чувством, что большевики еще не заставили меня работать черную работу, и я спокойно могу сидеть там, сколько душа хочет, в тишине и оторванности от всего, — это настоящий отдых! И все же во мне разлита печаль. Читать не могу, — вместо этого вношу в свою голубенькую тетрадку свои заметки. У меня своя полка. Иногда голубенькая тетрадка остается на ночь тут, среди моих книг; но иногда охватывает страх, что сделают обыск, и я уношу ее домой.

С утра слухи, что опять на завтра день «мирного восстания». Избит, ранен и ограблен художник Бодаревский. Он лежит теперь в больнице Он с сестрой жил у себя на даче. [...] Явились «товарищи» и заявили, что им известно, что у них в саду зарыто золото. Конечно, никакого золота не оказалось, а бедный старик чуть не умер. И все это среди бела дня...

Вдруг вижу — входит Ян.

— Я за тобой. Пойдем домой. На Херсонской и Елизаветинской ставят пулеметы. Спросил, в чем дело, говорят, что ждут какого-то наступления с улицы Петра Великого. Будто-бы это добровольцы

Для сайта BOOK-OLDS.RU

наступают. Конечно, это брехня обычная, но все же умнее быть дома. [...]

9/22 мая.

[...] После обеда идем на именины мужа Щепкиной-Куперник[25]. С ним мы не знакомы, даже не знаем его фамилии. Он высокий человек, лет сорока, с седыми волосами. Очень милый и приятный в обращении. Она, маленькая, с видом христианского смирения, доходящего до ханжества, женщина, старается быть скромной, часто вздыхает, настроена пессимистически, но жалеет «несчастный народ». С мужем кокетливо задирчива. В доме первое лицо — она. Служит у большевиков в санитарном отделении, не голодает. [...] На столе много сладких пирогов из крупчатки, сласти. Народу много. Много незнакомых. Понемногу разбираюсь. Вот с томным видом известная артистка Полевицкая с мужем, господином Шмидт, режиссером театра Красного флота. [...] Находится здесь и бывший товарищ министра и философ С. В. Лурье, красивый человек, приятно картавящий; господин с вылупленными глазами — тоже шумевший при Временном правительстве, — Кауфман; высокий огромный человек, служащий в Бупе, господин Берлинд; одна сослуживица Татьяны Львовны, очень религиозная женщина, воюющая с большевиками за то, что они не хотят признавать христианских праздников, и еще несколько лиц.

Сначала обмениваются политическими новостями. [...] Разговор переходит на театр и общим вниманием завладевает Шмидт. Он с каким-то восхищением рассказывает о матросах:

— В театре стоит такая ругань, что не знаешь, куда деваться, особенно, как начнут говорить по телефону, уноси ноги. Но театр любят. Есть у нас такой матрос, пудов этак на восемь, шея огром-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ная, бычья, намазанная белилами и украшенная драгоценным кулоном — это у них в моде! Че-Ка наши матросы ненавидят: недавно арестовали кого-то, по мнению этого богатыря, неправильно, так он явился туда с двумя бомбами под мышками, пришел, встал и молчит, так, говорят, перепугались там, что моментально выпустили — поняли, что с таким детиной не поспоришь. За актеров стоит горой, в обиду не дает.

[...] Полевицкая тоже, ломаясь и закатывая глаза, восхищается любовью их покровителей-матросов к «искусству».

Да, правда, в Одессе, как впрочем, вероятно, и во всей России, театры процветают, некоторым артистам и артисткам живется хорошо, — лучшим, конечно. Но зато средним и маленьким тяжело, особенно тем, кому назначено играть на окрайнах: приходится ходить пешком, иногда дважды в день. [...]

Театры переименованы: «Театр Красного Флота» [...] «Театр имени Свердлова», «Театр имени Троцкого» и все в таком духе. Перед некоторыми театрами и иллюзионами горят кровавые звезды. Публики везде много, и в большинстве случаев, спектакли проходят с аншлагом. [...]

10/23 [мая].

[...] Учеников в нашей школе все прибавляется и прибавляется. Я испытываю большое удовольствие общаться с детьми. Но в художниках я не замечаю этого чувства. Повидимому, им не до того. Они исполняют свой долг и только...

12/25 мая.

День «записи в Красную армию». Я почти весь день на улице. От первого мая этот день отличается тем, что все плакаты написаны в совершенно реалистических тонах — прямо картинки с табач-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ных и папиросных коробок. Это желание публики — до кубического искусства граждане еще не доросли. Подписи под картинами в более мягких тонах. [...] Плакаты все больше на темы, как толстых генералов бьют красные солдаты и стихи соответственные: «Вот Ванюха на коне...»

Посредине площади огромный плакат: пятиголовая змея, две головы отрублены красой и гордостью русской революции, над третьей занесен нож.

— Глянь-ка, глянь, — говорит женщина в платочке, толкая мужа под локоть, — я такой змеи отроду не видала — пятиглава-ая.

Вот вам и гидра контр-революции! [...]

Нилус сообщает, что он получил назначение при комиссии просвещения в Отделе искусства, занят он будет по утрам. Должность приятная — можно спасти картины от разграбления. [...]

13/26 мая.

Приходят Полыновы — это фамилия Щепкиной-Куперник по мужу. Он присяжный поверенный. В настоящее время занят главным образом тем, что прячет от большевиков сахарозаводчика Конига, который очень болен, только что перенес воспаление легкого, он — астматик. Скрывается с женой под чужими паспортами, так как с них требуют огромную контрибуцию, гораздо бóльшую, чем они могли бы заплатить. [...]

15/28 мая.

[...]Приходил Юшкевич уговаривать Яна поступить в Агит-Просвет. Он доказывал, что просвещать всегда, при всяких властях, хорошо. Ян только плечами пожимал. Юшкевич настаивал, указывал, что Яна могут обвинить в саботаже. Ян возражал: «Саботируют те, кто служит и портит дело. Я же не служил и заставить меня служить

Для сайта BOOK-OLDS.RU

никто не смеет». — «Но ты умрешь с голоду». — кричит Семен Соломонович. — «Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду т у д а. Пусть этот факт останется в истории...».

Оба кричат, волнуются. Юшкевич просит отложить ответ до завтра: — «Обдумай!». [...]

Охотников в Красную армию нашлось очень мало: почти никто не явился ни из буржуев, ни из пролетариата. Вероятно, начнутся скоро обыски и облавы. Будут искать уклоняющихся.

16/29 мая.

Дождь, холод. Мы сидим после нашего так называемого обеда с Яном и обсуждаем, что же ему ответить Юшкевичу. Вчерашнее посещение оставило на нас очень неприятное впечатление. Ему, понятно, хочется, чтобы Ян вошел туда. Репутация Яна безупречна, а потому для всех входящих важно, чтобы он был с ними. Решаем, что быть с Юшкевичем откровенным не следует, кроме крика из этого ничего не выйдет, что Ян твердо заявит ему, что уж если он решит работать у большевиков, то вернется в Москву.

Через 2 часа Ян возвращается, говорит, что решительно отказался, и что Юшкевич, наконец, отстал, поняв, что ничем его не возьмешь.

Завтра едут на лошадях Юшкевич, Нилус и Ильин к Федорову, приглашать его в Агит-Просвет. Они будут заведовать театром и синема.

Вечером за бутылкой вина Ян с Нилусом спорят: П. А. искренно верит, что они повернут дело по-своему. Ян доказывает, что кроме позора и неприятностей, они ничего не получат. — «Уж если нечего есть, так служи где-нибудь писцом или чем хочешь, но отдавать им самое дорогое — никогда!» П. А., волнуясь: «Искусство выше всего и нельзя отказываться от того, что возвышает жизнь».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

17/30 мая.

[...] Из Москвы телеграмма, что родители здоровы. Слава Богу! [...]

Ян временами бывает очень подавлен, часто чувствует сильную тоску, но раздражается реже. Я стараюсь его совсем не беспокоить.

Вечером Нилус рассказывает о своей поездке к Федорову. Ехали в отличном экипаже. Федоров сначала колебался, но под давлением жены, согласился. На обратном пути нагнали Кипена, — идет пешком в город, — предложили ему тоже вступить в Агит-Просвет, — он с негодованием отказался, предложили подвезти его, он поблагодарил и тоже отказался.

— Вот молодец! — воскликнул Ян. — Да, если бы побольше таких, то не так легко было бы завоевать нас.

И опять поднялся спор, можно или нет работать с большевиками. [...]

18/31 мая.

Дошло увлечение театром и до нашего двора. В нашем доме живет заведующий электричеством какого-то театра. Он ухаживает за нашей горничной Анютой [...] Ну, понятно, контрамарки — и то и дело то она, то наша домоправительница Людмила приглашаются на спектакль. Репертуар: Чехов, Толстой, Гоголь и др. Я всегда с нетерпением ожидаю их возвращения и рецензии. [...] Но, оказывается, пьесы им не нравятся. Анюта вчера смотрела «Власть Тьмы». Сегодня я расспрашивала ее о впечатлении;

— Удивительно, как у них все едят из одной чашки. А хомутов-то сколько там навалено. У нас не так...

Большего я от нее ничего не добилась.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сегодня Людмила пришла из театра прямо в ярости:

— Знала бы, не ходила бы, что тут интересного — понять не могу. (Давался «Вишневый Сад».)

Большевики тоже недовольны буржуазным репертуаром. Все рыскают по Одессе в поисках «Брадобрея» Луначарского...

19 мая / 1 июня.

[...] Делается все голоднее и голоднее.

Ежедневно появляются списки расстрелянных. В Киеве пишут прямо и откровенно — «в порядке проведения красного террора в жизнь, расстреляны такие-то», перечислено 40 человек, после каждой фамилии краткая характеристика вины, как, например, домовладелец. Есть уже и профессор — Флоренский. Ян из себя выходит:

— Что значит — в порядке проведения в жизнь красного террора?

Вода поднимается только до первого этажа, и то кончая базаром, а дальше совершенно не поднимается. [...] Стали появляться на улицах продавцы и продавщицы съестных припасов. Вот на Херсонской сидит барышня с книжкой, а возле нее столик со сладкими пышками. Но это не для нас, конечно, а для «товарищей», ибо они очень дороги, рублей семь штука! [...]

20 мая / 2 июня.

[...] Рано утром у нас взволнованный Федоров. Пришел пешком с Фонтана, чтобы отказаться от поступления в Агит-Просвет.

— Нет, не могу, потерял покой после того, как согласился, — говорит он, волнуясь. — Лучше голодать, чем работать с ними! Все равно толку у них не выйдет. Лучше идти на техническую рабо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ту, по крайней мере, ответственности не будешь нести.

Ян одобряет и поддерживает его.

Утром письмо от Юлия Алексеевича. Письмо необыкновенно интересное: краткое описание минувшей московской зимы. Трудно удерживаться от слез, слушая его. Я сижу в библиотеке и от волнения не могу работать. Бедный Юлий Алексеевич серьезно болен. Мне кажется, доктор его успокаивает, скрывает истинное его положение. Что значит кровь из мочевого пузыря? Но какой он молодец, нет ни жалоб, ни стонов, хотя, наверное, страдал и страдает сильно. [...]

Из письма Юлия Алексеевича Бунина[26]:

«Мы, слава Богу, живы и здоровы. [...] Начиная с 10 августа и до сих пор почти ежедневно бывает у меня доктор. В ноябре у меня случилось кровоизлияние, вместо мочи обильно пошла кровь, которая вскоре была приостановлена. [...] Общее самочувствие в физическом отношении у меня удовлетворительное. Только сильно похудел. Так, например, твое пальто теперь для меня широко. Исхудание происходит отчасти на почве болезни, а отчасти на почве плохого питания, главным образом недостатка жиров. [...] Но меня за минувшую зиму не столько угнетали высокие цены на продукты, сколько холод. С Рождества до самой Пасхи у меня в квартире было не более 3-4 градусов выше нуля. Приходилось спать, не раздеваясь, заниматься не было возможности — руки коченели. Замерз водопровод и канализация. От всего этого осталось впечатление кошмара какого-то. [...]

[В] книгоиздательстве большие перемены. Центральной фигурой является теперь Грузинский — он заменил Клестова. Помощником его нанят некто Шугальтер — человек практический. Книго-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

издательство превратилось в кооперативное товарищество. Образовалась и переводническая редакция в составе Грузинского, Чеботаревой и Зайцева (последний живет в деревне). В книгоиздательство вошли новые члены, много молодых писателей: кроме того, Андрей Белый, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Бальтрушайтис, Сакулин, Бродский и многие другие, так что физиономия книгоиздательства значительно изменилась... Клестов был исключен из коммунистической партии. Тем не менее в советских кругах он играет большую и ответственную роль по делам издательским, вследствие чего он отказался от должности нашего заведующего. [...]

С конца осени возобновилась жизнь литературных организаций. «Среды» происходят теперь систематически по воскресеньям. Возникла новая организация «Звено», идущее навстречу запросам пролетарских масс; во главе ее Львов-Рогачевский, я и Смирнов-Треплев, много там молодых писателей [...] Далее образовался обширный союз поэтов, заключающий в себе более 200 человек — по большей части крайние модернисты, футуристы и так называемые имажинисты. У них есть свое кафе и так называемая эстрада поэтов, на которой они ежедневно выступают перед публикой. От этого союза отделилось в автономную группу правое течение под именем «Неоклассическая секция», во главе с Гальпериным и Олегом Леонидовым. Секция теперь регистрируется в особое общество под названием «Литературный Особняк». Собрания происходят еженедельно, на которых бываю и я.

Далее организован так называемый «Дворец Искусств», в доме Сологуба на Поварской, описанном в «Войне и Мире». Помещение поразительное по своей красоте и благородному изяществу. «Дво-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

рец» числится при комиссариате народного просвещения, но на автономных началах. Во главе стоит Иван Рукавишников, которому покровительствует Луначарский [...] Во «Дворце» бывают доклады, литературные чтения, музыкальные вечера (участвуют лучшие оперные силы), устраиваются курсы и проч. Я иногда бываю там. Затем на Воздвиженке, во дворце Морозовых, помещается «Пролеткульт», в котором есть и литературная секция, где выступают часто пролетарские писатели, из которых выделяются Александровский, Казин, Полетаев и др. Руководят занятиями Андрей Белый и Вячеслав Иванов. Раза два там был и я. Занятия идут планомерно и очень усердно.

При «Пролеткульте» издаются журналы «Горн» и «Гудки». При художественной секции выставляются рисунки пролетарских художников — очень недурные. Есть секция театральная, музыкальная и др. Отделения «Пролеткульта» имеются во многих районах. Кроме того, имеется много рабочих клубов, где устраиваются вечера, лекции, танцы и т. д. Театров теперь в Москве насчитывается более сорока. Масса художественных выставок, лекций, митингов, концертов, на которых постоянно выступают лучшие артистические силы: Неждановa, Гельнер, Южин, Качалов и пр. Энергичное участие принимает Коган.

Существует здесь союз Советских журналистов с разными секциями. Наш «Союз журналистов», как и «Общество деятелей периодической печати» замерло. Зато возник «Союз Писателей», в который вошли лучшие литературные, журнальные и научные силы. Председателем состоял раньше Гершензон, а теперь Бальтрушайтис. «Союз» оказывает многочисленные услуги. Все мы зачислены в I-ую категорию, имеем охранные грамоты на помещение, получаем по дешевой цене

Для сайта BOOK-OLDS.RU

муку (по два с половиной пуда за 100 р), картофель и др. продукты. «Союз» тоже разбит на секции (литературную, историко-литературную, философскую, общественно-историческую и др.) Советская власть относится с сочувствием и покровительствует «Союзу».

Во всех советских учреждениях работает масса интеллигенции. Кооперативные учреждения, находящиеся теперь под контролем советской власти, также заполнены интеллигенцией. Много устраивается теперь всевозможных съездов: в одном из них, статистическом, — бывал и я. [...] Я надеюсь получить какую-нибудь домашнюю статистическую работу.

Как всегда к концу сезона, чувствуется утомление, хотелось бы отдохнуть где-либо. Будущая зима страшит особенно. [...]»

[Одесские записи Ивана Алексеевича Бунина начинаются со странички, на которой сбоку синим карандашом написано «1919» и продолжается начатая прежде фраза, даты нет.]

[...] Часто теперь, читая какую-нибудь книгу, останавливаюсь и дико смотрю перед собой, — так оглушила, залилала [вероятно, залила. — М. Г.], все затмила низость человеческого слова и так дико вспоминать, на минуту выплывая из этого моря, что существовало и, может быть, где-нибудь еще существует *прежнее* человеческое слово!

4 ч. Гулял, дождя нет, пышная зелень, тепло, но без солнца. На столбах огромн[ые] афиши: «В зале пролеткульта грандиозный Абитур-спектакль-бал...» — После спектакля «призы»: 1) за маленькую изящн[ую] ножку, 2) за самые красивые глаза, киоски в стиле «модерн», «в пользу безработных спекулянтов», губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачек, шалости

Для сайта BOOK-OLDS.RU

электричества, катильон, серпантин и т. д. 2 оркестра воен[ной] музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в 6 ч. по старому времени... Хозяйка вечера супруга командующего 3-й советской Армией Марфа Яковлевна Худякова». Прибавьте к этому новую орфографию.

25 мая / 7 июня

Прочел «Знамя» и 1 № «Советск. власти», орган одес[ского] Совдепа, долженствующ[ий], повидимому, заменить собою «Голос красноарм[ейца]», который уже давно не виден в городе, отправл[ен], как говорят, «на фронт». Все то же! Все «ликвидация григорьевских банд» и «разрастающаяся» во всем мире революц[ия], — между прочим крупно напечат[ано] сообщ[ение] о большевистск[ом] восстании в Турции. [...]

Вчера весь вечер дождь, настроение оч[ень] тяжкое. Дождь и ночью, льет и сейчас.

В «Сов[етской] вл[асти]» две каррикатуры; несомненно Минского. До содрогания, до тошноты гнусно. [...]

26 мая / 8 июня

«Знамя борьбы» на половину занято Марьяшем. «Проф[ессиональный] союз пекарей извещает о трагическ[ой] смерти стойкого борца за царство социализма...» И еще неск[олько] таких-же объявлений; некрологи, заметки: «Ушел еще один... Не стало Марьяша... Стойкий, сильный, светлый...» и т. д. [...]

Затем идет смехотв[орное] известие о том, что «приморские города вблизи Дарданелл заняты турецк[ими] коммунистами, которые принимают меры к закрытию Дард[анелльского] пролива, сообщение [...], что «на Галицию идет огромная польская сила с Петлюрой в авангарде» (я говорил, что Петлюра вынырнет!) [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В полдень телефон из Сергиевск[ого] училища: приехал из Москвы Личкус, сообщил Вере, что у Мити Муромцева[27] тронуты верхушки легких и миокардит. Вера заплакала, оч[ень] расстроена. [...]

[После этой записи следует перерыв почти в 2 месяца. Возвращаюсь к записям Веры Николаевны:]

30 [мая] / 12 июня.

Последнее время столько неприятностей, всяких вестей от наших, что я не была в состоянии взяться за перо. [...]

За эти дни были на именинах. Мы радовались, как в детстве. Дом хлебосольный с еще несъеденными запасами, — будут пироги, торты, — думали и говорили мы. Собрались рано, ведь поздно оставаться нельзя. [...] Прошли весь город, через парк, который весь усеян красноармейцами с их дамами, лежат на траве в обнимку, сидят на скамьях. [...]

На именинах общество отменное, самое контрреволюционное: ректор, проректор университета, соквартиранты хозяев, у которых близкие люди в деникинской армии, один судейский, скрывающийся К. и так далее. На столе все, что полагается — всякие пироги, торты, южные кушанья. Хозяйка отлично умеет стряпать. Все очень возбуждены, рады, что вдруг неожиданно, по-старому, сидим вокруг стола и едим с таким, впрочем, удовольствием, как только едят люди при недоедании... [...]

Как-то через день или два после этого пиршества мы, гуляя, заходим к Овсянико-Куликовским. Сидят они в своей темной квартире на четвертом этаже с окнами, выходящими на внутренний двор. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Входит Кипен. Мы обрадовались. Какое особенное чувство испытываешь теперь всякий раз, когда встречаешь близкого человека, с которым не видались несколько дней. Значит, не арестован, жив и здоров!

Он от Геккер[28]. Рассказывает, что кого-то арестовали, и она ночью позвонила в че-ка и распекла там, кого следует...

— Вообще, она молодец, — говорит Кипен, — когда нужно, она является в че-ка и добивается всего, чего хочет.

Мы смеемся и радуемся, что хоть она имеет авторитет в этом учреждении... [...]

Юшкевич хлопочет, чтобы ему был заказан сценарий «История государства Российского» по Шишко... Как ему не стыдно! Ведь это хуже, чем большевик. Еще называется русским писателем! Какое начинается разложение... [...]

31 мая/13 июня.

Конец нашего мая провожаю с тяжелым чувством. Много волновалась из-за болезней близких. Пишу на разрозненных страничках, прячу их в разных местах. В книжку — боюсь. [...]

Улицы чернеют декретами и пестрят афишами. Коммунисты веселиться очень любят. Балы следуют за балами и в частных дворцах и в общественных местах. [...]

1/14 июня. Лето.

Уехала наша горничная Анюта к себе на родину. Обещала вернуться через недельку, другую. Теперь придется быть за горничную, по крайней мере, на нашей половине. Надеюсь на это тратить не более 2-3 часов. [...]

2/15 июня.

В школе у нас народу много. Труднее стало поддерживать дисциплину. [...] В школе есть нес-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

колько человек способных. Нилус восхищается глазом ученика Шесток. Его маленькая племянница, Оля, тоже рисует очень точно и делает заметные успехи. Двигается и Дима Лазурский, очень милый и приятный мальчик. Но занятнее всех Рафаэль[29]. Он вносит столько веселья, что забываешь на него сердиться. [...]

На бульваре встречаем единомышленников. Грызем семечки. Сидим и смотрим на море. Я с Верой Николаевной Ильнарской. Она молодец — несмотря на то, что им очень трудно, она не поступает ни в один из многочисленных театров и влачит скромное существование беженки. Ей уже приходится таскать воду. Живут они в одной комнате, выходящей окнами во двор. [...] Идут разговоры, и о том, не пуститься ли на «дубке», по примеру Волошина, в Крым. Серьезно об этом подумывают Варшавские. Зовут нас, но меня не очень увлекает это предприятие. [...] и Яну не хочется менять синицу на журавлей в небе... [...]

Днем мы с Яном вышли прогуляться. [...] Сталкиваемся со Шмидтами и Варшавскими. Полевицкая обращается к Яну с просьбой:

— Напишите мистерию, мне так хочется сыграть Божью Матерь или вообще святую, зовущую к христианству...

— Постараюсь, — говорит, смеясь Ян.

— Да, пожалуйста, — умоляющим тоном настаивает она. [...]

Когда дождь прекращается, мы уходим.

— Господи, — вздыхает Ян, — какое кощунство и в какое время! Играть Богоматерь, и перед такими скотами! Неужели она не понимает? [...]

3/16 июня.

Год, как мы в Одессе, как не похожа она на прошлогоднюю, немецкую. Та была еще нарядная,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

уже стояли жары, и ветчина стоила всего 6 рублей... теперь она стоит 48 рублей фунт, то есть в восемь раз дороже. Хлеб сегодня стоил 22 рубля фунт. Клубника стоила одно время 30 рублей за фунт, а сегодня 10, но и это нам не по карману.

Все еще прохладно, — это наше счастье, а то в городе в жару будет очень трудно.

Сколько мы пережили за этот год, год бежен-ства. Одни «смены власти», как говорит наша горничная, чего стоют!

Вид города сильно за год изменился. Все ходят в чем попало. У детей вместо туфель деревянные сандалии, которые очень приятно стучат по тротуарам. На всех углах продают разную снедь, — можно дома и не готовить.

4/17 июня.

У Яна повышенная температура. Днем он был очень бледен, а ночью мешал спать кашель. [...]

Перед сном мы с Яном вспоминали Ростовцевых, Котляревских, их журфиксы и салоны, и как все это странно, точно с другой планеты. Могли выходить из дому, когда хотели, зажигать электричество и так далее, а теперь... [...]

6/19 июня.

[...] Мы часы не переставили и живем по-прежнему. Говорят, опасно ходить по улице с часами, на которых Божеское время. Уже родился рассказ, как один красноармеец спросил у одного господина — «Который час?». Тот вынул часы и сказал. Красноармеец увидел, что время старое, схватил часы и растоптал.

11/24 июня.

Вчера целый день была занята стиркой, сегодня полоскала, развешивала. Физический труд

Для сайта BOOK-OLDS.RU

приятен, но досадно, что он утомляет так сильно, что нет уже сил заниматься умственным. [...]

Есть слух: подписан мир и взят Харьков. [...]

На-днях Ян принес известие, что в Одессу присланы петербургские матросы, знаменитые своей беспощадностью.

Были как-то у нас Варшавские. Они серьезно думают бежать на дубке в Крым. Живут они на проданные драгоценности. А что дальше делать, когда все проедят? В Крыму цены на все нормальные. [...]

По улицам на каждом шагу подводы с награбленным буржуйским добром. Многие дома стоят почти пустыми. Куда же все увозится? [...]

Третьего дня узнали, что Недзельский едет таки в Москву. Скептицизм Яна на этот раз не оправдался. Бросаемся писать письма. [...]

Пешком несемся в Отраду. Боимся опоздать. Там Кипен. Вл. Ос. в красноармейской форме. Все волнуемся. Может поездка окончиться всячески. Он везет в Москву деньги, которые зашивает в полу солдатской шинели. Жена, видимо, волнуется, но сдержанна. [...]

До чего дожили: из Одессы в Москву, все равно, как в сказке о Змее-Горыныче, и сколько всяких застав в виде тифа, холеры, крушения поезда и, наконец, че-ка.

[...] узнали, что в Киеве опять «в проведение в жизнь красного террора» расстреляли еще нескольких профессоров, среди них Яновский. И я вспоминаю высокую фигуру этого знаменитого профессора-медика [...]

Утром сегодня, рано, пришел Федоров. Очень кстати. Они с Яном мне выжали белье. Сделали это быстро и весело. [...] Они не голодают, жена целый день занята хозяйством [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Фельдман[30] предлагал употреблять буржуазию, вместо лошадей, для перевозки тяжестей. [...]

12/25 июня.

Целый день гладила. Устала больше, чем от стирки. Никогда не подозревала, что гладить так тяжело. [...] Руки, как у прачки — все облезли. [...] Но приятное чувство удовлетворения. Исполнила то, что казалось невыполнимым. [...]

13/26 июня.

После обеда выхожу пройтись и вдруг [...] встречаю Анюту. Вот обрадовалась! Показываю с гордостью содранные пальцы. Возвращаюсь домой. Она загостилась дома из-за забастовок. [...]

— Они хотят меня замуж выдать, — говорит Анюта.

— Ну, что-ж! И прекрасно, пора, — шутя, говорю я.

— Что вы! да я ни за что не пойду замуж за мужика. Мне не нравится деревенская работа. Я отвыкла. [...]

— Ну, а что слышно в деревне, что говорят о большевиках?

— Там ужасное творится. Придут петлюровцы — забирают в солдаты. Потом большевики — тоже. Вот и бывает так, что отец против сына, брат на брата. Страсть, что делается. Все ждут перемены власти, а какой — не знают. [...]

14/27 июня.

[...] Главный комиссар университета студент второго курса ветеринарного института Малич. При разговоре с профессорами он неистово стучит кулаком по столу, а иногда и кладет ноги на стол.

Комиссар Одесских Высших курсов — студент первокурсник Кин, который на всякое возражение отвечает: «Не каркайте».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Комиссар Политехнического Института Гринблат, разговаривая со студенческими старостами, держит в руке заряженный револьвер.

Говорят, что низшие служащие очень недовольны, о чиновниках и говорить нечего. Такой идет повсюду кавардак, что даже подумать страшно. Вот, куда заводит мнение, что университет — это фабрика, профессора — высшая администрация, а студенты — рабочие. И это мнение бывшего ученого, пишу «бывшего» потому что, мне кажется, что Щепкин сошел с ума...

16/28 июня.

В газетах еще пишут о ликвидации банд Григорьева. Все одно и то же. Я не могу читать по новому правописанию, не могу выносить этот ужасный большевистский язык. [...]

Слух, что Деникин взял Харьков. Неужели правда? Боюсь радоваться. Ян сильно взволновался. [...]

17/30 июня.

К завтраку Ян принес противоречивые слухи: Харьков взят обратно — это ему сообщил Юшкевич. А в других местах ему сообщили, что взят Екатеринослав, Полтава, а Курск и Воронеж эвакуируются. Колчак, будто бы, прорвал фронт в Царицынском направлении. Начинается наступление на Вятку. И, наконец, совсем невероятное сообщение, что Севастополь в руках англичан, которые совершили десант в 40 тысяч человек. Я ко всему стараюсь относиться спокойно, занимая себя то школой, то библиотекой, а на Яна страшно смотреть. Он только и занят слухами. [...]

18 июня/1 июля.

Ян пошел на базар и вернулся домой вместе с Тальниковым. Цены за сутки очень поднялись,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

например, вчера вишни стоили 6 рублей, а сегодня — 20. Тальников сообщил, что на завтра, по слухам, назначена всеобщая мобилизация. Может быть, это в связи с падением Екатеринослава, Полтавы и Воронежа, хотя все это из области слухов.

Тальников рассказывает, что в Пролеткульте выставка книг, выпущенных в Москве и других городах. Говорит, что есть хорошие издания. Часть напечатана по новому правописанию, а часть — по старому. Он просматривал каталог, из книг Яна рекомендована «Деревня». Он советует пойти туда посмотреть. Но едва ли мы соберемся. Противно!

Вечером заходим к Полыновым [...] Слухам о разгроме армии Деникина никто не верит. Как всегда, разговоры о продвижении армий. Людей, приносящих сводки, сегодня не было.

У Полыновых дают гостям по стакану чая, это большое удовольствие. Сами они едят хорошо. Сегодня за ужином подавали мясо. Я старалась не смотреть на него, вид его раздражает вкусовые ощущения...

М. Н. очень волнуется за Колю. Его могут призвать. Конечно, в Москве было бы лучше. Там устроили бы для внука М. Н. Ермоловой[31]... [...]

19 июня/2 июля.

Как только начинают носиться слухи о каких-нибудь выдающихся событиях, так начинает подпольная контр-революция бегать друг к другу в гости.

[...] Ян [...] побежал за сводкой на бульвар, но скоро вернулся, так как на бульваре он никого из «заговорщиков» не нашел. [...]

20 июня/3 июля.

Идем вечером к Полыновым. Звоним, отпирает дверь сама Татьяна Львовна и радостно сообщает:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Можете спать спокойно. Из Москвы пришло приказание — «писателей не трогать».

Мы вздохнули спокойно, ведь вот уже три недели, как ежедневно мы совещаемся с Яном, ночевать ли ему дома. Многие друзья предлагали свой кров, но мы решили до самой последней минуты не переходить Яну на нелегальное положение. Он и так нервен. Сон для него очень важен, а спать в непривычной обстановке ему всегда беспокойно. Надеялись, что в случае опасности, его предупредят. Но все же всякий вечер бывало жутковато. [...]

21 июня/4 июля.

Наступило лето. Люди стали страдать от духоты. Я же довольна, что тепло. По вечерам мы ходим на бульвар, сидим на парапете, смотрим на море. [...] Вчера был византийский закат. Но природу теперь ощущаем глазами, а до души не доходит. [...]

Скончался П. Дм. Боборыкин. Я как раз эти дни думала о нем, говорила о нем с Д. Н. Куликовским. [...] Умер он над мемуарами на 83-ем году жизни. Жаль мне Софью Александровну. Как она теперь будет жить одна? Какое чудесное впечатление она на меня оставила. Жаль очень, что я мало знала ее. Куликовский считает за Боборыкиным положительные заслуги, ценит его «Василия Теркина».

22 июня/5 июля.

В газетах список расстреленных в 11 человек. [...]

Стали брать заложников. Еще арестовано 6 профессоров и 30 присяжных поверенных.

23 июня/6 июля.

[...] Щепкин ужасно свирепствует на заседаниях в у[ниверсите]те, хотя из комиссаров по на-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

родному образованию его давно удалили, нашли, что и он слишком правый. На одном заседании вечером в полутемной комнате он много и быстро говорил, что если что нужно для торжества красных идей, то он не пощадит никого: «всех, всех расстреляю, расстреляю...» [...]

27 июня/10 июля.

Вечером на бульваре, но никого из знакомых не встречаем. Проходим по всему бульвару. Останавливаемся у лестницы под памятником Ришелье, пощаженным большевиками. Неподалеку от нас видим двух барышень, очень кокетливо одетых, и молодого человека. У всех на руках повязка с буквами «Ч. К.». Стоят с оживленными лицами, чему-то смеются... Взглядываю на Яна, он, побледнев, как полотно, с искаженным лицом, говорит:
— Вот, от кого зависит наша судьба. И как им не стыдно выходить на люди со своим клеймом!

Я вглядываюсь в их лица, стараясь запомнить: барышни брюнетки, довольно хорошенькие, с черными глазами, худенькие, среднего роста — барышни, как барышни, типичные одесситки. Молодой человек с самым ординарным лицом во френче, с фатовским пошибом, со стэком в руке.

Стараюсь поскорее увести Яна, хотя и хочется последить за этой тройкой. Даю слово больше сюда не приходить, так как он очень неосторожен и, кроме того, вижу, что подобное зрелище ему доставляет невыносимое страдание.

Идем мимо домов, из окон которых свешиваются ленивые морды красноармейцев, отовсюду слышится гармония, пение, ругань. В некоторых домах уже пылает электричество, хотя еще светло. Театры и иллюзионы залиты электрическими лампочками, кровавыми звездами.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Всю дорогу Ян не может успокоиться. Он даже как-то сразу осунулся. И все повторяет: — Нет, это иное племя. Раньше палачи стыдились своего ремесла, жили уединенно, стараясь не попадаться на глаза людям, а тут не стесняются не только выходить на людное место, а даже нацепляют клеймо на себя, и это в двадцать лет!

Теперь гулять придется по уединенным улицам. [...]

У нас один день вареные кабачки, а другой — картофель с мулями, при чем с каждым днем масла все уменьшается и уменьшается. Готовят у нас давно на железной печурке, которая немилосердно дымит. Хлеб все дорожает и дорожает, несмотря на великолепный урожай.

На улицах то и дело видишь, как грызут кукурузу, называемую здесь «пшенкой». Продают крутые яйца, мамалыгу, ягоды, фрукты и все по высокой цене.

29 июня/12 июля.

У нас в доме именинник. Наша школа чествует своего профессора. Ученики поздравляют Петра Ал. [Нилуса], принесли — кто хлеба, кто вина. Учение было отменено. Видно, что П. Ал. завоевал любовь к себе, и каждому хочется сделать ему удовольствие.

[...] Сообщает нам, что сегодня будут обыски в нашем районе: всё ищут уклоняющихся от воинской повинности. Мы летим домой. [...]

Первую минуту — все точно в панике, прячем, куда попало, деньги. Затем берем себя в руки и садимся за стол. Ян читает...

30 июня/13 июля.

Трудно описать, что пережили мы вчера. Такого состояния я никогда не испытывала. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Около 10 часов по астрономическому времени слышим голоса под окнами во дворе, стук сапог, лязг берданок. Влетает Анюта, бледная, но спокойная:

— Пришли. И пошли прямо к Евгению Осиповичу [Буковецкому], в столовую.

Ян остается на месте за письменным столом. На столе маленькая керосиновая лампочка — дожигаем остаток керосина. Я не выдерживаю и иду туда, где обыскивают. Стараюсь быть спокойной. А между тем уверена, что кончится большой бедой. В буфетной, где как раз находились солдаты с берданками, за тонкой перегородкой, лежит в пустой комнате много нестиранного белья наших сожителей. Они затянули со стиркой и теперь нет возможности перестирать все это количество. Если заглянут туда — все пропало... Красноармейцы, самые обыкновенные великоросы, стоят как-то конфузливо. Прохожу мимо, здороваюсь, кланяюсь, прохожу в столовую, где живет хозяин. Около столовой маленькая комнатка, в которой стоит комод. Начинают обыскивать именно этот комод. Считают рубашки. За обеденным столом, где час тому назад весело пировали скромные именины, сидит высокий, с наклонностью к полноте молодой человек и записывает, сколько чего обыскивающие находят. Я сажусь за этот же стол, слушаю и смотрю. Слышу, спрашивают:

— Сколько рубашек?

— Семь, — отвечает хозяин, который все время что-то безостановочно говорит.

Начинают считать. Оказывается девять. Возмущение.

— Как не стыдно, — говорит записывающий, — интеллигентный человек, а обманывает.

— Да помилуйте, — говорю я, — какой мужчина знает, сколько у него в комоде белья!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Кроме рубашек, все оказалось правильным. Обыскивающие вошли в столовую.

— Показывайте припасы.

Вынимает наволочку, в которой мука.

— Сколько?

— Пятнадцать фунтов, — отвечает хозяин, — да нас 7 человек здесь живет.

— Какое пятнадцать, — перебивает грудным голосом солдат, — тут целые тридцать будет.

Начинается спор. Мирятся, что 25 и что это на 7 человек. Муки ни у нас, ни у Нилуса нет, а потому хозяин и говорит, что это на всех. То же самое было и с сахаром. Наконец, им, видимо, надоело, и они пошли в следующие комнаты. Хозяин умно повел их после столовой наверх, где спал П. Ал. и где теперь школа. Я не стала подниматься с ними. Пришла и села на диван против стола. Ян сидел все в той же позе, как и полчаса тому назад. Он был в очках, перед ним лежала книга, но он не читал.

Прошло минут 20. Слышим спускающиеся тяжелые шаги по нашей чудесной широкой деревянной лестнице. Еще минута, и стук в дверь. Опять остроумно — он привел их сначала в комнату Яна, а не в мою, которая выходит в холль. Я чувствую, что у меня сердце бьется так, что я едва могу дышать. Я знаю, что в ванной комнате, которая находится между нашими комнатами, стоят огромные сундуки, оставленные румынскими офицерами, которые реквизировали во время войны эти комнаты. Что в этих сундуках, мы не знаем. Вероятно, оружие, мундиры — а за все это не помилуют. Лично у нас мало чего — драгоценности зарыты на очень высокой печке, — вряд ли они туда полезут. Могут только отнять последние деньги. Но мерзее всего, если они начнут рыться в рукописях Яна — и на что еще наткнутся в них.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Входят трое более ли менее интеллигентных людей, а за ними, стуча берданками, вваливаются кривоногие мордастые красноармейцы. Ян, в очках, с необыкновенно свирепым видом, неожиданно для меня заявляет:

— У меня вы обыска не имеете права делать! Вот мой паспорт. Я вышел из возраста, чтобы воевать.

— А запасы, может быть, у вас есть, — вежливо спрашивает тот молодой человек, который возмущался хозяином.

— Запасов, к сожалению, не имею, — отрывисто и зло говорит Ян.

— А оружие? — еще вежливее спрашивает предводитель шайки.

— Не имею. Впрочем, дело ваше, делайте [обыск], — он кидается зажигать электричество.

При свете я испугалась его бледного, грозного лица. Ну, будет дело, зачем он их раздражает, — мелькнуло у меня в голове.

Но солдаты стали пятиться, а молодой человек поклонился со словами: — Извиняюсь. И все вышли тихо один за другим.

Мы долго сидели молча, не в силах произнести ни слова.

Вошла Анюта.

— Ушли, слава Богу, пошли по квартирам теперь, — и смеясь, передает, как один солдат сказал другому: — Дом-то хорош, а живут голоштанники!

Слава Богу, что так кончилось.

Идем в столовую. Вытаскивается из недр бутылочка вина, и мы распиваем ее на радостях. [...]

[Несколько записей без числа. Вероятно, В. Н. боялась после обыска записывать в дневник. Но ясно, что это записи июльские:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] После обеда отправляемся к Полыновым. Отпирает дверь Маргарита Николаевна и предупреждает шепотом:

— У нас комиссар иностранных дел, такой-то. Хлопочем устроить выезд Семену Владимировичу...

Входим в столовую и видим небольшого роста молодого человека, очень почтительно с нами здоровающегося. Я взглядываю на Яна и вижу, что он в том состоянии, когда ему все равно. Он садится и вызывающе молчит. Как на грех, хозяева вышли и мы остаемся втроем. Я, боясь, что Ян не сдержится, начинаю разговор о погоде. Комиссар с радостью поддерживает его. По обычаю этого дома, кой-кто начинает приходить. Настроение натянутое. Всякий предупреждается, что беседа ведется на незначительные темы. Наконец, является виновник этого нового гостя и, после недолгой беседы, комиссар исчезает. Мы облегченно вздыхаем, хотя на душе неприятный осадок. Отъезжающий, смеясь, говорит, что он получил пропуск и еще какую-то бумагу на таком безграмотном языке, что он сохранит их для потомства. Хозяева говорят, что сильно боялись за Яна — такой у него был свирепый вид...

Были у Тальниковых. Виделись там с Куликовскими. Как он всегда весело, с радостной улыбкой здоровается. Но как он за последнее время подался, похудел. Рассказывает, что на-днях он чуть не потерял сознание на улице.

— Уж очень действуют на меня расстрелы и издевательства в чрезвычайке. [...]

— Говорят, палачам платят по 1000 рублей с жертвы плюс все, что на нем.

— Говорят, что расстреливают, и особенно свирепо, две молоденькие девушки. Есть еще один садист, который перед тем, как выдать расстрели-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ваемого палачам, вызывает его из камеры и катается с ним на извозчике, нежно прижимая его к себе...

5/18 июля.

Сидим у Полыновых. Приносится известие, что в порт входят иностранные пароходы. Бежим туда, откуда видно море. Смотрим, молчим, волнуемся. Народу уже много. Говорить боимся, так как в соседе никто не уверен. Опасно показать радость. Опасно задать вопрос. Но что они несут с собой? Освобождение нам и гибель большевикам? Хлеб? Теряемся в догадках. Вечер, пора возвращаться по домам. До утра ничего не узнаем. Дома сидим, пьем вино и делаем тысячу всевозможных предположений. Ночь, а не спится, лезут самые невероятные мысли. [...]

6/19 июля.

Ян вскочил рано. Мне нездоровится, лежу в постели. Натощак Ян выскакивает, чтобы прочесть газету. Быстро возвращается огорченный: транспорт русских пленных, пожелавших возвратиться на родину...

К вечеру уже рассказывается по городу много курьезов. Подходят, например, прибывшие солдаты к фруктовому магазину и покупают фрукты. В корзине ярлык с цыфрой 17. Понимают, что 17 копеек, а оказывается 17 рублей, в 100 раз дороже!

Говорят, что им вместо отправки на родину предлагают вступить в ряды красной армии.

В «Голосе Красноармейца» статьи делаются все свирепее. Особенно отличается Величко. Меня уверяли, что Величко — Гальберштадт, что видели статьи под этим именем, написанные его рукой. Мне не верится.

Облавы, аресты, обыски. Кому грозит чека, тот прячется.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Меня тронул Серкин. Зашел, увидел, что я нездорова, сказал, что принесет курицу. И принес по своей цене — 75 рублей. Удивительно он трогательный человек. Жаловался на жизнь, на народ.

7/20 июля.

Вечер. Сидим на диване в комнате Яна. [...] Вдруг в окно я вижу, как по лестнице поднимаются Недзельские. Мы с Яном разом вскакиваем и кидаемся к двери. Отпираем ее и от волнения не можем ни поздороваться, ни произнести ни слова, до тех пор, пока Владимир Осипович говорит: «Все благополучно». Тогда мы переводим дух и идем в наши комнаты. Вл. О. дает нам письма. Мы их конечно, только бегло просматриваем и просим рассказать впечатления его о Москве и о наших. Впечатления сильные. Недоедание, если не сказать больше, сильнейшее. Люди все так похудели, что даже трудно себе вообразить, — зима была необыкновенно тяжелая: не топили домов, в некоторых квартирах температура была чуть ли не ниже нуля, а приспосабливаться еще не научились, теперь придумывают что-то для будущей зимы. Многие больны «волчьим аппетитом», вечно хочется есть, особенно страдают этим мужчины. Люди перестали ходить друг к другу в гости. — Ваш брат, Дмитрий Николаевич, прямо сказал мне: — Простите, но я вас не приглашаю к себе — у меня положительно нет возможности предложить вам чашки чаю. — С Вашими родителями я раз обедал в той столовой, где они питаются, но что это за обед?.. Словом, материальное положение ужасно. Видался с Юлием Алексеевичем. Я страшно полюбил его, но он настроен, как всегда, очень пессимистически. Скучает по вас. А с Гершензоном я почти разругался: он большевиствует.

— А какой вид у мамы, очень худа?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Да, такая милая подвижная старушка...

Владимир Осипович и не подозревает, что этой фразой он пронзает мне сердце. Год назад, когда мы уезжали из Москвы, мама была еще пожилой дамой, слово старушка ей совсем не подходило. Я сразу поняла, что она сломилась за этот год...

Мы долго сидели и слушали. Вл. Ос. каким-то чудом избег двух крушений. [...] Поручение он свое выполнил прекрасно, месяца два будут они сыты...

На политическое положение он смотрит хорошо, надеется, что Деникин победит. — «Все разлагается. Красноармейцы и те недовольны [...]». Он возлагает надежду на зеленых, в Черниговской губернии появился атаман с шайкой, какой-то Ангел. Говорят, что он настроен против большевиков. А южнее орудует Махно, который неуловим. Говорят, он ездит со своей шайкой на телегах, на бешеных лошадях [...] а девиз, написанный сзади каждой телеги: «Бей жидов, спасай Россию».

— Да и здесь в Одессе уже не то твердое положение, которое было месяц тому назад, когда я уезжал в Москву. Вы подумайте, какой развал кругом. Да и сами здешние большевики нервничают. [...]

— Нет, поверьте, долго большевики не удержатся, они в достаточной мере изжиты.

Посидев до возможного времени, Недзельские ушли. Мы принялись читать письма вслух.

Делаю выписки из них. Вот из письма мамы:

«Пережито много тяжелого и вспоминать даже не хочется. Решила, что человек такая собака, что и не то переживет. Сейчас все таки жизнь кажется раем, по сравнению с зимой и весной... Я как-то привыкла к страданиям, что отношусь ко всему

Для сайта BOOK-OLDS.RU

спокойно. [...] Я своих вещей продала тысяч на пять во время болезни папы и все потратила на него. С твоими деньгами я думаю поступить так: возьму себе половину и постараюсь сохранить их для тебя, и только тогда ими воспользуюсь, если буду так голодать, как голодала осенью. [...] Хлеба нам не дают пятый день. Ехать на Сухаревку ни папа, ни я не можем, да и хлеб стоит 45-50 р. фунт. Придется пить чай, да и то без сахару. Не правда ли веселенькая жизнь? [...]»

А вот из письма брата: — «Кое-что изменилось. Изменились цены на продукты. Чтобы быть мало-мальски сытым нам приходится проживать около 10000 руб. в месяц: изменилось количество продуктов, попадающих в наши желудки. И, если пока не было дня, когда мы ничего бы не ели, то потому лишь, что спускаем все, что имеем — занавески, костюмы, платье, посуду (цены на все вещи достаточно высоки). Но случалось уходить на службу утром и не евши. [...]

Изменились родители. Похудели, постарели лет на пятнадцать, сгорбились, изогнулись, изнервничались. Папа болел всю зиму. Живя в температуре двух градусов, не имея нужного питания, он болел на почве истощения. Болезнь превратила его в глубокого старика. [...] Болезнь папы не единичное явление. Такой болезнью страдают многие. Многие старые люди впадают в детство и со многими мне приходится возиться на службе, изыскивая способы придумать им работу. [...] Да, старым людям сейчас трудно и плохо жить. Молодых в Москве мало. Я не говорю о детях. Но тем молодым, которые остались здесь и которые все же не могут безучастно относиться к страданиям себе подобных, невыразимо тяжело, и они, молодые, изнашиваются, стареют. Износился, постарел и я. [...] Неужели настанет момент, что я когда-нибудь

Для сайта BOOK-OLDS.RU

буду иметь возможность отдохнуть и набраться сил, увидеть южное солнце. [...]

10/23 июля.

Большевики большевиками, а жизнь берет свое. После Петровок очень много свадеб среди простого народа. Не довольствуясь гражданским браком, идут венчаться в церковь. Попадаем и мы на свадьбу. Жениху, сыну умершего друга Яна, 19 лет, невесте — 20. Когда их уговаривали подождать, они возражали: «Мы столько уже пережили, сколько раньше в 30 лет не переживали. Что еще дальше будет? Нужно пользоваться теперь всякой минутой, к тому же у нас хотят реквизировать комнату, вот мы ее и займем!»

[...] Я надеваю лучшее платье. Мы идем. Пять часов вечера (я всегда указываю астрономическое время). Церковь пуста. Народу немного еще. Жених и невеста приходят пешком. Невеста в белом, но без фаты. [...] Пировать будем завтра, в Ольгин день, именины сестры молодого. После венчания грустно расходимся по домам. Все нелепо — и эта скороспелая свадьба, муж-мальчишка, студент Художественной школы, невеста учится танцевать, а теперь при большевиках уже выступает в одном из многочисленных театриков. Оба уже люди новой формации, новых вкусов, стремлений, и хотя они не коммунисты, не большевики, но большевизм уже развращающе действует на их души. Вспоминаем его отца, оригинального и интересного человека, необыкновенно органического. Как был бы чужд ему сын...

11/24 июля.

[...] Я рассказываю, что дорогой я видела по стенам расклеенные афиши, извещающие, что в СКВУЗ'е — нулевой семестр. [...] Я объясняю, что это обозначает подготовительный курс для уни-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

верситета, открытый для того, чтобы революционный народ мог в 6 месяцев, будь то рабочий, мужик от сохи или баба, подготовиться к университету, по всем факультетам, вплоть до математического. Я не шучу. Один вновь испеченный профессор из большевицкой печки доказывает совершенно серьезно, что весь гимназический курс можно пройти в полгода. [...]

Отправляемся на пир. Пьем чай с хворостиками, едим фрукты. Молодые с молодежью веселятся. [...] Среди гостей дама, только что выпущенная из чрезвычайки. Она сравнительно хорошо прожила там, пристроившись к кухне. Но навидалась многого. — «Самое тяжелое для молоденьких барышень, когда их гонят убирать, например, Крымскую гостиницу, населенную красноармейцами, которые кувшины, тазы употребляют совсем не на то, на что они предназначены. [...] если узнают, что она княжна или графиня, тут на самую грязь назначают, а какая ругань стоит, если бы вы знали. Особенно Богородицу не щадят. Прямо жуть брала».

Потом шли разговоры, что куда ни поселится революционный народ, всюду он вносит разрушение: «Вот, — рассказывает один господин, — [...] в лучшие дома и особняки переселили рабочих с Пересыпи, и, Боже, [...] во что они превратили дома и квартиры, я уж не говорю, что все засалено, ободрано, но они ванны превратили в отхожие места, и получились такие очаги заразы, что самые красные врачи говорят, что если не принять экстренных мер, то эпидемии разовьются. [...] Кажется, решено — весь этот революционный пролетариат водворить на старые квартиры. [...]

14/27 июля.

[...] Голод меня мучит лишь иногда по вече-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

рам. А как я боялась недоедания! [...] Правда, мы все меньше и меньше двигаемся и уже очень редко предпринимаем поход на другой конец города.

15/28 июля.

[...] Настроение у всех тяжелое. Арестовывают профессоров. Некоторые успели скрыться. Так Линиченко, дав слово, что отправляется в чека, куда-то ушел, и его не могут найти. Билимович тоже скрывается. Рассказывают, что Левашов скрывался где-то в Отраде, и его кто-то выдал. Ночью пришли, сделали обыск. Он спал, его разбудили, спросили, кто он. Он назвал себя фальшивым именем, но ему не поверили и арестовали. Арестован и проф. Щербаков. Председатель чрезвычайки Калиниченко, студент-медик второго курса, профессорам говорит «ты» и издевается над ними, все грозит расстрелами.

16/29 июля.

Утром библиотека. Там тоже рассказы о расстрелах. — «По ночам, после 12, я слышу пение, — это гонят на расстрел буржуев и заставляют их петь. Вы представляете, какое это ужасное пение», — рассказывает N.

Расстреливать приходится так много, что иногда в мертвецкую привозят еще живого. Недавно сторож так испугался, увидя, что труп зашевелился, что позвонил в чека. И мгновенно оттуда явились палачи и добили несчастного.

Вечером пробираемся по тихим улицам на черствые именины к В. М. Розенбергу. Они ждали нас накануне с пирогом. [...]

У них узнаем, в каком ужасном положении находится детский приют. [...] Дети голодают, у них по одной смене, и, когда нужно стирать, они должны лежать голыми в постели. [...] Мы ничего не можем понять: ведь только 3 месяца тому

Для сайта BOOK-OLDS.RU

назад было реквизировано столько всяких материй, неужели нельзя было одеть хоть один пролетарский приют!

Заходит разговор и о нашем питании. Розенберги советуют обратиться в кооператив, в котором он служит. [...] — Селедки очень хорошие, постное масло, маслины.

17/30 июля.

Идем утром в кооператив. [...] Я давно утром не была в центре города. На Дерибасовской все то же, попадаются лишь мундиры всех времен, начиная с Александра II. Результат обысков, конечно. У Агит-Просвета останавливаемся, читаем газету. Очень путанная сводка. Рядом с признанием побед Деникина, говорится об успехах чуть ли не в Персии. Перед окнами толпа. Все озираются, говорят шепотом.

В кооперативе [...] получаем разрешение на некоторые продукты. Болтаем с милым Шполянским[32], который неизменно острит. Узнаем, что Саша Койранский[33] «в сумасшедшем доме», — он находит, что это единственное место, где теперь можно жить спокойно. [...]

Передается под страшной тайной рассказ: Одного человека арестовали. Он актер. После допроса, за которым он ничего не сказал и никого не выдал, его ввели в соседнюю комнату. К нему подходит седой человек, начинает выслушивать сердце, значит, доктор: «Выдержит», бросает он на ходу. — «Я понял», — рассказывает несчастный, — «что будут пытать и так испугался, что 'выдам', что стал озираться кругом — нет ли чего? Вижу донышко бутылки, вероятно, тут 'пировали'. Нагибаюсь и во мгновение ока перерезываю себе горло. Дорезать до конца не удалось, заметили». Его поместили в больницу, т. к. считали, что он может

Для сайта BOOK-OLDS.RU

многое рассказать, и сразу его «разменять» было жаль. Из больницы ему удалось устроить побег. [...]

20 июля/2 августа.

Нет света, весь город погружен во тьму. Уже много дней нет воды. [...] Теперь на улице из пяти прохожих трое с сосудами для воды, и встречаешь людей положительно всех возрастов. Мне особенно жаль старух. Некоторые едва передвигают ноги.

Слух, что немецкие колонисты отступают[34]. Жутко. Чем все кончится? [...] Слух, что Кронштадт пал.

Яну хотят устроить аванс от украинцев. Хлопочет г-жа Туган-Барановская, по просьбе Овсянико-Куликовского, у которого уже приобретены книги для перевода. Хорошо, если удастся — хоть маленькая помощь. Уж очень не хочется идти служить им. [...] Нет, лучше впроголодь жить. [...]

[С этого дня возобновляются и сохранившиеся в рукописи записи Ив. Ал. Бунина:]

20. VII./2. VIII.

Вчера разрешили ходить до 8 ч. вечера — «в связи с выяснившимся положением» (?) [...] Голодая, мучаясь, мы должны проживать теперь 200 р. в день. Ужас и подумать, что с нами будет, если продлится здесь эта власть. Вечером вчера пошли слухи, подтверждающие отход немцев. [...]

Был у Полыновых; Маргар. Ник. все восхищается моими рассказами, вспоминали с ней [...] о портсигаре из китового уса, который М. Н. подарила когда-то Горькому. [...]

Газеты, как всегда, тошнотворны. О Господи милостивый, — думаешь утром, опять [...] то же: «мы взяли . . . мы оставили . . . без перемен» — и конца этой стервотной драке [...] не видно! [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9 ч. веч. Опять наслушался уверений, что «вот-вот» [...] В порту все то же, до сих пор непонятное, за последнее время особенно, вследствие каких [вероятно, «каких-то». — М. Г.] беспрерывных уходов, приходов, — контр-миноносец и два маленьких, все бегающих и по рейду и куда-то в даль.

Купил — по случаю! — 11 яиц за 88 р. О, анафема, чтоб вам ни дна, ни покрышки — кругом земля изнемогает от всяческого изобилия, колос чуть не в 1/2 аршина, в сто зерен, а хлеб можно только за великое счастье достать за 70-80 р. фунт, картофель дошел до 20 р. фунт и т. д.! [...] Электричества почему-то нету. (Я таки жег за последнее время тайком, — «обнаглел»).

21. VII./3. VIII.

В газетах хвастовство победами над Колчаком, в Алешках и над колонистами, — на Урале «враг в панике, трофеи выясняются» — всегда не иначе, как «трофеи»! [...] А крестьяне будто бы говорят на великолепнейшем русском языке: «Дайте нам коммуну, л и ш ь б ы и з б а в ь т е нас от кадетов!» [...]

Отнес свои рассказы Туган-Барановской. Очень приятна, смесь либеральной интеллигентности с аристократизмом.

Погода отличная, но, хотя я и спокоен сравнительно сегодня, все таки, как всегда, отношение ко всему как во время болезни. Все чуждо, все не нужно, все не то... Многие говорят, что им кажется, что лето еще не начиналось.

Масло фунт уже 160 р., хлеб можно доставать за 90 фунт. Сейчас 4 ч., как всегда, кто-то играет, двор уже почти весь в тени, небо сине-сероватое, акации темно-зеленые, за ними белизна стен в тени и в свете.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна в своей записи от 21 июля/ 3 августа тоже жалуется на дороговизну, а потом пишет:]

Исход немецкого восстания пока еще неизвестен. Передают, что немцы борются мужественно. Все Сергиевское училище на фронте, юнкера в подавляющем большинстве евреи. Среди колонистов много офицеров, скрывающихся от большевиков. Рассказывают, что восстание произошло из-за того, что большевики явились реквизировать лошадей, а колонисты воспротивились. Произошла драка, в результате — несколько убитых коммунистов. Тогда был послан в колонии карательный отряд, который и был встречен вооруженной силой, — много оружия было зарыто в земле.

Мы находимся в напряженном состоянии. Волнуемся. [...]

Заходим к Кондакову[35]! Над ним живут немцы. Кого-то арестовали, как заложника. [...]

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

22. VII./4. VIII.

Почему-то выпустили газеты — «Известия» и «Сов. власть» — хотя сегодня понедельник. Ничего особенного. Махно будто бы убил Григорьева, «война» с колонистами продолжается, красные «дерутся как львы», — так и сказано, — взяли Александровку [...] это напечатано жирным шрифтом, «трофеи выясняются», но между строк можно прочесть, что дело это еще далеко не потушено; говорят даже, что немцы уже перерезали ж. д. на Вознесенск. На базаре еще более пусто и еще более дорого. Прекрасное утро. Прочитав «Известия» на столбе, встретил Ив. Фед. Шмидта. Он зашел ко мне. — Кабачки нынче 50 р. десяток.

Матросы пудрят шеи, носят на голой груди бриллиант[овые] кулоны. Госуд. Межд. Красный

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Крест чрезвыч[айно] переводит деньги за границу, арестовывают членов этого креста для отвода глаз.

Как отвыкли все писать и получать письма!

Скучно ужасно, холера давит душу как туча. Ах, если бы хоть к чорту на рога отсюда! [...]

[Вера Николаевна записывает:]

22 Июля/4 августа.

Дела Деникина идут хорошо. Уже давно носятся слухи, что большевики вот вот уйдут. Комиссары нервничают, некоторые уже собираются отправлять свои семьи из Одессы. Другие умоляют тех, кого они охраняли эти месяцы, спасти близких при добровольцах.

Слухи идут волнами. Поднимаются, поднимаются, потом падают. Большевики успокаиваются, а среди нас наступает уныние. [...]

Ведро воды стоит от 5 руб. до 10, если принести к нам, а кто дальше живет, еще дороже.

[Запись Бунина:]

23. VII./5. VIII.

Снова прекрасный летний день, каких было много, — то же серовато-синее чистое небо, зелень акаций, солнце, белизна стен, — и никакой видимой перемены, все буднично. А меж тем вчера, как никогда, была уверенность, что нынче должна быть перемена непременно.

Вчера после трех пришел Кондаков, безнадежно говорил о будущем, не веря в прочность ни Колч[ака], ни Деникина, вспоминал жестокий отзыв Мишле[36] и его пророчества о том, что должно быть в России и что вот уже осуществилось на наших глазах. Потом пришел Федоров и г-жа Розенталь, — принесла весть об эвакуации большев[иков] из Одессы. Кондаков не отрицает эвакуации, но говорит, что она делается для того, что

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бы грабить город и куда то вывозить, расхищать награбленное, — тянут, в самом деле, все, что только можно, не только ценности, мануфактуру, остатки продовольствия, но даже все имущество ограбляемых домов, вплоть до мебели, — и для того, что бы разворовать те 50 миллионов, которые, говорят, прислали из Киева на предмет этой эвакуации. Потом прибежал Коля: у них был [неразборчиво написанное слово, поставленное в кавычки. — М. Г.], которому [неясно. — М. Г.] официально заявил об этой эвакуации. Пошел к ним. «Одесса окружена повстанцами. Подвойский прислал телеграмму об эвакуации Одессы в 72 ч., перехвачено радио Саблина — сообщает Деник[ину], что взял Очаков, совершил дессант в Коблеве и просит позволения занять Одессу». [...] Как было не верить? Но вот опять день, каких было много, вышли газеты, долбящие все то же, и ни звуком не намекающие на эту передачу... [...]

Вчера говорили о новых многочисл[енных] арестах и расстрелах. Нынче похороны «доблестных борцов» с немцами [...]

4 ч. дня в городе. Читал приказы. Уныние снова. О проклятая жизнь!

[Вера Николаевна в записи от 23 июля/5 августа опять жалуется на дороговизну и на то, что продукты продолжают исчезать, а затем продолжает:]

Серкин прислал нам мяса и хлеба — тронул он меня до чрезвычайности. Вот простой человек, а какой благородный, ни за что не возьмет дороже, чем ему самому стоило.

[...] [Про Кондакова:] Н. П. смотрит на Россию очень печально, он не верит добровольцам, не верит государственности русских людей. Ему 76 лет, но он бодрый, высокий, плотный человек, обо

Для сайта BOOK-OLDS.RU

всем говорит резко и уверенно. Большевиков ненавидит, как только может ненавидеть культурный человек, так много сделавший в науке. [...]

[Бунин записывает:]

24. VII./6. VIII.

[...] Ночи прекрасные, почти половина луны. В одиннадцатом часу смотрел в открытое окно из окна Веры. Луна уже низко, за домами, ее не видно, сумрак, мертвая тишина, ни единого огня, ни души, только собака грызет кость, — откуда она могла взять теперь *кость*? [...] Соверш[енно] мертвый город! На ночь опять читал «Обрыв». Как длинно, как умно нередко! А все таки это головой сделано. Скучно читать. [...] Сколько томов культивировалось в подражание этому Марку! Даже и Горький из него.

Нынче опять такой прекрасный день, жаркий на солнце, с прохладным ветерком в тени. Были с Верой в Театральном кружке.

[...] Комендант печатает в газете свое вчерашнее объявление — о лживости слухов, что они уходят: «Эвакуация, правда, есть, но это мы вывозим из Одессы излишние запасы продовольствия» и еще чего-то. Бог мой, это в Одессе-то «излишние запасы»! [...] На базаре говорят, что мужики так ненавидят большевиков, что свиньям льют молоко, бросают кабачки, а в Одессу не хотят везти.

Слух: Бэла-Кун расстрелян, прочие комиссары, пытавшиеся бежать из Венгрии, арестованы. [...]

[Из записи Веры Николаевны от 24 июля/6 августа:]

[...] Рассказывают, что Ратнер и Кулябко-Карецкий сидят в прекрасной комнате с видом на

Для сайта BOOK-OLDS.RU

море, стол ломится от яств. У них была Геккер, она была в ужасе, что они в чека и вдруг... такое изобилие. Сидят себе социалисты и спорят об оттенках, каждый своей партии — и какое им дело до действительной жизни. [...]

Почти весь день ощущаю голод...

Одесса имеет теперь новую черту — в воздухе раздается щелканье. Дети почти все в деревянных сандалиях.

Вечером, как всегда, наши сожители играют в домино, а затем Ян отправляется к ним распить одну бутылку вина. Я же пишу при светильниках дневник...

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

25. VII./7. VIII.

Во всех газетах все то же, что вчера. [...] Возвращаясь, чувствовал головокружение и так тянуло из пустого желудка, — от голода. В магазин заходил — хоть шаром покати! «Нечего есть!» — Это я все таки в первый раз в жизни чувствую. Весь город голоден. А все обычно, солнце светит, люди идут. Прошел на базар — сколько торгующих вещами. На камнях, на соре, навозе — кучка овощей, картошек — 23 р[убля] ф[унт]. Скрежетал зубами. «Революционеры, республиканцы, чтоб вам адово дно пробить, дикари проклятые!»

«Распаковываются», — говорит один. Да, м[ожет] б[ыть], сами ничего не знают и трусят омерзительно. Другие твердят — «все равно уйдут, положение их отчаянное, про победы все врут, путь до Вознесенска вовсе не свободен» и т. д. [...]

Вечером. Опять! «Раковский привез нынче в 6 ч. вечера требование сколь можно скорее оставить Одессу». [...]

Какая зверская дичь! «Невмешательство»! Такая огромная и богатейшая страна в руках деру-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

щихся дикарей — и никто не смирит это животное!

Какая гнусность! Все горит, хлопает деревянными сандалиями, залито водой — *все* с утра до вечера таскают воду, с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить, что сожрать. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все прихлопнуто, все издохло. Да, даром это не пройдет! [...]

Грабеж продолжается — гомерический. Ломбард — один ломбард — ограблен в Одессе на 38 милл. ценностями, т. е. по теперешнему чуть не на 1/2 миллиарда!

26. VII./8. VIII.

Слышал вчера, что будут статьи, подготовл[яющие] публику к падению Венгрии. И точно, нынче [...]

Ужас подумать, что мы вот уже почти 4 месяца *ровно* ничего не знаем об европейских делах — и в какое время! — благодаря этому готентотскому пленению!

Вечером. Деникин взял, по слухам, Корестовку, приближается к Знаменке, взял Черкассы, Пирятин, Лубны, Хотов, Лохвацу, весь путь от Ромодан до Ромен. Народ говорит, что немцы отбили Люстдорф. [...] У власти хватило ума отправлять по деревням труппы актеров — в какой [вероятно, «какой-то». — М. Г.] деревне, говорят, такая труппа вся перебита мужиками, из 30 музыкантов евреев, говорят, вернулось только 4.

Позавчера вечером, идя с Верой к Розенберг, я в первый раз в жизни увидел не на сцене, а на улице, человека с наклеенными усами и бородкой. Это так ударило по глазам, что я в ужасе остановился как пораженный молнией. Хлеб 150 р. фунт.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Сбоку приписано:] Зажглось электричество, — топят костями.

27. VII./9. VIII.

«Красная Венгрия пала под ударами империалистических хищников». [...] «Восстание кулаков» растет, — оказывается и под Николаем [вероятно, Николаевым. — М. Г.] началось то же, что и под Одессой, хотя, конечно, и нынче то же, что читаю уже 3 месяца буквально каждый день: «восстание успешно ликвидируется». С одесск[ого] фронта тоже победоносные [следует неразборчиво написанное слово. — М. Г.], но народ говорит, что немцы опять взяли Люстдорф. [...] Сейчас опять слышна музыка — опять «торжеств[енные] похороны героев». Из-за [из? — М. Г.] этого сделана какая-то дьявольская забава, от которой душу переворачивает. — Масло 275 р. фунт.

[Вера Николаевна в записи от 27 июля/9 августа, между прочим, рассказывает:]

[...] гулять по улицам тоже противно...

— Я не могу видеть их. Мне противна вся плоть их, человечина, как-то вся выступившая наружу, — говорит Ян теперь почти всегда, когда мы с ним идем по людным улицам.

И вот на-днях [...] очень милая женщина, привела меня в архиерейский сад [...] на Софийской улице, сзади архиерейской церкви. [...] фруктовые деревья, синее море, сверкающее из-за них, зеленая трава, на которую можно лечь. [...] Непонятно, почему большевики пропустили этот райский уголок, как не добрались они до него? Ну, как бы не сглазить...

Теперь я каждое утро провожу там, иногда одна, иногда с кем-нибудь из знакомых. Как он уединен, как хорошо он спрятан от глаз улицы!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Здесь место встреч самых ярых контр-революционеров. [...] Бывают в нем Кондаков Никод. Павлович со своей секретаршей. [...] Он живет в квартире проф. Линиченко, который обманул чекистов и где-то скрывается. Из-за этого были неприятности у Н. П. с большевиками во время обыска и требования, чтобы он указал, где спрятан его хозяин.

Никодим Павлович не голодает, так как его секретарша очень энергичный и ловкий человек, умеет доставать провизию. [...] Но стирать свое белье Кондакову приходится самому, а ему 76 лет, он — мировой ученый.

[Запись Бунина:]

28. VII./10. VIII.

«К оружию! Революция на Украине в опасности!» [...] «[...] Мы на Голгофе... Неумолимо сжимаются клещи Деникина и Петлюры...» На фронте, однако, везде «успехи», все восстания успешно ликвидируются (в том числе и новые — еще новые! — на левом берегу Буга), «красные привыкли побеждать», «Деникин рвет и мечет от своих последних неудач», «набеги остатков Петлюровщины уже совсем выдохлись». Все напечатано в одной и той же «Борьбе», почти рядом! [...]

3 ч. Гулял. Второй день прохладно, серо. Скука, снова будни и безнадежность. Глядел на мертвый порт [...] На ограде лежит красноармеец, курит. Обмотки. — И желтые башмаки, какие бывают от Питонэ, Дейса — отнятые, конечно, у буржуя. [...]

[В этот же день Вера Николаевна записывает:]

Очень тяжелые известия об арестованных профессорах. Свирепствует Калиниченко. Говорит им «ты», все время грозит расстрелами... Но пока расстрелян один Левашов. За него хлопотали мно-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гие, вплоть до еврейской общины, которая доказывала, что несмотря на то, что он был ярый юдофоб, он у постели больного никогда не делал никакой разницы, бывал всегда безупречен. Щепкин отказался хлопотать о нем...

О расстреле Левашова прежде всего услышали от сторожа, который его узнал в морге среди привезенных трупов расстреленных.

Говорят, профессор Щербаков заболевает психически. [...]

Удается спасать многих госпоже Геккер. Я знаю, что благодаря ей, спасен один чиновник, знакомый Куликовских, он при губернаторе заведовал заграничными паспортами. Удалось доказать, что он выдал по чьей-то просьбе паспорт и одному из теперешних властителей. [...]

Но чаще всего удается освобождать из ч. к. за деньги. Освобождение художника Ганского стоило семьдесят тысяч рублей. Торговались долго. Арестован он был, как крупный землевладелец и яростный юдофоб. Сидел он на Маразлиевской и писал портреты своих тюремщиков. [...]

А сколько ошибок — расстреливают одного, вместо другого. Бывают и чудесные спасения, например, Клименко...

Сводки, даже оффициальные, сообщают ежедневно, что Деникин берет город за городом. Настроение у нас поднимается. Появляются новые слухи, каждые два, три дня — большевики уходят. Некоторые дома освобождаются от нынешних властителей — видишь, как неизвестно куда увозится мебель, инвентарь, зеркало, шкап и т. д. Встречаю красноармейца на извозчике с двуспальной кроватью. Куда он ее тащит? [...] Слухов рождается опять такое множество, что голова идет кругом.

Уже многие видели десант в Люстдорфе и на Большом Фонтане. Многим мерещатся корабли в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

море. [...] чудятся войска, приближающиеся со стороны Николаева...

Теперь большинство населения, как говорит наша горничная Анюта, «жаждет перемены власти». Всем надоело жить впроголодь, таскать воду из порта, слышать постоянную стрельбу, сидеть в темноте и, несмотря на весь страх, который желает власть внушить своим подданным, [народ. — М. Г.] совершенно ее не уважает. Да, внешне большевиков почти никто не приял и не примет, конечно, никогда. Но внутренне большевизм уже многих развратил и, вероятно, будет развращать еще долго. [...]

[...] Всем хочется и сладко есть, и мягко спать, и по-модному одеваться как раз в то время, когда проповедуется чуть ли не аскетизм и требуется уничтожение всякой собственности.

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

29. VII./11. VIII.

Был в Театральном, чтобы решить с Орестом Григор[ьевичем] Зеленюком (?) об издании моих книг. Он занят. Видел много знакомых. Погода чуть прохладная, превосходная, солнечный день. Море удивит[ельной] синевы, прелестные облака над противополож[ным] берегом.

Туча слухов. Взята Знаменка, Александрия, вчера в 12 ч. «взят Херсон» — опять! «Эвакуация должна быть завершена к 15 авг.». [...] Поговаривают опять о Петлюре, будь он проклят [...] многому не верится, все это уже не возбуждает; но кажется, что-то есть похожее на правду. [...]

Бурный прилив слухов: взят Орел, Чернигов, Нежин, Белая Церковь, Киев! [...] Над Одессой летают аэропланы. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

30. VII./12. VIII.

Ничего подобного! [...] Издеваются над слухами. Да, я м[ожет] б[ыть], прав — многое сами пускают.

«Чрезкомснаб, Свуз» — количество таких слов все растет!

4 ч. Был утром у Койранского. Он пессимистичен. Уходя, встретил З. «Дайте сюда ваше ухо: 15 го!» И так твердо, что сбил меня с толку.

1./14. VIII.

Дней шесть тому назад пустили слух о депеше Троцкого: «положение на фронте улучшилось. Одессу не эвакуировать.» Затем об [этом. — М. Г.] не было ни слуху, ни духу и власть открыто говорила об эвакуации. Но третьего дня депешу эту воскресили, а вчера уже сами правители совали ее в нос чуть не всякому желающему и уже говорили, что она т о л ь к о ч т о получена вместе с известием, что с севера на Украину двинуто, по одной версии, 48 дивизий, — цифра вполне идиотская, — по другой двадцать дивизий, по третьей — 4 латышских полка и т. д. И цель была достигнута — буквально весь город пал духом, тем более, что частично эта «эвакуация» и впрямь была прекращена, — т. е. прекратили расформировывать советск[ие] учреждения и служащим заявили диаметрально-противоположное тому, что заявляли позавчера-вчера. Соответственно с этим сильно подняли нынче тон и газеты: «Панике нет места!» «Прочь малодушие!» [...] «передают, что Троцкий двинул с К о л ч а к о в с к о г о ф р о н т а ч е р е з Г о м е л ь», — каково! — «войска на Украину» [...] Все это, конечно, брехня, — известно то, что позавчера состоялось очень таинств[енное] заседание коммунистов, на котором было констатировано, что положение отчаянное, что надо

Для сайта BOOK-OLDS.RU

уходить в подполье, оставаться по мере возможности в Одессе с целью терроризма и разложения Деникинцев, когда они придут, а вместе с тем и твердо решено сделать наглую и дерзкую мину при плохой игре, «резко изменить настроение в городе», — однако, факт тот, что они о п я т ь остаются!

Газеты нынче цитируют слова Троцкого, где-то на днях им сказанные: «Я-бы был очень опечален, если бы мне сказали, что я плохой журналист; но когда мне говорят, что я плохой полководец, то я отвечу, что я учусь и, научившись, буду хорошим!» [...]

В Балте «белые звери устроили погром, душу леденящий: убито 1300 евреев, из них 500 м а л ю т о к».

Немцев восстание действительно заглохло. Нынче газеты победоносно сообщают, что многие «селения восставших кулаков снесены красными до основания». И точно — по городу ходят слухи о чудовищных разгромах, учиняемых красноармейцами в немецк[их] колониях. Казни в Одессе продолжаются с невероятной свирепостью. Позапрошлую ночь, говорят, расстреляли человек 60. Убивающий получает тысячу рублей за каждого убитого и его о д е ж д у. Матросы, говорят, совсем осатанели от пьянства, от кокаина, от безнаказанности: — теперь они часто врываются по ночам к заключенным уже без приказов [...] пьяные и убивают кого попало; недавно ворвались и кинулись убивать какую-то женщину, заключенную вместе с ребенком. Она закричала, что бы ее пощадили ради ребенка, но матросы убили и ее, и ребенка, крикнув: «дадим и ребеночку твоему м а с л и н к у!» Для потех выгоняют некот[орых] заключенных во двор чрезвычайки и заставляют бе-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гать, а сами стреляют, нарочно долго делая промахи.

Вчера ночью опять думал чуть не со слезами — «какие ночи, какая луна, а ты сиди, не смей шаг сделать — почему?» Да, дьявол не издевался-бы так, попади ему в лапы!

Вечером. Слухи: взят Бобруйск, поляками. Гомель вот-вот возьмут [...] добровольцы будто-бы верстах в 30-и от Николаева. А про Херсон, кажется, соврали — теперь уж говорят, что взят будто-бы только форштат Херсона.

Нынче утром был деловой разговор с этим Зелюником, что-ли. Хочет взят «Господ[ина] из Сан-Фр[анциско]», все рассказы этой книги за гроши. [...]

Репортер из «Рус[ского] Слова» — «инспектор искусств» во всей России. Говорят, что сын Серафимовича[37] вполне зверь. Сколько он убил! Отец одобряет, «что ж, это борьба!»

2./15. VIII.

В «Борьбе» передовая: «Человечество никогда еще не было свидетелем таких грандиозных событий... в последней отчаянной схватке бьются прихвостни контр-революции с революцией на Украине... Наша победа близка, несмотря на наши частичные неуспехи...» и т. д. [...] «Хищники хотят посадить на трон в Венгрии Фердинанда румынского...» но — «мировая революция надвигается... в Англии стачка хлебопеков и полицейских... в Гамбурге тоже забастовка...», в Турине уличные бои, в городах Болгарии советская власть... Поляки издеваются в Вильне над социалистами... выпороли раввина Рубинштейна, известн[ого] журналиста С. Анского, известн[ого] поэта Иоффе, критика Пичета, писателя Байтера... В Одессе вчера важное заседание пленума Совдепа, ораторы громили

Для сайта BOOK-OLDS.RU

контр-революционеров, появившихся среди рабочих в Одессе. [...] Вообще тон всех газет необыкновенно наглый, вызывающий, победоносный — решение «резко изменить настроение Одессы» осуществляется. Цены падают, хлеб уже 15-13 р. ф., холера растет, воды по прежнему нет, весь город продолжает таскать ее из [неразборчиво написанное слово. — М. Г.] колодцев, что есть во дворах некот[орых] домов. Буржуазии приказывают нынче явиться на учет, — после учета она вся будет отправлена на полевые работы. Угрожают, что через несколько дней будет обход домов и расстреляют «на месте» тех буржуев, кои на этот учет не явились. [...]

Щепкин, который недавно закрыл Университетскую церковь и отправил в чрезвычайку список тех служителей, кои подали протест против этого закрытия, на днях говорил открыто, что надо «лампу прикрутить», т. е. уходить в подполье, а теперь снова поднял голову.

4./17. VIII.

Вчера опять у всех уверенность, возбужденность — «скоро, скоро!», утверждения, что взят Херсон, Николаев. [...] Пошел слух по городу, что кто-то читал в Крымских газетах, что Колчак взял Самару, Казань (а по словам иных — и Нижний!). Вечером секретная сводка такова: Саратов обойден с с[еверо]-з[апада], взят район Глазуновки (под Орлом — и даже Орел!), взят Бахмач, поляки подошли к Гомелю, Киев обстреливается добровольцами. [...]

Нынче опять один из тех многочисл[енных] за последние месяцы дней, который хочется как нибудь истратить поскорее на ерунду — на бритье, уборку стола, франц[узский] язык и т. д. Конечно, все время сидит где-то внутри надежда на что-то,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

а когда одолевает волна безнадежности и горя, ждешь, что может быть Бог чем-нибудь вознаградит за эту боль, но преобладающее — все же боль. Вчера зашли с Верой в архиерейск[ую] церковь — опять почти восторгом охватило пенье, поклоны друг другу священнослужителей, мир всего того, м[ожет] б[ыть], младенческого, бедного с высшей точки зрения, но все-же прекрасного, что отложилось в грязной и неизменно скотск[ой] человеч[еской] жизни, мир, где [неразборчиво написанное слово. — М. Г.] как будто кем-то всякое земное страдание, мир истовости, чистоты, пристойности... Вышли в архиерейск[ий] садик — на рейде два миноносца, а за молом 2 транспорта: опять привезли русских солдат из Фр[анции]. Значит, опять «две державы» — Франция и «советск[ая] власть» честь честью сносятся, ведут дело, переговоры — и свидетельство того, что Одесса далека от освобождения.

Встретили знакомых, все: «погодите еще судить, почем знать, м[ожет] б[ыть], это вовсе не то» и т. д. Нынче это, конечно, в газетах подтверждается. А газета (читал только «Борьбу») ужасна — о как изболело сердце от этой скотской грубости! Опять свирепые угрозы — «Красный террор, массовое уничтожение всех подлых гадин, врагов революции должно стать фактом!» — точно этого факта еще нет! [...]

6./19. VIII.

В субботу 3-го взял в «Днепро-Союзе» восемь тысяч авансом за право перевести некот[орые] мои рассказы на малорусский язык. Решение этого дела зависело от Алексея Павловича Марковского, с ним я и виделся по этому поводу.

Вчера твердый слух о взятии Херсона и Николаева. Красные перед бегством из Николаева

Для сайта BOOK-OLDS.RU

будто бы грабили город и теперь, грабя по пути, идут на Одессу — уже против большевиков. Говорят, что С. и Калиниченко бежали в 2 ч. ночи с 4 на 5 на катере. [...] Там, где обычно святцы — перечисление убийств, совершенных революционерами. Хлеб 35 р., ветчина 280 р.

Нынче проснулся оч[ень] рано. Погода превосходная.

Когда у Чрезвычайки сменяют караул, играют каждый раз Интернационал. [...]

Был 2 раза в архиерейском саду. Вид порта все поражает — мертвая страна — все в порту ободранное, ржавое, облупленное... торчат трубы давно [неразборчиво написано. — М. Г.] заводов... «Демократия!» Как ей-то не гадко! Лень, тунеядство. [...] Как все, кого вижу, ненавидят большевиков, только и живут жаждой их ухода! Прибывшие из Франции все дивятся дороговизне, темному, голодному городу. [...] Говорят, что много красных прибежало из под Николаева — больные, ободранные. [...]

9./22. VIII.

В «Борьбе» опять — «последнее напряжение, еще удар — и победа за нами!» [...] Много учреждений «свернулось», т. е., как говорят, перевязали бумаги веревками и бросили, а служащих отпустили, не платя жалования даже за прежние месяцы; идут и разные «реквизиции»: на складах реквизируют напр. перец, консервы. [...]

По перехвач[енному] радио белых они будто бы уже в 30-40 верстах от Одессы. Господи, да неужели это наконец будет! [...]

Погода райская, с признаками осени. От скверного питания худею, живот пучит, по ночам просыпаюсь с бьющимся сердцем, со страхом и тоской. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Грабеж идет чудовищный: раздают что-попало служащим-коммунистам — чай, кофе, какао, кожи, вина и т. д. Вина, впрочем, говорят, матросня и проч. товарищи почти все выпили ранее — Мартель особенно. [...]

«Я вам раньше предупреждаю» — слышу на улице. Да, и язык уже давно сломался, и у мужиков, и у рабочих.

Летал гидроаэроплан, разбрасывал прокламации Деникина. Некоторые читали, рассказать не умеют. [...]

[На этом кончаются записи этого периода. Дальнейшие события рассказаны в дневнике Веры Николаевны. Привожу выдержки:]

11/24 августа.

Вчера по дороге в архиерейский сад я встретила Ол. К. З., которая сообщила, что в Люстдорфе десант. Я не придала значения этому сообщению [...] потом [...] слышала рассказ о 16 вымпелах у Люстдорфа, но все же отправилась в библиотеку, где Л. М. Дерибас подтвердил мне о десанте и прибавил, что большевики снаряжаются, чтобы защитить Одессу. [...] После завтрака зашла Марг. Ник. [Полынова] и сообщила [...], что лучше не выходить после 4-х на улицу. Но мы, конечно, пошли. На Елизаветинской долго сидели [...] на балконе и видели, как удирали на извозчиках и в колясках матросы, евреи и другие деятели революции. Причем все удиравшие держали ружья наперевес, впрочем, некоторые довольствовались револьвером. Смешнее всего, что никто на них не нападал. Мы долго наблюдали, как выходили и выезжали из Комендатуры переряженные люди. Один в синей блузе, которая очень топорщилась, вероятно, под ней много уносил с собой этот коммунист. Один велосипедист тащился че-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

репашьим шагом, — к велосипеду был привязан белый сверток, конечно, очень тяжелый.

[...] Длинный узкий снаряд, пробивший дом насквозь с Преображенской на Елизаветинскую, ударился в дом, что на углу Софийской и Торговой, но не разорвался и, сбив слегка штукатурку, упал на мостовую. Я видела белый шарообразный пар над мостовой, а выше белый столб, похожий на известковый.

Сегодня утром я проснулась от пушечной пальбы. Было 6 часов утра. Ян уже не спал, мы мигом оделись. Когда пальба прекратилась, Ян исчез. Он был в соборе, и при нем вынесли из алтаря Георгиевское знамя.

Я вышла на базар. Цены на все очень поднялись. Потом мы с Яном встречали на Херсонской въезжавшие автомобили с добровольцами: масса цветов, единодушное ура, многие плакали. Лица у добровольцев утомленные, но хорошие.

5 ч. 30 м. дня. Опять пальба.

Красный балаган окончен, все звезды сняты, красная тюрьма уже не красуется при въезде на Николаевский бульвар. Одна женщина хорошо сказала про это большевистское украшение: «тюрьма свободы».

Полтора часа идет бомбардировка. Говорят, засела на Чумке кучка большевиков. В порту начался десант, вот они и палят.

Погода дождливая. Настроение тревожно-серьезное.

12/25 августа.

[...] Мы решили уехать из Одессы, при первой возможности, но куда — еще не знаем. Власть еще не укрепилась. Нужно подождать, оглядеться. Жутко пускаться теперь куда-либо, но нельзя же вторую зиму проводить в этом милом городе.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13/26 августа.

Познакомились с Апухтиным, который приехал сюда в качестве товарища министра печати. Высокий брюнет с пушистой бородой, без левой руки. Он организовывает агитационный отдел при добровольческой армии. Занял то помещение, где был «Буп» и назначил для устройства всего Клименко. Почему? Не знаю. — Приглашают Яна. Ян был у Апухтина и находит его несведущим в литературе человеком.

15/28 августа.

Вчера вели в бывшую чрезвычайку женщину, брюнетку, хромую, которая всегда ходила в матроске — «товарищ Лиза». Она кричала толпе, что 700 чел[овек] она сама расстреляла и еще расстреляет 1000. Толпа чуть не растерзала ее. При Яне провели ту хорошенькую еврейку, очень молоденькую, которую мы видели на бульваре в тот день, когда Ян совершенно пришел в уныние, увидя на ее руке повязку с буквами Ч. К. Она еще кокетничала в тот вечер с очень молодым и щеголеватым товарищем с такой же повязкой...

В газетах пишут, что арестован Северный, который так раскаивался, что выпустил из своих рук Колчака.

Была у Розенталь. Она полна слухов о зверствах, которые теперь совершаются. *Вероятно, работают под добровольцев большевики.* Необходимо, чтобы как можно скорее прибыла в Одессу твердая власть.

Киев пал.

16/29 августа.

Неприятная новость: Кунянск взят назад. [...]

Добровольческая армия основывает во всех завоеванных городах газету. В Одессу для этой цели и прислан Апухтин, который во главе своего

Для сайта BOOK-OLDS.RU

агитационного дела поставил Клименко. [...] Клименко поручает Берлянду заведование театрами и изданием брошюр, книг. Берлянду, который был вхож в «буп». [...]

Ник. Бор. П. осматривал чрезвычайку. Впечатление гнетущее. Во дворе рогожи, пропитанные кровью, веревки. Это для того, чтобы привязывать к телу груз, перед тем, как бросить его в море. Одежды, вернее остатки одежд. Особенно тяжелое впечатление производят подвалы, где держали обреченных перед расстрелом. Темницы в Венеции кажутся пустяками.

Товарищу Лизе, которая выкалывала глаза перед расстрелом, лет 14-16. Что за выродок!

Около Чрезвычайки волнуется народ. Настроен антисемитски. Одна старушка очень плакала. Я спросила, о чем? — «Племянника убили, гимназиста 7-го класса».

Говорят, что палачей будут вешать на площади. Народ уверяет, что их будут возить и показывать в клетках.

17/30 августа.

[...] Панихида, молебен в соборе и парад на площади. Я, к сожалению, не была. Ян рассказывал, что за панихидой отдельно молятся о боляринах (Корнилове, Алексееве и, вероятно, Духонине) Лавре, Михаиле и Сергии. За молебном провозглашали многая лета «Верховному Правителю Державы Российской» благоверному болярину Александру (Колчаку).

На площади Шиллинг провозгласил: За наших союзников англичан! И только? — Шиллинг похож на немца «как встал, так и простоял, не двигаясь, все богослужение». Ян на площади подошел к нему. Около него оказался Воля Брянский[41], который их и познакомил. Воля, кажется, в высоких чинах.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян говорит, что приятно видеть такой порядок. Все время играли Преображенский марш. Я никогда не думала, что Ян может находиться в таком патриотическом настроении. Он весь горит.

Мы часто заводим речь о будущем. И не можем решить, отправляться ли нам в Крым или заграницу, или оставаться здесь. Здесь очень приелось, а удастся ли устроиться в Крыму? [...]

18/31 августа.

[...] Надежда попасть этой осенью в Москву у меня пропала. Как у меня болит сердце за оставшихся там. [...] И нет ни сил, ни возможности помочь им. [...] Неужели не увижу я их? [...]

Был Воля Брянский с Георгием в погонах. [...] он начальник по гражданскому управлению. Захлебывается от своего высокого положения. [...] Отец — товарищ министра при доб[ровольческой] армии. [...] Воля рассказывал, что в Керчи было восстание и он бережет шашку, на которой следы крови! Все таки, все это очень чуждо мне. [...]

20 авг./2 сент.

Последние дни Ян очень волновался из-за газеты, которую основывает Добровольческая армия. Три дня сряду были заседания. Наконец, сговорились. Редактором будет Дм. Ник. Ов[сянико]-Куликовский. Сначала против него восстал Койранский в очень резкой форме. Но Ян уладил. [...] Все сговорились и почти каждый стал заведующим тем или иным отделом. Сегодня обсуждали гонорары. [...]

24 авг./6 сент.

[...] Вчера был Валя Катаев. Читал стихи. Он сделал успехи. Но все же самомнение его во много раз больше его таланта. Ян долго говорил с ним и говорил хорошо, браня и наставляя, сове-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

товал переменить жизнь, стать выше в нравственном отношении, но мне все казалось, что до сердца Вали его слова не доходили. Я вспомнила, что какая-то поэтесса сказала, что Катаев из конины. Впрочем, может быть, подрастет, поймет. Ему теперь не стыдно того, что он делает. Ян говорил ему: «Вы — злы, завистливы, честолюбивы». Советовал ему переменить город, общество, заняться самообразованием. Валя не обижался, но не чувствовалось, что он всем этим проникается. Меня удивляет, что Валя так спокойно относится к Яну. Нет в нем юношеского волнения. Он говорит, что ему дорого лишь мнение Яна, а раз это так, то как-то странно такое спокойствие. Ян ему говорил: «Ведь если я с вами говорю после всего того, что вы натворили, то, значит, у меня пересиливает *к вам чувство хорошее,* ведь с Карменом я теперь не кланяюсь и не буду кланяться. Раз вы поэт, вы еще более должны быть строги к себе». Упрекал Ян его и за словесность в стихах: «Вы все такие словесники, что просто ужас».

Валя ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое, настоящее. «Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты».

Был присяжный поверенный, офицер, потерявший ногу. [...] Он просидел 4 дня в харьковск[ой] чрезвычайке. Очень накален против евреев. Рассказывал, как при нем снимали допросы, после чего расстреливали в комнате рядом «сухими выстрелами». Раз [...] с ним сидел молоденький студент, только что кончивший гимназию, и горько плакал. Его вызвали на допрос в соседнюю комнату, обратно принесли с отрезанным ухом, язы-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ком, с вырезанными погонами на плечах — и все только за то, что его брат доброволец. Как осуждать, если брат его до конца дней своих не будет выносить слова «еврей». Конечно, это дурно, но понятно. [...]

Мне очень жаль Кипенов, Розенталь и им подобных. Тяжело им будет, какую обильную жатву пожнут теперь юдофобы. Враги евреев — полуграмотные мальчишки [...], которые за последние годы приобрели наглость и деньги, вместо самых элементарных знаний и правил общежития.

Вечером были Розенталь, Кипен, Недзельский, который принимает участие в какой-то газете, где будут только русские.

[...] Я только что прочла Наживина «Что же нам делать?» [...] Он знает народ, знает мужика. Я в первый раз ощутила весь ужас, который произвела революция, как-то впервые ощутила это всем организмом.

29 авг./11 сент.

[...] Была у Кондакова. Он громил газету. Со страшной злобой говорил о Овсянико-Куликовском. [...]

Не знаю, будет ли Ян читать лекцию. Но то, что он написал насчет милосердия меня очень радует. [...] Зная, что он перенес за время большевиков, я боялась, что он не станет писать. А теперь я покойна. [...]

5/18 сентября.

[...] Во-первых, Брянский молод для своего положения, чувствуется, что он и сам удивлен этому и часто говорит лишнее, во-вторых, он по природе своей несерьезный человек, в сущности любит выпить, закусить, в пьяном виде пофорсить [...], в третьих, нет у него государственного понимания, и это самое печальное. Правда, он не-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

глуп, очень способен, цепок, быстро во всем разбирается. Но все это, так сказать, без верхнего этажа. [...] Он, между прочим, рассказал, что теперь он обеспечен, так как ему посчастливилось купить дешево табаку и продать его дорого. [...] Он рассказывал, что в нескольких местах приходили депутации от крестьян с выражением неудовольствия, что добровольческая армия за «жидов», что крестьяне жалеют, что не встали за Григорьева или Махно, так как те «против жидов».

Перехвачена 61 телеграмма о том, чтобы задерживать ввоз в Одессу товаров. Ясно, падает цена на хлеб, и хотят опять взвинтить.

В Севастополе началось брожение. Вероятно, будут приняты меры. Закрыта газета «Прибой». Недовольны и «Югом».

Заходил Кипен. [...] Говорили, конечно, о евреях. Он не понимает, в чем дело. Ему все кажется, что ненависть к евреям у класса, у власти, тогда как она у [...] народа, вернее у простонародья, которое рассуждает так: революцией кто занимался главным образом? — евреи. Спекуляцией кто? — евреи. Значит, все зло от евреев. И попробуй разубедить их. Я же уверена, что уничтожь еврейский вопрос — и большая часть еврейства отхлынет от революции. А этого большинство не понимает или не хочет понять. [...]

Стук в дверь, шум. Я подхожу к двери, открываю ее и вижу военного. Слышу, как он спрашивает Людмилу: «Здесь живет академик Бунин?» Я выхожу в прихожую и здороваюсь. Он представляется: «Пуришкевич»[38].

Я: Очень приятно, войдите. Ив. Ал., вероятно, скоро вернется.

П: Мне кто-то передавал, что Иван Алексеевич хотел бы со мной познакомиться.

Я: Да, он будет жалеть, если вы не дождетесь его.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

П: Мне некогда. Передайте Ив. Ал. программу нашей партии. Я надеюсь, что и он будет сочувствовать. В ней два главных пункта — конституционная монархия и против евреев.

Я: Ив. Ал. не антисемит. Да кроме того, он человек не партийный.

П: Теперь все должны быть партийны.

Я: Да, это правильно. Но Ив. Ал. поэт. А поэт не может быть партийным человеком.

П: Я — тоже поэт, а в то же время я для партии сделаю все, что хотите, даже на луну влезу.

Он взял из моих рук обратно 2 экземпляра программы своей партии, оставив лишь один Ив. Ал. Прощаясь, он сказал: — А я не думал, что у Ивана Алексеевича такая молодая жена. Вы совсем девочка. [...]

Вечером приехал Воля. Привез 2 бутылки вина. Он только что с обеда от англичан. Был совершенно трезв. Оказывается, это он направил к нам Пуришкевича. Как-то Ян сказал ему, что было бы любопытно посмотреть на этого неукротимого человека. А Брянский и сказал тому, что Ян хочет с ним познакомиться, а он уже решил, что значит в партию вступит. [...]

7/20 сентября.

Я сама не своя. В газетах: в Москве восстание, к которому присоединились красные части. В конце концов, восстание подавлено. Ужасно беспокоюсь за М[итю], за родителей. Страшно думать.

Решено, что в понедельник мы в Крым не едем.

Заходила к Кондакову. Он рвет и мечет по поводу статьи Мирского о французах. Тон статьи развязный, недопустимый для добровольческой газеты. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян целый день писал свою лекцию «Великий дурман».

8/21 сентября.

[...] Ян совсем охрип после лекции. Он не сообразил, что читать ее дважды ему будет трудно. Кроме того, он так увлекся, что забыл сделать перерыв, и так овладел вниманием публики, что 3 часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала. [...] Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы. Много народу подходило ко мне и поздравляло: Билимович, И[рина] Л[ьвовна] Ов[сянико-]Куликовская, которая, впрочем, сказала, что одной фразы она не простит, а именно: «прочел с удовольствием» — это по поводу того, что солдаты избили автора приказа номер 1. Очень восхищалась Л., но больше всех Ник[одим] Пав[лович] Кондаков: «Ив[ан] Ал[ексевич] — выше всех писателей, сударыня, это такая смелость, это такая правда! Это замечательно! Это исторический день!» А у самого слезы на глазах. Он меня очень растрогал. Настрадался, значит, при товарищах! И многие, многие подходили и говорили какие-то слова. А я? Я была не вполне удовлетворена. [...] Ян хочет кое-что выпустить.

11/24 сентября.

Свершилось то, чего я так боялась: в Москве восстание, которое подавлено в самом начале. 77 человек расстрелено, среди них Щепкин, Астров, инж. Кузнецов, Алферов и многие другие.

14/27 сентября.

Был Подгорный[39]. Привез поклон от Чирикова, от Ладыженского. Он зиму и лето провел в Ростове с Врангелем, Балавинским. [...] Мне было странно видеть его у нас. Так и повеяло 1905 го-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дом. [...] Вероятно, я очень соскучилась по всему родному, близкому, по нашей Москве... [...]

24 сен./7 окт.

[...] 20 сен[тября] Ян вторично читал «Великий дурман». Публики было еще больше. Не все желающие попали. Слушали опять очень хорошо. Ян читал лучше, чем в прошлый раз, с большим подъемом. Хорошо написан конец. Но все же с некоторыми мелочами я не согласна. Мне хотелось бы, чтобы было меньше личного. [...]

День Добровольческой Армии прошел оживленно, щедро и со вкусом. [...] Я замечу лишь одно: большая разница с большевистскими праздниками, какое-то свободное состояние духа, можно говорить, смеяться. Мне кажется, что кровавые плакаты действуют даже на сочувствующих раздражающе. [...]

Мне очень нравится ходить по вечерам в библиотеку, почти никого нет. Читаю «Былое и думы», как хорошо! [...]

29 сен./12 окт.

[...] Деникина я не видала. Зато видел его Ян, которому он очень понравился. Он совершенно не похож на портреты. По словам Яна, он очень изящный человек с голым черепом, легко и свободно ходит. Глаза бархатные под густыми ресницами, усы черные, бородка седая. Улыбка удивительно хорошая. Прост в обращении.

1/14 октября.

[...] Вчера у нас были с визитом Брянский и генерал Чернявин, начальник штаба.

Известия о Махно: взяты Бердянск, Мелитополь и Александровск. Вырезывается вся интеллигенция. О казнях Воля говорит совершенно спокойно, как будто о том, что свинью к праздникам режут. Для меня это ужас!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Чернявин человек приятный, но твердый, для него смертная казнь — необходимость, и он спокойно будет подписывать приговоры. [...]

5/18 октября.

Вчера вечером, у Недзельских, познакомились с Велиховым. Он нам понравился. Очень неглупый, хорошо разбирающийся во всем. Это тот Велихов, о котором писались некрологи, так как был слух, что он умер. По его мнению, картина в России безотрадная.

Он пережил в Ельце налет Мамонтова, рассказывал о нем. Большевики не придавали серьезного значения этому рейду, поэтому все комиссары попались в руки казакам, которые всех их перебили. Лозунг их: «спасай Россию и бей жидов». Местное население тоже относилось враждебно к евреям, так как высшие должности были заняты ими. Убит сын доктора Лапинера, сам Лапинер спасся, хотя и был арестован, убита вся семья Залкинда, Гольдмана и многие другие.

Велихову подставил казак к груди револьвер и хотел убить, как «жида», пришлось показывать паспорт. Казак сказал: «Да, дворянин жидом быть не может!»

Против собора был повешен китаец. Были и пожары. Сгорела библиотека, составленная из помещичьих, очень ценных книг.

В Ельце основан Народный университет, слушатели, главным образом, гимназистки.

Мужики по приговору закапывали в землю живых людей — 200 подписей на 1 приговоре. Чрезвычайка не очень свирепствовала: закопали живым Лопатина, после чего председатель Чрезвычайки стал галлюцинировать и нагнал такой страх на своих помощников, что все предпочитали грабить, а не убивать. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В мужском монастыре теперь устроен кинематограф.

Хлеба получали по полфунта, и то очень дурного. Это в Ельце-то! Кроме картошек и пшена, ничего нельзя было достать. Молоко было, но очень дорогое.

Велиховы поселились было в своем имении, мужики относились к ним хорошо, но вскоре налетели комиссары и все у них отняли: мебель, белье, одежду и т. д. [...]

7/20 октября.

[...] Впервые Ян на службе. Ему нравится, что он ездит на машине с национальным флагом. За ним приезжает доброволец, очень милый с калмыцким лицом офицер. И к каждому слову: «Есть, Ваше Превосходительство». Все эти дни Ян оживлен, возбужден и деятелен. То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно и для его нерв[ов] и для его души. Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто так страдал, как он. Он положительно не переносит большевиков, как я кошек... [...]

8/21 октября.

[...] Ян согласился взять на себя редакторство[40] только потому, что если бы он отказался, газета стала бы влачить жалкое существование, попала бы она в руки правых или же была бы под ферулой Клименко. За Яном вошел Кондаков, согласились участвовать Кипен, Шмелев, Тренев, Ценский, остался Федоров, которого бывшая редакция, не спросясь, поставила в числе сотрудников своей новой газеты «Современное Слово». Так

Для сайта BOOK-OLDS.RU

она поступила, повидимому, и с Койранским, и со многими другими.

28 окт./10 ноября.

[...] Вчера была у нас Ольга Леонардовна Книппер[41]. Странное впечатление производит она: очень мила, приветлива, говорит умно, но чувствуется, что у нее за душой ничего нет, точно дом без фундамента, ни подвалов с хорошим вином, ни погребов с провизией тут не найдешь.

Большевики к ним были предупредительны, у нее поэтому не то отношение к ним, какое у всех нас. Очень много одолжений ей делали Малиновские. Они спасали квартиру Марьи Павловны[42]. Шаляпин на «ты» с Троцким и Лениным, кутит с комиссарами. Луначарский приезжал в Художественный театр и говорил речь — «очень красивую, но бессодержательную, он необыкновенный оратор».

Ек. Павл. Пешкова[43] совсем иссохла. Она работает в Красном Кресте, теперь поступила на службу в администрацию Зиминского театра, куда ее пристроила Малиновская. Максимка[44] — ярый большевик. Бонч[45] взял его в секретари — даже Ек. Павл. возмущается, ведь он не способен что-либо делать на таком посту. Об Алек[сее] Мак[симовиче] она ничего не знает. — Мария Федоровна[46] царит, у нее секретарь, сестра Троцкого — г-жа Каменева. [...]

Электричества опять нет. [...]

31 окт./13 ноября.

Ян сказал с большой грустью: «Бедные наши, едва ли они переживут эту зиму. Неужели мы так с ними и не увидимся? Я не верю в это».

[...] По вечерам Ян ездит в газету. [...] Я сижу и занимаюсь, если никто не заходит ко мне. Люблю, когда приходит Велихов, он очень милый

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и с ним мне интересно. [...] Люблю, когда он приходит к нам с Дидрихсом. [Дитерихс? — М. Г.] [...]

Люблю, когда Ян, возвратясь домой, ужинает со мной вдвоем в моей комнате. Люблю слушать новости, которые он привез из газеты. Теперь они редко утешительны, а потому грустно, а первое время, когда мы шли вперед, были очень радостны эти наши вечера. Иногда к нам заходит милый Петр Александрович [Нилус].

Иногда мы идем на половину к Евгению Осиповичу [Буковецкому].

1/14 ноября.

Напечатан Андрэ Шенье в моем переводе. [...]

3/16 ноября.

Газета не вышла — ток прекратился ранее 5 часов, а потому не успели напечатать. По справкам оказалось, что ток прекратился лишь в районе «Южного Слова». Не вышла тоже газета «Единая Русь». Что это значит? Говорят, что нужно дать монтеру. [...] Ян поехал на заседание очень взволнованным. [...]

23 н./6 декабря.

[...] Мы опять вступили в полосу больших событий. На фронте положение очень серьезное, напрягаются последние силы. Здесь издаются строгие приказы против разгула и спекуляции. В городе слухи и о большевиках и об ориентации на немцев. [...]

У Яна за эти дни началась полемика с Мирским и Павлом Юшкевичем за то, что он заступился за Наживина. Но Ян отвечал им зло и остроумно. [...]

24 н./7 декабря.

«Новости» и «Листок» полны статьями об Юшкевиче. Оказывается, он большой писатель. Новость! Новость! [...] сегодня узнала, что и Вальбе,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и Пильский, и Тальников очень высоко ценят его, как писателя!

28 н./11 декабря.

Немцы отказались подписать мирный договор. Во Франции мобилизация, это грозит большими осложнениями. О немецкой ориентации слухи все упорнее и упорнее.

В Ростове напечатано в газетах, что на днях будет опубликован акт исторической важности. Деникин — Верховный правитель, а Врангель — Главнокомандующий.

Колчак второй раз разбит (слухи).

Речи в английском парламенте убийственны. Неужели они ничего не понимают?

2/15 декабря.

Уже декабрь. В комнатах холодно. [...] Мы опять как на иголках. Каждую минуту, может быть, придется сорваться с места. Но куда бежать? Трудно даже представить. Курс нашего рубля так низок, что куда же мы можем сунуться? Везде зима, холод. Правда, нас трудно теперь чем-либо напугать — мы знаем, что такое холод, что такое голод, но все переносится легче у себя дома.

Слухи: взят Харьков, Колчак в С. Франциско. [...]

Был на днях Петя. Рассказывал, что он видел на Жмеринке петлюровских солдат, мертвых и живых. Мертвые навалены на станциях и по линии ж. д. с объеденными собаками боками, ушами и т. д. Живые — разуты и раздеты, многие больны сыпняком. Со здоровыми, которые больше похожи на тени, чем на людей, он разговаривал. Они говорили, что их взяли по набору. Он спрашивал: «Вы петлюровцы?» Они отвечали: «Нет». — «Так зачем же вы шли?» — «Так разве мы знали, по ка-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кой мобилизации нас призывают?» — отвечали они жалобно.

Был Велихов и рассказывал (со слов Ратнера), что в Ростове «Пир во время чумы». Спекулируют. Покупают валюту. Берут взятки. Теснота ужасная. Падение нравственности. [...]

Вчера происходили выборы в Думу. [...]

7/20 декабря.

Тучей саранчи, как Атилла, идут большевики. На пути своем они уничтожают все, оставляя голую землю, именно то, что больше всего надо немцам. Кажется, для беженцев с севера готовят Сабанские казармы.

Получили визы на Варну и Константинополь. Вчера на пароходе, уходившем в Варну, творилось что-то ужасное.

Крона стоит 10 рублей, марка — 34 рубля, франк — 95 рублей, и достать невозможно.

Ехать нам не миновать, но когда и куда поедем, знает один Бог. Проектов много. [...] Есть план хлопотать перед Шиллингом, чтобы он испросил разрешение у французов, чтобы они или даром или по пониженной цене перевезли нас во Францию. Ян поехал к Брянскому. А. Д. должен сегодня говорить с ген. Шиллингом.

Надежд никаких. Брянский обещал свое содействие.

9/22 декабря.

[...] Кл[именко] распространяет, что Ян перестал редактировать газету. Конечно, он ждет не дождется остаться единоличным хозяином «Южного Слова». Яну все это так противно, что взял бы все, да и бросил. [...] В пропаганде все очень заняты тем, сколько получает Ян, и цифра растет не по дням, а по часам.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10/23 декабря.

3 декабря взят Киев — официальное сообщение. Взят и Кременчуг.

Вчера митрополит Платон прибыл в Одессу. На сегодня назначена аудиенция Н. П. Кондакову и Яну. Но сейчас звонил Варшавский и сообщил, что митрополит экстренно выехал в Ростов. Его взяли на английское судно. Что это значит? Почему такое поспешное бегство?

Вчера были Велихов и Дидрихс. Мы много смеялись, старались быть веселыми. Велихов читал свои стихи. [...] Ян, как всегда, был в редакции. Говорит, что теперь ездить очень жутко. Временами слышатся выстрелы. [...]

11/24 декабря.

Ян был во многих местах. Общее впечатление: паника!

Прежде всего пошел к Кондакову, чтобы его предупредить, что митрополит Платон уехал, но Никодим Павлович уже ушел. Ек. Н., его секретарша, говорила, что положение отчаянное, что жена Шиллинга уже отправлена в Новороссийск на английском судне.

По дороге Ян встретил Кондакова и они отправились к французам хлопотать насчет парохода.

Слух, что Одессу займут 21 декабря.

Ян отправился к Билимовичу в округ. [...] Затем он пошел в пропаганду. Там говорят, что дела очень плохи. Есть слух, что предполагается внутреннее восстание. Затем он зашел к Б. Вл. Юрлову, который сообщил, что были большие аресты. Он очень ругал власть, говорил, что здесь Бог знает, что делается. [...] Успокоительные вести только из Константинополя, что в Одессу приходят английские пароходы, в порту очищается для них место.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В «Мессажери» Ян узнал, что «Данюб» не пойдет, а 2 января идет другой пароход, который горел. Для пассажиров места только в трюме, но, может быть, на нем можно было бы устроиться. Зашел Ян и к Аркадакскому, который прямо плачет, возмущен властью, тем, что они ведут очень глупую политику с рабочими. В воскресенье он отправляет семью в Батум на «Ксении». На «Ксению» попасть очень трудно, он дал Яну записочку к Карпову. Ян расспрашивал его о Батуме, где А[ркадакский] прожил 6 лет. [...]

У Туган-Барановских паника. [...] Уезжать им необходимо. Ее сын, юноша 17 лет, страстный поклонник Яна, слишком много наговорил против большевиков. Не сносить ему головы, если останутся в Одессе — донесут обязательно! Да и фамилия опасная. [...]

О Варне рассказывают смехотворные вещи, — нужно чуть ли не полмиллиона, чтобы только высадиться!

В четыре часа у нас были Кондаков и Билимович, который сегодня же передаст бумагу о командировке Шиллингу и, кроме того, будет испрашивать разрешение на 25.000 руб. романовскими на каждого. После ухода Кондакова и Билимовича Ян поехал к Брянскому. [...]

13/26 декабря.

[...] Были в Сербском консульстве: 5 франков или 10 динар за визу. Ян долго беседовал с консулом. По его словам, в Белграде очень тесно, но нам все же, вероятно, удастся устроиться. [...]

Фронта почти уже не существует: это не отступление, а бегство. Офицеры возмущены на командный состав, что он не заставил буржуазию их одеть, что им не платят жалованья, и их семьи должны голодать. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Нилус и Кипен решили ехать в Сербию.

Вчера мы пили вино, Ян возбудился, хорошо говорил о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, Москвы, Петербурга. Что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее. Когда он говорил, то на глазах у него блестели слезы. Ни социализма, ни коллектива он воспринять не может, все это чуждо ему. Близко ему индивидуальное восприятие мира. Потом он иллюстрировал: — Я признавал мир, где есть I, II, III классы. Едешь в заграничном экспрессе по швейцарским горам, мимо озер к морю. Утро. Выходишь из купе в коридор, в открытую дверь видишь лежит женщина, на плечах у нее клетчатый плэд. Какой-то особенный запах. Во всем чувствуется культура. Все это очень трудно выразить. А теперь ничего этого нет. Никогда я не примирюсь с тем, что разрушена Россия, что из сильного государства она превратилась в слабейшее. Я никогда не думал, что могу так остро чувствовать.

Нилус был тоже грустен: «Вот играл в карты с Евгением и думал: все кончается, уезжаю заграницу, а вернусь ли?». Когда мы с Яном вчера убирались, он сказал: «Боже, как тяжело! Мы отправляемся в изгнание и кто знает, вернемся ли?»

Вчера же заходил к нам Никодим Павлович [Кондаков]. Билимович докладывал Шиллингу о командировке Н. П. и Яна и испрашивал разрешение относительно денег. Шиллинг сказал, что он ничего не имеет против, но все зависит от Совета. Вероятно, откажут.

Я почти отказалась от мысли ехать в Париж. И холодно, и голодно, и, вероятно, отношение к нам будет высокомерное. Лучше Балканы. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15/28 декабря.

Ян нездоров: насморк, повышенная температура (38 °).

Письмо от Назарова[47] из Константинополя и Бурцевская газета, где определенно говорится, что Петлюра — немецкий агент. Есть и объяснение настоящей политики Англии по отношению к нам: существует или молчаливый или словесный договор между Германией и Англией. Немцы помогают большевикам завоевать Россию, чтобы завоевать ее для Европы. Если бы побеждала Добровольческая Армия, то она завоевала бы Россию для России, а это вовсе не на руку союзникам. Им выгоднее, если Россию завоюют большевики, с которыми будет легче обо всем договориться. А Деникину и Колчаку они скажут — сами вы не справились, а потому надо разделить влияние.

17/30 декабря.

[...] Была на приеме у Билимовича. [...] Он актер. Стоял на вытяжку, ни один мускул лица не дрогнул во время приема. Два господина что-то говорили ему. Я следила из другой комнаты через стеклянную дверь. Меня принял стоя. Я пробыла у него минуты две. Он прочел письмо Яна и сказал, что будет в 3 часа у Кондакова. Вопрос шел о том, отправлена ли бумага французам, относительно проезда на пароходе и относительно ассигновки на командировку. Мне показалось, что дело безнадежно.

Была в пропаганде. Денег не дают. [...] В 3 часа я была у Кондакова. Билимович сказал, что не знает о судьбе поданой бумаги. Я предложила, что съезжу к Брянскому. [...] Билимович предложил довезти меня. И чем мы дальше ехали, тем он становился все любезнее.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В приемной Брянского я прождала с полчаса. [...] Наконец, я была принята. [...] Бумага уже послана французам, но прямо в Константинополь к де-Франси. Относительно ассигновок нет никакой надежды. Будто бы нет ни романовских, ни думских. Я думаю, что они просто не хотят посылать ни Кондакова, ни Яна, ибо они с ними не единомышленники, — все они из «Единой Руси», а «Южное Слово» только терпят. Им и Россию хочется превратить в «Единую Русь», а не в Великую Россию. Вот, в чем трагедия.

18/31 декабря.

[...] Говорят, в Киеве было 10000 офицеров, батареи и орудия стояли на горе. Можно было всех уложить. Но почти все офицеры бежали и защищали город всего несколько безумцев. [...]

В Киеве люди, в страхе и трепете, молились о том, чтобы был туман, чтобы не замерз Днепр. Масса народу шла пешком с детьми, с котомкой за плечами. Острый со снегом ветер дул в лицо, и многие падали. На станции приходили голодные люди и не находили даже куска хлеба. Кидались в деревни, моля о хлебе, о ночлеге, но мужики захлопывали двери со словами: «Вы буржуи!» (Была З. П. Тулуп, которая все это рассказала.) [...]

Ян был у английского консула, который принял его очень любезно. Виза на Батум будет нам дана. Обещал помочь с выездом. [...]

20 дек./2 янв.

Весь вечер и пол ночи мы провели у де-Рибаса. Праздновали его день рождения, ему минуло 63 года. Все последнее время он жил в большой тревоге: старшая дочь с семьей бежала из Киева. Наконец, добрались до Одессы после 19 дней пути, испытав 3 крушения и обстрелы. Им пришлось идти 10 верст пешком и они бросили чемоданы,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

оставив только мешки за плечами. А в Киеве ими брошена квартира. Хорошо еще, что вся семья вместе — у них 2 мальчика подростка, очень милых. Сын де-Рибаса тоже неожиданно приехал из Кременчуга. Таким образом, у них был тройной праздник — все в сборе. В этом доме легко дышится, любовная атмосфера, все относятся друг к другу с большой нежностью. Все одарены от природы. [...]

Александр Михайлович рассказывал, что несмотря на то, что он был в сильнейшей тревоге за детей, он все же решил праздновать этот день, и вдруг такая радость, он никогда не преклонял колени перед Творцом с таким чувством, как сегодня. [...]

Ян говорил, что он любит Александра Михайловича за то, что он человек уходящего мира, в котором было так много прекрасного, благородного и настоящего. А грядущий мир ужасен и никогда не примирится он с ним. И что в настоящую минуту, накануне эмиграции, он чувствует минувшую жизнь так остро, что трудно передать. И речь Александра Михайловича, полу-буддийская, полу-неаполитанская, ему очень близка. [...]

22 дек./4 янв.

Был у нас Ам. П. [Шполянский] за паспортами — может быть, и устроится проезд. [...]

25 декабря.

Вчера отбыли в Болгарию Нилус, Федоров, Тухолка, Оболенский. Должен был еще Шумский, но он не мог войти на пароход. Петр Александрович был очень подавлен, очень волновался, почти ничего не взял с собой. Перед отъездом он вел очень рассеянную жизнь, точно боялся быть серьезным. Я рада за него, что он все же уехал. [...]

Ян последнее время очень страдает. Ночью просыпается, с шести утра не спит. Он раздавлен

Для сайта BOOK-OLDS.RU

событиями последнего месяца, не может понять, как все могло так быстро развалиться, где ключ ко всему. Оскорблен он и отношением властей к себе. Им с Ник. П. [Кондаковым] отказано в командировке, и всего нужно было для этого 50000 руб. [...] Кроме того, их хотели втиснуть на «Витязь», без мест, и очень недовольны, что они отказались. [...]

Возвращены наши паспорта из французского консульства с визой во Францию. Я снова твердо держусь за парижскую ориентацию. Может быть, это легкомысленно, но внутренний голос мне говорит, что нужно ехать именно туда. Балканы пугают меня больше. Будет теснота, бестолочь, претензии, а это хуже голода и холода. Да и болезней не оберешься. [...]

Взяты Мариуполь, Пятихатка и Знаменка. Появляются все новые и новые банды. [...]

Деба просил [...] передать, что он вывезет Кондакова и нас на французском транспорте, но не в Варну, а в Константинополь.

27 дек./9 янв.

[...] Спор о причинах поражения добровольческой армии. Ш[полянский] и Куликовский уверяли и доказывали, что все произошло из-за аграрного вопроса. Ян возражал и указывал [...], что причины поражения гораздо более сложные. [...] Добровольцев везде бранят, особенно евреи, даже те, кто настроен против большевиков. Рассказывали, что вчера в тюрьму ворвались 60 офицеров и избили политических, а также и смотрителя тюрьмы, который вмешался. [...] Неужели это правда? Говорят, Драгомиров из Киева вывез несколько вагонов сахара, вместо раненых. Неужели и это правда? Говорят, что спекулируют и берут взятки почти все.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Что же это такое? Неужели все разложилось сверху до низу?

Была у Деба, никакой пароход не отходит, заявил он мне любезно. Извинилась за беспокойство и вышла. Это, конечно, отказ. Встретила Полонского, с которым догнала Шполянского. Аминад Петрович сказал, что еще надежда не утеряна и что завтра он будет у нас. Он опять отговаривал ехать на Балканы, — туда отправляется Лопухов и сотрудники «Единой Руси». [...]

Наблюдается два настроения: очень спокойная уверенность, что ничего не будет, это, главным образом, среди чисто русских, которые не будут в состоянии уехать; а другое, почти паническое, при чем отъезжающие боятся большевиков, а остающиеся, евреи — погромов. Говорят, что на улицах офицеры при виде еврея говорят — вот хорошо было бы их всех уничтожить.

Короче: хуже положения не бывало.

А некоторые, как весной, только и мечтают о поляках, немцах. [...]

29 дек. / 11 янв.

[...] По слухам, Киев был продан. Власти бежали раньше всех. [...] В Киеве объявлены вне закона все судейские, все журналисты, все писатели и даже актеры. Говорят, что расстрелено несколько человек за спекуляцию. Последний слух: Врангель и Деникин арестовали Лукомского и Романовского.

Ян был у Туган[-Барановский]. Слышал, что и Шиллинг и Чернявский бесчестные люди, оба подкуплены. Советовали Яну не верить никому. Уговаривали ехать в Польшу. Предлагали достать польские паспорта. Они едут через Галац в Варшаву. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера из Киева пешком пришел Шульгин с десятью молодыми людьми, которые его обожают и по одному его слову готовы на все. В деревнях их кормили и давали ночлег за керенские. [...]

30 дек. / 12 янв.

Ян целый день в бегах. [...] От Клименко Ян привез 20.000 руб. кер[енскими]. Я отнесла десять Кондакову. Он очень доволен. [...]

31 дек. / 13 янв.

Наступают последние часы 19-го года, который принес столько горя и печали. А 20-ый может быть еще тяжелей. Мы — накануне того, чтобы покинуть родину и, может быть, надолго. Скитаться без цели, без связи, вероятно, будет очень тяжело. Тяжело уезжать и потому, что близкие в худшем, чем мы, положении, а мы помочь им не в силах. [...]

Встречать Новый год идем к де-Рибасу, там семейно, уютно, бездомным особенно приятно. [...]

1920

1/14 января 1920 г.

В прянике у де-Рибас запекли пятиалтынный. Он достался мне, говорят, это к богатству.

2/15 января.

Заходил де-Рибас и сказал, что Коган хочет купить сочинения Яна, чтобы издавать в Лейпциге. [...]

Билимович очень дерзок и довольно глуп, повторяет то, чем его начиняют в «Единой Руси». Идея Клименко основать пропаганду на Балканах будет осуществляться сотрудниками «Единой Руси». [...]

Билимович обрушился на русскую литературу, которую, он, повидимому, знает плохо, он об-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

виняет писателей в том, что добровольческой армии приходится теперь воевать. [...]

3/16 января.

[...] Воля [Брянский] предлагал Яну эвакуироваться на палубе, сидя на чемоданах. [...]

Единственно, кого критикует власть, это Клименко. [...] Ясно, что состава преступления у Клименко нет, а есть партийная интрига, желание вырвать из рук Клименко русскую культуру и передать ее «Единой Руси». Очевидная кампания против «Южного Слова». [...]

Никодим Павлович сказал: — Вот, Иван Алексеевич, вы опять правы оказались в своем суждении о русском народе: и бестолочь, и слабоволие, разрозненность, недоведение дела до конца, вечная вражда партий, подставление друг дружке ножки, азиатское интриганство.

— Да, — ответил Ян: — Троцкий правит Россией и что же? Не желают или не могут свергнуть это иго. Двести лет под татарами сидели, теперь советской власти подчиняются. [...]

6/16 января.

[...] Вчера Ян уже совсем решил отказаться от миссии и ехать на свои крохи в третьем классе, а сегодня звонил Бельговский и сообщил, что хотят «разбить миссию на части»: в первую — митрополита Платона, Кондакова, Яна, Шабельского, адъютанта сербского короля и Лопуховского. Это меняет дело. Интересно участвовать в миссии вместе с Платоном.

Вчера был у нас Калинников, заместитель Клименко. [...] В журнальном мире осведомлен обо всем. Говорит гладко. О генералах имел точные сведения и дает полную характеристику каждому. Он сидел у нас 2 часа и, не умолкая, говорил. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Кстати: от Фастова почти ничего не осталось: из 40000 жителей теперь едва насчитывают 2000. Сначала убивали евреев, а затем стали и русских громить. [...]

Ян сказал: — А царя, вероятно, причислят к лику мучеников и будут считать святым. Как он мог не бежать, ну, сначала он, может быть, не хотел, а потом — как он мог сам оставаться среди таких негодяев, да еще с дочерьми.

Я: Горький ездил спасать Великих князей, да опоздал.

Ян: Да, какая обида. Неужели я когда-нибудь его увижу?

Я: Ну, а если встретишься?

Ян: Где?

Я: Ну, в Австралии, например.

Ян: Все, что будет в руке, попадет в его голову, предварительно плюну ему.

Я: Неужели?

Ян: Как простить ему то, что он по немецкой указке довел Россию до таких бедствий, и теперь, до сих пор, остается с большевиками? Нет, этому имени нет, нет и прощения!

7/20 января.

[...] Дело наше обстоит так, что, может быть, послезавтра нас отправят на Гендре. [...]

Слухи: взят обратно Ростов и Таганрог. Говорят, что большевики придут со стороны Николаева недели через три. Взята Каховка большевиками. [...]

Вчера был у нас Ярцев[1]. [...] Он хорошо вчера говорил, что теперь надо ехать за границу, надо увозить из России Россию, и стараться сохранить ее до тех пор, пока можно будет вернуться. Он верит, что добровольческая армия не погибнет, ей

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нужно только отсидеться, хотя бы даже за границей. [...]

Есть слух, что Николай Николаевич[2] приехал в Ставку. Здесь тысяч сорок или пятьдесят офицеров, а на регистрацию явилось только 130 человек. [...]

13/26 января.

[...] Вчера весь день циркулировал слух, что Деникин убит или застрелился. «Новости» неизвестно почему вчера поместили портрет Деникина и его биографию.

Из Ростова приехал Коцинский; он офицер [...]. Он был при объявлении эвакуации Ростова. Очень долго власти уверяли всех, что все вполне безопасно. Жизнь текла весело, все пили, спекулировали — «пир во время чумы». Затем, когда объявили, что большевики близко, всех вдруг объяла необыкновенная паника. Магазины стали закалачиваться, товары подешевели необыкновенно, начались грабежи. Двух повесили. Но никто не обращал внимания. Висит себе человек на соседней площади с высунутым языком, да и только. Власти растерялись.

В Новороссийск столько навалилось беженцев, что и представить невозможно. Это уже библейские картины. Проявление подлинной Руси [...] добровольцы бежали целыми полками, приходили поезда, переполненные и больными, и трупами, и людьми с отмороженными конечностями. Времена по-истине страшные.

Людей спасает только отсутствие воображения. На «Херсоне», на котором было до 6000 чел., были картины положительно из Дантовского ада: по ночам в кают-кампании люди, позабывши о всяком стыде, мужчины, женщины, раздевались до гола и искали на себе насекомых. [...] В каж-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дом порту вываливали целые партии больных сыпняком и мертвых. На пароходе было несколько смертей и 2 самоубийства.

18/31 января.

Ян вернулся домой очень взволнованный. На вчерашнем заседании решен вопрос об эвакуации, но пока об этом не объявляют. Автунович не дает пропусков, ссылаясь на телеграмму Деникина. [...] Угля для пароходов нет. Иностранные подданные тоже не выпускаются. [...]

Вчера мы были у Кондакова, он подтвердил, что Деба возьмет нас с собой. Может быть, придется грузиться на Большом Фонтане. [...] Может быть, из Одессы придется итти пешком. Все обдумываю, что взять с собой. Где оставить вещи? [...]

Херсон, Вознесенск, Николаев заняты. В Николаеве паника была ужасающая. [...]

В «Коммунисте» было написано: «Мы будем в феврале» и иота в иоту, точно пасьянс раскладывают, до февраля осталось десять дней. [...]

Почему мы поверили в добровольцев? Мне кажется, что мы очень прониклись за лето презрением к большевикам, к их неумению, беспомощности во всех областях. Правда, Ян говорил, что если добровольцы сорвутся, то они полетят вниз, как снежный ком. Кондаков тоже выражал сомнение в крепости добровольческой армии, хотя тогда были взяты Курск, Орел сдался. А Саша Койранский настойчиво советовал уезжать из Одессы. [...]

Я уже жалею, что не уехали мы на Дервиле, вместе со Шполянским и другими журналистами. [...] В комнате у нас так холодно, что я сижу в двух платьях и пальто, поверх чулок шерстяные носки, башмаки, гетры и галоши, и все кажется, что ноги стоят во льду. Каково же в Москве, в Петербурге? [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20 ян. / 2 февр.

Вчера Болотов предупредил нас, что, может быть, завтра мы можем сесть на пароход «Ксения», где уже сидят семьи штабных. [...]

Странная делегация, состоящая главным образом из родственников делегатов. На одно лицо приходится чуть ли не по 5 родичей в среднем.

На сердце очень тяжело. Итак, мы становимся эмигрантами. И на сколько лет? Рухнули все надежды и надежда увидеться с нашими. Как все повалилось...

21 янв. / 3 фев.

Слух: сегодня ожидается восстание большевиков.

Власть переходит к Микитко. Говорят, это по обоюдному соглашению, чтобы удобнее было эвакуироваться. [...]

Яну с трудом удалось купить 5 думских по 2200 рублей. [...]

На «Ксению» не попадем. Обещают на «Дмитрия», тогда грузиться в четверг. [...]

Вчера бегала по городу, искала дров. 6 полен мне дали Розенблат. Они очень любезные люди, от денег или от того, чтобы я возвратила им дрова, они отказались. А дрова были необходимы, чтобы высушить белье на случай эвакуации.

В порту такое воровство, что, укладывая, смотришь на каждую вещь и думаешь: «а, может быть, я вижу ее в последний раз» и чувствуешь какую-то безнадежность в сердце. [...]

В Одессе, говорят, более ста тысяч военных. [...]

Еще не назначили день отхода парохода, на который нас берут.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Деньги выдаются керенками (10000 руб. превратились бы в 3000 руб.). Ян отказался принять их. [...]

Ян все терпит до Белграда, но там он откажется от миссии, и от всяких сношений с этими господами. Кондаков деньги взял. [...] Ян совершенно замучен.

Невозможно ничего купить, ни валюты, ни денег. Вчера было скуплено почти все золото и бриллианты. На улицах масса народа. Все куда-то спешат. Около Лондонской гостиницы извозчики. На них накладывали зашитые в рогожи корзины.

«Ксения» отошла. [...]

Анюта рассказывает, что в городе пальба, разъезжают грузовики, в порту Бог знает, что делается. Началась паника. В Государственном банке суета — эвакуируются. Словом, шансов немного, чтобы быть живыми и невредимыми. Хлеба купить уже нельзя. Завтра цена еще повысится. Ян купил сала 5 фунтов в дорогу за 1500 рублей. [...]

Анюта рассказывает, что из деревни приехал муж Людмилиной кумы и говорит, что большевики являются в деревни и все забирают: лошадей, скотину; молодых — под ружье, старых — в обозы, даже детей — для того, чтобы подносили снаряды. И все поедают, разграбляют. Она думает, что большевики, которые соединились с махновцами и с украинцами, и здесь будут так же грабить. — И что будет хорошего, — продолжала она, — ограбят сначала богатых, — их уж не так много — примутся за бедных. А нам, как будет плохо, теперь мы работаем и сыты, и одеты, а если всех разорят, куда нам итти? [...]

«Дмитрий» может уйти лишь после 26 января. Может быть, нас посадят на другой пароход? Есть предложение Гораса устроить нас на французском

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пароходе, завтра, но без удобств, и без мест. Мы решили отказаться.

22 янв./4 февр.

На Молдаванке и на толчке стали срывать погоны у офицеров, началась стрельба, в результате вчера был погром. Сегодня все лавки заперты. Народ, по словам Анюты, призывает к погрому или, как она говорит, «зовет на погром». Анюта возмущена. Хлеба достать нельзя. Мяса тоже. В городе тревога, паника. Мы почти уложились. [...]

Предлагали бежать на английском пароходе, но садиться нужно сегодня. Мы было уже решились на это. Пошли к Кондакову, а там узнали, что Деба предложил грузиться завтра. Остановились на французе. Обещаны каюты.

Английские солдаты разбивали двери магазинов и требовали, чтобы они были открыты. Завтра, вероятно, повесят кого-нибудь. Вот жестокий город! Сегодня многие остались без обеда.

Может быть, завтра будет последний день мой на русской земле. Никогда не думала, что придется влачить жизнь эмигрантки, да еще справа... [...] И все еще не верится, все еще кажется, что что-то обернется, и ты скоро будешь в Москве.

В штабе все ночуют с винтовками уже вторую ночь. С кем бы мы ни встретились, каждый говорит: — Иван Алексеевич, уезжайте!

Нос[3] говорил Яну вчера, прощаясь:

— Если бы нужно было умереть за вас, я отдал бы жизнь свою, — и у него на глазах блестели слезы. — Как-то он благодарил Яна за то, что Ян единственное светлое, что он встретил в Одессе. [...]

Яну и Кондакову выдали билеты на пароход «Дмитрий», в *третьем* классе. Интересно, кто будет в первом? — Кондаков сказал:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Прикажу этот билет в гроб с собой положить. Я думал, что отечество мой должник, а оно на 76 году жизни не дает мне койки во время эвакуации...

Завтра в 11 ч. нужно идти к Деба, где мы получим пропуск. Порт охраняется английскими солдатами. В каюте будем сидеть по трое. [...]

Город пуст, только патрули. Совершенная тишина, опять тоже самое. В аптеке Гаевского пьяный офицер от кокаина и вина требовал кокаину и на отказ стал стрелять. Служащие пришли в ужас. Входившие офицеры увещевали его, ничего не помогало.

23 янв./5 февр.

День сумеречный. Проснулись рано. Окончательное решение: завтра мы грузимся. Последний день мы здесь на Княжеской, где, несмотря на все несчастья, мы сравнительно счастливо прожили почти полтора года.

Жаль оставлять Буковецкого одного. Что он должен чувствовать при мысли, что каждую минуту могут к нему ворваться и отнять все вещи, которые он собирал с такой любовью и терпением? Часть вещей он где-то спрятал. Наши комнаты он уже сдал, кажется, брату Комиссаржевской.

Ян целый день носился по городу. В Осваге ему обещали дать солдата, чтобы тот помог нам перевезти вещи на пароход. [...]

Вечером сидела с Буковецким, играли в домино. Обещал продать мне немного парчи. Он молчит, я чувствую, что ему очень тяжело. Он ведь никогда не жил один, а теперь без Петра, без нас, будет совсем одиноко.

Заходила прощаться с Куликовскими. Они грузятся в воскресенье. Дм[итрий] Ник[олаевич] возбужден, весел. Все повторяет, что покажет

Для сайта BOOK-OLDS.RU

большевикам кукиш, а Ир[ина] Л[ьвовна] настроена скептически. [...]

[Следующая запись сделана 24 января/6 февраля. Это число дважды подчеркнуто карандашом и на полях рукой Ив. Ал. Бунина поставлено нотабене — это день, когда Бунины тронулись в путь. Можно спорить о том, какой именно датой правильно обозначить отъезд Буниных из Одессы. Можно считать днем отъезда 24 января 1920 г., когда они погрузились на пароход. Однако, пароход не сразу покинул порт, что следует из записей Веры Николаевны, 25-ого он перешел на внешний рейд, а отчалил, вероятно, лишь 26-ого, или даже 27 янв./9 февраля — см. запись от 27 янв./9 февр. Сам Бунин писал: «...26 января 1920 года [...] эмигрировал» («Весной в Иудее. Роза Иерихона», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, стр. 9).]

24 янв./6 февр. (пятница.)

В четыре часа дня мы тронулись в путь. Простившись с хозяином нашим, Ев. Ос. Буковецким, с которым мы прожили полтора года и с его домоправительницей, мы вышли через парадные двери, давно не отпиравшиеся, и навалили чемоданы на маленькую тележку, которую вез очень старенький, пьяненький человек.

Истинное чудо, что я достала его за 500 рублей керенками! Утром я отправилась в Осваг, чтобы достать обещанного солдата, который проводил бы нас на пристань. Но, когда я попала туда, я поняла, что враг близок и что нужно думать об одном — как бы скорее попасть на пароход. [...]

По улицам еще двигался народ, прошли английские войска, и я вспомнила, что у нас утром был Недзельский, который уверял, что англичане оккупируют город и что мы напрасно эвакуируемся. В четыре же часа город был пустынен и, когда

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мы шествовали в сопровождении нашей горничной Анюты и очень милого и талантливого писателя-добровольца, который не захотел эвакуироваться, говоря, что устал «бежать», — то нам попадались навстречу лишь тачки с вещами — люди переезжали с квартиры на квартиру, чтобы замести следы своей преступной деятельности при большевиках, ибо самые страшные, самые яростные большевики были те, кто, притаясь, жил при добровольцах, питая злобу и копя месть к тем, кто на их глазах был правомочен.

На душе жутко. [...] На Елизаветинской мы позвонили Н. П. Кондакову, с которым сговорились идти вместе на пароход. Но их уже не было. Мы стали торопиться, погонять нашего старичка, помогать ему тащить нашу поклажу. Чем ближе мы подходили к гавани, тем чаще нам попадались подводы с сундуками, чемоданами, корзинами. Мы еще не отдаем себе отчета, что это последние часы возможного спокойного ухода из города, а потому не беспокоимся за друзей, которые должны грузиться завтра, послезавтра. [...]

Отыскали наш пароход, «Спарту», маленький, не внушивший доверия. Около сходень застали Кондакова, Яценко, милого Гораса, который не захотел покидать Одессы — мы ему обязаны многим. На пароход еще не пускают. Простояли и мы еще целый час на воздухе, ноги замерзли.

Наконец, мы на борту. Наши провожатые втаскивают чемоданы. Ян в ужасе вспоминает, что забыл деньги, запрятанные в газеты. К счастью, газеты он захватил с собой и в них, правда, лежало несколько тысяч думскими.

Кондаков и Ян получили крохотную каютку. Нам же, дамам, сказали, что оставили места в одной из дамских кают, но когда мы осмотрелись, оказалось, что места везде уже заняты.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Незаметно прошел час. Провожающие должны уходить. [...]

Ян попросил разрешения у Кондакова спать мне с ним на верхней койке, Ник[одим] П[авлович] разрешил. Будет, конечно, очень неудобно, но Ян боится, что в общей зале я еще заражусь. Страх вши очень силен. Устроившись в каюте, я поднялась в рубку. Там сидят недовольные французы, они возмущаются, что на французском пароходе получили каюты русские.

Когда совсем стемнело, раздалась канонада. К ружейной стрельбе мы привыкли, но ведь это пушки? Поднялась на палубу. «Знатоки» определили, что стреляют с Николаевской дороги. Неужели это большевики? [...] Благодарю Бога, что мы погрузились сегодня. Что будет завтра — неизвестно. А многим назначено грузиться завтра, правда утром. Может быть, и успеют.

Странная публика в I классе. Вот молодая артистка из драмы, другая как будто из оперетки, по имени Женичка. Здесь сразу обнаружилась большая компания друзей. Но кто это, еще не разобрали. Держат себя весело, как на журфиксе, называют друг друга уменьшительными именами. Еще просторно, пароход не качается, выстрелы еще далеко, но надежды уже никакой нет.

25 янв./7 февр.

Пережили самое тяжелое утро в жизни. Из города доносилась все время стрельба. Прибегали люди без вещей с испуганными лицами и вскакивали на пароход, у некоторых были куплены места, у других не было ничего, они даже и не думали «бежать», но поддались панике, которая царит в городе со вчерашнего вечера...

Прибывшие рассказывают, что стрельба на Софийском спуске уже, что с Херсонской уже

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нельзя добраться. Хороши бы мы были, если бы нас французы не погрузили вчера. Вероятно, многие останутся из тех, кто должен садиться на пароход сегодня и завтра. А, может быть, отстоят Одессу хотя бы на несколько дней, чтобы дать тем, кому опасно, спасти свою жизнь? Бедные Куликовские [...]

Вышли две газеты «Новости» и «Листок». Нам удалось получить их. Все время к пароходу подбегали добровольцы с ужасом в глазах, моля, чтобы их взяли на борт. Капитан не отказывает, пока может. Наконец, пароход так переполнен, что нужно говорить: «Нет». Это ужасная минута — бегут обреченные люди, молят о месте и им отказывают, они бегут дальше, пароходов много... Подъезжали и богатые люди на автомобилях и грузились вместе со своими машинами.

Полдень, уже жутко оставаться в гавани, но мы не отчаливаем, все ждем французского консула Вотье. А снаряды уже рвутся вокруг. Стрельба в городе все усиливается и усиливается. Публику уже выгнали с палубы. Все лихорадочно ждут консула, а его все нет и нет. Наконец, в час дня он приезжает на пароход. Сообщают, что английский консул бежал по Ришельевской лестнице в порт. И вот мы отшвартовываемся. Народу такая масса, что повернуться невозможно. Рассказов без конца. Многие бросили увязанные сундуки, только чтобы спасти свою жизнь. Многие по дороге растерялись с родными. Есть совершенно неизвестно зачем прибежавшие на пароход, неизвестно от чего спасшиеся девицы — только заняли лишние места. У одной девицы тетка не знает, что она на пароходе. Воображаю, что она теперь испытывает, вероятно, думает, что ее подстрелили где-нибудь на улице. [...] Она прибежала в капоте и котиковой шубе.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Что же это такое? Неужели власти не знали, что развязка так близко? Или это измена? Разговоров, мнений, утверждений не оберешься. Одно ясно, что многие попали в ловушку. Рассказывают, что в ночь со среды на четверг в 2 часа ночи попечителю учебного округа Билимовичу сообщили, что большевики близко. Он тотчас позвонил Шиллингу и спросил его, в чем дело? Шиллинг в свою очередь позвонил в «Оборону» и через 10 минут сообщил Билимовичу, что все благополучно. Ясно, что кто-то информировал Шиллинга ложно.

26 янв./8 февраля (воскресенье).

Третий день на пароходе. Сплю с Яном на одной койке, лежим, как сардинки, а под нами сам Никодим Павлович, ненавидящий все русское и ругающий всех и вся. Даже неприятно. Яценко все знает. Уже почти о каждом пассажире рассказывает целую историю и где она все это черпает. Ник[одим] Пав[лович] слушает, хотя иногда ловлю у него во взгляде недоверие. Я слушаю молча, порой веселюсь в душе.

Мы стоим на внешнем рейде. Теперь уже большевики не достанут нас, даже если бы захотели. Но беспокоишься, донельзя, за близких, оставшихся в Одессе. Что ждет их — холод, голод, смерть?.. [...]

Начинаем разбираться в обществе 1-ого класса, которое можно разделить на 3 разряда: французы, швейцарцы и русские, которые распадаются на 2 неравные части: богатых евреев и нас четверых, четы Пеговых, какой-то актрисы, по имени Марья Михайловна, Женички Никитиной, барона и еще двух, трех человек...

27 янв./9 февр. (понедельник).

Четвертый день на пароходе. Последний раз

Для сайта BOOK-OLDS.RU

увидела русский берег. Заплакала. Тяжелое чувство охватило меня.

Слегка качает. Народу так много, что ночью нельзя пройти в уборную. Спят везде — на столах, под столами, в проходах, на палубе, в автомобилях, словом, везде тела, тела.

Вечером мы выходили на палубу.

Мы в открытом море. Как это путешествие не похоже на прежние. Впереди темнота и жуть. Позади — ужас и безнадежность. Главная тревога за оставшихся: успели ли те, кто хотел, спастись? [...]

А у нас в кают-кампании веселье. Вся молодежь хорошо знакома друг с другом, почти все музыкальны, два дня дают представление, поют оперы. Все друг друга называют по имени и отчеству. Здесь певец Федя Рабинович, семья доктора М. с сыновьями. Одного из них летом удалось спасти из чрезвычайки, только потому, что убедили, что он вообще очень глуп. Вид его не противоречит этому утверждению. Спят все вповалку, некоторые у самых наших дверей.

28 янв./10 февраля (вторник).

Пятый день на пароходе.

Качает ужасно. Лежим на одной койке почти сутки. Мучаем друг друга своими ногами. Нас уже четверо. Ник[одим] Павл[ович] попросил Ек. Ник. [Яценко] быть при нем, — значит, сердце его стало беспокоить. Она, бедная, примостилась на коротеньком диванчике. Она удивительно предана ему.

Должны войти в Босфор, но почему-то не входим. [...]

За нашей дверью хохот, разговоры — молодежь веселится... [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

29 янв./11 февраля (среда).

Шестой день на пароходе.

В Босфор еще не попали. Оказывается, мы сбились с пути. Значит, 24 часа плаваем по минному полю. Качает очень сильно. Мы уже с Яном ничего не говорим, по глазам понимаем, что дело нешуточное.

Г-жа М. очень страдает, но время от времени она неожиданно спрашивает: «Сережа, Сережа, мы маяк проехали?» — «Проехали, мама, проехали» — отвечает он успокоительным тоном. И, несмотря на качку, на то, что в наш иллюминатор льется вода, и я лежу на мокром холодном тюфяке, мы все начинаем хохотать, даже Ник. Павл. смеется.

Ян все же умудрился сойти и пройти кой-куда, через тела. Говорит, что один нужник совершенно разбит. Воображаю, что будет теперь.

30 янв./12 февраля (четверг).

Седьмой день на пароходе.

Мы в Босфоре. И все понемногу воскресают. 36 часов большинство не вставало с места. А что делалось в трюме, трудно даже вообразить.

Вошли в Босфор только потому, что оказался на пароходе русский капитан. [...] И вошли мы первые из 4 пароходов. Наш капитан был все время пьян, вход в Босфор знал плохо. Его напоили и когда он заснул, командовать стал наш русский. Мне это приятно.

Понемногу все выползают из кают. Поднимаются на палубу. Умываются. Очередь у нужника. Очередь за красным вином, которым даром угощают французы так же, как и хлебом. [...]

31 янв./13 февраля (пятница).

Сегодня неделя, как мы живем в нашей крохотной квартирке вчетвером. Мы с Ек. Ник. убрали ее. Она молодец, что значит — была сестрой.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все делает ловко и хорошо. Я решила ничего не есть, пока не спущусь на землю, только пить красное вино. Бог даст, не заболею, ибо ходить «туда» нет моих сил. Что же делалось в третьем классе!

Потащили нас по Босфору. В первый раз вижу Стамбул с его минаретами в снегу. Тащимся в Тузлы, где грозят нас купать. [...] На Константинополь смотрю безучастно. Ян в каюте, он даже не захотел взглянуть на столь любимый им город.

Выходим в Мраморное море. Покачивает. Тузлы. [...]

1/14 февраля.

Все еще на пароходе. В Тузлах нас не спустили. Потащили обратно в город.

Присматриваюсь к пассажирам. Кроме перечисленных, еще есть несколько невест французских офицеров. [...] Нас обещают спустить в первую голову, так как мы «протэжэ франсэ». На пароходе волнение. Многие уже боятся, Пеговы, которые оставили все в Одессе, чувствуют себя плохо, боятся доносов — ведь у них жил Северный. [...] Со всех сторон просят чистых рубашек, а у меня всего 3, только что купленных, да одна лишь чистая.

Покупали апельсины у лодочников на серебряные деньги. Дорого. Вообще, в Костантинополе жить будет очень дорого. И где мы устроимся — один Бог знает.

Ник[одим] Павл[ович] и здесь уютно пьет кофе и чай. Ест консервы. [...] С одним пассажиром было плохо, у него заворот кишок.

Раздают консервное мясо, которое почему-то все называют «обезьяньим». Мы не едим его. Ян пьет кофе, ест сало. Я же питаюсь только жидкостями. Главное — красное вино. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[На этом кончаются записи этого периода. Записывала ли Вера Николаевна во время жизни в Константинополе, а потом в Болгарии и Сербии, мне неизвестно. В архиве этих записей нет. Записи обоих Буниных возобновляются только в Париже.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I. До перелома

1881

1. Об этом периоде жизни Бунина рассказывает Вера Ник. (См. В. Н. Муромцева-Бунина, «Жизнь Бунина», Париж, 1958, стр. 18): «...В доме был заведен строгий порядок, отец всю семью держал в ежовых рукавицах, был человек наставительный, неразговорчивый, требовательный. И Ване было очень странно попасть к таким людям после их свободного беспорядочного дома».

1885

1. Привожу записи по переписанному на машинке тексту. Они частично вошли и в книгу Веры Николаевны.
2. Эта гувернантка послужила прототипом Анхен в «Жизни Арсеньева». На старости лет Ивану Алексеевичу было суждено опять с нею встретиться. Во время его «гастролей» по Балтийским странам весной 1938 года на одном из его выступлений в Ревеле к нему подошла полная небольшого роста пожилая женщина — Эмилия (см. «Ж. Б.», стр. 41).
3. Васильевское — имение С. Н. Пушешниковой, двоюродной сестры Бунина, который особенно любил одного из ее сыновей — Николая.
4. Юлий Алексеевич Бунин принимал участие в народовольческом движении и был арестован в сентябре 1884 года.
5. «Жизнь Бунина», стр. 31.

1893

1. Вероятно, В. В. Пащенко.
2. Возможно, что это ошибка, и у Толстого Бунин был в начале следующего года. См. А. Бабореко, «И. А. Бунин», Материалы для биографии. Москва, 1967, стр. 44.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1894

1. Эта фраза приписана сбоку и обведена красным карандашом.
2. Это был окончательный разрыв с В. В. Пащенко.
3. Второй брат Бунина.

1895

1. Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко — редакторы журнала «Новое Слово».
2. Поэт, один из творцов Козьмы Пруткова.
3. К этому периоду относится переписка Бунина с В. Брюсовым, опубликованная в «Литературном Наследстве» 84, Москва, 1973, стр. 440 и след.
4. «Новый Журнал», номер 80, стр. 128.
5. Вопросительный знак поставлен Буниным. Вера Ник. («Ж. Б.» стр. 94) пишет, что тогда как Юлий Ал. из Москвы вернулся в Полтаву, Ив. Ал. поехал в Огневку, где оставался до самого лета, когда поехал к Юлию.
6. После этих слов почерком Веры Ник. приписано: (ошибка) — «Тарантеллу», в «Ж. Б.» Вера Ник. говорит о «Байбаках» (стр. 95).
7. Почерком Бунина после этих слов приписано карандашом: «Нет, кажется, не верно! N. B. См. 97 г.»
8. Собр. соч., т. 1, изд. Петрополис, Берлин, 1936, стр. 41.
9. Там же, стр. 47.
10. Издательница «Мира Божьего», жена известного виолончелиста.
11. См. «Ж. Б.», стр. 95-96.

1896

1. Вера Ник. не могла раскрыть эти инициалы.
2. В приложенной записи говорится: «Ветрено, скучно, утопленник у островка песчаного. Вечер, заводы».
3. Писатель морских рассказов.
4. Певец, потом редактор «Журнала для всех».

1897

1. Д. Н. Мамин, или Мамин-Сибиряк, писатель, этнограф.
2. Екатерина Михайловна, сестра философа Льва Лопатина, на которой Бунин чуть не женился. В эмиграции им опять было суждено встретиться и она была близка с Буниными вплоть до своей смерти.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3. Тут карандашом поставлено нотабене. Вероятно, Бунин не был уверен, было это в 1897 или в 1896 г.

1898

1. «И опять зачастил к Лопатиным на журфиксы и в будни. Они то спорили, то держали корректуру ее романа, который он немилосердно уговаривал сокращать, — вот, действительно, сошлись две противоположности! — то опять ходили по ночлежным домам» («Ж. Б.» стр. 107).
2. Писатель.
3. Проф. А. В. Карташев, историк церкви, общественный деятель.
4. Грек, редактор «Южного Обозрения», на дочери которого, Анне Николаевне, Бунин скоро женился.
5. Об этой странной свадьбе подробно рассказано в «Ж. Б.» стр. 110-111.
6. Брат Анны Николаевны.
7. Название парохода.
8. Над переводом «Песни о Гайавате» Лонгфелло Бунин работал 1894/1895 гг.

1899

1. «В Ялте возобновил знакомство с Чеховым, встретившись с ним на набережной, пил у него в аутском саду утренний кофий, — дача еще строилась. Встретился через несколько дней опять с ним на набережной, он шел вместе с Горьким, и Чехов их познакомил» («Ж. Б.», стр. 114).
2. Цитируется по копии, присланной в архив А. К. Бабореко.

1900

1. Специалист по нервным болезням, убедивший Бунина отдохнуть в деревне.
2. Поэма Бунина.
3. Редактор «Новой жизни», в которой Горький был постоянным сотрудником.
4. Вл. П. Куровский, художник, хранитель Одесского музея.
5. Цитируется по копии, присланной Вере Николаевне Ал. К. Бабореко.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6. На литературных «Средах» бывали Телешов, Горький, Л. Андреев, Гарин-Михайловский, Б. Зайцев и др.
7. «Ж. Б.», стр. 124-125.

1901

1. Проф. Ник. Карлович Кульман, с которым Бунин часто встречался потом в эмиграции.
2. С. Я. Елпатьевский, писатель.

1902

1. Писатель Леонид Андреев с женой.
2. Художник П. А. Нилус, близкий друг Бунина.
3. Писатель Н. Телешов.

1903

1. Драматург, автор «Детей Ванюшина», псевдоним С. А. Алексеева.
2. См. «Ж. Б.», стр. 142.
3. Там жила в то время сестра Бунина Мария Ал. Ласкаржевская, у которой жила их мать.
4. Артистка Художественного театра.
5. Письмо это напечатано и в «Ж. Б.», стр. 144-145.
6. Приписка карандашом: Когда «Каина»?
7. Собр. соч. (Петрополис), т. I, стр. 65.
8. Служивший приказчиком в магазине готового платья С. А. Алексеев получил за «Детей Ванюшина» Грибоедовскую премию и стал драматургом Найденовым.
9. Вера Николаевна говорит: «Иван Алексеевич бывал у него каждый вечер, просиживал далеко за полночь. В эти ночные бдения они особенно сблизились...» («Ж. Б.», стр. 153).
10. Журналистка, дружившая с Буниным.
11. Заглавие рассказов «Сны» и «Золотое руно», вышедших в издании «Знание».
12. Маршрут поездки был: Вена, Ницца, Флоренция, Венеция и назад в Москву.

1905

1. «Ж. Б.», стр. 162-166.
2. С. П. Бонье.
3. Художник Евг. Ив. Буковецкий.

1906

1. Письмо, как и другие письма Нилусу, хранится в архиве. Предполагаю, что их в свое время передала Вере Николаевне вдова Нилуса, Берта Соломоновна.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

2. См. «Новый Журнал», № 59, стр. 127-156.
3. Борис Константинович и Вера Алексеевна Зайцевы.

1907

1. Длинное стихотворение Бунина.
2. Возможно, что это неточно. Сохранилась открытка от 1 февраля 1907 г., в которой Бунин пишет Нилусу: «Весь февраль буду в деревне».
3. Вера Ник. считает, что Бунин ездил добывать деньги на путешествие в Палестину.
4. «Новый Журнал» № 59, стр. 151.
5. «Новый Журнал» № 60, стр. 166-169.
6. «Новый Журнал» № 62, стр. 147-175, также И. Бунин «Тень птицы».
7. Видимо, В. Н. ошиблась, речь идет о цитатах из Торы.
8. «Грани» № 47, стр. 85.
9. После этих слов оставлено белое место.
10. Путь немалый, пишет В. Н., — ехать придется часов десять, у Генисаретского озера мы будем только часам к шести — «Грани» № 47, стр. 91).
11. [...] да и славные на весь мир тивериадские блохи давали себя знать, — прибавляет В. Н. («Грани» № 47, стр. 92).
12. П. А. Нилус?
13. «Грани» № 47, стр. 93.
14. Продолжение записей переписано на машинке.
15. Несколько домиков, несколько деревьев, высоких и раскидистых, — вспоминает В. Н., — вот и все, что осталось от города, где Иисус сотворил самое земное чудо. («Грани» № 47, стр. 94).
16. Там же.
17. На горе Кармель, по преданию, жил пророк Илья, там стоял один из древнейших монастырей, а в XII веке был основан монастырь кармелитов.
18. Напитки каждой страны Яна очень интересуют. Он говорит, что через вина он познает душу страны. («Грани» № 47, стр. 95).
19. «Грани» № 47, стр. 99.
20. Там же, стр. 101.
21. «Грани» № 48, стр. 126 и след.
22. Там же, стр. 133.
23. См. А. Бабореко. И. А. Бунин, Материалы для биографии, Москва, 1967, стр. 111.
24. Газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1955 г., 7 и 8 августа.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25. «Новое русское слово», от 23 авг. 1955.
26. Согласно дневничку В. Н., это было в начале июля.
27. Брат Бунина, у которого в то время жила мать их и сестра М. А. Ласкаржевская с детьми.
28. «Новое русское слово», сентябрь 1955.
29. «Беседы с памятью», («Новый Журнал» № 63, стр. 173).
30. Судя по дневничку В. Н., к Телешовым поехали: И. А. Бунин, Ю. А. Бунин и Ник. Пушешников.
31. Согласно дневничку В. Н., Бунин уехал 10 сент., вернулся в Москву 17-го.
32. Редактор «Знания».
33. Перевод «Каина» Байрона.
34. «Новый Журнал» № 63, стр. 176.
35. Там же, стр. 180 и след.
36. Это был первый раз, что А. И. Куприн, после разрыва с женой, пришел к ней.

1908

1. «27М — 7, ветер». Возобновляются записи 22 апреля: «Весна, все в нежной зелени, соловей. Вчера только пробовал голос».
2. «Новый Журнал» № 63, стр. 194-195.
3. Там же, стр. 198.

1909

1. «Новый Журнал» № 64, стр. 205-220.
2. «Беседы с памятью»: «Возвращение домой» («Грани» № 52, стр. 221-244).
3. В мае.
4. Их черты отразились на образах Родьки и Молодой в «Деревне» Бунина.
5. «Грани» № 52, стр. 233-234.
6. Там же, стр. 236.
7. А. М. Федоров.
8. «Грани» № 52, стр. 237.
9. Там же, стр. 237-238.

1910

1. «Грани» № 53, стр. 65.
2. «Деревня» была продана М. К. Куприной.
3. Дневничок-конспект В. Н.
4. «Грани» № 53, стр. 70.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

5. В письме Нилусу от 5 янв. (ст. ст.) 1911 Бунин говорит: [...] боль в правой стороне живота и в почке, — свалился от этой боли чуть не до потери сознания. Всю ночь со мной возились. [...]

1911

1. «Петлистые уши» (Нью-Йорк, 1954), стр. 332-361. Думается, что «Воды многие» это литературная обработка не сохранившихся в архиве записей.
2. Е. Буковецкий.
3. Бунин изобразил его в рассказе «Древний человек».
4. Эта фраза встречается и в дневничке В. Н. После нее написано: «Мы вдвоем!»
5. У В. Н. сказано, что в Измалкове она, между прочим, встретилась с Е. М. Лопатиной.
6. В дневничке В. Н. сказано, что в ноябре Бунин написал «Сверчок» (28-30 ноября), «Хорошая жизнь», «Смерть Моисея», а в декабре «Ночной разговор» (19-23 дек.), «Веселый двор» (31 дек.).
7. Поэт А. С. Черемнов.

1912

1. На бумаге Grand Hôtel Quisisana, Capri.
2. В. Н. с Н. Пушешниковым совместно переводили «Грациэллу» Ламартина.
3. Сестра Бунина, М. А. Ласкаржевская.
4. Славянофил Иван Киреевский.
5. Произведение А. С. Пушкина.
6. В письме от 12 августа из Клеевки, Бунин сообщает Нилусу: Книгу назвал «*Суходол*». Повести и рассказы 1911-12 г. Больше ничего не придумаешь. [...]
7. О праздновании юбилея см. Бабореко, стр. 177-181.

1913

1. Произведение А. Герцена.
2. Видимо, в ноябре Бунин был на Кавказе, так как 17 ноября 1913 г. он послал Нилусу открытку: «Дорогие, я опять в Москве: проклявши Кисловодск, простудившись там вдребезги, позавчера вернулся. Больной и пишу».
3. Судя по открытке Нилусу, были и в Вероне.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1914

1. «Братья» (?)
2. Ссылка на «Очерки Италии» П. Муратова.
3. У Н. А. Пушешникова был припадок астмы.
4. Брат Веры Николаевны, Павел Ник. Муромцев.
5. «Книгоиздательство писателей».

1915

1. Писательница Л. Авилова, автор воспоминаний о А. П. Чехове.
2. Писатель Ф. Сологуб.
3. Художник Илья Репин.
4. Писатель К. Чуковский.
5. Сын Л. Н. Толстого.
6. Ф. А. Коршу в Москве принадлежал театр.
7. См. пр. 4, 1900 г.

1916

1. А. А. Коринфский, поэт.
2. Журнал, издававшийся М. К. Куприной.
3. Евг. Н. Чириков, писатель.
4. Д. Л. Тальников, критик, публицист.
5. После этих слов вклеена запись (Пушешникова?), начинающаяся словом: «взволнован».
6. Писатели-народники.
7. За этим следуют три строки, зачеркнутые чернилом и подчеркнутые волнистой линией: «А что они сделали для этого народа, столь забытого, действительно жалкого народа. Ничего. Погоди, погоди, этот доблестный народ, над которым они так умиляются, им покажет!»
8. Этот отрывок написан почерком Бунина.
9. Рукопись.
10. Роман Ф. Сологуба.

1917

1. Впоследствии Бунин расскажет об этой поездке в «Окаянных днях», стр. 83-89 (изд. Заря, 1973 г.).
2. Интересно, что Бунин употребляет здесь то же выражение, как и Достоевский в «Записках из подполья».

1918

1. Вероятно, литературовед Ю. Айхенвальд.
2. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, стр. 9.
3. «Нам предоставили купэ в санитарном вагоне, где на-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ходилась столовая для медицинского персонала и купэ доктора», — пишет В. Н. в другом месте.

4. Советская поэтесса.
5. На поезде Бунины приехали в Гомель. Оттуда на пароходе поехали в Киев.

Часть вторая. Одесса

1918

1. Под Одессой, Большой Фонтан.
2. А. М. Федоров.
3. Давид Лазаревич Тальников, критик.
4. Почтового сообщения с Москвой тогда не было, письма привозились приезжими.
5. Писатель Г. Д. Гребенщиков.
6. Критик и литературовед Д. Н. Овсянико-Куликовский.
7. Валентин Катаев, советский писатель. См. В. Катаев, «Трава забвения», «Сов. писатель», М., 1969.

7а. Д-р М. Брянская, давнишняя приятельница Веры Ник. Воля — вероятно, ее сын.

8. Литератор Ал. Абр. Кипен.
9. Вероятно, С. В. Яблоновский, литератор.
10. Мих. Осип. Цетлин, писатель, общественный деятель, журналист.
11. В. В. Руднев.
12. С. С. Юшкевич, писатель.
13. И. И. Фондаминский, политический деятель, эс-эр (как Руднев и Цетлин), впоследствии редактор эмигрантского «толстого» журнала «Современные записки».
14. Леонид Петрович Гроссман, писатель, литературовед.
15. Борис Савинков, помощник министра в правительстве Керенского. Член партии социал-революционеров.
16. Генерал Корнилов, в неудавшемся восстании которого участвовал и Савинков.

16а. Дерибасы — потомки создателя Одессы.

17. Рассказ Ив. Ал. Бунина.
18. Иван Фед. Наживин, толстовец.
19. Поэт и драматург XIX века.

1919

1. Произведения Н. В. Гоголя.
2. С. Я. Елпатьевский, писатель.
3. Поэт Максимилиан Волошин.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

4. Б. Л. Варшавский, журналист и фотограф.
5. Историк проф. Д. Иловайский, о котором В. Н. написала впоследствии воспоминания «У старого Пимена».
6. В. Л. Бурцев, политический деятель.
7. И. Ладыжников, издатель.
8. Л. И. Гальберштадт, журналист, секретарь сборников «Северное сияние», редактором которых был Бунин.
9. Писатель Ал. Ник. Тихонов (Серебров).
10. Писательница, псевдоним Н. Ал. Лохвицкой.
11. См. стр. 129-135. Переписка Бунина с Черемновым опубликована в «Литературном Наследстве», т. I, стр. 639-658.
12. Вл. И. Немирович-Данченко, директор МХТ'а.
13. Артист МХТ'а.
14. Вероятно, Л. Ис. Гальберштадт.
15. Поэт Валерий Брюсов.
16. Писатель.
17. Писатель Марк Алданов, псевдоним М. А. Ландау.
18. П. Н. Милюков, бывш. член Госуд. думы, лидер партии кадетов.
19. Военный министр в начале войны.
20. Англичанин, у которого В. Н. брала уроки английского языка.
21. Вероятно, Петр Моисеевич Пильский.
22. С 12 апреля 1919 г. начинаются записи Ив. Ал. Бунина, вошедшие в «Окаянные дни». Их приводить не буду. Своевременно остановлюсь на его дневниковых записях, сохранившихся в рукописи и, вероятно, послуживших источником «Окаянных дней».
23. В «Окаянных днях», (изд. Заря, Лондон/Канада, 1973), в записи от 16 апреля, между прочим, сказано: Встретили Л. И. Гальберштадта (бывший сотрудник «Русских Ведомостей», «Русской Мысли»). И этот «перекрасился». Он, вчерашний ярый белогвардеец, плакавший (буквально) при бегстве французов, уже пристроился при газете «Голос Красноармейца» (стр. 53).
24. Гражданская жена И. А. Бунина, тогда В. Пащенко.
25. Писательница, Т. Л. Щепкина-Куперник.
26. Над этими словами рукой Бунина написано: Получено 1 июня (ст. стиля) 1919 г.
27. Дмитрий Николаевич Муромцев, брат Веры Николаевны.
28. Вероятно, жена Н. Л. Геккера, критика и публициста, в прошлом участника революционного движения.
29. Внук Дерибаса.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

30. Председатель Исполкома.
31. Знаменитая артистка.
32. Литератор, Аминад Петрович, писавший под псевдонимом Дон-Аминадо.
33. Художник, поэт.
34. Речь идет о восстании немецких колонистов, см. также запись от 21 июля/3 августа.
35. Н. П. Кондаков, искусствовед.
36. Вероятно, французский историк Жюль Мишлэ.
37. Писатель А. Серафимович, в прошлом участник «Сред».
38. В. М. Пуришкевич, политический деятель, основатель «Союза русского народа», участник убийства Распутина.
39. Вл. Аф. Подгорный, артист Художественного театра.
40. Речь идет о редакторстве газеты «Южное Слово». Произошло это после скандала, связанного с протестом против постоянного вмешательства Клименко в редакционные и литературные дела газеты.
41. Артистка Художественного театра, вдова А. П. Чехова.
42. М. П. Чехова, сестра А. П. Чехова.
43. Жена М. Горького.
44. Сын Горького.
45. В. Д. Бонч-Бруевич, секр. Совнаркома.
46. М. Ф. Андреева, гражданск. жена М. Горького.
47. Вероятно, Е. И. Назаров, поэт.

1920

1. Г. Ф. Ярцев, художник.
2. Великий князь.
3. Сбоку приписка карандашом почерком Ив. Ал. Бунина: Офицер с такой фамилией.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Указатель имен

(Не включены лица, фамилии которых установить не удалось и которые лишь мельком упомянуты в тексте.)

Абакумов, крестьянин 118, 124, 129
Авилова Л. А. 142
Автунович 335
Азбелев Н. П. адм. 74
Алданов М. А. (Ландау) 218
Александр II 287
Александра Федоровна, императрица 200, 239
Александровский, Вас. 262.
Алексеев, М. ген. 309
Алексей, царевич 204
Алферов Ст. (?) 315
Ангел, атаман 282
Анджелико Фра 155
Андреев Леонид Н. 38, 40, 72, 73 74, 75, 132, 140, 149, 180
Андреева М. Ф. (жена Горького) 91, 92, 115, 134, 197, 201, 319
Андреевский, гор. гол. 52
Анненский Н. Ф. 93
Ансельм 238
Анский С. 302
Анюта, горничная 258, 266, 270, 276, 278, 299, 377, 338, 341
Апухтин, тов. мин. 308
Аркадский Л. (А. С. Бухов) 324
Астров Н. 315
Арцыбашев М. П. 211
Айхенвальд Ю. И. 171

Бабарыкина (Боборыкина?) 31
Багрицкий Эд. Т. (Э. Г. Дзюбин) 229, 237
Байрон Г. 76
Байтер, писат. 302
Бакст Лев 75
Балавинский 315
Бальмонт К. Д. 26, 33, 120, 205, 261
Бальтрушайтис, Ю. К. 261, 262
Баратынский Е. А. 127
Баранцевич К. С. 27, 28
Баранцевич К. С. 27, 28
Барсов Е. В. 127
Батистини 116
Бахтеярова (соседка) 162, 164, 193
Башкирцева М. А. 156, 157
Белоусов И. А. 88, 134
Бельговский 332.
Белый Андрей (Б. Н. Бугаев) 210, 261, 262
Беляевы 212.
Берлинд (Берлянд?) 254, 309
Бернацкий, проф. М. В. 216, 217
Бертенсон В. 156
Бибиков Арс. Н. 252
Бибикова В. В., ур. Пащенко 250, 252, 253
Билимович, проф. 286, 315, 323, 324, 325, 326, 344
Благов Ф. И. 216
Блок А. А. 74, 75, 194, 210
Блюменберг Г. Г. 72
Боборыкин П. Дм. 273
Боборыкина С. А. 273
Бодаревский, художн. 253
Болотов (С?) 336
Бонч-Бруевич В. Д. 319
Бонье С. П. 46
Борченко 168
Брайкевич 200
Брайневич 186
Бродский Н. Л. 261
Брусилов А. А., ген. 188
Брэм А. 179
Брюсов В. Я. 26, 82, 218, 246
Брянский В. В. («Воля») 188, 309, 310, 312, 313, 314, 316, 322, 324, 326, 327, 332
Брянский В. Д. 310
Будищев А. Н. 27, 28
Буковецкий Е. И. («Евгений») 48 49, 50, 82, 90, 109, 115, 178, 181, 189, 190, 192, 196, 197, 201, 202, 209, 220, 229, 230, 232, 249, 276, 277, 320, 325, 339, 340
Булыгин А. Г. 205
Бунге, физиолог 250
Бунин А. Дм. 130
Бунин А. И. 20, 124
Бунин Ал. Н. («отец») 112, 124, 134, 149
Бунин Ап. Ник. 130
Бунин Влад. Ап. 130
Бунин Влад. Дм. 130
Бунин Дм. С. 130
Бунин Евг. Ал. («Евгений») 25, 70, 83, 84, 85, 123, 162
Бунин Н. Дм. 130
Бунин Николай И. 36, 44
Бунин Ник. Сем. 130
Бунин Ф. Ап. 130

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бунин Ю. Ал. («Юлий») 22, 23, 25, 26, 34, 35, 40, 55, 71, 83, 87, 108, 109, 112, 116, 121, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 137, 138, 143, 145, 156, 162, 167, 171, 172, 178, 184, 185, 186, 189, 191, 208, 260, 281
Бунина А. Н., ур. Цакни 33, 35, 233, 250.
Бунина Варв. Ник. 130
Бунина жена Н. Дм. 130
Бунина Людм. А., ур. Чубарова («мать») 25, 67, 68, 69, 70, 77, 82, 83, 92, 112
Бунина Ольга Дм. 130
Бунина Олимпиада Дм. 130
Бурцев В. Л. 212, 326
Бутенко 237
Бэклин А. худ. 152
Бэла-Кун 293
Бя́кин М. 17

Вальбе Б. С. 320
Варнеке Б. В., проф. 195
Варшавский Б. Л. 207, 216, 323
Варшавские 267, 269
Вейнберг П. И. 28
Великие князья 188, 333
Великий князь 89
Велихов Б. А. 317, 319, 322, 323
Велиховы 318
Величко (Г. И.?) 280
Венгеров С. А. 144
Вересаев В. В. (Смидович) 53, 140, 184, 211
Верлэн Поль 182
Верхарн Э. 246, 247
Вильгельм, имп. 46, 239
Вильсон Т. В., през. США 192
Вознесенский А. 152
Волкенштейн А. А. 24
Волошин М. А. (Кириенко-Волошин) 206, 210, 222, 224, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 247, 248, 249, 250, 267, 311
Вольнов Иван 135
Воргунин 23
Вотье, фр. консул 343
Врангель Н., бар. 207, 315
Врангель П. Н., ген. бар. 321 330

Гайдебуров П. А. 22
Гальберштадт Л. И. 87, 213, 214, 215, 217, 228, 242, 247, 280
Гальперин М. П. 261
Ганский, художн. 178, 298
Гарибальди, Дж. 178
Геккер (жена Н. Л. Геккера) 266, 294, 298
Гельнер, арт. 262
Герцен А. И. 134
«Былое и думы» 195, 316
Гершензон М. О. 262, 281
Гессен В., проф. 75
Гете В. 180, 181, 182
Гинденбург П. 241
Гиппиус Зин. Ник. 27, 28
Гоголь Н. В. 82, 83, 195, 241, 258, «Коляска», «Рим» 206
Голицына, кн. Марг. 221
Голоушев С. С. (Глаголь) 73
Голоушева, артистка 40
Гольдман 317.
Гонкуры Эдм. и Жюль 211
Гончаров И. А. 114, 325
«Обрыв» 293
Горас 337, 341
Горнфельд А. Г. 93
Городецкий С. 94, 155
Горький Максим (Ал. М. Пешков) 34, 35, 38, 39, 73, 79, 80, 81, 91, 92, 115, 134, 135, 142, 143, 149, 150, 168, 190, 191, 196, 197, 201, 212 213, 214, 218, 233, 242, 288, 293, 319, 333
Горькие 79, 80, 115, 132, 134, 201
Гребенщиковы (Гр-ов Г. Д.) 178, 179
Гржебин З. И. 72
Григорович Д. В. 27
Григорьев, атаман 224, 271, 290, 313
Григорьева Л. 154
Гринблат, комиссар 271, 273
Гроссман Л. П. 195, 196
Грузинский А. Е. 87, 116, 260, 261
Гусаков А. Г., проф. 75, 89
Гусев-Оренбургский, С. И. 184, 218
Гутман Моисей 252
Гюго Виктор 93
Гюнтер 206

Давыдов Н. В. (?) 143, 156
Давыдова А. А. («Муся») (см. Куприна) 27, 28, 34, 38, 39
Данте Алигьери 334
Дашкова Е. 145
Деба 329, 330, 335, 338
Делидзе 169
Деникин А. И., ген. 221, 241, 271, 272, 282, 287, 291, 292, 295, 297, 298, 301, 306, 316, 321, 326, 330, 334, 335
Дерибас (де-Рибас) А. М. 199, 206, 327, 328
Дерибас (де-Рибас) Л. М. 206, 235, 306, 331
Дитерихс Е. 40
Дитерихс (Н. М.?) 320, 323.
Дмитрий Павлович, вел. князь 140
Додэ А. 180.
Достоевский Ф. М. 122, 195
«Село Степанчиково» 193
Смердяков 182
Драгомиров А. М. ген. 329
Духонин С. ген. 309

Елпатьевская Л. С. 27, 28
Елпатьевский С. Я. 27, 28, 37, 93, 202, 203, 206
Ермилов В. Е. 247
Ермолова М. Н. 272

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Жемчужников А. М. 26, 27
Жуковский Вас. А. 20, 124

Зайцев Б. К. 53, 72, 82, 158, 261
Зайцева В. А. («Верочка») 53, 54
Зайцевы 53, 72, 82
Зак 48
Залкинд 317
Засодимский, П. В. 28
Заузе В. Х. 51
Захаров Егор 17
Зверев 26
Зейдеман (клуб) 202, 206
Зелюник О. Г. 299, 300, 302
Зилов Л. Н. 143
Златоврацкий Н. Н. 33, 150, 151
Зола Эмиль 39

Иванов Вяч. В. 261, 262
Иловайский Д. И., проф. 210
Ильин (В. Н.?) 257
Ильины 161
Ильнарская В. Н. 267
Инбер Вера М. 174, 193
Иорданский Н. И. 74
Иоффе, поэт 302
Иркутов (А. Д. Каррик) 229

Казин Вас. 262
Калиниченко 286, 297, 305
Калинников Е. 332
Каменева, ур. Троцкая 319
Каменские (А. П. К-ий) 91
Каменский В. М. 246
Карамзин Н. М. 215
Карзинкин А. А. 39, 88
Каринские (Н. С. К-ий) 202
Кармен (Л. О. Коренман) 311
Карпов Н. А. (?) 324
Карташевы (А. В. К-ев) 33
Катаев В. П. («Валя») 179, 180, 188, 193, 198, 209, 220, 229, 237, 238, 241, 310, 311
Кауфман А. А. 254
Качалов В. И. 262
Керенский А. Ф. 178, 193, 197
Кин (О. А. Инбер) 270
Кипен (Киппен) А. А. 30, 189, 209, 210, 252, 258, 266, 269, 312, 313, 318
Кипены 312, 325
Киреевский Иван В. 124
Клемансо Ж. 218, 220
Клестов (Н. С. Анчарский) 260, 261
Клименко (Н. К.?) 298, 308, 309, 318, 322, 331, 332
Климович В. 39
Ключевский В. О. 215
Книппер О. Л. (-Чехова) 39, 43 319
Ковалевский/-ая (дача) 133, 137, 252
Коган П. С. 262, 331
Койранский А. А. 216, 287, 300, 310, 319, 335
Колчак А. В. адм. 206, 221, 241, 243, 245, 271, 289, 291, 300, 303, 308, 309, 321, 326
Кольцов А. В. 195
Комаровский, гр. 68
Комиссаржевская В. Ф. 339
Кондаков, Н. П. 290, 291, 292, 297, 312, 314, 315, 318, 323, 324, 325, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 337, 338, 341, 342, 344, 345, 346, 347
Книг 256
Конфуций 114
Кончевская 134
Копельман С. Ю. 72, 75
Коринфский, А. А. 148
Корнилов Л. Г., ген. 197, 309
Короленко В. Г. 150, 151, 184, 211
Корш Ф. А. 143, 158
Костомаров Н. И. 215
Котляревский Н. А., проф. 75, 88
Котляревские 268
Коцинский 334
Кошиц, певица 206
Крандиевская Н. В. 75 (см. Толстая)
Крашенников Н. А. 52, 55
Кривенко С. Н. 26, 27
Кропоткин П. А. 136
Кугель А. Р. 209, 229
Кузнецов, инж. 315
Куликовские см. Овсянико-Куликовские
Кульман Ник. К., проф. 37
Кулябко-Карецкий 293
Куприн Ал. Ив. 33, 38, 39, 40, 74, 87, 88, 92, 120
Куприна, М. К. ур. Давыдова (см.) 74, 90
Куровский Вл. П. («Павлыч») 35, 40, 48, 49, 50, 51, 52, 67, 82, 116, 134, 145, 146, 147, 196
Куровские 48, 116
Куропаткин (дворец.) 203

Ладыженский В. Н. 27, 28, 315
Ладыжников И. П. 213
Лазурский (В. Ф.?), проф. 184, 230
Лазурский Дима 267
Лазурские 188
Ланде Ал. С. (Изгоев) 48
Лапинер 317
Ласкаржевская М. А., ур. Бунина («Маша»), («сестра Маша»») 40, 68, 70, 71, 76, 77, 86, 92, 117
Ласкаржевский И. А. 70, 92
Левашов, проф. 286, 297, 298
Левитан И. И. 36
Левитов А. И. 123
Ленин Вл. И. 210, 219, 241, 242, 319
Леонидов О. 261
Лермонтов М. Ю. 21, 195
Леткова-Султанова Ек. П. 75
Линиченко, проф. 286, 297
Личкус В. П. 265
Лихунчанг 120
Лопатин 317
Лопатина Ек. Мих. (Ельцова) 31, 32, 33, 34, 53
Лукомский 330
Лопухов (С. Д. Муравейский?) 330

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Лопуховский (А. Я.?) 332
Лоти Пьер 67, 91
Лохвицкая Мирра А. 33
Лукомский А. С., ген. 330
Луначарский А. В. 172, 191, 259, 262, 319
Лурье С. В. 254
Львова А. Д. (?) 246
Львов-Рогачевский В. Л. 261
Людмила, домоправит. 258, 259, 337
Ляшко (Ляшенко) Н. Н. 143

Малиновская 319
Малиновские (М-ий, А. А.) 319
Малич 270
Макс Ли (О. Н. Хренникова) 39, 40, 44
Мамин Д. Н. (Мамин-Сибиряк) 31
Мамонтов А. И. 246
Мамонтов, ген. 317
Манухин И. И., д-р. 213
Марковский А. П. 304
Марьяш 264
Махно Нестор, 282, 290, 313, 316, 337
Мережковский Дм. С. 27, 28
Мечников И. И. 129
Микитко 336
Милюков П. Н. 218
Минский (Н. М. Виленкин) 27, 28, 264
Миров (В. С. Миролюбов) 29
Мирский 314, 320
Митрофаныч см. Федоров, А. М.
Мицкевич А. 178
Мишлэ Жюль 291
Михаил Александрович, вел. кн. 203
Михайловский Н. К. 26, 27, 31, 151
Михеев В. М. 27, 28, 31
Мопассан Гюи 157, 180, 183
Муратов П. 136, 211
Морозовы (дворец.) 262
Муромцев Андр. 68
Муромцев Дм. Н. («Митя») 101, 103, 265, 281, 283, 314
Муромцев Вл. Сем. 54
Муромцев Н. А. («папа») 55, 71, 88, 224, 240, 283
Муромцев П. Н. (Павлик) 139
Муромцев С. Л. 94, 104
Муромцева Л. Ф. («мама») 55, 71, 86, 89, 101
Муромцевы («родители») 71, 185, 258, 281, 283, 314
Мякотин В. А. 93, 202
Мясоедов Г. Г. 24, 25

Надсон С. Я. 143
Наживин И. Ф. 203, 204, 205, 312, 320
Назаров Е. И. 326
Найденов (С. А. Алексеев) 40, 44, 55, 74
Недзельский В. О. 223, 269, 281 282, 312, 340
Недзельские 178, 179, 231, 281, 282, 317
Нежданова (арт.) 262
Немирович-Данченко В. И. 216
Никандров (Н. Н. Шевцов) 184
Никитина Е. 342
Николай II («Государь», «Царь») 46, 158, 181, 199, 200, 239, 333
Николай Николаевич, вел. кн. 334
Нилус П. А. («Петр») 39, 48, 52, 55, 61, 67, 72, 77, 78, 79, 82, 83, 85, 86, 88, 89, 92, 93, 94, 95, 108, 114, 115, 129, 131, 132, 133, 139, 144, 146, 147, 155, 156, 158, 159, 167, 168, 178, 180, 181, 186, 187, 189, 190, 197, 220, 229, 230, 232, 234, 235, 237, 250, 256, 257, 258, 267, 275, 277, 320, 325, 328
Ницше Фр. 93
Нос, офицер 338

Оболенский (кн. В. А. ?) 328
Овсянико-Куликовский Дм. Н. («Куликовский») 93, 134, 182, 183, 193, 209, 211, 212, 229, 234, 248, 273, 279, 288, 310, 312, 329, 339
Овсянико-Куликовская И. Л. 211, 248, 315, 339, 340
Овсянико-Куликовские («Куликовские») 134, 179, 182, 211, 212, 234, 248, 265, 279, 298, 339, 343
Озаровский Ю. Э. 188
Олеша Ю. К. 229
Орлов 168
Островский А. Н. 195

Павлыч 79 (см. Чехов), 147 (см. Куровский)
Панина С. Вл. 45, 81
Пащенко В. В. 23, 250 (см. Бибикова)
Пеговы 344, 347
Первухин К. К. 143
Переплетчиков В. В. 148
Петлюра С. 194, 264, 297, 299, 326
Петлюровцы 198, 200, 201, 203, 208, 270, 321, 326
Пешков Зиновий Ал. («Зина») 91, 92
Пешков Максим А. 91, 135, 319
Пешкова Ек. П. (К. П.) 134, 135, 136, 168, 213, 319
Пильский П. М. 225, 321
Питерс, мистер 221
Пичет, критик 302
Платон, митрополит 323, 332
Плеханов Г. В. 197
Победимовы (соседи) 158, 162
Победоносцев К. П. 100
Подвойский Н. И. 292
Подгорный В. А. 315
Полевицкая (по мужу Шмидт) 254, 255, 267
Полетаев (Н. Э. Бауман) 262
Полонский Я. Б. 330
Полынов Н. («Коля») 272
Полынов С. В. 254, 256, 279
Полынова М. Н. 279, 288, 309

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Полынова Т. Л. (см. Щепкина-Куперник)
Полыновы 256, 272, 279, 280, 288
Попова О. Н. 27, 28
Поссе Вл. А. 35
Потапенко И. Н. 27, 28
Поярков Ник. Е. 53
Пташниковы 238
Пуришкевич В. М. 313, 314
Пушешников Д. А. («Митя») 55, 83, 85, 116
Пушешников Ник. А. («Коля») 55, 68, 71, 76, 78, 83, 85, 88, 106, 109, 112, 113, 114, 116, 123, 128, 129, 132, 133, 134, 136, 140, 141, 142, 150, 154, 156, 157, 161, 162, 171, 184
Пушешникова С. Н. («Софья», «сестра Софья») 68, 75, 86, 92, 112, 158, 160, 193
Пушешниковы 55, 75, 76, 85, 160
Пушкин А. С. 149, 180, 195, «Путешествие в Арзрум» 127
Пятницкий К. П. 72, 91, 197

Рабинович Ф. 345
Раецкий С. С. 209
Раковский 294
Распутин, Г. Е. 158, 187
Ратнер (А. И.?) 293, 322
Рафаэль (внук Дерибаса) 267
Рахманинов С. В. 75, 144
Регинин 247
Реклю Э. 136
Ренье Анри 211, 247, 248
Репин Илья Е. 143
Родзянко М. В. 203
Розанов В. В. 82
Розенберг В. М. 286, 295
Розенберги 287
Розенблат 336
Розенталь 223, 291, 308, 312
Романовский И. П., ген. 330
Ромашкова С. П. 107
Ростовцевы Мих. Ив. и С. М. 75, 268
Рот, доктор 35
Рубинштейн Ида 199, 202
Рубинштейн, раввин 302
Руднев В. В. 192, 193, 202, 212, 222
Рукавишников И. С. 262
Рышков Вал. Ник. 17, 71, 108
Рышкова Анна Вл. 130
Рышковы 108

Саади Гулистан 67, 93
Сабашниковы М. и С. 210
Саблин Ю. 292
Савина М. Г. 27, 28
Савинков Б. В. (В. Ропшин) 197, 228
Сакер Я. Л. 115
Сакулин П. Н. 261
Свердлов Я. М. 215, 255
Северный 242, 243, 308, 347
Серафимович (А. С. Попов) 75, 168, 169, 302
Серкин 208, 243, 281, 292
Серов В. А. 199, 200
Сипягин Дм. С. 71
Скворцов Н. А. 184, 191
Скиталец (С. Г. Петров) 75
Скрябин А. Н. 218
Смирнов-Треплев см. Треплев
Соболевский (В. М.?) 202
Соколович 196
Сократ 137
Соловцов Н. Н. 38
Сологуб (Ф. К. Тетерников) 27, 142, 154, «Мелкий бес» 157
Соллогуб, граф (дом) 261
Станиславский К. С. 90
Станюкович К. М. 29
Строев П. А. 134
Сухомлинов В. А. 219
Сытин И. Д. 87

Таганок 109, 110, 113, 126
Тальников (Д. Л. Шпитальников) 150, 178, 179, 183, 184, 194, 271, 272, 321
Тальникова Ю. М. 178
Тальниковы 178, 179, 279
Татида (Татьяна Давыд-а) 247, 249
Телешов Ник. Д. 39, 56, 68, 71, 87, 88, 90, 93, 134, 140, 168, 184, 191, 208
Телешова Ел. Андр. 88
Телешовы 71, 134, 168
Терещенко М. И. 115
Тестов 116
Тиверий 165
Тимковский Н. И. 116
Тихонов (А. Н.?) 143
Токмаковы 38
Толстая Ал. Л. 81
Толстой А. К. 205
Толстой А. Н. 185, 186, 187, 188, 202, 216, 230
Толстая Н. В. (Крандиевская) 185, 186, 188, 202
Толстые (А. Н. и Н. В.) 169, 188, 193, 206, 222
Толстой Илья Л. 143, 247
Толстой Л. Н. 24, 37, 38, 45, 80, 81, 92, 94, 116, 142, 149, 180, 195, 209, 218, 258, 325
«Семейное счастье» 208
Толстая С. А. 205
Толстой (особняк) 230
Тренев К. А. 318
Треплев (А. А. Смирнов) 261
Троцкий Лев 241, 242, 255, 300, 301, 319, 332
Трубецкой Евг. Н. 142, 209
Туган-Барановская 288, 289, 330
Туган-Барановские 324
Тулуп З. П. 327
Тупик 162
Тургенев И. С. 149, 195
Тухолка 328
Тэн Ипп. 211
Тэффи (Н. А. Лохвицкая) 215

Успенский Н. 123
Устиновы 158, 169
Уточкин 52

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ушковы 202

Федоров А. М. («Митрофаныч») 27, 29, 30, 31, 32, 33, 40, 55, 67, 82 87, 88, 92, 109, 133, 141, 159, 177, 181, 196, 231, 238, 248, 257, 258, 259, 269, 291, 318, 328
Федорова 231
Федоровы 67, 133, 159, 178, 179
Фельдман 270
Фердинанд, король 302
Флобер Г. 180
Флоренский, проф. 259
Фондаминский-Бунаков, И. И. 193, 222
Фра Беато 155
де Франси 327

Харкеевич, В. К. 38, 39
Хин (Р. М. Гольдовская) 228
Худякова М. Я. 264

Цакни А. Н. см. Бунина
Цакни Б. Н. 33
Цакни Н. П. 33, 34, 35
Цакни Э. П. 34
Ценовский А. 93, 116
Ценский (Сергеев-Ценский, С. Н.?) 318
Цетлин М. О. 192, 197, 202, 211, 222
Цетлина М. С. 199, 222, 224
Цетлины 193, 202, 210, 222, 242, 249

Чайковский М. И. 182
Чарпов 159
Чеботарева 261
Черемнов А. С. 115, 129, 130, 134, 135, 215, 220
Черемновы 115, 134, 135
Чернявин, ген. 316, 317
Чернявский (Н?) 330
Чехов Ант. П. 26, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 79, 89, 90, 153, 180, 183, 205, 206, 258
«Вишневый сад» 259
Чехова Е. Я. 36, 37, 40, 44, 45
Чехова М. П. 36, 37, 40, 43, 44, 45, 319
Чириков Е. 150, 151, 315
Чириковы 202
Чубаров А. 108
Чубаров И. А. 108
Чубарова А. И. (ур. Бунина) 108
Чубаровы 108
Чуковский К. И. 143

Шабельский (А?) 332
Шаляпин Ф. 115, 133, 319
Шапиро 47
Шатан, худ. 183
Шенье Андрэ 320
Шер 206
Шесток 267
Шиллинг (М.?) 309, 322, 323, 324, 325, 330, 344
Шишкина (дача) 177, 186
Шишко Л. 266
Шишко (вдова Л. Шишко) 135, 136
Шкляр Н. Т. 143
Шмелев И. С. 318
Шмелевы 184
Шмидт И. Ф. 254, 290
Шмидты 267 (см. Полевицкая)
Шопэн Ф. 231
Шор Д. С. 56, 57, 59, 62, 63
Шпан 227
Шполянский, А. П. (Дон-Аминадо) 287, 328, 329, 330, 335
Шрейдер М. И. 200, 222
Штерн 222
Шугальтер 260
Шульгин (В. В.?) 331
Шульц 218
Шумский (К. М. Соломонов?) 328
Шуф В. А. 100

Щербаков Арс. 37
Щербаков, проф. 286, 298
Щепкин Д. Н. 226, 271, 273, 298, 303, 315
Щепкин Н. Н. 227
Щепкина-Куперник (Т. Л. Полынова) 254, 256, 272

Эдвардс Б. В. 51
Эльстон (Ф. Сумароков-Эльстон, кн. Юсупов) 188
Эртель А. И. 26
Эстер, худ. 234
Эйхенвальд см. Айхенвальд

Южин (А. И. Сумбатов) 88, 216, 262
Юрлов Б. Вл. 323
Юшкевич Павел 320
Юшкевич С. С. 75, 192, 256, 257, 266, 271
Юшкова (Киреевская) 124

Яблоновский А. А. 207, (209?), 216, 219
Яблоновский (С. В. Потресов) 190, 203, 205, (209?)
Яблоновские 226
Яковенко В. И. 31
Яковлев 34
Яновский, проф. 269
Ярцев Г. Ф. 39, 333
Яценко Ек. Н. 297, 323, 341, 344, 345, 346

Для сайта BOOK-OLDS.RU

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть первая. До перелома	17
Часть вторая. Одесса	177
Примечания	349
Указатель имен	361

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

УСТАМИ БУНИНЫХ

Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны
и другие архивные материалы,
под редакцией Милицы Грин

В трех томах

Том II

ПОСЕВ

Для сайта BOOK-OLDS.RU

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt am Main
Printed in Germany

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Во второй том этой книги входят дневниковые записи первого периода эмигрантской жизни Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Начинаются они с приезда Буниных в Париж весной 1922 года, кончаются получением Буниным Нобелевской премии по литературе в конце 1933 года.

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

★

Приношу свою глубокую благодарность профессору D. Ward, моему многолетнему начальнику и коллеге. Без его помощи это издание не осуществилось бы. Он приложил все усилия обеспечить мне финансовую помощь, поддерживал меня морально и давал дельные советы.

Чувствую себя благодарно обязанной Эдинбургскому университету, который щедро помог мне, дав заем на издание книги. Благодарю за субсидию Carnegie Trust for Scottish Universities. Батюшке о. Иоанну выражаю признательность за тщательную переписку рукописи, а моей коллеге Э. И. Вознесенской — за помощь в чтении корректуры и советы. Моей бывшей студентке Пенни Стир приношу благодарность за то, что она разобрала отельные счета, хранящиеся в бума-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

гах Буниных, и установила даты заграничных поездок Бунина.

Благодарю Р. Б. Гуля и Вл. Д. Соколова-Самарина, любезно указавших мне на некоторые ошибки и оплошности, вкравшиеся в мою публикацию отрывков из дневников И. А. Бунина в «Новом журнале».

С особой благодарностью поминаю покойного Леонида Федоровича Зурова, многолетнего хранителя дневников, доверившего их мне после смерти.

Издательство «Посев», в частности А. Н. Артемову, благодарю за советы и помощь в подготовке рукописи к печати.

Милица Грин

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Часть третья

ЧУЖБИНА

[Парижские записи открываются рукописным дневником Веры Николаевны, из которого даю выдержки. Из записей Ивана Алексеевича за 1920 год сохранилась только одна. Ее приведу своевременно.]

1920 *(продолжение)*

22 марта/4 апр.

Неделя в Париже. Понемногу прихожу в себя, хотя усталость еще дает себя чувствовать. Париж нравится [...] Устроены превосходно[1]. Хозяева предупредительны, приятны и легки, и с физической стороны желать ничего не приходится, а с нравственной — тяжело. Нет почти никаких надежд на то, чтобы устроиться в Париже. Вероятно, придется возвращаться в Софию. За эту неделю я почти не видела Парижа, но зато видела много русских. Только прислуга напоминает, что мы не в России.

Сегодня за обедом были Фондаминские[2]. Оба мне нравятся. Он приятный, хорошо разбирающийся во всем человек. [...] Фондаминский говорит, что здесь не верят тому, что рассказывается о большевиках. [...] не только французы, но и русские, кот[орые] не жили при большевиках, не хотят даже узнать, что такое большевики, и твердят, что [...] там много идеи и красоты. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Толстые[3] здесь, очень поправились. Живут отлично, хотя он все время на краю краха. Но они бодры, не унывают. Он пишет роман. Многое очень талантливо, но в нем «горе от ума». Хочется символа, значительности, а это все дело портит. Это все от лукавого. Все хочется — лучше всех, сильнее всех, первое место занять. [...] Было чтение. Народу было много. Всем роман понравился. Успех очевидный. [...]

Был Шполянский[4]. [...] Уверяет, что в Софию нам возвращаться не прийдется.

23 [марта]/5[апреля]

[...] Фонд[аминский], М. С. [Цетлина. — М. Г.] и многие другие родились и учились в Москве, [...] потом уехали в университет в Германию. Вернулись к 1905 г. уже соц.-револ[юционерами], потом тюрьма, ссылка, эмиграция. Все видели, кроме слона, т. е. народа.

25 марта

День рождения М. Сам. Она получила массу цветов. Целые деревья роз. Все одеты изящно, в шелковых чулках, столичных башмаках. [...]

27 м./9 апр.

Вчера были на 12 Еванг[елиях]. Церковь очень большая, была полна. Масса русских говеют. Было грустно и тяжело.

[...] говорили о книгоиздательстве. Гальперн[5] находит, что деньги собрать легко. [...]

30 м./12 апр.

К Заутрене ходили, но войти в церковь не было возможности: теснота была невообразимая. [...] Разговляться мы отправились к Люб. Серг. Гавронской. Там уже были Вишняк[6], Марья Сам., но не было Керенского, кот. должен был быть. Он не пришел. [...] Немного спорили на политическую тему, но принимали

Для сайта BOOK-OLDS.RU

участие в разговоре только Ян, Авксентьев[7], а Руднев[8] и Зензинов[9] не проронили ни слова. Зензинов производит впечатление очень упорного и узкого человека. [...]

14/1 апр.

[...] Ян в очень дурном настроении. [...] На первый день [Пасхи. — М. Г.] мы были в посольстве. Ездили есть пасху к Марусе Маклаковой. Она была в черном платье, возбуждена приемом. Народу было много, все Толстовский мир: какие-то графы, графини, князья — все бывшие люди, но еще не утратившие своего положения в «свете». [...] Ян долго беседовал с Вас. Ал.[10] о русских делах. [...]

17/4 апреля

Вечером едем к Чайковской[11], там будет Савинков[12]. Наконец, мы увидим этого героя, ныне ругаемого со всех сторон.

Сегодня за завтраком Зензинов сказал Яну: — Можно прислать Вам одну книжку? Но не подумайте, что я хочу Вас пропагандировать. Ян: Да, меня трудненько пропагандировать. Зензинов: Нет, нет, я только хочу показать Вам человеч[еский] документ. Ян: Вероятно, что-нибудь о Колчаке? Зензинов: Да, именно.

Вчера Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.], Толстой и Ян были вечером у Львова. [...] Говорили об издательстве. [...] с маленькими деньгами начинать не имеет смысла. В Берлине затевается книгоиздательство, основной капитал 8.000.000 марок. Они хотят приготовить русские книги для будущей России. [...] Ян возражал, говоря, что можно и здесь устроить книгоизд., т. к. здесь можно собрать хороший букет из современ[ных] писателей. [...] Редакторами намечаются Ян, Толстой и Мих. Ос. [...]

18 апр./5 [апр.]

[...] Савинков, лысеющий мужчина среднего роста

Для сайта BOOK-OLDS.RU

с маленькими ступнями [...] очень некрасивый, с плохой кожей, с надутыми жилами на лбу [...] Почти весь вечер он пил коньяк и разговаривал с сестрой Маршака. Даже когда приехали Ян и Толстой, он не пошел к столу, а оставался в гостин[ой]. [...] Зашел общий разговор о политике. Сообщалось, что Врангель назначил министром иностр. дел Струве[13], что Кривошеин будет послом. Савинков сказал: — Мы не признаем их. И я пожал Сазонову руку сегодня, ибо мы солидарны с ним на этот раз. [...]

Сав[инков] 2 раза повторил адрес, чтобы мы не забыли. Яну он дважды пожал руку. Вероятно, он очень самолюбивый человек. [...] раньше щупает почву, а потом уже начинает общаться.

19/6 апреля.

[...] Вчера, очень волнуясь, Мих. Ос. сказал Яну, что он окончательно пришел к заключению, что не может принимать участие в книгоиздательстве. [...] М. С. [...] сказала мне, что причина Толстой. Но более подробно она ничего не объяснила.

После этого мы решили пойти к Толстому на новую квартиру. Квартирка маленькая, но светлая, с чудесным видом на Сену и левую часть Парижа, расположение комнат тоже хорошо. [...] Ал. Н. спал, но скоро проснулся. Мы рассказали об отказе М. Ос., он объяснил это тем, что М. Ос. испугался того, что слышал о немецком книгоиздательстве. [...]

За обедом был Ларионов[14]. [...] Самую простую вещь он объясняет так запутанно, что трудно понять.[...]

21 апр./8 апр.

Обедали вчера у Толстых с Набоковым[15]. Набоков, очень хорошо по внешности сохранившийся человек, произвел на меня впечатление человека уже не живого. Он очень корректен, очень петербуржец. [...] Разговор шел на политические темы, между прочим, о царе.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Про Николая II он сказал, что его никто не любил и что сделать он ничего не мог.

[...] Вчера за обедом Толстой очень бранил Савинкова: «Он, прежде всего, убийца. Он умен, но он негодяй». [...] он рассказывал им о своей поездке в Варшаву: — Да, вот мы с Пилсудским полагали так. Тут будут стоять его войска, а здесь мои (!). Потом заговорили о «Бледном Коне». Толстой говорит, что редактировал его Мережковский[16]. [...]

23/10 [апреля]

[...] Был Алексинский[17], который пригласил Яна участвовать в «Mercure». Кроме того он сообщил о книгоизд. в Стокгольме, во главе которого стоит Ляцкий. [...] Заговорили о большевиках. О Ленине он сказал, что он презирает людей. Луначарский — пустоцвет, Троцкий — просто гадина. Горький — неискренний. — Алексинский сидел несколько месяцев в тюрьме. Его бывшие товарищи подослали одного каторжника зашить его. [...] Спасла сестра милосердия. [...]

24 апр./11 апр.

Присутствовала на заседании в редакции «Грядущая Россия». Все они редактора никакие. Ян кое-что советовал нужное и дельное. Ал. Н. [Толстой. — М. Г.] перескакивал с одного предмета на другой. [...]

Ян говорит, что ему странно здесь слышать, как говорят о Керенском, в России нет о нем двух мнений. Если бы шли рядом Керенский и Ленин, то растерзали бы сначала Кер[енского].

26 апр./13 апр.

Вчера были в музее Онегина. И трогательно, и печально, и как настоящее, нужное мешается с пустяками, ненужным. Онегин — глубокий старик, с неприятным характером, от старости, от заброшенности, от недостатка денег для музея. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

28 апр./15 апр.

[...] Вчера были у Толстых по случаю оклейки их передней ими самими. Пили вино. Толстой завел интересный разговор о литературе, о том, стоит ли вообще ему писать. Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше. [...] Все поняли, что литература — это в некотором роде хранительница России. Потом говорили об иррациональном в искусстве. Ян считает, что хорошо в искусстве не то, что иррационально, а что передает то, что хотел выразить художник. Приводил Фета, Ал. Толстого и др. Потом заговорили о Льве Николаевиче Толстом. [...] Письмо от Гессена[18] просит Яна продать свои сочинения в Берлин.

17/30 апреля.

Обед у Львова, Стаховича и Вырубова был необыкновенно приятен. Кроме нас и хозяев, был еще Балавинский, [...] затем Орлов-Давыдов, знаменитый своим делом с Пуарэ. [...] Потом приехал Гальперн. Он из Лондона. [...]

Чудная квартира Нарышкиных (которые застряли в Совдепии), с фамильными портретами, с лакеем Иваном — все это напоминает мне времена очень далекие. [...]

Оказывается, Стахович страстный поклонник Горького. [...] Марья Самойловна, Ян, Ал. Н. [Толстой. — М. Г.], Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.] и я говорили приблизительно так: «У Горького литературный талант большой, но художественного почти нет. Слава его обусловлена тем, что он писал в предреволюционное время, и кроме того, очень умелая реклама». Остальные или молчали, или говорили как раз обратное. [...]

2 мая/19 апр.

Были у Толстых, а вечером Толстые у нас. Ал.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ник. читал свои стихи. Он читает хорошо и хорошеет сам. Ян прочел свои 2 рассказа: «Сказка» и «Последний день».

10 [мая]/27 [апр.]

[...] Шурочка [дочь Цетлиной от брака с Авксентьевым. — М. Г.] вчера спросила меня: «А вы после лекции уедете от нас? Я уже привыкла к вам». — Что это значит? Может быть, правда пора переселяться? Я с наслаждением переселилась бы в крохотную квартирку, сама бы готовила и никого бы не видала. Я чувствую, что устала от людей, от вечного безденежья, от невозможности жить, как хочется. Кажется, я всего счастливее чувствовала себя на кухне в Софии.

17/4 мая.

[...] Лекция Яна, несмотря на забастовку такси, состоялась и было народу довольно много. Но публика была непохожа на одесскую, когда вся аудитория сливалась с читающим и когда, после окончания, долго стоя, приветствовали его аплодисментами. Здесь хлопали мало и публика была очень разношерстная, большею частью отвыкшая от России, большевизм представляющая себе слабо. Но много было и известных людей: кн. Львов, Стахович, Вырубов, Рудневы, Авксентьев, Вишняки, Роговский, Алексинские, Маклаковы, m-me Сталь, Бурцев, Орлов-Давыдов, Балавинский и много других. [...] Времени было всего два часа, а Яну нужно прочесть и о революции, и рассказ. [...]

Вечер у них [Савинковых. — М. Г.] был один из самых интересных в Париже. [...] Его программа «Родина, Демократическое управление и Частная собственность» [...] он говорил, что считает, что нужно дать землю крестьянам и возможность работать, чтобы они могли жить лучше, богаче. А до всяких идеалов ему дела нет, с чем с ним не соглашался Толстой. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В воскресенье были у Алексинских. Он дышит злобой к Савинкову, обвиняет за польский вопрос, за отношения с Пилсудским. [...]

8 июня.

Последние дни у нас ушли на поиски квартиры. Утомлены очень. Масса впечатлений. [...] Переселяемся в комнаты, которые будут очень жаркими. Левый берег Яна тоже не привлекает. [...] Из фонда Яну предложено 3000 рублей. Он принял деньги, хотя мне очень тяжело. Одно утешает, что 1000 рублей он отдал М. С. [...]

15 июня. Отель Св. Отцов.

Завтракали в Café Voltaire, куда мы были приглашены Струве. Нас было четверо: П. Б., его сын и мы. В этом доме жил Камилл де Муллен, а в этом ресторане часто бывал М. М. Ковалевский, а в 1915 г. Струве тут совещался с Милюковым[19]. [...] Струве человек обаятельный, он остроумен и тонок. [...] П. Б. расспрашивал Яна о планах. Ян говорил, что чувствует себя слабым, больным, в большой нерешительности. Больше же всего ему хотелось бы уехать в Россию. П. Б. сказал: «Нет, Вам туда рано, подождите». Мне кажется, что П. Б. относится к Яну любовно и хочет сохранить его для будущего. [...] П. Б. предлагал Яну стать во главе национальной лиги. Он хочет основать во всех европейских центрах отделения. Ян просил прислать ему программу. [...]

2 июля/19 июня

Все время, живя у Святых Отцов, вертимся как угорелые. [...] Больше всего за это время я виделась со Струве и больше всех он нравится мне. [...] как будто ничего не видит, а в то же самое время очень наблюдательный и одним словом может определить человека. Можно сначала думать, что обойти его легко, а между

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тем он тверд в том, что ему кажется правильным. [...]

Все это время мы ищем виллу на лето. Ян с Наташей [жена А. Н. Толстого. — М. Г.] ездили [...] и в Диепп. Вкусы у них расходятся. Да и мне кажется, что с Толстыми нам будет трудно жить. [...] Но Ян всегда держит ориентацию на знакомых.

4 авг./22 июля.

[...] Вчера вечером мы зашли к Куприным[20], там немного выпили, закусили. Ян взволновался и, вернувшись домой, говорил мне: «Как я переживу, если Юлий[21] умер. [...] я всегда, днем и ночью, думаю об этом, точно полог застилает все». [...]

15/2 августа.

[...] Приехал Бальмонт[22]. [...] Обедали у Куприных. [...]

17/4 [августа]

Ал. Ник. [Толстой. — М. Г.] сегодня утром сообщил, что Бальмонт говорил, что Юлий Ал. здоров. Он видел его часто на Арбате в круглой шапочке и все в том же пальто, вид у него не плохой. [...]

[Привожу единственную запись Ив. Ал. Бунина за этот период:]

Париж, 19 авг. 1920 г.

Прочел отрывок из дневника покойного Андреева[23]. «Покойного»! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, — живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути пошел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импонировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: «Махин был гимназист с усами...».

[Из записей Веры Николаевны:]

22 августа.

С утра народ: Куприн, Толстой, Зноские, Бальмонты, опять Толстой, Могилянский. Ян нездоров. [...]

Бальмонт бледен, одутловат. Он очень деликатно передал мне о смерти Севы[24], думая, что я не знаю. Сева умер от истощения еще прошлой осенью. [...]

26/13

[...] Телеграмма от Струве. Вызывает Яна и Карташева[25] в Севастополь. [...]

4 сентября.

Вчера обедали у Полякова[26], были Неклюдов[27], бывший дипломат, какой-то барон, Куприны и Бальмонты. Больше всех говорил Неклюдов. Он хорошо объяснил, откуда началась идеализация мужика. Это от помещиков, которые приехавши из столиц в деревню, поражались добротой, преданностью дворовых, старых слуг, нянек, а до настоящих мужиков они не доходили. [...]

8 сентября.

Вчера у нас обедало все семейство Бальмонта и

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ландау[28]. Были литературные разговоры, были и политические, и было чтение стихов Бальмонта. [...] Ян говорил, что манера Тургенева для него нестерпима. Бальмонт считает, что он самый крупный русский поэт, что он, и только он, создал идеальный тип русской девушки. Ян: Но ведь эти образы бесплотны, вы сами вливаете в них содержание. Бальмонт: Вот это и хорошо. То и велико, во что можно вливать содержание. Ландау: Но вы и Иван Алексеевич, вы разве подписались бы хотя бы под «Накануне»? Ян, улыбнувшись: Нет.

Бальмонт с раздражением говорил о Толстом, ему не нравятся ни «Война и мир», ни «Казаки», ни «Анна Каренина». А какую глупость он [Толстой. — М. Г.] писал об искусстве или о Шекспире. Выше всех писателей он ставит Эдгара По.

Потом говорили о Москве. [...] Бальм[онт] сказал: Горький негодяй. Мне он говорит «они» и бранит «их», а сам Ленину пишет дифирамбы. [...] Он [Бальмонт. — М. Г.] говорил, что нужно страдать вместе Россией.

14/1 октября.

[...] М[арья] С[амойловна] носится с Бальмонтом и, на мой взгляд, она оказывает ему медвежью услугу, как она несколько раз оказывала Яну. Она истерически кричит, что он герой. А между тем Джемс рассказывает, что только ему было позволено купить валюту, что провожали его на автомобилях и посадили в поезд с помпой. Конечно, Бальмонт не большевик, конечно, он страдал там, но геройства я не вижу. Видела Бальмонта, он говорил мне, что комиссары его не провожали, провожали его Зайцевы, Марина Цветаева и подобные люди. [...]

29/16 октября.

[...] Были вчера у Мережковских. Долго сидели с

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Гиппиус[29]. Она по внешности еще интересная женщина. Держится просто, но с сознанием собственной славы. Сначала почти не замечала меня, потом удостоила несколькими фразами. [...] Она сказала, что теперь нет политики, т. к. «жизнь стала политикой». [...] Верит в поход Савинкова: «Нужно побеждать большевиков их же способами, а не регулярными войсками». Балаховича хвалит, говорит, что он знает каждого солдата в лицо. [...] Провал Деникинской армии она предсказывала еще летом 19-го года. [...] К Врангелю она относится с опаской. [...]

Потом пришел, когда мы уже уходили, Мережковский. [...] У него приятная улыбка, мне кажется, он искренний человек. Ян вел с ним деловые разговоры насчет печатания книг. [...]

Они показывали свои комнаты. Очень приятные. [...] У них своя мебель, и как это чувствуется. [...]

15 ноября.

Армия Врангеля разбита. Чувство, похожее на то, когда теряешь близкого человека. [...] Вчера у нас обедали Тыркова[30] с мужем. Она горит желанием борьбы. [...]

16 ноября.

Мы снова живем от известия до известия. Снова надежда сменяется отчаянием, снова ждем, мучаемся, уходим в себя. [...]

Вчера был у нас П. Б. [Струве. — М. Г.] [...] постарел за это время, но все такой же очаровательный, благородный человек. Он говорил, что теперь он себя чувствует еще более подчиненным Врангелю, чем раньше. [...]

21 ноября.

[...] Весь день перестукивала статью Яна против Уэльса. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Струве просил свести его с Авксентьевым, Фондаминским и Рудневым, чтобы инициативу этого взял на себя Ян. Сегодня мы были у всех трех. [...]

2 дек.

У Яна вчера был сердечный припадок. Его уложили в постель. Он целый день работает. Очень кроток и пока что терпелив. [...]

3 дек.

Яну немного лучше. Но все время он в постели. Я никого к нему не допускаю. [...] Ал. Ив. [Куприн. — М. Г.] бывает, но сидит всегда очень мало. [...]

14/1 [декабря]

[...] Вчера были у нас Толстые и Шполянский. Третьего дня — Тэффи, Лоло, Мережковские. [...] Дам я не пустила к Яну. Мужчины его достаточно утомили.

23/10 дек.

[...] Ян сказал, что если в субботу будет кровь, он согласится на операцию[31]. [...] Ян для ухода больной тяжелый, принимает все, как должное, скуп на слова, на ласки, не проявляет благодарности. Единственные заботы — чтобы я спала. [...]

31/18 [декабря]

Последний день европейского старого года. [...] Сегодня были в первый раз на токах. Ян довольно хорошо выдержал. [...] Сам сошел по лестнице. Обедал за столом и до сих пор не разделся, лежит и читает Герцена. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1921

[Дневники В. Н. за этот год перепечатаны на машинке. Привожу выдержки:]

1 янв./19 дек.

[...] За четверть часа до «басурманского» Нового года я заснула. В 12 часов пришло все семейство Куприных с шампанским. Потом пришел Кузьмин-Караваев[1]. Он рассказал, что раз был на заседании «Объединенных Земств и городов», и его поразили отчеты. [...] Отчет о типографии 350.000 франков — устроена она якобы для того, чтобы дать возможность работать беженцам, а работает там только 9 человек. [...] Скоро они удалились.

Днем у нас долго сидел Мирский[2]. [...] Был Ландау. [...] Вечером у нас был Ельяшевич[3]. [...] Струве он считает одним из крупных людей нашего времени. Говорили о «Деловом комитете». Его формула: «Можно войти в деловой комитет только тем, кто сумеет накормить беженцев, не растратив имущества русского. А то распродадут весь флот и, если падут большевики, не на чем будет перевезти ничего из Крыма в Одессу». [...]

20 дек./2 янв.

Ян проснулся поздно. Настроение у него тяжелое. Он сказал: «вот поправился, а зачем — неизвестно. Хуже жизни никогда не было». [...]

Вчера у Толстых [...] были принц Ольденбургский, Фондаминский, Авксентьев, Тэффи, Балавинский, Ландау и еще кто-то. Ольденбургский очень интересуется эсерами и Толстой, с которым он уже на «ты», сводит его с ними. Устраивает его рассказ в их журнал.

23 дек./5 янв.

[...] Сегодня, когда мы садились в автомобиль, я

Для сайта BOOK-OLDS.RU

видела в окне Авксентьева массу эсеровских голов, очень возбужденных и довольных. Приехал Виктор Чернов[4]. — «Они, кажется, вполне уверились, что опять их времечко настало, опять царствовать начнут», — сказал Ян, усмехаясь.

24 дек./6 янв.

[...] Вечером пришли Толстые, мы уговорили их пойти с нами к Ельяшевич. Там, кроме нас, Толстых, Куприных, были еще Бернацкие. Его я не узнала. Теперь ни один вечер не обходится без министра, хотя бы одного. Вот время! [...] Были разговоры и о Петре Великом, главным образом, между Куприным и Толстым. Куприн нападал на Толстого, что он не так написал Петра. Куприн был сильно на взводе, но все обошлось благополучно.

Была музыка. Бетховен. [...]

26 дек./8 янв.

Аминад зашел и рассказал несколько анекдотов.

Саша Койранский говорит, что он разваливает фронт у эсеров, он секретарь в «Современных записках».

30 дек./12 янв.

[...] Перед сном гуляли, говорили о том, почему партии [...] всегда врут, уверяя, что их программа — это воля народа или воля пролетариата? В действительности, члены партии думают, что это хорошо, что это лучше для народа. [...] Говорили и о будущем России, о том, что фактически ее поделят под видом окрайных государств, где будет протекторат то англичан, то французов, то немцев...

Ян сообщил, что вчера прочел у Герцена, как Гегель сказал привратнице: «Какая скверная погода», а она ответила: «Слава Богу, что такая-то есть, хуже было бы, если бы не было никакой». Герцен нахо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дит, что это мещанская психология. А ведь это сама мудрость!

1/14 января.

Утром, довольно рано для визита, разбудил меня звонок. Прибыл в Париж Гребенщиков[5]. Я отказалась будить Яна, ссылаясь на его болезнь. [...] Днем был Мирский. [...] У Толстых вчера пировали весело. Сняты были двери между столовой и салоном, и получилась большая комната. [...] Было решено встречать Новый год в 10 часов, в час, когда в России полночь. [...]

Вначале было довольно неоживленно, даже грустно. Все только усердно ели с сосредоточенным видом. Как бывало в 18-ом году в Москве весной. [...] В 10 часов, подняв стаканы, мы выпили за всех близких, оставшихся в России. Потом [...] все немного повеселели. Но разожгло, «раскипятило и воспламенило» всех цыганское пение. Пела Шишкина-Афанасьева, которую теперь пропагандирует Аминад, и чуть ли не все пустились в пляс. Даже Ян не удержался, несмотря на сердце, сделал несколько цыганских движений, с таким выражением, что привел всех в восторг. [...]

В полночь мы, Куприны и Яблоновские ушли. [...]

Гребенщиков рассказывал, что его жена шьет ему костюмы. Вот молодец! [...] Он жил, как бедняк, в Одессе, а потом поехал в Крым и дачу построил. Далеко пойдет и богат будет. И как он ненавидит большевиков, ненавистью мужика, собственника. И сила в нем большая. Но обидчив, как семинарист, и совершенно невоспитан.

7/20 января.

Заседание в Комитете прошло сегодня не очень гладко[...] Когда обсуждался вопрос о просьбе Куприна дать ему 1000 франков, то Д. сказала: «если нет денег, то нельзя жить вдвоем в 4 комнатах». (А их

Для сайта BOOK-OLDS.RU

трое!) Значит, писателю нельзя иметь отдельного кабинета для занятий!? [...]

Вечером Ян с Толстым пошли к Мережковским. Я осталась дома до прихода Аитова. [...] Аитов проводил меня до Мережковских[...] Говорили о плане «Дневника писателей», который хорошо было бы издавать еженедельно, в виде тетрадки[...] Потом говорили об Ангеле и Дьяволе. Затем Мережковский развивал мысль, что биография писателя иногда важнее его творений. Толстой не соглашался. [...]

8/21 января.

[...] Вечером был Ландау, который получил письмо от своих, что они в Ровно. Он был взволнован, растерян и, может быть, поэтому очень интересен. Просидел у нас до 12 часов. Обедал он вместе со Шполянским, Инбером и Габриловичем. Пол-обеда шел разговор о Яне.

— И представьте, что очень редко бывает — все четверо хвалили его. Один даже доказывал, что он очень добрый.

— Конечно, Шполянский, — перебила я.

— Почему вы угадали?

— Потому что я знаю, как он относится к Яну.

9/22 января.

[...] Вечером Ян уехал на заседание в «Общее Дело», а я пошла к Ельяшевич. Там был полковник Тарновский, который изобрел пушки для обстреливания аэропланов. Чертежи остались на Путиловском заводе и вместе с 40 пушками попали в руки большевиков [...] Тарновский уверен, что в головах рабочих и крестьян революция уже миновала, и взять их может всякая власть только так: рабочим дать одежду, стол и дом, крестьянам — землю в собственность. [...]

Я вернулась раньше, потом приехал Ян. Он рассказывал, что на заседании шла речь об «объедине-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нии». Григорий Алексинский говорил, что нужно объединиться всем от монархистов до социал-демократов, но без учредиловцев. [...]

10/23 января.

Днем Гиппиус с Влад. Анан.[6] [...] Темы самые разнообразные: о каком-то новом объединении, в которое входит и Руднев, и Балавинский, и Карташев, и Мережковские, и куда приглашают Яна. О журнале-дневнике писателей, где каждый писал бы все, что вздумается. [...] О литературе. З. Н. судит обо всех свысока. Она параллельно читала Бунина и Куприна. — «Полная противоположность во всем у вас». Укоряла Яна за «Клашу»: — «Немилосердное отношение к читателю. Писатель должен учить, а вы даете лишь картину». [...]

11/24 января.

[...] Моросил дождь. Как всегда, центр горел огнями, спешили пешеходы, мчались автомобили или стояли заторами. Зашли за пудрой, где нас обдали духами. Заходили в кондитерскую за русскими конфетами. И зачем нужны русские тянучки, когда столько французских конфет, ничуть не хуже русских, здесь приготовленных? Вообще меня раздражает умиленное отношение к «русским» блюдам. [...]

12/25 января.

— Если не будет большевиков, то Алексинский будет бороться с эс-эрами, не будет эс-эров, то он найдет, с кем бороться — вот борец по профессии, — говорил Ян. [...]

13/26 января.

[...] Прочла статью Мережковского. Очень риторично. Ловко написано. Но почему-то не верится, что у него «снята кожа». Слишком много остроумия,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

метких слов без крови, а это трогает лишь ум, оставляя спокойным сердце. [...]

15/28 января.

Странный человек Ян: когда на него не обращаешь внимания, он тотчас начинает быть внимательным и даже нежным. [...]

16/29 января.

Были в музее у Мейнгарда, бывшего мирового судьи. Он работал в комиссии по собиранию материалов о большевистских зверствах, портретов деятелей революционного времени и т. д. Рассматривали портреты большевиков. Их 3 категории: звероподобные, фанатичные и евреи, большей частью, с красивыми лицами, задумчивыми глазами. Есть в этом собрании ящик с челюстями — челюсти убитых генералов. [...]

Вечером у нас Толстой с Куприным переделывали из «Жидкого солнца» пьесу для кинематографа. Ян присутствовал и иногда давал советы [...]

17/30 января.

[...] Обедали у Ельяшевич. Вас. Бор. развивал планы основания здесь академии для спасения русской культуры в лице писателей и ученых. [...]

20 янв./2 февраля.

[...] Утром к нам заходил Мережковский. Вел беседу о Христе: «Главное теперь нужно знать, какое у кого отношение к Христу». Беспокоится, чем жить. Опять говорил о «Дневнике писателей», — редкий случай, такое множество писателей в одном центре, непременно следует этим воспользоваться, а между тем, все живут вразброд.

21 янв./3 февраля.

[...] Сейчас у нас сидит Штерн[7]. Пришел узнать о

Для сайта BOOK-OLDS.RU

здоровье Яна. Он ушел из «Общего дела» [...] долго и пространно объяснял свое политическое кредо. Когда он ушел, Ян [...] сказал:

«Все это не спроста. Он, вероятно, с Милюковым войдет в «Последние Новости», многих, конечно, оттуда выпрут. Аристократия и правящие круги, чорт знает, что делают, по-русски, себе на погибель, а с другой стороны, когда будут писать про революцию, писать будут лучше, чем про французскую. Тогда учтут, что наши «зубры» дали своих детей, которые и положили головы за други своя и в корниловские дни и после. Список знатных фамилий будет длинный, и какие юноши. Это тебе не краса и гордость революции. А что делала демократия? Низы грабили, а наверху болтали. Я исключаю простого обывателя, который и там и сям просто умирал».

Штерн говорил, что в России скорее примут красного генерала, чем генерала типа Врангеля. [...] говорит, что эс-эры мечтают пока о власти, а социализм они будут вводить исподволь.

22 янв./4 февраля.

Приехал Струве. Вошел к нам взъерошенный. И первый вопрос: «Есть рассказ?»

[...] в первой книжке статья Шульгина, затем статья о Блоке. Едва ли выйдет что-либо из этой затеи, особенно слабо будет в беллетристическом отношении.

Завтрак с Топорковым тоже ничего утешительного не дал. Денег у «Общего дела» нет. Топорков просил Яна писать, но в кредит. [...] В «Земле» тоже касса пуста. [...]

23 янв./5 февраля.

[...] Вчера был Толстой. Пришел расстроенный. Я спросила, не случилось ли что? Нет, ничего. [...] в конце концов, он развеселился, хотя перед уходом я опять заметила у него блеск ужаса в глазах. Сегодня

Для сайта BOOK-OLDS.RU

была Наташа и рассказала, что вчера они поссорились: был день ее рождения, а Алеша не поздравил ее и весь день его не было дома [...] Обедала она с Балавинским, ужинала со Шполянским. [...] Наташа похорошела, ее пьянит успех. [...] Есть муж, заботящийся о хлебе насущном, не мучающий ее ревностью. [...]

24 янв./6 февр.

[...] Год тому назад мы распрощались с Буковецким и в последний раз прошли по одесским улицам. [...]

25 янв./7 февраля.

Вернулись от Толстого. Наташи не было дома. [...] я сидела в кресле и слушала разговоры двух писателей. Алеша уверял, что в марте конец большевикам. [...] Потом они говорили о положении писателей, о гонорарах, которые хотел предложить Струве. [...]

28 янв./10 февраля.

[...] Потом к нам пришли Мережковские и Ельяшевич. Толстой почему-то очень боится Мережковских. Все время нас останавливал, когда мы громко смеялись или что-либо возражали им. В нем есть что-то непонятное. Почему такой трепет перед ними? Они держатся просто и не требуют никаких привилегий по крайней мере в обхождении.

Главная тема разговора — издание «Дневника писателей». [...]

29 янв./11 февраля.

У нас завтракают Струве и Шполянский. [...] Петр Берн. [Струве. — М. Г.] думает, что Россия в будущем будет жить с Германией и Балканами, а поэтому, по его мнению, нужно переезжать на Балканы. [...] Струве удивляется, как до сих пор интеллигенция не понимает, какая разница между Россией до 17 октября 1905 г. и Россией после этой даты. И вот за это непо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нимание теперь и расплачивается [...] много было сделано Россией в промежуток между 17 окт. 1905 и 27 февр. 1917 г. [...]

30 янв./12 февраля.

[...] Был князь Аргутинский[8], очень милый и редко порядочный человек. Рассказал под секретом, что у его близких знакомых покупают сахарные заводы на Украине за миллион фунтов стерлингов. А во-вторых, из Швейцарии слух от самого Скоропадского, что с помощью немцев будет восстановлена гетманщина, но Скоропадский просил передать что он русский монархист, а все до поры до времени. [...]

13/26 февраля.

Вчера Куприны, Ландау, Шполянский и мы обедали у Толстых. Обед был тонкий, с шампанскимасти. После обеда все отправились к Рябушинской[9] на вечер. Она очень странная женщина, некрасивая, но очень приветливая, милая, хотя, конечно, большая истеричка. Живет она в мастерской и любит приглашать к себе всех более ли менее известных людей, хочет устроить салон. Но народу было так много, что даже теряется всякий смысл этих собраний, хорошо еще, что ее ателье высокое и воздуха достаточно. Стены увешаны картинами, но рассмотреть их не удалось. Много титулованных, богатых евреев, Маклаков с Марусей [...] художники, общественные деятели и красивые дамы. [...]

14/27 февраля.

Забежала к нам Рябушинская, протараторила что-то и убежала. [...] «У меня все или имена, или титулованные, или денежные мешки бывают. Некрасивых женщин я не приглашаю. [...] Но вы заметили, какая у меня дисциплина? Я всех держу в руках. [...] Меня всюду приглашают на обеды, но я не могу никуда попасть».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15/28 февраля.

Вчера обедали в кабачке. Угощал Карташев. Много говорили о религии, православной и католической церквах. Карташев горячо нападал на католическую церковь за их гордыню — только священнослужители принимают Причастие в двух видах: вино и хлеб, а всем остальным дается лишь хлеб.

22 февр./7 марта.

Вчера вечером, весь мокрый, пришел к Ельяшевич Струве. Он получил телеграмму от сына из Берлина: «Большевицкое правительство свергнуто»[10]. Они не верят, но взволновались очень. [...]

[С этого числа начинаются и записи Ивана Алексеевича Бунина за 1921 год. Записи перепечатаны на машинке. Привожу выдержки.]

Понедельник 22 февр./7 марта, 1921 г. Париж.

Газета удивила: «На помощь!» Бурцева, «Спешите!» А. Яблоновского («Хлеб в Крон[штадте] должен быть не позже вторника или среды!») [...] Неужели правда это «революция»? [...] До сегодня я к этой «революции» относился тупо, недоверчиво, сегодня несколько поколебался. Но как и кем м. б. доставлено в Кр[онштадт] продовольствие «не позже среды»? Похоже опять на чушь, на русскую легкомысленность. [...]

Вечером Толстой. «Псков взят!». То же сказал и Брешко-Брешковский. Слава Богу, не волнуюсь. Но все-таки — вдруг все это и правда «начало конца»!

23 февр./8 марта.

[...] С волнением (опять!) схватился нынче за газеты. Но ничего нового. В «падение» Петерб. не верю. Кр. — может быть, Псков тоже, но и только. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером заседание в «Общ. Деле», — все по поводу образования «Русского комитета национ. объединения». Как всегда, бестолочь, говорят, говорят... [...]

Возвращался с Кузьм[иным]-Караваевым. Он, как всегда, пессимист. «Какая там революция, какое Учр. Собр.! Это просто бунт матросни, лишенной советской властью прежней воли ездить по России и спекулировать!»

25 февр./10 марта.

По газетам судя, что-то все-таки идет, но не радуюсь, равнодушие, недоверие (м. б. потому что я жил ожиданием всего этого — и каким! — целых четыре года.)

[...] Американский Кр. Кр. получил депешу (вчера днем), что «Петроград пал». Это главное известие. [...]

Вчера до 2-х дочитал «14 Декабря». Взволновался, изменилось отношение к таланту Мережковского, хотя, думаю, это не он, а тема такая. [...]

28 февр. /13 марта.

Дело за эти дни, кажется, не двинулось с места. Позавчера вечером у меня было собрание-заседание Правления Союза Рус. Журналистов, слушали обвинение Бурцева против Кагана-Семенова [...] Бурцев заявил, что он, Каган, был агентом Рачковского. Были А. Яблоновский, Мирский, С. Поляков, Гольдштейн, Толстой, Каган и Бурцев. — Яблоновский сообщил, что получены сведения о многих восстаниях в России, о том, что в Царицыне р а с п я т о 150 коммунистов. Толстой, прибежавший от кн. Г. Е. Львова, закричал, что, по сведениям князя, у большев. не осталось ни одного города, кроме Москвы и Петерб. В общем, все уже совсем уверены: «Начало конца». Я сомневался.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчерашний день не принес ничего нового. Нигде нельзя было добиться толку даже насчет Красной Горки — чья она? [...]

Нынче проснулся, чувствуя себя особенно трезвым к Кронштадту. Что пока в самом деле случилось? Да и лозунг их: «Да здравствуют советы!» Вот тебе и парижское торжество, — говорили будто там кричали: «Да здравствует Учр. Собр.!» — Нынче «Новости» опять — третий номер подряд — яростно рвут «претендентов на власть», монархистов. Делят, сукины дети, «еще не убитого медведя». [...]

1/14 марта.

[...) Прочел «Нов. Рус. Жизнь» (Гельсингфорс) — настроение несколько изменилось. Нет, оказывается, петерб. рабочие волновались довольно сильно. Но замечательно: главное, о чем кричали они — это «хлеба» и «долой коммунистов и жидов!» Евреи в Птб. попрятались, организовывали оборону против погрома... Были случаи пения «Боже, Царя храни».

У нас обедал Барятинский. Затем мы с Куприным и Толстым были в Бул[онском] лесу на острове.

2/15 Марта.

[...] Савинков в «Свободе» все распинается, что он республиканец. А далеко не демократически говорил он, когда мы сидели с ним по вечерам прошлой весной, перед его отъездом в Польшу!

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 марта.

[...] Поляков много и долго говорил о «Деревне». Ландау сострил: — Новость. Поляков открыл «Деревню». — И правда Поляков признался, что раньше он этой книги не читал, да и вообще мало читал Бунина, а теперь, прочтя, пришел в восторг. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13/26 марта.

[...] Прочла «Дневник» Гиппиус. Как все интересно, что относится к России. [...] Ян сказал: — Вот Гиппиус интеллигентная женщина, а Наташа и Тэффи неинтеллигентные, хотя Тэффи умна, умнее Гиппиус. Но все они — не добрые. [...]

20 м./2 апреля.

У нас обедал Т. Ив. Полнер. Он много рассказывал. Рассказывает он хорошо, художественно. Вспоминал Чехова, Гольцева, Лаврова...

Одно время Чехов тоже много пил вместе с «Русской Мыслью». Иногда [...] всю ночь перекочевывали из ресторана в ресторан. — «Вероятно, от этого сильно попортилось здоровье Антона Павловича.» [...]

Когда пили в «Русской Мысли», участники любили говорить речи. Раз приехал Чехов, стали его чествовать, а он взял да и завел речь о том, каким крючком какую рыбу нужно удить.

— Я один раз видел, как рассердился Чехов. Кто-то за обедом предложил послать телеграмму Короленко. Лавров стал говорить против, указывая, что Короленко не всегда честно относился к редакции, — намек на неотработанный аванс. Чехов так рассердился, что побежал сам послать телеграмму. [...]

21 м./3 апреля.

[...] Вечером у Куприных набился народ: Яблоновские, Толстой, Брешко, Ладыженский и, несмотря на плакат: «Без политики», весь вечер говорили о ней.

[Из дневника И. А. Бунина:]

1 / 14 Апр.

Вчера панихида по Корнилове. Как всегда, ужасно волновали молитвы, пение, плакал о России.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Савинков в Париже, был у Мережковских. Он убежден, что осенью большевикам конец. В этом убежден, по его словам, и Пилсудский, «который как никто осведомлен о русск. делах».

2/15 Апр.

[...] «Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капит. Дочка»). Это чудесное определение очень подходит ко в с е м у рус. народу.

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких нравственных потрясений...»

«Те, которые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка и чужая головушка — полушка...» («Кап. Дочка») [...]

4/17 Апреля.

Опять идет снег, белый, хлопьями. Лежу со льдом, — опять кровь. Вчера приехал Манухин[11], мы хотели его устроить на квартире Куприных, которые уезжают в Севр. Говорит, что отношение к советской власти резко ухудшилось со стороны в с е х в России — он из Птб. всего полтора месяца, — убежден, что нынешним летом все кончится. Но настроение там у всех еще более подавленное, мало осталось надежд на иностр. или белую помощь. [...]

Читаю Соловьева — т. VI. [...] Беспрерывная крамола, притязание на власть бояр и еще неконченных удельных князей, обманное «целование креста», бегство в Литву, в Крым, чтобы поднять врагов на Москву, ненасытное честолюбие, притворное раскаяние («бьют тебе челом, холоп твой») и опять обман, вза-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

имные укоры (хотя слова все-таки были не нынешние; «хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество...»), походы друг на друга, беспрерывное сожжение городов, разорение их, «опустошение до тла» — вечные слова русской истории! — и пожары, пожары... [...]

5/18 Апр.

Карташев прислал несколько номеров советских газет. Уж, кажется, на что хорошо знаю советскую прессу — и все таки опять поражен. Да, никогда еще в мире не было ничего подобного по гнусности и остервенелости повторения одного и того же в течение четырех лет буквально изо дня в день, из часа в час! [...]

6/19 Апреля.

Уехали на дачу в Севр Куприны. Мне очень грустно, — опять кончился один из периодов нашей жизни, — и очень больно — не вышла наша близость. [...]

Была Гиппиус. О Савинкове: читал доклад о своей деят[ельности] у Чайковского, — грубое хвастовство — «я организовал 88 пунктов восстаний, в известный момент они все разом ударят...» Парижской интеллигенции грозил: «Мы вам покажем, болтунам!» С языка не сходит «мужик» — «все через него и для него», «народ не хочет генералов». Я сказал Гиппиус: что же этот народ за ним не пошел, — ведь он не генерал? Что значит «организовал»? Ведь тут легко что угодно врать! А насчет «мужика» совсем другое говорил он мне прошлым летом! — «Пора Михрютку в ежовые рукавицы взять!»

8/21 Апр.

[...] Герцен все повторял, что Россия еще не жила и потому у нее все в будущем и от нее свет миру. Отсюда и все эти Блоки!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из дневника Веры Николаевны:]

10/23 апреля.

[...] Прочла в «Последн. Нов.», что в «Союзе литераторов и журналистов в Париже» председателем избран Милюков, а товарищем председателя — Ян. И Ян это узнает из газет. После последнего заседания прошла почти неделя и никто не удосужился об этом известить Яна. Конечно, Ян сейчас же послал заявление и Милюкову, и в газету, что он отказывается от этой чести. [...]

Днем мы были на лекции Бальмонта. Он смело говорил о большевиках, были и лирические отступления. Контрреволюция приобрела еще одного сторонника. [...] Вернувшись домой, мы застали у нас Толстого. Пришел нас звать на чтение его последнего рассказа «Никиты Шубина». [...]

11/24 апреля

[...] Вечером у нас гости: Алданов, чета Гребенщиковых, Потресов, чета Кречетовых[12], Алексинская, Яблоновский, чета Голобородько. [...] Вечер прошел очень оживленно. [...] Много кричали по поводу Распутина. [...]

13/26 апреля.

[...] бедная Рябушинская скончалась. [...]

Толстой сделал вчера скандал Т. Ив. Полнеру за то, что тот не мог дать ему сразу денег за рассказ «Никита Шубин», т. к. еще не было постановлено в Объединении, брать ли этот рассказ для беженских детей или нет [...]

Ян после завтрака [...] возвращался с Поляковым и Толстым. [...] Толстой снова кричал, что он «творец ценностей», что́ он работает. На это Ян совершенно тихо:

— Но ведь и другие работают.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Но я творю культурные ценности.

— А другие думают, что творят культурные ценности иного характера.

— Не смей делать мне замечания, — закричал Толстой вне себя, — Я граф, мне наплевать, что ты — академик Бунин. — Ян, ничего не сказав, стал прощаться с Поляковым [...] потом он говорил мне, что не знает, как благодарить Бога, что сдержался.

Тих. Ив. [Полнер. — М. Г.] очень расстроен, не спал всю ночь. И правда, он всегда старался помочь писателям [...] и вдруг такое оскорбление. Ян, как мог, успокоил его. И прямо оттуда поехал к Тэффи на репетицию писательского спектакля. [...]

Когда пришел Толстой, он подошел к Яну и сказал: «Прости меня, я чорт знает, что наговорил тебе», и поцеловал его. [...]

Все это я записала со слов Яна. [...]

18 апр./1 мая.

Наш Светлый Праздник. Встретили мы его в церкви. [...] Сначала Толстые стояли от нас поодаль. Но после христосования они позвали к ним разговляться. [...] таким образом, окончательно помирились Ян и Алеша. [...]

27 апр./10 мая.

[...] Вечер мы провели с Эренбургом[13]. Вид у него стал лучше, он возмужал. Кроме нас, был приглашен только Ландау. Сначала Эренбург рассказывал все спокойным повествовательным тоном. Неожиданно пришел Бальмонт, который тотчас же сцепился с ним.

Бальмонт: У большевиков во всем ложь! И как иллюстрацию, привел, что Малиновский, архитектор, друг Горьких, сидя у Кусевицкого, развивал теорию, как устроить супопровод, чтобы в каждый дом можно было доставлять суп, как воду.

— А я в тот день ничего не ел, воровал сухари со

Для сайта BOOK-OLDS.RU

стола, стараясь схватить еще и еще, чтобы другие не заметили, — задорно говорил Бальмонт.

Эренбург: Мне тоже приходилось воровать, но не в Советской России, а в Париже. Иногда воровал утром хлеб, который оставляют у дверей. И часто, уходя из дому богатых людей после вечера, подбирал окурки, чтобы утолить голод, в то время как эти люди покупают книги, картины.

— Ну, да мы знаем, кто это, — вставил Толстой, — это наши общие друзья Цетлины.

Все засмеялись.

Очень трудно восстановить ход спора между Бальмонтом и Эренбургом, да это и не важно. Важно то, что Эренбург приемлет большевиков. Старается все время указывать то, что они делают хорошее, обходит молчанием вопиющее. Так он утверждает, что детские приюты поставлены теперь лучше, чем раньше. — В Одессе было другое, да и не погибла бы дочь Марины Цветаевой, если бы было все так, как он говорит. Белых он ненавидит. По его словам, офицеры остались после Врангеля в Крыму главным образом потому, что сочувствовали большевикам, и Бэлла Кун расстрелял их только по недоразумению. Среди них погиб и сын Шмелева...[14] Трудно представить себе, что теперь с его родителями. По рассказам Эренбурга, телеграмма, которой отменялся расстрел, опоздала. Эренбург бежал из Крыма, где белые его будто бы чуть не утопили. За что? Добрался до Тифлиса, а уж оттуда в Москву. В Крыму он голодал. В Москву явился в таких штанах, что даже в мужском обществе нельзя было снять пальто. В Москве он прожил 5 месяцев. Две недели его не трогали. Он объявил вечер стихов. На вечере его арестовали и отправили в Че-ка, где продержали 3 дня. Обращение с ним было хорошее, как «при царском режиме». На допросе выяснилось, что его обвиняют, что он агент Врангеля, и что донес на него один писатель. Он объяснил, как

Для сайта BOOK-OLDS.RU

его преследовали в Крыму, что он там выстрадал, кроме того, кто-то из сильных из советского мира хлопотал за него, и его выпустили. Он начал заниматься детскими приютами, получил академический паек, паек на обед в Метрополе, где живет его товарищ по гимназии Бухарин. Затем он выступает на вечерах, а к марту месяцу получает командировку за границу. Едет в спальном вагоне до самой эстонской границы...

Почему же, если так там хорошо, он уехал за границу? И откуда у него столько денег, ведь в Москву он явился без штанов в полном смысле слова? Неужели скопил за 5 месяцев? И как его выпустили? Все это очень странно. [...]

Он очень хвалил Есенина, превозносил Белого. [...] Потом он читал свои стихи. [...] Писать он стал иначе. А читает все так же омерзительно. Толстые от стихов в восторге, да и он сам, видимо, не вызывает в них отрицательного отношения.

Когда, уходя, я сказала Наташе, что Эренбург рисует жизнь в России не так, как есть, она вдруг громко стала говорить:

— Нет, лучше быть в России, мы здесь живем Бог знает как, а там жизнь настоящая. Если бы я была там, я помогала бы хоть своим родителям таскать кули. А тут мы все погибаем в разврате, в роскоши.

Я возразила — живем мы здесь в работе, какая уж там роскошь!

[...] Вообще, Толстые делят людей на нужных и ненужных, и нужных сильно оберегают от мнимых соперников.

Возвращались с заседания с М. С. Цетлиной. Эренбург произвел на нее ужасное впечатление, так же, как и на «Мишечку». Эренбург говорил у них: — «Во власти большевиков есть творческое начало, большевиков некем заменить».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Я поделилась своим впечатлением об Эренбурге. Рассказала, что Ян за весь вечер не произнес ни единого слова и почти «заболел» после этого свидания. Передала его слова: «То, что говорит Эренбург, душа принять не может». А Толстые этого не понимают... И Наташины тирады насчет подлой жизни здесь очень противны. Кто им велит здесь вести такую жизнь, какую они ведут?

Вечер Гребенщикова прошел так, как он хотел — были и генералы, как на свадьбе, да и вид у него был какой-то жениховский. А какой у него страшный лоб! Высокий, в пол-лица. [...]

[Из дневника Ив. Ал. Бунина:]

6 мая (пятница) 21 года.

Был на похоронах Кедрина. Видел его в последний раз в прошлую субботу, еще думал о нем: «Да, это все люди уже прошлого времени, — заседания, речи, протесты...» Он принес нам — это было заседание Парламентского Комитета — свой проект протеста на последнее франц[узское] офиц. сообщение о Врангеле. Опять протестовать? — говорили мы с Кузьм[иным]-Карав[аевым]. Да и все полагали, что это просто бесполезно. Однако, он настаивал. Всем хотелось разойтись — из неловкости стали слушать. Волновался, извинялся — «это набросок» — путался, я слушал нетерпеливо и с неловкостью за него. Мог ли думать, что через неск. дней он будет в церкви?

Нынче прелестн. день, теплый — весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасх[альные] напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я — всю прежнюю жизнь, Россию...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Веры Николаевны:]

14/27 мая.

[...] Манухин развивал идею, что все-таки большевики делают хорошо, что заботятся о мозге страны, т. е. о писателях, ученых, артистах и т. д. [...]

16/29 мая.

Лекция, вернее, — продолжение диспута по поводу доклада Шестова[15] «Де профундис». Говорили Демидов[16], Чайковский, Мережковский.

Демидов [...]: мы только тогда можем по-настоящему бороться и побороть большевиков, когда мы будем истинно религиозными и когда материализму большевиков будет противопоставлено христианство. [...]

Затем около часа говорил Чайковский. Говорил он очень элементарно, но искренне [...] развивал идею, что если может существовать коммуна, то только на религиозном основании. [...]

После его речи был перерыв, а после перерыва, запел Мережковский и пел он о вакханках, о Дионисе. Все это было интересно само по себе, но каждый говорил свое, а не на тему, на которую читал Шестов. [...]

За недостатком времени Мережковскому так и не удалось кончить, а Шестову многоречивые оппоненты даже не дали возможности сказать заключительного слова.

20 мая/2 июня.

Звонок. Отворяю. Гиппиус. Очень интересная. [...] Потом мы пошли с З. Н. в кухню. Я предложила ей отведать супа из куриных потрохов. Ей он очень понравился. Потом мы пили чай. К нам вышел Ян в зеленом халате:

— Настоящий Иоанн Грозный! — сказала она протяжно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Заговорили о том, как ее продернули за то, что она в дневнике часто употребляет слово «еврей».

— Какая же я антисемитка, когда в меня всегда евреи влюблялись.

Тогда мы, шутя, стали доказывать ей, что она и мучила их из-за антисемитизма. Она смеялась и рассказывала, как ее всегда называли «гойкой» и Волынский и Минский.

Потом она стала рассматривать халат Яна, подкладку, и просить Яна, чтобы он надел его наизнанку. Ян вышел в другую комнату и вернулся весь красный.

— Вы настоящий теперь Мефистофель.

Зашла речь о том, что теперь красный цвет вызывает неприятное ощущение.

— Я теперь уже отошел, но в Одессе после большевиков красный цвет доставлял мне настоящие физические мучения, — сказал Ян, — этот халат был сделан еще в шестнадцатом году.

25 мая/7 июня.

[...] Мережковские заботливо относятся к Яну, стараются устраивать переводы его книг на французском языке. Меня трогает это очень. Вообще, репутация часто не соответствует действительности. Про Гиппиус говорили — зла, горда, умна, самомнительна. Кроме умна, все неверно, т. е. может быть, и зла, да не в той мере, не в том стиле, как об этом принято думать. Горда не более тех, кто знает себе цену. Самомнительна — нет, нисколько в дурном смысле. Но, конечно, она знает свой удельный вес. [...]

[...] мы сидели в комнате Вл. Ан. [Злобина. — М. Г.] с ним и с З. Ник. Говорили о поэзии и о поэтах. З. Н. читала свои стихи. Мне нравится, как она читает: просто, понятно. [...]

Ян вдруг спросил:

— Скажите, как вы могли переносить Блока, Белого? Я совершенно не мог. Я понимаю, что в Блоке

Для сайта BOOK-OLDS.RU

есть та муть, которая делает поэтов, но все же многое мне в нем непереносимо. А Белый просто не поэт.

Она защищала их, но слабо, потом прочла свое стихотворение, в котором она говорит, что Христос отвернулся от них и никогда не будет с ними.

2/15 июня

Вчера у Рощиной-Инсаровой[17] было приятно: простая квартира, простые хозяева. Муж ее, граф Игнатьев, мне понравился, типа Николая Ростова, честный, дородный офицер, прекрасный сельский хозяин, к ней очень не подходит. Она прежде всего актриса. Не умеет находить простых слов и говорить не в повышенном тоне. [...] Был там и Плещеев, сын поэта [...] кажется, милый, но очень недалекий человек [...]

3/16 июня.

[...] Были на выставке «Мира Искусства». Хорошо, талантливо, но чувствуется во всем нарочитость страшная. Пикассо указал на этот же недостаток Цетлину. — «Слишком много русского. Вот, например, эта красная краска, может быть, вам, русским, много говорит, а мне она ничего не говорит».

[...] На выставке был весь наш бо-монд. [...] Познакомились с Милюковым. Он все просил напомнить, где мы раньше виделись. [...]

4/17 июня.

[...] Гр. Игнатьев хорошо рассказал, как Керенский под зонтиком на фронте говорил речь, смысл которой был: «Вперед, а я за вами». И никто не пошел, кроме офицеров, а сам Керенский даже и за ними не пошел, а отъехал на более дальние и безопасные позиции. [...]

Рощина просила у Земгора 10000 фр. для устройства в Софии драматической школы и образования труппы. Ей отказали. Против были эс-эры.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6/19 июня.

Проснулась поздно. Вошел Ян со словами: — Большая неприятность, умерла Вера Николаевна Чайковская.

[В тот же день Иван Алексеевич записал (рукопись):]

6/19. VI. 21. Париж.

Собаченка брешет где-то, а я: «собаченка брешет на улице, а ее уже нет...» Ее — Чайковской. И вроде этого весь день. А ведь я видел ее три-четыре раза за всю жизнь, и она была мне всегда неприятна. Как действует на меня смерть! А тут еще и у нас в доме кто-то умер (против Карташевых). И вот уже весь дом изменился для меня, проникся чем-то особенным, темным.

Что так быстро (тотчас же, чуть не в первый же день) восстановило меня против революции («мартовской»)? Кишкин, залезший в генерал-губернаторский дом, его огромный «революционный» бант (красный с белым розан), страстно идиотические хлопоты этой психопатки К. П. Пешковой по снаряжению поездов в Сибирь за «борцами», своевольство, самозванство, ложь — словом, все то, что в с ю жизнь ненавидел.

[Через два дня Бунин записывает:]

8/21. VI. 21. Париж.

Прохладно, серо, накрапывает. Воротились из церкви — отпевали дочь Чайковского. Его, седого, семидесятилетнего, в старой визиточке, часто плакавшего и молившегося на коленях, так было жалко, что и я неск. раз плакал.

Страшна жизнь!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сон, дикий сон! Давно-ли все это было — сила, богатство, полнота жизни — и все это было наше, наш дом, Россия!

Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив, Графская пристань, блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку [следуют 2 неразборчиво написанных слова. — М. Г.]... И всему конец! И все это было ведь и м о я жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...

[Из записей Веры Николаевны:]

10/23 июня.

Банкет с французами [...] Был и Эррио. Мордастый, плечистый француз-сангвиник. Говорил, что он будет оказывать помощь писателям, пострадавшим от большевизма. [...] Ян скептически отнесся ко всем его обещаниям. [...]

Рядом со мной сидел Розенталь, король жемчугов, он русский еврей, ставший французом. Родился в Ставрополе, все богатство приобрел сам своим коммерческим гением. [...] Он очень прост, видимо, интересуется русскими писателями. [...] Он нас пригласил к себе. У него свой отель около парка Монсо. [...] Поедем и посмотрим, как живут в Париже миллионеры.

11/24 июня.

У меня обедали Аргутинский, Бакст[18] и Белобородко [ошибка, речь идет об архитекторе Белобородове. — М. Г.]. Готовила два обеда: один обычный, а другой вегетарианский, без соли, для Бакста. Бакст принес духов. Он на досуге занимается приготовлением духов. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

О Мережковском Бакст сказал, что он самый бессердечный человек, какого он знает, что он ничем не интересуется, кроме своего. Ни музыка, ни картины для него не существуют. З. Н. интересуется миром больше или делает вид. — Мережковский, правда, теперь всегда вопит: «главное деньги». [...]

13/26 июня.

Вчера у нас сидел мальчик, князь Шаховской[19]. [...] Он пришел с очень вытянутым лицом, похудевшим и печальным: несколько дней тому назад он узнал о смерти своего отца. [...] Я убедилась, что он в некоторых отношениях замечательный юноша. В них, этих Шаховских, есть безусловно нравственная сила. [...]

14/27 июня.

Вечер Бальмонта с Прокофьевым. [...] Бальмонт читал какую-то бесконечную поэму, кажется, переводную. Я ничего не поняла, т. к. сидела далеко, в вестибюле. В антрактах разносили чай, напитки, бутерброды, птифуры. Цетлины принимают щедро. [...]

19 июня/2 июля.

Поздно засиделись у Аргутинского вчера, где были Бакст и Нувель. [...] Все общество было приблизительно одних вкусов. Так Нувель и Бакст так же, как и Ян, терпеть не могли Комиссаржевскую, как актрису. [...] Ян прочел свой рассказ «Илья-Пророк», спрашивал совета, нужно ли этот рассказ вставлять в сборник его переводов на французский язык? Рассказ всем понравился. [...] Долго обсуждали, какие рассказы включить в книгу. Все советуют — русские, а общечеловеческие подождать, но сам Ян в этом не убежден.

Напоследок Нувель представил, как Мережковский был на выставке «Мира Искусства» и говорил: «Все-таки нужно посмотреть на картины, Зина, а то неловко...» А пришел он, чтобы с кем-то встретиться. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из дневника И. А. Бунина (рукопись):]

27/14 июня

Вчера были у «короля жемчугов» Розенталя. [...] Рыжий еврей. Живет [...] в чудеснейшем собств. отеле (какие гобелены, есть даже церковные вещи из какого-то древн. монастыря). Чай пили в садике, который как бы сливается с парком (Monceau). [...] Сам — приятель Пьера Милля, недавно завтракал с А. Франсом. Говорят, что прошлый год «заработал» 40 миллионов фр. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

4/17 июля.

Перебирались на новую квартиру. Ян сказал: «Мне все хочется плакать. [...] Переезжаю, а чем буду платить — не знаю». [...] Часа в 3 пришел Бальмонт с кианти. [...]

5/18 июля.

[...] Ян томится. Третье лето в городе. [...] Ян заражен жаждой ехать, но сам не знает, куда? На океан или в Висбаден?

[В Висбадене это лето проводили Мережковские. В архиве сохранились письма З. Н. Гиппиус:]

4 июня 21 [...]

Милый друг, Иван Алексеевич.

Холод собачий. У Д. С. сначала был насморк, а потом заболели зубы. Кроме того — скука, такая скука, уж даже не знаю какая и чья, похуже собачьей. Толстые немки с толстыми ногами в толстых чулках. Иногда старик на четвереньках [...] Правда, говорят, что когда он сюда приехал, то и на четвереньках не ходил, но для меня это дела не меняет.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Приятен только бесконечный Taunus, вековой лес, — но он от нас довольно далеко, в 15 минутах. [...]

Если бы вы сюда приехали, то месяц вам вдвоем стоил бы 500 франков. Но скука такая, что можно проклясть эти 500 франков. [...] Должно быть, если б вы приехали, нам всем не так было бы скучно. [...]

[В следующем письме Гиппиус уже определенно зовет Бунина приехать:]

[...] 17 Июля 21.

Maestro,

[...] У меня, однако, более широкие надежды: я нахожу, что вы бы не раскаялись, если б приехали сюда. Зная ваш капризный характер и боясь ответственности, я вас не убеждаю; но зато нарисую вам беспристрастную картину данного, а там — решайте сами.

Мы живем во флигеле, стоящем в саду. Наши комнаты в дальнем коридоре. Живем, как на даче. Никого не видим, да как-то мало кто тут и есть. Ванны в большом доме, который тоже не велик. В саду валяемся на кушетках. Столовая — в больш. доме, наш столик прямо у двери в зимнюю галлерею, откуда мы приходим, никого не видим, ибо в столовой полутемно и тихо, — уходим. С балкона у нас только деревья парка, идущего далеко-далеко, до самого Курзала. С другой стороны нашего дома — поля, за ними начинается лес. [...]

Имеем чудесное молоко, какого годы не пивали. За Д. С. ухаживают: дали ему столько столов, что он всю комнату загородил от жадности.

Вы вдвоем, при 2-х комнатах и при extra вряд ли проживете 1000 фр. в месяц, разве уж очень постараетесь и В. Н. соблазнится висбаденскими магазинами. [...]

Папиросы здесь так хороши и такие дешевые, что я даже рассчитываю: не написать ли мне здесь все

Для сайта BOOK-OLDS.RU

статьи на зиму? Писанье требует многих папирос, а в Париже они 22 фр. сотня, т. е. 132 марки, а здесь (самые дорогие) 5 фр. сотня! Подумайте! Пять франков! [...]

Только не оставайтесь в Парйже, это уж совет! В августе там пущая жара. Кланяюсь В. Н. Она бы здесь отдохнула от своего газа. У нас и свой доктор — очень дискретен и «литературен».

Если решитесь — телеграфируйте. Низкий поклон.

Ваша З. Гиппиус.

[Из дневника Веры Николаевны:]

18/31 июля.

Вчера часов в десять вечера прибыли в Висбаден. Ехать было хорошо, хотя и утомительно [...] На таможне обошлось все благополучно, провезли немного больше, чем позволяется, денег. Хорошо светились огни Майнца, и при звездах я впервые увидала Рейн. [...] На вокзале нас встретил Злобин. Весь в белом, без шапки. Злобин сказал: «Дмитрий Сергеевич читает об Египте, ему немецкие библиотеки присылают самые редкие издания, Зинаида Николаевна читает английские романы, а я изучаю романтиков для своей диссертации».

Когда мы приехали, то тотчас пошли к Мережковским. Комнаты у них великолепные, у всех трех, огромные, высокие, — а у нас паршивые. Они встретили нас очень радостно. [...] Посидев немного, мы пошли спать. Ян был недоволен. Комната с тонкими стенами, за которыми живут неспокойные люди.

— Завтра же нужно искать, где поселиться, здесь я жить не в состоянии. Другое дело — комнаты Мережковских. Но, конечно, сезон и теперь, вероятно, ничего не получишь. Зря приехали.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Я тщетно старалась его успокоить, он только сердился.

22 июля / 4 августа.

«Погубительница России — это мягкотелая интеллигенция, которая любит только пофигурировать. [...] Нет, если бы все отказались работать с большевиками и народ узнал бы, что помогут только при условии ухода их от власти, то в колья бы взяли большевиков! [...]» — говорил Ян, прочитав газеты.

23 июля / 5 августа.

[...] Под вечер зашел к нам Злобин. Они вели с Яном разговор о значении биографии. Ян доказывал, что биография не важна.

24 июля / 6 августа.

Ходила в город. Когда вернулась домой, Ян сказал: «На беззаботную семью, как гром, свалилась Божья кара»... Я испугалась: что такое? Оказывается, что Мережковских гонят из их аппартаментов: слишком большие комнаты для одного человека!

Дмитрий Сергеевич так расстроился, что даже не поехал с нами в лесную санаторию. Мы смотрели там комнаты.

Был у нас Кривошеин[20] с младшим сыном. [...] Он находит, что монархия много сделала: «вывезла Россию из тьмы и топи, поставила на европейскую ногу». [...] Он считает, что первая коренная ошибка заключается в том, что крестьян освободили от крепостной зависимости, наделив их землею, чего нигде во всем мире не делали. Нужно было освободить их без земли, но тотчас же открыть крестьянский банк и на самых льготных условиях продавать им землю в собственность. Тогда бы не было этого предрассудка, что у русского мужика мало земли и что все беды от этого. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

З. Н. жалела, что мы не позвали ее. Она сказала: — Я люблю смотреть на людей. Жадна до них.

[Запись Ивана Алексеевича:]

6 авг. (н. с.) 21 г. Dietenmühle. Висбаден.

Сумрачно, прохладно, качание и шум деревьев. Был Кривошеин. Очень неглупый человек.

В газетах все то же. «На помощь!» Призывы к миру «спасти миллионы наших братьев, гибнущих от голода русских крестьян!» А вот когда миллионами гибли в городах от того-же голода не крестьяне, никто не орал. [...] И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!

[Из записей Веры Николаевны:]

25 июля / 7 августа.

Дома у нас волнение. Хозяева требуют, чтобы Злобин [...] перешел в наш этаж, в маленькую комнату, а в его вселяют французское семейство с грудным ребенком, очень крикливым. Дм. С. в панике. [...] З. Н. олимпийски спокойна, занята тем, как из рассказа «При дороге»[21] сделать пьесу. Все уговаривает Яна [...] Вечером, после обеда, они около часу разговаривали на эту тему. [...] З. Н. советует вывести на сцену и любовницу отца Параши. Ян стал выдумывать, какая она должна быть, какой у нее муж. «Она может быть лавочницей, мало говорящей, но властной, с густыми волосами и прекрасной шеей. Муж у нее маленький, чахленький старикашка. Сидит на полу вечером, разувается, стучит сапогом и говорит: «Да, нонче все можно» — (намекая на связь жены). «Да, — повторяет она спокойно, — все можно. Только бы лучше об делу подумай!..» Она уже лежит в постели. З. Н. не понимает, что в деревне есть свой

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бон-тон, что женщине заехать к любовнику почти невозможно. [...]

26 июля / 8 августа.

[...] В газетах известие: Тэффи опасно заболела. Я очень беспокоюсь. [...] Ходили гулять с Яном. [...]

28 июля / 10 августа.

[...] Кривошеин рассказал, как он ушел из-под ареста. [...] Рассказывает он хорошо, точно, кратко, твердо.

«В июле 1918 г. я еще оставался в Москве. [...] Приехал на службу автомобиль с красноармейцами, чтобы арестовать меня. По счастью, красноармейцы заинтересовались кассой. [...] и так увлеклись, что я свободно выходил и опять входил в комнату. [...] Мне пришла в голову мысль — уйти. [...] вышел из комнаты, спустился по лестнице, прошел по корридору в переднюю, снял шляпу, взял трость и прошел мимо красноармейцев. Они было сделали движение ко мне, но затем остановились, решив, что я кто-нибудь другой. Я вышел в переулок. Вижу автомобиль, красноармейцы с ружьями. Мгновенно соображаю, если пойду по переулку, то догнать меня легче — автомобиль стоит задом к бульвару. Иду к бульвару. Те три минуты, которые иду по переулку, кажутся вечностью. Хочется оглянуться, ускорить шаг. Но я выдерживаю характер. [...] у меня знакомый доктор немец. Я отстоял его во время войны, его хотели отставить, как немца-шпиона. Я отправился к нему. [...] изложил дело, вижу, он пугается и говорит, что же я могу вам сделать? Дал письмо к кому-то в Смоленск. А о ночевке ни полслова. Я ушел. В этот день я был приглашен к Харитоненко, к своим друзьям, которые мне также были в свое время обязаны. [...] Вижу, они испуганы, уже знают об аресте и о том, что я ушел. [...] От Харитоненко я вышел с Сосновским, одесским

Для сайта BOOK-OLDS.RU

городоначальником. Он немного помог мне. На другой день было воскресенье. Один сын умудрился ускользнуть из дому, хотя в доме была засада. Он принес мне переодеться. Весь день я просидел у Якунчиковой. Неловко. [...] утром обрился. Я выехал на извозчике в Кунцево. [...] В Смоленске, благодаря письму доктора Шимана, я получил фальшивый паспорт и совет ехать первым же поездом [...] До Орши доехал. Но вследствие восстания эсеров, граница оказалась закрытой. Двое суток я провалялся на асфальте, пока ее не открыли. [...] через Могилев я отправился в Киев и думал, что это уже конец мытарствам». [...]

31 июля / 13 августа.

Вчера переехали в Нероберг. [...] Сюда нас вез очень смешливый извозчик. Он был в Риге, знает Вильно, Ковно и т. д. Сразу понял, что мы русские. Говорил, что после войны Россия капут! [...]

Мы с Яном разъединены. Он в 7 номере, я в 10. Между нами Мережковские. [...] Ян сразу переставил у себя все вещи. Я тоже быстро устроилась. Мы переехали еще до обеда. Мережковские — после, днем. Обедаем все за одним столом. Мережковские едят мало. З. Н. говорит, что она никак не привыкнет к еде после России при большевиках. [...]

1/14 августа.

[...] Пришло известие о смерти Блока, умер от цынги. Уже появились некрологи. [...]

Милюков написал о нем, что он «общепризнанный наследник Пушкина». Пушкин и Блок? [...]

Вчера вечером мы с Яном расспрашивали З. Н. о Блоке, об его личной жизни. Она была хорошо с ним знакома. Сойтись с Блоком было очень трудно. Говорить с ним надо было намеками. [...] З. Н. стихи Блока любит, но не все, а пьесы ей не нравятся. «Розу и Крест» считает даже слабой. «Балаганчик» тоже ни-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

когда не находила хорошим. Она показала свое стихотворение, переписанное рукой Блока. Почерк у него хороший. Я спросила о последней ее встрече с ним. Она была в трамвае. Блок поклонился ей и спросил: «Вы подадите мне руку?» — «Лично, да, но общественно между нами все кончено». Он спросил: «Вы собираетесь уезжать?» Она: «Да, ведь выбора нет: или нужно идти туда, где вы бываете, или умирать». Блок: «Ну, умереть везде можно».

— Да, Горький не мог спасти его от цынги, а ведь они были очень близки, — заметила З. Н.

2/15 августа

День рождения Дм. Серг. В честь этого пили дорогие вина. [...]

Вечером опять говорили о Блоке. Мережковский ставит Блока высоко, за то, что он «ощущал женское начало». Далее он говорил: «Мы считаем Бога мужским началом. А ранее, во времена Атлантиды, Богом считали женское начало. И вот Блок ощущал это. Он знал тайну. Когда он входил, то я чувствовал за ним Прекрасную Даму».

Ян возразил: — Ну, да, вы это чувствовали, когда видели его. Но я его не видал, а по стихам я не чувствую этого.

Дмитрий Сергеевич стал смеяться, по-волчьи оскаляться, зеленый огонек блеснул в глазах: — Мертвых нужно любить, ласкать.

— А Ленина? — спросила я.

— Ленина? Нет, — ответил Дм. С.

— Но ведь это не по-христиански, — заметила я.

— Нет, и в христианстве говорят о тьме кромешной и геенне огненной, — объяснил Дм. С.

З. Н. все сводила разговор на мирный тон. И все добивалась, как Ян относится к Соловьеву[22] и признает ли его?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Соловьева признаю, у него есть стройность. Хотя вы сами согласитесь, что у него есть и слабые стихи.

Они согласились. Мы посидели еще немного. [...]

Ян пришел ко мне и сказал возмущенно:

— Я хочу судить произведения, а мне суют, что когда он входит, за ним чувствуется «Прекрасная дама» или «Великий инквизитор». Да это совсем другое и ничего общего с искусством не имеет.

4/17 августа.

[...] Дм. С. развивал мысль, что в Германии нужно начать антибольшевицкую пропаганду, что здесь это гораздо легче, чем во Франции. Ян согласился с ним.

З. Н. никогда не говорит о женщинах, точно они не существуют. О мужчинах известных любит рассказывать.

[...] Мережковский считает, что скептицизм — слабость ума.

— А Вольтер? Соломон?

— Они тоже ограничены.

[...] З. Н. сказала: — Я умнее тебя. Ты талантлив, у тебя бывают гениальные прозрения, но я умнее. [...]

7/20 августа.

[...] Вечером мы час сидели в ее [Зин. Ник. — М. Г.] комнате. Д. С. уходит всегда вечером к себе, читать, Злобин тоже. Вот ей и скучно. Говорили о революции. [...] З. Н. сказала, что она приемлет революцию даже после того, что она за собой принесла, что февральская революция — счастье!

[С этого дня возобновляются и записи Ивана Алексеевича (Висбаденские записи рукописные):]

7/20 авг. 1921, Нероберг, над Висбаденом.
Юра Маклаков[23]. Его рассказы. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8/21 авг.

Прогулка с Мережковскими по лесу, «курятник». Лунная ночь. Пение в судомойне — чисто немецкое, — как Зина и Саша когда-то в Глотове. Звезда, играющая над лесом направо, — *смиренная, прелестная*. Клеська, Глотово — все без возврата. Лесные долины вдали. Думал о Кавказе, — как *там* они полны тайны! Давно, давно не видал лунных ночей. — Луна за домом (нашим)), Капелла налево, над самой дальней и высокой горой. Как непередаваема туманность над дальними долинами! Как странно, — я в Германии!

9/22 Авг.

Были с Верой в Майнце. Есть очаров[ательные] улицы. Четыре церкви (католич.) — в *двух* из них натолкнулись на покойников. Двери открыты — входи кто хочешь и когда хочешь. И ни души. В последней церкви посидели. Тишина такая, что вздохнешь поглубже — отзывается во всем верху. Сзади, справа вечернее солнце в окна. И гроб, покрытый черным сукном. *Кто в нем, тот, кого я во веки не видел и не увижу?* Послал из Майнца стихи в «Огни»[24].

[Запись Веры Николаевны:]

11/24 августа.

Вечером сидели у З. Н. Она расспрашивала Яна об его первой любви. О том, какой он бывал, когда влюблен. [...] Ян прочел стихотворение — дочь невеста и отношение отца. З. Н. никогда не читала его, спросила: «Оно напечатано?» — «Нет». — «Почему?» — «Таких стихов я не печатаю». — «Вы хотели бы иметь дочь?» — «Да, — помните, я рисовал идеал жизни: лесничий, у него две дочери с толстыми ко-- сами». — «Да, я начинаю понимать Ваше отношение. Оно очень тонкое, ничего общего не имеет со старческим чувством к девочкам». — «Конечно, терпеть

Для сайта BOOK-OLDS.RU

не могу ничего противоестественного. Во мне только аполлоновское начало». — «Во мне тоже», — сказала З. Н.

[Запись И. А. Бунина:]

12/25 авг.
Получил «Жар-Птицу». Пошлейшая статья Алешки Толстого о Судейкине. Были Кривошеины и интервьюер голландец. После обеда, как всегда, у Гиппиус, говорили о поэтах. Ей все-таки можно прочистить мозги да и вообще вкус у нее ничего себе.

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 августа.
[...] Сидели в комнате З. Н. Она вела разговор о революции. Восхваляла февральскую. Кривошеин молчал при всех рискованных местах. А за обедом З. Н. заявила, что — «Кривошеин наших убеждений. Он на все смотрит, как мы». [...]

13/26 августа.
Ох, устала я от знаменитостей. Скучно с ними, каждый занят собой и разговаривают они почти всегда лишь с равными. А ты сиди и слушай все, что бы они ни несли, а возразишь — так даже не удостоят ответом. [...]

14/27 августа.
[...] Ян долго и подробно рассказывал мне, о чем они так страстно говорили.
— Нет, с ней говорить можно, а с Мережковским нельзя, с Бальмонтом нельзя, с Куприным нельзя. Она много думает и многим интересуется.
Интереснее всего на мой взгляд у них был разговор: какая нужна любовь — плотская или духовная?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Нужен ли даже самый род? В Мережковских есть какая-то необычность, а поэтому и интерес к этим вопросам. Поэтому он был спокоен ко всем ее влюбленностям. Он сам до сих пор влюблен, именно влюблен в нее, а она рассудочна с ним, у нее нет восхищения жены перед ним, у Володи больше.

16/29 августа.

Посылаю в редакцию «Огней» призыв матерей, гибнущих в России, призыв только что дошедший до нас.

Переписываю его, ничего не видя от слез, ужаса, скорби, — за всю жизнь не читала ничего более потрясающего и великого.

Вместо подписей под этим призывом 44 креста, начертанных углем, карандашом, копотью, два — чернилами, десять — кровью.

Это письмо получил Мережковский от какой-то сестры милосердия Дьяковой для распространения. На всех оно произвело потрясающее впечатление.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да поможет Мир детям России. Мы, матери, обреченные на смерть этой зимою от голода, холода, от болезней, которые не сможем уже перенести в силу нашего истощения, которых не выдержат переполненные мукой сердца, мы просим людей всего Мира взять наших детей, дабы не разделили они, ни в чем неповинные, нашей страшной участи, дабы могли мы хотя бы этой ценой — добровольной и вечной разлукой с ними на земле — искупить вину нашу перед ними, которым мы дали жизнь горше смерти.

— Все, кто имел детей и потерял их! Все, кто их имеет и боится потерять! Памятью, именем ваших детей призываем вас, да не останьтесь глухи к нам, умоляющим вас за своих детей! Избавьте нас от ужаса, от безумия видеть их погибающими и быть бессиль-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ными — уже не помочь, а только облегчить их страдания!

— Мир! Возьми наших детей! Возьми за пределы нашего ада, пока еще есть в них сила расти и жить, быть, как все дети, которые могут громко говорить об отцах, матерях и братьях, не боясь быть замученными за то, что они — не дети палачей. Сжальтесь над ними, не знающими ни единой радости, доступной ребенку последнего бедняка счастливых стран.

Что будет с ними, если мы, матери, погибнем раньше их, оставив их здесь одних...

О нас не думайте! Нам для самих себя — все все равно. Для нас спасения нет. Мы уже не мечтаем вырваться отсюда, но мы будем счастливы единственным счастьем матерей, знающих, что детям их — хорошо. Мы будем сыты каждым куском хлеба, который мысленными очами увидим в руках наших детей, когда они будут далеко отсюда!

Мы будем согреты, зная, что они в тепле. Мы уже ничего не будем бояться здесь, зная, что они в безопасности. И сама смерть будет нам радостна, ибо мы верим, что души наши будут видеть, как они растут честными людьми, любящими Родину. Вам, люди всего мира, завещаем мы нашу последнюю и единственную мольбу: придти за нашими детьми! Возьмите их отсюда скорее! Каждый час отнимает силы. Голодные, раздетые, мы не вынесем холода. *Дети, счастливые дети* счастливых стран! Просите вы за наших детей. Мы не смеем подписать наших имен. Мы не смеем даже написать, в какой части несчастной России влачим мы наши дни, чтобы не навлечь гнева палачей. Но когда мы услышим, что мир послал за нашими детьми, мы приведем их вам, и никакая сила не удержит нас и не помешает нам. Услышьте нас!»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[И. А. Бунин:]

21. VIII. (3.IX.) 21 Висбаден.

Прогулка в лес. Мережковский читал свою статью по поводу письма 44 матерей. Сквозь лес воздушно-сизая гора на легком золоте заката.

[Вера Николаевна:]

22 авг./4 сентября

[...] Во время прогулки Дм. Серг. поминутно присаживается и читает о Египте, что производит впечатление гимназическое. За обедом он сказал: что он ничего больше не желает иметь, что имеет теперь: Египет — книги, какие угодно, лес, кормят хорошо. Так он прожил бы до ноября, но боится, что З. Н. соскучится.

Вечером Ян и З. Н. долго спорили о Толстом и Достоевском. Они спорили хорошо, давали друг другу говорить. Ян доказывал, что у Толстого такие-же глубины, как у Достоевского, и что он тоже всего касался. З. Н. утверждала, что Толстой гармоничен, а Достоевский нет и поэтому Достоевский сумел коснуться тех темных сторон человека, которых Толстой не касался, и привела пример шигалевщины. Ян говорил, что Толстой всегда думал о смерти, а Достоевский нигде не писал о ней. З. Н. возразила на это, что Достоевский как бы перешагнул смерть и думал о том, что дальше, пример: Зосима. Затем З. Н. доказывала, что Толстой, отрицая государство, не дал форму, тогда как Достоевский дал, сказав, что государство должно превратиться в церковь. Ян временами очень хорошо говорил, он возражал и на гармоничность Толстого, приводя в пример отношение его к половому вопросу (Дьявол, Крейцерова Соната и т. д.). Наконец, вошел Дм. С. и прервал спор.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23 августа / 5 сентября.

З. Н. очень хорошо сохранилась, несмотря на сильную близорукость и некоторую глухоту. Одевается со вкусом, очень молодо, но ей это идет. Живет умственной жизнью. Человек с характером и определенно знает, чего хочет. Женщин не любит, вернее презирает, как вообще большинство людей. Живет и общается лишь с избранными. Все у нее распределено по полочкам, она и характеры, и людей любит расставлять по своим местам — склонность к систематике большая. Обладает логикой и гордится этим. Гордится и тем, что «знает себе цену» и «не переоценивает себя». Будто бы? Любит рассказывать о людях, но они всегда мужчины и знаменитости. О женщинах говорит, что они или животное или божество, а не люди. Очень сдержанна. Если не захочет, она не поссорится. Но жизни и людей не знает, ибо прожила всю жизнь в оранжерее, и подлинная жизнь ей неизвестна. Литературу любит, писателей оценивает приблизительно правильно. Но все же на первом месте у нее — какой вопрос поставлен в произведении, а уже на втором качество произведения.

Жизнью избалована, друзьями тоже. По натуре эгоистка, но культурная, а потому не вызывает раздражения.

Несмотря на трезвый ум, она проникнута философией мужа, что с ней не вяжется, как с типом.

Спорить любит, но спорит хорошо, выслушивает противника. Если же противник ей кажется недостоин ее высокой темы, она просто не отвечает ему, делает вид, что не слышит.

25 авг. / 7 сентября.

Вечером пришел Кривошеин с сыновьями. Сидели у З. Н., вели «умные» разговоры, о текущем моменте, о Савинкове, о Филоненке[25].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Кривошеин считает Савинкова аморальным. [...] Он должен был в момент Корниловского движения устранить Керенского и соединиться с Корниловым, это могло быть его искуплением.

Мережковский говорил, что Савинков должен был убить Керенского и направить пушки на собачьих депутатов, [...] «[...] нужно было сделать выбор между Корниловым и большевиками, а Савинков не смог. Я мог бы быть тайным советником».

З. Н.: «Мы ими и были. Мы все были сумасшедшими в то время».

Кривошеин: «Но [...] Савинков не должен был быть сумасшедшим. Ведь с вас никто не спрашивает, а ему непростительно». [...]

Филоненко пришел летом 1918 г. к Кривошеину, [...] спросил, кто он? Кривошеин ответил: «Я был, есть и буду монархистом, т. к. думаю, что это единственная форма правления, при которой Россия может быть Великой и развиваться в культурном отношении». Филоненко сказал: «И я так думаю, но мне кажется, что сначала нужно что-нибудь другое. [...]»

З. Н. сказала, что считает Филоненко совершенно аморальным человеком, но еще более храбрым, чем Савинков. Это он устроил убийства Урицкого и Володарского. [...]

26 авг. / 8 сент.

Мережковский говорил мне, что при Кривошеине ему был неприятен разговор о Савинкове, т. к. они его любят, он вырос под их влиянием. «Конь Бледный» написан тоже с их благословения. Кроме того он, Мережковский, считает свою судьбу похожей на судьбу Савинкова, ибо в жизни они оба неудачники. Я что-то плохо понимаю это сходство.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В тот же день Иван Алексеевич записал:]

Вчера был особенно чудесный день. Спал накануне мало, а бодрость, бойкость и уверенность ума. Прошли утром с Верой в город полем за санаторий. Город в долине грифельный, местами розоватый блеск крыш — и все в изумит. синеве, тонкой, блестящей, эфирной.

Вечером в лесу. Готические просеки. Вдали поют дети — растут в почтении к красоте и законам мира. Листва в лесу цвета гречневой шелухи.

В России едят грязь, нечистоты, топят голодных детей в речках. И опять литераторы в роли кормителей! Эти прокормят! «Горький при смерти» — как всегда, конечно. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

27 авг./9 сент.

[...] Часто Мережковские ссорятся и, невзирая на присутствие нас, бранят друг друга резкими словами. А как-то З. Н. сказала Дм. С.: «Твоя хлестаковская слава продолжает всех обманывать». Она в дурном настроении, потому что она здесь почти не пишет, а Мережковскому омажи, особенно со стороны немцев. Ей это, видимо, неприятно. [...]

29 августа/11 сентября.

Мы долго с Яном вдвоем гуляли в лесу. [...] много говорили о большевизме, о сходстве революционеров всех стран и всех эпох. Говорили о том, что Злобин так все хорошо знает, что будет после смерти, «за миром явлений». Что у Дм. С. тоже все решено. Вспомнили, как на днях мы вели разговор на эту тему и Дм. С. сказал, что он знает, что его душа будет вместе с Лермонтовым. А Ян, улыбнувшись, сказал: «У него плохой характер». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером мы с Яном выходили в сад, слушали пение, вероятно, пели горничные из отеля, празднуя воскресенье. Ян, восхищаясь, говорил: «Нет, французы так петь не могут, не умеют, немцы человечнее. Потом, как у них воспитывается почтение перед миром, Богом, старшими, природой. Послушай, какая стройность в пении, какая ритмичность в движениях. Нет, это замечательный народ! Он не может быть побежденным».

1/14 сентября.

[...] Д. С. очень волнуется за будущее. У него почему-то не покупают сочинений на русском языке. И он нервничает, кричит, что они умрут с голода. [...]

Вечером было чудесно в лесу, мы с Яном гуляли, он говорил:

— Нет, раньше все меня волновало, хотелось написать, а теперь душа придавлена.

[...] Вспоминали лица молодых мужиков, уже ставших говорить на языке, которого они сами не понимают, вертывая городские словечки без всякого смысла. И мы вспомнили высокого худого малого на глотовской ярмарке, в лакированных сапогах и в синем картузе, который все что-то пытался объяснить Яну, но его язык был так набит «не деревенскими словами», что даже Ян с трудом улавливал, что он говорит. [...]

[Запись Ивана Алексеевича:]

15 сент. н. с. 21 г.

Нынче в 3 уезжаем из Висбадена. А какая погода! Дрозды в лесу, в тишине — как в России.

Быстрая начальственная походка начальников станций.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Веры Николаевны:]

2/15 сентября.

[...] Обед, прощанье, проводы, и мы в автомобиле летим на вокзал. Провожает нас Злобин. [...]

Ехать приятно. Часто путь идет вдоль Рейна, мимо городков, иногда вырастают горы. Но таможни отравили все. [...] тащут всех на вокзал в таможенное отделение, теснота, давка, все нервничают, волнуются. [...]

3/16 сентября. [Страсбург. — М. Г.]

Комната тихая [...] Встали рано. Отправились в собор, слушали орган. [...] Проехали к открытому мосту, немного видели город. Есть старинные уголки. [...] Ян так устал, что решил на последние деньги ехать в первом классе. [...]

10/23 сентября.

Были у Куприных. [...]

11/24 сентября.

[...] Вечером у Аргутинских. [...] Позднее пришли Дягилев с Бакстом. [...] Дягилев — барин. Он, так же, как и Бакст, не страдает от беженства, а потому очень свободен, уверен в себе и не раздражен.

Говорили о Мережковских. Повидимому, эта компания их не очень жалует, особенно раздражен на них Дягилев. [...]

21 сент./4 окт.

Письмо от Федорова, где он сообщает о кончине Юл. Ал. [Бунина. — М. Г.]. Яну письма не передала. Очень тяжело. Бесконечно жаль Юлия Алексеевича. Страшно подумать, как Ян переживет это известие. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

22 сент./5 окт.

Ландау уже давно знал от Толстого о смерти Юл. Ал.

24 сен./7 октября.

Когда я вошла в семью Буниных, Юлию было 48 лет. Он был в то время еще совсем молодым человеком, очень жизнерадостным, но быстро теряющимся при всяком несчастьи. [...]

По наружности Юлий Алексеевич был в то время довольно полным и казался еще полнее, благодаря его маленькому росту. Фигурой он напоминал Герцена на памятнике в Ницце. Лицо было тоже несколько велико по росту, но освещалось оно умными иногда печальными глазами. Волосы были в то время каштановые, без малейшей седины. Голос был резкий, напоминающий коростеля. Ум несколько скептический, по-бунински горестный, но объективный. Математик по образованию, он обладал тем, чем редко обладают общественные деятели — это широтой ума и ясностью мысли. Он умел быстро ориентироваться в самых запутанных вопросах, конечно, отвлеченного характера.

Общественная деятельность, журнал, газетная работа — все это было как бы служение долгу, но тяга душевная у него была к литературе. Я думаю, что мало найдется русских, кто бы так хорошо знал всю русскую литературу. [...] Он обладал необыкновенно правильным литературным чутьем. Сам никогда ничего не писавший из художественных вещей, он превосходно разбирался во всех вопросах, касавшихся сферы этого творчества. Это свойство его ценили и понимали все знавшие его писатели, а потому он был бессменным председателем «Старой Среды», так же и председателем «Молодой Среды». Был он и председателем вторичной комиссии в Литературно-Художественном кружке, а в последние годы он был

Для сайта BOOK-OLDS.RU

одним из редакторов в «Книгоиздательстве Писателей в Москве».

В нем было редкое сочетание пессимистически настроенного ума с необыкновенно жизнерадостной натурой. Он был добр, умел возбуждать к себе добрые чувства людей. К нему шли за советом, за помощью, с просьбой выручить из беды. [...] В практической жизни он был до странности беспомощен. [...] Он стал редактировать вместе с др. Михайловым педагогический журнал, потому что ему было вместе с жалованием предложена квартира с отоплением, освещением, и полный пансион. [...] Юлий Алексеевич был барин, да именно барин. [...] Делаю потому, что хочу, что считаю нужным. [...]

27 ок./9 ноября.

[...] Ян все еще ничего не знает, хотя удивляется, что он (Юлий Алексеевич. — М. Г.) нам ничего не пишет. [...]

[Следующие записи Бунина сделаны на вырванных из тетради листах, впечатление такое, что они остались в первоначальном виде и переписаны не были.]

27 Окт. — 9 Ноября 1921 г.

Все дни, как и раньше часто и особенно эти последн. проклятые годы, м. б., уже погубившие меня, — мучения, порою отчаяние — бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, — хотя зачем это? — и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным давно желанное и ни на что не хватает смелости, что-ли, умения, силы (а м. б. и законных художеств. оснований?) — начать книгу, о которой мечтал Флобер, *«Книгу ни о чем»,* без всякой внешней связи где бы излить свою душу, рассказать *свою* жизнь, то что довелось видеть в этом мире, чув-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ствовать, думать, любить, ненавидеть. Дни все чудесные, солнечные, хотя уже оч. холодные, куда-то зовущие, а все сижу безвыходно дома. 17-го ноября (н. ст.) — мой вечер (с целью заработка) у Цетлиных, необходимо читать что-нибудь новое, а что? Решаюсь в крайности «Емелю» и «Безумн. художника». Нынче неожиданно начал «Косцов», хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока да еще не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед «Госп[одином] из С. Фр[анциско]», хотя можно-ли сравнить мои теперешн. силы, и душевн. и физич. с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений! Как я страшно притупился, постарел даже с Одессы, с первой нашей осени у Буковецкого! Сколько я мог пить почти безнаказанно по вечерам (с ним и с Петром [П. А. Нилус. — М. Г.]), как вино переполняло, раскрывало душу, как говорилось, как все восхищало — и дружба, и осень, и обстановка чудесного дома!

[...] Вышел пройтись, внезапно зашел в кинематограф. Опять бандиты, похищение ребенка, погоня, бешенство автомобиля, несущийся и нарастающий поезд. Потом «Три мушк[етера]», король, королева... Публика задыхается от восторга, глядя на все это (королевское, знатное) — нет, никакие революции никогда не истребят этого! Возвращался почти бегом от холода — на синем небе луна точно 3/4 маски с мертвого, белая, светящаяся, совсем почти лежащая на левое плечо.

[Из записей Веры Николаевны:]

4/17 ноября.
Сегодня вечер. Ян прочел мне то, что решил чи-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тать: 1) «Безумный художник». 2) Сказка «Как Емеля на печи к царю ездил», 3) «Косцы».

5/18 ноября.

Народу было много. Он имел большой успех. Все слушали с вниманием. Даже М. С. [Цетлина. — М. Г.] осталась довольна, она, видимо, не ожидала такого успеха. [...] было всего 200 человек, часть была безбилетных.

Сказка вызвала гомерический хохот. А во время чтения «Косцов» многие плакали. [...]

25 н./8 дек.

[...] Мережковские устраивают вечер с какой-то маленькой танцовщицей, которая будет исполнять египетские танцы. Дм. С. будет читать «Тайна трех», З. Н. — стихи. [...]

27 н./10 декабря.

[...] Я поняла одну черту З. Н. Она до крайности самолюбива. Из этой черты вытекает ее подчас резкое отношение к Дм. С. [...]

У Мережковских говорили еще о бессмертии. Они все верят в индивидуальное бессмертие, в воскресение. Вечно будешь с теми, кого любишь. [...]

[Вторая рукописная запись Ивана Алексеевича:]

28 ноября.

В тысячный раз пришло в голову: да, да, все это только комедия — большевицкие деяния. Ни разу за все четыре года не потрудились даже видимости сделать серьезности — все с такой цинической топорностью, которая совершенно неправдоподобна [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Записи Веры Николаевны:]

30 н./13 декабря.

[...] Встретила на улице А. Она получила письмо от Щепкиной-Куперник. Татьяна Львовна очень довольна, сидит за своим столом. Перевела две пьесы, которые будут ставить в каком-то театре. Она счастлива, что не в эмиграции [...] Одно желание у нее — это признание Европой Советской России. [...]

7/20 декабря.

Ян из газеты узнал о смерти Юлия Алексеевича. [...] После завтрака он пошел отдохнуть, развернул газету и прочел, как он потом рассказывал, «Концерт Юл. Бунина». Перечел, секунду подумал, и решил, что концерт в пользу Юл. Бунина. Подумал: кто такой Юл. Бунин? Наконец, понял то, чего он так боялся. Сильно вскрикнул. Стал ходить по комнате и говорить: «зачем уехал, если бы я там был, то спас бы его».

[...] Он говорит, что не хочет знать подробностей. Он сразу же похудел. Дома сидеть не может. Побежал к Ландау. Я его не оставляю. Старается все говорить о постороннем. Разнеслось. Заходили Мережковские. З. Н. была очень нежна. Ян очень растерян. [...] Он говорил вечером, что вся его жизнь кончилась: ни писать, ни вообще что-либо делать он уже не будет в состоянии.

9/22 декабря.

Некролог в «Общем Деле» Потресова-Яблоновского. Написан хорошо, умно, с большим чувством к Юлию Алексеевичу. [...] Он хорошо сказал, что деятельность Ю. А. есть деревья, за которыми не видно было его самого. [...] Упомянул об исключительной любви и дружбе его к Яну. Но не развил, сколько им ему обязан Ян. [...] эти вечные разговоры, обсуждение

Для сайта BOOK-OLDS.RU

всего, что появлялось в литературе и в общественной жизни, с самых ранних лет принесли Яну большую пользу. Помогли не надорвать таланта. С юности ему указывалось, что действительно хорошо, а что от лукавого. [...]

12/25 декабря.

[...] Елизавета Маврикиевна тайная и единственная любовь Юлия Алексеевича. Он полюбил ее, когда был еще студентом. Она уже была замужем и имела дочь, поэтому считала невозможным разрушить семью. Но всю жизнь они любили друг друга. Юлий Алексеевич втайне держал свои к ней отношения, даже меня с ней не познакомил, а видался с ней чуть ли не ежедневно. Ян говорит, что она благородная, деликатная маленькая женщина, идеалистка. [...]

— А как он тебя любил, — сказал неожиданно Ян, — как часто заступался за тебя. — «Что ты все нападаешь на нее», и начнет тебя хвалить. [...]

13/26 декабря.

Вечер, я одна. Ян ушел к Ландау. Он бежит от одиночества на люди. [...]

После обеда он рассказывал мне о вчерашнем споре его с Фондаминским. Ян доказывал, что ни один класс не сделал так много бескорыстного, большого, как дворяне. Фондаминский утверждал, что когда дворянин делает что-нибудь большое, то он больше не дворянин, а интеллигент. — Ну, прекрасно, — согласился Ян, — скажем тогда, что лучшее, что было и есть в интеллигенции, дано дворянским классом. [...]

За обедом Ян сказал:

— Какой талантливый Андреев, и в то же время чего-то у него недостает. [...] свою моторную лодку он хотел назвать «Заратустра». Как же это он не понимает, что это пошлость. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16/29 декабря.

Вечером у нас Ландау. [...] Ян говорит, что он не знает, не разобрался, испортил ли Короленко свой талант или же в нем изъян. Его рассказ «Сон Макара» очень хорош, автор все видит, что описывает, а затем масса рассказов на одну и ту же тему: и еврей — человек, и мужик — человек, и вотяк — человек и т. д. А в то же время есть во многих местах очень волнующее, что-то мутное, что означает уже настоящее в писателе. [...]

17/30 декабря.

[...] Эти дни часто видались с Бальмонтами. Почему в этом году его богатые друзья так к нему пренебрежительны? [...] Он никому не нужен, новизна утеряна, пьянство его всем надоело, а помогать бескорыстно никому не хочется.

Вчера были у Куприных. Было приятно. Но и у них я прочла полное равнодушие ко всему миру. И у Бальмонта тоже, [...] живет только собой, наслаждается исключительно собой.

— Скучаете ли вы на океане? — спросил его Ландау.

— Нет, почему? Нас четверо, а потому естественная потребность говорить удовлетворена. Я там больше, гораздо больше принадлежу самому себе, чем в Париже, а это самое интересное для меня...

18/31 декабря

В Париже был Савинков проездом в Лондон. [...] Несет, по словам Мережковских, чепуху: «Народ — все, он верный слуга Его Величества Народа».

— Без «Величеств» демократы не обходятся, — заметил Ян. [...]

Горький написал Манухину, что он разочаровался в русском народе и в коммунистах. В Россию он больше не вернется. Хочет написать книгу о русском на-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

роде. «Теперь, — пишет он, — я узнал его досконально и почувствовал презрение к нему».

1922

[Из записей Веры Николаевны:]

1 янв. нового стиля, 1922.

Встречали «Новый год» у журналистов. [...]

7 января (25 декабря).

Никогда не бывает так тоскливо, как в наши русские праздники или в дни рождения и именины близких. [...]

8 января (26 декабря).

[...] Ян пришел домой очень взволнованный. Стал говорить об Юлии. — «Если бы верить в личное бессмертие, то ведь настолько было бы легче, а то невыносимо. Стал сегодня читать Толстого [...] и вспомнилась наша жизнь — Юлий, Евгений, и стало невыносимо тяжело. Я мучаюсь страшно, все время представляю себе, как он в последний раз лег на постель, знал ли он, что это последний раз? Что он был жалок, что умирал среди лишений. А затем — тяжело, что с ним ушла вся прежняя жизнь. Он вывел меня в жизнь, и теперь мне кажется, что это все-таки ошибка, что он жив». [...]

[Из записей Бунина:]

1 / 14 Янв. 1922 г.

Grand Hôtel — получение билетов на мольеровские празднества. Знакомство с Бласко Ибаньесом. Купил и занес ему свою книгу.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером у Алек. Вас. Голштейн. Кто-то военный, в погонах, трогательно бедно одет. Как мало ценятся такие святые редкие люди!

Мальчик из России у Третьяковых. Никогда не видел масла, не знает слова фрукты.

Со страхом начал эти записи. Все страх своей непрочности. Проживешь ли этот год?

Новый год встречали у Ландау.

Да, вот мы и освободились от всего — от родины, дома, имущества... Как нельзя более идет это нам и мне в частности!

2/15

Вечером снег, вышли пройтись — как в России.

Вчера, когда возвращались из города, толпы и фотографы у Hôtel Grillon — ждут выхода Ллойд Джоржа. Что б его разорвало! Солнце было как королек в легкой сероватой мгле над закатом.

3/16

Легкое повышение температ. Все-таки были на завтраке в Клариджe. Какая дешевая роскошь по сравн. с тем, что было у нас в знаменитых ресторанах! Видел Марселя Прево. Молодец еще на удивление. Мережковский так и не дождался своей очереди говорить. Даже финн говорил, а Мережк., как представитель России, все должен был ждать. Я скрипел зубами от обиды и боли.

4/17

Визит ко мне Пуанкарэ — оставил карточку.

Поздно засыпаю, — оч. волнуюсь, что не пишу, что, может, кончено мое писание, и от мыслей о своей промелькнувшей жизни.

5/18

Ездил с Мережковск. на мольеровский банкет [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все во фраках, только мы нет, хуже всех. Речь Мережк. была лучше всех других, но не к месту серьезна. И плохо слушали, — что им мы, несчастн. русские![1]

6/19 января.

Письмо от Магеровского — зовут меня в Прагу читать лекции русским студентам или поселиться в Тшебове так, на иждивении правительства. Да, нищие мы!

7/20 января.

Вечер Мережковск. и Гиппиус у Цетлиной. Девять десятых, взявших билеты, не пришли. Чуть не все бесплатные, да и то почти все женщины, еврейки. И опять он им о Египте, о религии! И все сплошь цитаты — плоско и элементарно до нельзя. [...]

[Вера Николаевна об этом вечере, между прочим, записывает:]

20 Января.

[...] Я второй раз с большим интересом слушала Дмитрия Сергеевича. Но публика, видимо, скучала. [...] Стихи З. Н. слушались охотнее, но для нее почти не осталось времени. [...] После вечера Мария Самойловна пригласила [...] друзей к ужину. Говорились речи. [...] В конце ужина вспомнили, что это день свадьбы Мережковских — 33 года! И ни на один день они не расставались!

[Из дневника Бунина:]

8/21 Января.

Кровь. Нельзя мне пить ни капли! Выпил вчера два стаканчика и все таки болен, слаб. И все мысли о Юлии, о том, как когда-то приезжал он, молодой, начинающий жизнь, в Озерки... И все как-то не верится,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

что больше я никогда его не увижу. Четыре года тому назад, прощаясь со мной на вокзале, он заплакал (конец мая 1918 г.). Вспомнить этого не могу.

Люди спасаются только слабостью своих способностей, — слабостью воображения, недуманием, недодумыванием.

9/22 Января.

«Я как-то физически чувствую людей» (Толстой). Я *всё* физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!

В газетах вся та же грязь, мерзость, лукавство политиков, общая ложь, наглость, обманы, все те же вести о большевицком воровстве, хищничестве, подлости, цинизме... «Цинизм, доходящий до грации», пишут своим гнусным жаргоном газеты. Царица Небесная! Как я устал!

10/23 Января.

Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...

По ночам читаю биограф. Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки.

Все мысль: «А я вот пропадаю, ничего не делаю». И потом: «А зачем? Все равно — смерть всех любимых и одиночество великое — и моя смерть!» Каждый день по 100 раз мысль вроде такой: «Вот я написал 3 новых рассказа, но теперь Юлий уже никогда не узнает их — он, знавший всегда каждую мою новую строчку, начиная с самых первых озерских!»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11/24 Января.

Я не страдаю о Юлии так отчаянно и сильно, как следовало бы, м. б. потому, что не додумываю значения этой смерти, не могу, боюсь... Ужасающая мысль о нем часто какая [как? — М. Г.] далекая, потрясающая молния... Да можно ли додумывать? Ведь это сказать себе уже совсем твердо: всему конец.

И весна, и соловьи, и Глотово — как все это далеко и навеки кончено! Если даже опять там буду, то какой это ужас! Могила всего прошлого! А первая весна с Юлием — Круглое, соловьи, вечера, прогулки по большой дороге! Первая зима с ним в Озерках, морозы, лунные ночи... Первые Святки, Каменка, Эмилия Васильевна и это «ровно десять нас числом», что пел Юлий... А впрочем — зачем я пишу все это? Чему это помогает? Все обман, обман.

12/25 Января.

Христианство погибло и язычество восстановилось уже давным давно, с Возрождения. И снова мир погибнет — и опять будет Средневековье, ужас, покаяние, отчаяние...

14/27 января.

Был секретарь Чешск[ого] посольства — 5000 фр. от Бенеша[2] и приглашение переехать в Тшебову. Деньги взял чуть не со слезами от стыда и горя. О Тшебове подумаю.

15/28 января.

Послал Гутману отказ от сотрудничества в качестве поставщика статей для «Утра», предложил 2 рассказа в месяц за 1600 фр. Гутман мое «Еще об итогах» сократил и местами извратил. Пишу «революция» — он прибавляет «коммунистическая». О Горьком все выкинул. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

У Карташевых был Струве. Тянет меня в Прагу неистово.

16/29 января.

Дождь, темно, заходил к Мережковским. Он спал (пять часов дня) — после завтрака у Клода Фарера. Фарер женат на актрисе Роджерс, когда-то игравшей в Петерб. Она только что получила письмо от Горького: «В Россию, верно, не вернусь, переселяюсь в горные селения... Советский минотавр стал нынче мирным быком...» Какой мерзавец — ни шагу без цели! Все это, конечно, чтобы пошла весть о его болезни, чтобы парализовать негодование (увы, немногих!) за его работу с большевиками, и чтобы пустить слух, что советская власть «эволюционирует». И что же, Роджерс очень защищала его.

Мережк. признавался, что изо всех сил старается о рекламе себе. — «Во вторник обо мне [будет] статья в «Журналь» — добился таки!»

18/31 января.

Послал письмо Магеровскому — запрос о Моравской Тшебове и на каких условиях приглашают туда.

20 ян./2 февраля.

Посылаю Дроздову «Восьмистишия»: 1. Поэтесса, 2. В гавани, 3. Змея, 4. Листоп[ад], 5. Бред, 6. Ночной путь, 7. Звезды. [...]

Дождь, довольно холодно, но трава в соседнем саду уже яркая, воробьи, весна.

Вечером у нас гости [...] Провожал Савинкову: «Все таки, если теперь бьет по морде мужика комиссар, то это — свой, Ванька». Конечно, повторяет мужа. А урядник был не Ванька? А Троцкий — «свой»?

21 ян./3 февраля.

Ходил к Шестовым. Дождь, пустые темные рабо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

чие кварталы. Он говорит, что Белый[3] ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов[4], стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. «Жизнь в России, — говорит Белый — дикий кошмар. Если собрались 5-6 человек родных, близких, страшно все осторожны, — всегда может оказаться предателем кто-нибудь». А на лекциях этот мерзавец говорит, что «все-таки» («не смотря на разрушение материальной культуры») из России воссияет на весь мир несказанный свет.

22 ян./4 февраля.

От 4 до 6 у Цетлиной «Concert» франц. артистов в пользу Тэффи [...] Все артисты одеты сугубо просто — чтобы подчеркнуть домашний характер концерта. Исполнения изумит[ельные] по свободе, простоте, владению собой, дикцией; по естественности и спокойствию — не то, что русские, которые всегда волнуются и всегда «нутром». М-ель Мустангетт похожа на двадцатилетнюю, а ей, говорят, около пятидесяти. Верх совершенства по изяществу и ловкости. Партнер — молодой человек нового типа молодых людей — вульгарного, американского. Танцы — тоже гнусные, американские. Так во всем — Америка затопляет старый свет. Новая цивилизация, плебейская идет. [...]

23 ян./5 февраля.

Видел во сне поезд, что-то вроде большой теплушки, в которой мы с Верой куда-то едем. И Юлий. Я плакал, чувствуя к нему великую нежность, говорил ему, каково мне без него. Он спокоен, прост и добр. [...]

25 янв./7 февраля.

Панихида по Колчаке[5]. Служил Евлогий. Лиловая мантия, на ней белые с красным полосы. При пении я все время плакал. Связывалось со своим — с Юлием и почему-то с Ефремовым, солнечным утром каким-то,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

с жизнью нашей семьи, которой конец. И как всегда на панихидах какое-то весеннее чувство. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

8 февраля.

[...] Мы опять на распутьи: Чехия, Германия, оккупированная местность или юг Франции. Или, наконец, Париж в 100 фр. квартире? Не знаем, не знаем.

Я на все согласилась бы, лишь бы Ян писал. А он, бедный, еще очень страдает по Юл. Ал. Вчера на панихиде он все время плакал. Он сказал мне, что все время видит во сне Юлия. — «И возмущаюсь, что Юлий умер, а он так кротко утешает меня»...

[Из записей Бунина:]

30 янв./12 февраля.

Прогулки с Ландау и его сестрой на Vinese, гнусная, узкая уличка, средневековая, вся из бардаков, где комнаты на ночь сдаются прямо с блядью. Палэ-Рояль (очень хорошо и пустынно), обед в ресторане Véfour, основанном в 1760 г., кафе «Ротонда» (стеклянная), где сиживал Тургенев. Вышли на Avenue de l'Opera, большая луна за переулком в быстро бегущих зеленоватых, лиловатых облаках, как старинная картина. Я говорил: «К чорту демократию!», глядя на эту луну. Ландау не понимал — при чем тут демократия?

31 янв./13 февраля.

Завез в «Отель Континенталь» карточку и книгу «M. de S. Franc[isco]» Бенешу. Через два часа — его секретарь с карточкой, — ответный визит. Послал книгу (ту же) Пуанкáрэ.

Прошлую ночь опять снился Юлий, даже не он, его, кажется, не было, а его пустая квартира, со свя-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

занными и уложенными газетами на столах. Вот уже без остроты вспоминаю о нем. Иногда опять мысль: «а он в Москве, где-то в могиле, сгнил уже!» — и уже не режет, а только тупо давит, только умственно ужасает.

1/14 февраля.

Все едут в Берлин, падают духом, сдаются, разлагаются. Большевики этого ждали... Изумительные люди! Буквально во всем ставка на человеческую низость! Неужели «новая прекрасная жизнь» вся будет заключаться только в подлости и утробе? Да, к этому идет. Истинно мы лишние.

5/18 февраля.

Дождь. Стараюсь работать. И в отчаянии — всё не то!

Опять Юлий во сне. Как он должен был страдать, чувствуя, что уже никогда не увидеться нам! Сколько мы пережили за эти четыре года — так и не расскажешь никогда друг другу пережитого!

Вдруг вспоминаю — пятый час, солнце, Арбат, толпа, идем к Юлию... Этому конец на-веки!

Боже, какой океан горя низвергли большевики на всех нас! Это надо помнить до могилы.

Вечером у нас Злобин. Вышли пройтись, проводить его в 11 — в тихой темной улице старик, под шляпой повязанный платком, роется в мусорном ящике, что выставляют консьержки на ночь возле каждого дома, — что-то выбирает и ест. И м. б. — *очень счастливый человек!*

7/20 февраля.

Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон — 5-ый час — в чистом, углубляющемся небе одно круглое белое облако висит. Вспомнил горы, Кавказ, небо синее, яркое и в нем такое же об-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лако, только ярче, белее — за что лишил меня Бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, люди [вероятно, «людей». — М. Г.] — родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ... Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!

11/24 февраля.

[...] Обедали у Цетлиных с Бакстом. Познакомился с Дионео [...] Понравился.

12/25 февраля.

[...] Все, что писал эти дни, — «Безъимянные записки», — противно, чепуха.

16 ф./1 марта.

Репетиция «Любовь книга золотая» Алеши Толстого в театре «Vieux Colombier». Пошлая вещичка, да и стыдно показывать французам нашу старину в таком (главное, неправильном) виде. Обедали у Ландау с Куприным. Куприн жалок и нищенской одеждой и общим падением.

14 марта.

Бальмонтам пишут из Москвы: «Очень трудно, одному на прокормление хлебом и картошкой надо пять[десят] мил[лионов], а служащие получают два с половиной мил[лиона]». [...]

18 марта.

[...] В 5 — лекция Жида[6] о Дост[оевском]. [...] Жид не похож на художника, — пастор какой-то. Познакомились [...] Заснул поздно, читал «Палату ном. 6»[7]. Волнение, — очень нравится, — мучительное желание и себе писать, и чувство, что ничего не могу, что я полный банкрот — и что вот-вот откроется эта тайна. И тоска, тоска, и мысль, что теперь каждый день

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дорог, что старость уже на пороге, — да, уже форм[енная] старость.

19 марта.

Погода опять чудесная, все то же за окном серое, чуть сиреневое, без единого облака небо (что-то вроде нашего севастопольского) и каменный красивый беспорядок домов.

Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю «Посл. Нов.», от вестей и подлости которых плакать хочется, — и опять погибший день. Все, что ни вспомню о парижской жизни, отравлено тайной, непонятной тоской.

[Из дневника Веры Николаевны:]

27 марта.

Вернулись от Цетлиных. Сегодня вечером Бальмонт читал свой роман. [...] Роман длинен, начинается с романа матери героя. [...] Бальмонт спросил Яна о его мнении. Ян похвалил, что можно было, а затем сказал: «а то, что не понравилось, вам, конечно, не интересно?»

— Да, — ответил Бальмонт, — вы правы, это совсем неинтересно. [...]

— Это молитва! — произнесла Елена К. [жена Бальмонта. — М. Г.], — а молитву критиковать нельзя.

28 марта.

У нас были гости. Только что разошлись. Было так много, что пришлось все табуретки вытащить, и то некоторые сидели на полу. Были: Бальмонты, с ними пришла и княгиня Шаховская, которая летала над Парижем и которая купила у Бальмонта книгу для издания — большая широкая женщина с приятным медлительным голосом. Потом Аитова с Колей и Лешей Гессен, затем Левины, Койранские и т. д.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бальмонт читал поэму о драгоценных камнях. Положительно всех зачитал. Большинство изнемогало. Мне, как хозяйке, было даже неловко. [...] Всякий раз, когда он бывает у нас, он просит Яна почитать стихи. Ян отказывается и, в свою очередь, просит его. Он со словом «охотно» вынимает книжечку с четко записанными стихами и начинает до одурения слушателя читать.

29 марта.

Убит Набоков[8]! Еще не верю. [...]

Вспоминается все время Набоков. Все наши мимолетные встречи. Первый раз — у Толстых. Второй — у нас, в Отель дэ Сен-Пэр. Он нас пригласил к завтраку у Аргутинского, где он всегда останавливался, когда бывал в Париже. Помню, как приятно меня поразила квартира Аргутинского своими подлинно прекрасными вещами. [...] И люди, по старому приятные. Набоков производил на меня приятное впечатление, но не скажу, чтобы он пленил меня. Слушать было приятно его плавную, ровную речь. Потом я встречалась с ним у Тэффи, где он бывал оживленней, легкомысленнее [...] Но главное, я оценила его на Национальном съезде. Он произнес хорошую, умную речь. [...]

31 марта.

Панихида по Набокове. Много народу, но по-настоящему расстроен был только В. Н. Аргутинский. [...] Вечером у Аргутинского. Был там Нольде, который дал характеристику Милюкова: «Он — человек со всеми замашками из подполья, интеллигент до мозга костей, главным образом, по инстинкту. Теоретически он правее, но тяга у него всегда влево. [...] У него нет чутья к людям, к среде, к событиям, отсюда его необыкновенная бестактность. [...] Человек он с необыкновенным здоровьем и необыкновенными нервами. Работоспособность поразительная. Он может

Для сайта BOOK-OLDS.RU

почти ничего не есть, почти не спать и не ослабеть. Властолюбив».

Пришли Мережковские, внесли шум и смех. Мережковский почти все время нападал на Яна, что его хвалят в «Юманитэ» и в других коммунистических журналах:

— Вас они хвалят, потому что чувствуют в вас позитивиста, — кричал Д. С.

(Это Ян-то позитивист! Вот уменье разбираться в душах людей у «пророка».)

— А меня ненавидят за то, что я реакционер! Меня хвалят католики, роялисты.

И он стал уверять, что нужна реакция, как в тифу. [...]

[Из дневника Бунина:]

6 Апреля 22 г.

Вечер Куприна. Что-то нелепое, глубоко провинциальное, какой-то дивертисмент, в пользу застрявшего в Кременчуге старого актера. [...] Меня поразил хор, глаз отвык от России; еще раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы! [...]

8 Апреля.

[...] На ночь читал Белого «Петербург». Ничтожно, претенциозно и гадко.

9 Апреля 22 г.

Ездил в Сен-Сир и в Версаль [...] мысль переселиться в В[ерсаль] на лето или на весь год. Поехал в окрестности, много прошел пешком. Прелестный день.

Вечером разговор с Карташевым. Он, как и я, думает, что дело сделано, что Россия будет в иностр[анной] кабале, которая однако уничтожит большевиков и которую потом придется свергать. В тысячный раз дивились, до чего ошалел и оподлел мир. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Кондукторша на трамвае по пути в Версаль: довольно полна, несколько ленивые масляные глаза, два-три верхних зуба видны, чуть прикусывают нижнюю губу. От этого губы всегда влажны, кажутся особ. приятными.

10 Апреля.

В посольстве доклад генерала Лохвицкого, приехавшего из Владивостока. Барская фигура Гирса.

Возвращался — пустые улицы и переулки после дождя блестят, текут, как реки, отражая длинные полосы (золотистые) от огней, среди которых иногда зеленые. Вдали что-то церковное — густо насыпанные белого блеска огни на Place Concorde. Огни в Сене — русск. национал. флаги.

11 Апреля.

Все дождь, дождь, к вечеру теплее, мягче, слаже. Не могу слышать без волнения черных дроздов.

В 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц. [...]

19 Апреля.

Все то же — безделье от беспокойства, необеспеченности, мука — куда ехать? Квартира зарезала!

23 Апреля.

Ездили с Верой через Maison Lafitte в С. Жермен. Чудесная погода, зеленеющий лес.

Вечер Шлецера и Шестова. Шлецер, осыпая похвалами Гершензона и В. Иванова, излагал содержание их книжечки «Из двух углов». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Запись Веры Николаевны:]

1 мая 22 года

[...] Был [...] Ян говорил с ним о своем разводе. Он уверен, что сделать это очень лёгко и стоить будет франков 600, можно все сделать в 2 месяца. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

6 Мая.

Вечером курьер из М[инистерства] Ин[остранных] Дел — орден и диплом Of[fice] de l'Instr[uction] Pub-[lique].

9 мая.

Вечером у Мережковских с Клодом Фаррером и его женой, Роджерс. Хвалили меня Фарреры ужасно. Сам особенно: вскочил, уступая мне свое кресло, усаживал, «cher maitre»... Большой, седой, волосы серебр., а местами золотые, голос довольно тонкий, живость, жестикуляция чрезмерная (говорят, кокаинист). [...]

[Записи Ивана Алексеевича прекращаются до сентября месяца. Привожу выдержки из дневника В. Н.]:

1 июня 1922 года.

[...] В шестом часу отправились с А. И. [Куприным. — М. Г.] к Розенталю. Ал. Ив., как заведенный, говорил одно и то же, что он говорит всякой женщине. И смешно и глупо, но от этого делается веселей. [...]

3 июня.

[...] Получила письмо от Яна[9]. Пишет, что он в Лионе, по дороге в Бордо. [...]

4 июня.

Пришла Савинкова. Пригласила к себе. [...] Куп-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

рин читал свои стихи. Когда он прочел «Пастель», то Н. В. высказал неодобрение. Куприн не хотел больше читать. Но его упросили. После этого Мережковские стали вместе декламировать Пушкина. Куприн: «Я знаю, что мои стихи плохи, я отношусь к ним, как к застольным шуткам». Мережковский со смехом: «Какой скромник, он скромностью делает себе карьеру». Куприн: «Всякий по своему, кто скромностью, а кто ходит с кипою своих книг и повсюду ими восхищается». Мережковский, делая вид, что не понимает: «Да, вот Бальмонт — 'охотно'». [...]

7 июня.

Ян и сегодня не приехал. [...] Умер Ленин. [...]

У Розенталя я застала Куприных. [...] Наконец, последними являются Мережковские. З. Н. элегантна до последней возможности, вся в черном. На плечи наброшена легкая пелеринка-плиссе. Прозрачная шляпа. Дорогие перчатки. Откуда у них столько денег, чтобы тратить столько на туалеты?.. [...] Розенталь жалел, что с нами нет Яна. [...] Много говорил Мережковский о необходимости борьбы, о том, что если большевики не падут, то эта зараза пойдет и на Европу. [...]

9 июня.

[...] Вернулась я поздно и уже совсем не думала о Яне. Оказывается, он приехал и довольно рано. Он ничего не нашел, несмотря на то, что они объехали пол-Франции. Устал он сильно, но вид хороший, загорелый. Понравился ему один замок на окраине города Амбуаза, но почему-то не решились взять. Бордо ему понравилось. Понравились и штаны на рыбаках — красные.

20 июня.

Ян получил сегодня развод.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером мы на балете Дягилева. Знакомых на каждом шагу, точно в России. [...]

22 июня.
Были в консульстве по поводу нашего брака. [...]

23 июня.
У нас дневной чай: А. Ос. Фондаминская, Куприны, Розенталь, Злобин. Мережковские куда-то приглашены, поэтому у нас не были. [...]

29 июня.
[...] Сегодня был завтрак у М. С. Цетлиной: чествовали Карсавину. [...] Карсавина очень мила, проста той особенной простотой, какая бывает у некоторых знаменитостей, которые тактично не дают чувствовать окружающим — кто ты, а кто я, помни. [...] Карсавина не похожа на балерину, вероятно, на нее имело влияние и то, что брат ее профессор, а потому с детства оказывал на нее известное влияние культурности. Она сама любит читать, любит книги. [...]

2 июля.
[...] Венчаться в мерии будем послезавтра. [...]

3 июля.
Какая разница в отношении к завтрашнему дню у Яна и у меня. Это и понятно. Он остается тем же. Я же как бы отказываюсь от прежнего своего существования и перехожу в новое. Правда, я понемногу привыкала к нему, ибо с приезда в Париж я зовусь везде м-м Бунин, но все же я чувствовала себя Муромцевой. Конечно, по-настоящему нужно считать после церкви, но это другое благословение — мистическое, а здесь будет именно гражданское. Это правильно: брак должен быть и гражданский, и церковный, а смешение оскорбительно для последнего.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Были гости: Фондаминские, Манухины, Зинаида Николаевна, Володя. Все чужие. И никому до тебя дела нет.

[...] Зайцевы[10] привезли много писем от родных и друзей Толстых, в которых ему все пишут, чтобы он ушел из «Накануне»[11]. [...]

Вечером я говорила Яну: «И чего ты женишься. Ведь мог бы еще хорошую партию сделать». Он сказал мне: «Нет, я счастлив, что это будет. Я, когда вспомню, что мог бы погибнуть, и что с тобой тогда бы было — то меня охватывает ужас. Я все время, пока ездил за дачей, об этом думал». [...]

4 июля.

[...] Кроме свидетелей, Куприна и Лихошерстова, будет Лизи [Е. М. Куприна. — М. Г.] и Мар. Сам. [Цетлина. — М. Г.]

Я оделась во все новое, просто. Но все же в светлое. Пришли рано. Были еще пары. Мы вступили в брак в общей зале. После прочтения общей части, стали по очереди вызывать пары, и мэр быстро читал возраст венчающихся, положение и т. д., потом поздравлял и нужно было расписаться. Он мне почему-то особенно улыбнулся. М. С. говорила, что я ничего себе невеста.

Вернувшись домой, мы хорошо закусили [...] После завтрака М. С. предложила покататься в ее автомобиле в Булонском лесу. [...]

7 июля.

В Амбуаз приехали вечером. Ехали в первом, т. к. много вещей пришлось взять с собой в вагон. Анна ехала с нами и от восторга почти все время пела или вскрикивала, как ребенок при виде сада, огорода, леса. Со станции мы ехали в какой-то средневековой «кукушке» с низким потолком.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Амбуаз спокойный и тихий городок, разделенный Луарой, на левом берегу которой возвышается старинный замок, в котором бывал Леонардо да Винчи, куда возвращался с охоты Франциск первый.

Наше шато Нуарэ стоит на широком дворе и производит необыкновенное впечатление простотой линий и каким-то спокойствием.

По приезде мы закусили и наскоро убрались. Когда Анна отправилась спать, Ян осветил весь дом и стал бегать по нему. Половина Мережковских, оказывается, гораздо лучше, и ему обидно: взять лучшую неудобно, выбираем первыми. Бегали мы с ним часов до 11, наконец, он успокоился. Правда, в его кабинете нет даже электричества, но зато в нем есть какой-то глотовский уют. [...]

17 июля. Понедельник

Вчера мы были в соборе. Я опять испытала за мессой то особое чувство, которое я уже несколько лет испытываю в церквах, соборах: только тут и есть весь смысл жизни, только тут и находится настоящее. Необыкновенно хорошо звучал орган, трогательны были кармелитки. [...]

Долго думала, как быть? Решила сама готовить и обходиться без ежедневной «хамы»[12]. Иначе будет нам жизнь обходиться очень дорого. [...] Я думаю, что совершенно достаточно, если «хама» будет приходить ко мне раз в неделю, чтобы чистить коридор и наводить лак в наших комнатах. Ян сначала не соглашался, потом я убедила его. А за труды свои я буду откладывать ежедневно для посылок в Россию. Анна согласилась подождать Мережковских, которые приезжают в конце этой недели.

Амбуаз все больше и больше нравится. Гуляем вдоль реки, ходим к лесу, который довольно далеко. [...] Эта часть Франции напоминает Россию. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25 июля, вторник.

[...] Приехали Мережковские. Дмитрий Сергеевич как-бы сконфужен, что их половина лучше. З. Н. не замечает этого. [...]

26 июля, среда.

[...] Ян читает вслух по-французски «Женитьбу» Гоголя. Пьесой восхищается. [...]

С Мережковскими я вижусь только за обедом. Завтракаем мы в разное время. Встаем мы раньше их. С ними жить приятно, т. к. сюрпризов не будет — все размерено и точно. Твоей жизнью интересоваться не будут, не интересуйся и ты их. С такими людьми никогда не поссоришься при совместной жизни. [...]

Видели дом, где жил Леонардо да Винчи. [...] Очень хотелось бы побывать внутри, особенно Дмитрию Сергеевичу. Он недоволен Туреном, недоволен Амбуазом: негде ему гулять перед завтраком. Наш парк слишком мал, лес далек. А солнца он боится.

5 августа, пятница.

[...] По вечерам ходим гулять в поле между виноградниками. [...] Когда мы возвращаемся, город уже спит. [...]

13 августа, Воскресенье.

В Понтиньи окончательно решили не ехать. Жаль, [...] хотелось пожить новой жизнью, [...] а главное, поближе познакомиться с Андрэ Жидом и другими писателями. Само по себе Понтиньи тоже интересно. Это приглашение на 10 дней в старинное шато в литературную компанию, [...] в не похожую ни на что обстановку мне кажется очень заманчивым. Но Яну все это представляется в другом свете. Он, на мой взгляд, просто нервно болён. Вероятно, все думает об Юлии Алексеевиче, ведь, по всем вероятиям, скоро год с кончины его. Сегодня в церкви Ян плакал. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20 августа, воскресенье.

[...] Как всегда по воскресеньям, завтракаем вместе с Мережковскими и я не мою посуды, а после завтрака идем все в нижний кабинет З. Н. и около часу ведем беседу [...] Она теперь в кокетливой переписке с Милюковым, читает нам его письма, иногда и свои.

21 августа.

Снимали летучую мышь в комнате Дм. Серг. Она высоко висела на стене над постелью. [...] Ян шутил: «Позвольте снять щипчиками». З. Н. возмутилась. Они все не могут никого убить, хотя все едят мясо. Дм. С. рассматривая ее, восхищался: «Какая шерстка, какая прелесть!» [...]

Гуляли вдвоем с Яном, было приятно. Говорили о политике. [...] Говорили и о том, что для Кусковой и Прокоповича не нужна старая Россия, а нужна новая, с их кооперативами, а мы не можем забыть того прекрасного, что было в России.

Ян сказал: «[...] Мне скучно с ними. Я не знаю, что мне делать, о чем говорить мне с ними. Поэтому и писать не хочется». [...]

Вечером я сидела с З. Н., говорили о Москве, об институтах. Она рассказывала мне о своих сестрах, которых очень любит. [...] Потом я рассказывала об Одессе. [...]

1 сентября 1922 года.

[...] От Андрэ Жида письмо, очень любезное. Сожалеет, что мы не могли приехать в Потиньи. [...]

Многие говорят, что у Мережковских большое умственное напряжение. Я его не ощущаю. Д. С. чаще всего говорит о деньгах, об еде и т. п., а З. Н., правда, спорить любит, но это любовь спортивная, а не для выяснения истины. Сегодня она говорит Яну: «Вот вы всех в одну кучу валите — Блока, Кусикова и т. д.» — «Бог с вами, — возражает Ян, — вы как на мертво-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

го. Я всегда выделял и выделяю Блока, всегда говорю, что Блок сделан из настоящего теста». — «Нет, и Блока вы так же настойчиво ругаете», — говорит З. Н. не слушая, — «как и Кусикова. А по-моему, с Кусиковым нужно бороться как с вонью». — «Да, Блок опаснее Кусикова», — продолжает Ян: «ибо Кусиков погибнет, а Блок много еще вреда принесет».

В своей половине мы продолжали разговор.

Ян: Как к З. Н. ничего не прилипает.

Я: А как ты не понимаешь, что Кусиковы — ее порождение?

Ян: Правда, она много всякой дряни породила.

Я: Да, бабушка русской большевицкой поэзии.

Ян: Вот я скажу ей это.

Я: Она обидится.

Ян: Нисколько, ей это будет лестно.

31 авг./13 сентября.

[...] За обедом З. Н. сказала: «Бунин занимает меня», и сказала это, как-бы вслух свою мысль. [...] Пришел Ян и сказал: «Меня трогает Дм. С. вот уже два вечера. Он говорит: нет у меня земли, то есть не только нет России, но я чувствую, как вся земля уходит из-под моих ног. — Нет, — прибавил Ян, — он не плохой человек! А она — злая. Как она сегодня за завтраком была ко мне зло настроена».

21/8 сентября.

Чудный день с паутинками. Настоящее наше бабье лето! [...] Сегодня папе семьдесят лет. В Москве собирались отпраздновать этот день. И радостное, и щемящее чувство. Хочется что-то сделать, куда-то поехать. И я подбиваю Яна, Мережковских нанять автомобиль и поехать в какой-нибудь замок. Останавливаемся на Шанессоне.

Поездка удалась. День, замок, все выше самых высоких похвал. В замке есть комната Екатерины Ме-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дичи. [...] И весь этот замок принадлежит шоколаднику Менье. Да, теперь поистине царство капитала. [...]

17/30 сентября.

[...] Перед чаем гуляли вдвоем. Ян говорил, что он сойдет с ума, что чувствует себя так плохо, что не может писать и т. д. и т. д. Я возражала, старалась успокоить. Но, кажется, мало помогла. [...] Он все еще мучается Юлием. Почти по целым дням сидит один, не говорит, не пишет, и как все люди, у которых горе, равнодушен к тому, что чувствуют близкие. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

20 Сент./3 Окт. 22 г. Шато Нуарэ, Амбуаз.

[...] В Берлине опять неистовство перед «Художественным Театром». И началось это неистовство еще в прошлом столетии. Вся Россия провалилась с тех пор в тартарары — нам и горюшка мало, мы все те же восторженные кретины, все те же бешеные ценители искусства. А и театр-то, в сущности, с большой дозой пошлости, каким он и всегда был. И опять «На дне» и «Вишневый сад». И никому-то даже и в голову не приходит, что этот «Сад» самое плохое произведение Чехова, олеография, а «На дне» — верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, верх бесстыдства. Ну, актеры уж известная сволочь в полит[ическом] смысле. А как не стыдно публике? «Рулю»?

Поет колокол St. Denis. Какое очарование! Голос давний, древний, а ведь это главное: связующий с прошлым. И на древние русские похож. Это большое счастье и мудрость пожертвовать драгоценный колокол на ту церковь, близ которой ляжешь навеки. Тебя

Для сайта BOOK-OLDS.RU

не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь — сто, двести, пятьсот лет.

Читаю Блока — какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный. [...] Да, таинственность, все какие-то «намеки темные на то, чего не ведает никто» — таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычанье нечто, в конце концов, оч. незамысловатое.

[Из дневника Веры Николаевны:]

24 с./7 октября.

Уехали Мережковские. «Нужно хлопотать о вечере, об издании книг, иначе погибнем!» Чувствуется грусть. Ян нервничает, приводит все в порядок. [...]

26 с./9 октября, 9 часов вечера.

Пошли гулять на мосты. Дождь только что перестал. [...] Подходим. Поперек тротуара ногами к мостовой навзничь лежит человек весь в крови от горла до колен. Ян впился. Я оттащила его. Еще месяц будет бояться спать. Повернули назад. Что же это — ограбление, убийство из ревности, самоубийство или просто кровь горлом пошла? И неприятно, и любопытно. Немного прошлись за мостом и опять поворотили к месту, где лежал этот человек. На острове встречаем группу людей. Впереди, шатаясь, в крови идет, окруженный полицейскими, тот, которого мы уже сочли трупом. Мы шарахнулись в сторону, один милый амбуазец объяснил нам: «рабочие-итальянцы поссорились из-за женщины и произошел бой на бритвах. Один полоснул другого и вот результат». [...]

15/2 окт. Воскресенье.

Были у вечерни [...] Сегодня Сен-Дени, патрон нашей церкви и патрон королей. Служба была тор-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

жественная, длилась полтора часа. [...] Пели удивительно хорошо. Торжественно звучал орган. Ян плакал. Вообще он в очень тяжелом настроении. [...]

7/20 октября, пятница.

[...] Ян спокойнее. Работал. Камин развлекает его и чуть-чуть согревает. [...]

[Записи Бунина:]

9/22 окт.

[...] В газетах пишут: «От холода и голода в России — паралич воли, вялость, уныние, навязчивые идеи, навязчивый страх умереть с голоду, быть убитым, ограбленным, распад высших чувств, животный эгоизм, мания запасаться, прятать и т. д.»

Тот, кто называется «поэт», должен быть чувствуем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю — он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки. [...]

10/23 окт. 22 г.

День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился.

День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. И как в Глотове — щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание! Нарядное, с красненьким, веселое, легкое, беззаботное. И этот порхающий полет. Падает, сложив крылышки, летит без них и опять распускает. В спальне моей тоже прелестно и по нашему, по помещичьи. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[У Веры Николаевны записано:]

13/26 окт.

[...] мы совершенно одни. Приди убей, обокради, никто не услышит, и даже нет револьвера. [...]

14/27 октября, пятница.

Совершенно совдепская жизнь. Холод такой, что сидим одетыми во все, что имеем — не люди, а слоеные пироги. На дверях одеяла, благо их в нашем шато много. В камине огонь. И все таки лечь в постель нельзя. А ведь большинство французов живут так всю зиму. [...]

Полдня переписывала дневник Яна. Как по разному переживали мы большевиков. У него все уходило в ярость, в негодование [...]

Ян говорит, что он больше не может, нездоров, нет здесь лекарств, нужно в Париж. Пока решили ехать в понедельник 30 октября. Надеемся остановиться в гостинице [...] Начали читать Жида по-французски, потом я читаю Яну свой перевод.

15/28 окт.

[...] Письмо от хозяйки Парижской квартиры. Обещает впустить нас к 15 ноября. [...]

Днем собирали сучья для топки.

23 окт./5 ноября.

Завтра едем. [...]

25 окт./7 ноября.

[...] У Яна что-то с ушами. Распухли так, как бывает после отморожения.

Вчера были у Мережковских. Там застали Манухиных. Все обрадовались нашему внезапному приезду. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

26 окт./8 ноября.

[...] Куприны на новой квартире, очень миленькой и не дорогой. В кухне проведена горячая вода, — моя мечта! [...]

14 ноября, вторник.

Вчера были в Петербургском землячестве. Народу было много, теснота, бестолковость. [...] З. Н. была очень интересна. Прочла три стихотворения. В одном месте ошиблась, сделала вид, что смутилась. Зато Д. С. говорил свободно, слушать было приятно, хотя, как всегда, мысль одна очень верная, а рядом парадокс. Время от времени раздавалось: «довольно!» — это З. Н. вмешивалась, вероятно, на правах жены. Тогда публика начинала протестовать и просить Д. С. продолжать. Бальмонт сидел со злым лицом. Прочел трое стихов, длинных, однообразных и скучных. [...]

Сказал слово и Куприн. Просто, симпатично, тепло. Словом, каждый остался верен себе: Гиппиус в стихах еще раз возвестила, что она пророчица. Мережковский сыпал парадоксами и тоже ввернул, что он пророк. Бальмонт истекал рифмами. А «Папочка» [А. И. Куприн. — М. Г.] кротко призывал всех к любви. [...]

20 ноября, понедельник.

[...] Зашел Куприн. Можно венчаться в пятницу. Говеть не нужно. Это меня немного огорчило. И даже стало жутко, точно Бог еще не хочет допустить меня до причастия. Позднее пятницы можно только в воскресенье, а там уже Филипповки. Уговаривал пригласить певчих, но Ян ни за что: «И так стыдно». [...]

11/24 ноября, пятница.

Сегодня мы венчались. Полутемный пустой храм, редкие, тонкие восковые свечи, красные на цепочках лампады [...] весь чин венчания, красота слов, наконец,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пение шаферов (певчих не было) вместе со священником и псаломщиком [...] я чувствовала, что совершается т а и н с т в о. [...] Было лишь грустно, что все близкие далеко.

По окончании венчания все были взволнованы и растроганы. Милый «папочка» так был рад, что я его еще больше полюбила. Лихошерстов был трогателен, а Ян казался настоящим женихом.

Вся служба напоминала нечто древнее, точно все происходило в катакомбах. Мне было приятно, что никого не было из «провожатых». [...]

Из церкви поехали домой [...] Меню: семга, селедка, ревельские кильки, домашняя водка, жареные почки и курица с картофелем, 2 бутыли вина, мандарины, чай с грушевым вареньем, которое превратилось почти в карамель. Ал. Ив. ласково упрекал Яна, что он мало приготовил водки. [...]

4 декабря.

[...] сегодня вечер Бальмонта и я должна ехать за ним, т. к. он требует, чтобы его «привезли», а послать за ним некого.

Обедали мы у Карташевых. Кроме нас был Куприн. [...] Говорили о Белом, об его воспоминаниях о Блоке. [...] К сожалению, мне пришлось рано уехать за Бальмонтом. [...] Бальмонт жаловался на безденежье. [...] Народу было мало. Как раз в этот день театр приветствовал Художественников и, конечно, весь русский Париж был там.

Бальмонт читал, как обычно, т. е. через пять минут уже невозможно было следить за смыслом. [...]

6 декабря.

[...] Ян поехал к Аргутинскому справиться насчет визы Шмелевым [...] Потом вернулся Ян. Читал вслух письмо от Шмелева, которое трудно читать без слез.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вероятно, тут говорится о письме И. С. Шмелева из Берлина от 13/23 ноября 1922, находящемся в архиве. Привожу выдержки:

Дорогой Иван Алексеевич, после долгих хлопот и колебаний, — ибо без определенных целей, как пушинки в ветре, проходим мы с женой жизнь, — пристали мы в Берлине 13-го (н. ст.) ноября. Почему в Берлине? Для каких целей? Неизвестно. Где ни быть — все одно. Могли бы и в Персию, и в Японию, и в Патагонию. Когда душа мертва, а жизнь только известное состояние тел наших, тогда все равно. Могли бы уехать обратно хоть завтра. Мертвому все равно — колом или поленом. ¼% остается надежды, что наш мальчик каким-нибудь чудом спасся. [...] Но это невероятно. Всего не напишешь. [...] осталось во мне живое нечто — наша литература, и в ней — Вы, дорогой, теперь только Вы, от кого я корыстно жду наслаждения силою и красотой родного слова, что может и даст толчки к творчеству, что может заставить принять жизнь, жизнь для работы. [...]

Внутреннее мое говорит, что недуг точит и точит, но Россия страна особливая, и ее народ может еще долго-долго сжиматься, обуваться в лапти и есть траву. Думать не хочется. Москва живет все же, шумит бумажными миллиардами, ворует, жрет, не глядит в завтрашний день, ни во что не верит и оголяется духовно. Жизнь шумного становища, ненужного и случайного. В России опять голод местами, а Москва живет, ездит машинами, зияет пустырями, сияет Кузнецким, Петровкой и Тверской, где цены не пугают [...] жадное хайло — новую буржуазию. «Нэп» жиреет и ширится, бухнет, собирает золото про запас, блядлив и пуглив, и нахален, когда можно. Думаю, что радует глаза «товарищам» и соблазняет. Зреет язва, пока еще закрытая. А что будет — не скажет никто. Литература — случайна, пустопорожна, ли-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

шена органичности, не имеет лица, некультурна, мелка, сера, скучна, ни единого проблеска духовного. Будто выжжено, вытравлено все в жизни, и ей не у чего обвиться, привиться. [...]]

Теперь Манухин уже за то, чтобы Яну дали Нобелевскую премию. А летом уговаривал меня, чтобы я склонила Яна отказаться от премии в пользу Мережковского. А когда Мережковский получит — он поделится. И был очень недоволен, когда я возражала, что кроме денег, есть кое-что другое, что заставляет желать получить премию. Ян сказал ему, что Ромэн Роллан выставил его кандидатуру в Стокгольме. Он очень оживился, стал строить всякие проекты, словом, впечатление такое, что мы самые близкие друзья. А я боюсь таких людей. Сегодня друг, завтра враг. [...]

[Следующая запись Бунина рукописная:]

28. XI. (11. XII.) 22 г.

У Денисовой, потом обедал у Фондаминских. Опять спор, как отнестись к Блоку, Белому. Мережковские: «Это заблудшие дети». Да, да блудить разрешается, но только влево. Вот Чехову 20 лет не могли забыть, что он печатался в «Нов. Вр.».

Кафедру рус. литературы предлагают мне чехи. Откажусь. [...]

У Фонд[аминских] муж Л. С. Гавронской, Бор[ис] Осип[ович], доктор, только что из России: «жить в России немыслимо, вся Россия острог, вся поголовно больна, кроме главарей...» А в Париже все кричат о том, что большевики «в панике». Всё затем, чтобы сказать: «Всё обойдется и без Врангелей».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из дневника Веры Николаевны:]

18 декабря

Встреча с «художественниками» удалась как нельзя лучше. Все было хорошо, если не считать того, что Бальмонт напился и дважды сказал бестактную речь — сначала на тему, что он первый создал «Чайку», а потом что-то насчет актера.

В театре было очень хорошо. Москвин, действительно, талантлив. Ян даже плакал, конечно, и вся Русь старая, древняя наша сильно разволновала его. [...] Народу было битком полно. [...]

Приехали мы к Цетлиным одни из первых. [...] Когда приехали все артисты, хозяйка пригласила к столу. Качалов не приехал. [...] Так как оказалась брешь за главным столом, то с нашего стола попросили заткнуть ее Кульманом[13]. [...] Напротив Станиславский, А. В. Цетлин, Вишневский. [...] Блистала красотой Надежда Григорьевна Высоцкая. Книппер часто подходила к нам, шутила с Яном. Вообще все артисты были очень любезны с нашим столом. [...] Говорились речи и все на тему, что Художественный театр выше всего, а их главная заслуга — что его сохранили. [...]

После ужина мы разговаривали с Лужскими. Они рассказывали нам про Телешовых[14]. Мы их просили прийти к нам, чтобы получше расспросить их о Москве. Они обещали во вторник.

[...] Куприн говорил речь и был в благостном настроении.

Потом стали уговаривать ехать в Халь, есть луковый суп. Станиславский сказал, что поедет только в том случае, если поедем мы. Поехали: Станиславский, Гончарова, Ларионов, Книппер, Москвин, Маршак, еще кто-то и мы. Мы сели в такси со Станиславским, Гончаровой, Ларионовым, и отбились от прочих. Долго бродили по пробуждающемуся Халю, смотрели на

Для сайта BOOK-OLDS.RU

привозимые продукты. [...] Наконец, нашли в каком-то ресторанчике остальных. Было душно, дымно и шумно. Танцовали [...] Станиславский все держался Яна, уговаривал писать для них пьесу. С нами же был и Ларионов, который почти все время без умолку болтал [...]

Просидели мы, что называется, до поздней обедни. Ехали обратно через пустынный Париж, завезли Станиславского, домой попали в десятом часу утра.

Впечатление от Станиславского очень хорошее, хотя он ставит театр выше России. В этом и разногласие наше. [...] Ему пришлось многое пережить, его выселили из квартиры, Бог знает, куда. Сын его в это время простудился и схватил туберкулез. Теперь они уезжают в Америку.

Днем к нам пришла Книппер. Ян спал и мы долго сидели с ней вдвоем. Она много рассказывала и жаловалась на Марию Павловну [Чехову. — М. Г.], которая, по ее словам, проявила много жестокости и жестокости, например, к брату Ивану Павловичу. Потом рассказывала о скупости М. П. [...]

Потом она стала советоваться насчет издания книг. У нее покупают иностранцы, а также она продала «Слову» письма Антона Павловича к ней.

Рассказывала и о России, но очень сдержанно. Не успела, как следует, осмотреться и, пожалуйте, опять ехать за-границу. [...] Ушла в шестом часу.

На «встрече» мы начали продавать билеты на вечер Шмелева. Ян никуда не годится, как продавец — конфузится, так что пришлось мне взяться за это дело. [...]

Была сегодня у М. С.; она лежит. Говорит, что никогда не пригласит Бальмонта, когда будет вино: «Бальмонт, вино и я — несовместимы!» [...]

19/6 декабря.

Ушли от нас только что Лужские. [...] Много го-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ворили о Телешовых. Николай Дмитриевич — настоящий старик, Елена Андреевна работает. Андрюша — деликатный молодой человек, учится на доктора. Тяжело им всем очень. Ненависть к большевикам огромная, к евреям еще сильнее. [...] отношение у них к большевикам совсем не наше, они стараются отыскать и хорошие стороны в теперешней жизни. [...]

26/13 декабря.

[...] Получили билеты на вечер Художественного театра в каком-то частном доме. [...] Поднимаясь по лестнице в особняке, мы встретили Качалова. Блестящ, в безукоризненном фраке с шелковой полосой на брюках. Очень любезно, по-актерски, поздоровался с Яном. Мы познакомились. Зала небольшая, набита до отказа. Читают актеры и актрисы. И странно — художественники читают плохо. [...] Хорош был только Москвин.

После вечера хозяйка пригласила ужинать. [...] С нами сидела Книппер, мило подтрунивавшая над Яном. [...] Она жаловалась на усталость, т. к. всю прошлую ночь они пьянствовали у Моло, где среди гостей был и Борис Владимирович, Великий Князь. «Все смешалось в доме Облонских». Говорят, Москвин был в ударе и много пел.

За ужином я сидела с Милюковым, который был очень любезен. [...] Речей не было, по уговору, но вдруг, уже почти в конце ужина поднимается изящная фигура Качалова, томно становится у колонны и начинает читать «Солнце» Маяковского. Милюков говорит: «Я думал, что Маяковский совсем не умеет писать, а теперь вижу, что он поэт». Когда Качалов кончил под аплодисменты ошалевших эмигрантов и стало тихо, Ян громко сказал: «Поедем, а то, пожалуй, еще будут читать и ленинские речи». Мы уехали.

Дорогой обсуждали, почему Качалов без всякой просьбы стал читать стихи именно Маяковского, т. е.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

одного из самых ярких большевицких стихотворцев? Решили, что он боится своего белогвардейского прошлого и «старается». [...]

Между прочим, рассказывают, что против театра, где играет «Художественный» есть ресторанчик, где сидят статисты театра и ведут пропаганду, чтобы возвращались в Россию. Конечно, с труппой приехало много переодетых большевиков, которые следят за актерами. [...]

1923

[Записей за 1923 год мало и у Ивана Алексеевича, и у Веры Николаевны. Начинаю с записей Веры Николаевны:]

1 янв. (н. ст.)

Новый год франц. мы встретили на мосту Алекс[андра] III, возвращались от Карташевых пешком. [...] Нам показалось это знаменательным. [...] Ян сказал: — Может быть, мы вернемся в этом году?

3 янв. (н. ст.)

[...] Зашли Цетлины. Я сказала, что Ян у Куприна. Они пошли за ним и, вернувшись, просидели весь вечер. [...] Говорили о Худож. театре, о лекции Куприна и Яна, о лете [...]

4 янв. (н. ст.)

[...] Лекция Куприна. Это не лекция. Как-то слабо и неинтересно. Мысль, что гений и злодейство не могут ужиться — не новенькая, и странно читать лекцию, чтобы сказать это. [...]

7 января.

[...] Визу для Шмелева выслали вчера в дипломатическом «вализе».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 января.

Пришел интервьюер. [...] Ян: — [...] Оттого, что я был в оппозиции, не значит, что я не искал. Я за органичность в искусстве. Если я талантлив, то я скажу новое. Зачем же кричать: Я новый! Я не похож на прежних! Я ни на кого не похож! — Кто же начинал без подражания! Я нашел через некоторое время себя, свою музыку. [...] «Деревня» — реализм. «Гос-подин из Сан-Франциско» — симфоничен. Появилось в Советской России большое количество пролетарских писателей и поэтов. Есенин — сознательный хулиган. [...] Маяковский тоже натура грубая. [...]

[Из записей Ивана Алексеевича:]

1 / 14 янв. 1923.

Новый год встречали у кн. Пл. Ник. Аргутинского. Нувель, Зилотти. Позднее художн[ик] Пикассо с женой, которая по происхожд. русская. Маленький, довольно простонародного склада. [...]

[Из дневника Веры Николаевны:]

15 января (н. ст.).

[...] Письмо от Шмелева. Приезжают в среду. [...]

16 января (н. ст.)

[...] Ян все время усиленно работает. Мы ложимся спать поздно [...] в голове у него лекция.

18 янв.

[...] Вечером у нас Шмелевы и Цетлины. Ив. Серг. [Шмелев. — М. Г.] читал из «Это было», что он хочет прочесть на вечере. [...] Читает он хорошо, увлекаясь. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20 янв.

[...] Лекция Яна живая. Мне кажется, слушать ее будет легко. [...] Ян послал билет [на вечер Шмелева. — М. Г.] Кесселю и просил его написать о Шмелеве, также говорил о нем с Шлецером. [...]

23 янв.

Передали Шмелевым 1800 фр. [...]

24 янв.

Лекция Яна. Народу было очень много. Ян читал внешне спокойно. Читал хорошо, но немного быстро (стихи), т. к. боялся, что не успеет кончить. [...] Публика была незнакомая. Много молодежи. [...] Многие подходили и выражали восхищение. [...] Аргутинский пригласил нас и Шмелевых к нему чай пить. Мы просидели у него до часу, Шмелев много рассказывал. [...]

26 янв.

Ездили к Боссару насчет Шмелева. Он сказал, что даст ответ через 2 недели. [...]

27 янв.

Были у Цетлиных. Интересный разговор о поэтах, почему поэт должен быть консервативным, должен быть порождением быта. Ян развивал свою теорию о воспоминаниях, о наследственности, об органичности в поэзии. [...] Шмелев сначала был как-бы задет, но затем, когда Ян объяснил, что он говорит о духовности в наследстве, то согласился. Ян говорил: «Вот и ваш талант объясняется, м. б., тем, что предки ваши были староверы, жили духовно, боролись из-за веры. Тут уже начинается культура». Шмелев говорил, что он думал о влиянии на литературу церкви, духовных служб, что они играли в жизни писателей большую роль. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

29 янв.

Петерб. землячество — мертворожденное дитя, петербуржцы не ходят. Было около ста человек. Ян прочел из «Петлистых ушей» все, что относилось к самому Петербургу. [...]

Говорят, что в Берлине жизнь русская, только нет Че-ки. [...]

31 янв.

[...] Шмелев задает наивные вопросы, он, например, сказал: «А что, если написать Горькому, убедить его, кто такие большевики. Он ведь теперь ясно видит. Ведь если бы он перешел на нашу сторону, то какое это произвело бы впечатление на всех. Ведь Европа его очень ценит».

6 февраля.

Сейчас Ян вел странный разговор со мной — готовил меня к смерти мамы. Он видел ее нехорошо во сне. [...]

7 февраля.

[...] Был Шмелев. Странно спросил о маме. Боюсь, что он уже знает. [...] Почти год назад она писала, что много думает о смерти. [...]

8 февр.

[...] Разбираю письма. [...] Попалась пачка писем Бальмонта. Вот льстец. [...] Ведь по письмам можно думать, что дороже Яна для него нет никого. [...]

9 февр.

Никаких известий. Тревога все усиливается. [...] За обедом говорили с Яном о загробной жизни. Ян верит в бессмертие сознания, но не своего я. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15 февраля.

Моск. земляч. Народу мало. Между прочим, Гучков[1] [...] расстроился, узнав о смерти Ив[ана] П[авловича] Чехова. Он рассказывал, какой это был необыкновенный учитель народных школ. Жена его тоже хорошая учительница. [...]

26 февраля.

[...] Узнала о кончине мамы.

5 марта.

Были у Шмелевых. Их обстановка напоминает мне московскую студенческую: огромный диван и стулья.

Весь вечер проспорили о Блоке, о Камерном театре [...]

6 марта

[...] Днем были Шмелевы. Гуляли в Булонском лесу, потом зашли к нам, пили чай. Я прочла письма из Москвы. Ольга Алекс[андровна] [Шмелева. — М. Г.] меня всегда успокаивает. Может быть, отчасти оттого, что ее горе самое большое: расстреляли, замучили и неизвестно куда кинули сына. А сын у них, кажется, правда был чудесный, храбрый, благородный.

7 марта.

[...] Тэффи делали операцию, чуть не умерла. [...]

8 марта.

Были у Шестовых. Интересный разговор о юродивых. Шест[ов] понимает их, как неприемлющих жизнь и связывает их с философами — Платоном, Плотином, Диогеном. [...]

12 марта.

Ян был у Мережковских. З. Н. сухо сказала о «Ги-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

бели»: «Это манера толстовская». Ян возразил, что он давно пишет этой манерой, и она не похожа на толстовскую. — «Нет, вы все накручиваете и накручиваете». Потом она читала Яну, что она написала о Распутине — «Самый обыкновенный мужик, юрод». И это знаменитая писательница! Она ничего не понимает в людях. Мужик он недюжинный, и совсем не юрод. [...]

31 марта.

[...] Были у всенощной. Служил Евлогий. Я в первый раз видела так близко архиерейское служение за всенощной. [...]

Ян вернулся от Мережковских веселый. Д. С. был в хорошем настроении. З. Н. ругала монархистов.

17 апреля.

Вечер Яна.

3 мая.

Отъезд из Парижа.

4 мая.

Утром из Марселя в Ниццу. [...] В Ницце устроились хорошо. В «Петрограде» приятно, хоть русское название. [...]

6 мая.

Через Канн в Мужен. Антиб.

8 мая.

Утром ездили по Антибам и Juin les Pins. Ничего не подошло, но ехать было приятно. [...]

10 мая.

Вернулись с поисков дачи. Устали. Ничего не нашли. Дач сдается мало. Они дороги и неудобны.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

12 мая.

[...] Опять ездили и ничего путного не нашли. Близь Ментона есть две дачи. Одна очень жаркая и только до 1 сентября.

14 мая.

Грасс. Агентства. [...] очень забавная женщина, по существу милая, сдала нам виллу Mont-Fleury, которая стоит высоко над Грассом, в большом саду, где растут пальмы, оливки, хвойные деревья, черешни, смоковницы и т. д. Вид божественный — на Сред[иземное] море, на Эстерель. [...]

17 мая.

Переехали на дачу. Вещи на себе перевез какой-то итальянец. Сначала взялся, потом скандалил, а затем просил, чтобы его наняли, когда мы будем уезжать. [...]

20 мая.

Ждем Володю[2]. [...] После завтрака мы пошли смотреть дачу. Дача понравилась. Поторговались из-за срока и сошлись: с июня по 8 октября. [...]

21 мая.

[...] Ян с Володей ездили в Канн. Пришли газеты, письмо от Шмелевых. [...] Они согласны и едут, только неизвестно когда. [...]

22 мая.

[...] Ему [Злобину. — М. Г.] здесь очень нравится. Подписал контракт. Распределил комнаты, у З. Н. целый аппартамент, у Д. С. тоже прекрасные две комнаты. У Володи просто, но хорошо.

29 мая

Ходили с Яном в город за покупками. Какие в Грассе древние дома, церкви. Совершенно итальян-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ский характер уличек, дворов. [...] На базаре тоже часто слышишь итальянскую речь. [...]

6 июня.

Приехали Шмелевы. [...] Ольга Алекс. очень похудевшая, Ив. С. бледен, возбужден, накален. Много рассказывал о парижской жизни, о знакомых. Куприн опять без денег. Ал. Ив. сказал, что он «забросил чепчик за мельницу». [...] У Бальмонта на вечере было пусто, но денег он собрал тысячи четыре. От Карташева Ив. Серг. в восторге: «Вот правильное отношение к Христу, реальному. [...]»

9 июня.

[...] По дороге в Мужен Ян [...] говорил о своем творчестве, как созидался у него «Илья Пророк». Ехал в Елец и увидел на большой дороге изба строится и стружки блестят на лунном свете.

13 июня.

[...] Ол. Ал. удивительно хорошая женщина. Вот, какая жена должна быть у писателя. И зачем у них такое горе! Как они все трое любили друг друга, какие у них были нежные отношения. [...]

17 июня.

Приезд Мережковских. З. Н. пришла к нам очень оживленная и возбужденная, бросилась Яну на шею. Дм. С. в хорошем настроении. Дача им понравилась. [...]

27 июля.

[...] На вечерней прогулке Ив. С. опять вспоминает сына, плачет. Он винит себя, винит и мать, что не настояли, чтобы он бежал один, без них. Но все дело, конечно, что у них всех трех не было физиологи-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ческого отвращения к жизни с большевиками. Погубила и дача[3], она удержала подсознательно.

29 июня.

[...] В 6 ч. приходят Мережковские. Выходим в сад. З. Н. говорит: «Нужно нам, писателям, определиться, это надо сделать для французов. А то они говорят — вы мистически настроенные люди и только. — Падут большевики и что же? Будем мы поддерживать всякое правительство?» Дм. Серг. сказал, что он за религиозный фашизм. Это придумано хорошо. Ив. С. говорил долго и горячо. Он — белый. Он монархист-консерватор с демократическим оттенком, но против четыреххвостки[4] и т. д. Ян сказал, что он за Врангеля и Кутепова, т. е., что он думает, что только сильная военная власть может восстановить порядок, усмирить разбушевавшегося скота.

Потом говорили о том, что большевизм — это, действительно, рабоче-крестьянское правительство и что, конечно, большевики пришли навстречу русскому народу, не желавшему воевать и желавшему грабить.

Письмо от Ек. П. [Пешковой. — М. Г.]. Она прожила 5 дней в Алассио. Письмо восторженное, без ять и ни слова о Максиме и Ал. Макс. [Горьком. — М. Г.]

8/25 июля.

Пришли Мережковские. Говорили о Тихоне[5], о том, какая часть романовской крови была в Ник[олае] II. З. Н. спрашивала: «Что Палеолог писал все в России еще, или же здесь, и так сказать, сжулил?» Ее смущают пророчества его. Она искренне думает, что предсказывать может только их дом.

Вечером мы гуляли втроем. Ив. С. рассказывал о Валааме, о Новом Афоне[6]. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16 июля.

Ян уехал на два дня с Моисеенко на автомобиле в горы.

[Среди бумаг Ивана Алексеевича сохранился напечатанный на машинке листок бумаги с незаконченным текстом:]

Укус змеи нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее.

Летом 23 года мы с Моисеенко ехали в автомобиле из Грасса в Тулон. Моисеенко в какой-то долине остановил машину, чтобы что-то исправить в ней, я перескочил с шоссе через канаву, лег головой к ней в траву, хотел отдохнуть, покурить, как вдруг услыхал, как что-то змеей мелькнуло возле меня и в то же мгновение я, от моего постоянного патологического ужаса к змеям, так дико взбросил ноги в воздух, что дугой перелетел через канаву назад и стал на ноги на шоссе — сделал то, что мог бы сделать лишь какой-нибудь знаменитый акробат или мой древний пращур, тигр, барс. — Мы не подозреваем, какие изумительные силы и способности еще таятся в нас с пещерных времен. [...]

[Из дневника Веры Николаевны:]

24 июля.

Ольгин день. У нас по-русски пироги, торты. Завтракают Мережковские. Подобие России, но я не люблю это — легче, когда не вспоминаешь.

Зин. Ник. оставалась дольше всех. Говорила о Карташеве, что в нем пропало все ценное — пророческое. [...]

31 / 17 июля.

[...] Трудный он [И. С. Шмелев. — М. Г.] человек — или молчит с обиженным видом или кричит

Для сайта BOOK-OLDS.RU

возбужденно о вещах всем известных, тоном пророка. Он, вероятно, привык вращаться в среде, где его слушали с раскрытым ртом, а он вещал, прорицал, был как бы совестью окружающих. А с нами это смешно. [...] Он породы Горького, Андреева, а не Яна, даже не Куприна. Ему хочется поучать, воспитывать, поэтому сам он слушать не умеет.

1 августа.

[...] Письмо от Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.]. В Берлине тяжело, накануне революции. Многие русские собираются назад в Россию. Зайцевы не хотят. [...]

[С августа 1923 г. возобновляются записи Ивана Алексеевича:]

3/16 Авг. 23 г.

Купанье в Восса. Вокзал, олеандры, их розаны и голубая синева моря за ними. Три купальщицы, молоденькие девушки. Незабываемое зрелище. Очки цвета иода. [...]

5/18 Авг. 23 г.

После завтрака облака на западе. Скоро понял, что не облака. Говорят, что идет страшный лесной пожар. [...] Часа в четыре все ближе докатывающийся до нас мистраль, хлопанье дверей по всему дому. Облака заняли треть неба. Густое гигантское рыжевато-грязное руно — Апокалипсис! Ночью огонь.

6/19 Авг. 23 г.

Lassus maris et viarum, — устав от моря и путей. Гораций. Как хорошо!

При воспоминании вспоминается и чувство, которое было в минуту того, о чем вспоминаешь.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[6 августа В. Н., между прочим, записывает:]

З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] Зайцева ставит выше Шмелева, но женщина в «Зол[отом] узоре»[7] ей непонятна. [...]

[На следующий день запись:]

[...] Ив. С. [Шмелев. — М. Г.] трогательно учится по-английски. В нем как-бы два человека: один — трибун, провинциальный актер, а другой — трогательный человек, любящий все прекрасное, доброе, справедливое. [...] Сегодня он говорил: «Нет, писать теперь нужно серьезное». Ян стоял, слушал цикад, кот. необыкновенно хорошо стрекотали, и думал: «А я хотел бы изобразить, как следует, вот эти звуки».

17 августа

[...] За обедом спор из-за Ал. Н. Толстого. Мы с Яном доказывали, что он сделан из худож. материала, но, конечно, он пестр и часто неровен. Ив. С., Ольга Ал. [Шмелевы. — М. Г.] и Евг. Ив. [Моисеенко. — М. Г.] не признают его писателем. Особенно нападает Ольга Ал.

Ив. С.: «Да, странички, листочки, строчки у него есть, а произведения нет. Он никогда не взволновал меня, не задел души». [...]

[Запись Ивана Алексеевича:]

7/20 Авг. 23 г.

Опять купался в Восса. Перед вечером перед домом, по саду спокойный, недвижный, чуть розоватый свет. И запах гари. Август, август, любимое мое.

Gefühl ist alles — чувство все. Гете.

Действительность — что такое действительность? Только то, что я чувствую. Остальное — вздор.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Несрочная весна.

Grau, lieber Freund, sind alle Theorien,
Doch ewig grün das goldne Baum des Lebens —

Все умозрения, милый друг, серы,
Но вечно зелено златое Древо Жизни.

Лаоцзы, написавший Тао-те-кин, родился с седыми волосами, старцем. Страшная гениальная легенда!

«Мысль изреченная есть ложь...» А сколько самой обыкновенной лжи! Человеческий разговор на три четверти всегда ложь, и невольной, и вольной, с большим старанием ввертываемой то туда, то сюда. И все хвастовство, хвастовство.

[Из записей Веры Николаевны:]

28 августа.

Карташевы... Они завтракали у нас и пробыли до 6 часов.

А. Вл. рассказывал о Ник[олае] Ник[олаевиче][8]. Высокий, большой старик, похожий на Павловичей, очень русский, без всякого европейского налета. Он совершенно не развит политически, но в этом-то и сила его. Он считает, что случилась катастрофа непоправимая. Ему кажется, что это конец. Он сам ни к чему не стремится, но к нему обращаются, толкают его, говорят, что его долг возглавить и т. д. Его поколебали, но он твердо сказал, что ему важно знать не мнение эмиграции, а мнение России, и если там его желают, то он готов принести себя в жертву. Похож он на помещика. [...]

2 сентября
[...] Сегодня Куприн написал очень хорошую ста-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тью о Государе, что он будет причислен к лику Святых. Чем объяснить такую смелость?

[У Бунина записано:]

Ночью с 28 на 29 Авг. (с 9 на 10 Сент.) 23 г.

Проснулся в 4 часа, вышел на балкон — такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них.

Конец сент. 1923 г., Грасс.

Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть и этот певучий средневековый звон — все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет — и очень, очень скоро — а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей.

[Из дневника Веры Николаевны:]

5 октября.
Отъезд Шмелевых. [...]

9 октября.

Последний вечер на Mont Fleury. [...] все к лучшему, мне было бы очень тяжело одной в таком огромном доме, да и дешевле, да и надо настраиваться на этот лад, на лад бедных людей, без ванн, без салонов и т. д. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Запись И. А. Бунина:]

Воскресенье 16/29 окт. 23 г.

Поездка на Лоренск[ие] острова. Чай в Grill Room на набережной в Cannes. Сумерки, хмуро, теплый ветер, мотающий краями маркиз за окнами. Окна налились сине-фиолетовым, за ними в разные стороны раскинутые, махающие перья пальмы, в море туман, огонь — рубин далекого маячка на молу. В Grill'e зажженные хруст[альные] люстры и такие-же, отраженные, висят за окнами, над улицей, не мешая видеть пальму. Музыка, удивительно неподходящая к публике, — то ироническ[ая], то страстно-грозно-печальная, виолончель, как женск[ий] голос. Метрдотель маленький, круглый, ручки удивит[ельно] отдельные от тела, на быстром ходу махающиеся. Молодой лакей в белой куртке, итальянец, черные конск[ие] волосы, почти нет лба. Музыкант за пианино похож на немца, скрипка — все косое, ушедшее в нос лицо, виолончель — оч. красивый португалец. Из всей публики выделяется намазанная старая дама, страшная как смерть.

Все время думал о [...] Он мысленно всех раздел, знает всю грязь — тайную — белья музыкантов, лакеев, вообразил все их пороки. Хорошо бы написать такой рассказ. Он, напр., сидит долго, долго в нужнике — некуда итти ночевать — вспоминает всю свою жизнь...

[В записях обоих Буниных большой перерыв. В дневнике В. Н. редкие и лаконические заметки. Ее записи возобновляются в январе 1924 года, записи Ивана Алексеевича, за исключением одной, — только следующим летом. Они сохранились в рукописи.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19 дек 1923 / 1 янв 1924.

Целый день думаю о маме. Все стараюсь представить себе, что она чувствовала в последние сутки своей жизни? [...]

Обедал Зайцев [Борис Константинович. — М. Г.], который вчера приехал. Не видались шесть лет! Изменился мало. Выдвинулись только кости. Стал живей, подвижнее. [...] Кое-что чувствует иначе, чем мы, но все же в настроении приятном. Вера приезжает дней через десять.

У нас Петр Александрович [Нилус. — М. Г.] Он приехал из Вены. Материально ему очень тяжело. Приехал в Париж попытать счастья.

3 января.

Только что вернулись от Кульман, где кроме нас были Карташевы и П. Б. Струве. П. Б. похудел, отрастил бороду, стал красив и не утерял своей очаровательной улыбки. Он много рассказывал о настроениях в Праге и о том, что теперь варится в мире по отношению большевиков. Чехи боятся больше всего союза правых русских с правыми немцами, а потому Бенеш заключает союз с французами и Англией для водворения Милюкова в России, чтобы там устроить демократическо-республиканский образ правления. П. Б. доволен этим. [...] П. Б. говорил еще, что главное разделение эмиграции произошло из-за Милюкова, в отношении к белому движению. — Молодежь в Праге в большинстве случаев правая. Настроение различных групп различно — левые эс-эры, правые эс-эры, милюковцы, правые кадеты. Кизеветтер и Новгородцев. Первый левее второго, но более непримирим, второй правее, но ближе к примиренчеству. [...]

У Гончаровой большая мастерская с полным художественным беспорядком, но и уютом. Она показы-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вала нам свои последние работы: два тона — черный и белый, как будто и не Гончарова с ее красками. Ширмы в шесть створок и на каждой створке почти в человеческий рост по испанке, в черном бархатном платье, белой шали и кружевной белой косынке на голове. Испанки все блондинки. [...] Сама Гончарова очень мила, проста и женственна, а потому побыть у нее было очень приятно.

23 дек./5 янв.

Вчера были у Манухиных по поводу «Миссии русской эмиграции». Споры отчаянные. [...] стали обсуждать список выступающих: 1. О. Георгий Спасский, 2. Мережковский, 3. Шмелев, 4. Бунин, 5. Карташев, 6. Кульман, 7. Манухин, 8. Кульман [?. — М. Г.], 9. Студент. За вход 2 фр. [...]

31 дек./13 января 1924.

Опять перерыв в дневнике и письмах. [...] А вчера еще навалили на меня устройство вечера «Миссии эмиграции». [...]

15/28 янв.

[...] Вечера, билеты, хозяйство поглощали у меня почти все время. [...]

Смерть Ленина не вызвала ни большого впечатления, ни надежд, хотя, по слухам, у «них» начинается развал. Телеграмма, что на похоронах Ленина 6000 человек отморозило себе руки и ноги. Сколько же народу согнали они?

В «Юманитэ» заметка по поводу «Татьяны» в нашем Посольстве. [...] От начала до конца гнусная ложь. Будто был банкет в честь смерти Ленина, вино лилось рекой, мужчины были во фраках, дамы в бальных туалетах. Кто это писал? Вероятно, Донзель[1]. [...]

Кстати, о Шмелеве ни слова. Он говорил речь, длинную, где в общем очень досталось бедному мос-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ковскому университету. [...] А праздновало «Татьяну» наше московское землячество. [...] Маклаковы пожертвовали чай, кренделя и этим угощали даром, кроме того были пироги и тартинки, фрукты и вино. Было пение, музыка и танцы. [...]

Ночь. Только что вернулись от Манухиных в очень тяжелом настроении. Ив. Ив. сначала отказался от председательства на собрании[2], затем стал говорить, что у него нет пафоса произносить речи о доме. Раньше он говорил, что следует устроить такой дом, вид чайной, где могли бы русские находить приют от своей бездомной жизни, призывать богатых жертвовать на устройство этого дома. И он должен был закончить своей речью вечер. [...] Затем Ив. Ив. стал предлагать Иг. Пл. Демидова в члены нашего кружка, мотивируя свое предложение тем, что мы слишком «правы». Было постановлено, что все речи должны быть, так сказать, в религиозном плане, а потому не важно, каковы политические убеждения говорящего. Сегодня же Ив. Ив., мотивируя свой отказ от председательства, все время указывал на якобы правую окраску речей, что вызвало отпор Шмелева, указавшего, что стыдно бояться таких слов, как «правый» и т. д. И вообще нужно искать правды и, если правду сейчас видишь в национализме, то борись за нее, ничего не боясь. Горячо говорил и Карташев. [...] З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] упрекала Карташева, что он служит правым, он в долгу не остался и сказал: «А вы говорите левые пошлости».

1 февраля.

[...] Горький приезжает в Париж и будет лечиться у Манухина. [...]

[Манухин] отказывается и от выступления, подчеркивая, что он не хочет выступать под председательством Николая Карловича [Кульмана. — М. Г.][3].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3 февраля.

[...] Рассказы о Москве Веселовского:

— Вот, едем опять куда-то за 18 верст от Москвы. Приезжаем. Смотрим — нет даже пианино. — Как же петь? — А под скрипку! — Да под скрипку мы не можем. — Нет, товарищи, можете, а то смотрите, мы чувствуем в вашем тоне контрреволюционные звуки. Не будете петь — арестуем! — Так и пришлось петь без аккомпанемента. А возвращаться? Обещали автомобиль, ждали до 3-х часов ночи. Никто не приехал. Замерзли ужасно. Повезли на розвальнях. Лошади еле шагают. Проехали 3 версты. Возница говорит: «Слезайте, они у нас не кормлены, идите пешком!» Так к 6 часам я и дошел до дому. Чуть все ноги не отморозил. Так и со Станиславским и Качаловым бывало.

— А насчет спекуляции? Да мы все спекулянтами были, — продолжал Веселовский. — Вот поехали мы в Винницу. Знали, что там можно достать конопляного масла. Артистов возят в телячьих вагонах. Ехать долго. Я устроил чан, который обшил деревом со всех сторон и превратил его в стол. В Виннице купил масла. При обысках не догадывались. По приезде в Москву я сказал стрелочнику и смазчику, чтобы этот вагон они загнали на запасной путь, за что получат по 5 ф. масла. [...]

27 февраля.

Последствия вечера «Миссия русской эмиграции» все еще чувствуются. [...] впечатление огромное, все очень взволновались[4]. [...]

Вчера М. С. Цетлина призвала Яна и все допрашивала. Она хочет устроить у себя бой: пригласить всех выступавших с одной стороны, и Руднева, Милюкова, Литовцева, Вишняка и пр. — с другой. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Сохранилась записка Ив. А. Бунина, относящаяся к этому времени:]

Понедельник, 3 марта, 24.

Станиславск[ий] и пр. сняли фотографию где-то в гостях вместе с Юсуповым. Немедленно стало известно в Москве. Немирович в ужасе, оправдывается: «Товарищи, это клевета, этого быть не может, я телеграфирую в Америку!» А из Америки в ответ: «Мы не виноваты, вышло случайно, мы страшно взволновались, когда узнали, что попали на один снимок с Юсуповым». О, так их, так! Ум за разум заходит, когда подумаешь, до чего может дойти и до чего может довести «социалистич. правительство»!

[Продолжаю выписки из дневника Веры Николаевны:]

13 апреля.

Холод в квартире такой, что сижу в шубе. [...] Почти решили ехать на юг в воскресенье. Хотим пожить недели две в Канн. [...]

Собственно, как мы все легко пережили Россию — сидим, разговариваем о платьях.

7 мая.

[...] Мы опять в Грассе. Вчера была неделя, как мы покинули Париж, а кажется, что мы целую вечность там не были. Так все отвалилось. Я рада, что пока мы одни. [...] Ян сначала расстроился, ему жутко одному в большом доме. [...]

Зашла к Яну. Лежит на диване, думает, как озаглавить новую книгу. Перебирали заглавия. Остановились на «Сны Чанга». Рассказы будут в хронологическом порядке.

Вчера Ян сказал: Ну, я прочел «Кроткую». И теперь ясно понял, почему я не люблю Достоевского.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все прекрасно, тонко, умно, но он рассказчик, гениальный, но рассказчик, а вот Толстой — другое. Вот поехал бы Достоевский в Альпы и стал бы о них рассказывать. Рассказал бы хорошо, а Толстой дал бы какую-нибудь черту, одну, другую — и Альпы выросли бы перед глазами. [...]

19 мая.

Фондаминский: Вы говорите, мужик лентяй. Но он расковырял шестую часть земного шара. Никуда не годный народ, а создал лучшую литературу в мире, создал лучшее государство по могуществу, обработал большую часть земли.

Ян: Русский народ так же талантлив, как и всякий другой народ. Всякий народ талантлив по-своему. Русский мужик не любит ковырять на одном месте. Поковыряет и идет дальше. Он не любит, не умеет обрабатывать.

Фондаминский: Никто так много не обработал земли, как русский мужик, однако. Это колоссальная заслуга перед культурой.

Ян: Какая это заслуга — бросил зерно в землю. Вот испанская культура пришла в Америку и создала кое-что. А у нас что? [...] Здесь полмиллиона простых мужиков. Что они делают — прямо золотые руки.

Фондаминский: Франция скорее погибнет, чем Россия. [...] Франция разлагается. Поговорите с французами. [...] Русский пьяница, а душа крепкая. Пьяный, грозный, распутный, а душа есть. Потому и гунны пришли, что Рим разложился.

Ян: Где борьба, где восстания? Пять студентов в Каире.

Фондаминский: Это неверно. Колоссальное национальное движение. Почему Рабиндранат Тагору дана Нобелевская премия?

Ян: Совсем не потому... Раб. Тагор — это финь шампань и дали ему потому, что он мистичен, что англи-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

чане шатаются по востоку и живут у него. Болит душа, болит, вот он и взалкал по Р. Тагору, вот и Возлюбил с большой буквы. И эта мода болезненная, а не здоровый национализм.

[По соседству, как и в прошлом году, должны были поселиться Мережковские. З. П. Гиппиус в письме от 24 мая, между прочим, пишет Вере Николаевне:

«Вижу, что жить
Нам предстоит отныне
На вилле Эвелине
С тарелками немытыми,
Со ставнями закрытыми
Да глаз на глаз с москитами.

[...] Стремлюсь вон из хаотического дома моего и жажду вас, вашей тишины, а москиты — пусть их жрут, меня все равно осталось довольно мало, последняя испанка меня окончательно похудила и состарила. [...] Если найдется домашняя баба — примусь писать два романа сразу, и пропади все.

До скорого свиданья. Скажите нашему богдыхану, чтобы ценил свое самодержавие, пока не приехала оппозиция. Когда она появляется, она всегда «подымает голову» (или «лапу»). В данном случае не преминет. Начнет с «запросов»... Может, тем и кончит, а все-таки прежней лафы нет».]

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

1 июня (н. с.) 24 г.

Первые дни по приезде в Mont Fleuri [Бунин пишет иногда так, а иногда Mont Fleury. — М. Г.] страшно было: до чего все то же, что в прошлом году!

Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь бук-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вально, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долой со счета — истинный ужас.

И чувство это еще ужаснее от того, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее-ли это мое лето не только здесь, но и вообще на земле!

[Из дневника Веры Николаевны:]

29 июня.

[...] Был общий обед с Мережковскими. Потом сидели под пальмами, вели легкий разговор на высокие темы. Было приятно.

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

1/14. VII. 24.

Цветет гранатов[ое] дерево — тугой бокальчик из красно-розов[ого] воска, откуда кудрявится красная бумажка. Листики мелкие, глянцевитые, темно-зелен[ые]. Цветут белые лилии — стоят на обрыве против моего окна и так и сияют насквозь своей белизной, полные солнечн[ого] света. С неделю назад собрали апельсинный цвет, флер доранж.

Очень, оч. часто, из года в год, вижу во сне мать, отца, теперь Юлия. И *всегда* живыми — и никогда ни малейш[его] удивления!

«Уныние, собран[ное], как зрелые плоды» — Верлэн. «Боевые знамена символизма... молодежь признала в В[ерлэне] своего вождя...» И ни одной анафеме не приходит в голову, какие это колоссальные пошлости!

«Генеральск[ий] бунт в Испании»... Ну, конечно, раз генералы, раз правые — бунт! «Остатки демократич[еской] и социалистич[еской] совести...» Даже и

Для сайта BOOK-OLDS.RU

совесть-то у этих сукиных детей социалистическая, демократическая!

[Из записей Веры Николаевны:]

28 июля/5 августа.

Холод такой, что даже Мережковский стонет. Третьего дня мы с Яном ездили на острова. Редко хорошо было. На дальнем островке мы провели 1½ часа. Точно в сказке. И как только очутились на земле, поразил и ошеломил бальзамический запах пиний и стрекотание цикад. Таких звуков я не слышала нигде, даже на Цейлоне. Цикадами усеяны стволы деревьев. Они цвета коры, некрасивы и не изящны, с перепончатыми крылышками. Мы прошли на западную часть острова. Полежали на земле. Ян умылся помагометански. [...] Около часа лежали, смотрели, думали, молчали. Потом пошли назад. Захотелось есть. Сели за стол под пальмовыми деревьями — потолок беседки — спросили кофе и хлеба. [...] Мы спросили, можно ли снять комнату, чтобы провести здесь несколько дней. [...] Остров принадлежит монахам и никто не может здесь останавливаться, кроме рыбаков. [...] До St. Marguerite мы дошли очень быстро, там стояли 3/4 часа. [...] Остров менее поэтичный и более загрязненный. [...]

Возвращались, как и приехали, рядом с шофером. Казалось, что ехали на автомобиле. И мне необыкновенно красивой показалась дорога Канн—Грасс.

29 [июля]

[...] Вышли с Яном в город. Дождь. «Осень, осень», — сказал Ян. Зашли к Мережк. Он одет по-зимнему. Она в легком шерстяном белом туалете, штопает его белую рубашку. Ян принес ей рецензию на итальянском языке, где хвалят ее очень. Она слушала с нескрываемым удовольствием. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

4/17 Авг. 24 г.

У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын. Большое впечатление — какие у него темные, грозные глаза!

10/23 Авг.

Когда Марс восходит, он красный. Потом оранжевый.

В 4-ом часу ночи проснулся. Истинно дивное небо! Все точно увешано золотыми цепями, созвездиями. Над горой направо, высоко — совершенно золотой серп месяца, ниже, под ним, грозное великолепие Ориона, а над ним, совсем в высоте, — стожар. Направо, почти над седловиной Наполеона, над горой крупной золотой звездой садится Марс.

Неклюдов[5]. Совершенно не слушает собеседника, соверш. не интересуется им!

[Из записей Веры Николаевны:]

14 августа.

Затмение. Луна мертвенно медного цвета. Яну хотелось спать. Зевал неистово. Когда затмение кончилось, оживился.

15 [августа].

Обед у Мережковских, рождение Дм. С.

2 сентября.

Все эти дни у нас только один разговор — о Савинкове.

Что это? Заговор вместе с большевиками [...] и подготовка к перевороту? Или же просто, потеряв терпение и веру в себя, он отправился в Россию, чтобы служить ей?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

З. Н. думала сначала, что это акт отчаяния. Сегодня была огорчена, прочитав статью Гр. Ландау. [...] там рассматривается его переход, как предательство. [...]

Ян зимой как-то сказал мне: — Нет, Савинкову остается только пойти к большевикам. Он уж так низко пал, что ему деваться некуда, а в тираж выйти не хочется. [...]

Моисеенко, вернувшись в Россию после революции, отправился в департамент полиции и просмотрел, не был ли Савинков, подобно Азефу, провокатором. [...]

У нас были Ростовцевы. С 25 г. он будет читать лекции недалеко от Нью-Йорка. М. Ив. рассказывал, что три дня прожил вместе со Струве. [...] «Струве очень постарел. Длинная седая борода. Мы сидели иногда с ним часа полтора и молчали. Можно ли раньше было вообразить, чтобы Струве молчал. Да и о чем говорить, взгляды общие у нас с ним. Даже и поспорить нельзя».

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

9 Сент. н. с. 24 г.

[...] Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру! Когда всю жизнь ведешь так, как я, особенно чувствуешь эту жизнь, это земн[ое] существование как временное пребывание на какой-то узловой станции! [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

16 сент.

[...] Выбивают из колеи разговоры о зиме. Ян, как всегда, мечется, ясно не отдает себе отчета ни о нашем положении, ни о возможности жить вместе с об-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

щиной и, как всегда у Буниных, у него волк, коза и капуста. [...]

5 октября.

Последняя ночь в Mont Fleury. Завтра мы переходим к Мережковским. Опять новая жизнь, но на этот раз это меня не радует. Хочется оседлости. Волнует неизвестность. Ведь через месяц опять нужно перекочевывать. [...]

29/16 окт.

Признание Советов. [...] Без содрогания не могу подумать, что красный флаг взовьется над посольством, что в этих уютных комнатах будет жить Раковский, и в этих залах, где мы проводили «Татьяну», будет веселиться всякая шушера, а по саду весной будут гулять комсомолки и другая шваль. И это представители России. Боже, какой позор! [...]

Париж, 10 ноября.

Пятый день в Париже. [...] Понемногу видаем друзей и знакомых. Были на Бердяеве. Он нисколько не большевик, как кричал Дм. С. [Мережковский. — М. Г.] [...] Бердяев говорил, что в России теперь почти нет нейтральных людей. Или большевики или христиане. Предсказывал, что так же будет и в Европе. Говорил, что христиане будут в ближайшее время в меньшинстве, но важна сила веры, а не количество верующих. [...]

Положение Зайцевых тяжелое.

Обедали у Михайловых. Люди простые, милые, с музыкальными и художественными интересами. [...] Возвращались с Нилусами. Берта рассказывала, что Куприны в ужасном положении. [...] Кругом должны. Жить не умеют, не умеют ничего беречь. Жаль их, но я не вижу, как помочь. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 ноября.

Вчера были у Малявина. Масса народу, но ни одного художника. Писатели были — Ян, Куприн, Сургучев.

5 декабря.

Завтра месяц, как мы в Париже. Прожила месяц без femme de menage. Это победа. [...] Совсем ничего не сделала для себя. [...] За неимением времени, отказалась от всей общественной жизни. [...] Для души и для того, чтобы иногда слышать французский язык, бываю в мэрии на лекциях.

1925

[Дневники Ивана Алексеевича за 1925, 1926 и 1927 гг. были, по-видимому, уничтожены. Привожу некоторые записи из дневника Веры Николаевны:]

19 дек./1 янв.

Встречали басурманский Новый год неожиданно в большой компании. Михайлов привез разных изысканных яств. Кое-что и я состряпала. Кульманы пришли с вином. И уже совсем неожиданно пришли Алданов с Полонскими, после ужина у Ага. И, несмотря на больного хозяина, пир затянулся до трех часов ночи. [...]

22 дек./4 янв.

Ян вышел на воздух, в первый раз после болезни.

23 дек./5 янв.

Вечер у Мережковских.

24 дек./6 янв.

[...] поехали на юбилей Карабчевского. [...] По

Для сайта BOOK-OLDS.RU

слухам, Карабчевскому собрали около ста тысяч. Он очень нуждается, живет с семьей в Италии в совершенной нищете. [...] Ян сказал несколько слов приветствия от нашего комитета, потом от себя, он говорил о нем, как об адвокате, а не как о писателе — ведь Карабчевский тоже пишет — мне кажется, что он был этим недоволен.

25 дек./7 янв.

Наше Рождество. Тоска о прошлом. Беспокойство о тех, кто там. Безрадостность этого дня здесь. [...]

9/22 января

В 2 часа звонок. Отпирать или нет? Отперла. Мелитта [Левина. — М. Г.]. Мы как раз писали письмо в П.Э.Н. клуб. Рассказали ей, в чем дело. Она энергично стала уговаривать Яна не отказываться. Предложила мне ехать с ней немедленно в консульство. Поехали. Разузнали. Вызвали по телефону Яна. Послали в Лондон письмо-экспресс. Значит, Ян едет, если, конечно, все будет благополучно.

[...] поехали к Зайцевым. Застали всех дома, даже Тэффи. Зайцевы огорчились, что не тысяча, но старались показать, что довольны. Мы сидели, болтали, пахну́ло Москвой, чем-то старым.

13/26 января.

[...] пришла Мелитта, как всегда, бодрая и энергичная. Через полчаса она с Яном уехала за визой, которая уже пришла из Лондона. Кроме того, в Префектуру за обратной визой. [...]

14/27 января (вторник).

[...] Ян уже готовится к Лондону. Временами упрекает меня, что я «подбила» его на эту поездку.

Заходила Каллаш[1] за книгами Яна. Будет читать лекции по литературе. Национальный комитет, нако-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нец, взялся за ум и организовывает ряд чтений для рабочих. Среди них будет Бердяев, Карташев. [...]

Днем были Осоргин[2] и Алданов. Я люблю их обоих. Мне с ними легко и весело. Говорили о Зайцеве. Последний отказался от места. Осоргин боится, что у него, т. е. у Бориса, разовьется туберкулез. Мне кажется, что ему трудно служить, вставать в 8 ч. и т. д., но иметь верных 1000 фр. в месяц — великое успокоение. Писатели живут не по средствам. Индивидуальные вечера стали давать меньше. Говорят, что у Ремизова дефицит. [...]

15/28 января (среда).

Ян просматривает английские слова, изрядно забытые им. [...] Перед сном Ян вслух читал Анатоля Франс: «Ан Панфуфль» — восхищался, говорил, что без этой книги Франс не был бы понятен. [...] Мережковский волнуется насчет вечера, который будет у М. С. [Цетлиной. — М. Г.]. З. Н. говорила Яну дерзости — это ее манера на людях говорить неприятности человеку, с которым она, когда бывает наедине, мила. Для женщины в возрасте 56 лет даже жутковато!

16/29 января.

Письма от Кэтти Розенберг и из издательства Фишер: покупают «Митину любовь». Условия — 1000 марок при чем Яну 750, а Кэтти 250. [...] Яна это немного подбодрило. Он повеселел. Мучается, у кого достать денег на Лондон, до возвращения оттуда, когда ему возместят все издержки.

«Раут» у Алдановых. Вернулись поздно. Было около 30 чел. Главный центр серьезно-шуточных разговоров был на диване, где сидели Тэффи, Степун[3] и Ян. Другие подходили, уходили, меняли места. За столом общего разговора не завязалось. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1 февраля

[...] Доклад Шестова был интересен, хотя и не до конца для меня ясен. Потом говорили Бердяев, какой-то юноша Лурье и, наконец, Степун. [...]

Завтра Ян едет в Лондон. [...] «Многое отдал бы, чтобы не ехать», — сказал он мне вчера.

6 февраля.

[...] Около семи хозяйский продолжительный звонок Яна. Устал. [...] Англичане сердечнее французов, проще.

9 февраля.

[...] Вчера была З. Н. [Гиппиус. — М. Г.]. Любезна со мной до подозрительности. В чем дело? Вечер. Но она понимает, что я не могу распространять им билеты. Думала долго. Додумалась вот до чего: мне кажется, что она в статье об Яне скажет много неприятного. Не простит она ни его успехов, ни Лондона и т. д. Вот и думает приручить меня. Почти 5 лет не замечала моего присутствия, а теперь: «Почему не бываете, пришли бы, полежали у меня на кушетке, отдохнули бы». [...] Ведь с Яном как было? Приручала. Написала хвалебную рецензию. Хотела его приобщить к ним. Заменить Философова[4]. Пыталась с ним вместе писать пьесу. Пыталась стать его доверенной помимо меня. Когда ничего из этого не удалось, а значение Яна все растет, она решила — пора начать его бранить, а то, неровен час, еще ему и премию присудят. [...] Ее считают умной, сильной, злой и развратной. А она не так умна, он умнее. Сильна со слабыми, гораздо добрее, чем кажется и развратность лишь умственная и сильно преувеличенная. Он же человек с оригинальным и образованным умом, представляется нарочно юродивым, чтобы проводить то, что хочет. К людям равнодушен. Они оба считают

Для сайта BOOK-OLDS.RU

всех глупее, чем они есть, а потому часто попадают впросак.

11 февраля.

[...] Со Степуном хорошо беседовать, он хорошо правит рулем разговора, не дает сворачивать в сторону. Говорили о художественности в литературе. Конечно, о Достоевском. [...] Степун гов[орит], что важно, обогатило ли произведение мир или нет. Для него так же важны спутанные таланты, как и чистые, и Достоевский выше Флобера, хотя, конечно, у Флобера неизмеримо больше искусства. [...]

12 февраля.

[...] Ян был в синема и у Мережковских. — «Я их утешил сегодня, сказал, что Нобелевскую премию получит Дм. С., — вас и в Англии все знают! Потом сказал, что моя «Митина любовь» все никак не устроится у французов. Он и повеселел. Даже спросил — да чем же вы живете?». [...]

15 февраля.

[...] Поспорили о том, добра ли Ек. П. Пешкова. Я сказала, что доброй ее не считаю. [...] что у Ек. П. двигатель не доброта, а личная драма, одиночество, желание и вечное желание подняться в глазах Алексея Максимовича (Горького), отсутствие жалости к отдельному лицу, а жалость вообще. Отсутствие воображения. Все это плодотворно влияет на ее деятельность. Личное обаяние, умение третировать людей — тоже полезно.

23 февраля.

Вчера весь день в гостях. После Манухиных — Осоргины, где был «five o'clock». Масса народу и все те же. Яну все казалось, что он у Ландау. «Думаю, что это он мне вина не предлагает». Конечно, спор о

Для сайта BOOK-OLDS.RU

России, продолжение Степунского доклада. Опять 2 партии: одна благословляет революцию, потому что некоторые возвысились, а другая проклинает, ибо разрушено все и большинство пало, потеряло образ человеческий. [...]

Опаздываем на обед к Мироновым. Все уже за столом. Обед ультра-русский, очень вкусные ватрушки. [...] Сажают рядом с Милюковым. [...] Куприн уже красен. Бальмонт с Еленой опоздали. Он в задирчивом настроении, но его перчатку никто не поднял и он обижен. [...] Куприн быстро уехал к Малявину. Мы тоже решили ехать туда. У Малявина все знакомые: Черный, Куприны, Писаревские, Спировичи, Алексинские, Ельяшевич. [...]

1 марта.

Приезд на Alb'у. Устала ужасно. Ек. М. [Лопатина[5]. — М. Г.] встретила нас на вокзале, О. Л. [Еремеева. — М. Г.] — дома. [...]

2 марта

Ол. Л. и Ек. М. очень заботливы и рады нам. Ек. М. читает в церкви, а потому целую неделю она будет очень занята. Были блины, они не ели — постятся. [...]

8 марта.

[...] За обедом Ян сообщил о внезапной смерти Г. Ев. Львова. Умер легко, ночью. [...] Мне жаль его. Он не желал революции, всю жизнь думал, как бы предотвратить ее, а история поставила его во главе революции. [...] все вышло в его жизни так, как он не хотел[6]. [...]

9 марта.

[...] Мы долго говорили о нем [Львове. — М. Г.]. Разбирали, почему он при всех своих моральных до-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

стоинствах все же многого не понимал ни в русском мужике, ни в революции. Я помню, как после лекции Яна, где он выступил противником революции и обвинял весь русский народ сверху до низу, а не только высший класс, как делают «февралисты», Львов сказал мне, показывая на сердце: «У меня мужик здесь». Ну, как при таком отношении строить государство? [...]

18 марта.

Приехали Степуны. [...] Ян вечером был весел. Завел разговор с Ек. Мих. о бессмертии души [...]. Ян верит, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя он страстно желал бы этого. — «Ведь я не верю в смерть».

19 марта.

Парадный обед. Матушка из Камбрэ. [...] Очень милое лицо, немного напоминающее Ел. Анд. [Телешову. — М. Г.]. Ей лет 36. [...] Она доктор философии. Была атеисткой. Много читала. Толстой заставил ее обратиться к Евангелию. И вскоре она стала страстной католичкой. [...]

21 марта.

Были у всенощной. Сегодня Вынос Креста. Я нигде так не чувствую свершившегося в России, как в Каннской церкви. [...]

29 марта.

Ян: «Нельзя читать произведения в подлиннике, если раньше читал их в переводе. Никогда слово la nuit не произведет на меня то самое впечатление, как слово ночь, хотя я с детства знаю это слово, la mer и море для меня звучат разно. Поэтому то, что я раньше читал в переводе, теперь действует на меня иначе».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31 марта.

[...] Ян сказал, что черные дрозды его любимая птица. — «Как это говорит о весне». [...] Говорили о том, как все механизируется. «Какой страшный век». сказал Ян.

1 апреля.

Месяц, как здесь. [...] Предлагается дача в Грассе какого-то генерала. Генерал спросил, не большевики ли мы, и можем ли мы платить. [...] Я думаю, что все кончится Mont-Fleury на весь год.

6 апреля.

[...] Г. Ев. [Львов. — М. Г.] хотел итти в монахи. Но старец Виталий в Оптиной пустыни не разрешил ему, велел остаться в миру работать. [...]

18 апреля.

[...] Вилла Mont-Fleury сдана. Ян в тихом отчаянии. [...]

19 апреля.

В церкви было очень хорошо. [...] Батюшка христосовался со всеми.

Возвращались почти все пешком. Ян один уехал раньше всех в толстом пальто Степуна. [...] Дома нас ждали. Ян уже поел ветчины. Сидел сердитый, но скоро отошел. Стол был убран хорошо. [...] Досидели до половины шестого. [...]

20 апреля.

Грасс. Вилла Belvédère [...] Ян, сидя на Belvédère, сказал: «Я чувствую себя здесь, как в Mont Fleury». Раз так, подумала я, значит, нужно оставаться. Все неудобства можно будет обойти. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21/8 апреля.

[...] Ян вернулся очень встревоженным. На мосту кого-то задавили. Он решил, что меня. Обрадовался, застав меня дома. Обедали вдвоем. [...]

22 апреля.

[...] Ян ездил с Фондаминским и Степуном в St. Villier. Дом без воды. [...] Сад небольшой.

23 апреля.

18 лет нашей общей жизни с Яном. Я хотела бы, чтобы вдвое, втрое дольше мы прожили вместе. День прошел мирно, тихо, но грустно. Я все время вспоминала свой последний день дома. Как все еще было хорошо тогда. А мы не ценили всего этого. [...]

24/11 апреля.

Решились на Belvédère. Едем сегодня в Грасс.

27 апреля.

Весь день ждали Зайцева [Б. К. — М. Г.]. Приехал после ужина, прямо от Ельяшевич. Поправился. Рассказывал о сербск[ом] изд. Обратились к Шмелеву, он собрал писателей, а в результате его в редакторы не избрали. [...]

1 мая.

Завтра переезжаем. Опять начнется тяжелая жизнь. Газа нет, значит, возня с плитой, жара в кухне летом.

2 мая.

Часа через два покидаем Villa Alba. Грустно. [...] Ян сказал: «Я и сам за республику. Монархию я жалею, как вообще прежнюю Россию. Конечно, если бы Н. Н. [Вел. кн. — М. Г.] пошел в Москву и навел поря-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

док, то, вероятно, он сделал бы это лучше, чем Милюков с Мироновым».

[Вилла Belvédère:]
9 мая.

[...] У меня новая жизнь — Яна совсем не вижу, совсем не бываю с ним. И в первый раз от этого не страдаю. Он живет одной жизнью с Ил. Ис. [Фондаминским. — М. Г.][7] и, кажется, доволен тоже.

17 мая.

9 ч. вечера. «Мальчишки» ушли в синема. Днем ходим гулять. А я одна и одна. [...]

21 мая.

[...] Ян не понимает радости общения. Ему нужны политические разговоры, синема, — словом, отвлечения, наркотики, от настоящей жизни. А, может быть, он весь в творчестве, и в остальное ему не хочется вкладывать душу. [...]

23 мая.

[...]Волнение в русском Париже. Продажа Высоцкими банка большевикам и самоубийство Савинкова, которому почему-то там никто не верит. [...]

24 мая.

Приезд Мереж[ковских]. [...]

25 мая.

Необыкновенная гроза. Было жутко. Град. Электричество перестало действовать. Долго сидели после дневного чая в столовой. Пережидали грозу все вместе. [...]

Ян дал мне прочесть то, что он хочет печатать из Одесского дневника. Завтра перестукаю ему на машинке. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

4 июня.

Пришло «Возрождение»[8]. Все хорошо, состав сотрудников хороший. Статья Струве «Освобождение и Возрождение». [...] Статья Карташева. [...] Открытие Богословского института в Сергиевом Подворье[9]. Это одно из самых больших завоеваний эмиграции. [...] Начались печататься «Окаянные дни»[10].

6 июня.

«Последние Новости» неприлично обрушились на «Возрожд.». [...] Как Милюкову не стыдно уподобляться какому-нибудь провинциальному листку. [...]

10 июня.

[...] Перед обедом ходили с Яном над виллой. Там уже прокладывается бульвар. Как выиграет Грасс после его проведения. Ведь оттуда будет один из лучших видов.

Вероятно, Ян испугался за меня. Пошел, позвал, гулял. И ведь всегда, когда он гуляет со мной, он чувствует себя хорошо, уютно. Но от нервности он должен куда-то бежать, с кем-то говорить, и только, когда я заболеваю, он приходит в себя и пугается, озирается вокруг, начинает понимать важность моего существования.

11 июня.

[...] Сегодня Струве разъяснял непонимающим, что такое консервативный либерализм. Он, вероятно, 5 лет вынашивал эту идею. Я помню, как впервые услышала его, когда по его просьбе Ян пригласил к себе Фондаминского, Руднева и Авксентьева. [...] Я помню, какими маленькими, юношами какими-то казались мне все эти эс-эры рядом с ним. Я как-то почувствовала величину П. Б., незаурядность его, смелость.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Воля России» пробрала Бунакова и Руднева за религиозное направление, которое они придают «Совр. Зап.». «Дни» заступились.

16 июня.

[...] З. Н. [Гиппиус. М. Г.] и И. Ис. [Фондаминский. — М. Г.] хотят основать левый центр и тоже строить все на национальной, религиозной и демократической основе.

— Если так, — сказала я, — вы будете недалеко от Струве.

— Но, конечно, это все идеалы, желания, но как отделаться от Черновых[11] и т. д.? — сказала З. Н.

— Вообще следует обрубить концы и слева и справа, — заметил Ил. Ис. — В этом-то и задача центров.

За чаем говорили опять о Савинкове. З. Н. уверяет, что он умер для нее давно, а что он «от несчастной любви к большевикам выбросился из окна» — ее мало трогает.

Опять разбирали причины его предательства. [...] Илья И. сказал: — Боже мой, предал потому, что большинство предает перед смертью. [...]

Ян сказал: — Я тоже за жизнь предал бы всех, но только не большевикам, тут злость, ярость спасла бы от предательства.

Потом застенчиво улыбнулся и сказал, глядя на меня: — Нет, тебя бы не предал.

И повторил: — Нет, Веру не предал бы, жалко.

И я вспомнила, что в Одессе говорила ему, что в случае, если мы не успеем погрузиться на пароход, чтобы он спасался один. [...] Он твердо сказал, что без меня никуда не поедет, даже если это будет грозить смертью.

17 июня.

[...] Уехал Ил. Ис. и целый день грустно. Нако-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нец, живем вдвоем с Яном. Я довольна, а он все боится скучать, хотя скучать-то ему некогда. [...]

19 июня.

[...] Ян говорил, что его не тянет больше в Россию, где все загажено, все близкое, родное уничтожено, а близкие люди состарились, поглупели. Но тут же прибавил: А неужели так и не увидим Россию?

Только сегодня прочла «Идеи Корнилова» Ильина. Интересная тема, интересное учение о «сопротивлении злу насилием». [...]

— Нет, — сказал Ян, — только у дворян и осталось кое-что. Посмотри, сколько золота насыпано у Ек. Мих. [Лопатиной. — М. Г.], все это наследие отцов. Ильин — тоже дворянин, оттого и идет напролом туда, куда душа тянет. Я еще не продумал глубоко его теорию, но помнишь, что я говорил о возмездии, что, если видишь издевательства, нужно броситься на мучителя. И ведь не зло руководит тобою, а добро.

20 июня.

[...] Ян сегодня 2 раза сказал, что мой дневник интересен, а я временами так падаю духом, ничего не записываю. [...]

21 июня.

У барона Ховена. Оказывается, барон — магометанин, все проделал, вплоть до обрезания, 30 лет тому назад. Толст, болтлив, бабий голос, неряшлив, вегетарианец, знает 11 языков, из которых несколько восточных. Он прежде всего русский чудак, барин времен Тургенева, но в современной обстановке. [...] Дом производит беспорядочное впечатление. Ничего без крика и шума не делается. Все суетятся, а толку немного. Русская бестолковость, беспомощность, доброта. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23 июня.

[...] К завтраку пришел Лазаревский[12]. Он принес свой дневник. Огромная переплетенная в твердый переплет тетрадь. Он пишет, вклеивает кое-что из газет, всовывает письма, фотографии — это очень хорошо. — Он постарел [...] но все еще молод душой. [...] Говорили о Чехове, о том, каким выставила его З. Н. Гиппиус, о том, как о нем писал Лоллий Львов — уж слишком яростно.

Ян говорил, что Чехов не умел описывать помещиков [...] да и мужики ему не удавались. А вот лавочники в «Овраге», женщина в зеленом во ржах — удивительно — прямо в первые ряды мировой литературы.

Оказывается, Овсянико-Куликовский не любил Достоевского, за это его не любит Б. Ал. Лазаревский. [...]

24 июня.

[...] Ян в хорошем настроении, несмотря на нашу жизнь à deux. [...]

10 июля.

[...] Я думаю, теперь у Мережковских цель развенчать Яна. Вероятно, [...] в злобе поведал им, что Яна представлял в кандидаты на Нобелевскую премию Ромэн Роллан. [...]

26 июля.

[...] Ян позвал меня и сказал: — Знаешь, отправимся куда-нибудь в плаванье, месяца на три.

Решили навести справки. Почему-то остановились на том, чтобы обогнуть Африку. Это было бы ново.

30 июля.

[...] Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. Я очень огорчилась. «Я не хочу показываться в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

одном белье». Я спорила с ним. Он увидал, что я расстроилась, сказал:

— В Париже есть рукописи — и они твои. Есть и тетрадь-дневник. Ты можешь после моей смерти показать, если не поверит кто-нибудь в подлинность моего дневника.

— Ну, неизвестно, кто кого переживет, — отвечала я, — теперь мне часто кажется, что я умру раньше тебя.

— Ну, уж тогда я все разорву. Можешь быть покойна.

Мне кажется, это ненормально. [...]

11 августа.

[...] Яну очень хочется снять виллу, но дорого. Приходит в голову рискнуть и чем-нибудь зарабатывать. Сдавать комнаты. Кормить на сезон. «Я чувствую себя всегда лучше всего осенью и опять подходит октябрь, и мы должны куда-то перебираться». Мне бесконечно жаль его. Что-нибудь придумаю. [...]

14 августа.

[...] От поездки к Зайцевым осталось поэтическое впечатление. Сами они очень милы, приятны, родственны. [...]

Ходили вчера к разрушенному революцией аббатству 12-го века. [...] Сегодня, когда мы сделали привал около церкви, Ян сказал: «Можно залить всю землю кровью за то, что смеют разрушать храмы. Вот и аббатство вчерашнее — какая прелесть, а между тем Великая Революция наложила на него руку». [...]

16 августа.

[...] Был Адамович[13]. Он неглупый, но штампованный. До сих пор петербургский налет во всем, начиная с фигуры, с той связанности движений, какую я

Для сайта BOOK-OLDS.RU

встречала у известного типа петербург. молодых людей.

Говорили о «Живых лицах» Гиппиус. Он не верит, что Толстой мог ей сказать: «Когда умирать буду, скажу Ему — в руки Твои предаю дух мой. Хочет Он — пусть воскресит меня, не хочет — не воскресит. В волю Его отдамся, пусть Он сделает со мною, что хочет...»[14]. Адамович находит, что это слишком интимно для первого знакомства.

Говорили о несправедливом отношении Мер[ежковского] к Толстому, о том, что он в Толстом видит лишь материальную сущность, «а между тем бездны у него хватит и на Достоевского», сказал Ян.

Адамович думал, что Мережковский и З. Н. ничего общего не имеют. Я сказала, что наоборот — З. Н. всегда говорит «мы», а не «я», и трудно сказать, где кончается она и начинается он. [...]

17 августа.

[...] Ян ездил в Канн сказать, что на октябрь мы остаемся на Belvédère.

19 августа.

[...] Яна волнует и беспокоит «Возрождение». Ужасно он нервный и заботливый. И ничего не может делать механически, для всего он отдает всего себя, будь то просто статья, будь то худож. произведение. [...]

22 августа.

[...] Ян за прогулкой опять восхищался Толстым: «Толстой научил всех писать. Героями Толстого жили. А герои Достоевского дают только пищу для умствования. И бездну Толстой чувствовал не меньше Достоевского». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

27 августа.

Были у Неклюдовых. Живут очень поэтично. Огромная липа в саду, напоминает деревню нашу.

Она урожд. Безобразова, у ее матери были имения в Тамбовской губернии... Возвращались по проселочным дорогам, по воздушному мосту, который почти весь сгнил. [...] Останавливались и рвали ежевику на компот. Они не могут позволить себе покупать фруктов на компот! Они, по-видимому, добрые люди и продолжают до сих пор давать взаймы. [...]

4 сентября.

[...] Неклюдов рассказывал, что он отказался от звания посла при временном правительстве, потому что 5 человек объявили республику, но просили его скрывать это. [...] «вот тогда-то и назначили Стаховича. Я предсказал большевиков, ошибся на 8 дней только. В день, когда я получил извещение о войне, я почувствовал, что все пропало». — « А как изменились солдаты, — сказала m-me Неклюдова, — сначала они были милы, ласковы, благодарны, когда я их встречала на жел. дороге, а потом начали проявлять такую грубость, что я перестала ездить. Это их в Германии распропагандировали».

5 сентября.

Зайчики [Зайцевы. — М. Г.] приехали утром, а не вечером, как мы их ждали. [...] Поехали в Канн. [...] Встретили Мережковских, пригласили на завтрак завтра.

6 сентября.

Зайчики поехали в церковь, а мы на берег. [...] За завтраком был пирог. [...] и политические разговоры за кофе. Д. С. [Мережковский. — М. Г.], конечно, ушел. Опять о революции [...] вообще все то же самое, только З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] стала уже говорить:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Революция — болезнь, в революции есть элемент бунта», «бывают революции счастливые и несчастные» и т. д. В России была «революция самая несчастная».

7 сентября.

Отъезд Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.]. Утром ходили по Грассу, показали им город, собор. Потом мы с Верой пошли покупать Наташе[15] к именинам разные вещи. Меня поразило благоразумие Верочки. Покупала все дешевое. Дорогих подарков не признает. [...]

13 сентября.

[...] Обедали у Мережковских. [...] В эту ночь хулиган бросил камень в большое окно, где сидела З. Н. и писала. Если бы попал в висок, то — наповал. [...]

15 сентября.

Вчера перед сном Ян много говорил. У него болела нога, он выпил водки и немного возбудился.

— Савинков — авантюрист, убийца, прикрывшийся литературой, преподанной Мережковскими. А его рассматривают, как замечательную личность.

— А Плеханов?

— Вот они все Дейчи, Плехановы и т. д. Что за тупость, что за отчаянное непонимание настоящего момента. [...]

1 октября.

[...] Переписала еще раз «Мордовский сарафан», кончила «Цикады»[16]. [...]

4 октября.

[...] Лежали на солнце. Ян хотел ехать в Канн, потом раздумал. Я посоветовала ему ничего не де-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лать, а отдохнуть дома. «— Да, я, правда, ведь никогда не отдыхаю. Вечно меня мучает мысль, что я должен что-то делать».

Вчера начала переписывать рассказ «Марья Маревна». Сегодня кончила. Очень удачный. [...]

8 октября.

[...] Комнаты устроили, на мой взгляд, приятно, я думаю, они[17] будут чувствовать себя недурно.

Я должна быть очень подтянута — это полезно. Всегда нужно пользоваться возможностью бороться со своими недостатками, а именно с тем, что я не всегда закрываю читаемую книгу, не убираю того, что писала и т. д. [...]

Кульманы приехали в девятом часу.

9 октября.

[...] Говорили о «Возрождении». Они тоже находят, что скучная газета. [...]

15 октября.

[...] Кульманы редкие сожители, и все-таки я не так спокойна, как была. [...]

Спорили о том, кто выше — Зайцев или Шмелев. Я стояла за первого, она — за второго. [...]

16 октября.

[...] Н. Ив. [Кульман. — М. Г.] много рассказывала о себе. Да, у нее есть основания «понимать о себе высоко». Она, вероятно, очень способная, работоспособная, много воли — отчего уверенность в себе. Но у нее нет чутья к людям. [...] И мало художественных клеточек. [...]

20 октября.

У нас завтрак со старичками: Барон Будберг, Ларионов и Неклюдов. [...] Все любят поговорить. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23 октября.

Рождение Яна. Курица, дыня и т. д. Получили 5000 фр. [...]

27 октября.

Перед сном разговор с Кульм[анами] насчет Яна. Они восхищаются «Цикадами». «Это поэма» и т. д. Я сказала, что считаю Яна поэтом, а не беллетристом в собственном смысле этого слова. И нахожу, что и в прозаических произведениях он поэт. Считаю его стихи выше прозы. Н. Ив. удивилась до нельзя. Ник. К. поднял брови и развел руками.

Н. Ив.: Все, кого я спрашивала в Париже, находят, что его проза несоизмеримо выше. В прозе он создал свое, там глубина мысли и форма.

Я: В стихах тоже. Ввел жанр, редкие рифмы. А глубины мысли еще больше в стихах. Форма тоже совершенна. Кроме того, он ввел краски и тона в стихи. [...]

Н. К.: Ив. Ал. единственный не порвал с Пушкинской традицией.

Н. Ив.: Но все же Ив. Ал. гораздо выше, как прозаик. [...]

6 ноября.

Кульман в Каннах, поехала за билетами в Париж. Как быстро прошло время. Уедут в среду. Грустно всегда, когда уезжают. Они очень милые и хорошие люди с большими знаниями, духовностью и высокой моралью. [...] Я весь день пишу. Ян готовит на ноябрь фельетоны.

21 ноября.

Поездка к Блохам. [...] Гр. А. показывал Андреевскую[18] кривую — как сам автор оценивал свои произведения: выше всего «Жизнь человека», высоко «Царь Голод», «Мысль», «Катерина Ивановна». Вот человек, который жил в себе и собой. [...] Но все же рево-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

люция перевернула его, он забыл о самом себе. Ни в 1917, ни в 1918 он ничего не писал.

2 декабря.
Последний вечер на Belvédère в этом году [...]

6 декабря.
Живу на бивуаках, в кабинете сестер[19]. [...]

19 декабря.
Праздник Св. Николая. Община празднует. У нас Фондаминские. [...]

21 декабря.
Ночь была тяжела. В вагоне испорчен был регулятор тепла и мы задыхались от жары. Ян особенно в теплом белье. [...] «Нет, мы дикари, киргизы. Вот я сижу весь всклокоченный, босой, а французы сидят и спят. Они старая и культурная раса, ко всему относятся механически. Не то, что мы».

Потом почему-то стал говорить о своей смерти, о том, чтобы я приготовилась, не сходила с ума и т. д., о том, что нужно об этом думать. Я сказала, что меня спасет от отчаяния та ответственность, которая ляжет на меня по отношению к нему, но что, может, он еще переживет меня, и я боюсь, что для него это будет мучительно.

— Да, — сказал он, — тяжело терять жену, но ты для меня больше, ты для меня родная, и никого в мире нет ближе тебя и не может быть. Это Бог послал мне тебя. Но будет об этом.

[...]остановились в Hôtel de l'Intelligence, но затем переехали в Hôtel International, Avenue d'Iena 50. Две комнатушки 58 фр. Тихо и уютно, но бедно.

23 декабря.
[...] Вчера Ян познакомился с А. О. Гукасовым[20].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Говорил о «жертвенности с обеих сторон». Ян возразил, что жертвенность возможна, когда есть кусок хлеба.

Ездил Ян и к Зайцеву. [...]

1926

[Продолжаю выписки из рукописного дневника Веры Николаевны:]

1 января.

[..] Новый год по новому стилю мы встречали в «Возрождении». Угощал Гукасов, но ужин устраивали репортеры. [...] По виду Гукасов понравился. [...] Струве отсутствовал. Он в Праге. Ему послана телеграмма и письмо с подписями. Шмелев говорил речь. Он сильно выпил. Кульман поднял тост за букву «ѣ» [ять. — М. Г.] [...]

14 января.

В Лютеции была встреча Старого Нового года. Я заведовала лотереей и «книжной лавкой». [...] Бал вообще удался. Вероятно, доход будет около 25000. М. С. [Цетлина. — М. Г.] довольна. Жаль, что половину нужно отдавать журналистам. [...]

2 февраля.

[...] Ян с Борисом [Зайцевым. — М. Г.], Ландау и Осоргиным ушли обедать. Мы — жены — не знали, поэтому наш бабий вечер на этот раз не вышел. [...]

6 февраля.

Статья Ильина «Дух преступления» великолепна. Воображаю, какое негодование вызовет она у левых. Он назвал своим именем громко то, о чем мы всегда говорили. (Впрочем, Ян говорил и публично об этом.)

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Недаром Павел Юшкевич упрекал его «в уголовной точке зрения на революцию». [...]

3 апреля.
Ян получил пригласительный билет на Съезд[1].[...]

5 апреля.
Председателем избран Струве. [...]

9 апреля / 27 марта.

[...] На Съезде идет не дружная работа, а борьба между двумя партиями из-за «органа». Правые совершенно не учитывают ни времени, ни места. Боюсь за Струве. [...] Им кажется, все недовольны, а для него съезд — дороже жизни.

[...] Д. Д. Гримм[2] очаровательный человек с очень приятным голосом. Он расстроен съездом, тоже находит, что Струве делает ошибки. Струве, из желания объединить всех, делает уступки правым, а они стараются все захватить в свои руки. [...]

Ночь с 15 на 16 апреля (н. ст.).

Спать не могу. Нервное состояние Яна передалось мне. Он так боится операции, что свет ему стал не мил. Сегодня были в Villejuif. Ездили на такси. Дорога произвела на него гнетущее впечатление. Да еще встретили похороны, вернее, обогнали. Но госпиталь мне понравился. На больницу не похоже. [...] Комната у нас будет одна, небольшая, с приятным видом, но боюсь, что все же трудно будет в ней жить вдвоем.

16 апреля.

[...] Мне [письмо. — М. Г.] от Шмелева. [...] Сообщает, что Белич[3] написал ему, что серб[ское] правит[ельство] решило поддержать 8 писателей — 1000 фр. в месяц. Он не понимает — 1000 фр. каждому, или

Для сайта BOOK-OLDS.RU

же на всех. Если каждому, то как будто щедро, если на всех, то уж больно мало. [...]

19/6 апреля.

Мы в Villejuif. У нас небольшая, но приятная комната. Вся белая. На столе белые цветы. Ян бесконечно страдает. [...] Дежурная сестра очень мила, женственна. [...] Боли, по ее словам, будут завтра и послезавтра. [...]

20/7 апреля.

Без четверти 12. Ян пошел на операцию. Пошел бодро. [...] Прошло 25 м., а его еще нет. [...] Сейчас принесут. Дай, Боже, не волноваться. Уже прошло ¾ часа.

Весь день страдал неимоверно от головной боли.

21/8 апреля.

[...] Ян очень кроткий. Ночь прошла довольно хорошо. Просыпался раза 3. [...]

22/9 апреля.

Ночь провел беспокойно. Спал мало. Заставил меня встать рано, а потому болит голова. [...]

23/10 апреля.

19 лет нашей совместной жизни. [...] Темп[ература] стала нормальной. [...]

24/11 апреля.

Температура нормальная. Настроение хорошее. Пишет письма. Спали достаточно, хотя часа 2 ночью колобродили. [...]

28/15 апреля.

[...] Все еще лежит в постели, хотя принесли кресло. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10 мая.

Второй день в Грассе. Устраиваемся. [...] Доехали сравнительно хорошо, хотя часто просыпались. [...] Нам в дорогу навезли много — кто курицу, кто жиго, кто вино, кто шоколад, кто торт, кто ром, а кто — цветы. Ян, смеясь, вспомнил, как Ангелиночка завидовала Вале, что ему операцию должны делать: «будут дарить подарки!» [...]

15 мая.

[...] Сегодня за завтраком разговор коснулся литературы и Ян много говорил.

Илис (Ил. Ис. Фондаминский) дал мне прочесть рассказ Чирикова, и я передала его Яну. Рассказ обычный Чириковский, много пошлости, наивности, конечно, настоящего искусства там нет, но напечатать следует по многим соображениям: и потому, что он старый писатель, и потому, что у него есть свой читатель и т. д. и т. д. От него перешло к А. Н. Белому, Ремизову и другим.

Илис считает, что все-таки они большие таланты, хотя и исковерканные. Ян стал оспаривать. [...] Они очень жизнеспособные, но к искусству отношения не имеют. Это уже 40 лет продолжается. И Мер[ежковский], и Гип[пиус], и даже Розанов — все они не только потому так пишут, что их душа этого просит, а потому, что так надо, так модно. «Эти ослы по нотам разыгрывают. Конечно, они способны выявлять все эти извивы, но этими извивами они и маскируют свои небольшие таланты. Вы посмотрите, что эту зиму разделывал Мережковский — он, оказывается, великолепный актер, — и ноги расставляет, и кривится, и шопотом говорит, и опять поднимает голос на каком-нибудь вечере Звена». И тут Ян хорошо изобразил Дм. С., то он бесом представится, то юродивым. — И все они как на людях, так говорят не по-людски, а как до практического дела — так начинают совер-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

шенно просто, без всяких завываний говорить. И так дурачат публику уже 30-40 лет. Но, конечно, они способнее тех, кто и этого не умеет делать, а между тем всем перверсным организмом своим жаждет всех этих изломов. [...]

20/7 мая.

Вчера перечитывала письма Л. Ал. Авиловой[4]. [...] какая была семья! Какой дом! С материальным благополучием соединялась духовность, любовь к литературе, подлинное знание русского языка, чувство его. [...] И какой легкий дух был в их семье. [...]

8 июля.

[...] Теперь мы одни. Самое мое любимое время, ибо Ян бывает со мной в свободное время и ведет разговоры. И странно, он в сущности не скучает, ему только кажется, что он будет скучать. [...]

Даже самый приятный и легкий гость как-то отнимает у меня спокойствие и мешает сосредоточиться. [...]

Вчера уехал от нас Б. [Б. К. Зайцев. — М. Г.]. [...] повторяю, Б. почти был не гость. Он человек очень тонко деликатный и духовный. Иногда мы очень для меня интересно говорили о Боге, о вере. В последний раз он много говорил о Данте. У него, т. е. у Бориса, есть свой путь, по которому он идет твердо. Но к практической жизни он мало пригоден. [...] Очень самолюбив, большое сознание своего достоинства. Дурак Юшкевич думает, что он скромен. Да, м. б. перед Богом он и смиренен, но не перед Юшкев[ичем]. Странно наблюдать писателей. Почти каждый считает себя выше всех или почти всех. А многих совершенно не приемлет. И как часто видишь, что они не понимают один другого. [...]

Получены «Совр. Записки». Степун пишет, что у Марины Цветаевой не только мысли умны, но и фра-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

зы. [...] Вот уж подлинно ничего не понимаешь. «У Цветаевой ум», — мне кажется, что этого у нее меньше всего: есть талантливость натуры, смелость, даже воля, умение выделять свою личность, но ум? Не видно. Нет и второстепенных качеств ума: такта и меры.

8 июля [Вероятно, В. Н. ошиблась и запись от 9 июля. — М. Г.]

Были у Зайцевых. [...] Настроение у Бориса тяжелое. [...]

Шульгин 3 месяца был в России. Жил в Киеве. Он находит, что там все новые люди. Он мог бы и не гримироваться — за все время не встретил ни одного знакомого. По его мнению, там народился новый тип американо-комсомольский, который придет на смену коммунистам. Революция еще не изжита.

10 июля.

На завтраке у Мережковских. Очень любезны и гостеприимны. З. Н. прочла свою статью против Святополка [Мирского. — М. Г.]. Очень хорошо и с тактом написано. Все ее газеты отказались напечатать, появится статья у Мельгунова.

Потом пошли гулять, т. е. по магазинам, где З. Н. прямо молодеет. Она всегда готова ходить по всем отделам и всегда мучается желанием купить то то, то — другое. Какое странное сочетание в ней мужского, женского (и даже бабьего) начал. [...] На набережной встретили Мережковского [...] обрадовался З. Н., тащил ее с собой, гости уже надоели ему. Он редко откровенный человек, поэтому, в конце концов, с ним легко. [...]

11 июля.

Ян плохо спал. Вероятно, мало вчера гулял. Ведь весь день дождь, а вечером волновался и опять из-за Степуна, только, конечно, из-за другой статьи его о

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Возрождении». Степун пишет, что он с Кусковой, Осоргиным и др. всегда будет защищать от нападок эмиграции и «эмигрантского злобствования» возникающую в Советской России творческую жизнь. Да кто это отрицает, что, вопреки большевикам, Россия родит таланты? Весь вопрос заключается именно в споре относительно двух слов: — «вопреки» или «благодаря». [...]

21 июля.

И опять некогда было писать для себя.

[...] были у Вахрушевых. Их дача почти у самого синего моря. Он — в русской косоворотке. На столе чайники, варенье. Какая-то бедная родственница разливает чай — словом, почти Царицыно. Так же забегают на балкон знакомые и пьют так чашек по пяти. [...]

В «Днях» печатаются письма Блока. [...] По этим письмам Блок выиграл в моих глазах. [...] и стал понятнее.

17 июля/30 июля.

[...] Были на обеде у Зайцевых, 15/29 июля 25-летие литературной деятельности Бориса. Пробыли мы 5 часов. [...]

Я ценю в Зайцеве то, что он выбрал свой путь и идет по нему по-зайцевски, и то, что он настроил свою душу на высокий тон. Он ни у кого не выбивает ничего, а тихо, медленно, но неуклонно идет по своему пути, который всегда подымается выше повседневности. Он, как писатель, говорит: мне нужно только мое ощущение, только мое восприятие, а логично ли, правдиво ли это — мне все равно. [...]

2/20 авг. Ильин день.

Вчера ездили в Канн. Были у Мережковских. Они приветливы, ласковы. З. Н. жалуется, что пишет в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Верстах» и что это очень трудно, т. к. Милюков не все примет, что ей хочется. «Так и пишу сначала, что сама думаю, а потом начинаю смягчать, перемешивать, и так трижды приходится всякую статью переписывать».

Читала письмо Ходасевича[5] (они в горячей переписке). Очень умное, но злое и ядовитое. Презирает всех и вся. И эс-эров, и Вишняка, и всех жен. Вообще плохо быть «женами». Это какое-то позорное клеймо. [...]

Мережковский хорошо говорил, что метафизически столкнулись коммунизм и нэпманство, и из этого только может получиться трагедия.

Неожиданно приехал Рощин[6] [...] Ян тоже рад. А Рощину будет полезно пожить с Яном.

6 августа.

Вчера такая была гроза, что Ян, сидя в кабинете, видел огненный шар почти у головы, потом посредине комнаты. [...]

Из статьи Ходасевича о Блоке: «Блок признавался, что многих ранних стихов своих больше не понимает».

Правильно сказал Ян, что это род душевной болезни. Человек видит спичечную коробку, а выражает какое-то мутное чувство к ней. Тут не поймешь, спичечная коробка это или что-нибудь другое.

Ян вчера на прогулке говорил на тему, какое значение имеет имя автора. Если оно знаменитое, то читатель гораздо больше напрягает внимание. Поэтому — успех, и часто даже не по заслугам. [...]

Ян с приезда Рощина повеселел, ему, конечно, было жутко по ночам. [...]

25 авг. 26 г.

Я решила недели 3 дать себе отпуск и ездить еже-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дневно к морю. И, поскольку это возможно, быть одной. [...]

8 сентября.

[...] 2 недели в постели. Слабость. Безразличие. [...] Ян опять в бегах, и я опять среди чужих людей. [...] Вчера был Елпатьевский. [...] Он служит в Москве амбулаторным врачом в Кремле. [...] Он считает одной пользой от революции, что самый последний мужиченка в Якутской области стал думать о том, о чем раньше никогда не думал.

9 сентября.

[...] Сегодня я совсем одна. Может быть, это лучше — свободнее. Но тоска ужасная. Лежу в саду под пальмой, печет солнце. [...] Что бы, кажется, я дала, если бы около меня были папа, Митя, Павлик или Андрей Георгиевич [вероятно, проф. Гусаков. — М. Г.]. Болеть для меня в настоящем положении — кошмар. И что гнетет, что собственно это начало болезней. [...] Расплата, что имеешь мужа, который «радует других», а потому он освобожден от обязанности радовать меня. [...]

Вечером говорил, что больше всего в мире любил мать, и меня любит не меньше. Да, непонятна душа человеческая!

12 сентября.

[...] В шестом часу приехал Рахманинов. Посидел около часу. Он с семьей в Канн. Большая вилла, своя машина, на которой они приехали из Германии. Он очень мне понравился. Очень прост и приятен. Звал меня к себе. Повидимому, к Яну относится очень хорошо. [...] Рахманинов пришел без шапки, в коричневой фуфайке, парусиновых туфлях. Забыл портсигар. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 сентября

[...] Были у нас все Рахманиновы. Очень приятна и мила жена его. Женственна, проста и добра. [...]

23 сентября

[...] Во вторник были у Рахманиновых и от всей семьи осталось необыкновенно приятное и легкое впечатление. Дочери очаровательные, лучше, чем показались в первый раз. [...]

24 сентября.

Вспоминаю обед у Рахманиновых. [...] Трогательное отношение к Чехову. Все просил Яна порыться в памяти и рассказать об Антоне Павловиче. Ян кое-что рассказал. — Рахманинов [...] очень заразительно смеялся. Рассказал, что когда он еще был совершенно неизвестным, он в Ялте аккомпанировал Шаляпину. Чехов сидел в ложе. В антракте он подошел к нему и сказал: «А знаете, вы будете большим музыкантом». — Я сначала не понял и удивленно посмотрел на него, — продолжал С. В., — а он прибавил: «У вас очень значительное лицо». — Вы понимаете, что тогда значили для меня слова Чехова. А музыки Антон Павлович не понимал. Он предлагал мне потом написать что-то к «Черному монаху».

Толстого Рахманинов не любит. [...] Ян старается показать всю трагедию Л. Н., но мне кажется, его слова до Рахманинова не дошли. [...]

30/17 сентября.

Седьмой год именины за границей. [...]

30/31, ночь, октябрь 1926 г.

Целый месяц ни строчки. Приезд Кульманов. Поездка на острова. Не очень тяжелый припадок[7]. 5 дней в постели. Прощальные обеды с Рахманиновы-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ми. Доктор Маан*. Отъезд Рощина. Визит к Мережковским. Блохи. Вот краткий отчет за месяц.

Сегодня Ян был очень печален. Долго лежал в темноте. Говорит, тоска ужасная. Да, тяжело он отрывает от себя каждый год. С корнями ушел в землю, потому и тяжело. Слишком он все видит и понимает, все остро чувствует. Потом сошел вниз, развеселился, поставил бутылку вина, которую они с Н. К. [Кульманом. — М. Г.] и выпили.

Когда я пришла к нему наверх, он лежал в постели, видимо, ждал меня. Был нежен. Говорил, что только я для него все. Что мысль о моей смерти преследует его уже 20 лет. 40 лет боялся смерти матери, а 20 — моей. Поэтому, когда я заболеваю, то у него весь мир преображается. И он, как сумасшедший, должен куда-то лететь. Он понимает, что может увлечь, но это не настоящее. «Отдельный кабинет, ужин, момент усталости — она смотрит, увидит морщину и подумает: стар. А мне хочется сказать — allez vous en! Ты одна не видишь того, что есть. Да, как отражение в окне вагона и стекло, и сквозь него видишь звезду».

1927

[Из дневника Веры Николаевны:]

Ночь с 1 ян. на 2 ян. 2 ч. 30 м:

[...] я два месяца ничего не записывала. А за эти 2 месяца было пережито так много, что положительно, от полноты сердца, уста немеют.

Я — одна. Яна до сих пор нет. [...]

Операция не страшит. Мне так тяжело дома, что мысль о Виль Жюив радует. Белая комната, тишина ночью, нарушаемая лишь редкими звонками, пение

---

* Бунины иногда пишут Маан, иногда — Мак. — Р е д.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

петухов. Приходят мысли о смерти. Пока отношусь к ней тупо. Жить есть силы, хотя, если уже не жить по-старому, то жить буду иначе, если останусь жива. Главное, надо помнить, что *самое тяжелое я пережила*. [...]

Villejuif.
4/17 января.

Спала хорошо. Трудно было заснуть из-за болей. Вчера было 3 припадка, первый в церкви — значит, еще не достойна Причастия.

Были Васильев и Алексинский. Склоняются к мысли, что желчный пузырь тоже. [...]

Ян уехал на операцию. [...] Полип очень большой, вероятно, он и мешал работать.

Прощаясь, мы оба очень волновались, — особенно Ян. Он так плакал, что я до сих пор волнуюсь. Он очень страдал всю эту осень. Он удивительно по-детски трогателен. [...]

18 января.

Чувствую себя хорошо и спокойно. Спала недурно. [...] Настроение было самое благостное, вероятно, от чтения Евангелия, Апостола, Паскаля и Imitation. [...] Думаю ли о смерти? Нет, я о будущем просто не думаю. [...]

Все вспоминаю лицо Яна, когда он выскочил меня провожать к автомобилю. Он, вероятно, сейчас ужасно волнуется, больше меня. Как бесконечно мне жаль его. Очень боюсь, что он простудится в такую погоду. [...]

Вероятно, через 1/4 часа придут за мною. Полежу немного.

29 янв. 1927 г.

[...] Пережито много и больше хорошего, чем дурного. Страданий было меньше, чем я ожидала.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Операция была тяжелая, длилась 2 ч. 20 мин., спала еще 2 часа. [...]

[...] желчный пузырь находился под печенью — вот почему его никто не мог прощупать — и весь до верху был набит камнями, и довольно крупными. [...] Алексинский, несмотря на свою внешнюю суровость, был очень заботлив. [...] когда я спросила его, что оказалось у меня, он сказал: «Склад камней». А вот Ян не верил, что я больна. [...]

12 февраля.

[...] 9 дней я дома. [...] Помогали на первых порах дамы — особенно Верочка [В. А. Зайцева. — М. Г.] и Б. С. [Нилус. — М. Г.]. Но сегодня Б. С. вся поглощена Юшкевичем, у него сердечный припадок был ночью. [...] Вчера Ян видел Митю Шаховского[1] послушником. Едет в сербский монастырь. Вид смиренный. [...]

13 февраля.

Вчера известие о смерти Сем. С. Юшкевича, сегодня о С. А. Иванове. Это уже слишком тяжело! Оба скончались от сердца, оба были накануне в нашем доме. [...] Сергей Андреевич накануне смерти был у меня. Пришел вместе с М. А. [Алданов. — М. Г.] и мы втроем просидели около двух часов. Я очень люблю их обоих... М. Ал. принес пирожных и, смеясь, сказал: «Это вместо цветов. Я делаю теперь только полезные подарки». Мы мигом соорудили чай, вернее приготовил его С. А. [...]

14 февраля.

Через 4 недели вечер. Времени мало и для Яна и для билетов. Помоги, Господи!

15 февраля.

Скоро опустят в землю С. С. Скажут ненужные

Для сайта BOOK-OLDS.RU

речи и разойдутся. [...] Газеты очень слабо отозвались на смерть Юшкевича. Я думала, что его смерть будет событием в нашей зарубежной жизни. [...] м. б. у раскрытой могилы найдут надлежащие слова [...]

Сегодняшнюю ночь я никогда не забуду. [...] Только бы Бог дал мне спокойствие и выдержку. [...] Ян говорил: «Я, который 40 лет имею дело со словом, я не могу выразить то, что хочу, а что же делать мне в таком случае?» Ян все твердил, что я не понимаю его. [...] Я знаю, что Ян сейчас сильно страдает[2]. [...]

18 февр.

[...] Вчера еще смерть — Кузьмина-Караваева. Жертва эмиграционных условий. Последние годы жизнь у него была горькая — безденежье, одиночество. А в прошлом — богатство, любимое дело, почет, уважение.

14/1 апреля, Ментон.

Тихо, уютно в моей комнате, тихо уже и в отеле — 10 ч. вечера. Я за эту неделю привыкла проводить вечера в одиночестве. Говенье дает радость. Я в первый раз в жизни провела так Страстную неделю, так спокойно, безмятежно, бывая на службах, читая духовные книги, размышляя о своих грехах. [...]

13 апреля, Ницца.

5 дней в Ницце. Наконец, после кошмарной зимы, я живу в тишине и покое. Лежа в постели, видишь море и слушаешь прибой его. [...]

23/10 апреля.

20 лет! Срок немалый. [...] Хочется, чтобы конец жизни шел под знаком Добра и Веры. А мне душевно сейчас трудно, как никогда. И я теряюсь, и не знаю, как быть. Вот, когда нужны бывают старцы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

По христианству, надо смириться, принять, а это трудно, выше сил.

Сейчас мы отпраздновали наше 20-летие. Ужинали дома. Я — сардинками, а Ян — ветчиной. Выпили Pouilly.

Ян мне сказал: «Спасибо тебе за все. Без тебя я ничего не написал бы. Пропал бы!» Я тоже поблагодарила его — за то, что он научил меня смотреть на мир, развил вкус литературный. Научил читать Евангелие. Потом мы долго целовались и я, смеясь, сказала: «Ну уж ты ни с кем так много не целовался, и ни с кем так много не бранился». — «Да, — ответил Ян — мы бранились много, зато дольше 5 минут мы друг на друга не сердились». Это правда, длительных ссор у нас никогда не бывало. [...]

22/9 мая.

[...] Решили поехать в Орибо в автомобиле[3] [...] Я в Орибо ни разу не была, Ян был дважды: с Кульманом и в прошлом году один, когда метался во все стороны во время моей болезни. [...]

31 мая.

[...] Перепечатала сейчас всю эту тетрадку и что же — ничего собственно с прошлого августа не изменилось для меня в хорошую сторону. А пережито за этот год, сколько за 10 лет не переживала. По существу, м. б. история очень простая, но по форме невыносимая зачастую. [...] И как странно, — как только я, молча, начинаю удаляться от Яна, то он сейчас же становится нежен. Но как я становлюсь обычной — так сейчас же начинает жить, совершенно не считаясь со мной. [...]

Теперь мне нужно одно: быть с Яном [...] ровной, ничего ему не показывать, не высказывать, а стараться наслаждаться тем, что у меня еще осталось — т. е. одиночеством, природой, ощущением истин-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ной красоты, Бога, и наконец, своей крохотной работой. [...]

5 июня.

Католическая Троица. В церковь не пошла. [...] принесли газету с «Окаянными днями». В восторге от стихов, которыми этот кусок кончается. [...] я прочла их и вспомнила, как мы в этот вечер ездили за Скородное и из лесу увидели зарево, испугались: не у нас ли? И я, как сейчас, вижу, как Ян сделал быстрое движение, натянул вожжи, ударил лошадь кнутом. [...] А стихи вот какие:

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес.

Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор.
И вижу заалевшие вершины,
С таинственною нежностью, в упор
Далеким озаренные пожаром...

Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожар! Но где? Опять у нас? — Недаром
Вчера был сход! — И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожий лепет в вышине,
Такой дремотный, сладкий — и бесстрастный
К тому, что там, и что так страшно мне.

30 сент./13 окт.

[...] Мне сейчас очень грустно. Я последние месяцы опьянялась машинкой. [...] Кончила Яну переписывать 1 книгу, я переписала ее уже дважды, а многие главы по 3 раза. Кончила [читать. — М. Г.] «Заговор». В этой книге М. А. [Алданов. — М. Г.] гораздо зрелее, чем в прежних. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1 / 14 окт.

Проснулась и продолжала думать о сне, а сон забыла. Услышала топот над головой, потом шуршание в столовой. Я тихонько, по привычке, позвала: «Ян».

Когда он вошел, радостный, нежный, стал целовать и просить: «не уезжай, я буду беспокоиться», я как следует еще не проснулась. Затем он сказал: «Клянусь днем твоего рождения, что я тебя ужасно люблю!» Тогда я, шутя, спросила: «А ты рад, что я родилась? М. б. лучше было бы не родиться?» — «Очень рад, да с кем бы я мог прожить жизнь, кроме тебя... Ни с кем». [...]

15 октября.

Наконец, осуществила свою мечту. Поехала в Ниццу. Ильиных застала. [...] Оказывается, ни о моей операции, ни о руке ничего не знали. [...] Гиппиус он ненавидит страстно. Растлители. В этом они со Шмелевым сойдутся крепко. [...] зашел разговор о Шмелеве и я, наконец, поняла, чем он пленил их. Оказывается, он дает философские темы. В «Неупиваемой чаше» очень хорошо разработана философия творчества. В «Это было» — проблемы войны. [...]

11 ноября.

Вчера завтрак у Мережковских. [...] З. Н. пригласила Г. Н. [Кузнецову. — М. Г.], я очень благодарна ей за это. [...] Завтрак был хороший. После З. Н. читала нам дневник. Перед тем Дм. С., который не слушал чтение (он не может ничего ни читать, ни слушать о революции: «это все равно если вашу мать убили, и вы будете слушать об этом») говорил:

— Милюков это Чичиков, Керенский — Хлестаков. В нем сидел бес, в котором и мы повинны, теперь бес из него ушел, а все продолжает становиться в Наполеоновские позы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

З. Н. читала дневник, относящийся к Корниловской истории. [...] Дневник написан мастерски. [...] Ведь по духу она была близка и с Илюшей [Фондаминским. — М. Г.], и с Савинковым, и с Керенским, а Корнилов собственно был ей чужд, — и однако, она выносит оправдательный приговор Корнилову, даже не выносит, а он сам «выносится». И что самое замечательное — Корнилов не увлекает ее, к белому движению она остается холодна, не верит ему. [...] Ее дневник — сама история. Она была поставлена в необыкновенно выгодное положение. Ежедневные свидания с Савинковым, человеком, умеющим отлично рассказывать, свидания с Бунаковым, знакомство с Керенским и дружба с Карташевым. [...]

Илюша предстал пред нами в ином свете. Да, роль его не малая была и он увильнул от ответственности, уехав комиссаром в Севастополь. Меня порадовало, что я верно чувствую его. Он вовсе не такой «милый простой человек», «добрый и умный», нет он с большими провалами и ум его не свободен. И не только Керенский забывал «о России» и не понимал ее, но также и Илюша. Это теперь, 7 лет проучившись, стал понимать, хотя и по-своему, что такое Россия, что такое государство. Да и то я не уверена, что в критический момент он [не. — М. Г.] пожертвует партией для России. [...]

11 декабря.

Была в английской церкви. [...] Пришла домой — газеты, письма. Г. Н. [Кузнецова. — М. Г.] в восторге. Ей письмо от Алданова: стихов в «Днях» решено не печатать, он передал их Демидову, который взял их для «Посл. Новостей». М. Ал. просит рассказ.

Потом Г. Н. открывает газету и читает: Семен Владимирович Лурье скончался от несчастного случая. Попал под поезд на Руанском вокзале. [...].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

У нас с Яном дыханье остановилось. Боже, что за горе! Познакомились мы в Одессе, часто встречались. [...] Он немного рассказал мне о Шестовых. [...] Затем в Париже. [...] Он бывал у нас в первый же год. [...] Ближе сошлись с ним, прикоснулись с его духом года три тому назад. [...]

5/18 декабря.

[...] весь сад в снегу. [...] Ян нежно обнял: «Я хотел сейчас к тебе пойти, нашел под столом 50 фр. Верно, ты обронила, и стало тебя так жалко». Какой он странный и нежный человек. И как я иногда боюсь за него. Теперь он мучается «Жизнью Арсеньева» — уже не нравится. [...]

6/19 декабря.

[...] Ян вчера был очень трогателен. Он расстроился, увидя мое состояние. Говорил: «Ты ведь часть моей души», предлагал [отказаться. — М. Г.] от предложения Фондаминских остаться на январь в Грассе. Но мне казалось, что ехать в Париж еще тяжелее.

Фондаминский как-то уклончиво написал относительно «Жизни Арсеньева», написал, что конечно, это произведение будет иметь большое значение, но что в нем нет занимательности. [...]

16/29 декабря.

[...] «Наши странствия»[4] я должна писать, когда чувствую себя хорошо и ничто не расстраивает меня — тогда работа идет споро, а то — полная бездарность. [...]

Ян давно не пишет. В холоде, в дожде, мраке ему не работается. Хотя бы январь был погожим. Ведь ему необходимо набросать хоть бы III-ью часть.

Г. Н. встает в 11 часу. Ей жить надо было бы в оранжерее. [...] Она слаба, избалована и не может насиловать себя. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1928

[Из записей Веры Николаевны:]

1 янв. 1928/19 дек. 1927.

Францию с Новым Годом! А я еще не чувствую, что Новый год идет, хотя уже 8 лет встречаю его во Франции, и все еще не привыкла. [...]

2 января.

[...] В «Днях» напечатан рассказ Г. Н. [Кузнецовой. — М. Г.]. Статья Макеева о «Совр. Зап.» Восхищается «Божьим Древом»[1], но говорит, что эта жизнь канула в вечность.

Ян сказал: [...] Я пишу о душе русского человека, при чем здесь старое, новое. Вероятно, и теперь какой-нибудь Яков Еф. трясет портками и говорит теми же присказками. А они: все это картины старой жизни, — да не в этом дело.

[...] сегодня память мамы. Утром молилась. Грустно, что не могу отслужить панихиды. Утешаюсь, что, вероятно, отслужат в Москве. [...]

[Из конспекта Ивана Алексеевича, написанного его почерком, вероятно, на основе уничтоженных записей:]

9. 1. [нов. ст. и дальше все по н. с.]

На пути в Cannes слезли, не доезжая, пошли по рощам мимоз. Солнечн. предвечернее время.

24. 1.

Г. [Кузнецова. — М. Г.] начала переписывать вторую книгу «Жизни Арсеньева».

27. 1.

Кончила переписку.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31. 1.
Напечатан «Кунак».

1. 2.
Весенний день. Нарвала в саду и принесла мне белых цветов с запахом нарциссов.

4. 2.
Голые деревья на фоне облаков в лунную ночь. Облака кажутся особенно белыми.

7. 2.
При луне по Ницкой дороге с Г. Кипарисы, созвездие Ориона.

8. 2.
Кончил вторую кн. «Ж. А.»

18. 2.
Отъезд в Париж — я, В. и Г.

19. 2.
Париж. Hôtel Gavarni номера 16, 14, 21. Завтрак у Ага (в его ресторанчике при лавке, на rue de la Pompe).

20. 2.
С Зайцевым «Chez Francis».

22. 2.
Завтрак с Алдановым в «Москве».

23. 2.
Обед у Ага и чай у Цетлиных.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна записывает:]

23 февраля 1928 г.

[...] Вчера видели Алданова, он очень изменился, пополнел, стал каким-то солидным, но все такой же милый, деликатный, заботливый. Это он боится моих дневников, жаловался на это Цвибаку[2]. [...]

Обедали у Цетлиных. [...] М. С. ушла играть в поккер, а мы пошли с М. Ос. на лекцию Адамовича, которая не состоялась, в виду того, что пришло 4 человека вместе с лектором. [...] С горя пошли в полосатый бар. Много говорили о литературе. Залили Берберовой[3] за шкуру. [...]

24 февраля.

[...] покончила самоубийством Нина Петровская[4]. Верочка [Зайцева. — М. Г.] рассказывала, что [...] она пила, прибегала к наркотикам. 45 дней назад умерла ее сестра [...] она тыкала в нее булавки, а затем колола себя, чтобы заразиться трупным ядом. Но яд не брал ее. Жутко представить, что было в ее душе. [...] Жаль, что знаю я ее очень мало. Почему-то все вспоминается какая-то выставка в Строган[овском] училище, пустые залы, в одной в углу безжизненная фигура Брюсова[5] в застегнутом сюртуке и мохнатая черная голова Нины на маленьком туловище. [...]

26 ф.

Похороны расстроили больше, чем ожидала. Народу немного. Больше женщины. Мужчин только четверо: Боря [Б. К. Зайцев. — М. Г.], Ходасевич, Соколов, нотариус и др. Унковский.

Гроб простой, досчатый, в церкви покрыт был черным сукном с серебряными галунами. И от этой простоты, отсутствия обычной на похоронах пышности было очень жутко. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Перебрались на rue de Four. Комнатка маленькая, но все есть. У Яна просторно. У Галины — солнечно. [...]

27 февр.

Вот и Великий Пост. [...] были в типографии, отвезли 2 часть «Жизни Арсеньева». Читал Цетлин, ему очень понравилось.

Видела, как делают набор в типографии, вроде как на пишущей машинке, только выскакивают свинцовые плиточки. [...]

Приехала за 1/2 ч. в церковь. Пила кофе. [...] Служил Владыка. Он похудел и лицо его стало еще благороднее. Он хорошо читает, у него необыкновенно приятный голос. [...]

Обедала в ресторане. Не ела мяса. Решила так поститься всю неделю. Потом на «Зеленую Лампу». [...] Под зеленой лампой рассуждали [...] насколько Евангелия святы. И после церкви было особенно неприятно. Дм. С. болен. Зин. Ник. была любезна, оживлена, мила. А когда сидела за столом, то как-то съежилась, и мне было ее жалко. [...] мы ушли с Левиными, Тэффи и Ходасевичами. [...] Берберовой «Жизнь Арсеньева» не понравилась: «У нас с Ив. Ал. разный подход к жизни».

28 февраля.

[...] На Ефимоны поехала в Серг. Подворье. На дворе психопатка, кн. Эристова, влюбленная в Владыку, уговаривала меня исповедоваться у Владыки: «Он, как Иоанн Кронштадтский», «Он никогда не любил плотской любовью». [...] Я молчала, не зная, что ответить. К счастью, прошел мимо Карташев. Я извинилась и пошла за ним. [...]

Студенты в черных подрясниках. Полутьма, пустота, мягкий голос Евлогия как-то особенно действо-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вали на душу. После службы мы зашли с Каллаш в кабачок. [...]

[В дневниковых записях Веры Николаевны перерыв до мая. Делаю выписки из конспекта Бунина:]

10. 3.
«Зеленая Лампа».

11. 3.
Завтрак в Латинском квартале.

12. 3.
У Ага и у Куприна.

14. 3.
Ужин в еврейском ресторане.

15. 3.
Бал писателей.

17. 3.
Юбилей Барятинского. «Москва».

18. 3.
Чешск. ресторан [...]

19. 3.
Евр[ейский] ресторан и синема.

22. 3.
«Викинг». Обед у Зайцевых.

24. 3.
Обед у Цетлиных.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25. 3.
Чай у Тэффи. Вечер у Юшкевича.

29. 3.
Обед у Прюнье.

1. 4.
Обед у Михайловых. С ними в синема.

5. 4.
Отъезд из Парижа. В 5 ч. вечера остановка в Дижоне, отель «La Cloche».

6. 4.
В час дня из Дижона. Пересадка в Лионе на Гренобль. В 8 вечера Гр. Ночевка там.

7. 4.
В полдень из Гренобля на Digne-Nice. В 5 вечера Auban. В 6 пересадка на Digne. Ночь в Digne. Легли в час. Встали в 5.

8. 4.
В 6 утра из Digne. [...] В 6 вечера в Ментоне, Hôtel du Parc.

13. 4.
Ходили на вынос Плащаницы. Наша Страстная.

[Из дневника Веры Николаевны:]

1/14 мая 1928 г.

Давно я не писала по-настоящему дневник. Я могу это делать только, когда я сравнительно спокойна. Внутренний дневник мне писать трудно, как-то стыдно. Легче и приятнее описывать внешнюю жизнь, заносить разные события, встречи.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

5 день мы в Грассе. Все уже устроилось и все жаждем начать работать. [...] Мы все устали от кочевой жизни, клонит в сон, особенно Галину.

Ян очень мил, нежен, весел. Он сказал, что завтра сядет заниматься, а как придет книжка «Совр. Зап.», так примется за Арсеньева. «Это не значит, что я сейчас же буду писать. Может быть, месяц промучаюсь, нужно все обломать, выбрать, просеять». [...]

16 мая.

Дождь, грязь. После обеда пошли с Яном в город и вдруг Марк Александрович [Алданов. — М. Г.]. Очень обрадовались. [...] За чаем спорили. Ил. Ис. [Фондаминский. — М. Г.] доказывал, что победить большевиков можно лишь духовной силой. [...] Алданов считает, что большевизм держится на чека и может быть свергнут двумя путями: или «дворцовым переворотом» или войной. [...] Он находит, что революция произошла только потому, что была война. [...]

Ил. Ис. считает, что война войной, [...] что избежать революцию можно было бы только в том случае, если бы была дарована конституция Александром II.

Ян не согласился — все равно, не удовольствовались бы. Может быть, если бы дал Александр I — тогда дело иное. Ведь с Радищевым[6] началось неприятие, вернее, критика. [...]

К сожалению, М. Ал. по своей ненужной щепетильности, стал торопиться на автобус. Мы повели его верхом. Но на природу, по словам Яна, он, как чеховский кучер, смотрит свысока. [...]

18 мая.

[...] Сегодня юбилей С. В. Яблоновского. Вчера спор, можно ли устраивать подобные юбилеи. Ил. Ис. возмущен: «Чин жизни нарушен». Глупо, конечно, что печатается «Под председ. ак. Бунина». Но я на-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

хожу, что всякий человек может справлять свой юбилей. И никакого чина здесь не нарушено. [...]

27/14 мая.

Сейчас за кофе. Опять разговор о Степуне. Илис: Читаю К. К. Арсеньева. Как его почитали, а он гораздо бледнее Степуна. [...] Я горжусь тем, что это я открыл Степуна. Мы познакомились в 18-ом году, его почти никто не знал. И когда он приехал сюда, я сразу схватился за него. А как его боялись в редакции. Говорили — кто его знает, то ли монархист, то ли еще кто другой. И как трудно было убедить, что нужно искать людей. Не понимают, как составляется всякое общественное течение. Напр. славянофильское — был Хомяков и обосновал настроение этой группы, это как мотор. [...]

Я: Завидую вам, что вы знаете, что нужно в данный момент. Абсолютной истины нет, и история только и делается людьми, которые знают «истину».

Ил Ис.: Да, это правда. [...] Сейчас мне кажется, что правильный путь это духовно-национально-социалистический. [...]

Я думаю, что у Илиса социализм тоже не на первом месте. Но верно ли он все чувствует? Не упускает ли чего?

11 июня.

[...] Ян все крутится, все никак не усядется. Но, кажется, вот-вот он погрузится в Арсеньева. Сегодня он весь день убирался. [...]

[В конспекте И. А. Бунина значится: 14. 6. Начал третью книгу «Ж. А.», 21. 6. Приехал Зайцев.]

6/7 [июля].

Ночь. Опять не спится. Третий час. [...] Равнодушие Яна убивает меня, а в претензии быть на него

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нельзя, он сейчас сам в смятении. Не может работать, ездит купаться, устает, плохо спит, волнуется. Ждет с нетерпением Рощина. Ему кажется, что как он приедет, то все наладится, а он, как на грех, обманул. [...]

Ян спросил Берберову: — Ну, а как мэтр? И она совершенно серьезно ответила: «Мэтр и т. д.».

16/17 [июля].

Ночь. Опять третий час, и опять не сплю. [...] Сегодня были у З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] К счастью, à deux с ней была недолго, потому никаких неприятных сплетен не слыхала. [...] Борис [Зайцев. — М. Г.] дважды оборвал Зин. Ник. Он это умеет, но все же это его взволновало.

1 августа.

[...] Уехал Зайцев. Немного грустно. [...] В Зайцеве есть светлость, понимание чего-то нужного, чувство правильности своего пути — это великое счастье. Религиозность — его опора и защита некая от собственной плоти. [...] Ему здесь было «хорошо, как дома». Конечно, наш «Монастырь муз» ему подходит, есть и устав, есть и удовольствия, и правильный образ жизни, и возможность писать спокойно, и полная душевная свобода.

Прочла «Афон» в книге, прочла о нем рецензию и нахожу, что никто по-настоящему не оценил эту редкую книгу. [...]

2 августа.

Очень беспокоит Ян — тих, кроток, подавлен. Устал, беспокоит сердце. Он не может работать, отчего очень страдает и, как всегда, ему кажется, что хуже с ним не бывало. [...]

Денег осталось совсем на донышке. Если завтра не пришлют чехи — дело плохо. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

5 августа.

[...] Ездили в Торан к Мережковским. Они живут в замке, существующем с 1525 года. Комнаты с толстыми стенами, амбразуры окон величиной с комнату в новых домах. Воздух там живительный, мы прямо отдохнули от жары.

29 августа.

[...] Ян чувствует себя плохо. Встал и опять лег спать. Он оставил на несколько дней «Арсеньева» и начал о Толстом для «Посл. Н[овостей]».

3 сентября.

На днях у нас был Белич. Первое впечатление — русский молодой профессор, но приглядевшись, видишь, что он постарше, а главное — энергия и темперамент у него не русские, а если и бывает такая энергия у русских, то редко у профессоров, а скорее у инженеров. Русских он знает, но писателей — мало. Главная его забота и интерес — журнал и книгоиздательство. Съезд[7] его мало интересует, хотя он и будет его открывать.

Он долго и подробно рассказывал о том, что сербы сделали для русских: 1) не дали умереть с голоду, 2) поставили на ноги, 3) открыли школы, теперь хотят основать журнал, устроить книгоиздательство. Деньги есть. Белич хочет, чтобы журнал был самым лучшим, самым интересным. Наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве, который будет жить в Белграде и фактически и технически руководить журналом. Ян отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные. Уж лучше пусть будет редактором один Струве. Потом обсуждался вопрос о том, пойдут ли к Струве писатели. Ян думает, что пойдут, если не будет поли-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тики. Белич говорит, что статьи будут только литературные и научно-культурного типа.

В Сербии два течения: одни желают, чтобы русские ассимилировались, а другие, наоборот, хотят, чтобы русские остались русскими и друзьями сербов. По-видимому, это течение берет верх.

Мы дали ему стихи Ходасевича. Ян спрашивал, нельзя ли устроить ему субсидию. Оказывается, субсидии не зависят от Державной комиссии, где Белич председательствует. Стихи Ходасевича не понравились: — «в нем есть двойственность». [...]

8 сентября.

Виделись с Тэффи и Тикстоном. Впечатление, что им скучно друг с другом, хотя связь их крепкая. [...] Свели их с Беличем. Но у меня чувство, что Тэффи осталась недовольна. [...]

Вчера зашли к Мережковским. [...] В Белград они едут. Возмущены, что редактор Струве. «Я не буду с ним работать», заявляет З. Н.: [...] «Я напишу статью против самодержавия, вот он и уйдет». Значит, ясно — Мережковские едут в Белград, чтобы вырвать у Струве воображаемую власть, а если не удастся, то будут стараться, чтобы Струве отказался работать с ними. Они думают, что журнал будет в их руках, т. к. Ян занят «Арсеньевым», связан с «Совр. Записками», то он не опасен им. Алданов вряд ли станет принимать близкое участие там, Куприн — рамоли, Шмелев — болен, Зайцев — не опасен. Словом, им мерещится из этого журнала сделать «Новый дом». [...]

Серов нашел, что у Яна ослаблено сердце, что и раздражительность от этого, а не от печени. Спрашивал, не заботит ли его что. Он сказал, что как не заживающая рана, его гнетет мысль о работе. Совет: на время постараться забыть. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19 сент.

[...] Ян совершенно с ума сошел насчет сердца, нервничает, не спит, днем не ест. Был у Серова, теперь хочет к Маану. Боюсь, что и Маан его не успокоит. Ему нужен доктор вроде Альтшулера.

Мережковские едут в Сербию. Им прислали 10000 фр. будто бы за пьесу. З. Н. сшила новое, слава Богу, черное платье. Дм. С. возбужден. [...]

Ходасевич попросил у меня ту статью Гиппиус, где она писала об Яне, как о большом писателе, о большой личности и издевалась над критиками, которые называют его описателем. О себе Ходасевич говорит, что он очень доверчив, что Мережковским он верил и что они «ужасно с ним поступили». [...]

8 окт.

Письмо Мережк[овского]:

Дорогой Сергей Константинович[8], посылаю Вам [...] большую газету с моим интервью. Очень прошу Вас велите его перевести и напечатайте в «Возрождении». Интервью чрезвычайно важное, благодаря многим обстоятельствам, между прочим, исключительно любезному приему короля Александра: на обеде я сидел рядом с королевой, а З. Н. рядом с королем. Наша беседа была очень *важна* и она, конечно, будет иметь последствия. [...]

Ах, забыл, я получил орден Св. Саввы *первой* степени, *высший* орден в Югославии. Это тоже имеет большое значение, З. Н. — Савву второй степени. Ленты, звезды, рескрипты. Славяне все в восторге и умилении. Встречали, *плачут слезами* от любви к нам русским. А дураки в Париже сидят каменными болванами.

Сердечно Ваш Д. М.

20/7 октября.

Были вчера у Мережковских. Оба сияют и доволь-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ны. Вероятно, денег привезли больше, чем ожидали. [...] Ордена красивые. И Д. С. все повторял, что кроме него, такой орден только еще у одного сербского писателя, а про Немировича и не упомянул.

Уверяют, что сербов правых почти нет. В Белграде чувствуется Россия. Куприн пил, перед представлением королю возили в баню, т. к. он с утра был пьян. К нему было приставлено двое молодых людей. Струве свалили, «все против него и сам Белич, т. к. он заявил свою программу и потребовал, чтоб всех сыновей перевести в Белград (?). Белич понял, что он генерал». Д. С. еще говорил, что у Струве социал-демократическое презрительное отношение ко всем писателям.

Журнала пока не будет. Лучше газета. Но на газету нет достаточно денег. [...] Основалось там пока лишь книгоиздательство. На год намечено выпустить 12 книг. [...]

Рассказывали они нам далеко не все, все время лавировали, особенно З. Н.

Мережковский еще воодушевлен религиозным настроением Загреба. Его там считают чуть ли не католиком, т. к. католики думают, что он работает на соединение церквей и уверены, что если это соединение произойдет, то они православную церковь сумеют поработить. [...]

Вечером Ян долго говорил о «Жизни Арсеньева». Он горюет, что дал такое заглавие, нужно было назвать «У истока дней» и писать, как «Толстой-душенька написал Детство, Отрочество и Юность и запнулся». — «И мне кажется, что и я больше не напишу. Ведь 17 лет не написал в трех книгах. А 40 лет я должен написать в одной, в крайнем случае в двух... Ведь одно из двух: либо писать кратче, а если так же — то сколько выйдет томов! Я думаю об этом денно и нощно. Иногда кажется, что нужно оставить на время, заняться другим».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

27 / 14 окт.

Сутки — дождь, ни на минуту не переставая, в саду вода. Гул от ручья вдоль Mont Fleury. Ночью был гром.

Галина никогда не видала, как танцуют кадриль. Чтобы размяться, мы позвали Капитана[9] и стали танцовать. Я забыла четвертую фигуру. Они к кадрили относятся, как я к лансье.

Ян читал Мопассана, я работала. [...]

24 / 11 н.

Шесть лет назад мы венчались в этот день в церкви. [...]

Была одна у Мережковских, после письма З. Н., в котором она пишет: «Вы нас плотно покинули... Я всегда обречена на любовь верную и неразделенную».

Были все со мной очень милы. Дм. С. в хорошем настроении, доволен. А З. Н. — в тяжелом — ей негде писать. В «Возр.» ее редактируют, даже ее дневник в отд. изд. Поднимается вопрос, не взять ли назад этот дневник, нарушить контракт. [...]

З. Н. говорила об Яне: «Он — единственный, подражать ему нельзя. К людям он относится, как к части мира, который он любит очень. А потому он может дружить и с Кульманами и т. д. Человек сам по себе ему не нужен». М. б. это и правда? [...]

«Вот мы переписывались с Т. Ив. [Манухиной. — М. Г.] о молодых писателях: у них все есть — и форма, и уменье, только нечего сказать». [...]

2 дек. / 19 нояб.

[...] Телефон. [...] — Это Екат[ерина] Павловна [Пешкова. — М. Г.]. — На минуту захватывает дыхание. [...] — Я в Ницце. Не можете ли вы приехать повидаться? — Сейчас трудно. Из Грасса нет прямого сообщения. Нужно ехать через Канн. [...] — Мы приедем в Канн. — Хорошо, буду ждать вас у решетки,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

при входе с вокзала. Буду в вязаном пальто — вдруг вы меня не узнаете. [...]

Поехала в Канн. [...] незаметно провела время до прихода поезда из Ниццы в 6 ч. 30 м. Уже прошла вся публика. Их нет. Жду. Сердце бьется. Ведь Ек. П. была последней, кого я видела в Москве в день нашего отъезда на юг в мае 1918. И первую я должна увидеть оттуда.

Наконец, вижу идет дама, чем-то очень напомнившая мне Савинкову, довольно полная, весело мне машет. — Екатерина Павловна!

Мы поцеловались. Потом я поздоровалась с Брежневым. Зашли в Consigne. Сдали ее кожаный чемодан и беличье пальто (очень красивой темной белки). Куда идти? Я повела их к англичанам. Заперто. Пошли [...] сели в глубине кафе, спросили St. Raphael.

Сначала о родных. Мать ее жива, ей 80 лет. Жена Максима не хочет ехать в Россию. Максим ничего не делает, даже марки перестал собирать серьезно. Говорила о Мите[10], о его болезни. Ек. П. обещала повидаться с ним. [...] Я спросила, нельзя ли нам достать от наших наши дневники, старые письма и, если остались, вещи? Ек. П. сказала, что кое что может провезти. — «А вот если бы раньше, Ал. М. [Горький. — М. Г.] мог бы все, что угодно, вывезти — у него багаж не осматривали». [...] С Малиновской не видалась, т. к. она занимала высшие посты у большевиков. С Толстыми не видается, «он слишком много дружит с большевиками, покупал дешево мебель. А затем его пьеса 'Императрица'...» Умер Крандиевский, сама по-прежнему глуха... «Скирмунт живет у меня. В Париже он пропадал. Было трудно, но я устроила ему визу. И теперь он снова стал таким, каким был до за-границы». «Вообще, я с большевиками не видаюсь, видалась с одним Дзержинским и считаю его порядочным человеком».

— Как же?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— Он считал, что раз он находится в правительстве, которое признает расстрелы, то он не может уклоняться от каких бы то ни было мест. Он единственный из всего ГПУ, с которым можно говорить. Когда я начала работать в Кр. Кр., я решила никогда не обращаться в ГПУ. Но однажды надо было спасти одного человека и я решила обратиться к Дзержинскому. Я была удивлена, что он выслушал меня. Он вникал в каждый случай.

Я спросила о двух знакомых в Соловках[11]. Она сказала, что теперь в Соловках хорошо. Переменили администрацию. А кто в [неразборчиво написанное слово. — М. Г.] — тот, значит, работает и сам вроде как в администрации.

Потом она спрашивала, правда ли, что Ян страшный монархист. Я сказала, нет, ничего страшного. Он примет всякую власть, кроме большевицкой.

Она выразила сожаление, что Ян не в России теперь. Я сказала, что он большевизм не переносит, как я кошек, что в Одессе, где мы ощутили его всей кожей, он чуть не заболел от одного вида большевиков.

Потом она стала расспрашивать, правда ли, что он писал такие злобные статьи?

— Это не злоба. Это пафос. Мы белые и никогда не изменим тем, кто пал в борьбе с большевиками.

— То есть как не изменим?

— Вы ведь от Каляева не отрекались.

— Но Россия выше всего.

— Нет, кое что есть выше России, — сказала я, когда поезд уже тронулся.

Меня охватило грустное чувство. Может быть, хорошо, что наше свидание длилось только час. Я рада, что видела Ек. П. Теперь я знаю, что она не переменилась, что по-прежнему она не способна ни на что дурное сознательно, но «живя в нужнике, ко многому принюхаешься». [...] В ней самой появилось спокойствие, она пополнела, отчего глаза уменьшились и

Для сайта BOOK-OLDS.RU

стали менее красивы. Но лицо молодое. Работает в Кр. Кр. даром. Получает от Ал. М. [Горького. — М. Г.] 100 рубл. на себя и 100 руб. на мать — на это и живет. Скупо ей дает Ал. Мак. Голос у нее все такой же приятный. И флюиды от нее приятные, но все же было очень грустно.

Да, она еще сказала, стоя на платформе:

— Я надеялась, что Ив. Ал. приедет с вами, я тогда скорее почувствовала бы его. Я его больше всех люблю, как писателя.

— Он боялся вас скомпрометировать, а то бы приехал.

— Где лучше остановиться в Париже, где нет русских? Могут быть там неприятности.

— В центре. Пасси — русский центр, — сказала я.

6 дек./24 ноября.

[...] Ян чувствует себя плохо, тревожно. Беспокоит будущее. Денег мало. Как проживем в Париже? Говорили об издательстве в Белграде. Что послать? «Избранные рассказы», «Окаянные дни», «Книжку новых рассказов»? На вечер надежды мало. Да и кто будет продавать билеты?

Все вспоминается тон голоса Ек. П., когда она говорила, что у большевиков что-либо хорошо. Все же она подсознательно хотела оправдаться, мой слух не обманешь, интонация выдает. [...]

20/7 дек.

Потрясены смертью Юл. Ис. Айхенвальда[12]. Ян, как прочел, так и упал на спину. А затем у него было такое же выражение глаз, как при известии о смерти Юлия Алексеевича. И за обедом он был грустно-расстроенный, все молчал. [...]

Целый день мелькают в голове картины встреч с ним. Вспоминается, как мы раз ехали вместе из Киева в Москву и часами просиживали в вагоне-ресторане,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

споря о женщине. Он считал, что назначение женщины — быть женой, матерью и что все курсы от лукавого. Назначение женщины — страдать, особенно, как матери. [...]

Оказывается, было знаменитое собрание, был завтрак на 12 персон с Гукасовым. Шмелев неистовствовал, кричал о кружковщине и неуважении к писательскому званию. Всем было неловко. Ни Тэффи, ни Зайцев, ни Яблоновский его не поддержали, только Куприн пробормотал что-то несвязное о «Куполе Св. Исаакия». [...]

В общем, собрание было неудачным (передаю со слов Маковского). Гукасову были открыты карты, о которых ему не нужно было знать, и этим закрепилась кабала.

Концерт в пользу журналистов провалился, не дал ни копейки, но вызвал много прошений. [...]

10/23 дек.

[...] Вчера было письмо от Фондаминского. Очень интересное начинание — издавать биографии-романы. Предлагают и Яну. Пока согласились: Алданов — Александр I, Цетлин — Декабристы, Ходасевич — Пушкин, Зайцев — Тургенев. Яну предлагали Толстого, Чехова, Мопассана, но он согласился на Лермонтова[13].

«Вере Николаевне передайте, что фельетон[14] ее имел успех — все хвалят». А мне даже жутко, хотя — не скрою — весело. Только страх, что больше не напишу. [...]

Верное чутье было у меня, когда я еще нашему книгоиздательству [в Москве. — М. Г.] предлагала выпускать художественные биографии. Никто не отнесся к моему проекту серьезно. [...]

14/27 декабря.

[...] Пришла книжка Зурова «Отчина». Это исто-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

рическое описание Псково-Печерского монастыря. Он весной работал в монастырской библиотеке, сделал зарисовки букв, концовок, водяных знаков и кожаных тиснений. В этой библиотеке он обнаружил заброшенную икону с рисунками обители конца царствования Ал. Михайловича и богатую киноварными буквами рукописную книгу XVII века государева дьяка Мисюря Мунейхина. Названа его книга «Отчина». Написана просто, сжато, с древними словами. Молодец. Значит, у него серьезные задания. Хорошо, что он религиозен.

Он в письме сообщил Яну, что ему было 16 лет, когда он стал добровольцем, значит, ему 26. Был в Праге (Г[алина] вспомнила его), но доктор посоветовал уехать оттуда из-за здоровья, — он был дважды ранен. Служил в «Перезвонах»[15] секретарем. Прислал свою крохотную фотографию. Лицо приятное, хотя, вероятно, он самолюбивый человек и с характером. Г. написала ему письмо[16]. [...]

«Анна» [Б. Зайцева. — М. Г.] — хороша. [...] Я рада, что он работал у нас хорошо. Смешно, что в такую жару он писал так хорошо вьюгу, мороз. Интересная черта. Ведь и Ян много зимних рассказов написал на Капри, а о Цейлоне писал в Глотове зимой, в стужу. [...]

Вчера гуляли с Галей по дороге в С. Валлье. [...] Говорили о литературе, о Рощине, жалели, что он многого не понимает, едва ли будет совершенствоваться. Она опять говорила, что весной хочет писать повесть из 17-18 годов. [...]

28 декабря.

[В дневник вклеена фотография Ю. И. Айхенвальда, вырезанная из газеты.]

[...] Письмо от Зайцева: «Юл. Ис. был в гостях

Для сайта BOOK-OLDS.RU

у Татаринова, находился в очень подавленном и мрачном настроении. Говорил, что надежд никаких нет, и жить *не стоит.* Вышел и на бульваре [...] — трамвай идет совсем рядом с аллеей — по близорукости своей и попал под вагон. Трамвай так его придавил, что пришлось поднимать вагон специальным краном, подъемником! Но, видимо, он сразу оказался в бессознательном состоянии. Изуродован ужасно, выбиты зубы и т. д. В больнице у него был брат Вышеславцевой и видел его, но Юл. Ис. в себя так и не пришел. Очень многие в Берлине его любили».

Милюков возражал Зайцеву против панихиды от Союза. «Мы не конфессиональное учреждение». Поддержал Зайцева Аминад [Дон-Аминадо. — М. Г.]. Панихида состоялась — народу пришло мало, большинство — евреи. [...]

29/16 дек.

[...] Мне письмо от Оли Иловайской[17]. Она о старом Пимене ничего не помнит. И как она далека от литературы — не понимает, что мне нужно[18]. [...]

Тяжело бездетным женщинам невыносимо. [...] Умрешь и никого не оставишь, некому тебя оплакивать, некому за тебя молиться. Верно, что евреи — мудрый народ — считали, что бездетность — это наказание за грехи. Так оно и есть. Поняла я это слишком поздно.

31 декабря.

Проснулась рано. Слышу, Ян уже встал, стала одеваться. Он вошел ко мне, когда я не была еще готова, очень ласково поздоровался — признак хороший, значит, уже во власти работы.

[...] В Каннах было приятно. Ян был какой-то давно прошедший. Купила себе дневничек французский, но очень приятный, в черном мягком переплете. [...] Послали Галининой бабушке 100 фр. [...] Ян под-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

стригся, а я на этот раз не пошла к парикмахеру, съэкономила на дневник. Пили кофе у англичан, купили Галине конфет. [...]

Возвращались в первом классе. Мы мало говорили. Ян все читал, но было редко хорошо. Потом Ян встал и неожиданно поцеловал меня. Потом мы говорили, что послать мне в «Посл. Н.». [...] Потом я рассказывала об Эртеле. Как думаю написать[19]. [...]

1929

[Из записей Веры Николаевны в дневничке «в черном мягком переплете»:]

1 января 1929 г. (новый стиль)

[...] Ян спросил: «Зачем писатель зачеркивает? Затем, что хочет уничтожить. А потом — веяние Гофмана, Щеголева — стараются восстановить варианты. От этого повеситься надо!». [...]

Да, — сказал Ян, — только Достоевский до конца с гениальностью понял социалистов, всех этих Шигалевых. Толстой не думал о них, не верил. А Достоевский проник до самых глубин их.

3 января.

[...] Ян спрашивал о моих работах. Говорили об Эртеле, об Овсянико-Куликовском. Рассказала ему о плане. Он одобрил.

Открытка от Н. Ив. Кульман: «Журнал в Сербии провалился из-за интриг». Мережковских это зарежет. [...]

6 января.

[...] Утром он позвал меня: скончался Николай Николаевич[1]. Он очень огорчен, печален: «Думал ли я, когда я видел его 40 лет тому назад на Орловском

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вокзале, когда он ходил по платформе, — он вез прах отца, — был блестящ, молод с рыжеватыми кудрявящимися волосами, — думал ли я, что наши жизни столкнутся, что поклонюсь его праху в Антибах».

Решили завтра ехать в Антиб. Говорили, что прошлая Россия ушла, что для него лучше, что он умер, ибо едва ли что-либо, кроме горестей, у него было бы.

— Да, конечно, — сказал Ян, — ведь все лучшее погибло в войне, общей и гражданской. [...] В правых рядах остались лишь худшие. [...]

7 января.

Наше Рождество. День хороший, но холодно. Едем на панихиду по Николае Николаевиче. Подъехали к вилле Тенар на автомобиле около трех. Белый простой дом стоит в глубине двора широкого поместья. [...] У дома офицер в форме. [...] Входим, нечто вроде вестибюля, где толпится народ. Проходим в залу, где в гробу лежит Ник. Ник. Комната высокая в 3 окна, одна дверь; вероятно, другие завешены красного тона плюшевыми драпри. В щели пробивается солнце. Гроб дубовый, очень глубокий, — такого я не видала, — стоит на низких подставках, что тоже необычно. [...] Николай Николаевич в черкеске, очень высок, стал очень худым, пропала грудь. Поразила правая рука, далеко вышедшая из рукава, она крепко держит резной черный крест. Почетный караул по обе стороны гроба. При нас сменился, стали казаки, высокие, стройные, серьезные в своих черкесках. Тишина. Простота. Молодой человек в визитке читает Псалтырь. [...]

Я, когда подъезжала, очень волновалась при мысли о величии смерти, о том, что всякий у нас может прийти и поклониться покойнику. Когда вошли в залу, волнение еще усилилось от простоты в соединении с серьезностью, почетного караула и немногих присут-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ствующих. Около стены огромный венок, прислоненный к крышке гроба, на которой прибита металлическая доска с надписью Nicolas Nicolaevitch. Вероятно, Nicolaevitch сочли за фамилию, а потому и начертали крупнее. За изголовьем, в углу, столик, покрытый белой салфеткой, с образами.

Панихиды ждали около часу. Ян волновался сильно, особенно, когда пришли казаки в черкесках и сменили караул — у него ручьем по щеке текли слезы. Было чувство, что хороним прежнюю Россию. Да, вот живешь, как будто даже все зажило, а чуть наткнешься на что-нибудь, так оказывается, что рана обнажена, и больно, очень больно.

К панихиде вышли Петр Николаевич с супругой, его дети — все в глубоком трауре. Служил Каннский батюшка, как всегда, хорошо. Пел казачий хор. После панихиды родственники подошли к гробу первыми — Петр Николаевич, за ним Милица Николаевна. Опустились на колени, помолились, поцеловали крест, руку, а Милица Николаевна еще и орден, георгиевский крест. Потом подошли племянники, его пасынок, падчерица, затем и остальные. Наши не пошли, а я прощалась. Вблизи поразило лицо, — стало маленьким, не похожим на портреты. Запаха не чувствовалось. Много принесли венков, были и трогательные пучки цветов, белая гвоздика, например. [...]

Петр Николаевич и Милица Николаевна низко поклонились всем и «отбыли во внутренние покои». [...] Петр Николаевич, который совсем не похож на Николая Николаевича, очень похож на Александра II, был очень взволнован, то и дело вынимал носовой платок.

Когда мы вышли за ворота, то розовые снега на горах поразили нас красотой. День был изумительно прекрасный. Мы отправились пешком до площади, где автобусы. Сели. Много русских[2]. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 января.

[...] День обещал быть тоскливым, нудным. И вдруг Георгий Иванов[3]. Приходу его были рады, ведь давно не видали знакомых.

Они завтра уезжают. Жили у Винтерфельда. Будто у Одоевцевой плеврит. [...] Поболтать было приятно. Он пишет роман, она пишет роман. Он завидует нашей жизни, но она не может жить нигде, кроме Парижа. [...] Едва выжила месяц в Бретани. [...] О Ходасевиче он сказал: он умен до известной высоты, и очень умен, но зато выше этой высоты, он ничего не понимает. [...]

9 января.

[...] Письмо от З. Н. [Гиппиус. — М. Г.]: Чехи прекратили пособия — это минус 380 фр. [...] О французах ничего не известно. В Зеленой Лампе З. Н. читала об эмиграции. [...]

Ян все не придет в себя, все волнуется. Смерть Ник. Ник. выбила его из рабочей колеи. [...]

17 января.

[...] Ян очень волнуется, как и чем будем жить. После смерти Ник. Ник. он бросил писать.

20 января.

[...] Ян вспомнил, что в день смерти Эртеля он отправился в анатомический театр, и груды кусков тела, трупы уничтожили у него страх смерти. Долго опять говорили об Эртеле. Ян хочет сегодня начать писать о нем. Как он мало оценен. О его личности никто ничего не знает.

Ян сказал: «Не нужно было ездить на панихиду по Ник. Ник. До сих пор не могу успокоиться». И правда [...] его художественное настроение гораздо более хрупко, чем самое тончайшее стекло.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23 января.

[...] Подсчитали — на Бискру денег не хватит. Решено: ночевка в Марселе, потом Дижон, где, если понравится, проживем еще месяц. Это, пожалуй, не глупо.

24 января.

[...] Ян пишет об Эртеле[4]. [...] Пришли 2000 фр. из «Посл. Новостей», [...] 3000 фр. от французов. [...]

26 января.

Ян плохо спал. Подсчитал: в Дижоне жить нельзя, нельзя в Париж приехать без копейки. Он прав.

Из письма Амфитеатрова[5], полученного сегодня: «Знаете ли, мудрено даже выразить мое восхищение этою Вашей вещью: до того она растет из книги в книгу. Недавно в одной итальянской лекции о русской литературе я сказал, что из Вас вырастет русский Гёте, но покуда без «Фауста», которым, однако, по всей вероятности, станет «Жизнь Арсеньева». Это было еще до 3-ей книги. Теперь слова мои подтверждаются. [...]»

31 января.

[...] В Каннах дали телеграмму Нилусу, что с 18-ого берем квартиру. Пили кофий у англичан. [...]

В 5 ч Марсель. Доехали до старого порта, но темно было и того волшебного впечатления, как в ту месячную ночь 18 лет тому назад, не было. [...] Решили остановиться. Будет стоить столько же, даже дешевле, чем приехать ночью в Париж, а устанем меньше. [...]

1 февраля.

[...] Ночью было крушение поезда на главной магистрали, а потому мы до Валенса ехали окружным путем. [...] В Дижон приехали около 8 ч. вечера. Взяли 3 номера вразброд, по 25 фр. Обедали. [...] Вы-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пили 3 б. вина, и я чувствую себя так, как давно не чувствовала.

2 февраля.

[...] Купила на вокзале завтрак-коробку, на трех хватило и всего 14 фр. Ехать было очень хорошо. В Париже [...] 2 часа ездили, нашли [комнаты. — М. Г.] лишь в International. Вечером у Цетлиных. [...]

3 февраля.

[...] М. Ал. [Алданов. — М. Г.] [...] как всегда, мил, любезен и пессимистичен. Завтракал он с Деникиным, который уехал из Капбретона из-за Бальмонта: «вечные скандалы, требование вина, пива в 3 часа ночи. А когда предлагали воды, он говорит — Бальмонту воды?! Поэту воды?! — Стыдно было перед французами». [...]

4 февраля.

[...] Завтракали у Зайцевых. Встретили по-родственному. Верочка тиха и печальна. Много всяких неприятностей. [...]

6 февраля.

Переезжаем на рю дю Бош, где жили Михайловы. Берем пока комнаты. [...]

10 февраля.

[...] отправились на вечер евразийцев[6]. Кое-что узнала нового: Евразийцы за православную Всем[ирную] Церковь. Они открыли Федорова[7], философа, библиотекаря Румянцевского музея (с ним переписывался Эртель).

Ильин[8] отбивал нападения, что евр[азийцы] близки по духу к большевикам. — Эта близость — веревка на шее удавившегося. Они дети славянофилов. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Евразийцы прежде всего свободны. Христос принес свободу личности.

Первым говорил Федотов[9]. [...] Вышеславцев[10], танцуя, остроумно говорил о марксистской философии, как очень элементарной. [...]

11 февраля.

[...] Вечером [...] к Зайцевым. Было человек 25. Боря читал «Анну». Я кончила бы на предпоследней главе. [...] Мы уехали раньше всех. Верочка была недовольна.

13 февраля.

[...] Потом Яна расспрашивали о «Жизни Арс.». [...] он кратко сказал: «Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и большевизм, и приходит к тому, что жизнь выше всего, и тянется к небу». [...]

15 февраля.

[...] Предложение вместо вечера «постричь» несколько человек. Не знаю. Но, если бы миновала чаша эта, была бы счастлива и довольна. Мотив: «Нужно сберечь Бунина».

Но общее впечатление очень печальное. Я как-то поняла, что почти никому наш приезд не доставил удовольствия. Пожалуй, пора уйти «под сень струй».

Портит мое настроение и предстоящий вечер. Напрасно мы не пожили в Дижоне. Меньше истратили бы денег и нервы были бы покойнее.

16 февраля.

Был Шмелев. Похудел. Стал тише. О себе говорил в более спокойных тонах. Устроил радио, восхищается. Рассказывал об обеде Гукасова, когда он всех громил. Оказывается, его «панораму» Маковский не хотел печатать, ибо ему «не позволяет редакторская

Для сайта BOOK-OLDS.RU

совесть давать такой мрак читателям». Хвалил Бальмонта, восхищался его стихами «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Бальмонты теперь под Бордо. [...]

21 февраля.

Вернулись от Шмелевых, радушно угостили. [...] Ив. С. был тих, он увлечен радио. Мы слушали вечерню из Лондона. Решили завести радио и себе. Шмелев рассказывал, как его пороли, веник превращался в мелкие кусочки. О матери он писать не может, а об отце — бесконечно. [...]

22 февраля.

Переезжаем. [...]

24 февраля.

Приходил прощаться Илюша [Фондаминский. — М. Г.]. Едет с радостью на Бельведер. Был и Алданов и Лоллий Львов. [...]

26 февраля.

Вернулись с говорящей фильмы[11]. Любопытное изобретение. Но человек все больше и больше вытесняется машиной. [...]

27 февраля.

[...] Готовлю обед. Был Рощин. Ни копейки! Забегал он и к Нилус. У них уже желтая повестка —если не заплатят до завтра полудня, то придут описывать. Я покормила Рощина, но дать могла лишь 3 фр., а Ян 2 фр., т. к. у самих одни долги. Сказала ему, чтобы он пришел обедать в воскресенье. [...]

2 марта.

[...] Была Нина Берберова, вся в зеленом, проста, решительна и беспощадна. П. Ал. [Нилус? — М. Г.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вздумал при ней читать рассказ. Она, даже не слушая его, сказала, что ей пора домой. Потом, выслушав, сказала Галине: «Пойдем» и увела ее в ее комнату. П. Ал. читал очень тихо, сконфузясь. Вот олицетворение беспощадности молодости! А у меня разрывается сердце от жалости к людям.

У Тэффи было многолюдно, просто и, если бы не моя болезнь, приятно. Но драло горло ужасно. Я почти все время молчала. [...] Много видела тех, с кем начинали эмиграцию, и как все постарели.

6 марта.

[...] Милюков сравнивал свой юбилей с «Зарубежным съездом»[12] и нашел его «более удачным, чем съезд 1926 г. — съезд демократии». — Вот поистине бог бестактности.

17 марта.

Завтракали у Ельяшевич. [...] Гуляла по Елисейским полям с Ф. О. Она «презирает себя», что не изменяла мужу. «Было много, много искушений». [...] Мне как-то не представляются искусители. [...]

19 марта.

[...] Степуны обедали. Он, как всегда, был блестящ. В нем редкое сочетание философа с художником. М. б. одно другому мешает, но в обращении он прост, неистощим. Наташа [жена Степуна. — М. Г.] прелестна, в этот раз мне понравилась куда больше. Я как-то поняла, что ценит в ней Степун и чем она дорога ему. Она, конечно, идеальная жена и своего легко не уступит. [...]

20 марта.

Зашла вечером к Мережковским. У них Адамович, — готовятся к «Зеленой лампе», кот. будет в понедельник. Читает Оцуп[13] «Гоголь и Белинский»,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но «незабудки тут для шутки», Белинский неинтересен. Нужно взять Гоголь и христианство, почему Гоголь «не вместился в христианство? А м. б. в церковь?» — «Он попал в щель между церковью и христианством. Он самый мрачный писатель. От него пошел нигилизм. Он сам — хаос».

Я поняла, что им просто хочется внедрять свои идеи — а все Оцупы лишь терпятся, т. к. нет лучших. Удивительная у них энергия, свежесть чувств, как будто они только начинают жить. [...] Дм. С. хочет читать об Атлантиде и ею обрабатывать «молодежь».

24 марта.

Лекция Степуна. [...] Степун был блестящ. Умерен, изящен. Революцию делает молодежь, преступники и фантазеры. Результаты положительные — вопреки революции. [...] Он считает революцией настоящей только большевицкую.

Прений я не слышала. Пошли с М. Ал. [Алдановым. — М. Г.], Тэффи и Зайцевым «праздновать наше десятилетие». Сидели в кафе. [...]

26 марта.

Вчера на «Зеленую лампу» Мережковские не приехали — заболела З. Н. [...]

1 апреля.

Вечером пошла [к] З. Н. Думала, никого не будет, но Манухина пришла. [...] Разговор о Розанове[14]. М. принесла «Темный лик», только что прочла. — «Розанов, по-моему, возрожденец. Христа не понимает, как русские крестьяне. Он слишком любит плоть и все через нее». «Я согласна, что начало 20 в. в России было веком Возрождения».

14 апреля.

Волнуюсь о вечере. Едва ли продадутся все билеты.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Впервые была у Мережковских на — «Воскресенье». Пришла первая. У З. Н. опять процесс в легких. Печень, селезенка. [...] Дм. С. читал о «Содоме и Сионе» [...], об однополой любви. Было занятно и слушать, и смотреть на тихих мальчиков, чинно сидевших в ряд. Была и Одоевцева. За мной пришел Ян.

17 апреля.

Вечер Яна у Цетлиных.

[Записи возобновляются уже в Грассе:]

5 мая.

[...] Вчера в 12 ч. мы с Илисом [Фондаминским. — М. Г.] разговлялись скромно в кухне. Ян уже спал. Я подарила каждому по шоколадному яичку, влитому в скорлупу с раскрашенной физиономией.

6 мая.

[...] Проснулась с мыслью, что в жизни не бывает разделенной любви. И вся драма в том, что люди этого не понимают и особенно страдают.

Завтракали в кабинете с Яном. Я всегда испытываю счастье, когда он после болезни начинает жить нормальной жизнью. Особенно остро я чувствовала это на Суэцком канале в 1910 году на Рождестве [...]

11 мая.

Из письма Карташева (открытка): «Пасха была радостная. Кедровы вернулись из Америки в вел. Пятницу и украсили нашу заутреню свои пением. Было хорошо, полно, все устроилось густо по-русски: красные свечки, колокола, масса народу. Нет выше нашей богослужебной красоты, особенно, если знать богослужение».

Всегда, при всяком общении с Карташевым я испытываю трудно-передаваемое впечатление чего-то

Для сайта BOOK-OLDS.RU

настоящего, большого. [...] О чем бы он ни говорил, всегда глубоко, интересно и значительно. Всегда самого интересного коснется, самое важное затронет. [...]

21 мая.

«Есть чему улыбаться, если бы ты знала, в каком я напряжении уже 3 дня, и ничего не выходит. Зачем я озаглавил 'Жизнь Арсеньева'!» «Писать трудно, или уже надо было писать автобиографию или совсем другое». «Прав Кульман, когда говорил, что нельзя печатать неоконченную вещь».

Я успокаивала, говорила, чтобы он издал написанное, а там, что Бог даст. Он немного успокоился и просил принести ему снизу оттиски Ж. Ар.» — значит, еще не потерял надежду.

— «И как трудно — уже дошел до живых лиц, многие еще не умерли». Был ласков, нежен, как бывает в редкие минуты. [...]

26 мая.

Письмо от Ек. М. [Лопатиной. — М. Г.]: приезжает сегодня к нам. [...] Ек. Мих. мила. Много говорили о церкви. Д. опять перешел в католичество. В Риме к нему отнеслись милостиво. Теперь он в монастыре и Папа велел быть с ним милостивым, т. к. он «âme Slave». А Каллаш про него сказала, что он взял визу «aller et retour».

27 мая.

[...] Ездили мы с Яном в Канн. [...] Ян купил белый картузан и синюю полосатую курточку — мой выбор. Все одобрили. Галине купили красные туфельки ночные, а я себе — голубые, Ек. Мих. — зубную щетку, а Ил. Ис. — торт. Словом, это был день подарков. Все были веселы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

28 мая.

[...] Ян восхищаясь Ек. Мих. говорит: Я сказал ей, что когда покупал куртку, посмотрел в зеркало и подумал: «Не хорош стал!» А она напомнила мне: «Помните, мы шли по Арбату и вы говорили — чувствую, мир перевернуть могу, а шея гусиная длинная, и в тяжелых калошах!» «Нет, — прибавил Ян, — я и молодым кое-что понимал».

5 июня.

Ек. М. в восторге от рассказов Галины. Она думает, что из нее получится настоящая писательница. [...]

6 июня.

Проводила m-me Lopatin. [...] В это свидание с Ек. Мих. я много от нее получила. Она рассказала мне все свои главные романы. [...] Ек. Мих. до сих пор молода, чувственно воспринимает жизнь, полна интереса и вкуса к ней. [...]

17 июня.

Опять прогулка наверх, опять лунный пейзаж — слоистая гора, вековой дуб, кипарисы. Ян мечтал жить там.

Разговора не было. Так, перекидывались фразами. [...]

20 июня.

[...] За завтраком мы с Ил. Ис. говорили о Мережк. о том, как с ними трудно работать, что без ссор З. Н. не может. [...] Очень хвалил, даже восхищался Яном, за то, что он тактичен и умен. Не дает в «Посл. Нов.» статьи, которые им печатать невозможно. А З. Н. всегда это делает. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21 июня.

Письмо от М. Ал. [Алданова. — М. Г.]. Он в «еще более мрачном настроении, чем обычно». [...] Мы долго говорили о нем, хвалили за ум, за работоспособность, несмотря на его «поднятый воротник». Я говорила, что его главная мука — это боязнь заболеть психически. [...]

23 июня.

[...] Статья Философова о Степуне. Разнес его в пух и прах, чувствуется тут вмешательство З. Н. Местами Философов остроумен, местами несправедлив. [...]

28 июня.

[...] Илюша вдруг заговорил как-то особенно хорошо: — Когда вам будет очень плохо или тяжело, скорее идите в свою комнату и старайтесь заняться чем-нибудь интересным. И кричать не надо.

— Это верно, но я кричу, когда мне уж побить человека хочется. Конечно, отчасти это от печени.

— А мне иногда на стену лезть хочется или головой о нее биться, а я сдержусь — начну читать что-нибудь интересное и все проходит.

Когда он все это говорил, лицо его было необыкновенно прекрасным — точно пробегали по лицу какие-то неземные тени. Я не удержалась и сказала ему, что я очень благодарна ему за все. Он удивился, встрепенулся. [...]

— Вот все вас добрым называют, но дело тут не в доброте. Вы и строгим и даже суровым быть можете, а главное, в вас высокий строй, что реже и ценней.

Он, кажется, обрадовался этим словам и согласился:

— Вот, дураки, меня не понимают — добрый,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

размазня. А у меня, когда я молод и здоров был, энергия с пальцев стекала.

29 июня.

Сейчас прочла в «Пути» — «Мистика Райнера Марии Рильке» и восхитилась Рильке. Я совсем не знала его. [...]

3 июля.

[...] Начала 2-ой том Пруста. Гораздо прозрачнее первого. [...] Не успела ничего сделать по-английски. Скучно как-то без Илюши. У него драгоценная черта — от всего брать maximum и всему радоваться. Как жаль, что у него нет детей, он был бы хорошим отцом. [...]

Перед отъездом он внезапно сказал: — А есть у вас образ? — Я показала ему образок Яна, благословение матери. — Хорошо бы повесить его в столовую. А? — Я поняла, ему самому неловко, а хочется, чтобы дом был благословлен.

9 июля.

[...] Ходили с Яном по саду, говорили о том, что он пишет, т. е. об интеллигентных революционерах. — «Это самое трудное, пожалуй, из всего, ведь надо написать целый класс людей, не впасть в шарж».

10 июля.

[...] Была у З. Н. Поняла, почему ей хочется меня, тут все дело в Яне. Она не все понимает, [...] решила сдержаться и передать Яну все в смягченных тонах.

И какое непонимание у З. Н. Яна и всех человеческих чувств, какое неумение смотреть на все со стороны. Что тут удивляться Галине, когда существует Володя? [Злобин. — М. Г.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

22 июля.

[...] Была у Мережковских, взяла следующие тома Пруста. [...] Они все очень огорчены, что не будет войны с Китаем. — «А вот все Илюши, Милюковы за величие России». «Илюша очень хороший, но он не русский, не чувствует России по-нашему, он хороший еврей». «Вишняк не принял статьи Адамовича, где тот доказывает, что искусство не должно быть для искусства». [...]

23 июля.

[...] Горевала, что 7 лет потеряно из-за кухни. Надо нагонять, пока еще есть силы и возможность. [...]

24 июля.

[...] Звонок по телефону. Неклюдов. — Можно ли зайти? — Пожалуйста, очень рада, только я одна дома.

Пришел. [...] Он знал Тютчевых и Анну Федоровну и Китти-красавицу[15]. Знал и отца их, рассказал, почему его дипломатическая карьера была окончена. Его назначили в Турин, где в то время был очень скучный двор. Все уехали в отпуск, оставив Тютчева за старшего. Ему стало скучно и он удрал во Флоренцию. [...] выясняется самовольная отлучка Тютчева. Николай I отозвал его и больше не назначал Т[ютчева] заграницу. [...]

30 июля.

Письмо [из России. — М. Г.]: «У нас упорно говорят, что Академия Наук рассматривает вопрос об уничтожении буквы М, т. к. в ней миновала всякая надобность за отсутствием мяса, масла, муки, молока и пр. Остался один Микоян, но ради одного слова, не стоит сохранять целую букву». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31 июля.

[...] Ян кончил следующую книгу «Арсеньева». Очень сильно.

Какие-то органные, надземные в ней есть звуки.

1 августа.

[...] Письмо Яну от И. И. [Фондаминского. — М. Г.]. [...] Предлагает издать «Арсеньева». [...] Просит написать о Чехове. Роман Сирина[16] — «настоящего мастера» — интересен и бездушен. Зайцев уже продал 75 экз. «Анны». [...]

6 августа.

[...] Был Адамович. Он считает Марину Цветаеву умнее Ходасевича, хотя Ходасевич никогда не скажет глупости, тогда как она — сколько угодно. [...]

9 августа.

Приготовили комнату для Капитана. Кончается моя уединенная жизнь в «собственной» комнате. Опять туда и сюда. [...]

10 августа.

[...] После завтрака мы с З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] долго разговаривали: [...] 1) о Прусте она сказала, что он все возится с личностью и это ценно, 2) Об «Я». Я сказала, что с некоторых пор стала чувствовать что все, чем оно было засорено за годы жизни, стало отставать и я стала чувствовать его так, как в 5, 6 лет. Она сказала, что это начало мудрости. 3) О Шестове: «Шестов очень способный, но у него нет Бога. Вот почитайте Шеллинга». [...]

2 сентября.

[...] Ян был в Ницце у Зайцевых, я — у З. Н. [...] Ходасевич написал З. Н., что Ян очень доволен его рецензией. Я передала ей письмо Яна, в котором он

Для сайта BOOK-OLDS.RU

благодарит «за поддержку коммерции». Она очень удивилась. [...]

3 сентября.

[...] Вспоминаю, как З. Н. говорила о своих сестрах. Она их действительно любит. Даже лицо у нее делается добрым, просветленным. Ее сестра Татьяна, оказывается, духовный, кроткий человек, настоящая христианка. Она в тюрьме всех мирила, о ней очень жалеют. Арестовали ее из-за провокатора.

Я расспрашивала, похожа ли она на З. Н. — «Нет, совсем, она кроткая. Она художница. А другая сестра — скульпторша». Последнюю З. Н. считает талантливей.

[Возобновляются записи И. А. Бунина. Видимо отрывки переписаны из уничтоженного им дневника:]

11. IX. 29.

Завтрак в Antibes у Сорина — с Глазуновым[17] и его женой, Тэффи и Тикстоном. Глазунов вполне рамоли, тупой, равнодушный, даже сюртук как на покойнике. «Вернетесь в Россию?» — «Да-а... Там у меня много обязанностей... Относятся ко мне чрезвычайно хорошо...» И даже рассказал, как кто-то очень важный снял с себя и возложил на него цепь с красной звездой. Получает 200 р. пособия большевицкого.

[Из дневника Веры Николаевны:]

17 сентября.

[...] Ян читал главу из романа Сирина. [...] Сирин человек культурный и серьезно относящийся к своим писаниям. Я еще не чувствую размера его таланта, но мастерство большое. Он, конечно, читал и Пруста и др. соврем. евр. писателей, я уж не говорю о классиках. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 сентября.

[...] У З. Н. живая переписка с Ходасевичем, который в последнем письме издевается над Степуном[18].

25 сентября.

[...] Пришел мой «Овсянико-Куликовский»[19]. Галина обрадовалась больше всех. [...]

13 октября.

Одна в Ницце. Странное чувство. Город кажется мертвым (воскресенье). На набережную не выходила, боюсь встретить знакомых. Хочется один день провести в уединении. [...]

Идя на вокзал, я вдруг поняла, что не имею права мешать Яну любить, кого он хочет, раз любовь его имеет источник в Боге. Пусть любит Галину, Капитана, Зурова — только бы от этой любви было ему сладостно на душе.

14 октября.

За Всенощной чувствовала себя такой, как в 8 лет — то же чувство непонятности жизни. [...]

Как-то не так надо жить. Что-то настоящее мы упускаем.

Причастие меня взволновало меньше, чем в прошлый раз, в Великую Субботу. На мгновение почувствовала свою одинокость, ни единой души близкой в церкви. [...]

29 октября.

Были Кульманы. [...] О Шмелеве говорят уже со сдержанным восторгом, о Бальмонте — с умилением. [...] По правде сказать, Кульман гораздо лучше сочетается с Шмелевым, чем с Буниным. [...]

Они очень нормальные люди: наслаждаются жизнью, когда нужно, горюют, когда полагается,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

словом, нет неврастении, какая есть в каждом из нас — зачем, к чему? [...]

13 ноября.

У Мережковских «как пышно, как богато». В отличном настроении. Премия Нобеля, данная Томасу Манну, не расстроила. Д. С. развивал мысль, что будет хуже. Деньги истратишь, а уже после этого никто не поможет, а разве это много?

19 ноября.

[...] Ездила с Яном в St. Jacques. Все ищем дом на круглый год. Там хорошо, тихо, совсем деревня, есть поместье, но летом, вероятно, очень жарко.

От Зурова никаких вестей, стало от этого тревожно[20].

23 ноября.

Утром шум. Я кончала молитву. Вышла в переднюю: вижу высокий молодой человек с чемоданом и Капитан. Значит, Зуров приехал, как и думали — приедет неожиданно. Сразу бросилось в глаза, что на карточке он не похож — узкое лицо, менее красивое, нос длиннее, глаза у́же и меньше — но приятные.

Ян уже встал, но еще находился в спальне. [...] читал корректуру «Жизни Арсеньева». [...] Ян вышел на шум, в очках и знакомство состоялось. [...] Зуров вспыхнул, вытянулся по-военному, просто, сдержанно поздоровался. [...]

Зуров привез каравай черного мужицкого хлеба, коробку килек, сала, антоновских яблок, клюквы и нам по маленькой корзиночке, с которыми дети ходят по грибы, по ягоды.

Впечатление приятное, простое, сдержанное. Много рассказывал о Латгалии (части б. Псковской губ.), где он бродил последние годы. Народ наш он знает, любит, но не идеализирует. За обедом пили водку

Для сайта BOOK-OLDS.RU

под кильки. Потом говорили о народе, о литературе. Ян прочел «Я все молчу» и «Темир». [...] Зуров слушал внимательно, местами хорошо улыбался. Вообще улыбка его красит. У него хорошая кожа, густые брови, белые зубы, красивое очертание губ, хотя рот мал.

29 ноября.

Газеты принесли известие о смерти Надежды Ивановны Алексинской. Я весь день вижу ее бодрой, оживленной — то в белом больничном халате, то в изящно-простом платье за обедом в вилла-жюифской столовой. [...] Мне пришлось наблюдать Н. И. в два периода моей жизни и оба раза в госпитале «Вилла Жюиф». [...] трудно было не восхищаться ею. [...]

[Из переписанных Буниным записей:]

?-XI-29.

Солнечный день, на пути в Cannes — обернулись: чисто, близко, четко видные полулежащие горы несказанно-прекрасного серого цвета, над ними эмалевое небо с белыми картинными облаками. Совершенно панно.

30-XI-29.

Если бы теплая, большая комната, с топящейся голландской печкой! Даже и этого никогда не будет. И уже прошла жизнь. [...]

[Записи Бунина возобновляются лишь в 1931 году. Из записей Веры Николаевны:]

3 декабря.

[...] З. Н. говорила опять о Савинкове, об его трещине, которая выявилась и в его романах. Вечная мука — можно ли убить? — Вероятно, ни Пилсудский, ни Муссолини об этом не мучались. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9 декабря.

[...] Вечером долго разговаривали с Питомцем [Л. Зуровым. — М. Г.]. Он рассказывал об Острове, об имении дяди, где он проводил лето (в 45 в. от Острова). Он знает помещиков, купцов, крестьян. Ян прочел его «Псковщину» — отдельные заметки, она еще не кончена. Ян сделал несколько замечаний.

12 декабря.

[...] З. Н., видимо, хочет видеть Зурова. [...] вероятно, и любопытно, и уже враждебно настроена. [...] Затем, оказывается, Ходасевич обижен на Яна, что он недоволен его статьей, что он называет его «символистом». Затем еще обижен за то, что Ян пишет о символистах. Затем, оказывается, что Яну платят монархисты. Вот до чего додумываются!

18 декабря.

[...] Гуляли вечером втроем: Ян, Скабарь [Зуров. — М. Г.] и я. Говорили о литературе. У Скабаря хороший вкус — из Тургенева «Первая любовь» и природа. Ян сказал, что хороша «Поездка в Полесье», его думы о жизни. Оценил Скабарь и «Семейное счастье» Толстого, о котором редко кто вспоминает. Ян похвалил его за это.

31 декабря.

[...] Он [Зуров. — М. Г.] всему радуется, на все обращает внимание, и это утомляет Яна. Ян [...] очень не весел. Томит его мысль о Париже. Денег нет, вечер устраивать трудно, а без него не обойдешься. Но я как-то спокойно на все смотрю, полагаюсь на волю Божью. Он же мучается. [...] От этого и в доме тяжелее стало. Яна все стало раздражать, и смех, и лишние разговоры. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1930

[Из рукописного дневника Веры Николаевны:]

1 января.

Францию с Новым Годом! Все-таки встречали его. Ян был очень грустен. Капитан со Скабарем все цапаются. [...]

4 января.

Поехали с Лосем [Зуровым. — М. Г.] на панихиду по Николае Николаевиче. [...] панихида в нижней церкви у надгробия Ник. Ник. Мы прошли совсем вперед. Народу уже было порядочно, в проходе шпалерами стояли, вероятно, военные, в самой церкви у стены — хор, молящиеся — Кутепов[1], Баратов и др. Странно казалось, что панихиду служат в белых и голубых ризах. Перед надгробием Вел. Князя, позади священников, стояла жена и родственники. [...] Я впервые видела жену Ник. Ник. — высокая, седая, в трауре, дама, похожа на сестру, но лицо мягче. После панихиды подходили поклониться могиле. По сравнению с летом стало наряднее: много цветов, всяких лент, зеленое Великокняжеское знамя, на кожаной подушке корона, на стенах — образа, лампады — все, что осталось от Империи, символы ее. Тяжело. [...]

Ходили по молу, рассматривали яхты. Лось превратился весь в зрение, обоняние, слух. Все его интересовало, кроме «дорогой жизни». Он, вероятно, даже отталкивался бы от «роскоши». [...]

6 января.

[..] Скабарь сорвал 3 ветви разных «елок» и стал мастерить «елку». Сделал хорошо. [...] Стали собираться на елку к Кугушевым. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

7 января.

Вернулись мы вчера поздно — в 12 ч. 30. Было очень хорошо и приятно. Хозяева отпраздновали Сочельник по всем правилам — и закуски, и индейка, и кутья, и взвар. Было всего много — по-русски. Елочка в углу над образом. [...]

8 января.

Вчера Кап[итан] говорил: если я уеду теперь, то вы подарите мне 100 фр., т. к. если я останусь, то буду стоить вам дороже. Ян возмущается. [...] Я предлагала Яну написать Фондаминским такой проект: мы останемся до 20 февр., а они зато до 1 июня. Ян не согласился. Мне же кажется, это было бы для всех исходом.

12 января.

[...] Ян говорит, что нам жить так с Фондаминскими больше невозможно. Нужно иметь свой угол, а то каково быть при наших средствах между небом и землей целых 3 недели. А мы никогда не были так бедны, как в этом году. Как выкрутимся, просто не знаю.

18 января.

Ездили в Канн, ле Каннэ. Смотрели виллы, комнаты в отелях. Что хорошо, то дорого. [...]

29 января.

С утра ужасное известие: «Кутепов исчез». Все думают — большевики. Все возможно. Утром в 9 ч. пошел в церковь и не дошел, шел по людным улицам. Непростительно, что он ходил один по улицам. Ведь нельзя допустить, что он сам скрылся. Он последний, кажется. Врангель, Ник. Ник., Кутепов. Кто за ним? — Миллер?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Пришло «Утро»[2]. [...] Галина взволнована, растрогана и печальна. [...]

1 февраля.

Ехали, как нельзя лучше — вчетвером в одном купэ. Немного спали. Галина и Скабарь на одной подушке, совершенно как младенцы. [...] Ян долго смотрел на них, потом сказал: «Боже, как мне жаль их. Скабарь — сирота. Никого нет. А малый он хороший». Решили, что Скабарь будет жить в нашей столовой. Он очень рад, что ему не нужно жить одному в гостинице. Нервен он очень. [...]

2 февраля.

[...] У Зайцевых боевое настроение. Хотят найти, во что бы то ни стало, Кутепова. Они мне напомнили 1905 или 17-ый год — горят! [...] Слухи: все организовал Игнатьев. [...]

3 февраля.

[...] Завтрак с Фондаминским. Он пополнел, посвежел. Говорил много со Скабарем. Скабарь рассказывал [...] о монастырях, о псковщине. Видимо, он понравился. [...] Потом пришел Алданов. [...] Боится будущего, безденежья. Опять говорил, что нужно будет поступать на службу. [...]

4 февраля.

[...] Со Скабарем прошли пешком от Лувра через С. Жермен, Сорбонну, Люксембургский сад к С. Сюльпис. Заходили в церковь St. Germain. [...] Скабарь ожи-
вает при виде старины. [...] Зашли к Фондаминским. [...] к Куприну. [...]

14 февраля.

[...] Завтракал Мочульский[3]. Он нравится — живой человек, умный, за всем следящий. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9 марта.
Ян со Скабарем у Шмелева. [...]

11 марта.
[...] Ян завтракал у Алданова. Были: Гучков, Маклаков, Мельгунов, Демидов, Вишняк, Ян. Гучков зло и раздраженно говорил о Николае II. Керенский[4] Яну понравился: «Хорошо поставлен голос. Держал себя приятно». [...]

16 марта.
[...] Мы с Яном зашли к Мережковским и спросили, можно ли Зурову придти на их «воскресенье». З. Н. милостиво разрешила: «Я прочла сегодня его в П[оследних] Н[овостях]. Он талантлив, но слишком все описывает, всякую мелочь, слишком его глаза насыщены. Нужно, чтобы он проявлял больше себя». — «Себя проявлять можно с 40 лет», — смеясь сказал Ян, «а пока пусть пишет, что видит, что хочется».
Потом за чайным столом З. Н. сама сказала Скабарю: «Я прочла Ваш фельетон и вот что скажу. [...] Одним глазом нужно смотреть на мир, а другим — в себя». [...]

5 апреля.
[...] Хочу записать о юбилее Ходасевича. [...] Юбиляр явился поздно, когда все были в сборе. Как всегда, изящен, немного насмешлив и, как редко, доволен. Аплодисменты. Грациозный поклон. Рукопожатие. Наконец, расселись. Стол с букетом цветов, с массою закусок. Я сижу чуть наискось от юбиляра и Яна, против М. С. [Цетлиной. — М. Г.], рядом с которой Ян. По правую руку Мережковский, по левую Пэти. [...]

13 апреля.
Вечер Яна.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 мая.

[...] Сегодня писательский обед. Мы с Галей идем в театр. Первый раз за все время во франц. комедии. [...] Из театра заглянули в «Ротонду», там Ходасевич, Цетлин, Алданов и Ян. Обедом довольны, хотя Ходасевич и ворчал, что дорого.

9 мая.

[...] Обед у Рахманиновых. [...] С. В. очень любезен. M-me и дочери остриглись. Таня [впосл. Конюс. — М. Г.] очень похорошела. Видела впервые Глазунова. Какой-то отрешенный человек с остановившимся взглядом. Рахманинов жаловался, что в музыке царит модерн.

12 мая.

[...] Ян рвется из Парижа. [...] Был Капитан, ждал, вероятно, что Ян пригласит на Бельведер, но Ян ничего не сказал. [...] Ян кончил уборку в 1 ночи. Спали мало.

Ехали сносно, несмотря на грязь и плохие вагоны. [...] Леня вагоном-рестораном восхитился меньше, чем Галя когда-то. Ему вообще более близко то, что дальше от культуры. [...] Я испытываю к нему нежность за его чистоту, за какую-то девственность натуры, за талантливость, за то, что все чувства у него настоящие, не изломанные, за то, что он умеет страдать, сильно чувствовать, даже за негибкость, на которую нападает Ян.

В Марселе [...] я ночевала с Галей. Много говорили, как ей быть, чтобы больше получить свободы.

13 мая.

Приехали на Бельведер. [...] И. Ис. [Фондаминского. — М. Г.] дома не было. [...] Во всех комнатах цветы. Чувство дома и успокоения. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

14 мая.

Пришли деньги из Америки. Ян успокоился. [...]

16 мая.

[...] Статья Савельева о «Жизни Арсеньева» в «Руле». Хорошая, лучше, чем М. Ал. [Алданова. — М. Г.]. Он глубже взял и оригинальнее понял это произведение. [...]

Настроение Яна поправляется, он прямо стал другим человеком, чем был в Париже. Бог даст, скоро начнет писать. [...]

17 мая.

[...] За обедом разговор о смерти. Ян возмущается обрядами. — «Умер человек и как можно быстрее его увезти. Я хотел бы, чтобы меня завернули в холст и отправили в Египет, а там положили бы в нишу на лавку и я высох бы. А в землю — это ужасно. Грязь, черви, ветер завывает». Говорил он об этом с изумительным спокойствием. Говорил, что не может видеть крепа. [...]

18 мая.

[...] У Ил. Ис. болит зуб, но он старается не подавать виду... А все же в этом году он не такой, каким был в прошлом. [...] По-видимому, ему нравится Скабарь, во всяком случае, он пока ему интересен. И только с ним он говорит охотно. [...] Он сказал: «Мне он нравится. По-моему, он умный, наблюдательный, чистый». [...]

28 мая.

Неожиданно съездила на машине в Клозон. Ол. Л. [Еремеева. — М. Г.] в чистом белом фартуке, дети на вид здоровы. Очень мила одна девочка француженка. [...] Ол. Л. гордо сказала: «трудных детей для

Для сайта BOOK-OLDS.RU

меня не бывает». Почти все родились в эмиграции, и у всех прекрасный московский выговор. [...]

30 мая.

[...] Осоргин написал статью о Куприне, пишет, что это самый человечный писатель. — В «Возрождении» интересная статья Ходасевича о книге Белого «На рубеже двух столетий». [...]

31 мая.

Были Кугушевы с m-me Лапинской. Я все время занимала последнюю. Говорили, конечно, о Телешовых, об Елене Андреевне. Обе мы восхищались ее внешностью, душой. Она всегда была интересна, умна, остроумна. Но в любви несчастлива. Она любила некоего Глинкэ, красивого человека, но ей показалось, что он женится из-за денег, и она отказалась. Был в нее влюблен Гусев, студент — но тоже не вышло. В брак с Телешовым она вступила не по любви. Лапинская считает это большим мезальянсом. Я доказывала, что Ел. Ал. была счастлива. Н. Дм. очень порядочный человек с хорошей душой, любил ее дружески, был семьянином, умел вокруг себя создать кружок писателей, умел возбуждать к себе любовь. [...]

11 июня.

[...] Ян вчера говорил: «Как я устал, как изменился. Мне все хочется молчать». [...] Долго говорили о Лосе. Он почему-то к нему очень строг, даже как к писателю. И мне все чудится, что это он нарочно, чтобы мы не портили его, «а то и так у него слишком много самомнения».

14 июня.

[...] Спор за обедом о том, что писать молодым писателям. [...] Гале и Лене кажется, что без России пропасть, мы же доказывали, что именно писателю

Для сайта BOOK-OLDS.RU

хорошо, только нужно осознать трагичность положения.

— Все равно, высоту или падение, — говорил Ян. — Все зависит от таланта, от серьезности.

И. И. говорил, что для писателя главное расти духовно. — «Нужно самому решить, что делать, и тогда все будет. Я в 25 лет Россию переворачивал и не ждал никаких вождей». [...]

16 июня.

Во время обеда пришла А. Ос. [Фондаминская. — М. Г.], принесла сыру и черного хлеба. У нас, к счастью, были пирожки без мяса и я могла ее угостить. Потом сидели в саду. Говорили об их осеннем путешествии со Степунами в Печеры, а затем по Латвии. В Печерах они хотят пробыть недели 3. Потом говорили об издании книг. [...] Скабарь советовал издавать книги в Риге, бумага гораздо дешевле, как и труд. [...]

17 июня.

Писала, дошла до квартиры близь Собачьей площадки[5]. [...]

20 июня.

[...] Разбирала письма. Попалось [письмо. — М. Г.] Катаева с белого фронта.

[Это письмо сохранилось в архиве. Написано оно химическим карандашом, без Ъ, но с Ѣ и і. Привожу текст:]

15 окт. [год написан неразборчиво. — М. Г.], ст. Вапнярка.

Дорогой учитель Иван Алексеевич,
Вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде «Новороссии». Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нас хранит. Я на командной должности — орудийный начальник и командую башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны — не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех. Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в «Южном Слове». Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий [у Катаева «настоящой». — М. Г.] и очень большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, напр. в «Россию». Привет Вере Николаевне. Ваш Валентин Катаев[6].

24 июня.

[...] С М. Ал. [Алдановым. — М. Г.] провела часа два à deux. Он обрадовался мне. Гостиницей доволен. Рассказывал о нашем кружке. У Аминадо, бедного, отец умирает. К Зайцевым приехала сестра Бори. Она хочет постричься в монастырь. Верочка летом хочет тоже жить при обители, сначала и Борис думал там провести «каникулы», но испугался плохого стола. От жизни в Пюжере он в восторге, много наработал. Ходосевичи нашли себе место недалеко от Парижа, куда скрываются время от времени. Мережковские только на этих днях приезжают в Ле Каннэ. [...]

М. Ал. хочет попробовать жить здесь, посмотреть, можно ли будет, или приезжать с Таней [Т. М. — жена Алданова. — М. Г.] сюда на несколько месяцев. Боится, что Тане будет скучно. Я уговариваю — если есть знание языков и умение играть в бридж — везде и всегда желанный член общества.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25 июня.

Вчерашний обед прошел «на ять»... М. Ал. рассказывал о примирении (у Цетлиных) Мережковских с Вишняком и Ходасевичами. [...] Алданов рад. [...] Говорили долго о Мережковских. И. И. [Фондаминский. — М. Г.] думает, что на З. Н. находит минутами злоба и она начинает кого-нибудь костить. [...] Ян был в ударе, хорошо говорил о Мережковском, что когда ему не нужно чего-нибудь добиваться, бывает умен, блестящ, но затем может нести околесину. И. И. говорил, что хотел бы устроить «Лигу благоприятного отношения среди писателей». [...]

28 июня.

Скабарь так и сияет: вернулись с острова, где провели целый день, и мы — Галя, он и я — купались. [...] Как мне жаль его, не может и 300 фр. получить в месяц с «П. Н.», а работает по целым дням. [...]

29 июня.

[...] Обед у нас прошел весело. Ян читал выписки из дневника Блока. [...] В связи с этим М. Ал. поднял вопрос, может ли большой поэт быть глупым человеком. Ян думает, что нет, что настоящий поэт должен быть умен.

— А, может быть, в поэзии главным образом химия слов? Ведь музыканты бывают глупы, да и ученых я много знал глупых, — сказал М. Ал.

— Ну, музыкантов я мало знаю, — сказал Ян, — а у ученых, может быть, развита лишь одна часть мозга, а потому они кажутся в жизни глупыми. Но поэт должен осознавать мир, вспомним Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. [...]

1 июля.

[...] К пяти к Фондаминским. [...] Занимала всех Лопатэн [Лопатина. — М. Г.]. Много рассказывала

Для сайта BOOK-OLDS.RU

о Толстых. Алданов все расспрашивал. Возникали и споры, т. к. Ек. М. не любит Толстых и относится даже к Л. Н. пристрастно, а Ян как раз очень страстен. [...]

3 июля.

Весь день читала «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Вот, что все время было нужно. [...]

9 июля.

Начала читать Huxley. Кажется, прав М. Ал. — писатель очень интересный. [...]

Обедали у нас Фондаминские. [...] Прощаться было грустно, как всегда, когда кончается один период жизни. [...]

16 июля.

[...] Опять читала К. Леонтьева и опять восхищалась оригинальностью его личности, умом, тягой к красоте и смелостью суждений, мысли. [...]

18 июля.

Только что вернулись от Кугушевых. [...] Сидели в доме с закрытыми ставнями, т. к. дул сильнейший мистраль. М. А. рассказывала свою жизнь. Ее первый муж был душевно-больной и десять лет она оставалась соломенной вдовой. Плевако подавал ее прошение о разводе царю. Ал. III отказал. [...]

20 июля.

Вчера мы с Леней отлично провели день. Были утром в Juan les Pins. Алданов в воде очень жив и весел. [...] решили дойти до Канн водой. [...]. [...] Леня весь так и сиял. Он в море, как дома — ловил морские звезды, искал ежей и вдруг, увидав спрута, кинулся за ним и ловко схватил. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Под платанами увидали Мережковских. [...] с ними был молодой человек. Оказалось, сын Шаляпина Федя. [...] Они [Мережковские. — М. Г.] с Шаляпиным мастерят фильму. [...]

23 июля.

[...] Ян рассказывал о разговоре с М. Ал. [Алдановым. — М. Г.], который спрашивал Яна, чем он утешается — [неразб. написанное слово. — М. Г.] верой в Бога и, вероятно, сильной любовью к жизни. — Да, это самое мудрое, что можно ответить, — согласился М. Ал. — Вы вообще самый мудрый человек, какого я только знаю! Я засмеялась. Ян и мудрость. Впрочем, он не мудр с житейской точки зрения, а с высшей — он, конечно, мудр. [...]

29 июля.

Мы все поехали в Канн, думали проехать в Трояс, но пришлось бы ждать поезда целый час. Решили отправиться на остров Св. Маргариты. Там, действительно, хорошо. Цикады, густой запах пиний, безлюдность, глушь, море. Купались. [...] Весело не было. Ян был подавлен и его настроение передавалось всем. Что с ним? Я никогда не видала его таким подавленным. Не пишет, плохо спит, из-за пустяков сердится. Боже, как хотелось бы хоть одно лето провести легко и весело. [...]

Ян бранил Галю за то, что она не работает — «Почему-то хотят все, что пишут, печатать. А нужно писать всегда. Ведь, если начнешь ничего не делать, в кафе ходить, то так и тянет. А писать, работать — нужно втянуться» [...]

31 июля.

[...] Ян в лучшем настроении. Во время прогулки он вел с нами разговор на литературные темы. Он только обескураживает Лося насчет исторических ро-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

манов, — до чего это бунинская черта, кто близко — тот ничего не может делать. [...] А на Леню это подействовало. А на самого Яна как действовали братья уверяя, что он ничего не знает и ни о чем писать не может. А между тем, Юлий Ал. считал его очень талантливым.

2 августа.

Сорин был недолго, т. к. он ежедневно ездит в два часа на этюды. [...] Он рассказывал, что когда жил в Арзамасе, Горький говорил ему: «Вот поезжайте с Катей в Нижний и купите ей шелку на платье, такого, чтобы шуршал, люблю шуршащие юбки».

Галя верно заметила, что Сорин причесывается под Гоголя. [...]

А дома нас ждали гости — Рахманиновы, приехавшие на неделю сюда в своей машине. Он был в отличном сером костюме и новой шляпе. [...] У нее синематографический аппарат, — снимала. [...]

В Рахманинове чувствуется порода и та простота, что была присуща нашим барам. [...] Говорили о черепах: длинноголовые — это высшая раса, большинство военноначальников, царей, Петр Вел., Романовы до Александра III и Николая II. [...]

Опять Рахманинов говорил, чтобы Ян писал о Чехове. Возмущался Цетлиным: «Теперь модно поругивать Чехова».

3 августа.

Только что вернулись из Канн. Давно не проводили мы лунного вечера на берегу моря. Ян сказал: «Мы ужинали, как босяки, под лодкой». [...] Я долго разговаривала с М. Ал. [...] Говорили о Дурново, кот. за полгода до войны подал государю записку, где предсказал все, что случилось. [...] Подъехали Рахманиновы, он, как всегда, прост, мил и благостен. [...] С. В. много говорил о Шаляпине. У него голоса нет, успех

Для сайта BOOK-OLDS.RU

падает, он и сам понимает, что пора на покой, да М. В. не дает разрешения. Рассказывал, как Шаляпин роли придумывал. Нужно играть Олоферна — он об Олоферне ничего не знает — ему Савва Мамонтов говорит: нужно, точно с фрески сошел. Шаляпин ухватил и стал вести роль с угловатыми движениями. Газеты упомянули о фресках, а вскоре и он сам стал везде рассказывать, что Олоферна он придумал изображать, «как фреску». Нужно ему было готовить речь Сальери, а он и понятия не имеет, что за человек, какой грим. Врубель на листе почтовой бумаги нарисовал Сальери, и Шаляпин так и стал гримироваться. Гримировался он изумительно, по пути к Грозному он был Листом. Как это он делал, не объяснил. Много с ним возился Ключевский. Заставить его читать бывало трудно. Так Чехова и не прочел!

— А гармонию он знал? — спросил М. Ал.

— Какое там гармонию! Он и из оперы-то знает всегда только свою партию. [...]

Таня сказала мне, что Шаляпин трудный человек, более трудного, даже тяжелого, она не знает. [...]

5 августа.

[...] Попробую записать то, что слышала сегодня у Алданова за завтраком. [...]

Рахманинов рассказывал о Толстом, который жестоко обошелся с ним. «Это тяжелое воспоминание. Было это в 1900 году. В Петербурге года 3 перед тем исполнялась моя симфония, которая провалилась. Я потерял в себя веру, не работал, много пил. Вот, общие знакомые рассказали Толстому о моем положении и просили ободрить меня. Был вечер, мы приехали с Шаляпиным, — тогда я всегда ему аккомпанировал. Забыл, что он пел первое, вторая вещь была Грига, а третья — моя, на скверные слова Апухтина «Судьба», написанные под впечатлением 5 Бетховенской симфонии, что и могло соблазнить музыканта. Шаляпин

Для сайта BOOK-OLDS.RU

пел тогда изумительно, 15 человек присутствующих захлопали. Я сразу заметил, что Толстой нахмурился и, глядя на него, и другие затихли. Я, конечно, понял, что ему не понравилось и стал от него убегать, надеясь уклониться от разговора. Но он меня словил, и стал бранить, сказал, что не понравилось, пресквер-ные слова. Стал упрекать за повторяющийся лейт-мотив. Я сказал, что это мотив Бетховена. Он обру-шился на Бетховена. А Софья Андреевна, видя, что он горячо о чем-то говорит, все сзади подходила и говорила: «Л. Н. вредно волноваться, не спорьте с ним». А какой спор, когда он ругается! Потом, в кон-це вечера, он подошел ко мне и сказал: «Вы не оби-жайтесь на меня. Я старик, а вы — молодой человек». Тут я ответил ему даже грубо: «Что ж обижаться мне, если Вы и Бетховена не признаете». — Он мне сказал, что работает ежедневно от 7 до 12 ч. дня. «Иначе нельзя. Да и не думайте, что мне всегда это приятно, иногда очень не нравится, и трудно писать». Я, конечно, больше ни разу не был у него, хотя С. А. и звала. Темирязев тоже говорил, что он спорил с ним по физиологии растений, хотя в этом ничего не понимал. Вообще, когда он говорил, то никого не слушал». [...]

Ян старался оправдать Л. Н. Сергей Вас. до сих пор задет.

6 августа.

Продолжаю запись вчерашнюю: Рахманинов пере-давал слова Толстого о толстовцах: «Это все равно, что ключи в кольце, они кажутся надетыми, а пригля-дишься, видишь, что им еще один оборот сделать надо, чтобы быть, где я». — Я так больше и не был у Толстого, а теперь побежал бы. Очень он меня тогда огорчил. А утешил Чехов, сказав, что, может быть, просто у Толстого в этот день было несварение же-лудка, вот он и кинулся.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вишневский рассказывал, что после первого представления «Дяди Вани» все поехали к Чехову. В театре был Толстой. Вдруг во время ужина, входит Толстой и, здороваясь с ним, говорит: «А зачем вы за чужой женой ухаживаете? Нехорошо!» — Ян замечает, что Вишневский не прочь прилгать.

Шаляпин, когда ехал к Толстому, очень волновался, хотя почти ничего не читал. — Мы приехали вместе, — рассказывает Рахманинов, — Л. Н. сидит на площадке лестницы, а Шаляпин, расставив руки, неожиданно говорит: «Христос Воскресе!» — Толстой приподнимается и холодно, со словами «Мое почтение» пожимает ему руку.

М. Ал. [Алданов. — М. Г.] передавал, что Шаляпин очень высокого мнения о Рахманинове. Рахманинов имел, конечно, большое влияние на Шаляпина, прежде всего своей необыкновенно большой музыкальной культурой и общим развитием.

Говорит Рахманинов очень тихо, глухо. Слушать приходится с большим напряжением. [...]

7 августа.

Вчера все утро ушло на Сорина. Приезжал смотреть, где писать Галю. [...]

Мы все восхищались М. А. [Алдановым. — М. Г.], что он не боится расспрашивать о том, что нужно ему для романа. На обеде у Сорина он расспрашивал его об освещении, какое могло быть в Юсуповском дворце в марте около шести вечера, о дворце, подробностях его украшений. — Он признавался опять, что самое для него трудное — описывать, а разговоры — очень легко. [...]

8 августа.

[...] Вчера он [Алданов. — М. Г.] вспоминал свою эвакуацию, Толстых [А. Н. Толстого. — М. Г.] [...] Вот однажды Толстой говорит: — Давай издавать

Для сайта BOOK-OLDS.RU

журнал! — Как? Да кто покупать будет? Откуда деньги? — Достанем. Редакторами будем мы, пригласим Чайковского, Львова. [...] И представьте, так и вышло. [...] С первого номера начались «хождения по мукам». [...] Там в редакции мы с вами в первый раз встретились после Одессы, Иван Алексеевич. Вы приехали с Толстым, мы все встали. Ведь вам тоже предлагали быть редактором, но вы отказались. Почему? — Да так, видел, что ничего сделать нового не могу, вот и отказался. — А знаете, Толстой всегда о вас хорошо говорил, он ценил вас. [...]

11 августа.

[...] Была у Мережковских. Фильма подвигается. [...] Они составляют фильму по Пушкину, либретто по А. К. Толстому, перечитывают романы, исторические документы. [...] — Я придумал встречу Бориса с Самозванцем, это для кинематографа очень эффектно. — А разве это было? — спросила я. — Конечно, нет, но можно придумать, что Дмитрия взяли в плен и тогда они виделись с Борисом. — А как же он спасся? — Бежал. [...]

16 августа.

[...] Сорин сказал, что он последний ученик Репина. Вообще, он рассказывает о себе много и все время втолковывает, что он знаменит и замечательный человек. [...]

Вспоминаю, как Стеллецкий рассказывал, что Дягилев предлагал ему писать декорации и костюмы для балета из жизни Христа. Он отказался, сказав: во-первых, я дворянин, во-вторых, я русский дворянин, а в-третьих, я православный русский дворянин. Вы на смертном одре вспомните мои слова. — Стеллецкий рекомендовал Гончарову и она даже набросала эскиз иконостаса, при чем перепутала места Богоматери и Спасителя. Должны были танцовать без музыки, на

Для сайта BOOK-OLDS.RU

двойном полу, чтобы отдавались звуки ног. Для антрактов Стравинский должен был написать хоралы.

17 августа.

Были у Неклюдовых на goûter, слушали рассказы из дипломатической жизни и из беженской, о ростовщиках из аристократии. [...]

Обедали à deux с Яном. Было странно и приятно. [...]

22 августа.

Виделись с Поляковым-Литовцевым. Он произвел странное впечатление, точно его лихорадило. Он много говорил, обрушился на Алданова, что у него меньше творчества, чем у Брешко-Брешковского, что он блестящ, умен, как эссеист. [...] Когда же он пишет роман, он делает ошибки. [...] — «Нет, — я говорю ему, — вы еврей и никогда настоящим русским писателем не будете. Вы должны оставаться евреем и внести свою остроту, ум в русскую литературу». [...]

25 августа.

[...] Я немного писала о «Старом Пимене». Очень трудно. Я никогда еще так не мучилась, как теперь. Хочется показать два мира, два века, которые не в состоянии понять друг друга. Это не Тургеневские «Отцы и дети», там разговаривали, спорили, волновались, ссорились, а тут почти всегда молчание. Кончилось все бегством Оли и 18 лет не видались. Такое непонимание! Жутко и символично. [...]

2 сентября.

Завтракал у нас Мочульский. Как всегда, я испытывала удивление от его веселой жизнерадостности. [...] Много рассказывал интересного о немцах. [...] У него гостили 2 немца, принадлежавшие к очень теперь распространенному типу «интернационального сноба».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Они против войны, один был только семестр в университете, т. к. не мог быть в среде патриотов. Все подобные этим немцам молодые люди увлекаются Жидом и Прустом, особенно большое влияние имеет на них Андрэ Жид, как-то они даже подражают ему в жизни. [...] К женщинам, к чувствам — самое циническое отношение. [...]

Потом Ян рассказывал, как Володя [Злобин. — М. Г.] говорил, что по Мережковскому Атлантида погибла от черной магии и «Содома». Мочульский очень смеялся. [...]

24 сентября.

Письмо Яну от Гиппиус — просит присоединить его подпись к письму Беличу, чтобы выдавали пособие хотя бы в 200 фр. в месяц Плещееву, который ослеп. Вот действительно несчастье! Кроме того, она хвалит короткие рассказы Яна. Сетует, что он их бойкотирует и сообщает, что у них котенок. [...]

[К этому периоду относится единственная запись Бунина за этот год:]

16-X-30.

Вышел вечером из дому — звезды. Какие? Белосиние?

Ночью через Монфлери. Осенняя свежесть, звезды белеют сквозь деревья.

20 октября.

[...] Ян долго спал, т. к. ночью просыпался и первый раз кофе пил в 6 ч. утра. Потом он целый день убирался, наводил порядок и перед своим днем рождения и перед, дай Бог, Арсеньевым. Понемногу начинается зимний сезон. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

2 ноября.

Еще один юбилей справили — Лоло. Было приятно, вкусно, но очень грустно. Это уже полу-похороны. Он почти ничего не пил, мало ел. [...] телеграммы, адреса. И все это как будто ему нужно, а ведь он должен знать всю сущность этих поздравлений, а все-таки радует. [...]

Утром с Леней были у Герцена, положили цветов к его подножью [...] каким он был русским интеллигентом и кто скажет, что он полу-немец и полжизни прожил на западе. [...]

9 ноября.

Вчера были у Кугушевых. Видели новых их соседей, которые совершенно живут по-американски: сняли хуторок и все делают сами. Чистота, порядок. 60 кур. [...] По рождению они сибиряки, по фамилии Самойловы. [...]

Читаю Ундсет. [...] все же Нобелевская премия слишком большая награда.

Читала Эклезиаст. Что за прелесть! Как вообще неровна Библия — от высшей поэзии до скучнейшей прозы. [...]

11 ноября.

Начала читать «Бесы». Первая глава удивительно хороша. [...]

15 ноября.

Вчера были у Мережковских. Д. С. в необыкновенно хорошем настроении — как у него [?] всегда хорошо сказывается материальное благополучие. Он становится добр, остроумен, блестящ.

«Совр. Зап.» не взяли воспоминаний о брате Ек. М.[7] [...] Говорили о Сирине. Д. С. сказал: «Боюсь, что все это мимикрия». [...] «Нужен только тот писатель, который вносит что-то новое, хоть маленькое. А даже

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Флобер мне не нужен, — ну, великолепная фраза, а дальше что? Вот Стендаль — другое дело, его отношение к Наполеону». «Меня занимают только скучные книги, только они и интересны. Вот «Капитанская дочка» — ее съешь как конфетку, а Маркса или Канта — их читать все равно, что нож во внутренности вводить и там поворачивать. Но такие-то книги и нужны, они-то и делают эпохи. Это я так говорю, что моя 'Атлантида' скучна». Он советовал прочесть из нее конец и начало — середина скучна. [...]

23 ноября.

[...] Опять разговор о Фондаминском. Дм. С. хорошо сказал: «Вишняк лучше, там все ясно, а Илюша это хорошо нарисованная дверь в стене, хочешь войти, а не можешь. У Вишняка же есть где-нибудь вход и кто ему по сердцу, тот входит свободно». [...]

Я сказала Дм. С., что мне нравится «Атлантида», что читаю ее с удовольствием, порой трудно оторваться. Он ответил, что она дает ключ к пониманию христианства, беспорочного зачатия, догмата Троицы. И стал объяснять, но я не слышала, т. к. З. Н. начала со мной разговор о нашем завтраке у них. [...]

18 декабря.

Возвратили «Старый Пимен». Милюков написал, что двойной фельетон для Иловайского давать нельзя. Значит, в «П. Н.» можно вспоминать лишь о левых. [...]

25 декабря.

[...] Я в этом году прямо нищая, а у Яна тоже брать нельзя, все идет на первые потребности. Молодежь никогда так мало не зарабатывала.

Все время во мне живет непроходимая тоска. Огорчает, что ничего нельзя послать в Ефремов. И ничего

Для сайта BOOK-OLDS.RU

не знаем мы про них. Как все Бунины рассеялись: Ефремов, Ростов, Орел, Воронеж, Москва, Грасс.

26 декабря.

Из письма Троцкого[8] Полякову[9]: «...Фридрих Беек дал мне свою карточку к проф. Лундского университета Зигурду Аграллю, дабы я с ним познакомился и побудил снова выставить кандидатуру И. А. Бунина[10]. Конечно, я это сделаю. [...] Посещу также Копенгагенского проф. Антона Калгрена, с которым намерен побеседовать относительно кандидатуры Бунина и Мережковского. Все это, как видишь, чрезвычайно серьезно. Друзья Бунина должны взяться за дело!»

30 декабря.

Получена книга от Thomas'a Mann'a со следующей надписью: «An Ivan Bunin, zum Dank für 'La Giovenezza di Arseniev' in herzlicher Bewunderung. München, Weihnacht 1930. Thomas Mann». [...]

31 декабря.

[...] Дождь ужасный. Как приедут Зайцевы?[11] И звонок от них, решили, что приедут завтра.

Купили фиников, изюму, малаги, печенья, бананов и мандаринов и бутылку вина. [...] Все это поделили по-братски, съели и выпили, вернувшись с прогулки. [...] Все уже спят.

1931

1 января 1931 г.

Одиннадцатый раз встречаем Новый Год во Франции, третий, нет, даже четвертый — в Грассе. И тринадцатый раз не в Москве.

Завтракали у нас Зайцевы. [...] Говорили насчет И. А. Ильина. Он имеет большое значение в Герма-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нии. [...] Шла речь о Гиппиус и Тэффи. Зайцев считает, что Тэффи — падший ангел, а Гиппиус просто зла, что у Мережковских любовь к интригам просто из любви к искусству. Мы говорили, что Мережковский умен, но нарочно притворяется юродивым, т. к. этим ему легче выделиться. Он неискренен, когда ругает Толстого, делает это для того, чтобы уничтожить в литературе то, что ему самому недоступно. А Достоевский — источник для него самого. З. Н. же не понимает истинной красоты Толстого, ее ум абстрактнее и ей Достоевский должен быть ближе.

— Недаром, — сказал Ян, — Карташев говорил, что именно в ней есть ведьминство: «Мне всегда вспоминается наша семинария, в стенах которой идут трубы. И вот иногда туда проваливалась галка и там трепыхалась. Вот так и душа З. Н.». [...]

Говорили о Фондаминском, с которым Зайцев подружился за поездку в Болгарию. Он думает, что в конечном итоге он слабый, несмотря на мудрость, на самопожертвование, на энергию. [...]

4 января.

[...] И. И. (Фондаминский. — М. Г.] рассказывал. Мы слушали.

О политике: Германия — сумасшедший дом. Все взоры обращены на большевиков. Ждут войны: большевики должны стереть Польшу и соединиться с Германией. Франция не вступится. [...] Весь вопрос теперь, решатся ли рискнуть большевики или нет. Надежда, что не решатся. Керенский хочет войны, а И. И. боится. [...]

О Сирине: «Очень приятный и жена его евреечка, образованная, знает языки, очень мила. [...] На отца не похож. [...] И. Ал. обожает. Показывал бабочек. Влюблен в них». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10 января.

[...] Ян решил, что нужно расходиться по комнатам в 10 ч. вечера, чтобы вставать, пораньше. Правда, вечера длинные, ведь мы кончаем обедать уже в 7 ч. [...]

Яна огорчило прекращение субсидии от чехов. [...]

12 февраля.

Записываю мало. [...] я очень утомилась. [...]

3 марта.

[...] Третьего дня ходили в долину, прошли в St. Jean. Нарвали диких гиацинтов. Вспомнила маму, как она любила их. А у Яна эти цветы связаны с Телешовым. У них они бывали с Рождества. Видели дом Уэльса. Ничего живет! Провансальский стиль. Безвкусия нет. Виден он и из парка, с площадки. Три писателя здесь — английский, французский и русский. [...] и чем писатель хуже, тем богаче живет, комфортабельнее. [...]

5 марта.

Набросала конспект своей жизни. [...] Третьего дня мы прошли с Лосем почти 30 клм. [...]

Получила за «Пимена» 120 фр. Отложила 50 на лето.

7 марта.

[...] Степуны приезжают самое позднее 11 марта. Мы все рады. [...]

Оказывается, Тикстон заболел в Копенгагене — удар. Дали знать. Кому ехать — жене или Тэффи? Решили, что Тэффи и сыну. [...]

8 марта.

[...] Ян за обедом говорил о Рильке, о том, что тот не боялся подражать, хотел найти Учителя. По-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

том, вечером, он читал из его переписки с Родэном о том, что главное счастье — работа, терпение и концентрация, а главное, чего нужно беречься, — спешка. Какая во всем тонкость! Замечательное явление этот Рильке. [...]

Г. Иванов прислал свои «Розы». Кажется, Гиппиус с Мережковским преувеличивают в нем поэта. [...]

Оказывается, Ян уже не может переносить «Митину любовь». Так и сказал: «Видеть ее не могу».

Начала читать «Письма Достоевского». Много приоткрывается. [...]

11 марта.

[...] После обеда пришли И. И. [Фондаминский. — М. Г.] со Степуном. И Степун всех оживил. Был блестящ, сыпал парадоксами, суждениями, коснулся многих вопросов, сделал несколько характеристик, довольно беспощадных. Но его добродушие, какое-то благоволение сдабривают все, и эта беспощадность не кажется злой, не отдает завистью, злобностью, а дышит весельем.

Ильин, Ив. А., издал стопроцентную книгу против большевиков, а нужно было бы вскрыть и объяснить, а то получилась глупость. Сотрудники у него посредственные, о большевицкой литературе пишет Кульман. [...]

Спор с Яном о Бердяеве, которого Степун ставит высоко, хотя и говорит, что он «кружится, но не достаточно быстро для дервиша».

О Достоевском: — У него точно экзема на языке. — У него большая ноздря и он нюхает канализацию человечества. — У него сильно развито нравственное чувство, мучается, сколько ему поставить в Москве, на празднествах Пушкина, за масло и колбасу. Я, например, не мучался, а просто поставил в счет

Для сайта BOOK-OLDS.RU

свои расходы и расходы Наташи в гостиницах, когда читал теперь лекции о театре. [...]

Он вскакивал, пересаживался, ходил — все это как-то необыкновенно легко, свободно, весело. Говорит, что не чувствует себя настоящим образом образованным, что его интересует теперь политич. эк., что без нее нельзя понять мира, что он в день читает 5 газет, что знакомства отнимают у него много времени, но это необходимо и интересно.

— Германия живет интенсивно. Она сумасшедшая. [...]

Да, еще об Ильине — У него ум только в бельэтаже, ни подсознательного ума, ни надсознательного нет. Он теперь и русскую революцию по Фрейду рассматривает.

— Достоевский самый умный русский писатель. Если отнять талант у Пушкина, неизвестно, что останется, а если отнять талант у Достоевского — то останется ум.

Ян оспаривал — ум всегда талантлив. [...]

12 марта.

Вчера мы были приглашены к Фондаминским. [...] Степун занимал всех. Он много говорил о Рильке, которого очень ценит, как поэта и философа.

20 марта.

[...] Брежневы на-днях привезли свою невестку (вдову их несчастного сына), вышедшую замуж за голландца. [...] они из «Ленинграда», были у «Алексея Максимовича». Он голландец, что-то строит, восторженно говорил о правителях России. Пел настоящий гимн. Вращаются они в литературных кругах — Толстых, Замятина и еще кого-то.

Толстые живут богато — собственная дача. Наташа вся в детях. Фефа — комсомолец. Ника — «очень

Для сайта BOOK-OLDS.RU

милый мальчик». Митя чуть не гениальный ребенок, пишет.

Думают, что здесь к ним относятся с ненавистью. Очень удивились, что Ян сказал, что больше с жалостью и непониманием. «А там вас жалеют», сказала Гуля. [...]

Она, правда, сказала: «Мы там живем, ни о чем не думаем, а тут нас засыпают вопросами». Это правда, думать там страшно, вот и не думают.

Как-то вечером у нас был Степун, много говорил, как всегда. Рассказывал, что ставил при большевиках «Эдипа». [...] Очень хвалил Андрея Белого, восхищался его «Голубем», сценой, как 2 человека одну палку держат. Хвалил очень «Тургенева» Зайцева [...] да еще Сирина. Опять бранил Алданова. [...] Зато Гиппиус — «очень талантлива в стихах».

Ян почти все время ему возражал. Когда припирал Степуна к стенке, то он делает вольт и переводит разговор на другие рельсы. Вообще, он редкий собеседник, главный талант его в этом. Он должен чувствовать своего слушателя, это его возбуждает, почему он и предпочитает форму писем в своих произведениях. [...]

25 марта.

М. С. [Цетлина. — М. Г.] вчера мне звонила. [...] Ей пришла в голову благая идея устроить вечер в отсутствии Ив. Ал. — вечер Бунина. Я сказала, что передам Яну. Это нас спасло бы, ведь в этом году у нас ежемесячный доход уменьшился на 550 фр. (чехи и Маня). [...]

27 марта.

Прочла «Петербург» [А. Белого. — М. Г.] [...] Ужимочки, скачки, самолюбование. Особенно это чувствуешь, когда вспоминаешь Пруста. У обоих «искание новых путей в искусстве», как говорит Андрей Белый,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но у Пруста все органически, а у Белого все пробы, попытки. [...]

6 апреля.

[...] Письмо Яну от Бориса Зайцева, очень милое, дружеское. Его сестра Таня — игуменья «Нечаянной радости». По-видимому, она хорошо влияет на них — и он, и Вера в последних письмах очень благожелательны. Боря сообщает, что Валери едет в Швецию, соперник очень сильный. [...]

За обедом разговор о Достоевском. Ян сказал, что он читал сцену в монастыре и что ему было нестерпимо скучно: «Всегда один прием, собрать всех вместе и скандал». [...]

Леня говорит, [...] что Достоевского Яну мешает понимать его талант, он всегда внутренне отталкивается от него. [...]

10 апреля.

Слава Богу, мы говеем. Ян очень добр ко всем. Вчера приехал к 12 Евангелиям, что нас всех очень обрадовало. [...]

15 апреля.

[...] Вчера после обеда был очень интересный разговор между Яном и Степуном. Начался с того, что Степун рассказал, что он читал Скобцовой фельетон Бунина и объяснял. Ян засмеялся и сказал — это хорошо, ибо это подлинная Россия, а не литературная, Блоковская, Андрей Беловская. — С этого и началось. Степун доказывал, что Бунин берет часть России и не касается другой. В нем 100% бытийность. Ян возражал, что у Бунина есть персонажи небытийные, как Шаша, Аверкий, Иван Рыдалец.

— Бунин и про небытийность пишет бытийно, у него нет невнятности, а у других она есть, у Блока, например.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян доказывал, что в хорошем художественном произведении аура художника и аура произведения должны сливаться. Тут Степун как будто уступил. Но заметил, что ему мало Бунинской атмосферы, нужна и Блоковская.

Потом он читал Блока. Читает Степун по-актерски, временами устремляя взгляд в пространство. Ян: Как Блок эстраден. Очень рад, что слышу его в вашем чтении. Это объясняет его успех.

Степун только раз слышал Блока. — Он читал глухим голосом, без выражения, но когда его слушаешь, то улавливаешь очень тонкий рисунок, как водяные знаки.

Да, Ян, между прочим, говорил: — Вот безумие Аполлона Григорьева, его цыганщину, я приемлю. Замечательные у него письма, лучше статей! А вот Блоковская цыганщина меня не трогает.

17 апреля.

[...] Да, Ап. Григорьев умел любить, имел этот, может быть, самый тяжкий дар, дар, встречающийся редко. Он этот дар развивал в себе всю жизнь и познал от него тоску великую, за которую я полюбила его уже на всю жизнь. [...]

Отчего люди, одаренные любовью, редко бывают счастливы? Отчего они так сильно страдают, мучаются? [...]Роднит меня с Григорьевым и та жалость, которую он испытывал к людям. [...]

20 апреля.

Завтракал Демидов. [...] Много расспрашивал о Шаляпине. Он ходил к нему записывать его автобиографию. «Нудно было. Как рассказывает хорошо, а не понимает, что нужно. Длинно говорил о Крыме, о горе, где дворец артистов». Кабинет его без окон, т. е. окна есть, но вверху стены, т. ч. комната имеет вечерний характер, улицы не видно. Рояль, дубовая

Для сайта BOOK-OLDS.RU

старая мебель, обитая зеленым репсом. Столик посредине. Большой письменный стол, за которым Шаляпин едва ли сидит. Писать ему трудно.

Квартира его на седьмом этаже. Из передней широкий коридор, убран в виде холла мягкими диванами. В кабинете Кустодиевский портрет.

Демидов находит, что Ян представляет Горького лучше, чем Шаляпин. Ян говорит, что это потому, что он берет его изнутри.

Оказывается, что Даль, чей словарь — родной дед Демидова, отец его матери. Демидов рассказал, как Мельников-Печерский написал свои романы. Наследник Цесаревич был в Нижнем, где служил Даль, а под его начальством Мельников, очень ленивый по природе. Когда наследник поплыл вниз по Волге, то к нему прикомандировали Мельникова, который хорошо рассказывал наследнику о быте раскольников. Наследнику его рассказы очень нравились и на прощание он сказал, что было бы хорошо, если бы Мельников все написал. Даль призвал своего подчиненного и сказал: Вы слышали, что сказал Его Высочество? Это высочайшее повеление. Я прикомандирую вас к себе в секретари и вы ежедневно будете с 9 ч. до 4 писать. Жить вы будете у меня.

Когда было кончено «В лесах», Даль вышел в отставку. Что делать? Он приказывает на основании «Высочайшего повеления» выйти в отставку и Мельникову. Поселяет его в своем имении, где он также ежедневно работает от 9 ч до 4. Написана половина «На горах» и Даль умирает. Мельников переезжает в свою деревню и там, комкая, заканчивает свой роман. [...]

Вечером у Фондаминских. [...] Степун рассказывал о детстве. [...] Говорили опять о Шаляпине, о его таланте артиста и о том, что в жизни он повторяется, что он никем не интересуется, что он всегда чувствует себя в кругу зрителей, а не знакомых, не собеседников.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Говорили и о Горьком, о том, как он терял рядом с Шаляпиным. Ян рассказывал об Андрееве [...] и все сходились, что философия у него от лукавого.

6 мая.

Зашел в 5 ч Демидов. [...] ко дню русской культуры он послал статью о Пушкине, о его сюртуке и кольце, которые были получены Далем, дедом Демидова, после смерти Пушкина, при которой он присутствовал. Кольцо с изумрудом. Последняя из Далей владела им мать Иг. Пл., которая, боясь, что его украдут (сюртук был украден), передала его Вел. Кн. Константину Конст., который не носил его, а хранил у себя в Павловском дворце. Где оно теперь — неизвестно.

[...] не помню, как И. П. вспомнил об осетре, присланном в подарок каким-то рыбником, с которым разговорился Новосильцев. Он попросил рыбника, у которого были большие промыслы, послать большого осетра его тестю кн. Щербатову и вынул сторублевку. Тот возвратил деньги и сказал, что пришлет в подарок. Зимой, когда Новосильцев забыл о своей просьбе, был получен огромный осетр. В чем его сварить? Как его подавать? [...] На осетра было приглашено человек 50 — старая родовитая Москва. [...]

Потом зашла речь об ясновидящих. И. П. рассказал несколько случаев. [...] На фронте одна ясновидящая предсказала все — и что государь будет убит, и что Варшава навсегда отпадет от России, и что в России будет голод. [...] далее она предсказала, что Россия оправится и пойдет войной — «Богатырь встанет, разбросает всех людишек и пойдет на Запад». [...]

И. П. рассказывал, что Бальмонт ему писал ужасно грубые письма, раз написал такое, что И. П. решил порвать с ним и сообщил ему. И вдруг получает письмо Бальмонта, в котором он пишет, что погорячился

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и что «дорогой Игорь Платонович» и т. д. В этом весь Бальмонт — нагл, если с ним вежливы, и труслив, если ему сделать окрик. [...]

13 мая.

Го́д, как мы вернулись в Грасс. [...] Ян все никак не может сидеть, ездит чуть ли не каждый день то туда, то сюда. [...]

17 мая.

Вчера у нас обедали Фондаминские и Демидов. И как всегда при Демидове, разговоры сбивались на Россию, Москву, Тамбовскую губернию. Профессиональные писатели гораздо беднее впечатлениями, чем «бывшие люди». Сколько знает Демидов, он воспитывался в Нижнем в дворянской гимназии, читал «Московские Ведомости», был предводителем дворянства, председателем Земской управы, членом Думы, правым кадетом. Знал хорошо родовитую богатую Москву. У кого из писателей такое поле наблюдения? У Толстого было меньше. Потом война, революция, Добр. армия, Польша, Париж — да, для такого материала Толстой нужен!

Заговорили о том, что в России дворянство все свое состояние пропило и проело. [...]

— Знаете, сколько бутылок шампанского выпивало губернское дворянское собрание, которое длилось, ну, 2 недели? — 3500 бутылок! На 40000 рублей — одна Тамбовская губерния. [...] Но не думайте, что мы всегда так проводили времечко. С февраля мы работали очень много. [...]

21 мая, четверг.

[...] Письмо от М. С. [Цетлиной. — М. Г.] — вечер[1] назначен на 10 июня. Чехов[2] приедет после спектакля, а потому читать будет то, что уже знает. [...] Лифарь и Спесивцева танцуют, согласились петь Кед-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ровы, — словом, вечер на «ять». Но боюсь, что сбор будет меньше обычного. Кажется, билеты только рассылаются, а в это я не очень верю.

Вчера письмо от Алданова. Он обедал с Т. Манном. Говорили об Ив. Ал. Манн подал в Нобелевский комитет за немца. [...]

3 июня.

Вчера письмо от Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.], тон дружеский. [...] Боря кончил «Тургенева». Если поедут, то в Ниццу «на курорт для бедных». Концерт Бальмонта дал 700 фр. Какой ужас! [...]

Часам к двум пошла к Лопатэнше [...] на ночь прочла воспоминания Ал. Львовны [Толстой. — М. Г.] и возмущена до нельзя. Главное тем, что «ими восхищаются все — и Илюша и Иван Алексеевич. Вот я поняла, когда читала, почему я не могла бывать у Толстых. Какая грубость! Как пишет о матери [...]»

Вечером [...] Ян заговорил о Спировиче, которого он читает теперь. О том, что императрица была психически больная женщина, что кроме истерии, у нее была еще какая-то болезнь. [...]

6 июня.

[...] Потом мы, как очень часто, говорили с ней [Ек. М. Лопатиной. — М. Г.] о любви. Она вспоминала о своем романе с Ив. Ал., за которого чуть было замуж не вышла.

«Когда он делал мне предложение, я очень смеялась. [...] Мы сидели в гостиной, он в сюртуке, бледный, худой, с бородкой [...], похожий на Гоголя. Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать. Искали большую, т. к. нужно было, чтобы никто никому не мешал. Он еще спрашивал: «Зачем такую большую? Комнаты хотите сдавать?» — Я очень смеялась. И он тут сказал, между прочим: «Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу». — А мне было

Для сайта BOOK-OLDS.RU

его жаль. Я, конечно, не верила и думала: дай-то Бог — и жаль мне было его очень. Мне рассказывали, что где-то он сказал, что я «лучше Венеры Милосской» и ему тогда заметили — «Ну, значит, вы влюблены». А я не была влюблена — у меня был роман с Токарским, и я, конечно, очень колебалась. Володя [брат. — М. Г.] говорил «он честно тебя любит». Кроме того, он был моложе на 6 лет. Но главное, почему я решила не выходить замуж, это после свидания с Токарским — он внезапно поцеловал меня, и я не противилась. Как выходить за другого? Накануне нашей разлуки я плакала, мне было очень жаль его, а на другой день, когда я ехала с ним в поезде до Москвы, провожала его на юг, то у меня на душе было так тяжело, что я думала, что если существует ад, то это и есть такое чувство. А он сидел, читал какие-то книжки. И потом, через 2-3 месяца, женился». [...]

Вечером на прогулке Ян нам подробно рассказал о своем романе с Лопатэн. Я сказала о разговоре с Е. М. о том, что он сказал ей, что будет знаменит [...]

— Это от задора!

— Нет, совершенно спокойно, я был уверен.

— А я думаю, что отчасти и от этого она упустила случай выйти замуж, что ты слишком отличался от ее понятия мужа. Да и смотрела она на тебя, как на мальчика. Да и взрослей она была тебя, ведь 6 лет разницы в тот возраст — немало.

— Это не так, она была менее развита, чем я.

— Но все же ее окружали люди, как брат [Л. М. Лопатин. — М. Г.], Соловьев, Юрьев, она от них многого набралась, а у тебя кроме Юлия Алексеевича кто же был?

— И это неверно. Я вращался, если не среди таких блестящих людей, как Владимир Соловьев, то все же среди очень образованных, как напр. Кулябко-Корецкий, Русов и др. Кроме того, вся наша среда

Для сайта BOOK-OLDS.RU

только и делала, что разбирала вопросы политические, литературные, общественные, и я принимал в этом горячее участие, тогда как она жила другим, в стороне от интересов братьев, своим. Один брат, правда, хотя и в душе всегда печален, вечно кого-нибудь да представлял, к другому — Льву Михайловичу, они ходили за разрешением всяких вопросов, и он говорил с ней серьезно — и только. Нет, она не была взрослей, развитей меня. Это ей так казалось, потому что она была старая дева, кое-что пережившая в сфере чувств. Да и доказательство есть, — это я сократил ее роман, там было 500 страниц и очень много наивного, детского и хотя я почти ничего еще не написал, а все же понимал больше, что нужно, и чего не нужно. [...]

Почему я хотел жениться на ней? Влюблен я в нее не был, как женщина она не влекла меня. А чуть было не женился. Нравилась вся обстановка, их старый дом, гостиная — и очарование от этого переносилось на нее. Часто бывает обратное. Кроме того, она любила и понимала литературу, восхищалась ее художественной стороной, с ней можно было говорить на эти темы, а ведь, нужно сознаться, с братьями-писателями трудно было говорить. Да и прелесть, чистота была в ней только такая, какая бывала в некоторых старо-дворянских семьях. Но все же не представляю, что бы вышло, если бы этот нелепый брак состоялся. [...] И ведь, как только расстались, как я выспался в поезде, так все, как рукой сняло, точно и не ходил ежедневно к ним. [...] А женитьба моя [на А. Н. Цакни. — М. Г.] еще более нелепа. Зачем я это сделал, сам не понимаю.

Все время, пока Ян рассказывал, я видела Царицыно, выход с Покровской стороны к пруду и к мосту, по которому идут нам навстречу Лопатина, своей немного подпрыгивающей походкой, тоненькая, в черной юбке и светлой блузке, в соломенном конотье,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

с палочкой, а рядом господин с тонким лицом, в шляпе. Когда мы поровнялись, мама остановилась. Поздоровалась с Лопатиной, которая нас познакомила с этим господином, и я услышала фамилию «Бунин». Когда мы разошлись, мама сказала: «Говорят, это новая восходящая звезда. Он поэт, приятель Николая Дм. Телешова, который много рассказывал о нем. Кажется, ухаживает за Лопатиной».

А потом на следующее лето, а, может быть, и зимой я от мамы услыхала, что Ек. М. больна нервно. [...] что все это случилось оттого, что Бунин ухаживал, ухаживал, а потом уехал и женился. [...]

На меня этот рассказ подействовал и окружил Бунина романтическим ореолом. [...]

17 июля, Juan les Pins, Chrysanthèmes.

Третий день мы здесь. [...] Ощущение, что мы далеко от Грасса, ощущение новой жизни. [...]

22 июля.

[...] Ян тоже не радует. И сам страдает, да и других не милует. Все эти разговоры, переписка и, вероятно, думы его очень состарили, выбили из колеи, помешали писать «Арсеньева». Он все больше и больше отъединяется ото всех. Кажется, мы ему нужны, чтобы выносить его дурное настроение, все же письма ему теперь хочется читать одному, меня это даже пугает — раньше было не то. Прошлое лето он мучился тем, что ему минет 60 лет. [...]

27 июля.

[...] Ян добр и очень мил. Помог мне вымыть голову. И как он все делает ловко и хорошо. Но он все время в тяжелом настроении. Как-то он сказал мне — «[...] У меня душевная болезнь. Вечно думаю о смерти. Полное отвращение от всего. Ну, да что

Для сайта BOOK-OLDS.RU

говорить! И при этом сильное раздражение ко всем и ко всему. А потом — нежность».

У меня просто сердце разрывается, глядя на него. [...]

31 июля.

Сегодня уезжаем. [...]

5 августа.

Живем в грязи, пыли, стуке[3]. [...]

10 сентября.

[...] Много неприятного узнали за это время об Авиловых[4]. Ниночка год назад скончалась от своей ужасной болезни, «изуродовавшей ее и физически, и душевно». Старший ее брат сидит в ГПУ. Их няня Анюта была больна странной болезнью, — боялись, что если она и выздоровеет, то останется идиоткой. К счастью, «разума она не потеряла» и скоро выпишется. Болела она 5 месяцев. Лидия Алексеевна послала брату свою фотографию с просьбой: «не плачьте надо мной». Она, по его словам, «вся иссохла от горя, что за руки, что это за лицо! А дух еще жив, еще надеется на что-то, уже готова все *кому-то* простить».

Да, что выпало на долю Л. Ал., выпадает даже и в России не всякому. И нужно только представить, что она испытывала ежедневно в течение 10 лет, когда ее дочь, такая в прошлом прелестная, буквально теряла образ человеческий. А теперь сын под угрозой расстрела, или «еще худшего», как пишет ее брат — т. е. сломать совесть, честь и заставить доносить. [...]

Он так и стоит перед моими глазами, еще молодым, свежим, полным. [...] он писал красками, кончил юридический факультет. В его маленькой квартирке, где жила во время революции и его мать, и брат, мы раз были. И опять от всей семьи веяло чем-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

то особенным. Какая-то свобода, любовь друг к другу. И только зять своей развязностью и болтливостью нарушал тон этой семьи. И я подумала: как странно, что Ниночка полюбила такого.

И няню помню — в другой раз. Мы приехали к ним вечером на Спиридоновку, когда еще был жив сам Авилов, и у подъезда столкнулись с Ниночкой. Она ехала в деревню и как-то особенно, как это бывало в дворянских семьях, целовалась с няней. Помню, как Ян восхитился этой милой, свежей, из какого-то романа прежних лет девушкой и няней [...] И вот от всех потрясений, — и общих, и личных, — такая мучительная и редкая болезнь! За что такие страдания? Действительно, пути Господни неисповедимы.

Письмо от папы, тоже нерадостное. [...] И как ему тяжело, одиноко. [...]

29 сентября.

[...] неожиданно приехал в Канн Шассен[5]. Человек он очень культурный.

О премии[6] ничего окончательно неизвестно и до последней минуты не будет известно. Paul Valèry больших шансов не имеет. Натиск делают финны, эстонцы. Вообще, кандидатов около 40 человек, но серьезных гораздо меньше.

Олейникова[7] хвалил: «милый человек». Жена почти глухая.

[...] в понедельник [...] я вижу фигуру незнакомого человека в кэпи, с бородкой клинушком — Олейников! [...] он рассказал нам о своем романе с женой, которая на 17 лет старше. Роман длился 5 лет и был с ее стороны совсем в духе Гамсуна. «Простираю к вам руки и умоляю оставить меня». Приходила ко мне на квартиру, чтобы отказать, но после каждого отказа чувствовалось, что мы делаемся ближе. Родня была против. Мать прямо сказала: «Я вас любить не могу», а потом как еще полюбила. Ну, Эммануил

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Людвигович [Нобель. — М. Г.] — тот, раз в семью войдешь — объятия.

[...] ничего не говорит о родителях, родине, а все о Нобелях. [...] Ему 67 лет. [...] Друг был «писателя Вересаева». [...] Но вообще он из тех русских людей, которые все критикуют. [...]

Многое мы узнали о Нобелях. Эм. Л. имел любовницу, которая с ним увязалась с Кавказа. Жила широко, тратила много, видимо, надоела ему, т. к. после удара его спросили, хочет ли он ее видеть, он ответил — нет, к чорту! [...]

У Густава Нобеля жена — бывшая жена Ролля, террориста, сподвижника Савинкова. [...]

Вересаев в «Записках врача» изобразил Олейникова в докторе Стратонове — интересно прочесть, каким он был молодым [...]

2 октября.

[...] Вчера была Ек. М. [Лопатина. — М. Г.] парламентарием от Мережковских. Д. С. предлагает Яну написать друг другу письма и их удостоверить у нотариуса, что в случае, если кто из них получит Нобелевскую премию, то другому даст 200.000 франков. Не знаю, но в этом есть что-то ужасно низкое — нотариус, и почему 200.000? Ведь, если кто получит, то ему придется помочь и другим. Да и весь этот способ очень унизительный. [...] и выбрать Лопатэн для дипломатических разговоров! Все это мне очень неприятно. [...]

У меня почти нет надежды, что Ян получит, но все же, если получит, то почему дать такую сумму Мережковскому? Ведь у нас есть и более близкие друзья. Если же получит Мережковский, то je ne tiens pas — их счастье!

9 октября.

Только что села в своем кабинетике, как вошел

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ян и спокойно сказал: — Нобелевская премия присуждена шведскому писателю. [...]

Потом мы с Яном говорили, как трудно нам будет жить. Считали доходы, расходы. [...] если быть очень аккуратными, никуда не ездить, то можно кое-как жить, сократившись на еде.

Ян все же взволнован, пошел в город, пошлет вырезку Мережковскому. [...] Я рада лишь, что неожиданно рано разрешился этот вопрос, иначе мы в ноябре очень, вероятно, волновались бы. Что делать? А, может быть, это и к лучшему.

10 октября.

[...] Начала Тургенева. Прочла Сирина. Какая у него легкость и как он современен. Он современнее многих иностранных писателей. Вот, у кого [...] есть «ироническое отношение к жизни». Вот, кто скоро будет кандидатом на Нобелевскую премию. [...]

11 октября.

[...] Встали все рано. Ян в хорошем настроении, уже работает. В доме приятная тишина. Может быть, хорошо, что премия «мяукнула» — все сосредоточатся и станут серьезно работать без всяких надежд.

18 октября.

[...] Я нахожу, что у нас слишком большое уединение и никаких развлечений, а они особенно нужны Яну. [...]

20 октября.

[...] Вчера были у Кугушевых. Потом катались. Ася [кн. Кугушева. — М. Г.] впервые видела Super-Cannes. На лице у нее написано удивленное восхищение. Вот, как живут — со своей машиной, а никуда не ездят, а мы всем этим объелись и все недовольны. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

12 окт./25 окт. 10 ч. вечера.

[...] От Шассена очень милое письмо. Он дал интервью насчет своего посещения Яна. Дал очень умно. Между прочим, сообщил, что Мережковские в Швеции ведут пропаганду о своей бедности. Была статья об «Арсеньеве» в шведской газете, очень благоприятная. Шассен, видимо, надеется насчет будущего года. Ян чуточку повеселел, хотя веры и у нас очень поубавилось. [...]

30 октября.

[...] Денег от сербов нет до сих пор! Галя уже в Париже. [...]

[Из рукописных записей Ив. Ал. Бунина:]

31. X. 31.

Без четверти пять, мой любимый час и вид из окна (на закат, туда, к Марселю). Лежал, читал «Письма» Мансфильд, потом закрыл глаза и не то подумал (соверш. неизвестно, почему) о кукованье кукушки, о дали какого-то весеннего вечера, поля, леса, не то услыхал это кукованье и тотчас-же стал действительно слышать где-то в далекой и глухой глубине души, вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С. Валье, вспомнил его, этот вечер, уже как бесконечно-давний молодой и счастливо-грустный, и все это связалось с какими-то воспоминаньями и чувствами моей действительной молодости... Есть-ли вообще голос птицы прелестней, грустней, нежней и юней голоса кукушки! Третий день хорошая погода. Рука лучше.

1-XI-31.

«La Toussant». Были с Верой на музыке, потом пошли в собор. [...] Видел черепа: St. Honorat'a и St. Yeugoulf'a. В 3 началась служба — под торжествен-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но-звучные звуки органа выход священнослужителей, предшествуемых мальчиками. Потом труба и песнопения — безнадежно-грустные, покорные (мужские голоса) под оч. тугие, кругло-катящиеся, опять таки очень звучные звуки органа, с его звучным скрежетом и все более откуда-то освобождающимся рычанием, потом присоединение ко всему этому женских голосов, уже грустно-нежными, умиленными: «А все таки, Господи, Ты единое прибежище!»

От Гали письмо. (Она в Париже.) Завтра «Jour des Morts» или «Les Morts».

[Из дневника Веры Николаевны:]

1 ноября.

День всех Святых. Все католики сегодня устремляются с цветами на кладбище, чтобы украсить могилы близких. [...] В прошлом году мы были в этот день у Герцена. [...] Потом юбилейный завтрак Лоло. И зачем это? [...]

У Яна рука стала красная. Он боится экземы. [...] Говорит, что за дачу 4000 фр. в декабре платить нечем. [...]

2 ноября.

[...] Письма: 1) от Глеба Струве[8], пишет насчет Вирджинии Вульф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный [Д. Святополк-Мирский. — М. Г.]. 2) От Лютера[9], очень любезное, и его статья в немецком журнале о «Божьем древе». Он, видимо знаком со статьей Степуна. [...] 3) От Олейникова в запечатанном конверте 3000 — это он «приходит на помощь ослабевшим чехам». [...]

3 ноября.

[...] Вечером говорили о Париже. Я уговаривала

Для сайта BOOK-OLDS.RU

его [Бунина. — М. Г.] ехать. Но тогда чем платить за виллу. [...] Он был терпелив, нежен, внимателен, а это еще хуже меня расстраивает. Так и не спала. Читала Hardy. [...]

Ян раздражается по пустякам. [...] но со мной мил донельзя. Днем гуляли. [...] Живем мы теперь скромно, даю на расход 30 фр. [...]

7 ноября.

[...] Вчера была телеграмма «Tout va bien». [...] хорошо, что он уехал, встряхнется, истратит деньги и начнет работать, а то томился, кис, мучился. Да и следует ему показаться докторам. [...]

Письмо от Троцкого [журналист И. Троцкий. — М. Г.]: большевики ведут агитацию против «эмигрантской премии», распускают слухи, что в случае чего — порвут договор. Горький представлен немцами. Карлфельд был за Яна. Мешает отсутствие единодушия, всякие другие эмигрантские кандидатуры. [...]

17 ноября.

[...] Ян вернулся успокоенный, хотя и уставший. Рука совсем проходит. Настроение спокойное. [...]

27 ноября.

Леня дал свой роман[10] Яну. Он прочел пока 2 части. Хвалит. — «Один недостаток — все очень хорошо. Громадный шаг вперед». [...]

[Из рукописных записей И. А. Бунина:]

3-XII-31.

Четыре с половиной. [...] Вошел в кабинет, уже почти темный. Удивительная огненная красота облачного заката над морем — особенно сквозь черный (как бы железный) узор черно-зеленого шара мандарина. Над той горой, за которой С. Рафаэль, желто-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

палевое. Эстерель уже стал синим туманом. Маленькое поле плоского зелено-сиреневого слабо видного моря. В нашей долине и в городе все в темной синеве, в которой зажигаются огни. Когда зажег огонь у себя, облака над городом сделались цвета подсохших лиловых чернил (оч. мягкого). Потушил огонь — лиловое превратилось в фиолетовое.

Чувство ясности, молодости, восприимчивости, дай Бог не сглазить.

[Вера Николаевна записывает:]

13 декабря.

[...] 11-ого утром неожиданно приехал Илюша. [...]

О похоронах Демидовой он рассказывал с восторженностью. Служил Евлогий, пел чудный полный хор Афонского, церковь была полна. По дороге встречались войска, — а она это любила. Игорь, — как русский князь, — истово крестился, не плакал. Лицо было просветленное. [...]

В журнале они завалены: Алданов — новый роман, продолжение «Бегства», Зайцев — из эмигрантской жизни, Сирин — «Камера Обскура» [...] Берберова — «Повелительница». [...]

Такой завал не очень хорош для Лени. [...]

Ян нас порадовал, сказал, что к февралю пришлет новое свое произведение. Бог даст, Арсеньева. Он начал что-то писать. Дай-то Бог!

Мы, слава Богу, живем сейчас очень хорошо в душевном отношении. Ян пишет и добр. Леня стал много спокойнее. Ян неуловимо стал относиться к нему серьезнее и любовнее. Галя работает много. [...]

Я все это время чувствую себя беспокойно. [...] Четверть века моего̀ романа с Яном. [...] страшно подумать, 25 лет назад началась наша любовь и, как ни странно, она не иссякает, хотя форма ее и изме-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нилась. И сколько за эту четверть века пережито, даже страшно, до чего человек туп. И как изменилась моя душа за это время. [...] поняла, что только в смирении можно что-нибудь сделать. [...] поняла всю тщету земных желаний. [...]

Читаю теперь «Святые» [«Святые древней Руси». — М. Г.] Федотова — очень для меня нужная книга. [...]

24 декабря.

[...] После обеда взволнован Ян:

— Я на границе душевной болезни. Сжег сегодня 17 страниц «Жизни Арсеньева». Я устал. Нужно бы проехаться, а денег нет.

— Поезжай, а там устроимся.

— Я поехал бы в Авиньон и написал бы о Лауре и Петрарке... Но денег нет! Будущее меня страшит. Душа изболелась. Как будем жить? [...]

Письмо Алданова: «Цетлины в начале января переезжают в Лондон. [...] Был у Мережковского — дела их очень плохи. [...] Помогаем им устроить вечер». [...]

31 декабря.

Последние часы старого года. Мы решили на этот раз не встречать Новый. Может быть, это и лучше — прошлый год мало радостей принес. [...] Много стало хуже в денежном отношении, хотя, вероятно, в будущем будет еще хуже. Личные мои дела очень плохи. С апреля ничего не напечатала. Мои воспоминания двигаются медленно, а, главное, не знаю, насколько они ценны. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1932

[Записи В. Н. переписаны на машинке. Привожу выдержки:]

1 января. Пятница.

[...] завтра 9 лет со смерти мамы. [...]

Обедали в кабинете, где тепло. Обед был более, чем скромный. Только к чаю Ян купил по крохотному кусочку фаршированной индейки. [...]

Перед сном мы втроем — Ян, Галя и я — пошли гулять. Поднялись наверх и Ян сказал:

— Как я дурно себя чувствую, замирает сердце.

— Это от подъема, — сказала Галя.

Но он поднимался очень медленно.

Выйдя на дорогу, он стал ругать Шаляпина: — Сукин сын, мерзавец! В своем интервью с Поляковым он подчеркивает, что поет в пользу безработных, п. ч. *«ведь это русские»*. Значит, боится слиться с эмигрантами. [...] он не аполитичен, он в душе такой буржуй, что представить себе трудно, жаден ужасно. Как же ему должны претить большевики. Помнишь, что Рахманинов рассказывал. [...]

2 января.

[...] Ян волнуется из-за норвежского издательства. Если бы дело это устроилось, то мы были бы на весь год спасены. [...]

Думала поехать завтра в церковь, но рассчитала — не хватит денег. [...] При бедности самое тяжелое — праздники. [...]

3 января.

[...] Вырубов пополнел, стал блестящ по виду, все так же весел, неистощим. [...] Какая свобода! [...] какая легкость разговора, перескакивание с темы на тему, и все без задержки, без напряжения. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

О Савинкове: Он случайно встретился с ним накануне отъезда его в Россию [...] Савинков был выпивши и стал звать его зайти куда-нибудь. Вблизи оказался ресторан. [...]

— Савинков, как вы знаете, — рассказывает Вырубов, — только и интересен, когда выпьет. Он все время нас ругал: «Эмиграция ничего не хочет сделать, союзники равнодушны, нужно теперь действовать иначе».

— Но как иначе?

— А так, идти туда к ним, сделаться любовником жены Троцкого, жениться на дочери Ленина, втираться в семьи большевиков, а затем убивать их. [...]

Говорили о Толстых, возмущались его падением, его «Черным Золотом». [...]

— Ну, в «Петре Первом» дело историческое, можно спорить. А тут ведь сплошная подлость. Денисов бывал у нас, но никаких деловых нефтяных разговоров мы не вели. [...] Тут подлость, он лучших друзей оклеветал.

— А говорят, он должен приехать за-границу, — сказал Ян.

— Он, кажется, уже приехал в Берлин, — ответил Вырубов.

— А мне все кажется, что он вернется в эмиграцию и опишет всех этих большевиков, — сказал Ян, — и мы все ему простим. [...]

Разговор шел о дочери Герцена, Наталье Александровне. Она живет в Женеве, ей 87 лет, говорит по-русски с акцентом. В большевицкой революции ее больше всего возмущает, что «большевики курили книги». [...]

7 января.

[...] Елки не зажгли. Такой маленькой у нас еще не было никогда. [...] такого безденежного Рождества тоже не было. Еще вчера, слава Богу, Ян на-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ткнулся на конверт с 200 фр. и это нас вывело из отчаянного положения, т. к. сегодня уже не было бы денег на базар. [...]

Днем гуляла с Яном. Много молчали. Он грустен. Жаловался на старость, «ничего не радует. Раньше, бывало, вспомнишь, что к обеду жиго и красное вино, обрадуешься, а теперь полное безразличие, даже неприятно». [...]

10 января.

Таких грустных праздников еще никогда не проводили. Все в дурном настроении и каждый на другого влияет дурно. А денег ни откуда не присылают — просто горе! [...]

Жаль мне Галю да Леню. Оба они страдают. Много дала бы, чтобы у них была удача. Яну тоже тяжело. Сегодня он сказал мне: «было бы лучше нам вдвоем, скучнее, может быть, но лучше». Я ответила, что теперь уж поздно об этом думать.

11 января.

[...] Леня получил открытку от Илюши: «...Роман ваш всей редакции *очень* понравился. Проводить его не пришлось, чему я очень рад». Мы все ожили, Леня сразу повеселел. [...]

20 января.

Сразу 2 смерти: из «Возрождения» узнали, что умер Чириков, а из телеграммы, присланной нам, — что завтра похороны В. Н. Ладыженского. [...] Он был нам настоящий друг и верный человек с редкими душевными качествами. Ни одной жалобы, ни одного стона, а жизнь его была все последние годы очень трудная, даже тяжелая. [...] Отчего умер Чириков? Они были приятелями. Эта смерть еще более неожиданная, никаких не было слухов, что он нездоров. Вероятно, сердце. Да, оба они не берегли себя. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21 января.

Вчера мы хоронили Влад. Ник. Ладыженского на кладбище Сосад. [...] похоронен он удивительно хорошо, даже в «фамильном» склепе. [...]

Кладбище идет террассами. Дорожка замыкается церковью-часовней. [...] Иконостас темный, дубовый. [...] мужчины подняли на плечи гроб и понесли. [...] Служил священник Любимов. [...] Был и хор. [...] Похоронили его так, как дай Бог всякому. [...]

Дома нас ждал Ян. Мы ему все рассказали. [...] Я сказала, что мне на Сосаде так нравится, что я не имела бы против лежать там, а Ян сказал: «Нет я предпочитаю кладбище в Пасси — идут трамваи, проходят люди, все лучше...». [...]

30 января.

[...] На-днях ходили в Клозон. [...] На обратном пути я интересно разговаривала с Федотовым. [...] Он не любит женские монастыри, находя, что женщинам нужна половая жизнь, больше, чем мужчинам — это включает и материнство. Иначе развивается истерия и др. болезни, а потому, может быть, в женских монастырях встречается чаще произвол и всякие извращения. [...] Касались мы многих предметов, начиная Святыми и кончая Ремизовым, которого он очень ценит и любит. [...]

Вечер. В Гурдоне я кое-что записала: Опять Гурдон. Почти 6 лет мы не были в нем. Все то же самое. Только иное время года — зима.

Мы закусывали в кабачке. Му́ка от кошек. [...] Ян сказал, что он мог бы здесь жить и писать: «Был бы богат, купил бы этот замок и жил бы». [...]

Довольно легко, даже Ян, дошли до Пре-дю-Лака, где сели на автобус. Леня был так голоден, что купил себе какой-то очень грубой сизой колбасы, и тут же съел ее с большим аппетитом. Рассердился, что мы с Галей не последовали его примеру. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11 февраля.

[...] Он [Бунин. — М. Г.] жаловался, как он устал от всего. От одиночества, от того, что он никого не видит, что даже в Париж мы не можем теперь ехать, а главное, что то, что мы получаем, все висит на волоске. [...]

— Я так устал от вечной благодарности, голова утомилась кланяться. Ведь подумай, как я живу, никого не вижу, нигде не бываю, перестал писать. А если о себе не напоминать, все забудут. А я не могу писать при таком однообразии жизни. [...]

Я посмотрела на Яна. Он, в своей меховой шапке, был очень печален той особой печалью, которая сильна была и у Юлия Алексеевича. У меня защемило сердце. Когда он стал говорить, что чувствует, что писать больше не будет, я сделала усилие над собой, чтобы не поддаться его настроению и сказала, что так нельзя. [...]

Ян вообще ничем не может себя забавлять — он даже ни в одну игру не играет. Это важная черта в его характере. Он может наслаждаться только подлинной жизнью, и никакая игра ни в какой области его не занимает. Поэтому ему так трудно жить. Ведь все эти Новые грады, Новые корабли, Новые дома тоже в некотором роде игра, более возвышенная, но игра. [...] Ведь теперь Фондаминский весь живет «Новым градом»[1]. [...] Ян сказал мне:

— Главное, что мне вся эта затея кажется ничтожной, и я не могу серьезно о ней говорить. И зачем название «Новый Град»? Претензиозно и даже безвкусно. Да и кто там? Федотов? Степун? [...] Остальные еще хуже, все эти Бердяевы. [...] А в Россию нам не вернуться, раньше жила где-то на дне надежда, а теперь и она пропала. Надолго там заведена песенка.

И я вспомнила в сотый раз Ростовцева, как он в первый год эмиграции говорил:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— В Россию? Никогда не попадем. Здесь умрем. Это всегда так кажется людям, плохо помнящим историю. А ведь как часто приходилось читать, например: «не прошло и 25 лет, как то-то или тот-то изменились»? Вот и у нас будет так же. Не пройдет и 25 лет, как падут большевики, а, может быть, и 50 — но для нас с вами, Иван Алексеевич, это вечность. [...]

После завтрака пили кофе [...] Разговор вел И. И. [Фондаминский. — М. Г.]. [...] Он сидел на стуле почти посредине комнаты и казался очень большим, массивным. [...]

— Мне кажется, что в христианстве 2 правды: «правда Божеская» и «правда человеческая». Христос сошел в мир в самом простом виде простого человека. Почему? Ведь ни в одной религии этого никогда не было. И люди как-то об этом забыли. Сначала помнили о Божией правде и так до Возрождения, когда начался гуманизм и т. д. И тут, как бы забыв о Боге, вспомнили «правду» о человеке. Стали думать, как бы человеку жить на земле хорошо. И хотя это и была правда о человеке, мне кажется, что христианином может быть только тот, кто понял, что в каждом человеке есть божественная правда. — И он по-еврейски на память прочел начало Библии. [...]

— А только один писатель об этом сказал, — засмеялся Ян и постукал себя по лбу: — это я в «Бернаре»[2].

— Да, да, — подхватил И. И. — «Я хорошо исполнял свое дело. Я был хорошим моряком». — А теперь, — продолжал И. И., — весь мир заражается правдой о человеке без Бога, Китай, например. [...] Вот многие удивляются, почему я не крещусь, раз я христианин. [...] я просто не чувствую себя готовым. [...]

5 марта.

[...] Послали Зайцевым телеграмму. Верочка сей-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

час, вероятно, волнуется. Последнюю ночь у них Наташа, последняя ее девичья ночь. [...] Мужа ее все хвалят. [...] Мне очень жаль, что не увижу ее эти дни.

6 марта.

[...] Вчера Ян сказал мне, что он желал бы поехать в Париж, но со всеми нами. Но как это сделать? [...] Я устал, запутался. Чувствую, что сделал глупость, три года стараясь написать продолжение «Жизни Арсеньева», нет не могу. Мне надо переменить обстановку, уехать куда-нибудь. [...]

Как я предвидела, что много горя принесет нам Бельведер. Ведь какая была находка: ежегодно на 3 месяца уезжать — законный повод встряхнуться. А Ян был недоволен. И что же? Стало еще хуже. Жизнь без всяких впечатлений и никаких денег — работоспособность каждого очень понизилась. [...]

20 марта.

[...] Событий за это время было немало. Главное свадьба Наташи, которую мы пережили издали.

Из письма Н. И. Кульман: «[...] Настроение торжественности, взволнованности и даже умиленности охватило всех — молодость и большая привлекательность невесты и жениха, симпатии, которыми пользуются Зайцевы и Соллогубы, самый обряд с его замечательной красотой, проникновенное пение хора — все это создало особую атмосферу». [...]

Боря написал чудесное письмо Яну, но у меня нет его под рукой.

[В архиве это письмо сохранилось. Привожу отрывки из него:]

«Дорогой Иван, пишу тебе тем самым пером, которым Вера только что кончила эпическое и обстоятельное описание Наташиной свадьбы. [...] Нынче

Для сайта BOOK-OLDS.RU

я из «Возрождения» говорил с Н. по телефону. Из Фонтенбло тоненький, звонкий голос сразу сказал «Папа»? Разговор был короткий. [...] мне очень мешали, но голос фонтенблосский веселый. Потом другой, пониже, тоже веселый. «Ну, как вы себя чувствуете, Андрей?» — «Чудно».

Вот это факты. Надо думать, что «молодые» и правда в хорошем настроении.

А старые засели в некое парижское Притыкино. Ты, верно, знаешь, что мы переехали в Булонь. [...] В день Наташиной свадьбы, утром, я впервые увидал из своего окна [...] St. Sulpice и Notre Dame, по случаю очень ясной погоды. Это мне было приятно. Потом приятно то, что вышел пасьянс «Наполеон» на Наташино счастье загаданный — а до того 6 раз не выходил и сейчас, только что, еще 2 раза не вышел. Это глупость, конечно, но пишу уж все.

[...] Благодаря вечеру, удалось переехать и выдать Наташу замуж, но все же есть долги и будущее очень неясно. Слава Богу, что Он дал мне легкий (в этом отношении) характер. [...]»

[Запись И. А. Бунина:]

10. III. 32. Grasse.

Темный вечер, ходили с Галей по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг — подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы — и такая сладость жизни.

[Из дневника Веры Николаевны:]

22 марта.

[...] Третьего дня были на «Утре Лоло». [...] Зал был полон. [...] Лоло мне сказал: «А жаль, что Иван Алексеевич не пришел. Мы хотели сделать ему овацию». А он именно этого больше всего и боялся.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Публика была, конечно, сплошь русская. И когда она в таком большом количестве, то удручает очень. [...] главным образом люди пожилые и старые. [...]

1 апреля.

Совершенно неожиданно, по настоянию Яна, еду в Париж[2]. [...] Я ему не жаловалась, точно его осенило сверху. Одно жаль, он хочет, чтобы я пробыла не больше 2-х недель, а у меня 30 домов навестить, Национальную библиотеку, Венсенскую, Тургеневскую, словом, не знаю, как успею. [...]

3 апреля.

Сегодня едем. Грустно оставлять своих, хотя они оба радуются за нас. А Ян, как всегда перед моим отъездом, мил, нежен и очень ласков. [...]

Вчера были у Фондаминских. [...] от них узнали новость: Скобцова постриглась тайно, хотя пострижение было в Сергиевском подворье при всех. [...] Имя ее Мария. Но в миру она должна называться по-прежнему, Елизаветой Юрьевной. Евлогий ей сказал: ваш монастырь — весь мир. [...] Вот круг — от левой эсерки к монашеству. [...]

3 апреля.

Вагон третьего класса. [...] Сейчас Галя сказала:

— Знаете, почему И. А. так решительно и настойчиво уговаривал вас ехать в Париж? Он мне сказал:

— Меня тронула ее кротость, ее полное смирение. Ей в голову не приходит, что она может тоже захотеть поехать. Такая скромность. [...]

4 апреля.

Спала часа два. [...] Пишу письмо Яну. [...] Галя спит, занимая три четверти лавки. А я все никак не могу глаз отвести от жемчужно-серого пейзажа [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6 апреля.

Вчера были у Зайцевых. [...] Кричали так, что Боря сказал: — Я по крику догадался, что это вы пришли. — Квартира у них приятная. [...] Две комнаты, ванна, кухня с проведенной горячей водой. Убрано по-студенчески, просто, чисто. Вид у Бориса ужасный — провалены щеки с румянцем. Третьего дня был у Зернова: истощение, расширение сердца и нервы. [...] А к завтраку у них было приготовлено всего 2 мерланки, вот тебе и усиленное питание. [...]

Ночь с 9 на 10 апреля.

Вернулись от Цетлиных. Были, кажется, все их знакомые, а потому было «неуютно». Сильное впечатление произвел на меня Мережковский: худ и испуган. Он весь вечер перебегал от одного к другому и говорил что-то с паническим видом. Конечно, о своем вечере, о том, что им есть нечего. За чаем сидел рядом с Галей. Я с ним не сказала ни слова. З. Н. не было — она не совсем здорова. [...] Вечер их налаживается. Участвовать будет Плевицкая, Вертинский, Тэффи, Аминад. [...]

Потом они с Тэффи, давясь от смеха, проектировали программу: она прочтет фельетон, в котором она насыпала Мережковскому за Пилсудского, когда тот сравнивал его с Христом. А Аминад — стихи, где он «воспел» Д. С.

[...] Ходасевич сидел со мной. Он, как всегда, оставил приятное впечатление. Ругал писателей, что они мало работают — «Только Тэффи и я трудимся, а остальные перепечатывают старые вещицы». Это, конечно, зло, но злость мне в нем нравится. [...]

Ночь с 10 на 11 апреля.

Только что вернулась из Трокадеро. «Русский вечер». Очень приятно было послушать «Евгения Онегина». [...] Балет Нижинской хорош. [...] Хорош был

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и гармонист-казак. [...] А когда вышли цыгане и одна девченка плясала с такой отчаянностью, что мы пожалели, что с нами нет Яна — он пришел бы в восторг. [...]

Керенский вчера был весел, легок, жив. Много болтал, когда все «метрошники» ушли и оставшиеся гости вместе с хозяевами уселись в кружок у стола. Он очень все время веселился — незаменимый человек в обществе. И откуда у него берутся еще силы? [...] Алданова он назвал «первым учеником». Думаю, что М. А. это было неприятно. Продавали билеты на его доклад, который состоится в понедельник [...]

13 апреля.

Из вчерашних писем вижу, что Ян изнемогает без нас. Написала ему, чтобы он приехал, что, если боится ехать один, пусть едет с Рудневым, который на два дня отправляется в Грасс к Фондаминским. [...] Лене одному, может быть, будет и свободнее, пойдет туда, сюда. [...]

15 апреля.

Собираюсь сегодня пойти в библиотеку на рю де Лилль, просмотреть «Русские Ведомости». [...]

К Манухиной. [...] говорили о святых католических. [...] она говорила, что хорошо бы переводить их и частью издавать, что, может быть, я приняла бы в этом участие. Меня это предложение очень радует. [...]

У Мережковских. Комната З. Н. Она мила. Говорили о постороннем. Затем вошел Мережковский. Вид его страшен. Глаза сверкают черным огнем. Сев на постель, он с места в карьер стал снова говорить о том, чтобы «застраховаться» на случай получения Нобелевской премии. Я сказала, что Ян едва ли согласится, что он суеверен, да и едва ли дадут русским. Он остался недоволен. В это время влетел черный кот, я вскочила и заспешила уйти. Все заахали, закричали.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

От них к Аминаду. [...] замучен, но мил, добр, умен. [...] Он нам с Галей напомнил чем-то Яна. [...]

17 апреля.

[...] Шестовых не застала. [...] Пошла к Зайцевым, купила яблок, но и их не застала дома. Рери[3] отговаривала меня слушать Кульмана. [...] но я все же решила итти. Там я поняла причину, оказывается, кроме Кульмана выступают сегодня Куприн, Зайцев, Осоргин. [...] В перерыве я пошла в артистическую. Там все участники: Куприн, тихий, трогательный, кроткий. И читал хорошо, было приятно его слушать. Зайцев сиял в смокинге, собирался ехать на вечер Бальмонта, но не поехал — было уже поздно. Осоргин подошел ко мне очень радостно, стал пенять, что я не повидалась с ним до сих пор. [...]

Кульман в своей лекции ни разу добрым словом не помянул Осоргина. [...] зато Яна, Зайцева, Куприна, Шмелева хвалил очень. Народу было порядочно. К концу приехал Алданов, мы с ним возвращались вместе. [...]

18 апреля.

Чувствую себя плохо. Неужели грипп?. [...]

20 апреля.

Вчера проспала 20 часов. Я решила день пролежать, но не в постели, а на постели. — Лекцию Керенского слушала сквозь сон. Под конец он так оживился, что я одолела свое состояние. [...]

21 апреля.

Ян приезжает с Леней. Пишет, что ему жаль оставлять Леню одного. [...]

22 апреля.

Наши приехали. Очень радостно было их видеть.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] У Яна вид хороший. Настроение прекрасное. Леня без нас поправился. [...]

Завтра четверть века нашей совместной жизни. Ян предложил мне ресторан, а я предложила купить кулебяку и всяких вкусных вещей и позавтракать дома. Накормим «детей» [Кузнецову и Зурова. — М. Г.], пригласим Капитана. Ян засмеялся и сказал: «Да, если бы собрать все деньги, которые мы с тобой за эти 25 лет истратили на рестораны, можно было бы дом купить».

Грустно мне очень. Все вспоминается последний день дома. [...] Грустный вечер, хотя и с большими надеждами. Многое оправдалось, многое оказалось тщетным, но все же жаловаться на свою судьбу не могу.

24 апреля.

На сегодня много всего: Лувр с Леней, концерт духовный у Инвалидов, потом всенощная и соборование. Хочу завтра причащаться, чтобы седьмая неделя была свободнее. [...]

[В середине мая Бунины вернулись в Грасс. Записи Веры Николаевны возобновляются в июне:]

12 июня.

[...] и какое у нас невежество относительно католиков даже до сих пор. И многие повторяют, что французское сердце от ума, а вот русская душа — это другое дело. А куда же тогда деть М-ель Шапен? Такой доброты и деятельности я не знаю среди русских женщин, это напоминает доктора Гааза, но он был немец. [...]

17 июня.

[...] Но как бы ни восхищаться католиками, я нахожу, что мы все должны оставаться в православии

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и лишь вносить, не насилуя, то лучшее, что есть у них. Вчера долго и горячо спорила с Ек. М. [Лопатиной. — М. Г.]. Она так стоит за католиков, что желала бы, чтобы все перешли к ним. И сама только боится, а то перешла бы. И по большой страстности своей натуры уже как-то ничего не видит величественного в православии. [...]

23 июня.

[...] Вчера у нас обедал И. И. [Фондаминский. — М. Г.]. Ян завел разговор о «Николае Переслегине»[4], который он читает.

— Жаль, что некому написать об этой книге. Нет критиков равного уровня. Это не о Шмелеве или Федине писать.

— Неужели вам нравится? — спросил И. И.

— Да, хотя наряду с тем, что он касается очень важных вещей, есть и пошлость и, конечно, уязвимые места. [...]

— Но чего-то в нем нет, несмотря на такой блеск и одаренность, — продолжал И. И. [...]

1 июля.

[...] Мы стали очень мало есть. Принесла Клодиа юбку, а платить нечем. Дала на нитки 6 фр., остальные обещала в понедельник или вторник. [...]

15 июля.

Две недели не записывала. Чувствовала себя дурно. Был вызван к Яну Маан и за одно меня осмотрел. Оказывается, я очень истощена. Нельзя даже по саду вверх ходить. Ян уже больше трех недель теряет кровь. Похудел, побледнел. Все чаще приходит мысль, что без второй операции дело не обойдется. Жаль его ужасно и страшно за него. [...] Мне «детей» жаль. Им очень хочется куда-нибудь проехаться. Но они

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кротко проводят целые дни за работой в саду или в доме. [...]

24 июля.

Ян пугает меня своей бледностью. До сих пор кровь. [...] К французскому врачу он обращаться не хочет. Маану звонить тоже не хочет. Пригласить его — дорого. Да и советов Ян все равно не исполняет. [...] Чувствую себя плохо. И Ян беспокоит, и Леня не устроен. [...] Он все больше и больше стоит на том, что осенью уедет в Ригу, а я очень беспокоюсь за него. [...]

7 августа.

Совершенно неожиданно написала фельетон «Заморский гость» — о приезде в Москву Верхарна. [...] Если бы мне Бог помог печатать один фельетон в месяц, т. е. зарабатывать 200-350 фр. в месяц, я была бы несказанно счастлива и это могло бы немного облегчить нашу жизнь. [...]

Здесь Зайцевы (Кирилл), наняли над нами комнату в 300 фр., с правом готовить в кухне. [...]

1 сентября.

[...] Этот месяц прошел с Зайцевыми. Их приезд был приятен. Они довольно легкие люди и нашего уровня, а это уж не так часто встречается. Мне очень приятно говорить с ним, «детям» — с ней. Вот, где чувствуешь разницу поколений. [...]

3 сентября.

[...] Крымов[5] был у нас в среду. [...] Зеленый яркий галстук туго подтягивал его крахмальный воротничек, курточка розовато-коричневая с золотыми пуговицами, сиреневая рубашка. В очках, через которые ярко голубели ирисы глаз. [...] Разговаривал он только с Яном, ни на кого другого внимания не об-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ратил. Снял только Яна и снялся с ним вдвоем. Лет ему за 50. В прошлом он издатель «Столицы и усадьбы», писал некогда в «Московских Ведомостях», знает очень многих. Они живут под Берлином. [...] Видается с Горьким, Алексеем Толстым. [...]

Ян: — Зачем вы печатаете по новой орфографии, да еще Бог с маленькой буквы пишете?

Крымов: — Новая орфография не большевиками выдумана. А Бог с маленькой буквы — но ведь и человек с маленькой пишется.

(Когда мы это рассказывали Зайцеву, то Кирилл Осипович заметил: — А вы не сказали ему, что и свинья с маленькой пишется?)

Восхищался Толстым: — Сидел он у меня до самого рассвета и много интересного рассказывал. Я считаю, что из прежней литературы только 4 писателя, Иван Алексеевич. Вам, может быть, эта компания не понравится — вы, Куприн, Горький и Алексей Толстой. [...]

Потом он спрашивал о своих произведениях. Ян сказал ему, что он во всех и во всем видит только скверное, точно ничего нет хорошего ни в людях, ни в религии. Даже тяжело читать. [...]

29 сентября.

Канун моих именин, заказали немного лучший обед и завтрак. В доме так мало денег, что нельзя завтра будет никуда отправиться. [...]

Интересное письмо получили от Манухиной. Много верного написано в нем о Скобцовой. «[...] Задалась хорошей и мудрой целью — организовать общежитие для женской эмигрантской молодежи[6]. [...] Денег, конечно, никаких, но веры в предначертанье благого, в помощь Божию — большая. [...] Очень хорошее впечатление осталось у меня от этой монахини совсем нового духа и душевного стиля. Много в ней светлой веселости, врожденной доброты, и при

Для сайта BOOK-OLDS.RU

этом разумность, даже рассудительность и деловитость русской женщины-хозяйки. [...]». [...]

Вчера от папы письмо. Ему [...] поднесли целый поднос подарков, восемьдесят вещей, в честь его восьмидесятилетия. Но что это за вещи. [...] Семь иголок, гвозди, пузырек с подсолнечным маслом, одно яйцо, одно яблоко, четыре конверта. Но были и лучше: кальсоны, воротничек, 2 больших носовых платка, духи, одеколон. [...] Видимо доволен, т. ч. и гости его не утомили. Но у него грудная жаба, значит, каждый момент может быть конец.

13/30 сентября.

[...] письмо от С.: папа почти голодает, нет ни сахару, ни масла. С. советует посылать ему деньги через Торгсин. [...] Легко сказать, но трудно сделать. [...] Я совершенно без копейки, у Яна тоже очень плохо. [...] Вчера не могла заснуть пол ночи. Разные проекты. [...]

1/14 окт., Покров.

[...] Вчера была у всенощной. Ян дал мне 15 фр. — «последние». В церкви было очень хорошо. И я молилась усердно. Больше всего о папе, о возможности послать ему нужное. [...]

Возвращалась, как и шла в церковь, морем. [...] Шла и думала, что мама чувствовала и о чем мечтала накануне моего рождения. [...] Я вышла не в ее вкусе, ей нужно было иметь дочь совершенно из иного теста. [...] Мы же на редкость были несозвучны, и много заставляли друг друга страдать. С папой, особенно в детстве, было легче. [...]

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

Понед., 3. X. 32.
В городе ярмарка St. Michel, слышно, как ревут

Для сайта BOOK-OLDS.RU

коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ — и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особ. силой в России? Ни на что непохожая страна.

Потом представилось ни с того, ни с сего: в Париж приехал англичанин, разумный, деловой, оч. будничный человек. Отель, номер, умылся, переоделся, вышел, пошел завтракать. Во всем что [что-то. — М. Г] такое, что сам не узнает себя — чувство молодости, беспричинного счастья... Напился так восхитительно, что, выйдя из ресторана, стал бить всех встречных... Везли в полицию соверш. окровавл[енного].

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 октября.

День Ангела Яна. Празднуем его фазаном. [...] Сегодня получен чек от Гербера в 3000 фр. за «Чашу жизни и другие рассказы» на шведском языке. [...]

Взволновала меня мысль о «подвижной библиотеке религиозных книг» [...]

[Запись И. А. Бунина:]

18. X. 32.

Лежал в саду на скамье на коленях у Г., смотрел на вершину дерева в небе — чувство восторга жизни. Написать бы про наш сад, — что в нем. Ящерицы на ограде, кура на уступе верхнего сада...

[Из дневника Веры Николаевны:]

6 ноября.

[...] Нужно сознаться, что я не дождусь, когда, наконец, разрешится на этот год вопрос о Нобелевской премии — устала ждать. [...] Ян спасается писанием — второй том «Жизни Арсеньева» понемногу развивается. Отвлекает его от всяких мыслей. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Письмо от Амфитеатрова. Очень грустное. Им очень плохо. [...] Он пишет: «'Иисус Неизвестный' Мережковского, по моему неизвестен только самому автору, по крайней мере, тщетно искал в нем хотя бы одной новой мысли, а тем более «нового слова». Сплошной монтаж (в старину плагиатом звали) в перемежку с кимвалом, пусто гремящим. Я очень рад, что мне не пришлось писать об этой книге в печати. [...]» О себе: «Естественная смерть в сентябре пропустила случай взять, искусственную презираю: грех велик перед Богом — боюсь».

Вот, действительно, жизнь. И чего, чего не перепробовал Амфитеатров за свою долгую жизнь, был богат и знатен, а стал нищ и почти безвестен.

7 ноября.

Медленно проходит томительный день. [...] Ян днем спал. Он с утра пишет. Писал и вчера весь день. [...] Я долго не могла уснуть. И почему такая тревога? Какой бы ни был исход, радостей он принесет меньше, чем печалей, во всяком случае, мне. [...]

14 ноября.

Четыре дня прошло со дня присуждения Нобелевской премии[7]. От Шассена письмо, в котором он выразил возмущение академиками и стыд за них. Значит, шансы Яна были велики и только не посмели. [...]

Дом наш принял это известие сдержанно. Все-таки хорошо, что дана настоящему писателю, а не неизвестному. Но только он богат и, кажется, денег себе не возьмет. [...] Сердцем я не очень огорчена, ибо деньги меня пугали. Да и есть у меня, может быть, глупое чувство, что за все приходится расплачиваться. Но все же, мы так бедны, как, я думаю, очень мало кто из наших знакомых. У меня всего 2 рубашки, наво-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

лочки все штопаны, простынь всего 8, а крепких только 2, остальные — в заплатах. Ян не может купить себе теплого белья. Я большей частью хожу в Галиных вещах. [...]

Ян спасается писанием. Уже много написал из «Жизни Арсеньева». [...] работает он, как всегда, по целым дням. [...]

19 ноября.

[...] Мережковского во всех почти газетах называют единственным кандидатом на Нобелевскую премию. Почему? И что страннее всего, даже в «Сегодня», где писали, что «Бунин в Стокгольме у всех на устах». [...]

30 ноября.

Опять давно не писала. Труден стал дневник. Главного не скажешь, а не главного очень мало.

Письмо от Верочки Зайцевой. Очень талантливо дала Сирина. Я так его и чувствую. [...] Пишет, что он «Новый град» без религии. Глядя на него не скажешь: «Братья писатели в вашей судьбе что-то лежит роковое». [...]

20 декабря.

Ян и Галя уехали [в Париж. — М. Г.]. Леня готовит обед. [...] Ян мне сегодня раза 3 сказал, что ехать ему очень не хочется. Это меня немного волнует. [...]

31 декабря.

Последний день этого високосного года, даже последние 4 часа. Сейчас ровно восемь. Если в эти дни ни с кем из моих близких ничего несчастного не случилось, то я буду считать этот год счастливым. [...] У меня, благодаря чтению хороших книг, выработалось спокойное отношение ко всему, что происходит.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[...] Кроме того, моей души коснулись 2 величайшие души, жившие на земле: Тереза Святая и Жюльена Норвич. [...]

Мое писание подвигается медленно. [...] За весь год написала я только 2 фельетона: «Заморский гость», «Завещание», а «Москвичи» были написаны в прошлом году. [...]

Я научилась в этом году хорошо переносить одиночество, ибо я его не чувствую. [...] Об Яне я не скучаю. Лишь беспокоюсь. Буду счастлива, когда они вернутся. Он пишет нежные, но очень короткие письма. Галя же делится с нами почти всем. [...]

1933

[Из рукописного дневника Веры Николаевны:]

4 января.

[...] много интересного рассказывал А. В. [Неклюдов. — М. Г.] о доме Соллогуба-Бодэ Колычева, что на Поварской, дом, где якобы жили Ростовы в «Войне и мире». Он в этом доме бывал еще гимназистом, знает все его закоулки. [...]

6 января (24 дек.).

[...] От Яна деньги для Жозефа[1] и 100 — нам. Перед вечером [...] тревожный звонок: телеграмма, еще 100 франков. [...]

7 января (25 декабря).

[...] За 25 лет я первый раз проводила этот день без Яна. А тревожно провожу вторично. Первый раз это было 22 года тому назад, в Порт-Саиде. У него — боли в почке, всю ночь горячие припарки. [...] Сейчас тревоги меньше, но все же тревога.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11 янв.

У Гали плеврит, пока сухой. Вот горе! У Яна было тоже около 40°. [...] Деньги опять вышли. [...]

24 января.

[...] Наши приехали в четверг 12-ого. Оба больные. У Яна насморк и кашель, а Галя в страшной слабости. [...]

Рассказывал [Крымов. — М. Г.] о Толстом. У них 14 комнат. Картинная галлерея. Дочь его, Марьяна, летчица, живет с ними. Ника, ему теперь лет 16, очень способный, электротехник, но, видимо, хулиган. Прибил крохотными гвоздями галоши гостей к полу, гость надел их, хотел сделать шаг и растянулся. Папаша рассказывал об этом с восторгом. Раз он вернулся домой часа в 3 ночи, нажал кнопку, чтобы зажечь лампу, и вдруг электрический плакат: «Не пора ли бросить водку и вспомнить о книжке». [...]

От Толстого Крымов в восторге, и как от писателя, и как от собеседника. Но никаких замечательных бесед он не передал. [...] Крымову понравилось, когда я рассказала, что Толстой говорил: «Когда вхожу куда-нибудь, то бледнеют, — боятся, попрошу взаймы». [...]

У них в Берлине в их литературном кружке, состоящем из Крымова, Бурда, Гуля, Горького, Кречетова и еще кого-то происходят литературные чтения. [...]

Ян на-днях написал приветствие Митрополиту Евлогию в стиле 17-ого века. [...]

[В архиве сохранился листок — рукописная копия этого письма:

Высокочтимый и возлюбленный Владыко.

Позвольте просить Вас принять наши самые сердечные поздравления по случаю тридцатилетия Вашего архиерейского служения. Да пошлет Вам Господь

Для сайта BOOK-OLDS.RU

еще многие и многие лета сил и благоденствия на радость всей Вашей пастве. Испрашивая святых молитв Ваших за всех нас, пребываем навсегда всей душой преданными Вам

Смиренными чадами Вашими
Ив. Бун.
В. Бунина.]

16 февраля.

Жили тут Минские[2]. Я раза 3 с ними встречалась, он не узнавал меня. [...] Раз мы с Яном увидали их. Шли навстречу. Минский повернулся на 90° и стал смотреть через улицу, а Ян меня крепко схватил за руку. Я думала, что он хочет обратить мое внимание на то, что это русские, а он, пройдя, сказал: — Да это Минский. — И стал декламировать его стихотворение о Сирокко, посвященное Гиппиус.

Ян говорил об его стихах — Неправда, что он плохой поэт, как его теперь расценивают. Он очень искусный стихотворец! [...]

Приехали Фондаминские. [...] Страстно, яростно он говорит только о политике, при чем обнаружилось, что он хочет уловить доминирующее желание молодежи в СССР и работать с ними: — Дайте мне десяток молодых людей оттуда и я пойму, что *им* нужно. [...]

24 февраля.

[...] Получила на-днях письмо от Манухиной, очень хорошее, и от «Lopatin». [...] в нем она прислала письмо Каллаш к ней.

Все письма длинные — вот 3 русские женщины, чисто русские души, все души религиозные и напряженно верующие — какие они разные!

Культурность и умственно-духовное напряжение Манухиной, воспитанное десятилетним чтением католических книг, серьезное отношение к себе, к своей

Для сайта BOOK-OLDS.RU

работе. [...] Писание для нее — служение в меру сил. Страстность, блеск, беспорядочность, безудержность Каллаш, издевающейся надо всем и над всеми, начиная с себя самой, какая-то религиозная одержимость. И, наконец, взволнованное чувство Бога Лопатэн, ее художественность в религии, богатство религиозного восприятия и, в то же время, не меньше, чем у Каллаш, страстность ко всем — и друзьям, и врагам. Но, если у нее есть тонкий юмор, то у Каллаш — сатира, порой довольно грубая, порой блестящая.

Все три писательницы, все три любят литературу, но по-разному. [...]

24 февраля.

[...] стали говорить о Толстом [А. Н. Толстой. — М. Г.], и тут обнаружилось, что и Фондаминский и полковник считают его необыкновенно интересным человеком и И. И. сказал, что его личность несравнима с личностями Зайцева, Куприна, Шмелева. Меня это удивляет, неужели если человек буфонит, смешит, то, значит, личность его выше? [...] Ведь Толстой очень однообразен — рассказы о действии желудка с подробностями, утаскивание золотых перьев с шуточками, переход на «ты», якобы в пьяном виде, съедание какого-нибудь блюда, предназначенного для всех. Действительно, все это он делал талантливо, но и только. Но почти никого он не умеет представлять и, конечно, он как писатель несравненно выше, чем как рассказчик, как собеседник. [...] Но у него был шарм, комичность фигуры, и то, что он себе сказал, что ему все дозволено, а это очень ошарашивает людей. [...]

8 марта.

[...] Вчера приехали Степуны. [...] Он так чудесно говорит, каждому отдает чуточку внимания, каждому отвечает. [...] Конечно, о Гитлере — «метафизический парикмахер». [...] И как с ним легко касаться всяких

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тем, сразу все схватит, перевернет и подаст так, как редко кто. [...]

Из всего, что мы узнали от Степуна:

Гитлер является оплотом мелкой буржуазии, маленьких чиновников, ремесленников, деклассированных офицеров, людей свободных профессий, вроде массажистов. [...] Гитлер человек глупый, но такой, что всегда, даже за бритьем, только думает «о своем». Окружение выше его. У молодежи явилась тяга в деревню. [...] Уже несколько профессоров-евреев лишились места. [...]

Положение наше денежное очень плохо. Слава, Богу, до 7 апреля заплачено Жозефу. [...]

10 марта.

Сию минуту письмо от Мити [Дм. Н. Муромцев. — М. Г.] — *скончался папа.*

Я не подозревала, что это будет так тяжело. [...] Папа сам надписал конверт мне, в котором должно быть извещение об его смерти, и просил сделать это немедленно.

13 марта.

Сказала вчера Яну. Он очень был трогателен. Много говорили. Сегодня я сказала Гале с Леней. [...]

Письмо от Павлика [П. А. Муромцев. — М. Г.]. [...] «Теперь таковы условия жизни, что уход в 80 лет, быть может, является освобождением от слишком тяжелых цепей и многие из окружающих с завистью поглядывали на труп. Современная жизнь не влечет, и уход из нее, б. м. — освобождение от очень и очень тяжелых уз». И кончает: «Никто, как Бог, а пока будем тянуть лямку».

20 марта.

[...] Приехал Олейников. [...] Познакомили его со Степунами и Фондаминскими. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31 марта.

Вечером к нам пришли И. И. [Фондаминский. — М. Г.] и Степун. [...] Затем разговор перешел на серьезные темы.

И. И.: Теперь хотят распространить власть до самого дна души, а если человек этому не поддается, ему говорят: «не существуй!» Так у большевиков добивают всех, кто не с ними, так, в меньшей мере, и у фашистов. [...] в Германии нельзя быть нейтральным. У них то же, что у большевиков — «кто не с нами, тот против нас». [...]

Степун: [...] все совершилось без всякого сопротивления, ведь в России все же сопротивлялись.

Ян: А кто мог сопротивляться?

Степун: Социал-демократы. [...]

Потом И. И. говорил, что у него одна надежда, что Франция, Англия и Америка поумнеют и, так сказать, сохранят «свободы». [...]

Ян: А скажите, — обратился он к Степуну, который в этот момент с большим аппетитом ел свое любимое пирожное, которое тут называется «макаронами»: — а скажите, чем можно объяснить антисемитизм у немцев? Ну, у хохлов понятно: они любят лежать, коряки драть, а «жид» работает.

Степун, проглотив лакомый кусок, с радостной готовностью стал говорить, сначала сидя, затем встал, потом зашагал: — Нет, тут другая причина, немцы работать умеют не хуже евреев. Антисемитизм развивался у них в разных кругах по разным причинам. Так, в ученых кругах он связан с противо-марксизмом. Среди евреев много ученых этого направления, т. ч. в Германии имеется научный антисемитизм. Ведь социализм с юдаизмом имеют одну и ту же цель — оба хотят осчастливить всех людей. [...] Большой антисемитизм в армии. [...] Меньше всего антисемитизма в биржевых, торговых кругах. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 апреля.

[...] То, чего я больше всего боялась, случилось — *Павлик* [брат В. Н. — М. Г.] *заболел психически.* [...] Нашим не сказала. [...] Такого дня я, кажется, никогда не переживала. [...] Тяжело до боли. Хочется кричать!

24 апреля.

Я в ужасном состоянии. Ничего не могу делать. Работоспособность упала до минимума. [...]

19 мая.

[...] Вчера ровно месяц моих невыносимых мучений за Павлика. Это даже грех. [...] сознавать, что страдает самый близкий тебе человек, которому ты почти ничем не можешь помочь, это иногда мне кажется сверх моих сил. [...] Мой грех и Павлик. Я чувствую, что должна была сделать в жизни — посвятить себя ему. Ведь его душа была в моих руках, ведь я, вероятно, могла бы удержать его от всего дурного, если бы всецело отдала ему себя. [...] А Ян и без меня прожил бы отлично [...]

Ян на-днях сказал мне: — Я пока внизу, тысячу раз подумаю о тебе. Тысячи мыслей прорежут мой ум. — Он, конечно, говорил правду. Но я ему нужна лишь чем-то одним. И понятно, он, собственно, весь в творчестве, т. е. сам в себе. [...]

Один Ян все же прибежал, заглянул ко мне. Из него истекает ко мне нежность большая, но безмолвная и всегда убегающая. [...]

26 мая.

Кризис полный, даже нет чернил — буквально на донышке, да и полтинночки у меня на донышке. [...]

27 мая.

Потушила свет вчера ровно в полночь и скоро заснула. Сквозь сон — шаги, затем кто-то крадется.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Оказалось — Ян, пришел проститься. Я обрадовалась. Он рассказал содержание фильмы, которую так расхвалили [...]

Проснулась рано. Ян встал раздраженный. [...] он в ужасе от своего писания — был в каком-то припадке тихого отчаяния. Он переутомился. Безденежье. Однообразие. Неврастения. [...]

Ян восхищается, как умирал Толстой, как он все хотел понять смерть, а мне это желание кажется беспомощным. И, если что потрясает, так это именно его слабость, беспомощность всех этих действий и поступков.

[Запись Бунина, уехавшего в Париж:]

8. VI. 33.

7½ вечера, подъезжаю к Марселю. Горы голые, мелового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них. Всякие депо, шлак... Еще жарко, сухо. Зажженные алым глянцем стекла в домах на горе. Вдали Notre Dame de la Garde... К какому-нибудь рассказу: больной подъезжает к большому городу.

[Запись Бунина:]

10. VII. 33.

Бальмонт прислал мне сонет, в котором сравнивает себя и меня с львом и тигром.

[Среди писем К. Бальмонта Ивану Алексеевичу сохранилась страничка с упоминаемым Буниным сонетом, написанным рукой Бальмонта:

ДВА ПОЭТА

Ив. Бунину

Мы — тигр и лев, мы — два царя земные.
Кто лев, кто тигр, не знаю, право, я.
В обоих — блеск и роскошь бытия,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

И наш наряд — узоры расписные.
Мы оба пред врагом не склоним выи,
И в нас не кровь, а пламенней струя.
Пусть в львиной гриве молвь, — вся власть моя, —
В прыжке тигрином метче когти злые.
Не тигр и лев. Любой то лев, то тигр.
Но розны, от начала дней доныне,
Державы наши, царские пустыни.
И лучше, чем весь блеск звериных игр, —
Что оба слышим зов мы благостыни,
Призыв Звезды Единой в бездне синей.

Кламар, 1933, 5 июня К. Бальмонт.]

Я написал в ответ:

Милый! Пусть мы только псы
Все равно: как много шавок,
У которых только навык
Заменяет все красы.

[Из записей Веры Николаевны:]

14 июля.

Эти дни очень тяжело. Вести о Павлике неутешительные. Видимо, полного выздоровления не будет. Боюсь, начнется разложение личности. [...]

Я кончила перестукивать книгу Курдюмова[3]. По новому подает Чехова, с религиозной стороны. [...]

[Из записей Бунина:]

21. VII. 33.

Вечер, шел через сад Montfleury, чувствовал снова молодость и *великое одиночество*. [...]

В молодости неприятности на долго не держались у меня в душе — она их, защищаясь, выбрасывала.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Почти все сверстники были грз. [гораздо] взрослей меня. Vita scribi ne quit.

30. VII. 33. Grasse.

Проснулся в 4½. Довольно сумрачно — рассвет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстерел[ем], над Антибск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца еще нет.

Вечером гроза. Лежал, читал — за окнами содрогающееся, голубое, яркое, мгновенное.

Ночью во мне пела «Лунная Соната». И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и в человеческой душе [глагол тут пропущен. — М. Г.] с любовью к женщине, а что такое женщина в действительности?

[Вера Николаевна записывает:]

5 августа.

[...] Гуляли все вместе. Далеко прошли по Ницкой дороге. Ночь прелестная, высоко в небе стоял полный месяц. [...] Опять говорили о Шмелеве. О том, что он многим доступен, благодаря своей «национальности». [...]

Потом долго сидели на лавочке. А на обратном пути я завела речь об Анне Карениной. [...] И всю дорогу до дому у нас шла речь о Толстом. И я вспомнила наши глотовские вечерние прогулки и те же восхищенные речи о нем.

7 августа.

[...] Вчера после обеда, когда уже стемнело, вошел Ян со словами: — Ночь — одна в году. Пойдем же к павильону, только через 20 минут.

И, действительно, было хорошо. Шли по парку, увидели маленьких зверьков [...] пришли к заключению, что это крысы. [...] Дошли до дуба. Сидели,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

смотрели на море, откуда низко шел туман, закрывший уже прибрежные огни. [...] Иногда мне кажется, что Ян чувствует, понимает мое горе и даже бережно к нему относится. [...]

20 августа.

[...] От Цветаевой[4] письмо. [...] Хочет написать об Иловайских и своем доме. Просит у меня материалов. По ее вопросам сужу, что у нее материала мало и многое легенды. Я уже отослала ей 2 письма. [...]

5 сентября.

[...] Нам придется 2 недели быть без мяса, ибо Ян выдает по 35 фр. в день. [...]

6 сентября.

[...] Проснулась в девятом часу. Ян уже встал. Когда я вошла, он сидел за столом и собирался писать. Поздоровался ласково, радостно.

Вчера мы — Ян, Галя и я вечером гуляли. Говорили о преподавании в школах. Ян нападал на то, что столько лет тратится на учение, говорил, что нельзя учить елецкого гимназистика о Теодорике, или что такое «изъявительное наклонение», что учебники очень плохи. [...] Ему кажется, что во всем мире учат не тому, что нужно и убить 20 лет на учение — это Бог знает, что такое. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

17. IX. 33. Воскресенье.

Видел во сне Аню [А. Н. Бунина, ур. Цакни. — М. Г.] с таинственностью готовящейся близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе — и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже старая женщина и я уже не тот.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Уехал Рощин. Тихий сероватый день. И все напевается внутри «Яблочко» — истинно роковая песня России. Какая в ней безнадежная тоска, гибельность!

Coitus — восторг чего? Самозарождения? Напряжения жизни? Убийства смерти?

За последнее время опять — в который раз! — перечитал «Анну К[аренину]» и «Войну и м[ир]». Нынче кончил почти четвертый том — осталась посл. часть «Эпилога». Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, и *до сих пор* обожествлен!

18. IX. 33. Понедельник.

Удивительно прекрасный день. Был в Cannes [...] Сидел на скамеечке перед портом, ел виноград. Был у Карташевых [...] Опять он поразил меня талантливостью. [...]

Читаю «М[ертвые] Души». Нельзя читать серьезно — оч[ень] талантл[ивый] шарж и только. А чего только не наплели! «Гениальн. изображение пошлости...» И чего только сам не вообразил! «Горьким словом моим посмеюся...» России почти не видал, от этого местами нелепое соед[инение] Малороссии и Великороссии.

Умер Осип Серг. Цетлин. И осталось Монте Карло, вечная праздничная синь моря.

1. X. 33.

Вчера именины Веры. Отпраздновали тем, что Галя купила кусок колбасы. Недурно нажился я за всю жизнь! [...]

Проснулся оч. рано, мучась определением почерка подписи под какой-то открыткой ко мне: Сталин.

Прочел 2/3 «Воскресения» (вероятно, в десятый раз). Никогда так не ценил его достоинства (просто сверхъестественные в общем, несмотря на множество каких-то ожесточенных парадоксов, что-ли).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Известие в письме из Москвы о смерти Насти[5]. Оказывается, умерла уже «года три тому назад». Какой маленький круг от начала до конца человеч. жизни! Как я помню, как я гимназистом ехал с ней, держа венч[альную] иконку, в карете в Знаменское! В жизни то и дело изумление, недоумение, а выражать это — наивность!

12. X. 33.

Прекрасный день, но ничего не мог писать. Кажется, серые, прохл., вернее, совсем свежие дни лучше для меня (для работы). Только теперь.

Проснулся часов в 5 — уже не первый раз за последн. [время. — М. Г.] под пение петухов.

Думал: что тут главное? Кажется, что очень *горловое,* ни чуточки груди. И напряженное. И еще думал: как хорошо так жить — живу с природой, с петухами, с чистым воздухом горным (сплю все еще внизу, отворяя дверь в столовую, где открываю балконную дверь).

13. X. 33.

Ездил в Cannes. Хороший день, что-то под одесское осеннее. Море похоже на Черное. Купание кончилось. Пляж пустой и стал маленький, главное — маленький.

15. X. 33.

По утрам, проснувшись, слышу, как лают собаки на соседней дачке уже совсем новым, *зимним* лаем: за *этим* лаем зима (южная), глушь, свежесть (та, что у нас в октябре).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна записывает:]

19 октября.

Неприятный день. Завтра присуждается премия Нобеля. Хорошо, что в этом году мы за неделю узнали об этом, и только сегодня об ней думали и говорили.

[...] К нам теперь ездят со своей закуской. Действительно, обеднели очень.

Есть одна надежда — на синематограф. Полонский из Холливуда прислал предложение дать ему право продать или заглавие или всю вещь «Г[осподин] из Сан Франциско». [...] Если бы это дело вышло, то мы были бы спасены, иначе будет очень плохо. [...]

[Запись Бунина:]

20. X. 33. 9 ч. утра.

16-го послал avion Полонскому в Холливуд. 18-го еще.

Нынче проснулся в 6½. Лежал до 8, немного задремал. Сумрачно, тихо, испещрено чуть-чуть дождем возле дома.

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — и тотчас удивление: нет, этого не м. б.! Главное — предвкушение обиды, горечи. И правда непонятно! За всю жизнь ни одного *события,* успеха (а сколько у других, у какого-нибудь Шаляпина, напр!) Только один раз — Академия[6]. И как *неожиданно!* А их ждешь...

Да будет воля Божия — вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, *смириться мужественно.*

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна записывает:]

29 октября около 7 час. утра.

Проснулась в 6 ч. Сошла вниз, напилась кофию. Приготовила Яну. И опять наслаждаюсь утренней тишиной спящего дома.

Вчера весь вечер провела у Кульман. Было грустно — они уезжают. [...]

Ян встал — добр и спокоен. [...]

Письмо от Марины Цветаевой — страстно-восторженное передо мной в прошлом. Пишет, что у меня «козьи глаза». Леня и Галя согласны. Леня даже пришел в восторг. Ему нравятся ее портреты: «намешано, намешано, а выходит живой человек». [...]

5 ноября.

[...] Из Америки насчет синема ответа нет. Ян думает, что один из многих неосуществленных проектов. [...]

В четверг почта принесла деньги из 2 мест: из «Совр. Зап.» и от сербов. Передышка дней на 15.

7 ноября.

Вчера нас взволновали письма: от Могилевского, Алданова, Бориса [Зайцева. — М. Г.]. В субботу пришла от Кальгрена[7] телеграмма в «Посл. Нов.», в которой он просит сообщить адрес Яна почтовый и телеграфный и какое его подданство. [...]

13 ноября.

[...] В четверть пятого 9 ноября по телефону из Стокгольма я впервые услыхала, что Ян Нобелевский лауреат[8]. [...] За эти дни у нас столько было всего, что сопровождает всегда славу — и как все это поверхностно, и собственно не нужно. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

14 ноября.

[...] Ян едет в Париж. Отъезд Яна — настоящее комическое синема. Он все делал сам, убирал вещи, комнаты, складывал белье, пары — словом, волновался очень.

21 ноября.

Ночь. Не сплю. Убираю вещи. Вчера письмо от Мити — Павлик покончил с собой 12 ноября в 1 ч. дня. Принял яд. [...] в 7 часов скончался. [...] Ян очень взволновался, хорошо сказал мне несколько слов. Остро хочется быть с ним.

25 ноября, Париж.

Уже ощущение славы явственнее. Уже живем в Мажестике. Уже заказываем манто у Солдатского. Уже чувствую, что многие обиделись, обижаются. Но не могу сказать, что много испытываю радости. Лучше всего ездить на такси и смотреть вокруг.

Два дня здесь, а наедине с Яном была всего минут 20, не больше. Устала так, что сейчас нет 10, а писать трудно.

27 ноября.

Вчера познакомилась с Г. Л. Нобелем и его женой, за завтраком у Корнилова. Он мне очень понравился, похож на Царицынских немцев..

3 декабря.

Поезд. Цветы, конфеты, фрукты. Проводы. Необыкновенно грустно. В голове Павлик. [...] Трудно улыбаться. Ян тоже был какой-то растерянный. Грустно было разлучаться с Леней. Хотя ему пожить в Париже одному полезно. Книги его нравятся. [...]

На границе: [...] вызвал подозрение мой чемодан, перевязанный ремешком. Старший [...], увидав тетради, альбом, как-то безнадежно махнул рукой.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

У Яна тоже потребовали открыть чемодан, где были рукописи. [...] Яша [Я. Цвибак — Андрей Седых. — М. Г.] что-то говорил перед этим насчет премии, но на бельгийцев это не подействовало. [...]

Около часу ночи Галя разбудила меня. Приближалась Германия. [...] Опять быстро заснула. И опять была разбужена, на этот раз проводником, принес кофе с розанчиком, где были тончайшие ломтики колбасы. Было около 8 ч. утра (нем. время). [...] Вошел Ян. В восхищении: «Солнце оранжевое, красное выкатилось. Чудесное морозное утро». Вчера, когда мы вернулись из вагона-ресторана, он сказал: «Первый раз почувствовал, испытал приятность». [...]

В Гамбург пришли с опозданием на 3 ч. Но, м. б., к лучшему. Ян весь день спал. [...]

От парижской жизни осталось лишь впечатление сутолоки. [...] Пожалуй, приятнее всего было у Кянжунцевых — среда, где премия кажется грошами. Они, действительно, рады, что нам лучше, неприятных завистливых чувств у них не может быть.

В этот же день заезжали к Шаляпину. Я не видела его почти столько же времени, как и Павлика, почти ровно 18 лет. Он постарел, но приобрел более, я бы сказала, организованный вид и в лице и в манерах. Был любезен, гостеприимен. Квартира богатая, с редкими вещами. Кабинет с камином, высокое огромное окно, как в студии художников. Деревянная лестница куда-то, наверху на перила наброшен гобелен. Угощал нервно, порывисто медом, белым вином, которое сам пил, несмотря на диабет. [...] Одет был изысканно. Темные брюки, бежевый пиджак, сшитый очень хорошо. Зеленая рубашка и в тон галстук — продолговатая клетка зеленая и черная.

Столовая тоже огромная, освещена тускло. Есть фарфор русский. Поражает высота комнат. Видели дочерей — Стеллу, уже барышню, похожую на мать,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и самую младшую, высокую 12-летнюю девочку. Обе с отцом обращались свободно.

Говорили о Горьком. Они с Шаляпиным переписывались еще 2 года тому назад. Шаляпин или не понимает или делает вид, что не понимает ничего в политике — «Я думал, что эти люди действительно хотят блага народу. Я мужик, крестьянин. А у них Бог знает что. Горький звал назад. Я отказался. Он написал, что знает мою жадность. А они обещали все возвратить мне, но почему только мне? Я здесь тоже богат, но тут всякий богатым может быть, а там исключение».

Говорил, что боялся видеться с нами, т. к. ему передавали, что Ян бранит его сильно. Я думаю, что просто не вспоминал. Как и раньше, интереснее то, как он говорит, чем то, что он говорит. [...]

Покинули Гамбург без большого сожаления. [...] Четверть третьего паром. [...] Вошел шведский журналист, говорящий по-немецки и по-английски. Мне пришлось давать ему интервью. [...] В Малме — депутация русских и журналисты. [...]

6 декабря.

[...] В Стокгольме встреча — русская колония, краткое приветствие, хлеб-соль, цветы; знакомые — Шассен и Олейников, — много неизвестных. Знакомства. Фотографы, магния итд.

Прекрасный дом, квартира в четвертом этаже, из наших окон чудный вид. Напоминает Петербург. Комнаты прекрасные, мебель удобная, красного дерева. Картины. Портреты. [...]

После завтрака сидели с Мартой Людвиговной [Нобель. — М. Г.], рассматривали книгу о Нобеле. Она очень милая женщина, но совсем глухая. [...]

Был Троцкий. Рассказывает, что за кулисами творилось Бог знает что. Кто-то из Праги выставил Шмелева. Бальмонт тоже был кандидатом, Куприн — но

Для сайта BOOK-OLDS.RU

это не серьезные. Мережковский погубил себя последними книгами. Ян выиграл «Жизнью Арсеньева». [...] Дания выставляла Якобсона и пишет, что «Бунин это тот, кто помешал нашему писателю увенчаться лаврами».

Ян вернулся из турецкой бани веселый, надел халат, обвязал платком голову и пьет чай с Олейниковым. Сегодня я не сказала с ним ни слова. [...]

[В «Воспоминаниях» Ив. А. Бунина (Париж 1950 г.) помещена статья «Нобелевские дни». В архиве сохранилась рукописная записка Бунина с воспоминаниями о событиях 10 декабря 1933 года:]

В день получения prix Nobel.

Был готов к выезду в 4½. Заехали в Гранд-отель за прочими лауреатами. Толпа едущих и идущих на улице. Очень большое здание — «концертное». Лауреатов [след. слово написано неразб. — М. Г.] провели отдельным входом. Все три молодые. [Опять неразб. напис. слово. — М. Г.], который должен был произнести обо мне речь (Секр. академии?).

В зале фанфары — входит король с семьей и придворные. Выходим на эстраду — король стоит, весь зал стоит.

Эстрада, кафедра. Для нас 4 стула с высокими спинками. Эстрада огромная, украшена мелкими бегониями, шведскими флагами (только шведскими, благодаря мне) и в глубине и по сторонам. Сели. Первые два ряда золоченые вышитые кресла и стулья — король в центре. Двор и родные короля. Король во фраке (?). Ордена, ленты, звезды, светлые туалеты дам — король не любит черного цвета, при дворе не носят темного. За королем и Двором, которые в первом ряду, во втором дипломаты. В следующем семья Нобель, Олейниковы. В четвертом ряду Вера, Галя, старушка-мать физика-лауреата. Первым говорил С. об Альфреде Нобель.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Затем опять тишина, опять все встают, и я иду к королю. Шел я медленно. Спускаюсь по лестнице, подхожу к королю, который меня поражает в этот момент своим ростом. Он протягивает мне картон и футляр, где лежит медаль, затем пóжимает мне руку и говорит несколько слов. Вспыхивает магния, нас снимают. Я отвечаю ему.

Аплодисменты прерывают наш разговор. Я делаю поклон и поднимаюсь снова на эстраду, где все продолжают стоять. Бросаются в глаза огромные вазы, высоко стоящие с огромными букетами белых цветов где-то очень высоко. Затем начинаются поздравления. Король уходит, и мы все в том же порядке уходим с эстрады в артистическую, где уже нас ждут друзья, знакомые, журналисты. Я не успеваю даже взглянуть на то, что у меня в руках. Кто-то выхватывает у меня папку и медаль и говорит, что это нужно где-то выставить. Затем мы уезжаем, еду я с этой милой старушкой-матерью. Она большая поклонница русской литературы, читала в подлиннике наших лучших писателей. Нас везут в Гранд отель, откуда мы перейдем на банкет, даваемый Нобелевским Комитетом, на котором будет присутствовать кронпринц, многие принцы и принцессы, и перед которым нас и наших близких будут представлять королевской семье, и на котором каждый лауреат должен будет произнести речь[9].

Мой диплом отличался от других. Во-первых тем, что папка была не синяя, а светло-коричневая, а во-вторых, что в ней в красках написана [написаны. — М. Г.] в русском билибинском стиле две картины, — особое внимание со стороны Нобелевского Комитета. Никогда, никому этого еще не делалось.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Продолжение записей Веры Николаевны:]

24 декабря. Сочельник — их. Дрезден.

[...] Очень живу Павликом. [...] Очень тяжело. [...] В Дрездене я ничего не видала. [...] У Степунов бываем, они очень милы и заботливы. Ян с Ф. А. перешли на «ты». У них живет его сестра Марга. Странная большая девица — певица. Хорошо хохочет. [...]

25 декабря.

[...] Была в церкви, но католической, а Галя — в двух протестантских. В них горят огнями елки. [...]

31 дек.

Мы в Берлине. Все случилось неожиданно, как это у нас всегда бывало в далекие годы наших странствий. [...]

Остановились в Континенталь-отель. [...] Вечер вчера прошел хорошо. Но все же это не Стокгольм. Там был энтузиазм, а тут чувствуется вялость. Гессен, оказывается, не оратор, в нем нет ничего чарующего. Степун говорил хорошо. [...] Главная тема его речи — «подлинность». Сирин гораздо лучше понимает стихи Яна и звук их передачи правильный. Выбор хорош и смел. [...] И все же Ян стихи свои читает лучше всех. Он умеет заворожить слушателей. [...]

Кончается самый для меня незабываемый год. Тяжело было и после кончины мамы, но все же была одна потеря, а этот, кроме двух смертей, принес еще ужасную болезнь Павлика, кончившуюся самоубийством. И это известие пришло среди поздравительных телеграмм и писем. Не знаю, как отнестись к Нобелевской премии. С ней тоже что-то утерялось дорогое для меня в Яне. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть третья

1920 (продолжение)

1. Остановились Бунины у Мих. Ос. и Марьи Сам. Цетлиных. Цетлин, бывший эс-эр, критик и писатель, и его жена, видная общественная деятельница, играли большую роль в русской эмиграции, имели литературный салон, были близки к редакционной коллегии журнала «Современные Записки» и др.
2. И. И. Бунаков-Фондаминский, бывший эс-эр. Один из редакторов «Современных записок». Жена его — Амалия Осиповна.
3. Ал. Ник. Толстой эмигрировал еще в 1919 г., но потом «сменил вехи» и вернулся в Россию. Жена его, Н. В., урожд. Крандиевская. См. И. Бунин «Третий Толстой» в «Воспоминаниях», Париж, 1950.
4. Шполянский, Аминад Петрович, писал под псевдонимом Дон Аминадо.
5. Адвокат.
6. М. В. Вишняк, эс-эр, член Учредительного собрания. В эмиграции один из редакторов «Современных Записок».
7. Н. Д. Авксентьев, правый эс-эр, видный общественный деятель.
8. В. В. Руднев, эс-эр, член редакционной коллегии «Современных Записок».
9. В. М. Зензинов, эс-эр. Литератор и общественный деятель.
10. В. А. Маклаков, кадет, бывший русский посол в Париже.
11. Жена Н. В. Чайковского, издателя, политического деятеля.
12. Б. В. Савинков (лит. псевд. В. Ропшин), бывш. помощник военного министра во Временном правительстве, эс-эр, руководил террористическими актами. В литературной деятельности ему покровительствовали Мережковские.
13. Петр Бернгардович Струве, известный экономист, историк, бывш. член Госуд. думы. В эмиграции видный общественный деятель, редактор «Возрождения», «России и Славянства» и многих др. изданий. Стоял во главе правых демократов.
14. Художник М. Ф. Ларионов.
15. В. Д. Набоков, кадет, член Госуд. думы, бывш. посол в Берлине, отец писателя В. Набокова (Сирина).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16. Дм. С. Мережковский, писатель, вождь ранних символистов, литературный критик.
17. Врач и общ. деятель. Его жена, Т. И., впоследствии помогала разбирать архив Бунина.
18. Издатель и журналист И. В. Гессен.
19. П. Н. Милюков, проф., член партии Конституционных демократов, член Госуд. думы, в эмиграции видный общественный деятель, издатель «Последних Новостей».
20. Писатель Ал. Куприн. См. И. Бунин «Куприн» в «Воспоминаниях», Париж, 1950.
21. Старший брат Бунина.
22. Поэт-символист.
23. Писатель Леонид Андреев.
24. Брат Веры Ник. — Всеволод Ник. Муромцев.
25. А. Вл. Карташев, министр вероисповеданий во Временном правительстве, потом проф. Богословской академии в Париже. Автор многих работ по вопросам религии.
26. А. А. Поляков, секретарь газеты «Последние Новости», журналист.
27. См. пр. 5, 1924 г.
28. Писатель Марк Алданов.
29. Зинаида Ник. Гиппиус, поэтесса, литерат. критик (псевд. Антон Крайний), жена Мережковского.
30. А. Тыркова-Вильямс, писательница.
31. Бунин страдал геморроями и врачи настаивали на операции.

1921

1. Общественный деятель.
2. Вероятно, Д. П. Святополк-Мирский, литературовед.
3. Общественный деятель, публицист.
4. Лидер эс-эров, бывш. министр во Временном правительстве.
5. Г. Дм. Гребенщиков, писатель.
6. Вл. А. Злобин, поэт и личный секретарь З. Гиппиус с 1916 года.
7. Журналист и общественный деятель.
8. Кн. В. Н. Аргутинский, бывш. директор Эрмитажа, потом первый секретарь русского посольства в Париже.
9. Художница.
10. Вероятно, в связи с Кронштадтским восстанием.
11. Ив. Ив. Манухин, врач. Его жена, Т. А. — близкая подруга З. Н. Гиппиус.
12. Вероятно, С. А. Кречетов, издатель, с женой-киноактрисой.
13. Илья Эренбург, советский писатель.
14. Писатель Ив. Серг. Шмелев.
15. Философ Лев Шестов. Был женат на родственнице Веры Ник.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16. И. П. Демидов, бывший член Госуд. думы.
17. Известная актриса.
18. Художник.
19. Теперь архиепископ Иоанн Сан-Францисский.
20. Бывш. министр земледелия А. В. Кривошеин.
21. Рассказ Ив. Бунина.
22. Философ и поэт Вл. Соловьев.
23. Юрий Ник. Маклаков, правнук сестры Льва Ник. Толстого, Марьи Ник.
24. Вера Ник. про эту поездку, между прочим, записала: «Ян все время вскрикивал от удовольствия. Я давно не видала его таким впитывающим в себя впечатления».
25. М. М. Филоненко, адвокат.

1922

1. Это последняя из рукописных записей. Следующие опять перепечатаны на машинке.
2. Министр-президент, потом президент Чехословакии.
3. Писатель Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), видный символист.
4. Писатель А. Ремизов впоследствии все же эмигрировал.
5. Адмирал, один из вождей Белого движения.
6. Французский писатель Андрэ Жид.
7. Рассказ Чехова.
8. В. Д. Набоков (см. прим. 15, 1920) был убит монархистом, покушавшимся на жизнь Милюкова.
9. Бунин в конце мая поехал вместе с В. Злобиным на юг Франции искать, где поселиться.
10. Писатель Б. К. Зайцев с женой, приехавшие из Москвы через Германию.
11. Сменовеховская берлинская газета.
12. На русско-франц. жаргоне так называли уборщицу, от слова «фам» образовали «хама».
13. Проф. Н. К. Кульман, историк литературы.
14. Писатель Н. Телешов, оставшийся в Москве.

1923

1. А. И. Гучков, военный министр во Временном правительстве.
2. В. Злобин приезжал, чтобы снять дачу для Мережковских.
3. Весной 1920 г. Шмелевы купили дачу.
4. Тайное, пропорциональное, прямое, общее голосование.
5. Патриарх.
6. Монастыри, которые Шмелев отлично знал.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

7. Произведение Б. К. Зайцева.
8. Великий князь.

1924

1. Журналист Морис Донзель.
2. См. запись от 23 дек./5 янв. по поводу предполагаемого вечера «Миссия русской эмиграции».
3. Вечер состоялся 16-го февр. Участвовали: И. А. Бунин («Миссия русской эмиграции»), А. Карташев («Смысл непримиримости»), И. С. Шмелев («Душа родины»), о. Г. Спасский («Вокруг Креста»), Д. С. Мережковский («Слова немых»), И. И. Машухин («Русский Дом»), И. Я. Савич («Вестники Возрождения»), Н. К. Кульман («Культурная роль эмиграции»). Речь Бунина напечатана в сборнике «Под серпом и молотом», под ред. С. П. Крыжицкого, изд. «Заря», 1975.
4. По поводу вечера в газетах началась, часто грубая, полемика.
5. У Неклюдовых была ферма недалеко от Грасса. В царское время А. В. Неклюдов был русским посланником в Болгарии, Швеции и, наконец, в Испании.

1925

1. М. Каллаш, лит. псевдоним Курдюмов.
2. Писатель Мих. Осоргин.
3. Ф. Степун, проф., философ, литературный критик, писатель.
4. Д. В. Философов, журналист, критик, близкий друг Мережковских.
5. О Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. I, с. 350.
6. Кн. Г. Е. Львов стоял во главе Временного правительства.
7. Виллу Бунинысняли вместе с Фондаминскими.
8. Видимо, первый номер газеты, изд. в Париже под ред. П. Б. Струве.
9. См.: П. Ковалевский, «Зарубежная Россия», доп. вып., сс. 56-58 (Париж, 1973).
10. Литературная переделка дневниковых записей Бунина одесского периода.
11. См. прим. 4. 1921 г.
12. Борис А. Лазаревский, писатель.
13. Литературный критик и поэт Георгий Адамович.
14. См.: З. Гиппиус, «Живые лица», Прага, 1925, вып. 2, с. 167.
15. Дочь Зайцевых, впоследствии Н. Б. Соллогуб.
16. Рассказы Бунина.
17. Ожидались проф. Кульман с женой.
18. Речь идет о Леониде Андрееве.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

19. На вилле Альба, у Лопатиной и Еремеевой.
20. Гукасову принадлежали в свое время нефтяные промыслы, и он субсидировал «Возрождение».

1926

1. Речь идет о «Зарубежном съезде» русской эмиграции.
2. Бывший ректор Петербургского университета, историк.
3. А. И. Белич, сербский академик. См. также запись от 3 сент. 1928 г.
4. Писательница, которую, по убеждению Бунина, серьезно любил Чехов. (См.: Ив. Бунин, «О Чехове», изд-во имени Чехова, сс. 134-204.)
5. Вл. Ходасевич, поэт, критик.
6. Писатель.
7. У Веры Николаевны, как оказалось, были камни в печени.

1927

1. См. прим. 19, 1921 г.
2. Предполагаю, что речь была о Г. Н. Кузнецовой, молодой писательнице, которая вскоре поселилась у Буниных.
3. В поездке, кроме Буниных, участвовали И. И. Фондаминский и Г. Н. Кузнецова.
4. В. Н. работала над воспоминаниями, которые были напечатаны уже после смерти Бунина.

1928

1. Рассказ Бунина.
2. Я. М. Цвибак (Андрей Седых) — журналист и писатель, сопровождал Бунина в Стокгольм в 1933 г.
3. Писательница, жена Ходасевича.
4. Писательница, жена С. А. Соколова (Кречетова).
5. Валерий Брюсов вывел Н. Петровскую в «Огненном ангеле».
6. А. Н. Радищев (1749-1802), автор «Путешествия из Петербурга в Москву».
7. В Белграде устраивался съезд русских писателей. См.: Г. Струве, «Русская литература в изгнании», изд. имени Чехова, 1956, с. 198.
8. Письмо, вероятно, адресовано С. К. Маковскому, комментариев В. Н. не дает. О пребывании Мережковских в Белграде см. также письма З. Н. Гиппиус В. Злобину (T. Pachmuss, «Intellect and Ideas in Action», München, 1972).
9. Прозвище Рощина.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10. Брат Веры Николаевны — Д. Н. Муромцев.
11. Лагерь в Соловецком монастыре.
12. Критик, автор «Силуэтов русских писателей».
13. Книга написана не была, но материалы Бунин начал собирать.
14. О Леониде Андрееве.
15. Журнал, издававшийся в Риге.
16. Письма И. А. Бунина Л. Зурову опубликованы мною в «Новом Журнале» №105, сс. 225-231.
17. Дочь проф. Д. И. Иловайского.
18. Вера Ник. работала над очерком «У старого Пимена». См. «Неизданные письма», Марина Цветаева, Париж, 1972, сс. 531-541.
19. Вера Ник. собирала материал о писателе А. И. Эртеле.

1929

1. Великий князь, двоюродный дядя Николая II.
2. Интересно сравнить это описание с творчески переосмысленным изображением этого события в «Жизни Арсеньева» (Нью-Йорк, 1952, сс. 225-258).
3. Поэт, был женат на И. Одоевцевой.
4. См. «Эртель» в: Ив. Бунин, «Воспоминания», Париж, 1950.
5. Писатель А. Амфитеатров.
6. Популярное в то время течение, представители которого считали, что русские «не суть ни европейцы, ни азиаты». О евразийстве см.: Г. Струве, «Русская литература в изгнании», сс. 40-49.
7. Философ Николай Федоров, учение которого, как доказано, повлияло на Достоевского.
8. И. А. Ильин, проф., философ.
9. Г. П. Федотов, проф., историк Церкви.
10. Б. П. Вышеславцев, философ.
11. В то время это слово употреблялось в женском роде.
12. См. апрель 1926 г.
13. Поэт Ник. Оцуп.
14. В. В. Розанов, философ, писатель.
15. Дочери поэта Ф. Тютчева.
16. Писатель В. Набоков (Сирин).
17. Известный пианист.
18. Вероятно, речь идет о романе Ф. Степуна «Николай Пересегин».
19. Фельетон Веры Николаевны.
20. Бунин пригласил Л. Ф. Зурова приехать к ним.

1930

1. Генерал, стоявший после смерти Врангеля во главе «Русского Общевоинского Союза».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

2. Книга Г. Кузнецовой.
3. Литературовед, автор трудов о Достоевском, Блоке и др.
4. В перечне Керенского нет, вероятно, опущен случайно.
5. Вера Ник. работала над своими воспоминаниями.
6. О Катаеве см.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».
7. Воспоминания о философе Л. М. Лопатине, брате Ек. М.
8. Журналист И. Троцкий.
9. Предполагаю, что это Поляков-Литовцев.
10. Речь идет о Нобелевской премии.
11. Проф. Кирилл Ос. Зайцев с женой. Автор книги «И. А. Бунин. Жизнь и творчество», изд. «Парабола».

1931

1. См. запись от 25 марта.
2. Артист МХАТа Михаил Чехов, племянник Антона Павловича.
3. Виллу Бельведер ремонтировали, и на время ремонта Бунины уезжали, но ремонт не был закончен вовремя. Иван Алексеевич на несколько дней уехал в Торан.
4. См. прим. 4, 1926 г.
5. Французский журналист.
6. О надеждах и разочарованиях в связи с Нобелевской премией см. мою публикацию «Письма М. А. Алданова Буниным», «Новый Журнал» № 81, сс. 110-116.
7. Зять Э. Нобеля.
8. Г. П. Струве, впоследствии профессор, устраивал в «Clarendon Press» перевод «Жизни Арсеньева», которая и была издана под названием «The Well of the Days».
9. Немецкий критик и переводчик.
10. Речь, думается, идет о романе Л. Зурова «Древний путь».

1932

1. Возникший в 1931 г. журнал религиозно-философского содержания.
2. В Париж ехала и Г. Н. Кузнецова.
3. Вера Ник. остановилась у первой жены М. Осоргина.
4. Роман Ф. Степуна.
5. Писатель В. П. Крымов.
6. См.: П. Е. Ковалевский, «Зарубежная Россия», Париж, 1971, с. 216.
7. Нобелевская премия была дана Дж. Голсуорси.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1933

1. Слуга Буниных.
2. Поэт Н. М. Минский.
3. Курдюмов — псевдоним писательницы М. Каллаш, написавшей книгу о Чехове «Сердце смятенное», Париж, 1944.
4. См.: Марина Цветаева, «Неизданные письма», Париж, 1972, сс. 407-414.
5. Жена Евгения Алексеевича Бунина.
6. В ноябре 1909 г. Бунин был избран почетным академиком.
7. Шведский профессор-славист.
8. Более подробно об этом в статье В. Н. «То, что я запомнила о Нобелевской премии», «Новый Журнал» № 67, 1962, сс. 136-140.
9. Речь Бунина напечатана в «Воспоминаниях», Париж, 1950, сс. 270-272.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Указатель имен

(Не включены лица, фамилии которых установить не удалось и которые лишь мельком упоминаются в тексте.)

Авилов 251
Авилова Л. Ал. 157, 250
Авилова Нина 250
Авиловы 250
Авксентьев Н. Д. 9, 13, 19-21, 142
Авксентьева Шура 13
Ага А. И. 132, 173, 176
Агралл Зигурд, проф. 235
Адамович Г. В. 146, 147, 174, 200, 207, 208
Азеф Е. 130
Аитов В. Д., д-р 23
Аитова 82
Айхенвальд Юл. Ис. 188, 190, 191
Алданов Марк (псевд. М. А. Ландау) 17, 20, 23, 28, 31, 35, 36, 65, 69-71, 73, 79, 81, 132, 134, 136, 153, 165, 168, 170, 173, 174, 178, 182, 189, 197, 199, 201, 205, 216-219, 222-227, 229, 231, 240, 246, 257, 258, 269, 270, 293
Алдановы 134
Александр I 178, 189
Александр II 178, 194, 243
Александр III 105, 224, 226
Александр, король серб. 183
Александра Федоровна, императрица 246
Алексей Михайлович, царь 190
Алексинский, Гр. 24
Алексинский И. П., д-р 11, 24, 164, 165
Алексинская Т. И. 35
Алексинские 13, 14, 137
Алексинская Н. И. 212
Альтшулер, д-р 183
Аминад (Дон Аминадо), см. Шполянский
Амфитеатров А. В. 196, 276, 277
Андреев Л. Н. 15, 16, 70, 115, 151, 244
Апухтин А. Н. 227
Аргутинский П. Н. кн. 28, 44, 45, 83, 99, 106, 107
Аргутинские 64
Арсеньев К. К. 179
Афонский (хор А-го) 257

Бакст Л. 44, 45, 64, 81
Балавинский 12, 13, 20, 24, 27
Балахович 18
Бальмонт К. Д. 15-17, 35-37, 45, 46, 56, 64, 71, 82, 83, 85, 87, 98, 99, 102, 103, 108, 112, 137, 197, 199, 210, 244-246, 270, 286, 287, 296
Бальмонт Ел. К. 82, 137
Бальмонты 16, 71, 81, 82, 199
Баратов Н. Н., ген. 214
Барятинский В. В., кн. 31, 176
Беек Фр. 235
Белинский В. 200, 201
Белич А. И. 154, 181, 182, 184, 232
Белобородов А. Я. 44
Белый Андрей (Бугаев Б. Н.) 38, 41, 42, 78, 84, 99, 101, 156, 220, 240, 241
Бенеш Э. 76, 79, 120

Сердечно благодарю Э. И. Вознесенскую за проверку указателя имен. Ответственность за ошибки, конечно, несу я. — М. Г.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Берберова Н. 174, 175, 180, 199, 257
Бердяев Н. 131, 134, 135, 238, 263
Бернацкий, проф. 21
Бернацкие 21
Бетховен Л. 21, 227, 228
Билибин И. Я. 298
Блок А. А. 26, 34, 41, 52, 53, 92, 93, 95, 99, 101, 109, 159, 160, 223, 241, 242
Блох Г. А. 151
Блохи 151, 163
Борис Влад., вел. кн. 104
Боссар (изд.) 107
Брежнев А. Н. 186
Брежневы 239
Брешко-Брешковский Н. Н. 29, 32, 231
Брюсов Вал. Я. 174
Будберг, бар. 150
Буковецкий Е. И. 27, 67
Бунаков, см. Фондаминский
Бунин А. Н. (отец) 127
Бунин Евг. А. 72
Бунин Юлий А. 15, 64, 65, 66, 69, 70, 72, 74-76, 78-81, 91, 94, 127, 188, 226, 247, 263
Бунина А. Н., ур. Цакни 248, 289
Бунина Л. А. (мать) 127, 161, 163, 206
Бунина Анаст. К. (Настя) 291
Бунины (семья) 65, 131, 235
Бурд С. 280
Бурцев В. Л. 13, 29, 30
Бухарин 38

Валери Поль 241, 251
Васильев, д-р 164
Вахрушевы 159
Вересаев В. В. (Смидович) 252
Верлэн П. 127
Вертинский А. 268
Верхарн Э. 273
Веселовский 123
Винтерфельд 195
Виталий, старец 139
Вишневский Вс. 102, 229
Вишняк М. В. 8, 123, 160, 207, 217, 223, 234,
В-и 13
Винчи Леонардо да 90, 91
Володарский 61
Вольтер 54
Волынский А. П. 41
Врангель П. Н., ген., барон 10, 18, 26, 37, 39, 101, 110, 113, 215
Врубель С. А. 227
Вульф Вирджиния 255
Вырубов В. В. 12, 13, 259, 260
Высоцкая Н. Г. 102
В-ие 141
Вышеславцев Б. П. 198
Вышеславцева 191

Гааз д-р 271
Габрилович Л. Е. 23
Гавронская Л. С. 8, 101
Гавронский д-р Б. О. 101
Гальперн, адв. 8, 12
Гамсун Кнут 251

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Гегель 21
Гербер (изд.) 276
Герцен А. 19, 21, 34, 65, 233, 255
Герцен Н. Ал. 260
Гершензон М. О. 85
Гессен А. 82
Гессен И. В. 12
Гессен Н. 82, 299
Гёте В. 116, 196
Гиппиус З. Н. (Мережковская) 18, 24, 31, 32, 34, 40, 41, 45, 46-50, 52-56, 59-62, 68, 69, 74, 87, 89, 91-93, 98, 109, 111-114, 116, 122, 126, 128, 130, 134, 139, 143, 145, 147-149, 156, 158, 159, 169, 170, 175, 180, 182-185, 195,201, 202, 204-206, 208, 209, 210, 212, 213, 217, 223, 232, 234, 236, 238, 240, 268, 269, 281
Гиппиус Татьяна Н. 209, 218
Гирс А. Ф. 85
Гитлер А. 282, 283
Глазунов А. 209, 218
Гликберг А. М. см. Черный Саша
Гоголь Н. В. 91, 169, 200, 201, 226, 246, 290
Годунов Борис 230
Голобородько И. 35
Голштейн А. В. 72
Гольдштейн М. Л. 30
Гольцев В. А. 32
Гончарова Н. С. 102, 120, 121, 230
Гораций 115
Горький Максим (А. М. Пешков) 11, 12, 16, 17, 53, 62, 71, 76, 77, 94, 108, 113, 115, 122, 136, 186, 188, 226, 239, 243, 244, 256, 274, 280, 296
Горькие 36
Гофман М. Л. 192
Гребенщиков Г. Д. 22, 39
Гребенщиковы 35
Григ Э. 227
Григорьев Ап. 242
Гримм Д. Д. 154
Грозный, см. Иоанн Грозный
Гукасов А. О. 152, 153, 189, 198
Гуль Р. Б. 280
Гусаков А. Г., проф. 161
Густав, шв. король 297
Гутман 76
Гучков А. И. 109, 217

Даль Вл. 243, 244
Дали 244
Данте 157
Дейч Л. Г. 149
Демидов И. П. 40, 122, 170, 217, 242-245, 257
Демидова 257
Деникин А. И., ген. 18, 197
Денисов 260
Денисова 101
Джемс 17
Дзержинский Ф. 186, 187
Диоген 109
Дионео (Шкловский И. В.) 81
Дионис 40
Дон Аминадо, см. Шполянский
Донзель Морис 121
Достоевский Ф. М. 59, 81, 124, 125, 136, 145, 147, 192, 233, 236, 238, 239, 241
Дроздов А. М. 77

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Дурново П. 226
Дягилев С. П. 64, 88, 230
Дьякова 57

Евлогий, архиеп. 78, 110, 175, 257, 267, 280
Елпатьевский, д-р 161
Ельяшевич В. Б., проф. 20, 21, 23-25, 27, 29, 137, 140
Ельяшевич Ф. Ос-а 200
Еремеева О. Л. 137, 219
Есенин Сергей 38, 106

Жид Андрэ 81, 91, 92, 97, 232
Жозеф 279, 283

Зайцев Б. К. (Борис, Боря) 116, 120, 134, 140, 150, 153, 157-159, 173, 174, 179, 180, 182, 189-191, 198, 201, 208, 222, 236, 240, 241, 246, 257, 265, 268, 270, 282, 293
Зайцева В. А. (Верочка) 115, 120, 149, 165, 174, 197, 198, 222, 240, 241, 246, 264, 265, 278
Зайцевы (Зайчики) 17, 89, 115, 131, 133, 146, 148, 158, 159, 176, 197, 198, 201, 208, 216, 222, 235, 264, 265, 268, 270
Зайцева Наташа (см. Соллогуб)
Зайцев К. О. 236, 273, 274
Зайцевы 235, 273
Замятин Е. 239
Зенинов В. М. 9
Зернов В. М., д-р 268
Зилотти А. 106
Злобин Вл. А. (Володя) 24, 41, 48-50, 54, 56, 57, 62, 64, 80, 88, 89, 111, 206, 232
Зноские 16
Зуров Л. Ф. (Леня, Скабарь, Питомец, Лось) 189, 190, 210, 211-213, 214, 216-221, 223-226, 233, 237, 241, 256, 257, 261, 262, 269, 270, 271-273, 278, 293, 294

Ибаньес Бласко 72
Иванов Вяч. Ив. 85
Иванов Георгий В. 195, 238
Иванов С. А. 165
Игнатьев, граф 42, 216
Иловайская О. 191, 231
Иловайский В. И., проф. 234
Иловайские 289
Ильин И. А., проф. 144, 153, 197, 235, 238, 239
Ильины 169
Инбер В. 23
Иоанн Грозный 40, 227

Каган-Семенов 30
Калгрен А., проф. 235, 293
Каллаш М. (псевд. Курдюмов) 133, 176, 203, 281, 282, 287
Каляев 187
Кант Э. 234
Капитан, см. Н. Рощин
Карабчевский 132, 133
Карлфельд 256
Карташев А. Вл., проф. 16, 24, 29, 34, 84, 112, 114, 117, 121, 122, 134, 142, 170, 175, 202, 236
Карташевы 43, 77, 99, 105, 117, 120, 290
Карсавина Т. П. 88
Катаев В. 221, 222
Качалов В. И. 102, 104, 123
Кедрин 39
Кедровы 202, 245
Керенский А. Ф. 8, 11, 42, 61, 169, 170, 217, 236, 269, 270
Кессель И. 107
Кизеветтер А. А., проф. 120
Кишкин 43

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Клодиа (портниха) 272
Ключевский В. О., проф. 227
Книппер (Чехова) О. Л. 102-104
Ковалевский М. М. 14
Койранский А. А. 21
Койранские 82
Колчак А. В., адмирал 78, 79, 129
Комиссаржевская 45
Константин Константинович, вел. кн. 244
Конюс Т. С. (ур. Рахманинова) 218, 227
Корнилов Л. Г., ген. 32, 61, 144, 170
Корнилов Ф. Д. 294
Короленко В. Г. 32, 71
Крандиевский 186
Кречетов С. А. 280
Кречетовы 35
Кривошеин А. В. 10, 49-51, 56, 60, 61
Кривошеины 60
Кронштадский о. Иоанн 175
Крымов В. П. 273, 274, 280
Кугушева Ася 253
Кугушева М. А. 224
Кугушевы 214, 220, 224, 233, 253
Кузнецова Г. Н. (Галина, Галя) 169, 170-173, 175, 178, 185, 190, 191, 192, 200, 203, 204, 206, 210, 216, 218, 220, 223, 225, 226, 229, 254, 255, 257, 259, 261, 262, 266-268, 270, 271-273, 277-280, 289, 290, 293, 295, 297, 299
Кузьмин-Караваев Д. 20, 30, 39, 166
Кульман Н. К., проф. 102, 121, 122, 151, 163, 167, 210, 270
Кульман Н. И. 150, 151, 153, 192, 203, 238, 265
Кульманы 120, 132, 150, 151, 162, 185, 210, 293
Кун Бэлла 37
Кулябко-Карецкий Н. И. 247
Куприн А. И. (папочка) 16, 19, 21, 22, 24, 25, 31, 56, 81, 84-87, 89, 98, 99, 102, 105, 112, 115, 117, 132, 137, 176, 182, 184, 189, 216, 220, 270, 274, 282, 296
Куприна Е. М. (Лизи) 89
Куприны 15, 16, 20, 21, 22, 28, 32, 33, 34, 64, 71, 87, 88, 98, 131, 137
Курдюмов см. Каллаш
Кусевицкий С. А. 36
Кусиков 92, 93
Кускова Е. Д. 92, 159
Кустодиев Б. М. 243
Кутепов А. П., ген. 113, 214, 215, 216
Кянжунцевы 295

Лавров П. Л. 32
Ладыженский В. Н. 32, 261, 262
Лазаревский Б. А. 145
Ландау Гр. 130
Ландау М. А. (см. Алданов Марк)
Ландау Т. М. 222
Лаоцзы 117
Лапинская 220
Ларионов М. Ф. 10, 102, 103, 150
Левина М. 133
Левины 82, 175
Ленин В. И. 11, 17, 53, 87, 104, 121, 260
Леонтьев К. 224
Лермонтов М. Ю. 62, 189, 223
Лист Ф. 227
Литовцев, см. Поляков-Литовцев С. Л.
Лифарь С. М. 245

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Лихошерстов 89, 99
Ллойд Джордж Д. 73
Лоло (Мунштейн В. Н.) 19, 223, 255, 266
Лопатин Вл. М. 247, 248
Лопатин Л. М. 247, 248
Лопатина Ек. М. (Лопатэн) 137, 138, 144, 203, 204, 223, 224, 233, 246, 247-249, 252, 272, 281, 282
Лохвицкий, ген. 85
Лужские 102, 103
Луначарский А. В. 11
Лурье С. В. 134, 170
Львов Г. Е., князь 9, 12, 13, 30, 137, 138, 139, 230
Львов Лоллий И. 145, 199
Любимов, свящ. 262
Лютер А. 255
Ляцкий Е. А. 11

Маан, д-р (он же Мак) 163, 183, 272, 273
Магеровский Л. Ф. 74. 77
Макеев М. Н. 172
Маклаков В. А. 9, 28, 217
Маклакова М. 9, 28
Маклаковы 13, 122
Маклаков Ю. Н. 54
Маковский С. К. 183, 189, 198
Малиновская 186
Малиновский 36
Малявин Ф. А. 132, 137
Мамонтов Савва 227
Манн Томас 211, 235, 246
Мансфильд Кат. 254
Манухин И. И., д-р 33, 40, 71, 101, 121, 122
Манухина Т. И. 185, 201, 269, 274, 281
Манухины 89, 97, 121, 122, 136
Маркс Карл 234
Маршак А. О., д-р 10, 102
Маяковский В. 104, 106
Медичи Ек. 93
Мейнгард 25
Мельгунов С. П., проф. 158, 217
Мельников-Печерский П. И. 243
Менье 94
Мережковский Д. С. 11, 18, 23-25, 30, 40, 45-50, 53-57, 59-63, 68, 73, 74, 77, 84, 85, 87, 91-93, 98, 101, 110-113, 121, 128, 129, 131, 134, 135, 136, 147, 148, 156, 158, 160, 169, 175, 181, 183-185. 201, 202, 211, 217, 223, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 252, 253, 258, 268, 269, 276, 278, 297
Мережковская Зин. Н. см. Гиппиус З. Н.
Мережковские 17-19, 23, 24, 27, 32, 41, 46, 48, 49, 52, 55, 57, 62, 64, 68, 69, 71, 77, 84-88, 90-93, 95, 97, 101, 109, 110, 112-114, 126-129, 131, 132, 136, 141, 145, 148, 149, 158, 159, 163, 169, 181-183, 185, 192, 200, 201, 202, 204, 207, 211, 217, 222, 223, 225, 230, 233, 236, 252, 254, 269
Микоян А. 207
Милица Ник., вел. княг. 194
Миллер Е. К., ген. 215
Милль Пьер 46
Милюков П. Н. 14, 26, 35, 42, 52, 83, 92, 104, 120, 123, 137, 141, 142, 160, 169, 191, 200, 207, 234
Минский (Виленкин) Н. М. 41, 281
Минские 281
Миронов Н. Д. 141
Мироновы 137
Мирский (Святополк-Мирский) Д. П. 20, 22, 30, 158, 255

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Михайлов, д-р 66
Михайлов П. А., проф. 132
Михайловы 131, 177, 197
Могилянский 16
Моисеенко Е. И. 114, 116, 130
Могилевский 293
Мольер 73
Мопассан 185, 189
Москвин И. М. 102, 104
Мочульский К. В. 216, 231, 232
Муллен Камилл де 14
Мунейхин Мисюрь 190
Муромцев Вс. Н. (Сева) 16
Муромцев Дм. Н. (Митя) 161, 186, 283, 294
Муромцев Н. (папа) 93, 161, 251, 275, 283
Муромцев П. Н. (Павлик) 161, 283, 285, 287, 294, 295, 299
Муромцева Л. Ф. (мама) 108, 109, 120, 172, 237, 249, 259, 275, 299
Муссолини 212
Мустангет 78

Набоков В. Д. 10, 83
Наполеон 129, 169, 234, 290
Нарышкины 12
Неклюдов А. В. 16, 129, 148, 150, 207, 279
Неклюдова 148
Неклюдовы 148, 231
Немирович-Данченко В. И. 124, 184
Нижинская 268
Николай I 207
Николай II 11, 113, 118, 217, 226, 244
Николай Николаевич, вел. кн. 117, 140, 192-195, 214, 215
Нилус П. А. (Петр) 67, 120, 196, 199, 200
Нилус Б. С. 131, 165
Нилусы 131
Нобель Альфред 296, 297
Нобель Г. Л. 252, 294
Нобель Марта Л. 296
Нобель Э. Л. 251-252
Нобели 252
Новгородцев П. И., проф. 120
Новосильцев, ген. 244
Нольде Б. Э., барон 83
Нувель В. Ф. 45, 106

Овсянико-Куликовский Д. Н. 145, 192, 210
Одоевцева Ирина 195, 202
Олейников 251, 252, 255, 283, 296, 297
Олейниковы 297
Ольденбургский А. П., принц 20
Онегин (музей Онегина) 11
Орлов-Давыдов 12, 13
Осоргин М. А. 134, 153, 159, 220, 270
Осоргина (Рери) 270
Осоргины 136
Оцуп Н. А. 200, 201

Павловичи 117
Палеолог 113
Паскаль 164
Петр Великий 21, 226
Петр Николаевич, вел. кн. 194

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Петрарка 258
Петровская Н. И. (Соколова-Кречетова) 174
Пешков А. М. см. Горький
Пешков Максим 113, 186
Пешкова Е. П. 43, 113, 136, 185-188, 226
Пикассо Пабло 42, 106
Пилкины 129
Пилсудский Ю. 11, 14, 33, 212, 268
Писаревские 137
Платон 109
Плевако Ф. Н. 224
Плевицкая Н. В. 268
Плеханов Г. В. 149
Плещеев 42, 232
Плотин 109
По Эдгар 17
Полнер Т. И. 32, 35, 36
Полонский Я. Б. 292
Полонские 132
Поляков А. А. 16, 31, 36
Поляков-Литовцев С. Л. 30, 35, 123, 231, 235, 259
Потресов С. В. см. Яблоновский
Прево Марсель 73
Прокопоич 92
Прокофьев С. С. 45
Пруст М. 206, 207, 208, 209, 232, 240, 241
Пуанкарэ Р. 73, 79
Пуарэ 12
Пушкин 33, 52, 87, 151, 189, 223, 230, 234, 238, 239, 244
Пэти Е. Ю. 217

Радищев А. Н. 178
Раковский 131
Распутин Гр. 35, 110
Рахманинов С. В. 161, 162, 218, 226-229, 259
Рахманинова 162, 226
Рахманинова см. Конюс Т. С.
Рахманиновы 162, 218, 226
Рачковский 30
Ремизов А. М. 78, 134, 156, 262
Репин Илья 230
Рильке Райнер М. 206, 237-239
Роговский 13
Роджерс 77, 86
Родэн Р. Ф. О. 238
Розанов В. В. 156, 201
Розенберг К. 134
Розенталь Л. М. 44, 46, 85-88
Роллан Ромэн 101, 145
Ролль 252
Романовы 226
Ростовцев М. И. 130, 263
Ростовцевы 130
Рощин Н. (Капитан) 160, 163, 180, 185, 190, 199, 208, 210, 211, 214, 215, 218, 271, 290
Рощина-Инсарова Е. 42
Руднев В. В. 9, 19, 24, 123, 142, 143, 269
Рудневы 13
Русов 247
Рябушинская М. Д. 28, 35

Савельев А. 219

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Савинков Б. В. 9, 10, 11, 13, 14, 18, 31, 32, 34, 60, 61, 71, 129, 130, 141, 143, 149, 170, 212, 252, 260
Савинкова Е. И. 77, 86, 186
Савинковы 13
Сазонов И. 10
Сальери А. 227
Самозванец (Дмитрий Отрепьев) 230
Самойловы 233
Серов С. М., д-р 182, 183
Сирин (псевд. В. В. Набокова) 208, 209, 233, 236, 240, 253, 257, 278, 299
Скирмунт С. А. 186
Скобцова Е. Ю. (мать Мария) 241, 267, 274
Скоропадский П. П., ген. 28
Соколов С. А. (псевд. Кречетов, см.) 174
Солдатский 294
Соллогуб Н. Б., ур. Зайцева 149, 265, 266
Соллогубы 265
Соловьев С. М. 33
Соловьев Влад. 53, 54, 247
Соломон 54
Сорин С. 209, 226, 229, 230
Сосновский 51
Спасский о. Георгий 121
Спесивцева 245
Спирович 246
Спировичи 137
Сталин 290
Сталь м-ме де 13
Станиславский К. С. 102, 103, 123, 124
Стахович Г. Е. 12, 13, 148
Стеллецкий Д. С. 230
Стендаль 234
Степун Марг. А. 299
Степун Ф. А., проф. 134, 135, 136, 137, 139, 140, 157, 158, 159, 179, 200, 201, 205, 210, 238-243, 255, 263, 272, 283, 284, 299
Степун Нат. 200, 239
Степуны 138, 200, 221, 237, 282, 283, 299
Стравинский Игорь 231
Струве А. П. 10, 29
Струве Г. П., проф. 255
Струве П. Б., проф. 10, 14, 16, 18, 19, 20, 26-29, 77, 120, 130, 142, 143, 153, 154, 181, 182, 184
Судейкин С. 56
Сургучев И. Д. 132

Тагор Рабиндранат 125, 126
Тарновский, полк. 23
Татаринов 191
Телешов А. Н. 104
Телешов Н. Д. 104, 220, 237, 249
Телешова Ел. А. 104, 138, 220
Телешовы 102, 104, 220
Темирязев, кн. 228
Теодорик 289
Тикстон П. А. 182, 209, 237
Тихон патриарх 113
Токарский 247
Толстой А. К. 12, 230
Толстой А. Н. 8-13, 15, 16, 20, 21, 23-27, 29-32, 35-37, 56, 65, 81, 116, 229, 230, 260, 274, 280, 282
Толстая Н. (Наташа) 15, 27, 32, 38, 39, 239
Толстые 8, 10, 12, 15, 19-22, 28, 36, 38, 39, 83, 89, 186, 229, 239, 260

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Толстые Ника, Фефа, Митя, Марьяна 239, 240, 280
Толстая А. Л. 246
Толстой Лев 9, 12, 16, 17, 42, 59, 72, 75, 104, 110, 125, 138, 147, 162, 181, 184, 189, 192, 213, 224, 227-229, 236, 245, 279, 286, 288, 290
Толстая С. А. 228, 246
Толстые 224, 246
Топорков 26
Третьяковы 73
Троцкий И. 235, 256, 296
Троцкий Лев 11, 77, 260
Тургенев И. С. 17, 79, 144, 189, 213, 231, 253, 267
Тыркова-Вильямс А. В. 18
Тютчев Ф. 117, 207, 223
Тютчевы А. Ф. и Китти 207
Тэффи Н. А. (Лохвицкая) 19, 20, 32, 36, 51, 78, 83, 109, 133, 134, 175, 177, 182, 189, 200, 201, 209, 236, 237, 268

Ундсет Зигрид 233
Унковский, д-р 174
Урицкий М. 61
Уэльс Герберт 18, 237

Фарер Клод 77, 86
Фареры 86
Федин К. 272
Федоров А. М. 64
Федоров Н. 197
Федотов Г. П., проф. 198, 258, 262, 263
Фет А. 12, 223
Филоненко М. М. 60, 61
Философов Д. В. 135, 205
Флобер Гюстав 66, 136, 234
Фондаминский И. И. (Бунаков-Фондаминский, Илис, Илюша) 7, 8, 19, 20, 70, 125, 140-143, 156, 170, 171, 178, 179, 189, 199, 202-208, 216, 218, 219, 221, 223, 234, 236, 238, 246, 257, 261, 263, 264, 272, 282, 284
Фондаминская А. О. 88, 221
Фондаминские 7, 89, 101, 152, 171, 215, 216, 223, 224, 239, 243, 245, 254, 267, 269, 281, 283
Франс Анатоль 46, 134
Франциск I 90
Фрейд Зигмунд 239

Hardy Thomas 256
Харитоненко 51
Ховен, барон 144
Ходасевич В. Д. 160, 174, 182, 183, 189, 195, 208, 210, 213, 217, 218, 220, 268
Ходасевичи 175, 222, 223
Хомяков А. С. 179
Huxley Aldous 224

Цакни А. Н., см. Бунина
Цетлин А. В. 102
Цетлин М. О. 9, 10, 12, 38, 42, 174, 175, 189, 218, 226
Цетлина М. С. 8, 10, 12, 13, 17, 38, 68, 74, 78, 88, 89, 103, 123, 134, 153, 174, 217, 240, 245
Цетлины 37, 45, 67, 81, 82, 102, 105, 106, 107, 173, 174, 176, 197, 202, 223, 258, 268
Цетлин О. С. 290
Цветаева Марина 17, 37, 157, 158, 208, 289, 293
Цвибак Я. (псевд. — Андрей Седых) 174, 295

Чайковский Н. В. 34, 40, 43, 87(?), 230
Чайковская В. Н. 9, 43
Чайковский М. 268

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Чернов В. М. 21, 143
Черный Саша (Гликберг А. М.) 137
Чехов А. П. 32, 81, 94, 101, 102, 103, 145, 162, 189, 208, 226, 227, 228, 229, 287
Чехов И. П. 103, 109
Чехов Мих. 245
Чехова М. П. 103
Чириков Е. 156, 261

Шаляпин Федор 162, 225-227, 229, 242, 243, 244, 259, 292, 295, 296
Шаляпина М. В. 227
Шаляпина Стелла 295
Шапен m-elle 271
Шассен 251, 254, 277, 296
Шаховская З. А., кн. 83
Шаховской Д. А., кн. (арх. Иоанн Сан-Францисский) 45, 165
Ш-ие 45
Шекспир 17
Шеллинг 208
Шестов Лев 40, 85, 87, 109, 135, 208
Шестовы 77, 109, 171, 270
Шиман, д-р 52
Шишкина-Афанасьева 22
Шлецер Б. Ф. 85, 107
Шмелев И. С. 37, 99, 100, 103, 105, 106, 107, 108, 112-116, 121, 122, 140, 150, 153, 154, 169, 182, 189, 198, 199, 210, 217, 270, 272, 282, 288, 296
Шмелева О. А. 109, 112, 116
Шмелевы 99, 106, 107, 109, 111, 112, 116, 118, 199
Шполянский А. П. (Дон-Аминадо, Аминад) 8, 19, 21, 22, 23, 27, 28, 191, 222, 268, 270
Штерн 25, 26
Шульгин В. В. 26, 158

Щеголев М. 192
Щепкина-Куперник Т. Л. 69
Щербатов, кн. 244

Эмилия Вас. 76
Эренбург Илья 36-39
Эристова, кн. 175
Эртель А. И. 192, 195, 196, 197
Эррио Э. 44

Юрьев 247
Юсупов Ф., кн. 124, 229
Юшкевич П. 154, 157, 177
Юшкевич С. С. 165, 166

Яблоновский А. 29, 30, 189
Яблоновский С. В. (Потресов) 35, 69, 178
Яблоновские 22, 32
Якобсон Е. 297
Якунчикова 52

Для сайта BOOK-OLDS.RU

СОДЕРЖАНИЕ

Часть третья. Чужбина	7
Примечания	300
Указатель имен	308

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

УСТАМИ БУНИНЫХ

Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин

В трех томах

Том III

ПОСЕВ

Для сайта **BOOK-OLDS.RU**

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1982
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

Милица Грин

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Часть четвертая

НА ИСХОДЕ

1934

[Дневника Ив. А. Бунина за 1934 год в архиве нет, возможно, что он записей и не делал. Сохранился только лист с фактическими данными личного характера и следующая переписанная на машинке заметка:]

Летом в Грассе со мной случился у калитки «Бельведера» совершенно неожиданный внезапный обморок (первый раз в жизни): ездил с К. Зайцевым к художнику Стеллецкому, очень устал за день, ничего не ел с утра до вечера и вот, возвратясь в Грасс из Канн в автокаре и поднявшись на гору к этой калитке, вдруг *исчез*, совершенно не заметив этого, — исчез *весь* в мгновение ока — меня вдруг не стало — настолько вдруг и молниеносно, что я даже не поймал этой секунды. Потом так же вдруг увидел и понял, что лежу в кабинете на диване, грудь облита водой, которую мне бесчувственному давали пить... Внезапная смерть, вероятно, то же самое.

[Записей Веры Николаевны за этот год немного:]

13 февр./31 янв. Вторник.

Значит, я устала, что только сегодня открыла эту тетрадь. [...] Только что ушел от нас иеромонах Иоанн [Шаховской. — М. Г.]. Я не видела его 8 лет. Изме-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нился, просветлел, только голос прежний, такой же чистоты, наивности и прелести. [...] Из Берлина уезжать не хочет. Увлечен Марфа-Мариинской общиной, 2 квартиры — в одной 2 монахини — Марфа и Мария, в другой столовая для детей. Кормят обедами. Мать Марфа имеет дар влиять на души. [...]

Ян сравнительно в добром настроении. С желудком у него лучше. Он стал осторожнее в еде.

Леня [Зуров. — М. Г.] поправился. Много работает. Галя [Кузнецова. — М. Г.] тоже поздоровела после Парижа. [...]

8 марта.

[...] Я еще нездорова. Сердце лучше. По мнению Маана, дело не в сердце, а в нарушении правильного действия секреций. Этим объясняется и моя ненормальная утомляемость. Я ничего не могу делать. [...]

На очереди вопрос о покупке Бельведера. Рукье хочет 87.000. Ян ездит и смотрит. Везде дороже. [...]

21 апреля.

Полтора месяца ни слова. [...] Многое я за этот год поняла. Главное, что никому я собственно не нужна, как я, моя душа. [...]

Из домашней жизни радует только Леня. Он работает, пишет, иногда мне диктует. Перестал ссориться с Галей. Стал спокойнее и сдержаннее. Но, конечно, его положение трудное. Заработок пустяковый. [...] Галя тоже стала писать, но еще нервна. [...] У нее переписка с Маргой [Степун. — М. Г.], которую мы ждем в конце мая. [...] Ян все мучается и насчет покупки Бельведера. [...]

23/10 апреля.

27 лет моей совместной жизни с Яном. [...] И опять в душе воскрес наш дом в Столовом. [...] Волновало приятно, что направляемся в Святую землю и,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

хотя я была тогда далеко от Христа, именно там у меня начался возврат к Нему. [...] К Гробу Господню я подходила и прикладывалась в большом волнении и даже религиозном трепете. Но какое бы я испытала счастье, если бы в те дни жила настоящей жизнью, не отвратила бы лица своего от Господа! Ян порой хорошо говорил о Христе, о Преображении и, пожалуй, он кое-что сделал для приближения меня к Нему. Теперь мы опять не вместе. Он как-то остановился, а мое стремление все вперед и выше к Нему. Но я еще далеко от того, чтобы от всего освободиться.

26 апреля.

Вчера приехал Борис Зайцев. [...] очень родной нам, точно из семьи.

Сейчас около 10 ч. Сошел пить кофе. К нему вышел Ян. Быстро заговорили о Гоголе. Ян вспомнил свою давнишнюю мысль, что Гоголь сжег не вторую часть «Мертвых душ», а то, что не вышло из этой второй части. Ему хотелось писать в ином стиле, неорганически, а это у него не вышло. Ему хотелось стать Данте, Шекспиром. Зайцев сказал: — Я Гоголя понимаю, стал недавно понимать, через себя. Ведь я знаю, что жизнь не такая, как я изображаю ее, а между тем иначе я не могу, без этих «акварельных тонов».

День чудесный. Внизу читала Евангелие от Матфея. [...] Сколько ни читаешь Евангелие, всегда увлекательно, и всегда черпаешь что-то новое. [...]

Приезд Бори может принести в наш дом мир. Он успокаивает и, так как в нем нет чуждости нам, то он не утомляет.

6 мая.

Письмо от Мити [Брат В. Н. — М. Г.]. [...] Диагноз: органическое заболевание центральной нервной системы. Артериосклероз головного мозга. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 июня.

[...] Поднялась до парка, а потом по нему спустилась. Прогулка взяла 3/4 часа. Для первого раза достаточно.

3 дня и 2 ночи мы с Яном были одни. Мне понравилось. Какая-то свобода. [...]

Марга у нас третью неделю. Она нравится мне. [...] Можно с ней говорить обо всем. С Галей у нее повышенная дружба. Галя в упоении и ревниво оберегает ее ото всех нас. [...]

14 июня.

[...] третий день нет писем от Мити. Я сама не своя. [...] Убивает меня его атеизм. Молюсь все, чтобы Бог просветил его. [...]

Марга довольно сложна. Я думаю, у нее трудный характер, она самолюбива, честолюбива, очень высокого мнения о себе, о Федоре [Ф. Степун, философ и писатель. — М. Г.] и всей семье. [...] Но к нашему дому она подходит. На всех хорошо действует ее спокойствие. [...] Ян как-то неожиданно стал покорно относиться к событиям, по крайней мере по внешности. [...]

15 июня.

[...] Рукье сказал, что даст ответ [относительно продажи Бельведера. — М. Г.] во вторник. Боюсь, что опять будет что-нибудь выторговывать. А весь этот торг выбивает Яна из колеи, он до сих пор не садился за писание. [...]

8 июля.

[...] Митя. То напряжение, в котором я живу в отношении его, берет у меня почти все силы. [...] Дома у нас тоже не радостно. Галя как-то не найдет себя. Ссорится с Яном, а он — с ней. Марга у нас, ждет денег. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11 июля.

Вчера Ян твердо сказал, что покупает Бельведер[1]. Мне страшно. Зачем себя связывать? В доме у нас нехорошо. Галя, того гляди, улетит. Ее обожание Марги какое-то странное. [...] Если бы у Яна была выдержка, то он это время не стал бы даже с Галей разговаривать. А он не может скрыть обиды, удивления и поэтому выходят у них неприятные разговоры, во время которых они, как это бывает, говорят друг другу лишнее.

23 июля.

[...] Уехала Марга. Галя ездила ее провожать до Марселя. [...] У нас поселился Капитан [Прозвище Н. Рощина. — М. Г.]. Он совершенно перековал язычок насчет большевиков: «Если все пойдет так, как теперь, то я через 2 года уеду в Россию». [...] Друг Капитана, Каменский, уже уехал туда. К. видался с Катаевым и с настоящими коммунистами. Подленький он человек, честолюбивый, злой. «У меня вся эмиграция в кармане». Ян думает, что он побрешет, побрешет, и никуда не поедет. А я не знаю. Вот эта-то подлость мне непереносима в нем. [...]

Мите значительно лучше. [...]

5 августа.

Очень недовольна собой — утеряла то, что было раньше, способность работать, много читать. [...] Раздражает меня Капитан своей подленькой сердцевиной, своим враньем. И, конечно, я не права проявлять раздражение. [...] Что бы ни было, Ян возьмет его под свою защиту. [...]

9 августа.

[...] Наконец, Ян решился ехать в Лаванду — смотреть землю Гребенщикова. Но и тут неудача. Не звонит телефон. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3 сентября.

Опять давно не открывала эту тетрадь. Живем нехорошо. Лучше всех Леня: работает, иногда ездит купаться, в церковь, привозит книги. [...]

3 октября.

Галя, наконец, уехала. В доме стало пустыннее, но легче. Она слишком томилась здешней жизнью, устала от однообразия, от того, что не писала. [...]

Ян очень утомлен. Вид скверный. Грустен. Главное, не знает, чего он хочет. Живет возбуждением, и от этого очень страдает.

9 ноября.

Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма[2] и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне. Это мешало сосредоточиться, работать, а тут еще горе без конца.

10 ноября.

Нынешнего года лауреат Пиранделло, Луиджи. Нам жаль, что не Валери, перед лицом искусства он выше. [...]

Последние дни все думаю о смерти. Пугает, главным образом, как без меня будут обходиться Митя, Леня и Ян. [...]

12 декабря.

Вечер. Я одна. Леня в синема. На дворе дождь. Недавно звонил Ян из Парижа. Едет завтра с Михайловым в Бельгию, Брюссель, в Антверпен, может быть, Кельн, может быть, Берлин — оттуда трудно получать деньги. Конечно, они заедут и в Геттинген[3].

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Я очень рада, что Ян проедется, хорошо, что с Михайловым, Яну с ним приятнее. Он не писатель. Ценит дружбу и относится без задних мыслей. Я думаю, что будет влиять хорошо. В Бельгии Ян никогда не был, новая страна, а говорят по-французски. [...]

Ян зовет меня в Париж, но может быть, без меня обойдутся. У меня как гора с плеч — не ехать, во всяком случае, до Нового года! [...]

Завтра у нас «морской обед». [...] Будут мули, лососина с майонезом и провансалем, меренги, фрукты сырые и сушеные, орехи, белое вино, коньяк. Танцы. [...]

1935

[Записей и за этот год мало. Привожу выдержки из дневника Веры Николаевны:]

21 февраля.

[...] Не хочется писать. Трудно работать. Какое-то равнодушие ко всему. [...]

Ян 29 янв. оступился, упал, повредил ногу. Три недели с лишком ухаживаю за ним, сплю в столовой. Много разговоров, бесед, споров. [...]

[Записи Бунина за 1935 и следующие довоенные годы, видимо, переписаны из дневника и сохранились в рукописи.]

8.III. 35. Grasse.

Уже пятый час, а все непрерывно идет мягкий снег — почти с утра. Бело сереющее небо (впрочем, не похоже на небо) и плавно, плавно — до головокружения, если смотреть пристально — текущая вниз белизна белых мух, хлопьев.

План ехать нам всем трем в Париж.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Разговор с Г. Я ей: «Наша душевная близость кончена». И ухом не повела.

[Вера Николаевна записывает:]

25 марта.

[...] Завтра, Бог даст, двинемся с Леней в Париж через Гренобль. Ян и Галя с 15 марта там. [...] Леня едет из Парижа в Прибалтику[1].

8 июня.

Я совершенно потеряла вкус записывать. Чувствую себя ужасно. Вчерашнее известие о смерти Амалии [А. О. Фондаминской. — М. Г.] было последней каплей. Я, конечно, очень переволновалась за Митю. [...]

19 июня.

[...] Завтра приезжает Марга. Бог даст, будем жить хорошо. Галя поправится. Ян втянется в работу, а я отдохну, уединюсь. [...]

Была Иванжина. Ужасно тяжело. Им необходимы деньги, а я не в состоянии помочь. И так никуда не езжу, ничего себе на лето не купила, кроме туфель. [...]

Письмо Яну от Зайцева [Б. К. Зайцев. — М. Г.]: 10-го уезжают в Финляндию. Фондаминский только и говорит, что о России, о большевиках, виделся с Алешкой [А. Н. Толстым. — М. Г.]. Передал Боре, что Толстой хочет с ним повидаться. Зайцев отказался.

Плох Куприн. Можно ожидать всякого исхода.

Бальмонт в лечебнице, живет в саду во флигельке, завел роман с 75-летней больной, дружит с франц. поэтом, который доказывает свои права на франц. престол. Бальмонт полез на дерево, чтобы лучше слушать соловья, но «по случайной неосторожности» поэт упал и повредил себе ногу (рассказ Елены). [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Запись Ивана Алексеевича:]

6. VII. 35. Grasse.

Бетховен говорил, что достиг мастерства тогда, когда перестал вкладывать в сонату содержание десяти сонат.

Вчера были в Ницце — я, Рощин, Марга и Г. Мы с Р. съездили еще в М. Карло. Жара, поразит. прекрасно.

Без конца длится страшно тяжелое для меня время.

[Из дневника Веры Николаевны]

25 июля, 6 ч. утра.

Рощин уехал. Какое облегчение прожить без него хоть несколько дней. [...]

Приносил очень милый, симпатичный человек скатерти из России. И я не могла купить. Денег у меня совсем нет, не знаю, как буду помогать Мите. И никто не верит. Доходов почти нет. Немецкие деньги уйдут на 2 книги, которые доиздает Ян сам, т. к. «Петрополис» выпускает всего только 10 книг.

За парижскую квартиру сбавили 10%. Сбавит ли Рукье?

11 августа.

[...] Марга остается до 10 сент., а Галя уезжает в Геттинген в начале октября. Думаю, вернее, уверена, что навсегда. Они сливают свои жизни. И до чего они из разных миров, но это залог крепости. [...]

Пребывание Гали в нашем доме было от лукавого. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

15. VIII. 35. Grasse.

Вчера Cannes, купанье в новой купальне, — все

Для сайта BOOK-OLDS.RU

англичане, — тучи, ветер. В кафе встретил их. Выпил 2 рюмки коньяку. В Грассе купил Тавель и еще 1/4 коньяку. За обедом 1/2 б. вина, хлебнул еще коньяку, после обеда был очень говорлив, но не чувствовал себя во хмелю, лег полежать — и заснул. Проспал одетый до 4 утра, пил кофе и опять заснул до 10. Состояние странное, гибельное, но спокойное.

Так вот и умру когда-н. — заснув, — делаю над собой нечто непостижимое.

Успенье — весь день этот грасский звон колоколов — как на Пасху. [...]

Вчера был у Веры Маан (доктор). Ужасные мысли о ней. Если буду жив, вдруг могу остаться совсем один в мире.

Позавчера, в лунную ночь, М. устроила в саду скандал В.

У нас уже дней 5 Каллаш.

Любить значит верить.

[Записи Веры Николаевны:]

24 августа.

[...] Каллаш у нас вторую неделю, много смеемся. [...] У нас сейчас курятник — Ян и 4 женщины. Это в первый раз за всю нашу жизнь такое преобладание женщин.

26 августа.

[...] В Париж мне не хочется, а придется ехать рано и будет тяжело. [...]

[На этом записи за 1935 год кончаются. Мало записей и за следующий год. Судя по письмам, зимой 1935 года Бунин опять ездил в Бельгию. Побывал и в Швейцарии.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1936

[Из записей Бунина:]

22. IV. 36. Grasse.

Был в Cannes, взял билет в Париж на пятницу (нынче среда), в 10 ч. 37 утра (поезд Пульман). Шел по набержн., вдруг остановился: «да к чему-же вся эта непрерывная, двухлетняя мука?[1] все равно ничему не поможешь! К черту, распрямись, забудь и не думай!» А как не думать? «Щастья, здоровья, много лет прожить и меня любить!» Все боль, нежность. Особенно когда слушаешь радио, что-нибудь прекрасное. [...]

23. IV. 36.

Заснул вчера около двух часов ночи, нынче проснулся около 8. Живу не по годам. Надо опомниться. Иначе год, два — и старость.

Первый день хорошая погода.

Когда-то в этот день — 10 апр. 1907 г. уехал с В. в Палестину, соединил с нею свою жизнь.

[Из дневника Веры Николаевны:]

26 апреля 36.

Ровно 8 месяцев не открывала эту тетрадь. Тяжелы были эти 3/4 года. Все мои старания примирить Яна с создавшимся положением оказались тщетными. [...]

[Из записей Бунина:]

26. IV. 36. Париж.

Приехал позавчера (в пятницу) в половине одиннадцатого. Тотчас наделал глупостей: тотчас поехал на вечер Бальмонта. Но вечер уже кончился — с rue

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Las-Cases помчался в café Murat, потом в Les Fontaines, 2 больших рюмки мару, ужасная ночь.

Вчера серо, яркая молодая зелень и свинцовый тон неба — мрачное впечатление.

Вечером *дома*. Потом Rotond de la Muette, Цетлины, Алданов и Керенский со своей австралийкой (не первой молодости, в хороших мехах, еврейка, кажется).

Нынче дождь. Безнадежная тоска, грусть. Верно, пора сдаваться.

Выборы. Блюм[2].

8. V. 36. Grasse.

Вернулся из Парижа позавчера.

В Польше читать[3] мне не разрешили: «Просили писатели других держав», — очевидно, русские, советские, — «мы не разрешили, так что разрешить Бунину было бы не куртуазно».

О чувстве божественного — ночь, звезды, ходил в саду.

9. V. 36. Grasse.

Весь день дождь. Убираю вещи — м. б., из Граса, благодаря Блюму, придется бежать.

Дай Б. не сглазить — эти дни спокойнее. М. б., потому, что в Париже принимал 2 недели Pankrinol-Elexir.

Она [Г. Н. Кузнецова. — М. Г.] в Берлине.

Чудовищно провел 2 года! И разорился от этой страшной и гадкой жизни.

Радио, джазы, фокстроты. Оч. мучит. Вспоминаю то ужасное время в J. les-Pins, балы в Париже, — как она шла под них. Под радио все хочется простить.

10. V. 36.

Заснул в 3, проснулся в 8. Дождь.

Да, что я наделал за эти 2 года. [...] агенты, которые *вечно* будут получать с меня проценты, отдача

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Собрания Сочин. бесплатно — был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу... И впереди старость, выход в тираж. [...]

[Записи Веры Николаевны:]

17 мая.

Получила письмо и открытку от Мити. Писал сам — «Четыре дня прошло от 7 мая, дня операции. [...] Держу себя бодро, не распускаюсь. [...]» Я плакала, читая.

28 мая.

[...] Сегодня письмо «лечиться нет возможности». Он, вероятно, огорчился, что я так мало прислала. Не прибавила на болезнь. А откуда я возьму? На чем можно сокращаться еще? Ну, в Петровку не буду есть мяса — экономия в 3 фр. в день. Денег остается на донышке. Надо написать фельетон, хоть один за лето. [...]

30 мая.

[...] Спала плохо: все думала, где достать денег, чтобы Мите хоть месяц отдохнуть. Собственно, нет у меня никого, к кому могла бы обратиться, да и неловко. А Ян не понимает. Ему все кажется, что он погибает, что все богаче его, это ненормально даже. Дал мне для Мити 100 фр. Я и то удивляюсь. [...]

[Из записей Бунина:]

7. VI. 36, Grasse.

Главное — тяжкое чувство обиды, подлого оскорбления — и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно, — душевно больной. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера Блюм начал свое правление. Забастовки, захваты заводов. [...]

14. VI. 36. Grasse.

[...] Был в Ницце — «День рус: культуры». Постыдное убожество. Когда уезжал (поехал на Cannes) за казино (в Ницце) огромная толпа... Все честь честью, как у нас когда-то — плакаты, красные флаги, митинги.

В Grass'е тоже «праздник». Над нашим «Бельведером», на городской площадке, тоже толпа, мальчишки, бляди, молодые хулиганы, «Марсельеза» и «Интернационал», на бархатных красных флагах (один из которых держали мальчик и девочка лет по 6, по 7) — серп и молот. [...]

Надо серьезно думать бежать отсюда. [...]

Видел в Ницце Зайцевых. [...] — грустные, подавленные тем, что происходит в Париже.

Душевно чувствую себя особенно тяжело. Все одно к одному!

1. VII. 36. Grasse.

Все занят «Освобождением Толстого»[4].

Ночью с 7 на 8. VII.

Изумительные белые облака над садом и из-за гор. Луна в озере барашков.

16. VIII. 36.

Иногда страшно ясно сознание: до чего я пал! Чуть ни каждый шаг был глупостью, унижением! И все время полное безделие, безволие — чудовищно бездарное существование!

Опомниться, опомниться!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из дневника Веры Николаевны:]

17 сентября.

Завтра приезжают за вещами, которые пойдут малой скоростью. [...] После завтра год со смерти Лопатэнушки[5]. Сегодня была О. Л. [Еремеева. — М. Г.] — похудела за год очень, часто плачет. Но не захотела, чтобы я 19 авг. приехала к ней. Какая непонятная вещь любовь! Больших антиподов, чем Ол. Л. и Е. М. [Лопатина. — М. Г.] нет, а между тем, какая у них была любовь. Какая была тяга друг к другу. А между тем, они все чувствовали разно.

21 сентября.

Последний день на Бельведере. Вчера ездили прощаться с Самойловыми. Милые, хорошие, гостеприимные они люди. [...] После 7 лет труда они доставили себе удовольствие, съездили на неделю в Париж. И посвежели. Им будет тяжело в одиночестве.

Вообще, кроме них, во всех семьях, с которыми мы дружили, перемены. [...] Счастливое событие только у Часинг. В остальных семьях или смерть, или разлука — но везде перемены.

Итак, дописывается последняя страница книги под названием «Бельведер». Конечно, сюда входят и 2 сезона на Монфлери. Есть что удержать Памяти[6]. [...]

[В октябре 1936 года Бунин ездил через Германию в Прагу читать свои произведения. На обратном пути он 26-го октября прибыл в город Линдау. Там он самым грубым образом был подвергнут таможенному осмотру, связаному с унизительным раздеванием. В рижской газете «Сегодня Вечером» от 3 ноября 1936 года он рассказал о своих злоключениях: «Я стоял перед ним раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сырого сквозняка, а он залезал паль-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

цами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался отрывать даже подошвы моих ботинок. [...]

Меня долго вели через весь город под проливным дождем. Когда же привели, ровно три часа осматривали каждую малейшую вещицу в моих чемоданах и в моем портфеле с такой жадностью, точно я был пойманный убийца, и все время осыпали меня кричащими вопросами, хотя я уже сто раз заявил, что не говорю и почти ничего не понимаю по-немецки. [...]» — Это событие вызвало бурю негодования и в печати, и среди друзей и почитателей Бунина.

В ноябре этого года Бунин проводит неделю в Италии — Риме, где посещает Вячеслава Иванова, Флоренции и Пизе[7].

[В начале декабря Бунин в Париже:]

1. XII. Париж.

Светлая погода. И опять — решение жить здоровее, достойнее. [...]

[С 6-го до 12-го декабря Бунин выступает в Лондоне. О его пребывании там свидетельствуют счета из гостиниц. В конце декабря он в Швейцарии — Сан-Мориц, Цюрих[8].]

1937

[Из немногочисленных записей Веры Николаевны:]

1 января.

[...] После обеда полуновогоднего мы все отправились к «Дворянам», где было весело, оживленно, напомнило Москву. Отсутствие снобизма. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11 января.

Сегодня утром Леня ушел от нас и поселился в общежитии. [...] ему будет лучше.

17 января.

Ян болен. [...]

23 января.

Ян чуть не сжегся. Стал готовить водку, а рядом горел газ. Спирт вспыхнул.

25 января.

Сирину я собрала 370 + 400 франков. [...] После вечера Сирина у меня пили чай. [...]

30 января.

[...] У Яна была Врангель[1], читала ему о Крыме. Ян сказал: «прекрасно написано». [...]

1 февраля.

Вчера на Пушкинском вечере было больше 400 человек. Ян читал очень хорошо. [...]

2 февраля.

[...] Вечером перед лекцией Мочульского зашла к Лене. [...] Он, как всегда теперь, занимается.

4 февраля.

[...] Мережковские пришли к нам для того, чтобы я устраивала им лекцию. Я отказалась, сославшись на невозможность продавать билеты. [...]

5 февраля.

3 часа ночи. Проснулась, а Яна еще нет. Он был в Пэн-клубе. Вероятно, застрял на Монпарнассе.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

30 марта.

[...] Чествование Тэффи. Из чествования ничего не вышло. Были Алдановы, Хмара, Абрамович, Перские, Илюша [Фондаминский. — М. Г.], Сирин, Тэффи, мы. [...] Зайцевых не было, не было и М. С. [Цетлиной. — М. Г.]. Многие выпили, как следует. Хмара пел, пела и Тэффи.

31 марта.

[...] Вечером у Рахманиновых. У С. В. очень плохой вид, постарел. [...] На конкурсе скрипачей в Брюсселе 5 призов. Советские получили первый приз. [...]

1 апреля.

Была с Леней на выставке Пушкина. Хорошо.

[В мае 1937 года Бунин ездил в Швейцарию и в Италию. В архиве сохранились счета из гостиниц в Вэвэ, Монтре, Лозанне, Милане и Генуе. Затем, в июле, он не то один, не то с Верой Николаевной ездил в Швейцарию — Женеву, Гертенштейн, Монтре, Лозанну. В августе Иван Алексеевич через Венецию поехал в Югославию — Раб, Сплит, Дубровник, Белград, Загреб, Любляна и назад через Венецию, о чем свидетельствуют его письма Вере Николаевне. Единственная запись Бунина за этот год написана по пути в Югославию в Венеции:]

19. VIII. 37. Венеция.

Вчера приехал сюда в 5 ч. вечера с Rome Express. Еду в Югославию. Остановился в Hôtel Britania.

Нынче был на Лидо. Огромно, гадко, скучно. Обедал у Бауэра.

Лунная ночь, 9 часов — всюду музыкально бьют часы на башнях. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1938

[Записей за начало этого года нет. Весной Бунин ездил в турнэ по Балтийским странам. 30. 4. 38 он писал Вере Николаевне из Риги:

«Труднее *этого* заработка — чтениями — кажется, *ничего нет*.

Вагоны, отели, встречи, банкеты — и чтения — актерская игра, среди кулис, уходящих к чортовой матери вверх, откуда несет холодным сквозняком. [...]

После чтения был банкет. Множество речей, — *искренно* восторженных и необыкновенных по неумеренности похвал: кажется, вполне убежден, что я по крайней мере Шекспир...»]

[Из дневника Веры Николаевны:]

25 августа, Villa Dominante. Beausoleil (A. M.)
Не вела дневника несколько лет. Трудные были для меня эти годы во всех отношениях. Сейчас я обретаю понемногу способность писать. Полюбила за эти годы тишину, молчание, — люди тяжелы.

Завтра для меня знаменательное число: 12 лет тому назад первый припадок каменной болезни, как говорили в старину. С этого дня жизнь моя меняется. [...] начинается, или собственно продолжается, путь к Богу. [...]

Берет время и девочка[1]. Интересно. Давно не возилась с детьми. Девочка не простая, уже чует в семье драму. «Вы мне все надоели, напишу папе, чтобы он взял меня». [...] Все «неприятности» из-за еды. [...] Может час просидеть над тарелкой и не есть.

Беспокоюсь о Лене. С 16 августа ни строки. Ноет сердце за Галю — проедают последние 250 фр.

Ян в раздражительном состоянии. [...] Много говорили о Куприне[2]. Перечитываем.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера пришли Зайцевы. Вспоминали. Смеялись. О Куприне трудно писать воспоминания, неловко касаться его пьянства, а ведь вне его о нем мало можно написать. [...]

Потом Борис вспоминал, как на одном официальном банкете с министром Мережковский говорил речь, учил сербов, как бороться с большевиками[3]. Неожиданно встал Куприн, подошел к Мережковскому, тоже стал что-то говорить. Так продолжалось минуты 2. Потом Куприна увели. Вообще, он пил там с утра, три бутылки пива, а затем все, что попало. Но никого в Сербии так не любили, как Куприна. К нему были приставлены два молодых человека, которые неотлучно были при нем. А когда приехали в Загреб — смятение, А. Ив. нигде не было. Оказывается, он заперся в клозете, его едва нашли. [...]. Затем, приехав в гостиницу, переоделся, и они с Борисом отправились читать где-то — ведь в этих странах лекции бывают всегда по утрам. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

5. XI. 38. Beausoleil.

Лун. ночь. Великолепие неб.[есной] синевы, объемлющей своей куполообразностью, глубиной и высотой все — горы, море, город внизу. И таинств., темно мерцающая над самой Собачьей Горой звезда (вправо от нас).

Лихорадочный взгляд [Окончания фразы нет. — М. Г.]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1939

[Из дневника Веры Николаевны:]

1 января.

Три зимы в Париже ушли на устройство банкета (Мережковскому), балов, индивидуальных вечеров. Затем переутомление, болезнь, лечение. Тяжелое настроение Яна. Бессонные ночи. Писать, записывать не было сил и времени.

Здесь я второй месяц. [...] Хочется жить сосредоточенно. Сейчас мешает Олечка. Она бывает прелестна, хочется смотреть на нее. [...] Интересно наблюдать за ней, укреплять ее личность. Но тут особенно трудно держать себя в узде, не позволять себе наслаждаться ею. [...] У Олечки в натуре много любви. Она любит мать, отца, Мишку, кукол — и всех очень трогательно. Она уже личность. Умеет защищаться сама. Это редкость в пятилетнем ребенке. [...]

3 января.

[...] Вчера письмо от Яна о бале: много угощений [...] взяли с Алданова за вино, кот. он не спрашивал. Не накормили писателей младшего поколения. Галя и Марга вернулись в 8 ч. утра!

1/14 [января]

Письмо от Лени. Его коллекцию[1] видели Беляев (ученый) и Калитинский. «Хвалили». Заказал костюм за 925 фр. у портного. Вероятно, горд. Свой носил 5 лет! [...] Написал фельетон — некому переписать. Видимо, и соскучился. [...] К предложению М. С. [Цетлиной. — М. Г.] реорганизовать Союз он отнесся благожелательно. «Надо организовать один Литературный Союз. Нас осталось очень мало». [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

28 февраля.

[...] День уходит на мелочи: варка кофию, базар, уроки с Олечкой, а главное — сама Олечка, усталость, спанье днем, мытье посуды, стряпня и даже на эту тетрадь не хватает сил. [...] Правда, Ляля [Жирова. — М. Г.] третью неделю больна. [...]

Олечка девочка необычная. Умненькая. [...] Наша игра в подруг, я — Ника, младше ее, раскрыла ее сущность. Несчастье — ее здоровье. [...] У нее уже в душе драма — разлука с отцом. Видимо, она все время думает и мучается — в чем дело? [...]

Ян в тяжелом состоянии — книга все не выходит. Не работает. Поездка в Париж выбила его из колеи.

Великий Пост, а я без церкви. Нельзя оставлять Лялю одну, пока она нездорова, с больной девочкой. [...] Живу мечтой поехать хоть на месяц в Париж. Поговеть. Побыть с Леней. Если бы Галя с Маргой сюда приехали, то я, наверное, что-нибудь придумала бы, чтобы туда поехать. Но без них не могу оставить дом. [...]

5 марта.

6 лет со дня кончины папы! Какие значительные годы. Сколько горя, удачи, впечатлений за эти годы. Но хочется старого — работы, конечно, иной, более проникновенной, более религиозной. Дай-то Бог! Часто думаю о смерти. Сколько осталось еще жить? Не готова еще. Не все преодолено. [...]

9 марта.

[...] Ян третьего дня сказал, что он не знает, как переживет, если я умру раньше его. «Лишить себя жизни?» Господи, как странна человеческая душа!

Потом говорили о Боге. Он верит в божественное начало в нас, а Бога вне нас не признает еще. Но уже во многом раскаивается в прошлом, винит себя. Этого раньше не было. И это хорошо. Я говорила осторож-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

но, — боюсь в религиозных вопросах настаивать — ведь все делается не от нас, а от Духа Святого, по благодати.

15 м.

Рождение Олечки отпраздновали на славу. Получила коляску, о которой мечтала давно. [...] Сейчас газета. Опять тревога. Неужели война неизбежна?

28 марта.

Чувствую большую слабость. Пишу, лежа.

Доктор нашел малокровие. Советовал серьезно относиться к припадкам — «где вас схватит, там и оставайтесь».

29 марта. 8 ч.

Олечка ест в моей комнате кашу. Комната «живет», на полу ее вещи, на постели — куклы — «Никины дети». [...]

15 июня.

Опять провал почти в 3 месяца. [...] Живем в Грассе, кроме нас — Ляля с Олечкой; здесь Галя с Маргой.

Переезд, после ликвидации квартиры в Beau-Soleil, устройство здесь, в холодной вилле, взяло много не только физических сил, но и духовных, вернее душевных. Духовные силы идут на то, что я недовольна собой. [...]

5 июля.

[...] За это время скончался Ходасевич — «растерзан», «разорван» желчный пузырь. Два огромных камня. Доктора проглядели. Надо было несколько лет тому назад сделать операцию. — Жаль его очень. И рано он ушел. Нужен еще. Да и сделать мог еще много. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 июля. 2 ч. ночи.

[...] Атмосфера в доме не радует, от прежней ничего не осталось. Никаких общих разговоров не бывает. Даже с Яном я редко говорю о литературе, больше о текущих событиях. Сегодня говорили о Зола, он перечитал «Nana». Хвалил Зола за ум, за знание жизни — но ни художества, ни поэзии. [...]Ян находит, что в «Nana» квинт-эссенция женщины известного типа — только желание, больше ничего, отсутствие жалости и какое-то романтическое стремление к бескорыстному чувству. [...]

Сложили почти все теплые вещи. Остался всего один чемодан. [...]

26 июля/13. 5 ч. утра.

Опять «белая» ночь. [...] Именины Олечки удались: нашли прелестную куклу — Светлану. [...]Подарили вскладчину Villa Yoya, а Ян золотое перо со стихами:

Не давайте мне малины,
А давайте мне чернил.
Мне перо на именины
Дядя Ваня подарил!

Мамá — тазик для стирки, леденцы, кофе-мальт. И сделала из спичечных коробок поезд.

Украсили зеленью стул, сделали из листьев лавра букву «О» и повесили на лампу. Флаг над входом.

Олечка была довольна. [...]

2 августа.

[...] Ян грустит, что Бельведер сдан. За эту цену ничего нельзя достать. Я утешаю, что это к лучшему. Как было бы нам топить виллу? Ни одного сильного мужчины. Чувствую себя слабой. [...]

Зайцевы хотят ехать в Авиньон и его окрестности. Ельяшевич уехали в Швейцарию. Об остальных

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ничего не знаю. Тэффи, бедная, все болеет, настроение ее ужасно. [...]

10 августа.

[...] Письмо от Тэффи душераздирательное — не может примириться ни с болезнью, ни со старостью. Хочет навеки остаться в том же плане, где ей предстоят одни страдания и не хочет другого, где она, конечно, обрела бы хоть немного радостей. Для художественной натуры, жадной до земной жизни, смирение почти невозможно, а без смирения нет ни покоя, ни радостей.

Ян все ищет дачу, квартиру. Ничего нет подходящего. [...]

[Последняя запись из довоенных дневников Бунина:]

17. VII. 39.

Вчера с Маркюсами, Верой и Лялей осмотр виллы в Cannet-La Palmeraie. Нынче еду с Г. и М. в Juan-les-Pins смотреть другие виллы.

21 июля записал на клочке ночью: «Еще летают лючиоли.» [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

17 августа.

[...] Смотрели виллу в Каннэ. Очень хороша. И Ян, я чувствую, там будет писать. Нет подъемов. Близки лавки. Много прогулок по ровному месту. Но Ян колеблется: страшно — опять две квартиры. Я склоняюсь ликвидировать парижскую, но, конечно, не сразу. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31 августа.

Больше недели в сильнейшем напряжении. Война или мир? [...] Мы укладываемся.

3 сентября. 7 ч. в.

Англия объявила войну. Кончается и этот период жизни. [...]

Заходили Муравьевы — Игорь Ник. и Таня[2]. Они разорены — у них большое имение в Польше.

Вчера обили окна синей или черной бумагой, сделали синие абажуры. Весь Грасс был темен. [...] Видела, как уходили стрелки на позицию. Третий раз провожаю на войну молодых людей. Французские солдаты не похожи на наших, и идут они иначе, нестройно, нет той выправки, какая была у наших. Но дерутся хорошо. Жаль их. Им было жарко. [...]

4 сентября.

[...] М. А. [Алданов. — М. Г.] говорит об Югославии. У меня сердце разрывается при мысли оставить Францию, оставить всех близких, друзей, Леню. Говорит и о Швеции. [...]

Ночью считала, сколько друзей и знакомых идут на войну. [Следует список в 57 фамилий.]

6 сентября 1936 г. 6 ч. 15 м.

Только что экспресс от Марги, посланный 2 сентября. Им пришлось [...] ехать[3] в клозете, сидя на чемоданах. «Электрическая станция — крепость из мешков песка. Люди ходят по улице с газовой маской на ремне через плечо. Город пуст и жуток.» Лени не застали. [...] Иностранцев еще не призывают. [...] Уже в Париже была тревога прошлой ночью. Люди в подвалах провели больше 4-х часов!

7 сентября.

Наконец-то, письмо от Лени: «[...] весь Париж

Для сайта BOOK-OLDS.RU

живет тяжелой, нервной жизнью. [...] У меня все время встречи с будущими новобранцами. Это нас всех объединило. Вчера, возвращаясь домой, встретил З. Н. и Дм. С. [Мережковских. — М. Г.]. Выбирали уголовный роман из подержанных. — «В такое время только уголовными романами и спасаюсь, — сказала Зин. Ник. — приходите в воскресенье. *У нас собираются все призывные*». [...] Французы ведут себя изумительно. Достойны великого уважения их мужество, хладнокровие и выдержка. [...] Наш особняк пуст. Все разъехались. [...] сегодня утром я еще серьезно работал за письменным столом. Спокоен. [...]»

8 сентября 1939 года.

[...] Беспокоюсь и за Леню, и за «барышень», и за Мережковских. Как это они ночью бегут в убежище? Ведь З. Н. ничего не видит, и ничего не слышит. [...]

Есть план ехать в Montoubon, поселиться где-нибудь вблизи Жировского поместья. Мне кажется, этот план недурен. Но Ян еще колеблется.

9 сентября.

[...] Письмо от Гали. [...] шло 4 дня. «Живем в непрестанной тревоге и разных попытках, кот. затрудняются ужасно тем, что в городе способ передвижения страшно уменьшен». [...] «Мы изнемогли от усталости». [...] «Народу осталось в Париже мало. Нервность ужасная, хотя и сдерживаемая. [...] Здесь ни часа покоя».

12 сентября.

[...] Письмо от Каллаш: [...] Остановилась какая ни есть, все же культурная жизнь после 20 лет нашей плохенькой эмигрантской передышки, последовавшей за революцией. [...] На нашу жизнь «порции», признаться, пришлись очень усиленные, и не знаешь, как их переварить. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13 сентября.

[...] Из письма М. А. Алданова: к алертам привыкли. Если жизнь станет нестерпимой, то будем думать, что делать. [...] Видаемся, кроме «Посл. Нов.», с Вишняками, Зензиновым, Фондаминским, Сириным, Зайцевыми. [...]

Леня пишет, что Ив. Серг. [Шмелев. — М. Г.] в подавленном состоянии, ночные тревоги действуют на него угнетающе. [...]

18 сентября, 2 ч. 20 м. ночи.

[..] Вчера сняли виллу Jeanette на Route Napoléon. Спешно ее сдали англичане, которые завтра едут в Лондон через Париж. Сдали дешево, за 12.000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, «с сюрпризами», но стоит высоко, с кульками подниматься трудно. [...]

Советские войска перешли польскую границу. Уверяют, что это только для защиты белоруссов. О Польше стараюсь не думать, так ужасно. [...]

22 сентября.

[...] нужно все организовать, но это у нас, при характере Яна, очень трудно. Ведь он никогда не хочет сделать бюджета.

Сейчас он стал мягче, заботливее. За это время много мне покупал всяких мелочей для туалета. Часто мы ведем с ним разговоры на философские и политические темы. [...]

23 сентября.

[...] Вещи наши решили перевезти в понедельник. Сами, Бог даст, переедем во вторник или среду. [...]

26 сентября.

[...] Вчера были Муравьевы. [...] Были и Самойловы. Они уже «в войне». У них стоят 2 унтер-офицера. В Лэ Рурэ целый лагерь. Масса лошадей. Смесь

Для сайта BOOK-OLDS.RU

навоза с жасмином. — Он рвется на работу, она тоже. Хочет помогать, если откроют госпиталь. Пока встает в 6 ч. утра, чтобы своих «крестников» поить кофе. Режим у них уже военный. Два раза в неделю мясо. [...]

Последний вечер на Бельведере. Стояли с Лялей у окна большой комнаты наверху. Я прощалась с этим видом, особенно прелестным, когда нет в городе ни единого огня. Потом пришел Ян. Сегодня он особенно нервен. Тяжело ему. Сколько в этой комнате пережито им.

3 октября.

Вилла Jeanette. Завтра неделя, как мы здесь. Почти устроились. Почти везде забиты окна. [...]

5 октября.

[...] Олечка чувствует недомогание. Поиграла с ней в «уточку» и лото, называла зверей по-французски — все-таки маленькая польза. [...]

Из письма Бориса [Зайцева. — М. Г.]: самые нервные дни были первые. Сейчас спокойнее. М. б. попривыкли к новой жизни, или начинаем привыкать. Настроение, разумеется, нелегкое. Сильно похудели (с меня штаны прямо валятся). Но спим. Кормимся пока обычно. Видимо (по Островскому) «от думы человек худеет». [...]

10 окт.

Вчера письмо от Лени. «Зарегистрировался. [...] Теперь я нахожусь в распоряжении военных властей». [...]

17 октября 1939 г.

Потоплен английский броненосец. 800 человек погибло. Это не укладывается в сознание! [...]

Выселяют[4] из Прибалтики немцев в Германию. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20 октября, 4 ч. утра.

Вчера письмо от Лени. [...] «Через несколько дней Красная Армия займет Латвию. Прибалтика стала советской[5]. [...] Ожидаю, когда меня призовут на медицинский осмотр. До этого мне ехать к Вам нельзя. Могу пропустить срок».

16 ноября.

[...] Утрясаемся. [...] Все больны: у Ляли гной из-под ногтей, у Марги — спина, экзема на ногах, у Гали — боль в боку, сердце. И я понимаю, что тяжелая работа им не под силу, а Ян этого не понимает. [...]

[...] увидела Татьяну Муравьеву. [...] В руках у нее ящик с красками и папка. [...] я решила провести день в природе. [...] Полное уединение, глушь, тишина. Т. Д. села рисовать. Говорили о роли глаз, т. е. восприятии зрением. Временами молчали. Я смотрела на долину, смотрела на виллу Уайльда, на дым сизый. [...] Говорили о Гиппиус. [...] Говорили и об уме, и о таланте, и о способностях. О Гончаровой [художница. — М. Г.]. [...] В Грасс пришли в 4. 30. Домой пришла к обеду. [...]

26 ноября.

Десять лет, как Леня приехал во Францию, на Бельведер (23. XI). 17 лет, как мы венчались (24. XI). Год, как я уехала из Парижа и приехала в Монтэ-Карло, Босолей (25. XI). Странное предзнаменование — я почти всю дорогу ехала с солдатами. [...]

3 декабря.

[...] Эти дни Финляндия[6]. Я все думаю о Валааме. Последний наш русский православный монастырь. [...]

Вчера Ян, Татьяна и я говорили о летчиках. Знают ли они, что погибнут?

Ян очень волнуется за Финляндию. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1940

[Из записей Веры Николаевны:]

5 января.

[...] Прошел 39 год, для меня самый неприятный. Были года более тяжелые, с потерями близких, но «подлее» никогда не было. Только одна радость — Олечка. Но и ее ловко от меня отводят, т. ч. и эта радость омрачилась. [...] На-днях был ночью припадок, даже два. М. б. тоска от печени. Не знаю. Но тяжело очень.

31 января.

В воскресенье Ян уехал в Париж — доктор сказал ему, что у него на лице что-то опасное, что нужно выжечь электричеством и что здесь этого сделать нельзя. [...]

2 февраля.

Письмо от Лени: «Ив. Ал. в добром здравии. Бодр. Вид хороший. Думаю, что все его бедствия рождены скукой». [...]

26 января / 8 февраля.

[...] Ян вернулся из Парижа в хорошем духе. Все, что нужно, сделал. Многих повидал. [...]

Чудные месячные ночи. Мы с Яном гуляем. Он очень волнуется из-за Финляндии. Взята станция Нобелей. Завтра, т. е. сегодня, обещано взять Выборг. [...] Здоровье Яна нехорошо. Сел на диэту.

[С марта месяца начинаются подробные дневниковые записи Ивана Алексеевича, сохранившиеся в рукописи. Вера Николаевна теперь записывает редко. Привожу выдержки из дневника Бунина:]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1940 г. Villa Jeannette, Grasse, a — m.

1. III.

Вчера ездил в Ниццу. Как всегда, грусть — солнце, море, множество как бы праздничного народа — и ни души знакомой, нужной.

Не застал Цакни[1], оставил ему записку, что буду в понед. в 2½ ч. [...]

Нынче послал открытку-avion Гребенщикову, чтобы написал в америк. газетах о писательской нужде в эмиграции. [...]

Погода как будто на весну, но все холодный ветер. Финнам плохо.

6. III. 40

[...] Нынче холодно, с утра было серо, туман, крупа, шел с полчаса снег. А вчера, гуляя с Верой ночью по саду, услыхал первую лягушку — думал, начинается, значит, весна.

Прочел книжечку (изд. Суворина) гр. Соллогуба — Аптекарша, Метель, Неоконченные повести. Довольно ловко все, но ненужно. Герои и героини, как всегда писали прежде, умирают от несч. любви.

Хорошо для рассказа: донской казак *Харулин*.

Хорошо бы написать рассказ, действие которого в Бахчисарае. Татарин Ослambей. Татары говорят: «тютюн ичмен!» т. е. надо «попить дыму» (покурить). Еще: «шишлык» (а не шашлык; шиш по-татарски вертел, палочка). Хорош Бахчисарай!

Овцы Божья стада. [Буква я дважды подчеркнута. — М. Г.]

Темно желтая бабочка в черных узорах на крыльях. Задние крылья — с длинными черными косицами. (Все это нынче ночью почему-то приходило в голову). [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11. III. 40.

[...] Все еще оч. холодно — всю зиму мучение — одна из причин, почему только лежу и читаю.

Переговоры о мире Сталина и финнов. Ужас! [...]

Читаю «Отеч. Зап.» за 84-й год. Там стихи Мережковского, столь опытные, что, верно, было ему тогда не меньше 20 лет, и стихи Надсона: «Горячо наше солнце безоблачным днем» — одни из немногих, которые мне нравились когда-то — семнадцатилетнему — и теперь до чего-то чудесного воскресили всего меня той поры. Называется «В глуши». Вижу и чувствую эту «глушь» соверш. так-же, как тогда — в той-же картине (и теперь такой-же поэтической, несмотря на то, что это Надсон). [...]

14. III. 40.

Вчера страшная весть — финны сдались — согласились на тяжкий и позорный мир. Даже ночью, сквозь сон, все мучился, что-то во сне думал, выдумывал.

Первый почти летний день. Ночью туман, слышны были лягушки.

Позавчера обварил себе правую руку кипятком. Горит, вспухла. [...]

Кончил перечитывание двух рассказов Тургенева. Мастерство изумительное, но в общем читал равнодушно — исключение некот. страницы. Кое-что (почти все, вернее) читал как новое — так забывается Тургенев. Одно «Полесье» почти все по настоящему прекрасно. Почти во всех рассказах, — да, кажется, даже во всех, — редкое богатство совершенно своих, удивительных по меткости определений чувств и мыслей, лиц и предметов.

17. III. 40.

[...] Перечитал «Что такое искусство» — Толст[ого]. Скучно, — кроме нескольких страниц, — неубедительно. Давно не читал, думал, что лучше. При-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вел сотни определений того, что такое красота и что такое искусство, — сколько прочел, какой труд проделал! — все эти определения, действительно, гроша настоящего не стоят, но сам не сказал ничего путного.

29. III. 40.

Лежу, читаю, порой смотрю в солнечн. окна и думаю, — о том своем я, которое живет и сознает себя уже лет 60 — и это я думает, что лет через 5, много 10, его не будет. И не будет оно ничего видеть и думать. Странно!

30. III. 40. Суббота.

Приехал из Ниццы Цакни. Почти весь день очень светлый, но холодный. Ужасная весна. Неск. дней тому назад дня два лил ледяной дождь. [...]

Стал присаживаться к письм. столу.

В Париж я уехал 29 янв., вернулся в Grasse в субботу 16-го февраля.

За последние дни просмотрел за год «Отеч. Записки» (1883 г.) [...] Гаршин, если-бы не погиб, стал-бы замечательным писателем.

1. IV. 40.

Цакни ночевал 2 ночи, уехал нынче утром, когда я еще спал.

Все еще холодно, но так же светло.

Нынче послал в Париж заказным déclaration своих доходов (которых нет — надо выдумывать, чтобы не подумали, что вру. И показал 14.000).

Прочел роман Ясинского «Старый друг». Скучно. Женщина, как всегда у него, написана не плохо.

3. IV. 40.

На вид из окон дни все светоноснее, — кажется, что уже лето. Но еще прохладно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера Марга пела у маркизы. Человек 30 народу. [...] Мы туда и назад с англичанкой Херст из имения возле Маганьоска. На обратн. пути Оля пела и кричала всю дорогу, не умолкая. Я вел себя глупо — рюмка виски и три джину в баре у маркизы. [...] *Нельзя пить.* [...]

Переписываю дневниковые клочки предыдущих лет. Многое рву и жгу. [...]

4. IV. 40.

[...] Купил 2 рубашки и белый картуз в Old England. Давно знакомый приказчик уже совсем не тот, что когда-то — потолстел, слегка поседел. На глазах меняются, гибнут люди. А Лантельмы! Марсель толстый мужчина, а давно-ли был мальчиком! Старик-же прямо страшен, ногти, пальцы уже совсем гробовые. Весь как во сне, но когда садится за кассу, видно, что счастлив получать и сдавать сдачу. Думает-ли, что вот-вот отвезут его страшный труп на кладбище в St. Jacques?

5. IV. 40

Ночью мистраль. Есть и днем. За Эстерелем (да и Э.) горы бархатно-синие. Расчистил воздух.

Думаю, что «Фальш. Купон» возник, м. б., у Толстого в связи с когда-то прочтенным им рассказом Даля «Серенькая» (так назывались бумажки в 50 рубл.). [...]

Отец говорил вместо Белинский — *Белынский.* Прочитал на днях у Тургенева, что многие так называли Белинского при его жизни — пустили слух, что он «полячишка».

Прежде часто писали: «*возразил*». Герои прежних романов не сразу понимали, что они влюблены. «И вдруг с восторгом, с ужасом сказал себе: я люблю ее!»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6. IV. (Суббота). 1940.

[...] Проснулся в 8½. Погода все та же и тот же холодноватый ветер среди солнечн. тепла, все увеличивающегося. Скоро зазеленеют деревья — уже как будто что-то начинается — смотрел из окна в сторону Марселя — у нас в саду уже зазеленел молодой каштан. Будет удивит. прекрасно. Короткая, несказ[анно] прекрасная пора первой зелени.

Вспомнил, как я всю жизнь одинаково представлял себе год:

дек.$_{\text{нояб.}_{\text{окт.}_{\text{сент.}_{\text{авг.}_{\text{июль}}}}}}$ июнь^{май} апр.$_{\text{март}}$ февр.$^{\text{янв.}}$

Понед., 8. IV. 40.

А. К. Толстой писал жене (в 55 г.): «Сипягин — хороший, добрый, благородный малый, который обожает свою роту и чрезвычайно ею любим...» Этот Сипягин крестил меня. Был тогда уже генералом.

10. IV. 40.

Позавчера проснулся в 9, чувствуя (как всегда чувствую с паучиной чуткостью) близкое изменение погоды: после полудня день замутился, пошли облака над горами к Ницце и к вечеру пошел дождь. Вчера в газетах хвастовство — союзники «в один час!» положили мины вдоль берегов Норвегии. С утра шел дождь. После завтрака — нынче — открыл радио — ошеломляющая весть: немцы захватили Данию и ворвались в Норвегию — вот тебе и мины! [...]

12. IV. 40.

Неожиданная новость: письмо Серова и Зурова — у Зурова туберкулез. [...] Вера сперва залилась розовым огнем и заплакала, потом успокоилась, — верно оттого, что я согласился на ее поездку в Париж и что теперь З. не возьмут в солдаты. Ходил с ней в город, она подала просьбу о пропуске в П. Едет, вероятно, во

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вторник. А мне опять вынимать тысячу, полторы! Мало того, что у меня почему-то на шее Л[яля] с девочкой и М[арга] и Г[алина]!

Особых вестей из Норвегии нынче нет. Боюсь, что опять дело замрет.

Продолжаю просматривать «От. Записки» за 82 г. [...] — все это читал тысячу лет тому назад в Озерках, 15, 16 лет, с Юлием — все забыл, а оказалось, что помню кое-что чуть не наизусть.

Дремучие снежн. сумерки, Цвиленевская усадьба, где жил Евгений, эта девка (уже не помню ее имени)...

Весна, а все еще холодно, еще топим. Пересматриваю опять письма и дневники А. К. Толстого. Соверш. очароват. человек! Начал «Головлевых»[2] — не плохо, но мне скучно, ненужно.

Переписываю с клочков дневниковые заметки. Многое рву. А зачем кое-что оставляю и переписываю — неизвестно.

13. IV. 40

Серо, холодно, деревцо за окном на Ниццу все зазеленело ярко-светлой зеленью и все дрожит под ветром. [...]

14-15-16. IV. 40.

Немцы заперты новыми минами, потеряли 1/3 флота, отдали Нарвик — разгром!

17. IV. 40.

Вчера уехала Вера. Отвез ее в Cannes в такси. [...]

Часов в 10 вечера ходил с М. и Г. запирать часовню. Лунная ночь, дивился, среди чего приходится жить — эти ночи, кипарисы, чей-то английский дом, горы, долина, море... А когда-то Озерки!

Прошелся: из-за вершин пиний выглядывает, перемещается, блещет огромная Венера (не высоко над горой, на северо-западе) — ярко-блестящая, неподвиж-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ная, стеклянно-*золотая, совсем как те, что рисуют на мундирах*. [...]

Ужасная была беллетристика в «Отеч. Зап.» и т. п. журналах. [...]

17. IV. 40.

[...] Вот, кажется, теперь уже несомненно: никогда мне не быть, напр., на Таити, в Гималаях, никогда не видать японских рощ и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карпана, его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено *навсегда*. Непостижимо.

Пятница 18. IV. 40.

Вчера весь день просидел в доме, вышел всего минут на десять вечером.

Нынче то же — вышел в 10, ходил по саду 35 м. Луна высоко (как и предыдущ. месяцы), кучевые белые облака... Как страшно одиноко живу! И как дико — 3 бабы на плечах! [...]

Вчера ночью шум жаб уже несметных. Теплеет.

Кончил «Господ Головлевых». Умный, талантливый, сильный, знающий, но литератор. [...]

Что вышло из Г.! Какая тупость, какое бездушие, какая безсм. жизнь!

Вдруг вспомнилось — «бал писателей» в январе 27 года, приревновала к Одоевц[евой]. Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в бальных башмачках *одна* в свой отельчик...

20. IV. 40.

Проснулся в 9, зачитался до 12½ «Le Rêve» Зола. [...] Ходил с Олечкой смотреть в бассейне лягушку — не оказалось. [...]

Вчера ночью открыл окно в ванной комнате —

Для сайта BOOK-OLDS.RU

широкое — на площадке под ним лунный свет как-бы меловой.

21. IV. 40.

Прекрасный, уже совсем теплый день. Дубы возле chaumière уже сплошь в бледно-зеленых мушках. Все меняется с каждым днем. Уже распускается листва на безобразн. кулаках 2 деревьев на площадке. Цветет сирень, глицинии... (Ялта, Пасха...).

Письмо от Веры,

2½ ч. Ходил по саду — заросла уже высокой травой вторая (от нижней дороги) площадка. Все еще цветет бледно-розовыми, легкими, нежными, оч. женств. цветами какого-то особого сорта вишня, цветут 2 корявых яблонки белыми (в бутонах тоже розоватыми) цветами. Ирисы цветут, нашел ветку шиповника цветущую (легкий алый цвет с желтой пыльцой в середине), какие-то цветы, вроде мака — легчайшие, но яркого оранжевого цвета... Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую! Одиноко, неудобно, но переселиться под Париж... ничтожество природы, мерзкий климат!

Как всегда почти, точно один во всем доме. [...]

Светлый день, праздник, в море как будто пустее — и звонят, звонят в городе... Не умею выразить, что *за* всем этим.

Множество мотыльков вьется вокруг цвета сирени — белых с зеленоватым оттенком, прозрачных. И опять пчелы, шмели, мухи нарождаются...

Кончил перечитывать 12-й т. Тургенева (изд. Маркса) — «Лит. и жит. восп.», «Критич. речи и статьи» и т. д. Соверш. замечат. человек и писатель. Особенно «Казнь Тропмана», «Человек в серых очках», неск. слов о наружности Пушкина, Лерм[онтова], Кольцова.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Этот апрельск. расцвет деревьев, трав, цветов, вообще эти первые весенние дни — более тонко-прекрасного, чистого, праздничного нет в мире.

Во многих смыслах я все-таки могу сказать, как Фауст о себе: «И псу не жить, как я живу». [...]

Вчера день рожд. Гитлера. Нынче радио: Муссол[ини] в поздравит. телеграмме желает ему «победоносно выйти из той героич. борьбы, которую ведет он и германский народ». И несчастный итальянск. король тоже поздравляет «горячо» — вынуждены к соучастию в дружбе. [...]

27. IV. 40

Был в Ницце — ни Цакни, ни Михайлова (а Вера писала, что он выезжает в пятн.). [...]Дождь. Возвращался через Cannes. Встретил там Г. [...] Вести из Норвегии не радуют.

28. IV. 40. Светлое Воскресенье.

Завтракали у Самойлова. Взял туда такси, уехал через час. Дорогой дождь, пыльно дымные тучи с хоботами. Потом все потонуло в дожде и тумане. Обедал у Маркюс.

Наш бедный пасх. стол.

Был поэт Аполлон Коринфский. Точно плохим писателем в насмешку выдумано.

30. IV. 40. Вторник.

Серо, холодно, дождь.

И так всегда: спрячешь зонт, калоши — на другой день дождь. Прячу, верно, потому, что перед переменой погоды внутренне волнуюсь и от этого, напр., начинаю уборку. Вчера очистил от замазки окна, содрал с их пазов войлочные ленты — и вот нынче холод и ветер, так сильно дующий в эти пазы, что вечером ходит занавес, который отделяет от моей спальни ее «фонарь» из пяти окон и на ночь задергивается.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сейчас вспомнил *почему-то* Майнц (соединенный с Висбаденом, где мы жили с Мережковскими в отеле на Neroberg). — Почему? — непостижима эта жизнь воспоминаний, это «почему-то», «ни с того, ни с сего»! Поехали туда с Верой на трамвае, ходили по городу, заходили в церкви[3]. [...]Потом вдруг вспомнил церковь на rue Daru, гроб дочери Н. В. Чайковского... До сих пор пронзает сердце, как он, со своей белой бородой, в старенькой визитке, плакал, молился на коленях[4]. [...]

Ночь, темная полоса леса вдали и над ним звезда — смиренная, прелестная. Это где-то, когда-то на всю жизнь поразило в детстве... Боже мой, Боже мой! Было и у меня когда-то детство, *первые* дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь *только мысль*, что они были. И вот идут уже последние. [...]

Убежден, что Г[оголь] никогда не жег «М[ертвых] Д[уш]».

[Следуют выписки из Гоголя, стихотворение П. Якубовича, выписки из Тургенева и заключительные слова Бунина:]

Не знаю, кого больше ненавижу, как человека — Гоголя или Достоевского.

2. V. 40. Четверг. Вознесение (католическое).

[...]Вчера должен был уехать в санаторию Зуров.

4 часа. Был в полиции, заказал sauf conduit в Париж. Все еще колеблюсь, ехать-ли. Но предполагаю выехать 6-го или 7-го.

Нашел клочек из моих писем: [...] «16-X-26. Вчера Рахманинов прислал за нами свой удивительный автомобиль, мы обедали у него, и он, между прочим, рассказал об известном музыканте Танееве: был в Москве концерт Дебюси, и вот, в антракте, один музыкальный критик, по профессии учитель географии, спраши-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вает его: «Ну, что скажете?» Танеев отвечает, что ему не нравится. И критик ласково треплет его по плечу и говорит: «Ну, что ж, дорогой мой, вы этого просто не понимаете, не можете понять». А Танеев в ответ ему еще ласковее: «Да, да, я не знал до сих пор, что для понимания музыки не нужно быть 30 лет музыкантом, а нужно быть учителем географии».

3. V. 40.

Был в Cannes, к Куку за билетом в Париж. [...]

Из Норвегии всю посл. неделю вести почти ужасные. Тяжело читать газеты. [...]

7. V. 40.

Собираюсь, *завтра еду* в Париж в 6 ч. 24 м. вечера. Как всегда, тревожно, грустно. Жаль покидать дом, комнату, сад. Вчера и нынче совсем лето. Сейчас 5, над Ниццей тучи, гремел гром.

«Жизнь Арс.» («Истоки дней») вся написана в Грассе. Начал 22. VI. 27. Кончил 17/30. VII. 29. «Первая книга» кончена 21. IX. 27. Вторая начата 27. IX-27, кончена в февр. 28 г. Третья начата 14. VI. 28, кончена 17/30. IX. 28. Четвертая — начата ?, кончена, как записано выше, 17/30. VII. 29.

Вчера взял из сейфа 10.000 фр.

«Человек и его тело — двое... Когда тело желает чего-нибудь, подумай, правда-ли *Ты* желаешь этого. Ибо *Ты* — Бог... Проникни в себя, чтобы найти в себе Бога... Не принимай своего тела за себя... Не поддавайся беспрестанной тревоге о мелочах, в которой многие проводят бóльшую часть своего времени...»

«Один из тех, которым нет покоя.

От жажды счастья...»

Кажется, похоже на меня, на всю мою жизнь (даже и доныне). [...]

Перечитал свои рассказы для новой книги[5]. Лучше всего «Поздний час», потом, м. б., «Степа», «Баллада».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Как-то мне, — как бывает у меня чаще всего ни с того, ни с сего, — представилось: вечер после грозы и ливня на дороге к ст. Баборыкиной. И небо и земля — все уже угрюмо темнеет. Вдали над темной полосой леса еще вспыхивает. Кто-то на крыльце постоялого двора возле шоссе стоит, очищая с голенищ кнутовищем грязь. Возле него собака... Отсюда и вышла «Степа».

«Поздний час» написан после окончательного просмотра того, что я так нехорошо назвал «Ликой».

«Музу» выдумал, вспоминая мои зимы в Москве на Арбате и то время, когда однажды гостил летом на даче Телешова под Москвой.

В феврале 1938 г. в Париже проснулся однажды с мыслью, что надо дать что-нибудь в «Посл. Н.» в покрытие долга, вспомнил вдруг давние зимы в Васильевском и мгновенно в уме мелькнула суть «Баллады» — опять таки ни с того, ни с сего.

[В Париже Бунин с Верой Николаевной, бывшей там уже с середины апреля, пробыли до 22 мая[6], после чего вернулись в Грасс. В. Н. записывает:]

31 мая.

Неделю в Грассе. И опять мучительная атмосфера. [...] Париж мне кажется каким-то местом радости и любви, давшей мне силы на жизнь. [...]

Эта неделя прошла под знаком концентрационного лагеря[7]. Маргу признали больной. Все мы делали все, что возможно, чтобы избавить ее от этой муки. Маклаков, Протопопов, Девиль, Флоренс, поручительство Яна, доказательство ее русского происхождения, ее болезнь позвонка. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Ив. А. Бунина:]

1. IV. 40. Grasse.

Вчера был Михайлов [...] Они приехали в Ниццу, едут в По — тревожны, как все, — вот-вот выступит Италия.

Бегство («героическое!») французов и англичан из Dunquerque продолжается.

8. VI.

Начал сборы на случай бегства из Грасса. Куда бежать? Вера и Г. и М. говорят: «На ферму Жировых — там все таки есть убежище, между тем как найти его где-нибудь в другом месте надежд почти нет». Я не верю, что там можно жить, — ни огня, ни воды, ни постелей... Не знаю, как быть.

Страшные, решительные дни — идут на Париж, с каждым днем продвигаются. [...]

9. VI.

Мы все отступаем.

Зацвели лилии, лючиоли летают уже давно — с самых первых дней июня.

Страшно подумать — 17 лет прошло с тех пор, как мы поселились в Грассе, в этом удивительном поместье Villa Montfleuri, где тогда как раз вскоре расцвели лилии! Думал-ли я, что в каком-то Грассе протечет чуть не четверть всей моей жизни! И как я тогда был еще молод! И вот исчезла и эта часть моей жизни — точно ее и не бывало. [...]

Не мало было французов, которые начали ждать войны чуть не 10 лет тому назад (как мировой катастрофы). И вот Франция оказалась совсем не готовой к ней!

Да, а по привычке все еще идет в голову Бог знает что. Вот вдруг подумал сейчас: имена, отчества, фамилии должны звучать в рассказах очень ладно, свободно, — например: Марья Викентьевна, Борис Петрович...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Веры Николаевны:]

9 июня.

[...] письмо от Бориса Зайцева: [...] Я поехал на завтрак «Возрождения» — Вера осталась в Кламаре.

Отлично. Сели завтракать в «Киеве». Через 15 м. алерт. Наши генералы и полковники довольно спокойно слушали стрельбу, мы закусывали, ели кулебяку и т. п., а там все лупят и лупят, все сильней. Только один генерал, по фамилии Суворов, сказал нерешительно: а кажется, я слышал два разрыва бомбы. — Так и дозавтракали. [...]

Возвращаюсь домой — и только тут Вера рассказывает (довольно покойно), что в Vanves, куда зашла к Тэффи, попала в настоящую бомбардировку. Видела и пылающие автомобили на улицах, и развороченные дома и т. п. Отсиживалась у Тэффи. А сегодня узнал из газет, что было не «две бомбы», а тысяча. Но как быстро это произошло! Канонада не более 15 мин. [...]

Читаю Библию. Очень поражен царем Давидом. Хочется написать о нем, — вроде рисунка, «портрета» — не то слово, но другого сейчас не нахожу. А он волнует меня (поэтически). М. б., завтра от комнаты моей останется одна пыль, да и от меня, от нашей малой жизни. Все равно, пока живу, хочется иной раз что-то сказать («Буду петь Господу, покуда жив, буду бряцать Богу моему, поколе есмь»). [...]

10 июня.

Война с Италией. [...] Олечка молится за спасение Франции ежедневно.

12 июня.

Итальянцы бомбардировали Лозанну и Базель. [...]

Ждали Лену Пушкину[8], а она не приехала. [...] Ян говорит, что она моложава, нет седых волос. Знает в совершенстве английский язык, конечно, француз-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ский, арабский, персидский. Ян находит, что ее лицевой костяк похож на маску Пушкина. [...]

14 июня.

Вчера были в жандармерии — Марге надо уезжать немедленно.

Алерт продолжался 1¾ ч. Была в доме Морель. [...] Чудный подвал: во время революции здесь томились аристократы, гильотина была в садике рядом.

Я не узнаю Яна. В первый раз он мешкает. Почему? Страх неизвестности? Усталость? А между тем, нам следует уехать. [...]

Париж — открытый город. Вчера днем они были в 43 клм. А сегодня? Правительство уехало из Парижа. Бои идут вблизи столицы. Держатся наши великолепно. Боже, спаси Францию!

[14 июня Париж пал. В следующих записях, сделанных в конце июля, Бунин мысленно возвращается к происшедшим раньше событиям:]

22. VII. 40, понедельник.

Ничего не записывал с отъезда в Париж в мае[9]. Приехал туда в одиннадцатом часу вечера 9-го (выехал 8-го, ночевал в Марселе, из М. утром). Вера была в Париже уже с месяц, встретила меня на Лионск. вокзале. Когда ехали с вокзала на квартиру, меня поразило то, что *по всему* черному небу непрестанно ходили перекрещивающиеся полосы прожекторов — «что-то будет!» подумал я. И точно: утром Вера ушла на базар, когда я еще спал, и вернулась домой с «Paris-Midi»: немцы ворвались ночью в Люкс[ембург], Голландию и Бельгию. Отсюда и пошло, покатилось...

Сидели в Париже, потому что молодой Гавр[онский] работал над моими нижними передними зубами. А алерты становились все чаще и страшней (хотя не производили на меня почти ник. впечатления). Нако-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

нец, уехали — на автомобиле с Жировым, в 6 ч. вечера 22-го мая. Автом. был не его, а другого шофера, его приятеля Бразоля, сына полтавского губернск. предводителя дворянства: это-ли не изумительно! — того самого, что председательствовал на губ. земск. собраниях в Полтаве, когда я служил там библиотекарем в губ. земск. управе. [...]

23. VII. 40.

[...] И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции). [...]

24. VII. 40.

Утром (не выспавшись) с Г. в Ниццу. [...] Завтрак с Алдановым в Эльзасской таверне. [...] В Ниццу съезжаются кинематографщики — Алданов надеется на работу у них, как консультант.

25. VII. 40.

[...] устал вчера в Ницце. Верно, старею, все слабость. [...]

С Жировым доехали 23 мая до Макона. Оттуда ночью (в 3½) на поезде в Cannes — ехали 12 часов (от Макона до Лиона в третьем классе — влезли в темноте — стоя, среди спящих в коридоре солдат, их мешков и т. п.)

По приезде домой с неделю мучились, хлопотали, отбивая Маргу от конц. лагеря (у нее немецкий паспорт).

10 июня вечером Италия вступила в войну. Не спал до часу. В час открыл окно, высунулся — один соловей в пустоте, в неподвижности, в несуществовании никакой жизни. Нигде ни единого огня.

Дальше — неделя тревожных сборов к выезду из Грасса — думали, что, м. б., на неск. месяцев — я убрал все наше жалкое имущество. Боялся ехать —

Для сайта BOOK-OLDS.RU

кинуться в море беженцев, куда-то в Вандею, в Пиренеи, куда бежит вся Франция, вшестером[10], с 30 местами багажа... Уехали больше всего из-за Марги — ей в жандармерии приказали уехать из Alpes Mar. «в 24 часа!» Помогли и алерты, и мысль, что возможно, попадешь под итальянцев. (Первый алерт был у нас в воскр. 2-го июня, в 9-ом часу утра).

3 июня Марга мне крикнула из своего окна, прослушав радио: «Страшный налет на Париж, сброшено больше 1000 бомб». 5-го июня прочитал в «Ecl.», что убитых в Париже оказалось 254 ч., раненых 652. Утром узнал и по радио, что началось огромн. сражение. [...] 6-го был в Ницце у Неклюдовых для знакомства с Еленой Александр. Розен-Мейер, родной внучкой Пушкина — крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску. По дороге в Н. — барьеры, барикады. [...]

Выехали мы (я, Вера, М., Г., Ляля и Оля) 16-го июня, в 10 ч. утра, на наемном, из Нима, автомобиле (2000 фр. до Нима). Прекрасный день. Завтрак в каком-то городке тотчас за Бриньолем. В Ним приехали на закате, с час ездили по отелям — нигде ни одного места! Потом вокзал [...] — думали уехать дальше на поезде — невозможно, тьма народу — а как влезть с 30 вещами! Ходили в буфет, ели. Полное отчаяние — ночевать на мостовой возле вокзала! М. и Г. пошли искать такси, чтобы ехать дальше в ночь, — и наткнулись на рус. еврея таксиста. Ночевали у него. 17-го выехали опять в такси в Тулузу и дальше, в Монтобан, надеясь там ночевать, а потом опять на Lafrançaise, возле которого ферма Жирова. Думали: в крайнем случае поселимся там, хотя знали, что там ни воды, ни огня, ни постелей. Плата до Lafr., — 2300 фр. Сперва широкая дорога в платанах, тень и солнце, веселое утро. Милый городок Люпель. Остановки по дороге военными стражами, проверки документов.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Море виноградников, вдали горы. Около часу в каком-то городишке остановка [...], подошел крестьянин лет 50 и со слезами сказал: «Вы можете ехать назад — армистис!» Но назад ехать было нельзя, не имея проходного свидетельства. Завтрак под с. Этьен (?). Опять виноградники, виноградн. степь. За Нарбоном — Иудея, камни, опять виногр., ряды кипарисов, насажен. от ветра. [...] Мерзкая Тулуза, огромная, вульгарная, множество польских офицеров... (По всему пути — сотни мчащихся в автом. беженцев). В Монтобане — ни единого места. В сумерки — Lafrançaise — тоже. И попали к Грязновым...

[Согласно записям Веры Николаевны, «беженцы» вернулись в Грасс 9-го июля, оставив Е. Н. Жирову с Олечкой на ферме. Разлуку с девочкой В. Н. переживала тяжело. Попытки уехать больше не возобновлялись, и всю войну Бунины провели в Грассе, несмотря на то, что многие друзья уговаривали их уехать в Америку и у них даже были взяты американские визы.

Из записей Бунина:]

28. VII. 40. Воскресенье.

Читаю роман Краснова «С нами Бог». Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен. [...]

2 часа. Да, живу в раю. До сих пор не могу привыкнуть к таким дням, к такому виду. Нынче особенно великолепный день. Смотрел в окна своего фонаря. Все долины и горы кругом в солнечно-голубой дымке. В сторону Ниццы над горами чудесные грозовые облака. Правее, в сосновом лесу над ними, красота зноя, сухости, сквозящего в вершинах неба. Справа, вдоль нашей каменной лестницы зацветают небольшими розовыми цветами два олеандра с их мелкими острыми листьями. И одиночество, одиночество, как всегда!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

И томительное ожидание разрешения судьбы Англии. По утрам боюсь раскрыть газету.

Евреям с древности предписано: всегда (и особенно в счастливые дни) думать о смерти.

«Belligerants». Можно перевести старинным русским словом: *противоборники*.

Зажгли маяки. В первый раз увидал отсюда (с «Jeannette») Антибский: взметывается и исчезает большая лучистая золотая звезда.

29. VII. 40.

Вчера еще читал «Вечерние огни» Фета — в который раз! (Теперь, верно, уже в последний в жизни.) Почти все из рук вон плохо. Многое даже противно — его старческая любовь. То есть, то, *как* он ее выражает. Хорошая тема: написать всю красоту и боль такой поздней любви, ее чувств и мыслей при всей гадкой внешности старика, подобного Фету, — губастого, с серо-седой бородой, с запухшими глазами, с большими холодными ушами, с брюшком, в отличном сером костюме (лето), в чудесном белье, — но чувств и мыслей *тайных*, глубоко ото всех скрытых.

А у меня все одно, одно в глубине души: тысячу лет вот так же будут сиять эти дни, а меня не будет. Вот-вот не будет.

Был в Cannes, хотел купаться и не купался — еще только начали ставить кабинки. [...]

30. VII. 40.

Все то же — бьют друг друга авионы. И немцы все пугают, пускают слухи, что они делают «гигантские приготовления» к решительной атаке.

Весть из Лозанны — о возможности выступления Америки. Нет, не выступит!

Прочел о том опыте, который сделали несколько лет тому назад два венских студента: решили удавиться, чтобы их вынули из петли за мгновение до смерти

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и они могли рассказать, что испытали. Оказалось, что испытали ослепит. свет и грохот грома.

Смерть Алексея Ивановича Пушешникова (мужа моей двоюродной сестры Софьи Николаевны Буниной) весной 1885 г. Так помню эти дни, точно в прошлом году были (написаны в «Жизни Арсеньева»). Замечательней всего то, что мне и в голову не приходило, что и я умру. Вернее — м. б., и приходило, но все-таки ни чуть не касалось меня.

Вдруг вспомнилось: Москва, Малый театр, лестницы — и то очень теплые, то ледяные сквозняки. [...]

1. VIII. 40. Grasse, a. m.

[...] Carlotti прописал постоянно носить очки (для дали, для чтения оставил те, что дал Pollac) и прикладывать утром и вечером очень горячие компрессы из чая: левый глаз слезится от утомления зрения. Постоянно носить очки не могу — буду чувствовать себя неестественно, поглупевшим. [...]

7. VIII. 40.

Были с Верой в Ницце в американск. консульстве. В кафе Casino с Цетлиными и минуту с Алдановыми (они пришли поздно).

9. VIII. 40. Пятница.

[...] Алданов с самого приезда своего все твердит, что будет «гражданск. война». Твердо решил уехать в Америку [...]

Цетлины тоже собираются. [...]

Ни риса, ни макарон, ни huile, ни мыла для стирки.

10. VIII. 40.

Продолжается разграбление Румынии — румыны должны дать что-то еще и Венгрии.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8-го была огромная битва нем. и англ. авионов над берегами Англии.

Японцы, пользуясь случаем, придираются к Англии. Сталин — к Финляндии, Испания — к Англии (отдай Гибралтар).

Все растет юдофобство — в Рум. новые меры против евреев. Начинает юдофобствовать и Франция.

Олеандры густо покрылись алыми цветами.

15. VIII. 40. Католич. Успенье.

Немцы стреляют по Англии из тяж[елых] орудий. Англ. бомбардировали Милан и Турин. Болгарск. и венгерские требования к Румынии. Рум. король будтобы намерен отречься и скрыться в Турции.

Сталин устраивает ком. манифестации в Гельсингфорсе и Або — и грозит финнам, которые эти маниф. разгоняют. Верно, вот-вот возьмет всю Финл. [...]

17. VIII. 40.

Проснулся в 6½ (значит, по настоящему в 5½). Выпил кофе, прочитал в «Вест. Европы» (за 1881 г., взял в библ. канской церкви) «Липяги» Эртеля[11]. Ужасно. Люба должна выйти за «*господина* Карамышева», камер-юнкера, богача, пошляка, проповедующего «верховенство» дворянства в России надо всем, его опеку над народом — «на благо народу». Лунной ночью автор подслушивает разговор его и Любы из своего окна. [...]

Все утро все долины и горы в светлом пару. Неясное, слабо пригревающее солнце, чуть слышный горьковатый запах воздуха — уже осенний.

[...] огромный налет немцев (avec une précision admirable»!) на Лондон, на берега Темзы — «все в дыму, в пламени...» Кажется, и впрямь начинается.

Погода разгулялась, тишина, зной, торопливо, без устали, без перерыва точат-точат цикады у нас в саду.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Сейчас около 7 вечера. Были в городе за покупками. [...] Магазины почти пусты — все раскупалось последний месяц бешено. Уже исчезло и сало (масла нет давным давно). Мыло для стирки выдают по карточкам маленьк. кусочками, весят, как драгоценность. Осенью, когда исчезнут овощи и фрукты, есть будет нечего.

Днем начал перечитывать «Песнь торж[ествующей] любви»[12] — ноябрь 1881 г., «Вестн. Евр.» Сейчас кончил. Удивительно написано. Но опять то же чувство: мертво, слишком «великолепно», «слишком хорошо».

Вечер тихий, прекрасный. И опять все долины и горы в дымке.

Наши летчики во время прошлой «великой» войны: синяя куртка, серебр. погоны с черными орлами, черн. широк. шаровары с красным кантом, узкие щегольск. сапоги. Двое таких (молодых, красивых, страшно любезных) встретили в Киеве на вокзале Каменскую, с которой я ехал весной 16-го г. из Москвы в Одессу (в маленьк. отдельном купе международн. вагона).

18. VIII. 40. Воскр.

[...] Анг[личане] сообщают, что за 2 последних дня немцы потеряли 255 авионов. Так что «великое нападение» кончилось неважно. И вот, вчера решено покончить с Англ. «L'All. veut obtenir le blocus total des iles britaniques». Так и объявил вчера Берлин — официально: «il faut terminer cette guerre!» — ни более, ни менее. [...]

Ночи лунные, не яркие. Вчера было полнолуние.

19. VIII. 40.

Вчера после полудня немцы опять бросали бомбы с авионов в окрестн. Лондона. Англич. сообщают, что до 7 ч. вечера немцы потеряли 36 авионов. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Итальянцы стараются — их газеты кричат, грозят: «L'armée All[emande] est prête! L'Angl[eterre] brûlera!»

Шведск. министр внутр. д. произнес речь на счет притязаний России на ост. часть Финляндии — «Швеция окажет Фин[ляндии] военную помощь». Окажет-ли? Не верится.

Пухлая облачность, прохладно. Ночью на меня сильно дуло из раскрывающихся полотнищ занавеса — уже недели две сплю с открытым (в сторону Марселя) окном.

Ждем к завтраку Самойловых.

Разговор с Сам[ойловыми] шел точно в советской России — все на счет того, как мы будем кормиться осень и зиму.

20. VIII. 40.

Проснулся в 8, читал А. — вероятно, в десятый раз — удивительно! Можно перечитывать каждый год.

Как всегда, втайне болит сердце. Молился на собор (как каждое утро) — он виден далеко внизу — Божьей Матери и Маленькой Терезе (Б. М. над порталом, Т. в соборе, недалеко от входа, справа). Развернул Библию — погадать, что выйдет; вышло: «Вот Я на тебя, гордыня, говорит Господь, Господь Саваоф; ибо наступит день твой, время, когда Я посещу тебя» (Иер. 50, 31).

Вчера в «Ecl. du Soir»: англ. оффиц. сообщение: вчера (в воскр.) вечером над Англией пролетело 600 нем. авионов, мы сбили всего за воскресенье более ста. Неужели правда? Дальше [...]: блокада Англии есть наказание за ее бесчеловечное ведение войны... Анг. должна быть уничтожена как можно скорее — это она одна мешает установлению долгого и прочного мира в Европе...

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10 ч. Принесли «Ecl.». Англ. отступили из Сомалии. Речь Булита, америк. посла во Франции, — говорил в Вашингтоне, — что надо оказать помощь Англии, что, после победы над ней, немцы с Японией нападут на Америку. Канада и Соед. Шт. заключили союз для защиты Сев. Америки. Утка, — думаю, что утка, — будто возможно, что Черчиля заменит этот старый неугомонный подлец Ллойд Джордж .[..]

21. VIII.

Вчера был в Cannes, хотел купаться, но встретил вдруг Адамовича — только несколько дней как в Ницце (т. е. демобилизован) — и просидел часа 1½ с ним и Кантором[13] в café «под платанами». Пригласил их к себе на завтрак во вторник 27-го.

Сейчас один в доме — «nos dames» уехали вчера к маркизе на ночевку. [...] Вера нынче тоже в Cannes[...]

Итальянцы трубят победу в Сомалии, она, по словам «Ecl.» будто бы очень важна. Черчиль вчера сказал devant les communes, что Англ. должна готовиться к «a une campagne 1941-42». Соглашение Рузвельта с Канадой вызвало «inquétude au Japon» и последствием этого соглашения будет то, что теперь америк. destroyers будут направляться в Канаду, а из К. — в Англию. Так что *косвенно* Ам. вступила в войну против немцев? [...]

В вечерней газете: Рузвельт опровергает слухи о посылке истребителей через Канаду в Англию; известие, что Троцкий умирает — кто-то проломил ему череп железн. бруском в его собств. доме в Мексике. Прежде был-бы потрясен злым восторгом, что наконец-то эта кровавая гадина дождалась окончательного возмездия. Теперь отнесся к этому довольно безразлично.

22. VIII. 40.

Ночью сильный и оч. прохладный ветер. Сейчас

Для сайта BOOK-OLDS.RU

(11 ч.) солнце, но все еще шумит. В долине под Кабризом пожар в лесах — гигант[ский] дым серо-молочно-рыжеватый медленно идет, поднимаясь, над долинами под Эстерелем. [...]

Убийца Троцкого какой-то Jaques Morton Vandenbretch, родился в Тегеране и натурализованный бельгиец; он арестован; череп у Тр. так проломлен, что виден мозг; Jacques слыл другом Тр. и часто навещал его.

12 ч. 45 м. Слушал радио. Троцкий умер.

23. VIII. 40.

Газета: итальянск. газеты негодуют, что газеты швейцарск. непочтительны к фашизму, к Германии, к итало-нем. союзу, — тон угрожающий: эту моду требовать к себе почтения от всех стран и обуздывания свободы их печати ввела Германия.

Томаты, которые стоили в Ницце в прошлом году 40, 60 сант. кило, стоят теперь от 4 до 5 фр. [...]

Некролог Троцкого (Leiba Bronstein) писал кто-то очень осведомленный — кем? немцами?

Письмо из Ниццы [...]: Цакни посадили в острог за неимением carte d'id. и еще за какие-то «небылицы» — просит моей помощи, как «родного» его (а какой-же я ему родной, разведенный с его сестрой уже чуть не 20 лет тому назад?) — поручительства за него и еще чего-то, говоря о моем «добром сердце» — очевидно, денег, которых у меня нет.

Солнечно — и уже августовск. и сент. сухость в этом блеске. Все еще доносится мистраль.

Прочитал Лескова «Захудалый род» — очень скучно, ненужно. В той-же книге «Овцебык» — оч. хорошо.

В «В. Евр.» еще три очерка из «Зап. Степняка» Эртеля — все очень плохи. Лучше других «Поплёшка», но и тот нудный, на вечную тему тех времен о народной нищете, о мироедах и т. д. Впервые я читал этого

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Попл.» больше полвека тому назад и навсегда запомнил отлично начало этого рассказа. [...] Молочный блеск — особенно хорошо. [...]

Лесн. пожары возле Ниццы, под Тулоном. Вчерашний, недалеко от нас, еще не совсем потух.

Да, да, а прежней Франции, которую я знал 20 лет, свободной, богатой, с Палатой, с Президентом Р[еспублики], уже нет! То и дело мелькает это в голове и в сердце — с болью, страхом — и удивлением: да как-же это рушилось все в 2 недели! И немцы — хозяева в Париже!

24. VIII. 40.

Немцы стреляли в четверг (позавчера) из орудий с франц. берегов по Лондону. [...]

Тело Троцкого будет сожжено и «прах» будет брошен в море — по его завещанию. [...]

25. VIII. 40. Воскресенье.

[...] Франц. радио все чаще за посл. время клонит к тому, что необходим блок Герм.-Италия-Франция. Нынче прямо сказано: «Без канц[лера] Гитлера невозможно устроение новой Европы и прочного мира». Что должен чувствовать П.[14]! А может, он ничего не чувствует...

Вчерашнее письмо Алданова: «Я получил вызов к америк. консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С. Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем (Т. М. — буквально), что есть...» [...]

Поехал в Cannes. Нашел Цетлину в кафе. [...] Уговаривала, чтобы я серьезно подумал об Америке — «жить тут вы все равно не сможете». Сказала, что Авксентьев уже уехал, Вишняк и Руднев тоже уже получили визы. «Почему так скоро?» — «Американск. социалисты ходили к самому Рузвельту, просили за

Для сайта BOOK-OLDS.RU

социалистов во Франции...» Итак, наш второй исход, вторая эмиграция!

Погода все та же — горячее солнце и холодный ветер в тени. Олеандры с их мелкими, острыми, блед-но-зелеными листьями, сплошь осыпан. розовыми цветами, уже скоро потеряют эти цветы — они стали подсыхать, кое-где чернеть, умирать.

Весь день сижу за своими набросками, заметка-ми. [...]

27. VIII. 40. Вторник.

Вчера завтракал в Cannes с Цетлиными и Алдано-вым. Цетлины и Алданов приехали к нам со мною к вечеру на обед и ночевку. Нынче у нас завтракали Ада-мович, Кантор, Цетлины и Алдановы.

Все уехали в 5 ч.

Офицеры бежали больше всего. «Лучше Гитлер, чем Блюм».

29. VIII. 40. Четверг.

Немцы бомбард. «sans répit» порты и заводы англ.

Из Виши: Запрещение в свободн. зоне спектаклей, galas, festivals.

М. А. [Алданов. — М. Г.] говорил за завтраком у нас, что читал три тома генерала de Gaul (кот. сей-час в Англии и заочно присужден франц. правительст-вом — нынешним — к смертн. казни) и был соверш. поражен как его литер. талантом, так и знанием Гер-мании и предсказаниями на счет будущей войны Фран-ции с Герм.

Кофе будут выдавать тоже по карточкам — 100 грамм в месяц на человека. Похоже и это на издева-тельство.

Как-то на днях ахнул, вдруг подумав: в первый раз в жизни я живу в завоеванной стране!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Читал эти дни в «Сев. В.» (1897 г.) «Дневник бр. Гонкуров»[15]. Очень хорошо — кроме посл. лет, когда Эдмон стал писать сущий вздор (напр., о русской литературе) и придавать до наивности большое значение тому перевороту во фр. литературе, который будто он с братом совершил.

В одном месте говорит: «Книги никогда не выходят такими, какими задуманы». Правда, правда.

Следовало-бы написать мой нелепейший роман с Кат. Мих. [Лопатиной. — М. Г.][16]. Новодевичий монастырь, НовоИерусалим. Еще — историю моих стихов и рассказов.

Суб. 31. VIII. 40.

[...] Вчера был в Ницце. Завтракал, как всегда, в Эльзасск. таверне, с безнадежной тоской в душе: вот еще год жизни прошел, и уже далекой кажется грустная прошлая зима и нет несчастной, всегда бодро усмехающейся Ирины, и Цакни сидит в остроге (это с ними бывал я в этой таверне). [...]

На днях в «Ecl. de Nice» было большое пустое место — зачеркнута цензурой целая статейка. Оказывается, [...] в Ницце было такое событие: стояла толпа в очереди, дожидаясь выдачи горсточки кофе, а мимо проходил итальянский офицер с деньщиком (очевидно, из оккупир. части Ментоны); из толпы стали кричать злобно и насмешливо: «эй, вы, макароны!», офицер ответил толпе тоже каким-то оскорблением, а кто-то из толпы дал ему пощечину, а его деньщик застрелил этого кого-то...

День облачный. К вечеру так прохладно, что я надел теплую куртку.

Александр III умер в Ливадии в 2 ч. 15 мин. 20 Окт. 1894 г. (стар. стиль). В тот-же день на площадке перед церковью Малого дворца присягнула Николаю вся царская фамилия. Думал-ли он, какой смертью погибнет он сам и вся его семья! И вообще, что может

Для сайта BOOK-OLDS.RU

быть страшней судьбы всех Романовых и особенно старой царицы, воротившейся после всего пережитого опять в Данию, старухой, почти нищей, и умершей там! И чего только не пережил на своем веку *я*! И вот опять переживаю.

1. IX. 40. Воскресенье.
Все увеличивающая[ся] «воздушная дуэль» Германии и Англ. [...] Налеты на Лондон и на Берлин, алерты и там и тут по 2, по 3 часа. Немцы подводят итоги воздушной войны *за год*: «мы уничтожили 7000 вражеск. авионов, сами потеряли всего 1050». Довольно странно! [...]

Все-таки это правда — наступают *самые* решительные дни.

В прошлом году первое сентября было в пятницу. После завтрака все внезапно полетело к чорту — радио известило, что немцы ворвались в Польшу и что завтра начнется всеобщая мобилизация во Фр. Г. и М. сошли с ума, кинулись собираться в Париж и через час мы отвезли их в такси в Cannes на вокзал.

3. IX. 40.
Были с В. у Mme Жако — просили ее написать нашей хозяйке — эта старая дура надеется кому-то сдать «Jeannette», соверш. не представляет себе жизнь во Франции.

Облачно, у нас почти холодно, внизу было душно как перед грозой. Ночи совсем свежие. [...] Годовщина объявления войны!

4. IX. 40.
[...] Письмо от Гребенщикова об Америке[17]. [...]

На днях прочитал (перечитал, давным давно не перечитывал) «Мальву» и «Озорника» Горького. Вполне лубок. И хитрый, преднамеренный.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6. IX. 40.

Отличный тихий солнечный день, хорошо выспался, не плохо себя чувствую, только втайне тревожусь, как всегда утром, — жду газету.

Часто думаю: как незаметно прошло такое огромное событие — исчезновение целых трех государств — Литвы, Латвии, Эстонии! Давно ли я видел их со всем [всей? — М. Г.] их национальной гордостью, их президентами, их «процветанием» и т. д.! Поиграли больше 20 лет во все это — и вот точно ничего этого никогда не было[18]! От Карамзиной[19] уже давным давно ни слуху, ни духу — и, верно, навсегда... А Чехия, Польша, Бессарабия, Дания, Голландия, Норвегия, Бельгия, прежняя Франция? Уму непостижимо! И изо дня в день, самыми последними словами, поносят в газетах и по радио сами себя французы — эту прежнюю, вчерашнюю Францию.

Пишу и гляжу в солнечный «фонарь» своей комнаты, на его пять окон, за которыми легкий туман всего того, что с такой красотой и пространность [пространностью? — М. Г.] лежит вокруг под нами, и огромное белесо-солнечное небо. И среди всего этого — мое одинокое, вечно грустное *Я*.

Принесли газету. [...] Речь Черчиля devant la chambre des communes. За 2 посл. месяца Англия потеряла 558 авионов. За август погибло смертью среди гражданск. населения 1075 человек, 800 домов разрушено. Аттаки немцев в сентябре еще усилятся [...]

Радио в 12½: нынче ночью большие демонстрации в Бухаресте против евреев и с требованием отречения короля; король ночью отрекся и намерен переселиться в Швейц. Все теперь во власти «Железн. гвардии», т. е. немецких ставленников. На престол вступил Михаил.

7. IX. 1940.

Вчера в три часа поехал в Cannes, — автобус, как

Для сайта BOOK-OLDS.RU

всегда, был набит народом до ужаса, — купался на пляже Grand Hôtel'я; кабинка стоит теперь уже 8 франков! Возвратясь, поднимался пешком, — такси уже совсем исчезли, — тяжкий труд! [...]

Декреты, декреты, декреты... Вчера особенно замечательный: запрещается пить кофе в кафе с 3 ч. дня. Да, если бы не немцы, уже давным давно все летело бы к чорту, — «грабь награбленное!»

Дневник братьев Гонкур: почему Тургенев «милый варвар»? Какая французская тупость, какое самомнение! [...]

Радио в 12½: Антонеску послал телеграммы «великому фюреру» и «великому дуче». Так прямо и адресовался. Еще одно дельце Гитлер обделал. Какие они все дьявольски неустанные, двужильные — Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!

Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: «Жизнь Арс[еньева]» может остаться не конченной! Но тотчас с облегчением подумал, что не только «Евг. Онегин», но не мало и других вещей Пушк. не кончены, и заснул.

Уже давным давно не могу видеть без отвращения бород и вообще волосатых людей.

За мной 70 лет. Нет, за мной ничего нет.

8. IX. 40. Воскресенье.

[...] Еще раз просматриваю «Красную лилию» Франса. Нет, это редкий роман, *во многих* отношениях прекрасный.

9 ч. вечера. Восьмичасовое радио: [...] «гигантская битва» немцев с англ., — тысяча авионов над Лондоном, сброшено *миллион* пудов бомб, сотни убитых и раненых, а англичане громят Берлин и сев. побережье Франции. Уже два часа идет дождь и через кажд. пять секунд тяжко, со стуком потрясает небо гром. Открывал окно: ежесекундно озаряется все небо дрожащим голубым светом, дождь летит на голову. Осенью мы

Для сайта BOOK-OLDS.RU

будем сидеть здесь как на «фраме» Нансена. И что будем есть? Оливкового масла осталось у нас 5 бутылок — очевидно, на всю осень, а может, и зиму. И чем будем топить?

9. IX. 40. Понедельник.

И в газете то же, что вчера говорили по радио — вчера после полудня был страшный налет на Лондон. [...]

Дым от пожаров в Англии виден с северных берегов Франции.

Вечерн. радио: немцы *продолжают* свое дело. Англ. три часа бомбардировали Гамбург. В какой-то америк. газете говорят: «Это истинный ад на земле!»

Опять думал о том *необыкнов.* одиночестве, в котором я живу уже столько лет. *Достойно написания.*

10. IX. 40. Вторник.

Вчера свежая лунная ночь (уже половина луны). Прошлись с В. по Route Nap. [...] Раздумал ехать прощаться с Алдановым. М. б., уже уехал. Посылаю письмо.

На олеандрах еще осталось много цветов.

11. IX. 40. Среда.

[...] Нынче с утра вся долина как на ладони, черная, маленькая. Но день ясный, солнечный, только очень прохладный ветер в окна (с Италии). Беспокойство, хочется ехать на море — зачем, однако? Да и очень трудны теперь поездки. В. уехала в Cannes. [...]

Вечером: в ночь со вторн. на среду алерт над Лонд. длился более 8 часов; англ. в эту ночь бомбардиров. Берлин [...]

Слушали Москву в 9½ вечера (по-московски в 11½).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

12. IX. 40.

Вчера в 6 ч. вечера Черчиль говорил перед радио: немцы всячески приготовились к высадке в Англии — нападение может произойти каждую минуту — и мы готовы к нему; каждая пядь земли, каждая деревня, каждая улица будет защищаться нами. [...]

Леонардо да Винчи, переселившись в Милан, предлагал свои услуги Людовику Моро — между прочим, в качестве скульптора и живописца: «во всем этом, светлейший государь, я могу делать все, что только можно сделать, — *по сравнению с кем угодно*». Вот это я понимаю!

Пушкин незадолго до смерти писал: «Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить».

16. IX. 40. Понед.

Итальянцы, в количестве 260.000 человек, вторглись в Египет. Англо-немецкая «дуэль» продолжается с большой силой. Леон Блюм посажен в château de Chazeron. За что? Я его всегда терпеть не мог, но сейчас все-таки возмущен чрезвычайно. Ведь он был избран и правил «волею народа».

17. IX. 40.

Все то же, непрекращающееся. Вчера вечером *пятый* алерт над Лондоном *за день*. В ночь на понедел. алерт длился 9½ часов. [...] В Риме пишут, что главное наступление на Англию *будет только* весной.

Франц. правительство обращается к стране с советом есть сыры, зелень и фрукты — в них есть все нужные витамины. Беда только в том, что сыров почти нет. Чудесный день.

[... В этот же день Вера Николаевна записывает:]

[...] Ян много что-то пишет. Слава Богу, не томится. В такие времена особенно проявляется лич-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ность человека. Он много, часто и хорошо говорит о том состоянии, куда зашла вся Европа. Что дает Европе юдофобство, диктатура и все, что теперь творится.

[И. А. Бунин:]

19. IX. 40. Четверг.
Позавчера ездил с М. и Г. в Cannes, бегали по городу, там и сям накупая сыры (дают по кусочку, все бросились их покупать, прочитав в «Ecl.», что в сырах много всяких витаминов).

Вчера, как и предыдущие дни, — уже дней пять теперь, — пишу заметки в серой тетради. [...]

[После этого, видимо, наступил период усиленной творческой работы. В записях коротко говорится о том, когда был написан тот или другой рассказ. Вероятно, все другое было опущено Буниным при переписке дневников или же вкратце включено в запись от 30-го октября.]

20. IX. 40. Начал «Русю». 22. IX. 40. Написал «Мамин сундук» и «По улице мостовой». 27. IX. 40. Дописал «Русю». 29. IX. 40. Набросал «Волки». 2. X. 40. Написал «Антигону». 3. X. 40. Написал «Пашу» и «Смарагд». 5. X. 40. Вчера и сегодня писал «Визитные карточки». 7. X. 40. Переписал и исправил «Волки». 10, 11, 12, 13. X. 40. Писал и кончил (в 3 ч. 15 м.) «Зойку и Валерию». 14, 17, 18, 20, 21, 22. X. 40. Писал и кончил (в 5 ч.) «Таню». 25 и 26. X. 40. Написал «В Париже» (первые страницы — 24. X. 40). 27 и 28. X. 40. Написал «Галю Ганскую» (кончил в 4 часа 40 м. дня 28. X.).

23. X. 40. (10. X. 40 по старому стилю), 11½ ч. вечера.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Шум дождя по крыше, шум и постукивание капель. Иногда все сотрясающие раскаты грома. Лежал, читал «Несмертельного Голована» Лескова, потом выпил полстаканчика водки.

70 лет тому назад *на рассвете* этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже на Дворянск. улице. Сколько лет еще осталось мне? Во всяком случае немного и пройдут они очень быстро, — давно-ли, напр., была осень в Beausoleil, где мы жили на этой горе, в этом высоком доме (Villa Dominante)! А прошло уже 2 года.

Проснулся поздно (в 9 ч.), с утра было серо и прохладно, потом весь день шел дождь. Все-таки мое рождение немного праздновалось — баранье плечо, вино (Марга подарила Понте-Канэ). Галина переписывала «Таню», которую я кончил вчера в 5 ч. вечера.

[Записи Веры Николаевны за это время состоят главным образом из выдержек из полученных писем. Но 23 октября у нее записано: День рождения Яна. Подарила ему последний свой кофе — подарок Самойловых. [...] Неделю назад в неожиданный час приехал Леня. [...] бросился за работу. [...]

30. X. 40.

С утра солнце, но из-за Альп над Вансом дожд[евые] облака. К полудню распогодилось, прохладно. [...] Перетащил сейчас (три часа дня) к себе письм. стол из кабинета внизу. Тотчас после того началась ужасная кровь.

Все посл. время то дожди, то хорошая погода. 14 (1 окт., на Покров) Вера ездила в Cannes к обедне (в страшный дождь) — ее рождение. Жалко ее, больную, слабую, нервную, утешающуюся чем Бог даст, — жалко нестерпимо.

С месяц почти пишу не вставая, даже иногда поздно ночью, перед сном.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18 Окт. ездил с Бахраком[20] (он живет у нас) в Ниццу — прощальное свидание в кафе под Казино с Алдановым (опять вернувшимся).

26 Окт. получена была от Зайцева открытка: 17-го Окт. умер Н. К. Кульман (19 похоронен в St. Gen. du Bois) — кончается, кончается наша прежняя, долгая и сравнит. благополучная эмигр. жизнь. Да, 20 лет, треть человеч. жизни мы в эмиграции.

28 Окт., вечером, узнали: началась еще одна война — Италия напала на Грецию, придралась к чему-то, о чем *сама* солгала, и напала.

9. XI. 40.

Семь лет тому назад весть о Ноб. премии. Был счастлив — и, как ни странно сказать, молод. Все прошло, невозвратимо (и с тяжкими, тяжкими днями, месяцами, годами).

10. XI. 40.

Были чудесные, солн. дни. Липа под моим окном стояла вся уже сквозная, светло-канареечная, небо в ней было яркое, бирюзовое. (Другая липа все еще густая, зеленая). Нынче ливень, холод.

11. XI. 40.

Вчера поздно вечером кончил «Генриха» (начал 6, писал 7 и 9). Опять хороший, теплый день. В 2 ч. ходил в город, в банк, меняю посл. тысячи. [...]

«Генриха» перечитал, кое-что черкая и вставляя, нынче утром. Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил. Одно осталось — помоги и спаси, Господи.

За прошлую неделю оч. много потерял крови, слабость и боль в темени.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

14. XI. 40.

Позавчера был в Ницце у доктора Карлотти — все слезится левый глаз. Прописал новые капли, сказал, что зрение у меня хорошее и что все-таки я должен постоянно носить очки (для дали, а работать в прежних).

Весь день перечитывал написанные за эту осень рассказы и клал их в две папки — одну надо положить в сейф.

Молотов был два дня в Берлине: решают новое устройство Европы «на развалинах старой», — как пишут итальянцы.

Умер и похоронен, как самый обыкнов. человек, забытый уже всеми Чемберлен.

Итальянцы пока напоролись на греков.

17. XI. 40.

Все добываем пропитание, [...] добыли 1/2 бут. прованского масла, 2 кило картошек, 30 яиц — и счастливы! Серо, дождь.

Среда, 20. XI. 40.

[...] Прошу устроить мне денежн. помощь у богатых шведов. Ничего, конечно, из этого не выйдет.

Пятн. 22. XI. 40.

Письмо от Алданова из По: умер В. В. Руднев. Рак желудка. Очень жалко. Алдановы уезжают в Америку 25-го. Кончаются, кончаются наши эмигрантские годы!

Воскр. 24. XI. 40.

[...] После захода — там, к Марселю: внизу темнеющее оранжево-красное, выше зеленоватое, прозрачное, еще выше — бесцветная синева.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Среда, 27. XI. 40.

[...] Хочется писать, но чувствую себя тревожно, мысленно хватаюсь то за одно, то за другое.

4. XII, 5. XII и 9. XII. 40.

Написал «Три рубля».

13. XII. 40. Пятница.

[...] Италия объявила о своем вступлении в войну 10 июня в 6 часов вечера — уже отлично зная, что немцы разбили Францию, спускаются в долину Роны и угрожают «de prendre à revers» французск. Альпийскую армию. [...]

Нынче сообщение англичан, что они взяли в Африке 20 тысяч итальянцев в плен.

Греки бьют их (итальянцев) все время.

Статья в «Candide» о Блюме. При выборах все эти Блюмы делали чорт знает что.

Перечитываю Чехова. Очень хороша «Жена». Какая была всяческая опытность у него уже в те годы! Всегда этому дивился, и опять дивлюсь. Удивительны и «Скучн. история» и «Дуэль».

С 28 ноября приказали опять полное затемнение. Ночи стоят лунные, прекрасные и очень холодные.

В конце ноября зверства в Румынии.

15. XII. 40. Воскр.

Позавчера поразила ночь, — оч. мало звезд, на юге невысоко лучистый, не очень ясно видный голубыми брил[лиантами] играющий (только он один) Сириус, луна оч. высоко почти над головой как золотое солнце (шаром), высоко на западе (оч. высоко) золотой Юпитер, каменная неподвижность вершин деревьев.

Вчера завтракал в Carlton'е у Гукасова[21]. Богатство вестибюля, рестор. зала, много богатых американцев и англичан. Меню как будто нет войны. Две бу-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

тылки бордо — papa Clement. Солнечно, прекрасно. Оптимизм Гукасова.

Нынче погода портилась.

Ничего не могу писать. [...]

Разгром итальянцев в Африке и в Албании продолжается. 26.000 пленных в Африке.

Вчера был у доктора Charlet на счет глаз. И он приказывает носить очки (для дали) *постоянно*.

Живем очень холодно и очень голодно.

Нынче неожид. новость: выкинут Лаваль. Путаное, непонятное обращение к Франции в связи с этим маршала. Что-то случилось. Что?

18. XII. 40. Среда.

Дня два было сыро и очень холодно. Вчера опять солнечно, тихо, свежо. Нынче тоже. И от этого, как часто, еще грустней. Страшное одиночество.

Уехал в Ниццу Бахрак.

Англичане и греки продолжают бить итальянцев — в Албании и в Африке. Позавчера московск. радио сообщало вечером, что англич. взяли в Африке в плен 50 тысяч итальян.

20. XII. 40.

Серо, очень холодно. В доме от холода просто невыносимо. Все утро сидел, не отдергивая занавеса в фонаре, при электричестве.

Едим очень скудно. Весь день хочется есть. И нечего — что кажется очень странно: никогда еще не переживал этого. Разве только в июне, в июле 19 г. в Одессе, при большевиках

22. XII. 40.

Было солнце и облака. Прочел «Исполнение желаний» Каверина («советский»). *В общем* плохо.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Письмо от Алданова из Лисабона (послано 13 Дек.). Цетлины тоже в Лисабоне, визу в Америку еще не получили. Алдановы уезжают 28 Дек.

30. XII. 40.

Почти все время солнечно и морозно. Дня три лежал снег (с полвершка), в тени до сих пор не совсем стаял. В доме страшный холод, несмотря на горячее солнце (особенно у меня в фонаре). Голодно. [...] Ничего не могу писать. [...]

Рождество было нищее, грустное, — несчастная Франция!

Читал последние дни «Василия Теркина» Боборыкина. Скука адова, длинно, надумано. Продолжал перечитывать Чехова. За некоторыми исключениями, все совершенно замечательно по уму и таланту. «Иванов» совершенно никуда.

31. XII. 40.

Гораздо теплее, даже некоторое весеннее тепло.

1941

1. I. 41. Среда.

«Встречали» Новый год: по кусочку колбаски, серо-сиреневой, мерзкой, блюдечко слюнявых грибков с луком, по два кусочка жареного, страшно жестка [жесткого. — М. Г.] мяса, немножко жареного картофеля (привез от N. N.), две бутылки красного вина и бутылка самого дешевого асти. Слушали московское радио — как всегда хвастовство всяческим счастьем и трудолюбием «Советского Союза» и танцулька без конца.

Позавчера речь Рузвельта, необыкновенно решительная [...] Нынче в газетах вчерашнее новогоднее послание Гитлера: «Провидение за нас... накажем

Для сайта BOOK-OLDS.RU

преступников, вызвавших и длящих войну... поразим в 41-м году весь мир нашими победами...»

Небольшой мистраль. Красота гор над Ниццей.

3. I. 41.

С утра дождь и туман. После завтрака проглядывало солнце. К вечеру белые туманы в проходах Эстереля, море серо-свинцового тумана в долинах и горах в сторону Марселя.

Перечитывал «Петра» А. Толстого вчера на ночь. Очень талантлив!

6. I. 41. Понедельник.

Дождь, сыро, серо, холодно, опять сижу при огне — «фонарь» с закрытыми ставнями, задернутой занавеской и ширмами. [...]

Англо-немецкая война все в том-же положении — бьют друг друга, как каждый день всю осень. Осточертело читать и слушать все одно и то же.

Японский м. внутр. дел произнес речь на весь мир — «41 год будет самый трагический для человечества, если продолжится война и не будет возможности для Яп., Ит. и Германии организовать новый мир ко всеобщему благополучию». Последнее особенно замечательно. [...]

21. I. 41.

Были по всей Европе страшные холода, снега. У нас тоже. Холод в доме ужасный, топить вволю нельзя, не чем: запасы наши угля и дров на исходе, дальше будут давать только 100 кило в месяц — насмешка! Все время ищем что купить! Но нечего! Находим кое-где скверный, сморщенный горох (и торговец и мы врем — «для посева»), ржавые рыбки, род stet. селедочек и сардинок — и всё. Питаемся скверно[1]. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ждали, что немцы пройдут через Болгарию в Грецию. В Средиз. море их авиация работает уже — помогает итальянцам.

Гитлер виделся с Мус[солини] — «приняты важнейшие решения».

Нынче вечером советск. и швейц. радио: англич. взяли Тобрук. Междуусоб. война в Румынии.

25. I. 41. Суббота.

Солнечный и уже теплый день. Вчера послал av.-recom. Цетлиным в Америку. Нынче — открытку Тане Муравьевой[2]. Сходил опустить ее после завтрака в ящик возле женской обители (под Helios'ом). Сидел на подъеме к «Chaumiere». Припекало. Тишина и грусть на душе.

При взятии Тобрука захвачено около 20.000 пленных. Англичане идут дальше к западу. [...]

Нападения на Англию притихли. «Затишье перед бурей»?

Хитлер, верно, уже понимает, что влез в опасную историю. Муссолини усрался — чем-бы там дело ни кончилось. Возможно, что и Абиссинию потеряет.

9 Янв. были на именинах у Самойлова. Прекрасный день. «Альпийский» вечер, когда не дали авто-б[уса].

Вечер 11 янв.: выделились белые дома внизу, в окрестности, потемнела зелень камен[ного] дуба у ворот, желтая луна на бесцветно-синем небе; ночью: луна оч. высоко, небо пустое, огромн., на юго-в. лучисто играет чистый голубой брил[лиант] Сириуса.

26. I. 41. Воскр.

Солнечный и теплый день. Ездил в Cannes на концерт Барсукова (с оркестром). Моцарт, Метнер. Потом пили чай в англ. кофейне. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

28. I. 41.

Дождь, сыро, холодно. Вера чем свет уехала за яйцами. Был о. Николай, святил дом. Зуров подпевал при службе.

29. I. 41.

Последние деньги утекают. [...]

В Норвегии голод. В Финляндии — голод, во Франции голод. Вся Европа ввержена в смертоносные битвы, голод, холод, рабство, муки.

30. I. 41.

Холод, дождь, туман. 889 фр. из Швеции — там читали что-то мое для радио.

31. I. 41. Пятница.

Всю ночь проливн. дождь и буря. И днем дождь. Ходили в город, истратили на покупки, — на всяческую дрянь, — больше 100 фр.

Чрезвыч. бодрое английск. радио вечером.

1. 2. 41.

Непременно изменить жизнь, — не пить на ночь, гулять днем и перед сном — видел нынче в 2 часа, когда пошли с Бах[рахом] в город, тонкий серп нов. месяца, будут, значит, светлые ночи и м. б. теплее, а то все был мрак и холод.

С утра было сумрачно, к десяти разгулялось — солнце и тепло. Груды кремовых курчавых облаков (снизу серых), навалившихся на собачью гору над М. Карло.

И в Африке и в Греции продвижение англ. и греков.

Гитлер в своей речи 30 Янв. признал «неуспехи» итальянцев. Но это не важно, — все равно, сказал он, «*en 1941 l'histoire connaitra un ordre nouveau — il n'y*

Для сайта BOOK-OLDS.RU

aura plus de privillèges, plus de tyrannie... le monde aura le dernier mot...»[3].

6 ч. вечера. Полчаса тому назад над М. К., над горами, было нечто гигантское, состоящее из белых клубов, по клубам озаренное красным. Что там, в северн. Италии? Сейчас завешивал окна — высоко, высоко мутный серп месяца — и «синие тучи весны на западе будут видны (Андреевский)» — синие тучи на закате. Да, это уже весна. И сердце вдруг сжалось, — молодо, нежно и грустно, — вспомнилось почему-то время моей любви, несчастной, обманутой — и все-таки *в ту пору* правильной: все таки в ту пору было *в ней*, тогдашней, удивит. прелесть, очарование, трогательность, чистота, горячность... Впрочем, все это очень плохо говорю.

3. 2. 41.

Мрачно, холод, дождь, Эстерель пегий от снега.

Был в городе. Каждое возвращение оттуда с тяжелой сумой через плечо (бут. вина, фрукты, овощи) на нашу крутую гору — великая мука.

По франц. радио из Америки: вот-вот немецкое наступл. на Англ., у немцев десятки тысяч авионов, в первый налет пойдет 10 тысяч, во второй 18...

Перенесена ко мне сверху печка угольная, а моя, дровяная на верх. Читаю Шаховского (о. Иоанна) «Толстой и церковь». Смесь неглупого и глупого.

Часто думаю с удивлением и горем, даже ужасом (ибо — не воротишь!) о той тупости, невнимательности, что была у меня в первые годы жизни во Франции (да и раньше), к женщинам.

То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

7. 2. 41.

С Бахр. в Cannes, завтракали там [...] жареный кролик с зел. бобами, компот (с сахаром) из апельсинов, хорошее кофе — давно так не ел! Счет — 150 фр. После завтрака дантист [...] вырвал мне зуб. Выпил флягу коньяку — опять!

Солнечный день. Англичане взяли Бенгази (6-го вечером).

8. 2. 41.

Солнечный и совсем теплый день. В городе купили еще 3 кило гороху (да Г. с М. 2) — боимся, что будет полный голод. [...]

Вечером радио: разгром англичанами итальянск. армии, отступавшей из Бенгази.

6-го видели на Cours итальянцев. Щеголи до блядства.

Завтракали и обедали мы «роскошно», — съели по кусочку свинины (одно жесткое сало), ели салат.

9. 2. 41. Воскр.

Полдня тепло и солнечно, потом замутилось. [...] Вечером слушали английское радио — речь Черчиля. Предостерегал Болгарию, через которую немцы, м. б., вот-вот прорвутся в Грецию.

11. 2. 41.

Адмирал Дарлан назначен Петэном «наследником». Почему *адмирал, главнокомандующий фр. флотом?*

Теплый день. С утра весь небосклон к югу и западу, под солнцем, был закрыт дымно-туман. тучей. Ходили в город — пустыня во всех лавках! Только вялый жесткий сельдерей. Сонливость — много потерял за посл. дни крови.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

12. 2. 41. Среда.

Вчера вечером англ. радио: Франко проехал по франц. Ривьере к Муссолини, Петэн выехал из Виши в свое поместье (близ нас) и будет иметь свидание с Франко на его возвр. пути. В чем дело? Нынче в газетах ничего нет об этом, но сказано, что Испания решила примкнуть к «Оси» в «мировой политике». Итальянск. сообщение: «итальянский народ в страшном гневе на подлость англичан, бомбардировавших Геную, и *«накажет» их жестоко*». [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

12 февраля 41.

Запасы тают, а на базаре только овощи и фрукты. Сейчас вошел Ян. Принес банан. Он очень заботлив ко мне. Старается, чем возможно, питать. Вчера они с Алей [Бахрахом. — М. Г.] привезли макароны. [...] целое кило. Слава Богу!

От холода я мало делаю. Порой кажется, что застывают мозги. Домашняя жизнь трудная, мало радостей. [...] Прочла только что «Суходол», а третьего дня «Деревню»[4]. Читать их следует одним махом, как слушать симфонию. [...]

Как от нашего поколения закрывали все духовное. Позитивисты царствовали, владели душами и мыслями. От церкви закрывал и Толстой. Вл. Соловьева читали немногие, о Конст. Леонтьеве почти никто ничего не знал; в загоне были и славянофилы. Владел душами Герцен. А затем, с начала столетия, стали проникать социалисты, материалисты с Плехановым во главе. [...] Религиозно-философское общество было для немногих, и мы туда не попадали. Веяния Мережковских тоже как-то не доходили. «Вечные спутники»[5] — восхитили, правда. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей Бунина:]

23. 2. 41. Воскресенье.

[...] Открытки от Веры Зайцевой и Каллаш. Вера: «Jisn gavno» (жизнь гавно). «Va bien.».

Кал.: «Jrem brukvou va bien» («жрем брюкву»)[6]. [...]

6½ вечера. Никогда за всю жизнь не испытывал этого: нечего есть, нет нигде ничего, кроме фиников или капусты, — хоть шаром покати!

24. 2. 41. Понед.

Был в Cannes. Пошел в порт, в ресторанчик-бистро, прославившийся своей кухней среди богатых людей. Бедно, 4 столика, за конторкой седенькая жена хозяина, седой небритый хозяин, оба жили в России, вспоминают ее с восторгом и грустью, говорили (плохенько) по русски. Жаловались: ни провизии, ни газа. Дали мне 1/2 б. оч. хорош. красного вина, салат из свеклы и рубл. кусочки курицы (кости гл. образом) и скверного «café national». Счет 44 фр. [...]

Ждал час билета и посадки в автобус (на горячем солнце). Дома гороховый суп и по 2 ломтика колбасы, сделанной из чорт его знает чего. [...]

Кончил «Даму с кам[елиями]». Ничуть не трогает, длинно, фальшиво.

25. 2. 41.

Солнце, но холодно. [...]

Комментарии к речи (воскресной) Муссолини и к речи (вчерашней) Гитлера. [...] Оба вождя выразили «уверенность в их конечной победе». Гитлер говорил, что ni le general «hiver», ni le general «Fain» не страшны Германии, и что с помощью Провидения англичане будут разбиты повсюду.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

26. 2. 41. Среда.

Проснулся в 8, не доспал, но решил встать, начать раньше ложиться и вставать раньше. Очень тосковал вчера перед сном. Дикая моя жизнь, дикие сожители. М., Г. — что-то невообразимое. Утром туман, дождь. Так холодно, что мерзнут руки. [...]

Вечером. Синяя муть (грядой) на западе, над ней муть красно-оранж. неба, выше небо зеленоватое.

1. 3. 41.

Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад! И мог-ли думать, в каком положении буду писать через год!

Проснулся в 8, выпил ту бурду, которая называется теперь кофеем, и опять заснул часа на полтора.

Серенький, сравнительно теплый день. Больна Вера, — насморк, кашель, легкий жар, а все таки бегала нынче на базар.

В первом часу радио: Болгария присоединилась к Германии, Италии и Японии! Очевидно, немцы пойдут через нее на Грецию.

2. 3. 41. Воскр.

[...] Присоединение Болгарии к «тройственному пакту» подписано вчера в Вене в половине второго. [...] Серьезный денек был вчера!

4. 3. 41. Вторник.

Немцы на границе Греции. Вечером англ. радио: разрыв дипломат. отношений Англии с Болгарией, объявление Англией ей войны.

Ночь, молодая луна, мистраль.

6. 3. 41. Четверг.

Вчера завтракал в Cannes. [...] Очень глупо кое-что болтал, выпил почти бут. красн. вина. Потом в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

англ. кафе джин за кофеем, потом в кафе против вокзала vieux porto. Приехав, накупил вина, опять пил. Проснулся ночью, лежал в страхе, что могу умереть.

День был солнечный и свежий. Нынче такой-же.

Опять думал, посидев минут пять в саду и слушая какую [какую-то. — М. Г.] весенн. птичку, что иного представления о Боге, кроме Толстовского (его посл. лет), не выдумаешь. Божественность этой птички, ее песенки, ума, чувств.

За посл. дни уже много цветущ. мимозы.

8. 3. 41.

Вчера весь день холод, дождь, туман, вечером долго гремел гром.

Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни.

Нынче с утра тоже дождь, тучи, туман, сейчас (к вечеру) распогодилось. [...]

Принца Павла вызвал к себе Гитлер. Хозяин Европы вызывает! Что-то выйдет из этого вызова?

Англию, конечно, бомбардируют, — *изо дня в день, восьмой месяц*! Англичане отвечают тем-же. Быстро продвигаются в Абиссинии. [...]

9. 3. 41. Воскр.

Так холодно, что затопил с утра. Облака, тучи, просветы, иногда дождь.

В газете ничего особенного. Бьют итальянцев в Албании и в Африке. Вчера в 10 ч. 50 вечера через Ниццу провезли в Испанию гроб Альфонса. Несколько дней тому назад бывший румынск. король бежал на автомобиле из Испании в Португалию («avec M-me Loupesku»). Короли бегают!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Три раза в жизни был я тяжко болен по 2, по 3 года подряд, душевно, умственно и нервно[7]. В молодые годы оттого так плохо и писал. А нищета, а бесприютность почти всю жизнь! А несчастные жизни отца, матери, сестры! Вообще, чего только я не пережил! Революция, война, опять революция, опять война — и все с неслыханными зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т. д.! И вот старость — и опять нищета и страшное одиночество — и что впереди!

10. 3. 41.

С утра ужасный холод, дождь. Сейчас (4 ч. дня) с запада расчистило, солнце. Но ветер все еще с Италии и, если не повернет, не пойдет с Марселя, не жди ничего хорошего.

Очень грустное впечатление осталось и все еще держится от переписки с клочков моих полудетских записей (1885, 86, 87 гг.). Очень жалко себя.

11. 3. 41.

Солнечное утро, безоблачн. небо. Сейчас десять минут двенадцатого, а Г. и М. и Бахрак только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр. [...]

Газеты: Франц. правительство решило ни в коем случае не дать Англии захватить франц. флот и охранять торгов. корабли военными. Значит, Англия намеревается захватить флот? «Лихорадочно» укрепляется Гибралтар.

Греческий премьер заявил, что Греция не уступит ни метра своей «священной земли». Значит, *немцы* готовятся вторгнуться в Грецию?

Югославия подписала с Германией пакт о ненападении и экономический. Рузвельт через югославского посла обратился к Принцу Павлу, чтобы тот держал-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ся, ибо он, Р., уверен в победе Англии: это последнее сказано в швейц. газете — во французских об этом ни слова.

После завтра [завтрака? — М. Г.] по саду. Довольно жаркое солнце. Две ящерицы. Птичка сладко поет, уже по весеннему. За домом цветет большое старое миндальное дерево — издали кажется, будто бумажными бело-розоватыми цветами. Зеленые подушки из мелкой зелени в мелких ярких фиолетовых цветах. [...]

12. 3. 41.

Вчера вечером был с Бахр. в городе, в том синема, где не был целых 7 лет слишком, — после того дня, когда сидел в нем с Г[алиной] и вдруг в темноте вошел Зуров и сказал: «телефон из Стокгольма, Ноб. премия дана вам...» Вчера там пели, играли и плясали испанцы. Заснул в час, выпив — опять! — рюмок пять водки. Нынче проснулся в 8½, но довольно хорошо себя чувствуя. Солнечно не яркий день, довольно тепло — уже по весеннему. [...]

Газета: опять о том, что Франция будет защищать франц. Африку (офиц., из Виши). От *кого* защищать? [...] Возобновление греческой активности в Албании.

16. 3. 41. Воскр.

Все дни почти сплошь солнечные, но с прохл. ветром. Нынче теплее всего. Все дни ничего не делал — верно, от потери крови. Читал «Р. Мысль» за 904 и 905 г. [...] Рассказы в «Р. М.» ужасны. Даже не ожидал, что это такое было. Вера уехала к Самойловым. На счет питания совсем скверно. Я очень похудел. Что будет с Югосл., до сих пор неизвестно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

17. 3. 41.

Солнечно, облака, почти совсем тепло. Утром прогулка через лес.

Греки сообщают о провале итальянск. наступления в Албании. Англичане продвигаются к Аддис-Абебе. [...] Гитлер опять говорил — «в день героев» (вчера). Опять обрисовал положение Германии после Версаля, опять сказал, что Германия «все таки» не хотела войны, что ответств. за нее падает на таких господ как Churchill и на масонов и на евреев, затем «выразил веру» в победу Германии, в новое, прекрасное устройство Европы после победы [...] Говорил вчера вечером и Рузвельт о помощи Англии, Греции и Китаю, — с необыкн. твердо [твердостью. — М. Г.] сказал, что Америка даст им «все, все»: «корабли, авионы, продовольствие, пушки, танки и т. д.» и что эта дача уже началась.

19. 3. 41.

Солнечный холодный день.

Вчера перед [пропущено слово. — М. Г.] начал писать «Натали Станкевич», писал и после обеда почти до часу, пил в то же время коньяк, спал мало, нынче еще не выходил на воздух (а сейчас уже почти пять), все писал — словом, веду себя очень глупо, но, дай Бог не сглазить, чувствую себя не плохо: верно оттого, что принимаю уже дней пять «Pancrinol», по три ампулы в день.

Вечер. Обед: голый гороховый суп, по две ложки шпинату, вареного в одной воде и ничем не приправленного, по одной кудре такой-же цветной капусты, по 5 фиников. [...]

В каких страстных родах двух чувств — ненависти к врагам и любви к друзьям — живу я почти непрестанно уже более четверти века, — начиная с 14-го года!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

24. 3. 41.

Сейчас, в 10 вечера, проветривал в темноте комнату, стоял возле открытого окна — дружно орут первые лягушки. Весна. Все посл. дни солнечно, но все еще прохладно не на припеке. Все дни сидел почти не вставая, писал «Натали».

[Вера Николаевна записывает 25 марта:]

Ян опять стал писать и опять о любви. [...] Хотелось видеть Олечку, иметь ее рядом с собой. Но и этого уже никогда не будет. Бог наказал меня, что мало хотела иметь детей, были бы и внучата, а то все «незаконные» привязанности.

Много уродливых чувств было в нашем поколении, жадном до жизни, отнявшем многое и у родителей, и у детей, но в молодости не понимавшем, что главное в жизни. [...]

[И. А. Бунин:]

4. IV. 41. Пятница.

В шесть вечера кончил «Натали». Серо, холодный ветер, то и дело по стеклам дождь.

Переворот в Югославии, взошел на престол Петр II, Павел бежал в Афины. Озлобление против немцев (по газетам) — страшное [...]

31 марта послал заказное в Виши насчет денег мне из Белграда и такое-же грасскому сборщику податей о своих доходах за 40-й год — не показал, разумеется, ничего. [...]

7. IV. 41. Понедельник.

Вчера в 12½ дня радио: немцы ночью вторглись в Югославию и объявили войну Греции. Начало страшных событий. Сопротивление сербов будет, думаю, чудовищное. И у них 7 границ и побережье!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В 4 поехал в Cannes, отвез Барсукову, едущему в Америку, пакет с рукописями всей своей новой книги — кроме «Натали», для передачи Алданову. Второй отдел кончается 185-ой стр.[8] [...]

Забыл: вчера же другая огромная весть: англичане взяли в субботу вечером Аддис-Абебу. [...]

11. IV. 41. Пятница. (Католич. Страстная)

Проснувшись около 8, лежал, покорно думая: ну, что ж, если даст Бог веку, надо жить, смирившись. [...]

В 10 прошелся по Route Napoleon. Полнолуние, вся долина в тонком тумане, во впадинах полосы бело-голубого тумана.

Еще раз (кажется, окончательно) перечитал (днем) «Натали», немного почеркал, исправил конец последней главы. [...]

Пишу в первом часу ночи, очень усталый и грустный, в ожидании, что скажет англ. радио (слушает Бахр.).

12. IV. 41.

Солнечное утро, но не яркое, не ясное, облака.

Австрия, Чехия, Польша, Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, теперь на очереди Сербия и Греция — если Германия победит, что с ней будет при той ненависти, которой будут одержимы к ней все эти страны? А если не победит, то дальше и думать страшно за немецкий народ. В Белграде, пишут газеты, сейчас *тысячи* трупов под развалинами — простят это сербы? Да, еще Румыния, Венгрия — 13 стран! [...]

18. IV. 41.

[...] Избегаю читать газеты и слушать радио. [...]

По огородам уже давно висят подушки мелких фиолет. цветочков; зацвела сирень, иудино дерево,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

каштанчик весь в нежнейшей зелени, рядом деревцо все в зеленовато-коричн. листве и розовых цветах — нарядно удивительно.

В полдень радио: югославск. армия сдалась «sans conditions».

20. IV. 41. Св. Христово Воскресение.
Христос Воскресе, помоги Господи!

С утра пухлые облака, солнце, сейчас (полдень) серо, тихо, неподвижно. Дубы уже дымчато засерели зеленью.

Тобрук еще держится, греческий флот тоже. [...]

23. IV. 41. Среда.

[...] 34 года тому назад уехали в этот день с Верой в Палестину. Боже, как все изменилось! И жизни осталось на донышке.

Радио, вальс, который играли в Орле на балах и в городском саду. [...]

27. IV. 41. Воскресенье.

В шестом часу вернулись с Верой от Самойловых — завтракали (курица под белым соусом). С утра солнечно, но дуло холодным ветром, вроде мистраля.

Г. сказала: слушали радио — на Акрополе немецкий флаг. Вот тебе и Англия. Сейчас (около шести) тихо, слабое закатное солнце по равнине, все неподвижно. И также неподвижно, грустно-покорно на душе.

Слух, что умер Шмелев[9].

Нет больше ни Югославии, ни Греции. Все погибло в один месяц.

2. V. 41.

Солнце, довольно слабое, облака.

Начал еще раз перечитывать «Темные аллеи». *Перечитал и кое-где почеркал весь первый отдел.*

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В пятом часу чуть не час гроза: фиолетовое с белым полированным блеском мелькание, затем, через неск. секунд, удары с затяжкой, разрывы, тяжкий стук, дребезг стекол и раскаты с одной стороны неба на другую, отходящее шипение.

12 тысяч немцев с танками в пр. в Финляндии — это в швейц. газете — будто бы идут на отдых из Норвегии. Предостережение Сталину? В пять минут возьмем Птб., ежели ты...?

13 Мая 41.

[...] Ночью вчера англ. радио: улетел, сбежал Hess, упал на парашюте в Англии, сломал себе ногу. Непонятная история. [...]

Был дождь и гроза. Серо, влажно. Птицы, соловей.

Мой вес 10 июня 40 г.: 72-71. [...]

Ходили в город, добывали папиросы. Очереди, хвосты. Серый табак стоит уже 6 фр.

14. V. 41. Среда.

[...] Вечерн. русское радио: в Швеции скоро не будет мяса. Да, через полгода *вся* Европа — и Германия в том числе — будет околевать с голоду. «Nouvelle Europe»!

Америка, очевидно, вот-вот войдет в войну.

Жалкая посылка (нынче утром) из Португалии: колбаса, пакетик картофельной муки, 2 маленьких плитки шоколада, пакетик чаю — *все самого дрянного качества*. Но и то праздник!

16. V. 41.

Был вчера с Бахр. в Cannes, сидели с Кантором в «Clarige'e», потом в кафе «Пикадили». Съели с радостью и удивлением по 2 бутерброда — с яйцом и с сардинкой. Красавица в платье с маргаритками — маргаритки по красной блузке и марг. по синей юбке. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

10½ часов вечера. Зуров слушает русское радио. Слушал начало и я. Какой-то «народный певец» живет в каком-то «чудном уголке» и поет: «Слово Сталина в народе золотой течет струей...» Ехать в такую подлую, изолгавшуюся страну!

Прочел еще одну книжку Marcel Prévost «Lettres de femmes». Пошлое ничтожество. И был славен. [...]

[В. Н. 16 мая, между прочим, записывает:]

Раньше я никогда так не уставала, как теперь. Вечная боль во всем теле, в плечах, спине. Трудно что-нибудь делать. [...] На меня нападают, что я мало о себе думаю. Но как думать при наших условиях и при нашей жизни? Лишения, как таковые, меня трогают мало. [...]

[И. А. Бунин:]

17. V. 41. Суббота.

Мутный день с ветром. Письмо от П. Б. Струве из Белграда — от 1 Апреля. [...]

Скучно — и все дивишься: в каком небывало позорном положении и в каком голоде Франция!

22. V. 41. Четв. Католич. Вознесение.

[...] С Ривьеры высылают куда попало 2 тысячи евреев. Перед завтраком заходил к Полонским[10] в Hôtel Victoria на Victor Hugo. Когда-то жил тут Боборыкин[11], жил в ту зиму, когда мы с Найденовым были в Ницце. [...] Кончил перечитывать «Madame Bovary», начал перечитывать «Былое и думы». У Герцена многое очень скучно. Перечитываю, скорее всего, в последний раз в жизни — немного мне осталось лет. [...]

Почти 12 ч. ночи (по новому времени). Днем было голодно, хочется спать, но м. б., дождусь англ. полночного радио.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Лягушки, сыро, облака и звезды. Вот уже скоро 2 года — ни одного немецкого поражения!

25. V. 41. Воскресенье.

Будто бы потоплено в Средиз. море много англ. военных судов и в Атлант. океане самое большое. На Крите бои еще идут.

«День матерей». Чуть не весь день этот грасский колок[ольный] звон (как часто в мае). Погода к вечеру немного портится — ветер пошел с Италии. Множество роз у нас в саду — белых, розовых, темно-красных.

В. принесла утром кусок белого хлеба — выдавали бесплатно, по карточкам — хлеб из белой муки, подаренной Франции Америкой. Чудесный хлеб! Мы едим отвратит., кислый, желто-серый.

5. VI. 41.

[...] Слабость, сонливость, подавленность.

Все гадают: что дальше? Кипр?

Маки вдоль стены тисов перед нашей часовней — яркий огненный цвет (на солнце с оранжевым), их легкость. В саду много роз: чайные (палевые), белые с зеленоватым оттенком. Палевые, высыхая, желтеют (цвет желтка).

12. VI. 41.

Ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной фон Розен-Мейер, рожденной Пушкиной — дочь А. А. Пушкина, родная внучка Александра Сергеевича.

15. VI. 41.

Вчера у нас завтракала и пробыла до 7 вечера Е. А., эта внучка Пушкина.

Неделю тому назад англичане начали наступление на Сирию.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16. VI. 41. Понед., вечер.

Прошлый год мы в этот вечер были в Ниме, по пути куда-то к чорту на рога.

Презрение первых христиан к жизни, их отвращение от нее, от ее жестокости, грубости, животности. Потом варвары. И уход в пещеры, в крипты, основание монастырей... Будет-ли так и в 20, в 21 веке? [...]

21. VI. 41. Суббота.

Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию? Финляндия эвакуирует из городов женщин и детей... Фронт против России от Мурманска до Черного моря? Не верю, чтобы Германия пошла на такую страшную авантюру. Хотя чорт его знает. Для Германии или теперь или никогда — Россия бешено готовится.

Послал телеграмму Алданову: «Pas nouvelles ni argent». 12 слов, 77 фр.

В городе купили швейцарские газеты: «отношения между Герм. и Россией вступили в *особенно острую* фазу». Неужели дело идет всерьез?

С некоторых пор каждый день где-то в Грассе ревет корова. Вспоминается Россия, ярмарки. Что может быть скучнее коровьего рева!

Одиннадцатый час вечера: швейцарское радио о падении Дамаска.

Туманный вечер, еще не совсем стемнело (ведь наши часы на 2 часа вперед), множество лючиолей: плывут вверх, вниз, вспыхивают желто-зеленовато, гаснут и опять вспыхивают; от них в деревьях, в тени темнее, таинственнее.

22. VI. 41. 2 часа дня.

С новой страницы пишу продолжение этого дня — великое событие — *Германия нынче утром объявила войну России* — и финны и румыны уже «вторглись» в «пределы» ее.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

После завтрака (голый суп из протертого гороха и салат) лег продолжать читать письма Флобера (письмо из Рима к матери от 8 апр. 1851 г.), как вдруг крик Зурова: «И. А., Герм. объявила войну России!». Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахр. Побежал в столовую к радио — да! Взволнованы мы ужасно. [...]

Тихий, мутный день, вся долина в беловатом легком тумане.

Да, теперь действительно так: или пан или пропал.

23. VI. 41. Понедельник.

В газетах новость пока одна, заявление наступающих на Россию: это «la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel di bolchevisme».

Радио в 12½ дня: Англия вступила в военный союз с Россией. А что же Турция? Пишут, что она останется только «зрительницей событий». [...]

Мутный, неподвижный день.

24. VI. 41.

Ночью болела голова и горло. Прекрасное тихое утро. И позавчера и вчера Россию в 10½ вечера уже не слышно.

Письма Флобера из Египта (1850 г.) превосходны. Вообще, совершенно замечательный был человек.

Весь день лежу и читаю. 37 и 2.

Начал читать (с конца) рассказы Левитова, прочел (вернее, просмотрел) уже страниц 300 — совершенно нестерпимо, пошло и бездарно до тошноты. Но среди всего этого «Горбун», который очаровал меня лет 55 тому назад. «Горбуна» писал точно другой человек. И теперь я опять испытал некоторое очарование. И замечательно: с изумлением увидал, что много мест и фраз я помню с тех пор чуть не наизусть.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Утром в газетах первое русское военное сообщение: будто бы русские уже бьют немцев. Но и немцы говорят, что бьют русских.

Опять весь день думал и чувствовал: да что же это такое — жизнь Г. и М. у нас, их злоба к нам, их вечное затворничество у себя! И вот уже третий год так живут!

[Из дневника Веры Николаевны:]

25-ого июня 41.

Все эти дни как в лихорадке. [...] Здешние русские люди резко разделяются на две половины. [...]

27-ого июня.

[...] видела во сне очень ярко Верочку [Зайцеву. — М. Г.], веселой, молодой. Очень боюсь за нее. Вероятно, она ничего не ест, стараясь все отдавать Борису. Оба исхудали.

Все время после 22. VI. ощущение сильного волнения. Что будет с Россией? Песенка коммунизма спета. В Москве говорят только о патриотизме. Дух силен. [...]

Едим лучше, но худеем по-прежнему. Беспокоит Ян. Он совершенно исхудал. Чуть было не заболел, но вывернулся. Дух его хорош. Он добр. Очень волнуется. [...]

[Из записей Бунина:]

29. VI. 41.

Послал Олечке открытку:

С постели рано я вскочил:
Письмо от Оли получил!
Я не читал и не молчал,
А целый день скакал, кричал:

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Как наша Оля подросла!
Переросла она осла!
А ведь не маленький осел —
Он ростом выше, чем козел.
Потом, смотрите, как она
Ужасно сделалась умна!
Должно быть, очень хорошо
Сдала экзамен на башо
У кур и кроликов своих,
Когда зимой кормила их!»
Но оказалось, что во сне
Вся эта глупость снилась мне, —
Что я письма не получал
И не скакал и не кричал...
И так обиделся я вдруг,
Что посинел и весь распух.

30. VI. 41.

[...] И вообще становлюсь все грустнее и грустнее: *все, все* давит мысль о старости. [...]

Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма. Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!

Швейцарские газеты уже неинтересно читать.

В двенадцатом часу полиция. Рустан с каким-то другим. Опрос на счет нас трех мужчин[12], кто мы такие, т. е. какие именно мы русские. Всем трем арест при полиции на сутки — меня освободили по болезни, Зурова взяли; Бахрак в Cannes, его, верно, там арестовали. Произвели осмотр моей комнаты.

Рустан вел (себя) удив. благородно.

Во втором часу радио: Франция прервала дипломат. отношения с Россией в виду ее мировой коммунистич. опасности.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

8 часов вечера.

Был др. Deville, осматривал меня, Веру и Маргу.

Часа в три приехал из Cannes Бахр., пошел в полицию и должен провести там ночь, как и Зуров. А, м. б., еще и день и ночь?

На душе гадко до тошноты.

Слухи из Парижа, что арестован Маклаков (как и все, думаю).

Радио — немцы сообщают, что взят Львов и что вообще идет *разгром* «красных».

Поздно вечером вернулись М. и Г., ходившие в полицию на свидание с З. и Б., которым отнесли кое-что из еды и для спанья. Оказалось, что всех аресто-ван. русских (вероятно, человек 200-300) отвезли за город в казармы; М. и Г. пошли туда и видели во дворе казармы длинную вереницу несчастных, пришиблен-ных (и в большинстве оборванных) людей под охраной жандармов. Видели Самойлова, Федорова, Тюкова, взятых с их ферм, брошенных у некоторых, несемей-ных, на полный произвол судьбы со всеми курами, свиньями, со всем хозяйством. Жестокое и, главное, бессмысленное дело.

1. VII. 41. Вторник.

С горя вчера все тянул коньяк, ночь провел сквер-но, утром кровь. Вера бегала в город покупать кое-что для наших узников, потом была в казарме (это кило-метров 5, 6 от города туда и назад). Видела З. и Б. Они ночевали на полу, в повалку со множеством про-чих.

Вчера перед вечером и весь вечер грохотала гро-мом. Нынче с утра солнечно, с полудня тучки, редкий дождь изредка. На душе тупая тошнота. Валяюсь и читаю Флобера (его письма 70-го года).

В Эстонии уже горят леса. Думаю, русские будут жечь леса везде.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечер, 9½, т. е. по настоящему 7½. Мутно, серо, мягко, все впадины долины в полосах белесого дыма — оч. тихо, дым от вечерних топок не поднялся.

Не запомню такой тупой, тяжкой, гадливой тоски, которая меня давит весь день. Вспомнилась весна 19-го года, Одесса, большевики — оч. похоже на то, что тогда давило.

Наши все еще в казарме. Г. и М. были там вечером, видели Б., З., Самойлова, Федорова — этот о своей собаке: «нынче моего сукина сына еще покормят, а завтра? Издохнет сукин сын!» Город прислал в казармы кровати, будет кормить этих узников. Большое возмущение среди французских обывателей тем, что что делается.

Как нарочно, читаю самые горькие письма Флобера (1870 г., осень, и начало 1871 г.).

Страшные бои русских и немцев. Минск еще держится.

Желтоватая, уже светящаяся половина молодого месяца.

Да, опять «Окаянные дни»!

2. VII. 41.

Проснулся в 6, оч. плохо себя чувствуя. В. встала еще раньше и ушла — в казарму, очевидно. Заснул до 8½, сладостр. сны. В 9 телеграмма М. от кого-то. Г. вошла, прося 5 фр. для телеграфн. мальчишки и сказала, что сами русские только что объявили, что они сдали Ригу и Мурманск. Верно, царству Сталина скоро конец. Киев, вероятно, возьмут через неделю, через две.

Приезд в Париж 28 марта 20 г., каштаны, новизна и прелесть всего (вплоть до колбасных лавок...). Какая была еще молодость! Праздничные дни были для всех нас.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3. VII. 41.

Часов в 8 вечера вернулись из казарм Бахр. и Зуров. Там было все таки тяжело — грязь, клопы; спали в одной камере (правда, большой) человек 30. Сидели и ждали опросов. Но никто ничего не спрашивал. А нынче вдруг приехала какая-то комиссия, на паспортах у всех поставила [оставлено белое место. — М. Г.] и распустила всех. Глупо и безобразно на редкость.

5. VII. 41. Суб.

С утра довольно мутно и прохладный ветерок. Сейчас — одиннадцатый час — идет на погоду. И опять, опять, как каждое утро ожидание почты. И за всем в душе тайная боль — ожидание неприятностей. Изумительно! Чуть не тридцать лет (за исключением десяти, сравнит. спокойных в этом смысле) живешь в ожидании — и всегда в поражении своих надежд!

Пришла газета. Немцы: «*сотни тысяч* трупов красных на полях сражений...» Русские: «*тысячи* трупов немцев на полях сражений...»

«Блажен, кто посетил сей мир». На мою долю этого блаженства выпало немножко много! J'en ai assez!

6. VII. 41.

Неподвижный день с пухлым облачным небом.

Вчера письмо от Andrè Gide (он в Gabrise'), беспокоится за меня в связи с арестами русских[13]. Очень меня тронул. Нынче ответил ему.

Ожидания! Жизнь вообще есть почти постоянное ожидание чего-то.

Читаю «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской. Очень много пустяков, интересных только ей.

Противно — ничего не знаешь *толком,* как идет война в России.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Англ. радио: Иден сказал, что через 2 недели произойдет нечто такое, что поразит весь мир.

Новая мудрая мера: высылают, — вернее, рассылают, куда попало и неизвестно зачем, англичан. M-me Жакó, прожившая в Грассе всю жизнь, должна уехать с детьми (и бросить весь свой дом) в какое-нибудь глухое место из тех шести, что ей предложили на выбор — в горах выше Грасса и еще где-то.

8. VII. 41. Понедельник.

[...] Ездил один в Cannes. Купался. Жара, когда вышел из дóму на автобус, страшная. На берегу песок как огонь.

Сидел в «Клэридже» — пустота, скука. Послал Олечке открытку:

Пишу тебе два mots,
Целую за письмо,
За чудную картинку,
Где Ваня кормит свинку.

В сумерки началась гроза, все увеличиваясь, все больше трепеща, дергаясь и вслед за тем на мгновение все открывая и заливая бледно-сиреневым светом; все усиливались и учащались удары грома, иногда соверш. оглушительные. Так и заснул под эти удары (около 12). Уже шумел ливень, точно заливая огонь молний (необъятных полетов, при которых иногда над Cannes в полнеба сверкала, извиваясь, огненно-золотистая змея).

9. VII. 41. Среда.

С утра серо и прохладно. Потом только серо, стало теплей. Сбежал в город, купил бутылку джину (франц.) и 4 полбутылки коньяку. Сейчас около 5 часов. В газетах о том, как бешено, свирепо бьются русские. [...]

11 ч. вечера. Мутная невысокая луна, кусочек розового моря вдали за Cannes. Лягушки, серо, прохладно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В. Н. записывает 10-ого июля:]

[...] Леня очень страдает. Рассказывает, как старики предсказывали, что «крови прольется много тут и птицы со стальными клювами будут летать», и все смеялись. В его «Рождении героя» есть об этом. [...]

[Бунин:]

13.VII. 41. Воскресенье.

Прохладно, слабое солнце (утро).

Взят Витебск. Больно. [...] Как взяли Витебск? В каком виде? Ничего не знаем! *Все* сообщения — с обеих сторон — довольно лживы, хвастливы, русские даются нам в извращенном и сокращенном виде.

М. и Г. были на «Казбеке». Генер. Свечин говорил, что многие из Общевоинского Союза предложили себя на службу в окуп. немцами места в России. Народу — полно. Страстн. аплодисм. при словах о гибели большевиков.

14. VII. 41. Понедельник.

Немцы говорят, что уже совсем разгромили врага, что *взятие Киева — «вопрос нескольких часов».* Идут и на Петербург.

Отличная погода, чувствую себя, слава Богу, не плохо. В городе все закрыто — праздник, «взятие Бастилии». Но ни танцев, ни процессий...

Вчера еще сообщено о подписании военного союза между Россией и Англией. В газетах об этом только нынче. Немецкие сообщения оглушительны.

17. VII. 41. Четверг.

[...] купил «Ecl. du Soir»: «*Смоленск пал*». Правда-ли?

21. VII. 41. Понедельник.

[...] Кто-то писал месяца 1½ тому назад, что умер

Для сайта BOOK-OLDS.RU

В. В. Барятинский. Вспоминаю, как он приехал в Париж лет 20 тому назад. Слухи, что арестованы Деникин и Евлогий.

24. VII. 41. Четверг.

Мутный день. Ночью много спал.

Третий раз бомбардировали Москву. Это совсем ново для нее!

Газеты, радио — все брехня. Одно ясно — пока «не так склалось, як ждалось».

29. VII. 41. Вторник.

Вчера купался. Зеленая, чистая, довольно крупная волна. И опять, опять изумление: ничего нигде во всем городе — куска хлеба не купишь. Выпил на голодный желудок крохотную бутылочку лимонного сока.

Вчера и сегодня все время читал первый том рассказов Алешки Толстого. Талантлив и в них, но часто городит чепуху как пьяный. [...]

2. VIII. 41.

Серо, ветер, после полудня дождь от времени до времени. [...]

Вере, с которой вчера дошел до Грасса, после Cannes было плохо. Худеет и стареет ужасно.

Опять, опять перечитал за последние 2 дня 1-й том «Войны и мира». Кажется, особенно удивительна первая часть этого тома.

3. VIII. 41. Воскр.

Был с М. и Г. у Самойловых. Очень сытный завтрак. Ел с дикарской мыслью побольше наесться.

Читал 1 книгу «Тихого Дона» Шолохова. Талантлив, но нет словечка в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка с множеством местных слов.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

С утра хмурилось. Потом солнце, но с тучами. Было душно, чувствовал себя тупым и слабым.

В газетах все то же и вся та же брехня. [...]

6. VIII. 41.

Сейчас 3 часа, очень горячее солнце. Юг неба в белесой дымке, над горами на востоке кремовые, розоватые облака, красивые и неясные, тоже в мути. Там всегда моя сладкая мука. [...]

7. VIII. 41. Четверг.

С утра нечто похожее на утро начала русской осени — небольшая свежесть в воздухе, горьковатый запах дыма, легкий туман в долине .

Днем совсем распогодилось, но прохладн. ветер.

Немецкая большая сводка: чудовищные потери русских людьми и воен. материалом. «Полная победа» немцев.

10. VIII. 41.

Был с Б. в J. les Pins. Взял 1000 фр. у Левина.

На солнце зной, в тени почти холодн. ветер. Опять дивился красоте залива, цветистости всего.

По немецк. сообщениям положение русских без меры ужасно.

Уже 2 воскресенья нет почты по утрам: воскресная доставка запрещена правительством.

З. был у Тюкова. Вернулся в восторге, в страшной бодрости. Ничего не поймешь!

Русские уже второй раз бомбардировали Берлин.

Что-то оч. важное решается в Виши.

[Из записей Веры Николаевны:]

11 августа.

[...] Ян все последнее время очень мил и нежен со мной, заботлив. Уступил свой сахар, сливочное масло.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Перестал — не сглазить — упрекать меня за траты, а ведь почти все неприятности были из-за этого. С Леней они, слава Богу, в мирных отношениях. Третьего дня за прогулкой он хвалил мне его. [...]

[Бунин:]

12. 8. 41.

Погода все последнее время все таки неважная. Солнце, облака, ветер с востока. Печет — и прохладный ветер. «Politique Bulgare. Mot d'ordre: lutter contre le bolchevisme!»

Страна за страной отличается в лживости, в холопстве. Двадцать четыре года не «боролись» — наконец-то продрали глаза. А когда ко мне прибежал на Belvédère сумасшедший Раскольников с беременной женой (бывший большевицкий посланник в Болгарии), она с восторгом рассказывала, как колыбель их первенца тонула в цветах от царя Бориса. [...]

Вести с русских фронтов продолжаю вырезывать и собирать.

Кончил «La porte étroite» Gide'a. Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, скучнейшее, совершенно невразумительное. [...]

«Москва под ударом» Белого:

— За сквером просером пылел тротуар... — Там алашали... — Пхамкал, и пхымкал... — Протух в мерзи... — Рукач и глупач... И так написана вся книга.

Да, не оглядывайся назад — превратишься в соленый столп! Не засматривайся в прошлое!

Шестой (т. е. четвертый) час, ровно шумит дождь, сплошь серое небо уже слилось вдали с затуманенной долиной. И будто близки сумерки.

Семь часов, за окнами уже сплошное, ровное серое, тихо и ровно шумит дождь. Уже надо было зажечь электричество.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

22. 8. 41. Пятница.

В прошлую пятницу (15, католическое Успенье) был в Cannes. Уже не помню, купался-ли. Возвратясь, шел домой, сидел, смотрел на горы над Ниццей — был прекраснейший вечер, горы были неясны, в своей вечной неподвижности и будто-бы молчаливости, задумчивости, будто-бы таящей в себе сон, воспоминания всего прошлого человеческой средиземной истории.

Прочел в этот вечер русское сообщение: «мы оставили Николаев». [...]

Рузвельт сказал, что, если будет нужно, война будет и в 44 году.

Сейчас (около полудня) газета: итальянск. газеты пишут, что война будет длиться 10 лет! Идиотизм или запугивание? Да, Херсон взят (по нем. сообщению), Гомель тоже (рус. сообщение).

Война в России длится уже 62-ой день (нынче).

Олеандры в нынеш. году цветут у нас (да и всюду) беднее — цвет мельче, реже. И уже множество цветов почернело, пожухло и свалилось.

Как нарочно, перечитываю 3-й т. «В[ойны] и м[ира]», — Бородино, оставление Москвы.

Ветер с востока, за горами облака, дует, довольно прохл. в приоткр. окна. Но в общем солнечно.

24. 8. 41. Воскр.

Вчера Cannes, купался. Никого не видал.

Юбочки, легкие, коротенькие, цветистые, по старинному простые, женств., которые носят нынешнее лето. Стучат дерев. сандалиями.

Немцы пишут, что убили русских уже *более 5 миллионов.*

С неделю тому назад немцы объясняли невероятно-ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то, что во Франции, в Бельгии и т. д., где имелось дело с людьми, имеющими «l'intelligence»,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

— что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти. Румыны вчера объяснили иначе — тем, что «красные» идут на смерть «под револьверами жидов-комиссаров». Нынче румыны говорят, что не смотря на все их победы, война будет «*непредвиденно* долгая и жестокая».

Днем нынче было соверш. палящее солнце — настоящий провансальский день.

28. 8. 41. Четверг.

Был André Gide. Оч. приятное впечатл. Тонок, умен — и вдруг: Tolstoy — asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека — «это он мне открыл глаза на настоящ. положение в России»; восхищ. Сологубом.

Вечером известие, что Персия сдалась.

Вчера: ранен Лаваль (на записи волонтеров франц., идущих воевать с немцами на Россию). [...]

Gide видел Горького, но в гробу.

В Париже выдается литр вина на человека на целую неделю.

30. 8. 41. Суб.

С утра солнце, потом небо замутилось, совсем прохладно. Ночью ломило темя и трепетало сердце — опять пил на ночь (самод. водку)!

Взят Ревель. [...]

Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму.

[В. Н. пишет 30 августа:]

Только что был сильный припадок. Вчерашние неприятности отразились. Не спала ночь. Сегодня была на базаре. Овощей почти нет. [...] Возвращалась в

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Кабрийском каре. В нем ехал André Gide. Я его хорошо рассмотрела. Лицо приятное, интересное, ставшее менее похожим на пасторское. Черты лица более определенные. Резкие морщины посреди щек и от носа к углам губ. Лыс, а потому хорошо виден череп. Читал газету. [...] Когда он был у нас (в мое отсутствие) он сказал, что не может играть на рояле. Восторгался пейзажем России. [...]

[Бунин:]

5. IX. 41. Пятн.

Купался за эти дни 3 раза. В среду был в Ницце, завтракал с Пушкиной. Выпил опять лишнее. Спьяну пригласил ее к нам в среду.

У Полонских получил письмо от Алданова.

Дни в общем хорошие, уже немного осенние, но жаркие.

Контрнаступление русских. У немцев дела неважные.

Кровь, но не сильная.

Вчера ездил с М. и Г. (в Cannes), после купанья угощал их в «Пикадилли».

Китайские рассказы Pearl Buck. Прочел первый. Очень приятно, благородно. Ничего не делаю. Беспокойство, грусть.

В газетах холопство, брехня, жульничество. Япония в полном мизере — всяческом. Довоевались, с.в.м.!

Нынче 76-ой день войны в России.

7. IX. 41. Воскр.

Серо и прохладно. Безвыходная скука, одиночество. Нечего читать — стал опять перечитывать Тургенева: «Часы», «Сон», «Стук, стук», «Странная история». Все искусственно, «Часы» совершенно ненужная болтовня. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бесстыжая брехня газет и радио — все то же! Утешают свой народ. «В Пет. мрут с голоду, болезни...» — это из Гельсингфорса. Откуда там что-ниб. знают? [...]

14. IX. 41. Воскр.

В ночь с 10 на 11, в час с половиной проснулся от стука в дверь — оч. испугался, думал, что с В. что-н. Оказалось — было два страшных удара, англ. бросили бомбы между Восса и Mandelieu на что-то, где будто-бы что-то делали для немцев. Я не слыхал, а когда кинулся к окну, увидал нежную лунную ночь и висячий невысоко в воздухе над Восса малиновый овал — нечто жуткое, вроде явленной иконы — это освещали, чтобы видеть результаты бомбардировки. Говорят, разрушены и сожжены какие-то ангары. [...]

Опять перечитываю «Вешн[ие] воды». Так многое нехорошо, что даже тяжело.

Нынче прекрасное, солнечное, но прохл. утро.

На фронтах все то же — бесполезное дьявольское кровопролитие. Напирают на Птб. Взяли Чернигов.

16. IX. 41. Вторн.

Ждем к завтраку Левина, Адамовича и André Gide.

19. IX. 41.

Во вторник все названные были. Я читал «Русю», и «Пашу». [...]

Во время обеда радио: *взята Полтава.* В 9 часов: — *взят Киев.*

Приходили ко мне М. и Г. — Галина ревет, пила у меня rosé.

Взято то, взято другое... Но — à quoi bon? Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

22. IX. 41. Понедельник.

Русское радио: «мы эвакуировали Киев». Должно быть, правда, что только вчера, а не 19-го, как сообщали немцы.

Г. и М. продолжают еще раз переписывать мои осенние и зимние рассказы, а я вновь и вновь перечитывать их и кое-где править, кое-что вставлять, кое-что — самую малость — зачеркивать.

Потери немцев вероятно чудовищны. Что-то дальше? Уже у Азовского моря — страшный риск...

Послал (завтра утром отнесет на почту Бахрак) Олечке письмо: три маленьких открытки шведских и стихи:

Дорогая Олечка,
Подари мне кроличка
И пришли в наш дом
Заказным письмом.
Я его затем
С косточками съем,
Ушки пополам
Марге с Галей дам,
А для прочих всех —
Лапки, хвост и мех.

23. IX. 41, 24. IX. 41.

[...] Майский, русский посланник в Англии, заявил англ. правительству, что немцы потеряли людьми около трех с половиной миллионов, но что и у русских потери очень велики, что разрушены многие индустр. центры, что Россия нуждается в англ. помощи... Это англ. радио. Французское радио сообщило одно: «Майский признал, что положение русских катастрофично, что потеря Киева особенно ужасна...»

Прекрасная погода.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25. IX. 41.

Прекрасное утро. Проснулся в 7. Бахр. и З. поехали за картошками к Муравьевым.

М. и Г. переписывали эти дни «Натали». Я еще чуть-чуть почеркал.

Питаемся с большим трудом и очень скудно: в городе решительно ничего нет. Страшно думать о зиме.

28. IX. 41. Воскр.

Прекрасный день, начинался ветер, теперь стих (три часа). Как всегда, грустно-веселый, беспечный трезвон в городе. [...]

Третий день не выхожу — запухло горло, был небольшой жар, должно быть, простудился, едучи из Cannes в четверг вечером, сидя в заду автобуса возле топки.

Кончил «Обрыв». Нестерпимо длинно, устарело. Кое-что не плохо.

Очень грустно, одиноко.

[Вера Николаевна записывает 28 сентября:]

Жизнью с Яном довольна. Начала бы снова жизнь, прожила бы так же. Лучшего спутника в жизни не хотела бы. Не на все отзывается во мне. Но, кроме Павлика [брат В. Н., покончивший с собой. — М. Г.], никто не отзывался во всей полноте. Павлик — моя трагедия: не уберегла его. Вину перед ним чувствую в вечности. [...] Митя [брат В. Н. — М. Г.] иначе, его любовь ко мне большая, но мы очень различны. [...]

[И. А. Бунин:]

30. IX. 41. Вторник.

Хорошая погода. Именины Веры, завтрак с Самойловыми, они привезли жареную утку.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Кровь. Сказка про Бову продолжается — «одним махом семьсот мух побивахом». «Полетел высоко — где-то сядет?»

8. X. 41. Среда.

[...] Вчера вечером вернулся из Ниццы Бахр. A. Gide сейчас там. Какой-то швейц. издатель, по его реком., хочет издать на франц. языке мою новую книгу. Вот было-бы счастье!

В Сербии и Чехии заговоры, восстания и расстрелы. [...]

9. X. 41. Четверг.

Проснулся в 6½ (т. е. 5½ — теперь часы переведены только на час вперед) выпил кофе, опять заснул до 9. Утро прекрасное, тихое, вся долина все еще (сейчас 10½) в светлом белесом пару. Полчаса тому назад пришел Зуров — радио в 9 часов: взят Орел (сообщили сами русские). «Дело оч. серьезно». Нет, немцы, кажется, победят. А, может, это и не плохо будет?

Позавчера М. переписала «Балладу». *Никто не верит, что я почти всегда все выдумываю — все, все. Обидно!* «Баллада» выдумана вся, от слова до слова — и сразу в один час: как-то проснулся в Париже с мыслью, что непременно надо что-нибудь [послать. — М. Г.] в «Посл. Н.», должен там; выпил кофе, сел за стол — и вдруг ни с того, ни с сего стал писать, сам не зная, что будет дальше. А рассказ чудесный.

Нынче Ницца встречает Дарлана.

Как живет внучка Пушкина и *чем* зарабатывает себе пропитание!

11. X. 41. Суббота.

Самые страшные для России дни, идут страшные бои — немцы бросили, кажется, все, все свои силы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

«Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление — и тогда...» Но ведь то же самое говорили, думали и чувствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. «Ожесточенные бои... положение серьезно, но не катастрофично...» — все это говорили и тогда.

14. X. 41. Вт.

Рождение В. Завтракали у Тюкова.

17. X. 41. Пятница.

Вчера вечером радио: взяты Калуга, Тверь (г. Калинин по «советски») [следует ругательство. — М. Г.] и Одесса. Русские, кажется, разбиты вдребезги. Д. б., вот-вот будет взята Москва, потом Петербург... А война, д. б., будет длиться всю зиму, — м. б. и больше. Подохнем с голоду. [...]

[В дневнике Веры Николаевны передана атмосфера вечера 16 октября:]

Вошел Ян ко мне: «Слушали радио». Молчание. «И вот взята Одесса, Калуга и Тверь». Помолчал, вышел.

Через четверть часа я [...] пошла к нему. Там в полумраке сидел у него Леня, стоял Аля, он сам лежал. «Из Одессы еще вчера вывозили войска». Взяли ее румыны и итальянцы. Она не сожжена. [...]

[Бунин:]

18. X. 41.

Вчера кончил перечитывать «Обломова». Длинно, но хорошо (почти все), несравненно с «Обрывом». [...]

19. X. 41. Воскр.

Пошел пятый месяц войны.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Недели 2 т. н. перечитал три романа Мориака. Разочарование.

Нынче кончил «L'école des femmes» Gide'a. Скучно, пресно, незначительно. Зачем это написано? Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь — и только.

[Без даты]

Когда ехал в среду 22-го из Ниццы в Cannes в поезде, голубое вечернее море покрывалось сверху опалом.

29. X. 41. Среда.

[...] В среду 22-го был в Ницце, много и очень бодро ходил, в 5½ вошел на набережной в грасский автобус, чуть не всю дорогу стоял, — так было много народу, как всегда, — бодро поднялся в гору домой. Утром на другой день, — в день моего рождения, 23-го, — потерял так много крови, что с большим трудом сошел в столовую к завтраку, съел несколько ложек супу (как всегда, вода и всякая зелень, пресная, осточертевшая) и пересел в кресло к радио, чувствуя себя все хуже, с головой все больше леденеющей. Затем должен был вскочить и выбежать на крыльцо — рвота. Сунулся назад, в дом, в маленький кабинет возле салона — и упал возле дивана, потеряв сознание. Этой минуты не заметил, не помню — об этом узнал только на другой день, от Г., которая, подхватив меня с крыльца, тоже упала, вместе со мной, не удержав меня. Помню себя уже на диване, куда меня втащил Зуров, в метании от удушения и чего-то смертельно-отвратительного, режущего горло как-бы новыми приступами рвоты. Лицо мое, говорят, было страшно, как у настоящего умирающего. Я и сам думал, что умру, но страха не испытывал, только твердил, что ужасно, что умру, оставив все свои рукописи в беспорядке.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна об этом случае говорит: Он стал задыхаться. Говорил, что больно в груди, как-то хрипел, [...] говорил, что «умирает», что «мало сделал», что «не успел все приготовить».]

Прибежавший из Helios'a (из maison de santé возле нас) доктор (оч. милый венгерский еврей) был, как я видел, очень растерян. Хотел сделать вспрыскивание камфоры — я с удивившей его энергией послал это вспрыскивание к чорту, потребовав камфарных капель. Кроводавления у меня оказалось всего 7 — доктор сказал, что меня спасло только мое сильное от природы сердце, пульс одно время был чуть-ли не совсем не слышен.

[Вера Николаевна записывает: Доктор милый, денег не взял. С Яном говорил подбадривающе. А нам сказал, что дело серьезно. Может отняться рука. [...] А сегодня день его рождения.]

Дня три я лежал после того в постели — слабость, озноб и жар: почему-то — то падала, то поднималась — температура, доходя иногда до 37,5. М. б. была и легкая отрава — за завтраком в Ницце, где дали вместо печенки какой-то мерзкий сгусток — легкого, что-ли, — черно-багровый, мягкий, текущий сукровицей — я с голоду съел половину его. Вчера и нынче уже не в постели, чувствую себя не плохо, только нынче вдруг опять сильная кровь. Читал (перечитывал) эти дни Бруссона «A. France en pantoufles» — много интересного, но много и скучной болтовни.

В Нанте и в Бордо немцы расстреляли за эти дни 100 человек заложников (по 50 на каждый из этих городов) — за то, что и в Нанте и в Бордо в один и тот-же день было убито по немцу (из высших чинов).

Как раз во время моего припадка приходила Тать-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

яна Мих. Львова-Толстая (дочь Мих. Льв. Толстого, сына Льва Ник.).

В среду 22-го была прекрасная совсем почти летняя погода. В четверг было светло, но уже холодно. И начались холода — как никогда рано [у Бунина — «рада». — М. Г.]. Были чуть не зимние дни, пока я лежал. Нынче ледяная светлая ночь, почти ¾ луны.

1. XI. 41. Суб.

Завтракала у нас Т. Мих. Она гостит у своей знакомой в Cabris, живет в Марокко. Читал ей «Бал[ладу]» и «Поздний час».

[Вера Николаевна записыват 2-го ноября:]

Вчера у нас была внучка Толстого. [...] Приятная, какая-то своя. Пили в салоне чай. Заговорились и она опоздала на автобус. Оставляли ночевать — не согласилась. Я пошла ее провожать. [...]

[Бунин:]

6. XI. 41. Четверг.

5.35 вечера. Вернулись из «Сонино» (пешком). Сижу на постели, гляжу на море и Эстерель. Долина синевато туманится. Море слабо белеет. Над ним сизо, над сизым чуть румянится. Прелестно синеет Эстерель. За ним, правее, чуть смугло снизу, бруснично, выше чуть желтовато, еще выше зеленовато (и чем выше, тем зеленее, но все оч. слабо). К Марселю горизонт в сизой мути, выше мутно-кремовато, еще выше — легкая зелень. *И все — пастэль.*

6 часов. Туманность долины исчезла, выделилась на темно зеленом белизна домиков по долине. Спектр красок на западе определеннее, гуще. Над Тулоном — довольно высоко — звезда (без очков для дали) круглая, крупная, дырчатая — круг брильянтов

Для сайта BOOK-OLDS.RU

жидких; в очках — небольшая, оч. блестящая точка, золотая, с блестящими лучами. [...]

Воскресенье. 9. XI. 41.

Ночь, дождь, холод. Не такая была ночь когда-то — 8 лет тому назад 9 Ноября! (Премия).

11. XI. 41.

Мрачные тучи, дождь, иногда ливень, туман. Ночь, проснулся, страх смерти.

Липа под моим окном уже почти вся осыпалась, чуть не в один день.

Вчера в газетах речь Гитлера. Говорил, что установит «новую Европу *на тысячи лет*».

В России уже снег и дожди.

Письмо к Марге от Степуна о сумасшествии их матери.

21. XI. 41. Пятница.

В среду поехал с Бахр. в Ниццу (глав. обр. к Дмитренко — холодеет и немного мертвеет правая рука). Дм. уехал к Куталадзе и к нам. Ночевал. Утром он ко мне зашел, сказал, что рука пустяки, что у нас он осмотрел Веру, Г. и Зурова — все сравн. слава Богу — и что у нас описали мебель за долги нашей хозяйке. [...] Обедали еще и с Жидом — все в «Императоре». В четверг завтрак в Grande Bleu — опять А. Жид и прочие. Завтрак был по настоящему времени удивительный.

23. XI. 41. Воскресенье.

Ночью дождь. И утром, и почти весь день дождь, ветер, туман. Уже разделись обе липы.

Весь день за письм. столом — переписывал итинерарий своей жизни и заметки к продолжению «Арсеньева». Что-то похоже на возвращение к работе.

Сейчас 11½ ночи, буря.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25. XI. 41. Вторник.

Вчера, позавчера солнечно. Липы возле дома уже обе разделись. На верхней площадке редкие листья на липе, желто-зеленоватые на синем небе, как на синем стекле.

Нынче был в Cannes, [...] в «Пикадилли» — сандвич с сагой, тост, чай и два блюдечка вишнев. варенья (как всегда, без карточек), — 31 фр. Потом в Казино, открытая сцена, публика за столиками — точно ничего не случилось. [...]

Большие бои в Африке и в России.

«Фюрер разорвал завещание Петра Великого, хотевшего гегемонии в Европе» (немецк. газеты).

157-й день войны с Россией.

26. XI. 41.

С утра прекрасный, тихий, солн. день. К вечеру затуманилось, серо, скучно. М. получила известие о смерти своей матери. Уехала с Г. в Cannes «на 3 дня» — ходить в церковь, служить панихиды. Мне нынче ужасно [их. — М. Г.] жаль, грусть за их несчастную жизнь.

Все вспоминается почему-то и вся моя несчастная история с Г.

5. XII. 41.

[...] Перечитывал «Crainqueville, Putois, Riquet» и пр. А. Франса, — все эти три вещи оч. хороши, остальное скучно.

Все время стояла прекр. погода, по утрам оч. горячее солнце.

Русские бьют немцев на юге. В Африке — «то сей, то оный бок гнется». Морозы в России.

Три дня тому назад свидание «двух солдат» — Пэтена и Геринга. «Последствия будут весьма важны». Какие именно? И о чем говорили «два солдата»? О французской Африке?

Для сайта BOOK-OLDS.RU

7. XII. 41. Воскр.

[...] Читаю собр. соч. Бодлэра «Мал. поэмы в прозе». Ничтожны, изысканны до Бальмонтовщины, мелодраматичны. [...]

Кашель ужасный. Ничего не могу делать. Нет, не тот я был год тому назад!

9 ч. вечера. Радио: японцы напали на Америку. На дворе мга. Зуров говорит, что шел снежок.

8. XII. 41.

Солнечно и холодно. Кашель.

Война японцев с Ам[ерикой] идет уже полным ходом. Японцы, как и полагается негодяям, напали до объявления войны, без предупреждений.

К вечеру радио: есть уже тысячи 3 убитых и раненых.

В России 35 гр. мороза (по Ц.) Рус. атакуют и здорово бьют.

10. XII. 41. Среда.

Во время нашего «обеда», в 7½ вечера швейцарское радио: умер Мережковский.

13. XII. 41.

Солнечно. К вечеру замутилось. Прошелся — опустил открытку Гиппиус. Чувствую себя оч. плохо. Ледяная рука.

Вчера Гитлер и Мус[солини] объявили войну Америке.

Вечер, 11 часов. Прошли с Верой до монастыря. [...] Вернулись, — Зуров: «швейцар. радио сообщило, что немцы за последн. покушения на них расстреляли в Париже 100 евреев и наложили на парижских (?) евреев 2 *миллиарда* контрибуции». Апокалипсис! Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-то. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя *и наша мать*!

14. XII. 41. Воскр. (Наше 1 Дек.)

Прекрасный день, солнечный и теплый — как в России в начале сентября. К вечеру замутилось.

Не спокоен и ничего не могу делать. Много думаю о Мережковском.

Мой экспромт Шаляпину (в ресторане «Петроград», против церкви на rue Daru в Париже, после панихиды по Вас. Нем[ировичу]-Данченко).

Хорошо ты водку пьешь,
Хорошо поешь и врешь,
Только вот что, mon ami,
Сделай милость, не хами.

Нынче правая рука не холодела.

15. XII. 41. Понед.

Прекрасный день опять. Но прохладно. Опять рука (утром).

Каждый вечер жутко и странно в 9 часов: бьют часы Вестм. абб. в Лондоне — в столовой!

По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает.
И меж белых гардин темносиняя мгла
Тихо первой звезды ожидает...

Это стихи молодого Мережковского, очень мне понравившиеся когда-то — мне, мальчику! Боже мой, Боже мой, и его нет, и я старик! Был в городе по аптекам.

Русские бьют.

19. XII. 41. 6½ ч. вечера.

Письма от Манухиной и Веры Зайцевой: умер В. Н. Аргутинский (накануне был на похоронах Мережк.). [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23. XII. 41. Вторник.

Все дни прекрасная погода, к вечеру в комнате оч. холодно. Серп молодого месяца и Венера (уже давно) над Марселем с заката.

В Африке не плохо, японцы бьют англичан, русские — немцев. Немцы все отступают, теряя оч. много людьми и воен. материалом.

19-го Хитлер сместил главноком. на рус. фронте маршала von Brauchitsch и взял на себя все верховное командование, обратившись к армии и Германии: *откладываю наступление на Россию до весны.* [...]

Завтра Сочельник. Устраиваем несчастный «парадный» обед — выдадут завтра мясо. Делаем водку.

24. XII. 41. Сочельник католический.

Вечером «праздновали»: сделали водку, нечто вроде селянки (купил капусты серой — и плохой), вымоченные рыбки, по кусочку мяса.

28. XII. 41. Воскресенье.

Все дни хорошая погода, но холодно. Ветер все с Марселя. Неприятно трепещут веерные пальмочки.

Русские взяли Калугу и Белев.

Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего. «Чего еще ждать мне, Господи?» Дни мои на исходе. Если бы знать, что еще хоть 10 лет впереди! Но: какие-же будут эти годы? Всяческое бессилие, возможная смерть всех близких, одиночество ужасающее...

На случай внезапной смерти неохотно, вяло привожу в некоторый порядок свои записи, напечатанное в разное время... И все с мыслью: а зачем все это? Буду забыт почти тотчас после смерти.

Нынче (утро) солнце за облаками.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

30. XII. 41.

И вчера и нынче солнце и облака и оч. холодно. Вчера особенно изумительная, волшебно прекрасная ночь — почти половина луны так высоко, как видел только в тропиках. На закате красота — и дивная Венера.

Хотим «встречать» Нов. год — жалкие приготовления, ходим в город, где нет ровно ничего. Почему-то везде много коробок с содой. А что еще?

Пальцы в трещинах от холода, не искупаться, не вымыть ног, тошнотворные супы из белой репы...

Нынче записал на бумажке: «сжечь». Сжечь меня, когда умру. Как это ни страшно, ни гадко, все лучше, чем гнить в могиле.

Заплатил за электричество почти 500 фр. Тот, кому платил, делал себе по животу нечто вроде харакири: «Rien à manger! Rien de rien!»

Хотят, чтобы я любил Россию, столица которой — *Ленинград*, Нижний — Горький, Тверь — Калинин — по имени ничтожеств, типа метранпажа захолустной типографии! Балаган.

31. XII. 41. Среда.

Еще год прошел. Сколько мне еще осталось!

Проснувшись в 9, чувствовал (уже не первый раз) тяжесть, некоторую боль в темени. М. б., маленькое отравление от печки, которую вчера опять затопил на ночь? Холод правой руки.

Прекрасный солнечный день.

Русские взяли Керчь и Феодосию.

1942

1. I. 42. Четверг.

Вера вчера уехала в 6 вечера к вдове Куталадзе[1]. «Встречали» Новый год без нее[2]. Было мясо, само-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дельная водка, закусочки — соленые рыбки, кусочки марю, тертая белая репа, по щепотке скверного изюма, по апельсину (местному, оч. кислому), Бахрак поставил 2 б. Castel vert (по 20 фр., прежде стоившие по 5 фр.).

Нынче опять прекрасный день. Я вял, слаб (как всегда посл. месяцы).

Гитлер вчера вечером говорил своему народу и армии: «[...] Мы одержали самые великие победы во всемирной истории... Советы будут в 42 г. раздавлены... Кровь, которая будет пролита в этом году, будет последней пролитой кровью en Europe pour des generations...»

Вечера и ночи особенно удивительны по красоте. Венера над закатом оч. высоко. Луна по ночам над самой головой (нынче полнолуние). [...]

2. I. 42. Пятница.

Довольно серо, холодно. Ездил ко вдове К[уталадзе], завтракал там (морковь и горошек), воротился к вечеру с В., которая ночевала 2 ночи там.

4. I. 42. Воскр.

Серо, холодно. В комнате нестерпимо, нельзя писать от холода.

Сейчас поздний вечер, протопил у себя. Терпимо.

Немцы отступают (в России и в Африке), их бьют. У Куталадзе взял несколько книг. Читал Чехова.

Денежно продолжаю все больше разоряться. [...]

5. I. 42. Понедельник.

[...] Нынче оч. голодный день: месиво из тыквы с маленькой дозой картофеля и тертая сырая репа (белая) — некоторое сходство с тертой редькой, кушанье оч. противное. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Подумать только: 20 лет, ⅓ всей человеческой жизни прожили мы в Париже!

Барятинский, Аргутинский, Кульман, Куприн, Мережковский [пропущено место. — М. Г.] Аминад. Все были молоды, счастливы.

[Запись В. Н. от 16-го января:]

На-днях как-то вечером, когда я уже легла спать, вошел Ян и сел ко мне на постель: «Думали ли мы, что будем так доживать в холоде и голоде. А начинали хорошо. Много у нас было хорошего. Но самое страшное, если кто-нибудь из нас умрет. Не могу спокойно думать о Зинаиде Николаевне [Гиппиус. — М. Г.]

Если ты вдруг умрешь, я не знаю, что буду делать. Приму что-нибудь и конец» [...]

[Бунин:]

18. I. Воскр.

Вечером во вторник встречали новый год русский. Днем как следует шел снег. К вечеру приехали Либерманы[3] и Гандшины. Либерман два раза сделал чудо — уходил за 2 комнаты, просил нас, сидевших в салоне, задумать, что он должен сделать: первый раз угадал, что нужно меня тронуть за ухо, второй — сесть на диван. [...]

Нынче прекрасный день, холод в доме легче. После заката немного прошелся — родился месяц — тонким серебр. волоском (на закатном небе) рядом с Венерой. Горы слились в темные зеленовато-синие массы. Когда вернулся через 1/2 часа, месяц-волосок стал золотой.

Вчера в Cannes свесился — 67-68. И это в одежде, в снизках, в тяжелых башмаках. А прежде в самой легкой одежде — 72-73. Вот, что значит «безбойное питание».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20. I. 42. Вторник.

Вчера довольно теплый день, с мягким солнцем, нынче хмуро, серо, скучно, все небо в пухлых облаках, и так холодно в комнате, что лежа читал в меховых перчатках. [...]

Пробовал читать Горького, «Вареньку Олесову», которую читал лет 40 тому назад с отвращением. Теперь осилил только страниц 30 — нестерпимо — так пошло и бездарно, не смотря на все притворство автора быть «художником». «*Косые* лучи солнца пробираясь сквозь листву кустов сирени и акаций, *пышно разросшихся* у перил террасы, дрожали в воздухе тонкими золотыми лентами... Воздух был полон запаха липы, сирени и влажной земли...». (И липы и сирень цветут вместе). [...]

7. 2. 42. Суббота.

Особенно тяжелый день. Весь день при электричестве: ставни, занавес, ширмы. Спазмы у Веры.

[У В. Н. об этом записано: Ян меня трогает своей заботой обо мне. Всем делится. Очень взволнован моим припадком. И у него, и у Лени глаза были очень испуганные, хотя оба старались быть спокойными и меня ободрять.]

Холод, сырость, с утра то мелкий дождь, то снег.

«Записные книжки» Чехова. В общем, оч. неприятно. Преобладающее: «N. все считали почтенным человеком, а он был сволочь» — все в этом роде.

Весь день топлю.

26. 2. 42. Четверг.

Дней 10 т. н. В. была у Кудера. Исследование крови. Результаты не дурные. В прошлый четверг уехала в Ниццу — новые исследования и радиография

Для сайта BOOK-OLDS.RU

желудка. В понедельник поехал к ней: опущен желудок и легкая язва в нем. Назначен режим и впрыскивание чего-то (др-ом Розановым). Вернулись с ней во вторник.

Слухи: русские нанесли большое поражение немцам, погибла будто-бы их 16-ая армия. [...]

27. 2. 42.

Слухи были верны.

Дождь, сыро, холодно. Топлю.

Читаю Гейне. Удивительный фельетонист, памфлетист.

[28. 2. У Веры Николаевны, между прочим, записано:]

Марина Цветаева повесилась. Очень это тяжело.

[Бунин:]

1. 3. 42. Воскр.

Совсем теплый день. Зацвели фиолетовым цветом подушечки и какие-то ярко-сине-лиловатые цветочки в [на? — М. Г.] темно-зеленых стебельках. Опять пересматривал книгу «Темн. аллеи». Ходил в город — с большим трудом — бросил письмо Долгополову, от которого получил вчера 4236 фр.

2. 3. 42.

[...] Кончил «Темн. ал.» и отложил до поры до времени. Есть еще кое-где фразы неприятные.

3. 3. 42.

Сильный насморк, слабость, вялость — как всегда теперь. Тоска и какое-то раскаяние по утрам.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

4. 3. 42

Серо, прохладно, нездоровье.

Большой английский налет на предместья Парижа, на заводы, где немцы делают танки.

Второй день без завтрака — в городе решительно ничего нет! Обедали щами из верхних капустных листьев — вода и листья!

И озверелые люди продолжают свое дьяволово дело — убийства и разрушение всего, всего! И все это началось по воле одного человека — разрушение жизни всего земного шара — вернее, того, кто воплотил в себе волю своего народа, которому не должно быть прощения до 77 колена.

Нищета, дикое одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь — вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось? И чего? Верно, полной погибели. Был Жорж — мило брякнул (на счет Веры), что у Куталадзе рак начался тоже с язвы желудка. И ужас при мысли о ней. Она уже и теперь скелет, старуха страшная.

Полнолуние. Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное — судьба всего мира зависит от этого.

[Вера Николаевна записывает, между прочим, 5 марта:]

Вчера узнали о бомбардировке Парижа. Очень беспокоимся о Зайцевых. Выдержало ли сердце Вероч-ки весь этот шум, грохот? Где они были? Страшно и за Каллаш. Она тоже живет на окрайне.

[Бунин:]

13. 3. 42. Пятница.

Длится англ. катастрофа на Д. Востоке. Большие битвы, наступление русских. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Как горько трогательна, тиха, одинока, слаба Вера!

[В. Н. записывает 21 марта:]

3-ий день в Ницце. Чувствую себя хорошо. Розанов нашел, что все идет прекрасно, раз болей нет. Назначил лечение против малокровия. Завтракала [...] в том же ресторане, где Андрей Жид. Он был с молодым человеком, и так они разговаривали, что казалось, что весь мир сосредоточен в этом разговоре. Такое внимание к собеседнику меня восхищает. У А. Ж. масса шарма в улыбке. [...] долго он не замечал меня, потом мы встретились глазами и поклонились. Перед уходом он подошел ко мне. Обменялись любезностями. У него необыкновенная мягкость в голосе, в улыбке, в выражении лица.

[Бунин:]

30. 3. 42.

Послал письмо Олечке: Ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

У моих друзей пируя,
Ел змеиную икру я,
Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:
Суп из наба, фарш из блох
И на жареное — мох. [...]

Все это недалеко от правды. «Новая Европа»!

31. 3. 41.
Хороший, почти летний день.
Марга и Г. завтра переезжают в Cannes — «на два

Для сайта BOOK-OLDS.RU

месяца», говорят. Думаю, что навсегда. Дико, противоестественно наше сожительство. [...]

Вчера был в Cannes с Верой у зубного врача. Было солнечно, но с прохл. ветром. «Пикадилли», чай, два тоста, два крохотных блюдечка варенья (28 фр.). Тургеневский или Толстовский господин.

Все битвы и битвы в России. Немцы все грозят весенним (вернее, летним) наступлением. А вдруг и правда расшибут вдребезги? Все кажется, что нарвутся. Теперь все дело в Турции.

Нынче в газетах: «Le Japon veut la destruction complète de l'Angl. et des Étas-Unis». Ни более, ни менее. Бедные! Сколько работы впереди! А ведь надо еще уничтожить Россию и Китай.

1. IV. 42. Среда.

С утра пухлое небо, к полудню солнце, но слегка затуманенное.

В 11-45 ушла с мелкими вещами Г. Возле лавабо остановилась, положила их, согнувшись, на земле. Тут я отошел от окна. Конец. Почти 16 лет тому назад узнал ее. До чего была не похожа на теперешнюю! Против воли на душе спокойно и тяжело грустно. Как молод был и я тогда.

2946 от шведского консула из Марселя.

Час дня. Я все еще в халате, без штанов. Все не могу привести себя в порядок. Хотел ехать в Ниццу с утра — раздумал, проснулся в 6, потом опять спал от 9 до 10.

Сейчас в доме пусто — Бахр. в Ницце, В. и З. завтракают в городе — дома нечего. Я съел крутое яйцо и кусочек мортаделлы — все «благоприобретенное».

Очень страдал весь день от воспоминаний своей протекшей жизни.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

4. IV. 42.

Проспал 10 часов. Хороший день. Грусть. [...] Великая Суббота — наша и католическая.

Вечер. Обедали «роскошно»: суп из трав и рыба. Вере посчастливилось утром найти,

Пасхальный стол: 4 красных яичка, букетик гиацинтов — и все!

Тупая, тихая грусть, одиночество, безнадежность.

12 ч. 15 м. (10 ч. 15 м). Разговелись — В., З. и я: по крохотному кусочку колбасы (дал З.) и 1/10 яйца.

Над Антибами всходит мутная луна. Значит, бывает в Пасх. ночь!

5.IV. 42.

Христос Воскресе. Сохрани, Господи.

С утра так себе, после полудня мелкий дождь. В доме очень прохладно.

Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков — все очень плоско, балаганно — и сто лет все с восторгом повторяют: Добчинский и Бобчинский!

Как-то ночью, уже в постели, с книгой, в мертвой тишине дома вдруг точно очнулся, с ужасом: какое одиночество! И это последние дни и ночи жизни!

10. IV. 42.

Был в Ницце. Бюффа, Пушкина. Неприятно было, что сказала, что в ней «немецкая упорная кровь». Ее жадность к моему портсигару, воровское и нищенское существование. Завтрак — 250 фр.! У Полонских. Дама в картузе. Вел себя хмельно, глупо.

12. IV. 42. Воскресенье.

Кончил перечитывать рассказы Бабеля «Конармия», «Одесские рассказы» и «Рассказы». Лучшее — «Одесск. р.». Очень способный — и удивительный

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мерзавец. Все цветисто и часто гнусно до нужника. Патологическое пристрастие к кощунству, подлому, нарочито мерзкому. Как это случилось — забылось сердцем, что такое были эти «товарищи» и «бойцы» и прочее! Какой грязный хам, телесно и душевно! Ненависть у меня опять ко всему этому до тошноты. И какое сходство у всех этих писателей-хамов того времени — напр., у Бабеля — и Шолохова. Та же цветистость, те же грязные хамы и скоты, вонючие телом, мерзкие умом и душой.

«Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном...»

«Гедали (еврей) обвивает меня несколькими ремнями своих дымчатых глаз...» [...]

О Божьей Матери (икона в Ипатьевском монастыре, занятом «текстильщиками»): «Худая баба сидела расставив колени, с зелеными и длинными, как змеи, грудями...»

18. IV. 42. Суб.

Лавальские дни. Нынче вечером объявлено по радио официально: Петэн — нач. государства, Лаваль — правительства. Надо ждать, думаю, как и все, чего-то очень серьезного.

День рождения З. Тюков и Жорж. «Роскошн.» завтрак — по куску телятины, маслины, самодельная водка. [...]

Весен. холод, сумрачная синева гор в облаках — и все тоска, боль воспоминаний о несчастных веснах 34, 35 годов, как отравила она (Г.) мне жизнь — и до сих пор еще отравляет! 15 лет! Все еще ничего не делаю — слабость, безволие — очень подорвалось здоровье!

Перечитал «Пунш[евую] водку» и «Могилу война»[4] с большим интересом. Ловко пишет.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Все опять цветет и зеленеет. Эти дни одевается сероватой еще мелкой зеленью дуб, цветет у нас сирень, в розовых цветах и коричневой листве деревцо возле каштана, ярко и свежо зазеленевшего, на нижней площадке. С месяц тому назад розовым и белым цвели абрикосы и миндаль.

Нынче впервые видел серп молодой луны. Чувствовал себя довольно бодро физически.

19. IV. 42. Воскр.

[...] В 8 ч. вечера говорил Петэн. Сказал несколько слов всего, призывая французов «к мудрости и терпению», и заявил весьма загадочно: «настоящее время столь же решительно, как в июне 1940 г.» Что это значит? Был какой-то жестокий ультиматум немецкий? Несчастный старик.

11 ч. вечера. Жабы, мелкий дождь и от времени до времени катится гром и вспыхивают голубые молнии. Первая гроза.

23. IV. 42. Четверг.

23/10 (вторник) 1907 г., 35 лет тому назад, уехали с Верой в Палестину. Вечером, с Брянского вокзала. Нынче утром она принесла мне букет цветов, удивит. красивых.

29. IV. 42. Среда.

[...]Нынче изредка дождь, облачно, потолок из мрачных облаков над горами в направлении к Vence. Оч. тяжкая погода. И *я тяжко, оч. тяжко болен душевно — до отчаяния.* [...]

Дикое одиночество, бесцельность существования. Да всего и не скажешь.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[2-го мая В. Н., между прочим, записывает:]

Леня дал «Дневник писателя» [Достоевского. — М. Г.]. Я прочла его одним махом. Леня прав, говоря, что у него необыкновенное чувство России, народа. Дала Яну. Ему тоже нравится: «Очень умно все».

[Бунин:]

6. V. 42. Среда.

[...] Очень грустно и скучно — погибаю в одиночестве. Ни души даже знакомой. И все воспоминания, воспоминания.

Вчера был в Cannes — зачем? Да, в синема Vox, смотрел La grande farandole — Fred Astaire и Ginger Rogers. Изумительно танцуют — опять был восхищен чрезвычайно.

Англичане захватывают (верно, уже захватили) Мадагаскар. Французское негодование.

Читаю «La mémorial de Sainte Hélène (Comte de la Cases)». Чувствую и себя на S. Hélène. Страшно подумать, что он должен был чувствовать. А все таки жил, диктовал, упивался прежней славой, надеялся. [...]

12. V. 42.

Все скверная погода, тучи, сумрачно, холодно, иногда дождь. Уже дней 5 кровь. Верно, поэтому, — перед кровью, — чувствовал такую тоску. Нынче спокойнее. Читаю (по франц.) — «Уединенное» Розанова. В общем ничтожно, иногда просто глупо в смысле необыкн. высокой оценки себя. [...]

«На всякий случай» занимался пересмотром того, что должно и не должно войти в будущее «полное» (более или менее) собрание моих писаний, писал распоряжения. Мучительно! Сколько ерунды и как небрежно напечатал я когда-то! Все из-за нужды.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13. V. 42. Среда.

Весь день дождь, плывущий туман, свинцово-меловые зловещие тучи, холод. (А ночью перед этим часа два ужасная гроза.)

Будто бы взята Керчь.

23. V. 42. Воскресенье.

Керчь давно взяли. Но Москва говорит, что возле К. все еще идут бои. Страшные бои из-за Харькова — уже недели две.

Последние дни уже лето. [...] И страх и тоска за Веру — опять неск. раз были боли. И она испугана, падает духом. Господи, спаси, совсем пропадаю.

Все хочу послать письмо Т. М. [Львовой. — М. Г.] Толстой — и все не решаюсь. [Вероятно, с просьбой о помощи. — М. Г.]

Опять у нас в саду множество цветущих роз — и розовых, и белых, и пунцовых как пунцовый бархат — и вспоминаю с грустью, что в прошлом году я в это время еще писал (и вписал в «Натали» о такой розе).

Опять думал нынче: прекраснее цветов и птиц в мире ничего нет. Еще — бабочек.

26. V. 42. Вторник.

Все кровь — уже дней десять. Чувствую себя ужасно, слабость страшная. Тоска, страх за Веру. Какая трогательная! Завтра едет в Ниццу к доктору, собирает свой чемоданчик... Мучительная нежность к ней до слез. [...]

3. VI. 42.

Лето. Была дурная, неспокойная погода, теперь как будто установилась.

Май был необыкновенный — соверш. чудовищные битвы из-за Керчи и вокруг Харькова. Сейчас затишье — немцы, кажется, потерпели нечто небывалое. А из

Для сайта BOOK-OLDS.RU

радио (сейчас почти одиннадцать вечера) как всегда они заливаются. Удивительно — сколько блядского в этом пении, в языке! Думаю все время: что же это впереди! Если немцы не победят, полная погибель их. Если победят — как может существовать страна, ненавидимая почти всем миром? Но и в том, и в другом случае — что будет со страной, у которой погибло все самое сильное чуть ли не с 15 лет до 50! А уже погибли миллионы и еще погибнут.

Франц. радио — нечто поразительное. Тонем во лжи и холопстве.

Мне, верно, уже не поправиться — переломилось здоровье. Едва таскаю ноги. Неужели и в прошлом году было то же? Нет, этого не помню. М. б. забыл?

Читал вчера и нынче стихи — Г. Иванова, Гиппиус. Иванов все таки поэт настоящий (в зачатке). Г. ужасна. Мошенница.

7. VI. 42. Воскр.

[...] Вчера письмо от дочери Анны Ник. Готье — приехала в Антибы, но «маму уже похоронили». Нынче все думал о тех прекрасных лесах вокруг Рокфора, по которым старушка спешила к автобусам. Не видеть ей их больше!

1. VII. 42. Среда.

Двенадцатый час вечера. В одиннадцать радио: *Севастополь взят*. Дорого, верно, достался!

Все время полное безволие, слабость, — ничего не могу, кроме чтения лежа. Перечитал первый том «Бр. Карамазовых». Три четверти — совершенный лубок, балаган. А меж тем очень ловкий, удивительно способный писака. [...]

Разгром англичан в Африке. Немцы уже в 100 кил. от Александрии.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Чем же все это кончится? Вот впереди месяц, два самых роковых для Европы — думаю, за эти 2 месяца выяснится.

14. VII. 42. Вторник.
В прошлую среду вырвал еще зуб.
Прекрасный день. Попытка начать что-н. делать.
Прочел (перечитал, конечно) второй том «Бр. Карамазовых». Удивительно умен, ловок — и то и дело до крайней глупости неправдоподобная чепуха. В общем скука, не трогает ни-чуть. [...]

18. VII. 42.
Скучный день, тоска.
Немцы в России все идут вперед. В Африке начались бои «решительные».
И все слабость, безволие, безделие! [...]
11 часов вечера, радио: «положение Тимошенко катастрофическое». Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не верится, что все пропало.

19. VII. 42. Воскр.
Видел новую луну. Холодно, тучи, перед вечером прошел дождь.
Шестого июля объявили, что взят Воронеж. Оказалось — брехня: не взят и по сегодня.

10. VIII. 42. Понед.
Купался всего 2 раза пока — за все лето. [...]
В России ужасно, — кажется, правда гибель ныне: взят Пятигорск. Битва морская американцев с японцами — японцы трубят большую победу. Беспорядки в Индии — арестован Ганди и весь инд. конгресс, позавчера потребовавший ухода англичан из Индии. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

13. VIII.

Кончил перечитывать «Дневник» Башкирцевой. Вторая половина книги очень примирила меня с ней. И какая действ. несчастная судьба! [...]

[В записи от 14/23 августа В. Н. говорит:]

Из Америки пришло приглашение: визы, даровой (или почти даровой) проезд и деньги на проезд и т. д., и т. д. А мне это кажется «приглашением на казнь». Молю Бога, чтобы нам туда не суждено было уехать.

[Бунин:]

1. IX. 42. Вторник.

Сухое лето, сгоревшие цветы олеандра. Еврейские дни дошли и до нас. В Париже, говорят, взяли 40.000. Хватают по ночам, 10 минут на сборы. И мужчинам и женщинам бреют головы — и затем человек исчезает без следа. Детей отнимают, рвут их документы, номеруют — будет без роду-племени, где-то воспитают по своему. Молодых евреек — в бардаки, для солдат. У нас взяли, говорят, уже человек 700-800. [...]

2. IX. 42.

Евреям (взятым) не дают пить.

Все грусть — о прошлой моей жизни здесь. Лоренские острова.

Перечитал Лоти «Fântome d' Orient». Скучно, длинно.

7. IX. 42.

[...] Перечитываю «Любовь в жизни Толстого» Жданова. Гадко — до чего обнажили себя и муж и жена на счет своей крайней интимности!

Взят Новороссийск. И все таки думаю — вот-вот будет большое и плохое для немцев.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Расстреляли 5 прав[ославных] священников в Праге — будто бы участвовали в убийстве какого-то немца и «укрывали у себя рус. парашютистов».

16. IX. 42. Среда.

Все прекрасные дни. И все мука — тянет ехать в Cannes, Ниццу, видеть море, женщин, кого-то встретить, — одиночество страшное! — и все мысль: все это напрасно, будет только мука с автобусами — и мука воспоминаний моих прежних лет тут.

Ночи спокойные, теплые, с бледными звездами, с непрерывн. журчаньем сверчков и ночных цикад.

Нынче ездил в Cannes, купался — всего четвертый раз за все лето! И уже кончено лето — м. б., последнее мое. Дов. большая волна, вода приятная.

Немцы к Цар[ицыну] все «продвигаются» и все атаки русских неизменно «отбиты». День и ночь идут уже с полмесяца чудовищн. бои — и, конечно, чудовищн. потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики. Полное сумасшествие! Только сумасш. кретин может думать, что он будет царствовать над Амер., Браз., Норвегией, Францией, Бельгией, Голл., Данией, Польшей, Чехией, Австрией, Сербией, Албанией, Россией, Китаем — 16 странами, из которых все, не считая евреев, ненавидят Германию и будут ее ненавидеть небывалой ненавистью чуть не столетие. Но какая сказочная сила — пока.

12. IX. 42.

Переписывал свои заметки, наброски рассказов.

[...]

18. IX.

Был в Ницце. Привез «Нов. Журнал».

Истратил последнее. Какой позор — в Америке за все время собрали мне долларов 500!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20. IX.

Очень жаркий день. Безволье, вялость, уборка.

Перечитываю стихи Полонского — и как часто теперь, мысль: перечитываю в последний раз.

В «Нов. Журнале» (вторая книга) — «Натали». И опять, опять: никто не хочет верить, что в ней *все от слова до слова выдумано*, как и во всех почти моих рассказах, и прежних и теперешних. Да и сам на себя дивлюсь — как все это выдумалось — ну, хоть в «Натали». И кажется, что уж больше не смогу так выдумывать и писать.

Девять вечера. Золотой полумесяц, на него нашел белый оренбургский платок.

22. IX. 42.

С утра туман, дождь и такая свежая сырость, что оделся по осеннему. После полудня солнце, тепло. В. уехала завтракать к М. Ив.

Мой отец, моя мать, братья, Маша пока в некотором роде существуют — в моей памяти. Когда умру, им полный конец.

Все живее становится для меня мое прошлое. Вот вспомнил Птб. времени моего пребывания там в декабре 1896 г., Ольхину и т. д. — Боже, как все вижу, чувствую!

Все убираюсь, все надеюсь сесть за работу. Напрасная, должно быть, надежда!

В газетах — «La situation désperée de l'U.R.S.S.», «Désillusions et inquétudes» в Англии... И говорят, что с Царицыным собственно дело кончено и пора подумать о том, что дальше предпримут немцы после него и Кавказа. [...]

Радио — кошмар. Не лжет только, который час.

23. IX. 42. Среда.

В час поехал в Ниццу. Теснота удивительная, сидел на железной приступке за креслом шофера, жгло

Для сайта BOOK-OLDS.RU

левый бок от танка, лицо и книгу Лоти (Pays basque), которую читал, все время покрывала то одна, то другая цветистая юбочка каких-то двух крупных девок. Вернулся с каром в 7. 30 вечера. [...] В каре дурацки сел у незакрывающего[ся] окна, мучился от холодного сильного ветра. Вечера уже осенние, нельзя не брать с собой пальто в поездки. (Ездил опять к зубному врачу.)

День был прекрасный, чувствовал себя все время бодро и легко. Свесился: 66-65 кило. А прежде всегда бывало 72-73.

И с Цар[ицыным] и с Кавказом немцы все таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: «берем дом за домом...» Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве. И то хлеб.

Из того, что делается на свете, знаем одну сотую. «Journal de Genève» получаем в особом издании — для Франции. Но и то нередко издание это не доходит к нам. За всю свою историю Франция никогда не была в такой погибели.

24. IX. 42. Четверг.

Солнечно, крас. облака. Над горами над Вансом их потолки — прекрасные. Потом пошли хуже — серые.

Дочитывал 1-й т. стихов Полонского, вспоминал, как читал в Beausoleil. Теперь в последний раз в жизни? Вероятно. Вспоминал те чувства, что были в ранней молодости, в Озерках, при чтении некоторых стихов. 9/10 — скука, риторика и часто просто непонятная. Зато 1/10 превосходно.

Полнолуние. Удив. лунная ночь. Клубы и груды великолепн. белых облаков к западу, на юге и на востоке; на севере неприятн. белая туча из-за горы. Середина неба, огромная, глубокая, чиста, ясный месяц. Прошелся в одиннадцат. часу по обычной дороге — к плато Наполеон. Моя черная тень впереди. Страшные

Для сайта BOOK-OLDS.RU

мысли — вдруг останусь один. Куда деваться? Как жить? Самоубийство?

Потом стал думать об этой кухарке на постоялом дворе. Все вообразил с страшной живостью. Возбуждение — и до того, что уже почувствовал все, что бывает перед концом. Мурашки, стеснение во всей грудной клетке. [...]

1. X. 42. Четверг.

[...] Вчера именины Веры. Роскошный обед — с колбасой «Собачья радость». [...]

14 (1). X. 42.

[...] Рождение В. Ездила в Восса в церковь, причащалась. Обед праздничный — по 3 порченых вареных картошки. Но — чай с наст. вареньем — подарок Али («довоенное»).

Покров Пр. Богородицы. Защити, Матерь Божия.

Дела немецкие неважны. 76-ой день берут Царицын.

23. X. 42. Пятница.

[...] Страшный день: мне 72!

Нынче радио о Царицыне: «все атаки большевиков отбиты». Скоро 3 месяца как берут его!

27. X. 42. Вторн.

Третий день дождь, иногда ливень и грозы. В доме уже порядочно холодно.

Большие бои в Африке. Царицын все еще держится.

Чувствую себя плохо, особенно с утра. Верно, конец моим писаниям. Избавь, Господи.

9. XI. 42. Понедельн.

Девятая годовщина Ноб. премии!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера большое событие: высадка американцев в Сев. Афр[ике].

12. XI. 42. Четв.

Вчера в 12½ роковая весть: немцы занимают наше побережье.

Ницца занята вчера днем, Cannes поздно вечером — итальянцами.

В Grasse вошло нынче вечером 2000 итальянцев.

25. XI. 42.

Утром думал, что умираю — отлив крови от головы.

27. XI. 42. Пятн.

Вечером — швейц. радио — Тулон. Кончил «На пост[оялом] дворе».

28. XI. 42.

Страшные вести о Т[улоне] — почти весь флот потопился. Взрывы арсенала. Тряслись дома. Пожары. Моряков погибло оч. много.

Все время прекр. солн. дни. Но уже страдаю от холода.

3. XII. 42. Четверг.

Вчера в полдень Cannes. Потом Певзнеры и ресторан Паскаль. 3/4 красного тяжелого вина — опьянел. Зашел к Гукасову — не застал. Поехал на изв[озчике] с набережной в рус. церковь [...] ходил по церковному двору, обошел церковь — где вход в гробовое подземелье, куда меня в некий день внесут? Холодная, хорошая погода, предвечерн. время. Грустно, тупо, безнадежно. От искания этого входа — гадкое впечатление — глупо — зачем? Не дождавшись библ., ушел, доехал в автоб. до Cannes. На набережной, возле табачн. лавки, встретил Легранд. Бар. [...] Две рюмки конья-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ку. Потом бар в Карлтоне. Гукасов и те-же. Два бок. белого вина.

Нынче кровь.

25. XII. 42. Катол. Рожд. Пятница.

Вчера ужин с Бродскими в ресторане «Потиньер». Он приехал из Монте Карло. Ужин больше 2½ тысяч. Мы — на чужой счет! Вот тебе и слава!

Нынче холод, дождь. *Убили Дарлана*[5].

Перечитываю «Гарденинных»[6] — как когда-то на Montfleury чуть не 20 л. тому н.! Многое не хорошо.

Все грустен. В жизни мне, в сущн., не осталось *ничего*! [...]

27. XII. 42. Воскр.

Месяц тому назад, 27 Ноября, умер Осоргин.

Холодно, серо. Топлю.

Писал заметки о России.

Тем, что я не уехал с Ц[етлиным] и Алд[ановым] в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!

31. XII. 42. Четв.

Грустил ужасно.

«Встречали» Нов. г. втроем (Б. уехал куда-то): во время боя часов выпили по стакану белого вина и «поужинали»: по 5 соленых ржавых рыбок, по несколько кружков картошки и по три кружочка, оч. тоненьких, колбасы, воняющей дохлой собакой.

Холодно, но довольно хорошая погода.

Ноябрь, декабрь были почти сплошь солнечны.

Еще год прожит из маленькой человеческой жизни!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1943

1. I. 43. Пятница.
Господи, спаси и помоги.

3. I. 43. Воскр.
Письмо от Н. И. Кульман: умерли Бальмонт и проф. Оман. Исчез из мира и из моей жизни Б[альмонт]! А живо вижу знакомство с ним, в Москве, в номерах «Мадрид» на Тверской! Был рыжий, стрижен ежиком, налит сизой кровью, шея, щеки в крупных нарывах...
Солнечно, довольно тепло, но налеты мистраля.

[3-го января В. Н. записывает по поводу смерти Бальмонта:]

Бедная Елена с Миррой в полной нищете, и помочь им трудно, т. к. они совершенно не умеют обращаться с деньгами. Верочка [Зайцева. — М. Г.] из всех сил старается, но тщетно. [...]
После прихода немцев умерли: Мережковский, Осоргин, Бальмонт, Марина Цветаева (писатели). Кульман, Оман, Лозинский (профессора), Аргутинский, Зернов, Малявин, А. Н. Гиппиус, А. Н. Готье, О. Л. Еремеева. Хигерович-мать, Познер-жена, Руднев, Ф. О. Ельяшевич, С. А. Зернова, Володя Варшавский[1].

[Бунин:]

1. 2. Понед.
Ночь была сырая, с мгой. Проснулся в 4, не спал до 6. Заснул и проснулся в 9. Чувствую себя однако сносно.
Паулис [Фельдм. Паулюс. — М. Г.], произвед. вчера Хитлером в маршалы, сдался в Царицыне, с ним

Для сайта BOOK-OLDS.RU

еще 17 генералов. Царицын почти полностью свободен. Погибло в нем будто-бы тысяч 300. Но в Берлине речи — 10-летие власти Хитлера.

2. 2. Вторник.
Сдались последние. Царицын свободен вполне.

8. 2. Понедельник.
Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся-ли?

17. 2. Среда.
Во сне ломило темя. Утром кровь.
Опять, слава Богу, солнце. Чувствую себя мутно и слабо.

24. 2.
Нездоровится, повышена температура.
Солнечно.
Я был умен и еще умен, талантлив, непостижим чем-то божественным, что есть моя жизнь, своей индивидуальностью, мыслями, чувствами — как же может быть, чтобы это исчезло? Не может быть!

28. 3. Воскр.
Вечер. Часы переведены еще на час вперед — сейчас уже 12½, т. е. по настоящему 10½.
Радио: умер Рахманинов.

[29-го марта В. Н. записывает:]

[...] все застилает смерть Рахманинова[2]. В «Эклерер де Нис» есть уже сообщение «Великий композитор». Не дожил он до конца войны, до свидания с Таней [дочь Рахманинова, Т. С. Конюс. — М. Г.], до возможности вернуться на родину.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Бунин:]

2. 4. Пятница.

Послал «le Village» в Португалию.

Продолжаю читать фр. перевод дневников С. А. Толстой (2 тома). Одержимая!

Читаю записки Порошина, воспитателя Павла I. Обожествление мальчишки, часто оч. гадкого и наглого.

Часто думаю о возвращении домой. Доживу-ли? И что там встречу?

3. 4. 42. Суббота.

Летний день. Деревцо на нижней площадке — розовые цветы, коричн. листья. Зацвело грушевое дерево, яблоня — самое прелестное. [...] Цветут левкои. Букет у меня на столе. Несказанно очароват. благоухание.

Мучительная медленность войны — наступление в Африке, выдохшееся наступление русских да и немцев в России...

10. 4. Суб.

Кончил «18-й год» А. Толстого. Перечитал? Подлая и почти сплошь лубочная книжка. Написал бы лучше, как он сам провел 18-й год! В каких «вертепах белогвардейских»! Как говорил, что сапоги будет целовать у царя, если восстановится монархия, и глаза прокалывать ржавым пером большевикам... Я-то хорошо помню, как проводил он этот год, — с лета этого года жили вместе в Одессе. А клуб Зейдемана, где он был старшиной, — игорный притон и притон вообще всяких подлостей!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

11. 4. Воскр.

[...] 31 марта умер (оч. тихо) Милюков. Кончена долгая, — т. е. в сущности, оч. короткая — жизнь. Даже не верится. Давно-ли — и т. д.

14. 4. Среда.

[...] Ночью разбудил крик Зурова и быстрый, бешеный стук — думал, что это он в стену — оказалось, стрельба по англ. авиону. Был алерт.

Все дни солнечные, но с холодн. ветерком. Нынче день совсем хороший. М. б., от погоды мне лучше?

1. V. Суб.

Перечитываю жизнь Гете (по франц.).

2. V.

Уже не помню, что вчера было (кроме того, что бешено убирался — могут выселить).

Весь день дождь, туман густым дымом.

С прошлой среды у нас с 11 вечера «couvrefeu» — из дому ни шагу.

4. 5.

Прекр. день и прекр. облака над горами за Ниццей, — вечные, а наши жизни... Скоро, скоро и меня не будет, а они все будут. И вся моя жизнь здесь — как молод был, когда сюда приехал! [...]

[Вера Николаевна в тот же день, между прочим, записала:]

К маю нам подарки: 1) нельзя выходить после 11 ч. вечера, 2) нельзя ночевать не дома, 3) нельзя без разрешения ездить,' — но это, кажется, в ближайшем будущем. — Против ворот выстроен блокгауз для пулемета.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Продолжаю выписки из дневника Бунина:]

7. V. Пятница.

Полночь с 1/4. Дождь, лягушки. Час тому назад англичане вошли в Тунис, американцы — в Безерту.

Не было утром газет — не вышли во время [для? — М. Г.] автоб. из Ниццы. Там аресты (среди французов), берут заложников.

Второй день дождь и холодно.

Завтра надеюсь поехать в Ниццу. Поеду-ли?

Наступление русских на Кубань. Вчера взята Крымская.

9. V. Воскр.

Вчера был в Ницце. Солнечно, бело, слепит, почти жарко. «Гастроном».

Вечером, вернувшись, узнал о письме Г. к Вере (уже из Марсели): «Покидаем Францию». Бросилась в пропасть с головой. [...]

26. V. Среда.

Письма от В. Зайцевой и Михайлова: умер Нилус (в ночь с суб. на воскр.). Бесчувственность[3]. [...]

29. V.

Слабость, сонливость. Вот тебе и стрихнин!

Письмо от П. Б. Струве: умерла его жена, Нина Александровна.

14. VI.

Надо начать хоть что-н. делать. Надо бодриться — Господи, помоги.

Слабое солнце, туманно.

Полдень. Дождь. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15. VI.

Скука и все ожидание, чтобы война, наконец, двинулась.

Перечитал «Le baiser au l'épreux», Mauriac'a. Поэтично, благородно, тонко, но в общем слабо, неубедительно. [...]

Оч. прохл. вечер, гадкая окраска гор и облаков.

18. VI. Пятница.

Прекр. день, но все то же — слабость, лень.

Перечитывал стихи А. К. Толстого — многое *удивительно* хорошо, — и свои «Избр. стихи». Не постигаю, как они могли быть не оценены!

В безделье провожу свои *истинно последние дни*. Но ничего не могу!

6. VII.

Большие бои в России. Немцы говорят о страшных потерях у русских, русские — о таких-же у немцев. Те и другие о своих ни слова.

8. VII. Четв.

И вчера и нынче громадн. пожар в Эстерели. Оч. горячее солнце и хол. налеты мистраля.

10. VII. Суб.

Началась высадка в Сицилии. Удастся-ли? Оч. сомневаюсь. Дело большое!

[17 июля у В. Н. записано:]

Около полудня пришел из мэрии служащий и сказал, что предупреждает нас, что мы, может быть, должны будем эвакуироваться. Это может случиться или через неделю, две, или позже. Тогда дадут на сборы 3 часа.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Бунин:]

25. VII. Воскр.

Утром квартирмейстер итальянцев — осматривал дом, чтобы, м. б., занять у нас неск. комнат.

Завтрак с Верой у Клягиных[4].

В 11 ½ вечера: итальянск. король принял отставку Муссолини! Пока еще ничего не понимаю. Но событие гигантское! Конец «цезаря», которому уже чуть не ставили золотые статуи!

27. VII.

День серенький.

Как дико! 23 года был царь и бог — и вдруг «подал в отставку»! Исчез, не сказав на прощание ни слова Италии!

Ясно — Италия выйдет из войны и у нас будут немцы.

2. 8. 43. Понед.

Уже неск. дней *очень* жарко. Небо мутно от зноя. Ходил в 6 ч. к Клягину — все горячо и сладко пахнет — цветы, хвоя.

Сейчас 8 (солнце еще не село), и долина, и горы, и невидное море смутно, в жарк. дымке.

Все еще неизвестно, где Муссолини.

Бои в Сицилии продолжаются — англ., очевидно, не хотят спешить, ждут сдачи.

Да, какой позор свалился вдруг на Мус[солини]!

5. 8. Четв.

Был в Ницце. Тотчас узнал, что взяли Орел. В третьем часу — Катанью. [...]

В Ницце множество немцев, много мальчишек; одеты все тяжело и неопрятно, сапоги пудовые.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6. 8.

Два-три посл. дня сносно, ветерок. А до того нестерп. жара и духота, неподвижность. Не запомню таких жаров — оч. давно не было. И все пожары, пожары — то там, то тут. Нынче огненное солнце в дыму. Огромн. пожары в сторону Тулона и возле Cagnes. Говорят о поджогах.

Чувствую себя посл. время сносно. Погода?

Вечер. Пожары от Antibes до Cagnes.

«Великий Дуче» исчез как иголка. [...]

23. 8. Воскр.

В понедельник 16-го ходили с Верой страшножарким утром к Brès'y[5]. Чудесный, старый дом, огромное поместье. Одинокий, за 60 или больше, сухой, худой, умный. Нашел мое здоровье не плохим.

[В. Н. об этом посещении врача записывает: Слабость от недоедания, отсутствие умственного труда. [...] Гонорара не взял. — «Не практикую». — Ян сразу ожил, легко дошел до дому, с аппетитом позавтракал первый раз за все время.]

Все дни жара редкая — тяжкая, душная, ходил почти голый, спал посл. три ночи внизу, в маленьк. кабинете.

Записать о дневниках Гиппиус — верно, все пишет — и воображаю, что только не напишет про всех, про всех, про меня в частности! [...]

30. 8. Понед.

Вчера завтрак с Верой у Клягина. Он читал 2 рассказа. Второго я совсем не слыхал — выпил за завтр. рюмку мару и стакана 3 вина, за кофе 2 рюмки коньяку и 1/2 рюмки ликеру — и сидя, спал. Придя домой, спал от 6 до 10. В 11 лег и проспал еще часов 10. Переутомление. Нельзя мне так пить.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

2. IX. Четверг.

Пришел Бахр. и сказал, что в Grasse приходят немцы.

3. IX.

Все хорошие дни, а все слабость.

Нынче на рассвете высадка англичан в Италии, утром ужасная бомбард. Парижа. [...]

7. IX. Вторн.

Нынче письмо из Ниццы: Елена Александр. Пушкина (фон Розен Мейер) умерла 14 Авг. после второй операции. Еще одна бедная человеч. жизнь исчезла из Ниццы — и чья же! родной внучки Александра Сергеевича! И м. б. только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду! А Ницца с ее солнцем и морем все будет жить и жить! Весь день грусть. [...] *Оргия* нажив в Париже.

[8-го сентября В. Н. записала:]

Вчера получено печальное известие о смерти Лены Пушкиной. Бедная, умерла, не вынесла второй операции. Помню ее девочкой-подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой. Распущенные волосы, голые икры. [...] Кто мог подумать, что такая судьба ждет Лену? Нищета, одиночество, смерть в клинике. [...] Лена в ссоре с братом, не знаю, помирилась ли с дочерью?

Она была умна, но, вероятно, с трудным характером. Убеждения — ницкие: вера в немцев, ненависть к евреям и большевикам. Гордилась своим родом. Была фрейлиной. Рассказывала об обедах в московском дворце, когда приезжала царская семья. К Яну чувствовала большую благодарность, как пишет ее друг француженка.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Бунин:]

8. IX. Среда.

Огромная весть: в 6½ ч. вечера узнали, что Италия вышла из войны, капитулировала — и никто в мире, кроме Руз[вельта], Черч[илля] и Сталина, не знал, что сговорились об этом еще 3 сент. (августа?). Что-же с нами-то теперь будет?

12½ ночи. Молодая луна за домом, ни одного огня в сумрачно видной долине, выстрелы. Итальянцы бегут.

9. IX.

Ночью разоружали и арестовывали итальянцев. Из Parc Palace Hôtel бежали высшие чины, но пойманы на дороге в Ниццу.

Couvre feu у нас с нын. вечера с 8 вечера до 7 утра.

[24 сентября у В. Н. записано:]

Верочка [Зайцева. — М. Г.] пишет [...] Открыли памятник Мережковскому. Белый мраморный крест, в него вделана копия с Рублевской иконы.

Говорили Милиотти[6], Зайцев и Зин. Ник. Она сказала, поблагодарив французов за памятник, что за пятидесятилетнюю жизнь с Д. С. они ни на день не разлучались. И она надеется, что они скоро опять будут вместе. [...]

Ян стал мне давать переписывать маленькие миниатюры. [...]

[Бунин:]

17. IX.

Опять поэтич. грусть — о той, первой, осени в Париже. Как уже давно, давно это было!

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бомб. Париж, Нант, Montmolisson — сотни убитых.

Сейчас, к вечеру, все замутилось, серо, похоже на близкий дождь.

Ночью (прошлой) была где-то, близко от нас, бомб[ардировка].

25. IX. Суб.

Дождь, прохл., — кажется, повернуло на осень.

Все последн. дни чувствовал себя не плохо, пишу по целым дням. (Принимаю уже дней 10 фитин.)

Рус. берут город за городом. Нынче — *Рославль и Смоленск*. [...]

13. X. Четв.

[...] Час ночи, мелкий дождь, луна за облаками. Весь день чувств. себя удивит. скверно, лежал пластом, засыпал. Вечером кровь.

В 3 ч. дня Италия в лице короля и Бодольо объявила войну Германии.

17. X.

Пил чай у Кл[ягина]. Какой очар. живой человек!

Бои в Мелитополе — берут дом за домом.

Все последние дни холод — необычный в эту пору.

Сейчас 11 веч. (т. е. 10 по настоящему) — мрак, холод, дождь.

21. X. Четверг.

Письмо Олечке:

Милая Олечка, как поживаешь?
В школе бываешь иль просто гуляешь,
Дома-же в куклы и с Котькой играешь,
А вечерами, под ручку с мамá,
Ходишь то в гости, а то в синема?
Я вас обеих целую и жду
Вскоре иметь от тебя billet-doux.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

P. S. Очень жалею, что Котьки тут нет:
Аля сварил-бы его на обед.

23/10 окт. Суббота.

Господи, сохрани и помилуй. День моего рождения.

Спал мало, часов 7 (а мне всегда нужно 8½ или 9), но чувствую себя сносно.

Дописал рассказик «Начало».

Вечер: взяли Мелитополь.

29. X. Пятница.

Вчера в полночь дописал последн. страницу «Речн[ого] ресторана»[7]. Все эти дни писал не вставая и без усталости, оч. напряженно, хотя не досыпал, терял кровь и были дожди. Нынче падение. День был тихий, милый, на душе тихо и грустно, воспоминания.

Взяты за эти дни Екатеринослав, Лоцманская Каменка (когда-то я там был перед проходом по порогам). Теперь это, верно, город, гнусно называемый «Днепродзержинск».

1. XI. 43. Понед.

«День всех святых», завтра самый страшный праздник — «день всех мертвых». Сумрачно, холодно. Сейчас час ночи, соверш. непроглядная тьма, ни *единого* огня и мелкий дождь. Вечером писал начало «Иволги» — не знаю, что напишу дальше, пишу наугад. Нынче переписаны «Дубки», напис. 29-го и 30-го.

Вечером — взят Перекоп.

5. XI. Пятн.

Был у Клягина, он читал начало своего «Дяди Пети».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

6. XI.

12½ ночи. Туман, сыро, темно, полумесяц уже зашел.

Скверная погода к вечеру, сонливость, разбитость, но, одолевая себя, продолжал «Иволгу».

Взят Киев. В Грассе много русских в солдатской немецкой форме. Ходят из бара в бар.

[В. Н. записала:]

В Грассе появились русские в немецких формах. Их 600 человек. Помещены в казармах, где были арестованы наши. Поют русские песни. Ходят в кафе, где громко говорят по-русски. В одном истратили 350 фр. Кто они? Откуда?

[Бунин:]

11. XI. Четверг.

В одиннадцатом часу, в чудесную лунную ночь, началась бомбардировка Восса и продолжалась минут 40. Смотрели с заднего балкона и из окон. Редкое, дивное зрелище. Наш дом весь дрожал.

10. XII. Пятница.

10 лет тому назад стал в этот вечер почти миллионером. Банкет, Кронпринц, Ингрид. Нынче у нас за обедом голые щи и по 3 вареных картошки. Зато завтракали у Клягина — жиго́, рис, все плавает в жиру.

Взята Знаменка.

18. XII. Суббота.

Прекрасная погода.

Все думаю о краткости и ужасах жизни.

Слушал радио — прованс. музыка и пение — девушки — и опять: как скоро пройдет их молодость,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

начнется увядание, болезни, потом старость, смерть... До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не написал этого как следует!

1944

1. I. 44. Новый год.

Господи, спаси и сохрани.

День опять солн. и оч. холодный.

Ничего не делал. Бесплодно тревожно.

Сейчас 11½ ночи, первая треть луны, ледяная ночь. Ходил бросить письмо Долгополову — как всегда резкий свет электрич. фонарика в лицо возле клиники — ходят два немецких солдата с 6 часов возле нее. [...]

2. I. 44.

Солнце только что село. Оч. высоко белый, чуть зеленоватый почти полумесяц (над Клягиным). Пять часов. Сижу у окна на запад — впереди все в фиолет. дымке.

Пять часов 5 м. Уже все фиолет. исчезло — стало темнеть под зеленоватой дымкой. День был чудесный. Было 2 алерта — после второго где-то бухало, дым где-то за Cagnes.

1 ч. 35 м. вечера — опять алерт!

3. I.

Заснул вчера, несмотря на алерт, раньше 12. Спал не плохо и долго, от 9 до 10 в полусне. И опять около 9 алерт.

В 12 — опять.

Прекр. день, тишина, солнце. На солнце совсем горячо. Чувствую себя совсем не плохо.

Опять удив. закат.

Нынче утром опять страшно били Берлин.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера взяты Новгород, Волынск и Олевск.
Вот-вот будут страшные дни!

4. I. Вторник.
Опять прекрасный день. В 2 — алерт.
Ездил на вокзал P. L. M. — посылка от Шведск. Кр. Креста.
Взяли Белую церковь, перешли в неск. местах польскую границу.

6. I. Четв.
«Праздновали» русский сочельник. [...] Грибной суп с кусочками сальца, котлеты, картофельное пюре!
В 12-ом часу ночи (ледяной, лунной) вышли с В. погулять в сад — с дороги два резких огня фонариков, крики — дозора возле «Helios». Поспешили в дом.

7. I. Наше Рождество.
[...] Было 2 алерта.
Нынче и вчера читал рассказы Зощенко 37 г. Плохо, однообразно. Только одно выносишь — мысль, до чего мелка и пошла там жизнь. И недаром всегда пишет он столь убогим, полудикарским языком — это язык его несметных героев, той России, которой она стала.

8. I. Суб.
[...] Вся Европа разрушена чудовищно. Прошлая «вел. война» была совершен. пустяки. И Г[ермания], помимо того, как страшно сдерут с нее шкуру, потеряла уже 3/4 своего самого сильного населения. А что ждет Болгарию, Венгрию, Румынию и несчастную Италию, зарезанную этим быком!

17. I. Понед.
Солнце (порой горячее), облака.
Сейчас 12 ночи (т. е. 11) — луна еще не взошла.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Война все тянется. И конца этому не видно! Когда-же, Господи, что-н[нибудь] решительное?

19. I. Среда.

Серо, холодно. Ничего не делал, тоска.

Взяты Красн. Село, Петергоф, Ропша, большая добыча. Убито тысяч 20.

20. I.

Опять прекр. день. Был у Кл[ягина].

Взят Новгород.

Ночи звездные, чистые, холодные. Что ни вспомнишь (а обрывки восп. поминутно), все больно, грустно. Иногда сплю по 9 и больше часов. И почти кажд. утро, как только откроешь глаза, какая-то грусть — бесцельность, *конченность всего* (для меня).

Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Р[оссию]! А зачем? Старость уцелевших (и женщин, с которыми когда-то), кладбище всего, чем жил когда-то...

25. I.

[...] Вдруг вспомнил Гагаринск. переулок, свою молодость, выдуманную влюбленность в Лоп[атину], — которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне. Это-ли не дико!

27. I.

Без ¼ 6. Сижу у окна на запад. На горизонте небо зеленое — только что село солнце, — ближе вся часть неба (передо мной) в сплошном облаке, испод которого [мохнат? — неразборчивое слово. — М. Г.] как руно и окрашен оранжево-медным.

Теперь цвет его все краснее, лесная долина к Драгиньяну в фиолетовом пару.

Кругом, — к Ницце, к Cannes, — все не в меру, грубовато цветисто, — верно, завтра будет непогода.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Нынче, после завтрака, большая бодрость — биф-штекс с кэри, настоящий кофе и лимон?

Получил 2 шведск. посылки. [...]

28. 1. Пятн.

[...] Нынче утром С. Маковский читал свои стихи «Из Апокалипсиса».

Солнечно, совсем тепло.

Немец осматривал дом.

Был у Кл[ягина]. Он читал.

Взяли Любань. Били Берлин.

30. 1.

Гулял в одной куртке. Зацветают фиолет. подушечки.

Чудовищно били Бруншвик и Франкфурт.

31. 1. 44.

Вчера письмо от Зайцева — Г. и М. в Дрездене, Г. «ведет хозяйство» (у Степунов, конечно), «М. готовится к весеннему концерту».

Да, хорошо я выдумал слова мужика в «Вес. вечере»: «Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина». [...]

4. 2.

[...] Прочел две книжки К. Федина — «Братья» и «Похищ[ение] Европы». Оч. много знает, оч. неглуп — и наряду с этим сумбур, выдумки.

8. 2. Вторн.

Взят Никополь и огромн. кол. воен. материала, взято пл. тысячи 2, убито тысяч 15.

Погода все та же. Ночи удивительные. Луна над самой головой. Небо пустое — только Юпитер (к востоку) и Орион (к западу, над нашими террасами).

Для сайта BOOK-OLDS.RU

15. 2.

Немцами взяты у нас 2 комн. наверху.

Нынче 1-й день *полной* нем. оккупации A[lpes] M[aritimes].

[Из записей Веры Николаевны:]

17 февраля 44.

[...] Мы теперь в оккупационной зоне. Эвакуационная линия вглубь от моря кончается Мужен — С. Поль. Нас пока не трогают.

Ян неустанно думает о смерти, с которой не в состоянии примириться. Ему бесконечно тяжело, мучительно жить. [...] Тяжело прожить с человеком почти 40 лет, и на самое важное и главное смотреть разно, а главное — чувствовать по-разному, воспринимать мир иначе. [...]

Ленино положение, конечно, очень драматично, особенно при наличии серьезной болезни. Тяжело литературное одиночество, оторванность от друзей и близких. Тяжела для него и атмосфера дома.

Я счастливее их, потому что мне *лично* теперь ничего не надо. [...]

19 февраля.

Открытка от Верочки [Зайцевой. — М. Г.] — умерла Елена Конст. Бальмонт от крупозного воспаления легких. Умерла в жуткой нищете. [...] У Верочки [...] ослабело сердце, Каллаш недоедает. [...]

26 февраля.

Сегодня утром пошла в полицию. Там узнала, что вызывают иностранцев для эвакуации. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

4 марта.

[...] известие о смерти Петра Бернгардовича Струве. Не могу успокоиться. [...]

Нас пока не вызывают в полицию.

10 марта.

[...] Ян все хлопочет, чтобы нас оставили здесь.

11 марта.

[...] Вчера пришло известие от префекта. Он разрешил только Яну оставаться до нового распоряжения. [...] Завтра мы посылаем ему прошение. [...]

14 марта.

[...] Целый день упаковывала вещи. Завтра отправляем вторую партию. Отсылаем и в Яшкин переулок[1] и к Конюсам[2].

[Ив. А. Бунин:]

18. 3. 44. Суббота.

[...] Разметал площадку перед домом, жег сухую листву, было совсем тепло. Вечером опять прохладно.

2. 4. 44. Воскр.

В 12 ч. ночи часы переведены еще на час вперед.

5. 4. 44.

Туман, к вечеру легкий дождь. Закричали как следует лягушки — с опозданием против обыкновенного чуть не на два месяца.

С 8 на 9. V. 44.

Час ночи. Встал из-за стола — осталось дописать неск. строк «Чистого Понед[ельника]. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейш. движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина

Для сайта BOOK-OLDS.RU

в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелкание первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!

14. 5. 44.
2½ часа ночи (значит, уже не 14, а 15 мая).
За вечер написал «Пароход Саратов». Открыл окно, тьма, тишина, кое-где мутн. звезды, сырая свежесть.

23. 5. 44.
Вечером написал «Камарг». Оч. холодная ночь, хоть бы зимой.

4. VI. 44. Вечер.
Взят Рим! Вчера вечером вошли в него.

6. VI. 44. Вторник.
В 5 ½ утра началась высадка в Нормандии. Наконец-то!
Полнолуние. [...]

21. 6. Среда.
Взят Выборг.
3 года т. н., в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться, «упал как молния в ночи» на Россию. Ах, не следовало!

22. 6.
В 3 ночи алерт. Стояло что-то красное, большое в стороне Ниццы, сверкали вспышки — узнали нынче, что били Вентимилью.
Уже почти час ночи, а хочется писать.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

26. 6.

Началось рус. наступление. Вчера молодой месяц, увидал с правой стороны. Взят Шербург.

27. 6.

Взяты Витебск и Жлобин. Погода все скверная. Взята *Одесса*. Радуюсь. Как все перевернулось!

28. 6.

У Клягина [меня. — М. Г.] осматривал д-р Brès. Нашел не в плохом состоянии, лучше прошлогоднего; и аорта и сердце хороши, кроводавление 8 и 14. [...]

1. 7. 44. Суб.

Погода хорошая, хотя холодн. бриз, но все слабость. Нынче весь день буйное веселье немцев в «Гелиосе»[3]. Немцы в Грассе! И почему-то во всем этом *Я!* [...]

3. 7.

Погода плоха, все слабость. Читал Стендаля. Бесконечная болтовня. Но человек умный, хорошо знающий жизнь, людей. — Взят *Минск*.

16. 7. Воскр.

[...] татарин Федя, другой татарин и самарский солдат. Вообще русские пленные у нас часто все лето.

Взято Гродно.

20. 7. 44. Четв.

Покушение на Хитлера.

Пухлые облака, все неприятн. погода. Вялость.

Дико! Уже 5 лет живу в какой-то англиийск. вилле! Привык как к своему дому.

Русские идут, идут.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

21. 7.

Облака, прохладно. К вечеру стал чувствовать себя бодрее.

Опять перечитал «Отца Сергия» и «Декабр[истов]». Сколько замечательного в «Сергие»! В «Дек.» кое-что ненужное, напр., обращения к читателю. [...]

22. 7. 44.

Сон про свою смерть. Сумерки, церковь, я выбирал себе могильное место.

Прекр. день, но мистраль. Самочувств. весь день лучше.

Перечитал «Смерть Ив. Ильича». Конец невразумителен. Все лживые, кроме самого Ив. Ильича — он слова, литература; все верно насчет него, но живого образа нет.

23. 7.

Взят Псков. Освобождена уже *вся* Россия! Совершено истинно гигантское дело! [...]

Звездные ночи. Млечный Путь фосфорически-дымный, будто студенистый. В его конце, почти над Эстерелем, мутные крупные звезды. И миллионы, миллионы звезд!

Под Брадами убито 30 т. немцев.

27. 7. 44. Четв.

Взяты Белосток, Станиславов, Львов, Двинск, Шавли и Режица. [...]

1. 8. 44. Вторник.

[...] 3/4 луны. Ходили бросать письмо о. Киприану[4] — послал ему «Балладу».

Возле «Helios» на часах немец и русский пленный, «студент» Колесников. Поговорили. На прощанье немец крепко пожал мне руку.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3. 8.

5 алертов за день. Полнолуние.

Черчиль вчера сказал, что война кончится не позднее октября. Посмотрим.

10. 8. 44. Четверг.

[...] Вчера перечитывал (давно не читал) «Вост. повести» Лермонтова: «Измаил Бей», «Ангел смерти» и т. д. Соверш. детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками. [...]

12. 8. 44. Суб.

Два алерта. Первый в 11 ч. утра. Испытал впервые настоящий страх — ударили близко, в Mallose'e, потом на холмы против Жоржа — и тотчас начались пожары.

Прекр., уже оч. жаркий день.

15. 8. 44. Вторник. Успение.

Спал с перерывами, тревожно — все гудели авионы. С седьмого часа утра началось ужасающее буханье за Эстерелем, длившееся до полдня и после. В первом часу радио: началась высадка союзников возле Фрежюса. Неописуемое волнение!

18. 8. 44. Пятн.

Взяли La Napoul (возле Cannes). Все время можно различить в море 6 больш. судов. То и дело глухой грохот орудий.

25. 8. 44. Пятница.

Все та же погода — жарко, сухо, жаркий ветер с востока, море все время в светлом белесом тумане.

День 23-го был удивительный: радио в 2 часа восторженно орало, что 50 тысяч партизан вместе с населением Парижа *взяли Париж*.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вечером немцы [стали. — М. Г.] взрывать что-то свое (снаряды?) в Грассе, потом на холмах против Жоржа начались взрывы в мелком лесу — треск, пальба, взлеты бенгальск. огней — и продолжались часа полтора. Сумерки были сумрачные, мы долго, долго смотрели на это страшное и великолепн. зрелище с замиранием сердца [2 неразборчиво написанных слова. — М. Г.]. Ясно, что немцы бегут из Грасса!

На рассвете 24-го вошли в Грасс американцы. Необыкновенное утро! Свобода после стольких лет каторги!

Днем ходил в город — ликование неописуемое. Множество американцев.

Взяты Cannes.

Нынче опять ходил в город. Толпа, везде пьют (уже все, что угодно), пляски, музыка — видел в «Эстерели» нечто отчаянное — наши девченки с америк. солдатами (все больше летчики).

В Париже опять были битвы, — наконец, совсем освобожден. Туда прибыл Де Голль.

Румыния сдалась и объявила войну Германии. Антонеску арестован. Болгария просит мира.

«Федя» бежал от немцев за двое суток до прихода американца, все время лежал в кустах, недалеко от пекарни, где он работал (по дороге в St. Jaques).

[Из записей Веры Николаевны:]

24 августа.

[...] Была в городе. Полное оживление. Все нарядные, у всех национальные ленточки, банты, пояса. Все рады. В мэрии арестованные. Перед воротами толпа, то и дело проходят высокие, худые канадцы в соломенных шляпах, некоторые в шлемах. [...] В мэрии, где раньше была полиция, стригут, оболванивают женщин, работавших с немцами. В толпе говорят, что их будут выводить и показывать толпе. [...] Я

Для сайта BOOK-OLDS.RU

прошла в Собор помолиться Маленькой Терезе, поблагодарить за спасение нас от возможных несчастий.

На нижнем базаре разгромлена парикмахерская — все вдребезги. Первый раз видела погром. А у моей шляпницы — оказывается, она была за немцев, — в магазине окна выбиты, ничего не оставлено. Хозяева бежали с немцами, они итальянцы.

27-го августа.

[...] Леня видел, как толпа вела женщин в одних штанах и нагрудниках, били по голове винтовкой [...] будто бы за то, что путались с немцами. Слава Богу, американские власти запретили публичное издевательство. [...]

По радио слышали ликование в Париже, крики, марсельезу. А когда получим вести? И какие? Бился весь Париж. [...]

[Бунин:]

26. 8. 44. Суб.

Все та же погода. Вчера весь вечер и нынче ночью грохот где-то возле Cannes.

3 часа. Все небо над Ниццей в густом желтоватом дыму — д. б. горят Cagnes, St. Laurent.

27. 8. Воскр.

Жарко. Гул авионов над нами.

[В. Н. записывает 29-го августа:]

[...] В Париже образован корпус для расследования о сотрудничестве с немцами. Вот будет разделение на овец и козлищ. [...] Ян сказал: — «Все же, если бы немцы заняли Москву и Петербург, и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия, — я отказался бы. Я не мог бы видеть Москву под владычест-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

вом немцев, видеть, как они там командуют. Я могу многое ненавидеть и в России, и в русском народе, но и многое любить, чтить ее святость. Но чтобы иностранцы там командовали — нет, этого не потерпел бы!» [...]

[Бунин:]

30. 8. Среда.

Был у Кл[ягина]. Там сказали, что взята Ницца. То же сказал Бахрак, вернувшийся из города. «Говорят, Ницца сошла с ума от радости, тонет в шампанском».

31. 8. Четв.

Все дни так жарко, что хожу полуголый. Оч. душно по ночам.

Перечитываю Гоголя — том, где «Рим», «Портрет»... Нестерпимое «плетение словес», бесконечные периоды. «Портрет» нечто соверш. мертвое, головное. Начало «Носа» патологически гадко — нос в горячем хлебе! «Рим» — задыхаешься от литературности и напыщенности...

А может быть я еще побываю в Риме до смерти? Господи, если бы!

3. 9. 44. Воскр.

Союзники уже в Бельгии. Финны сдаются.

Прекрасный день, райские виды. И опять — та осень!

4. 9.

[...] Нынче в 8 утра прекращены воен. действия между финнами и русскими. Взят Брюссель. Вошли в Голландию.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

5. 9. Вечер.

Россия объявила войну Болгарии. День был прохл.

[Из записей В. Н.:]

9 сентября.

[...] Наших солдат[5] — 15 человек — увезли на грузовике в Кастеляну. В 4 ч. они проезжали мимо нас. Забежали. Леня вынес им 3 бутылки вина. Когда я подбежала, они уже были опять на грузовике — оживленные, взволнованные. Я их перекрестила. Уехали они в штаб партизанов-коммунистов. [...]

11 сентября.

[...] В Ницце арестовали и расстреляли еще двух русских. [...] Арестован еще наш продавец картофеля — у него нашли много миллионов.

23 сентября.

[...] Премия Нобеля по медицине будет в этом году присуждена профессору Ал. Флеминг, за открытие пенициллина. Что это такое?

[Бунин:]

7. 10. 44. Суб.

Сентябрь был плохой. Вчера и нынче буря, ливни, холод, да такой, что нынче вечером повесил на окна занавески.

Уже давно, давно все мои былые радости стали для меня мукой воспоминаний!

Пошлый Леон Додэ — еще раз пересмотрел его романы.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Из записей В. Н.:]

30 сент./13 окт.

[...] Кажется, зимовать придется здесь, а это очень тяжело. [...]

[Бунин:]

Полночь с 22 на 23 окт. 44.

Роковой день мой — уже 75-й год пойдет мне завтра. Спаси, Господи.

Завтра в 8 утра уезжает Бахрак, проживший у нас 4 года. 4 года прошло!

Холодная ночь, блеск синего Ориона. И скоро я никогда уже не буду этого видеть. Приговоренный к казни.

[Из записей В. Н.:]

29. X.

[...] открытка от Капитана [Н. Рощина. — М. Г.]: «Горько пришлось только несчастной Е. Н. Жировой. Схватили, остригли, посадили в тюрьму и — самое тяжелое — что ее нельзя сейчас выпустить, — ее 'досье' потеряно».

— Тут уж у меня совсем опустились руки. Когда одна — много плачу. Написала за это время уйму писем. Не знаю, кто откликнется. [...] Виню себя, что не дала ей знать, чтобы она ни в коем случае к немцам не поступала. Правда, ее положение, когда она взяла это место счетовода, было трагическое. В кармане ни гроша, муж пропал, содержательница пансиона ей написала, что если к 15 июня не будет внесено за Олечку 1500 фр., она берет ей билет до Парижа и отправляет к матери. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Бунин:]

1. XII. 44. Пятница.

[...] Спаси, Господи. Боюсь болезни, все хочу начать здоровее жить.

По ночам кричат филины. Точно раненый, которого перевязывают или которому запускают что-нибудь в рану:

— Уу! (тоска и боль).

И заливисто гулко:

— У-у-у!

Русские все стали вдруг красней красного. У одних страх, у других холопство, у третьих — стадность. «Горе рака красит!».

[В. Н. записывает 11 декабря:]

Ляля освобождена. [...] Ляля пишет: «Олечка почти с меня ростом. Что я почувствовала, увидев ее — даже не могу сказать. Мучительно, что нельзя сейчас вместе устроиться жить».

1945

[Из дневника Бунина:]

1. I. 1945. Понед.

Сохрани, Господи. — Новый год.

Уже с месяц болевая точка в конце печени при некоторых движениях. Был долгий кашель, насморк, грипп.

Топлю по вечерам, Вера сидит у меня, переписывает на машинке некоторые мои вещи, чтобы были дубликаты. И еще, еще правлю некотор. слова.

Очень самого трогает «Холодная осень». Да, «великая октябрьская», Белая армия, эмиграция... Как

Для сайта BOOK-OLDS.RU

уже далеко все! И сколько было надежд! Эмиграция, новая жизнь — и, как ни странно, еще *молодость* была! В сущности, удивительно счастливые были дни. И вот уже далекие и никому не нужные. «Патриоты», «Amis de la patrie sovietique»... (Необыкновенно глупо: «Советское отечество»! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется). [...]

[В дневнике В. Н. 16 января записано:]

Ян написал сегодня Олечке:

Милая Олечка, я нездоров,
Так что теперь не пишу я стихов.
Кроме того ослабел я сейчас —
Очень уж голодно стало у нас.
Мух, муравьев я уж больше не ем,
Все эти звери исчезли совсем.
Сыт я бываю теперь лишь во сне,
Если приснится, входит ко мне
Жареный гусь и кричит на весь дом:
«Режь меня, ешь, запивая вином».

[Бунин:]

12. 2. 45. 12½ ночи.

Бедная, трогательная посылочка от Н. И. Кульман — соверш. необыкновенная женщина! Вечером прошелся, бросил ей открытку — благодарность. Холодно, мириады бледных белых точек, звезд; выделяются яркой, крупной белизной звезды Ориона.

Все перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 т. н. я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Renier в широком старомодном фраке, с гальскими усами. Когда мы после обеда стоя курили с ним, он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником —

Для сайта BOOK-OLDS.RU

и: «que voulez-vous? Дантес защищал свою жизнь!» Мог бы и не говорить мне этого.

23. 2. 45

Кажется, началось большое наступление союзников на Кёльн.

Взята Познань.

Какая-то годовщина «Красной армии», празднества и в России и во Франции... Все сошли с ума (русские, тут) именно от побед этой армии, от «ее любви к родине, к жертвенности». Это всетаки еще не причина. Если так рассуждать, то ведь надо сходить с ума и от немцев — у них и победы были сказочные чуть не четыре года, и «любви к родине и жертвенности» и было, и есть не меньше. А гунны? А Мамай?

Чудовищное разрушение Германии авионами продолжается. Зачем немцы хотят, чтобы от нее не осталось камня на камне, непостижимо!

Турция объявила войну ей и Японии.

24. 2. 45. Суббота.

В 10 вечера пришла Вера и сказала, что Зуров слушал Москву: *умер Толстой.* Боже мой, давно-ли все это было — наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!

25. 2. 45.

Вчера в 6 ч. вечера его уже сожгли. Исчез из мира совершенно! Прожил всего 62 года. Мог бы еще 20 прожить.

26. 2. 45.

Урну с его прахом закопали в Новодевичьем.

24. 3. 45. Суббота.

Полночь. Пишу под радио из Москвы — под «советский» гимн. Только что говорили Лондон и Амери-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ка о *нынешнем* дне, как об *историческом* — «о последней битве с Германией», о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помоги, Бог! Даже жутко!

Берлин били прошлую ночь, 32-ую ночь подряд.

Вчера были именины Г. Как-то отпраздновала, Боже мой!

[На этом кончается дневник Ив. А. Бунина. В архиве сохранились отдельные записи дневникового характера, сделанные на отдельных клочках бумаги в разное время. Приведу их своевременно, а сейчас продолжаю делать выписки из дневников — тоже нерегулярных — Веры Николаевны:]

7-ого апреля.

[...] В Париже уже опять началось разделение. Одни против других. Опять одним нужно «уходить в подполье», а другие берут на себя роль полицейских и сыщиков. Буду в Париже общаться только с теми, кто не занимается политикой и не вмешивается в чужую жизнь. А ото всех других подальше. Нервы, здоровье тратить на всякие дрязги — довольно!

[2 записи Бунина:]

14. IV. 45
Вчера: взятие Вены.
Смерть Рузвельта.

16. IV. 45. Понедельник.

Вышел вечером, в 10-м часу — совсем золотой рог молодого месяца над пиниями возле часовни. Ходил на дорогу, немного дальше спуска в город.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна:]

28 апреля.

[...] Вечер в Ницце дал Яну всего 2000 фр. Но зато говорили, что это исторический вечер. Ян говорит, что читал он хорошо. Слушали внимательно. [...]

30 апреля.

[...] Ян сказал: «Последний денек мы здесь». Второй раз в апреле переламывается наша жизнь.

14/15 августа. *Париж.*

Больше 3½ месяцев не открывала эту тетрадь — не могла. Сегодня Успение у католиков. А днем окончена война с Японией. [...]

Почти у всех друзей траур, у некоторых трагический. Радость только у Зайцевых — родился внук Михаил. [...] З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] не видела. Говорят, ее разбил паралич. Володя [Злобин. — М. Г.] ухаживает, как самый любящий сын. [...]

3 сентября.

[...] У нас Олечка. Она не отходит от матери. Вялая, скучная. Ко мне совершенно равнодушна. [...] С Яном тоже. Тут я ошиблась. Думала, что Олечка с ним будет «дружить», и ему это будет приятно, т. ч. он примирится с тем, что потерял кабинет. А теперь он чувствует одно неудобство и никакой радости. [...]

9. IX. Воскресенье.

Вернувшись от Наташи Барановой мы увидели записку на двери «Зинаида Николаевна [Гиппиус. — М. Г.] скончалась. Панихида в 9 часов».

Я не стала ужинать и помчалась. Шла в большом волнении по тихим улочкам. Не видала ее больше 5 лет. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вся квартира прибрана — чистота и порядок. В кабинете, от отсутствия постели Дм. Серг., стало уютнее. [...] В салоне вкось к окну, на низком сомье в свежих белоснежных простынях в черном платье и черной прозрачной косынке лежит худенькая, со спокойным лицом, Зинаида Николаевна. Я поклонилась ей до земли, поцеловала руку.

Володя сказал, что перед кончиной она раскрыла глаза и с благодарностью посмотрела на него и Татьяну Алекс. [Манухину. — М. Г.]. Скончалась она без страданий в 3 ч. 45 м. — «Мне кажется, она прошла чистилище», — сказал Злобин.

Пришел священник, отец Липеровский. Через минуту опять звонок и я увидела белое пальто — дождевик Яна.

Я немного испугалась. Он всегда боялся покойников, никогда не ходил ни на панихиды, ни на отпевания.

Он вошел, очень бледный, приблизился к сомье, на котором она лежала, постоял минуту, вышел в столовую, сел в кресло, закрыл лицо левой рукой и заплакал.

Когда началась панихида, он вошел в салон. Священник служил тихо, псаломщиком была Т. А., а кроме нас и Володи, никого не было. Ян усердно молился, вставал на колени. По окончании подошел к покойнице, поклонился ей земно и приложился к руке. Он был бледен и очень подтянут.

Вторая панихида будет завтра в 6 ч. [...] Ян говорил: 50 лет тому назад я в первый раз выступал в Петербурге и в первый раз видел ее. Она была вся в белом, с рукавами до полу и когда поднимала руки — было похоже на крылья. Это было когда она читала: «Я люблю себя, как Бога!» и зал разделился — свистки и гром апплодисментов. — И вот, красивая, молодая, а сейчас худенькая старушка — жалко мне ее ста-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ло очень, — продолжал Ян: — Хорошо, что лежит на сомье, а не на столе. [...]

А мне вспоминается она в Амбуазе[1], когда раз, развеселившись, она танцевала польку Анна. Последний же раз я видела ее в мае 1940 года, она очень радостно меня встретила и просила приходить, но у них была черная кошка.

Большинство ошибается, думая, что она не добра. Она гораздо была добрее, чем казалось. Иной раз делала злое, так сказать по идее, от ума. Она совсем не была равнодушной. К себе я несколько раз видела ее доброту и сердечность.

6 октября.

Сегодня, наконец, были у Мельгуновых[2]. [...] Атмосфера приятная. Никакой «нетерпимости» мельгуновской мы не испытывали, хотя не на все смотрим одинаково. [...] Рассказывал Сергей Петрович, что во время войны 1914-1917 гг. он целый месяц жил на фронте с Ал. Толстым, Осоргиным, Вырубовым. И Толстой показался ему совсем глупым. «Я даже думал, как такой глупый человек может быть писателем».

25./XI.

[...] Чтение Зайцева было очень приятным, он дал яркий образ Лескова и читал хорошо. Зал был полон. Публика хорошо слушала. Сбор, вероятно, будет больше предыдущего. [...]

Скончался Михаил Осипович [Цетлин. — М. Г.], рак крови. Редкий был человек, деликатный, умный, тонкий и образованный. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1946

3 мая.

Год, как мы приехали в Париж. Кажется, такого бесплодного года я еще никогда не переживала. — Ляля меня возненавидела. С Олечкой тоже никакой радости.

20 мая.

Вчера, после обедни, панихида по Императору. Из молящихся ушла одна дама. Остро пережила за панихидой трагедию Государя и его семьи. [...]

27 мая.

[...] Предлагают Яну полет в Москву, туда и обратно, на две недели, с обратной визой.

18. 6. 3 ч. ночи.

Спать не могу от блох и всяких мыслей. Весь день люди: Дидрихс[1] — приезжал на полковой праздник. Такой же милый и немного блаженный человек из ушедшего мира. [...]

Зайцев зашел, чтобы напомнить Яну о вечере 7 июля — 25 лет Обществу помощи писателям и журналистам. [...] Тэффи. [...] Заходил Леня. [...]

24 июня.

[...] 21 июня специальный выпуск Ц. К. Союза советских Патриотов. [...] Напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14. 6. 46 г. о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советской гражданство, проживающих на территории Франции. [...]

Везде волновались. Во многих семьях произошел раздел. Одни хотели ехать, другие — оставаться. Волнует вопрос о воинской повинности.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

30 июня.

[...] Пришел Леня с заседания. Хорошо рассказал, представил, как говорил Богомолов[2]. Его скороговорку, повторение фраз. Сидели они с Кодрянской[3] во втором ряду. Перед ним Емельянов с женой. Тэффи была с Пантелеймоновым. [...] Приходилось 20 раз вставать. От всего собрания послано приветствие Советам.

Очень тяжело. Безотрадно. Бессмысленно. Здесь тоже согнут, кого можно, в бараний рог!

28 июля.

[...] Зернов сказал, что Яну нужно, хоть на месяц, выехать за Париж. Нужен сосновый лес и известная высота. Это может стоить минимум 40 000 фр. А взять неоткуда. [...]

11 августа.

Вечером приезжал Симонов[4], приглашать на завтра на его вечер. [...] Понравился своей искренностью, почти детскостью. [...] На юге он написал 30 стр. новой повести. Тема: профессор, побывавший заграницей, возвращается на родину, на Урал, не застает жены дома [...] ждет и думает, вспоминает. И видит, как здесь все плохо, хуже, чем там. — Симонов думает, что цензура пропустит. Он уже в Верховном Совете, выбран от Смоленщины.

Симоновское благополучие меня пугает. Самое большое, станет хорошим беллетристом. Он неверующий. [...] Когда он рассказывал, что он имеет, какие возможности в смысле секретарей, стенографисток, то я думала о наших писателях и старших, и младших. У Зайцева нет машинки, у Зурова — минимума для нормальной жизни, у Яна — возможности поехать, полечить бронхит. И все же для творчества это, может быть, нужно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Симонов ничем не интересуется. Весь полон собой. Человек он хороший, поэтому это не возмущает, а лишь огорчает.

Я очень довольна, что провела с ним час. Это самые сильные защитники режима. Они им довольны, как таковым, нужно не изменить его, а улучшить. Ему нет времени думать о тех, кого гонят. Ему слишком хорошо. [...]

15 августа.

Третьего дня был у нас московский ужин: водка, селедка, кильки, икра, семга, масло, белый и черный хлеб — все прислано на авионе по просьбе Симонова. Были у нас и Тэффи с Банин[5], которая внесла большое оживление. Леня не остался. [...]

Она [жена Симонова. — М. Г.] говорила, что здесь все хуже, чем в России. Отрицала, что были аресты перед войной. [...] Рассказывала о Вале Катаеве[6]. Он иногда запивает на 3 дня. То не пьет, не пьет, а затем, кончив повесть, статью, иногда главу, загуливает.

Я думаю, что он несколько иначе все воспринимает, чем они, вот и тянет забыться. Все-таки он почти четверть века дышал нашей культурой. Он женат второй раз. У них двое детей. [...]

23 сентября.

[...] за этот отрезок времени у меня были ученики — подготовка к «башо» по русскому языку.

[На отдельном листке бумаги запись Бунина:]

14/1 октября 46 г. Покров. Рождение Веры.

Все думаю, какой чудовищный день послезавтра в Нюрнберге. Чудовищно преступны, достойны виселицы — и все таки душа не принимает того, что послезавтра будет сделано людьми. И совершенно невоз-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

можно представить себе, как могут все те, которые послезавтра будут удавлены как собаки, ждать этого часа, пить, есть, ходить в нужник, спать эти две их последние ночи на земле...

[Вера Николаевна записывает:]

2 декабря.

[...] Капитан [Н. Рощин. — М. Г.] дал интервью, где сказал, что Ян едет в СССР, как и Волконские и другие представители аристократии. Почему он все врет? Трудно понять! [...]

Я очень рада, что Рощина больше здесь нет. Рада, что он не виделся с Яном перед отъездом, а то наплел бы ни весть что. Теперь ведь девиз ко всем его статьям: «ври Емелька, твоя неделька».

Леня третью ночь сряду дежурит. Он нанялся сторожем в гараж, где служит Володя Варшавский[7]. Для защиты у них 2 дубинки и собака, которая не лает. [...]

Алданов едет в Германию. [...] Его тянет в Америку. Конюсы в Америке. М. С. [Цетлина. — М. Г.] улетела... Она часто бывала у нас, много подарила мне платьев и других вещей. Беспокоилась о Яне. Хотела собрать ему на поездку на юг. — Она очень заряжена. В ней сидит политик.

Новые знакомые — Гуль[8]. Очень приятные люди... Бываю на лекциях П. К. Иванова. [...]

Вышли «Темные аллеи».

30. XII.

[...] Вчера был завтрак в честь Яна по поводу «Темных аллей». Было хорошо, просто, вкусно и даже весело. Под конец танцевали. [...] Стол был накрыт покроем. Под окнами Ян не сел. Рядом по правую его руку — Зайцев, по левую — Тэффи, около нее Маковский, около Бориса — Берберова, рядом с ней Михайлов, дальше Вера [Зайцева. — М. Г.]. Я села напротив

Для сайта BOOK-OLDS.RU

за пустой стол. Бержанский [...] сел около меня, по другую руку — Миша Струве. [...] Вдруг, вижу, идет с дочерью Бенуа[6].

1947

26 мая.

Первая запись за этот год!

На следующий день после завтрака 29 декабря Ян перестал скрывать, что у него повышенная температура. [...] Новый год мы встречали в постели. Повышенная температура, изнуряющий кашель, вызывающий сердцебиение и кровь, а главное — слабость. [...]

9 августа.

Ян прочел о смерти Деникина. Расстроился. Целая эпоха жизни. Вспоминал, как был на приеме с Овсянико-Куликовским. Деникин с черной бородкой, подтянутый, в отличных сапожках и черном мундире[1].

Последние его слова: «К Рождеству услышим московские колокола». Скончался в американском госпитале. [...]

Сейчас живем одни: Леня, Ляля и Олечка в Вандее на океане. Леня в своей палатке, Жировы — в скаутском лагере.

15. VIII. 47.

День рождения Наполеона и Д. С. Мережковского. Сколько раз проводили этот день вместе. Особенно вспоминается год, когда они жили в Каннэ за большим отелем. Горели вокруг леса и было очень душно, даже жутко.

Может быть, Дм. С. и любил так Наполеона, что они родились в один день. [...]

Сейчас вошел Ян со словами: Что значит татарская кровь, как грубо и пошло все у Банин. И какая

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ненависть ко всему русскому. И где она видела таких русских? И какое невежество!

6 сентября.

Вчера был Зернов. Дал Яну лечение. [...] Печень увеличена. Сердце само по себе нормально, но от эмфиземного состояния дыхательных путей утомляется. Прописал пульверизатор.

1948

Juan les Pins.

2 января.

Грустно было встречать этот високосный год. Ян был в большом возбуждении. Его вывело из равновесия, правда, очень неустойчивого, письмо Марьи Самойловны [Цетлиной. — М. Г.]. Письмо бессмысленное, несуразное, трудно понимаемое. Она порывает с нами отношения, т. к. мы ушли из Союза[1] и чтобы «уменьшить силу удара», она «уходит от нас». Далее она пишет о каком-то «крестном пути» Яна — словом, белиберда ужасная. А вчера мы узнали, что М. С. циркулярно рассылает свое чудесное послание по всему Нью-Йорку. [...]

10 января.

[...] Письмо от Тэффи. От нее не скрыли письма М. С., которое ее очень взволновало. «Понимает ли она, что Вы потеряли, отказавшись ехать?[2] Что швырнули в рожу советчикам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа Вашим именем, и статуя. Станция метро, отделанная малахитом и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! Писатель академик, Нобелевская премия — бум на весь мир... И все швырнули в рожу. Не знаю другого,

Для сайта BOOK-OLDS.RU

способного на такой жест, не вижу (разве я сама, да мне что-то не предлагают, т. е. не столько пышности и богатства). [...] Меня страшно возмутила М. С. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами».

15 января.

[...] Ян вчера вышел в первый раз после нашего приезда. Полчаса посидел на скамейке. О чем он думал?

16 января.

Вчера вечером полчаса посидела с Ивановым[3]. [...] Он говорит: «Я больше всего живу Россией, — больше, чем стихами. [...] Я монархист. Считаю начало ее гибели с Первой Думы...»

27 января.

Тэффи опять хуже. Трагедия, что нет ухода. [...]

31 января.

Письмо от Карповича[4]. «Не могу сказать, как я огорчен этой историей. Я не судья Марье Самойловне. Письмо свое она, очевидно, написала сгоряча, под непосредственным впечатлением непроверенного (и как оказалось — неточного) известия». Пишет осторожно. [...]

1 февраля 48.

Ночь провели плохо. У Яна кровь. Кашель. Раздражен ужасно. Всякий пустяк его волнует. [...]

10 февраля.

[...] Вчера письмо от Цетлиной. Длинно и неубедительно оправдывается и извиняется о способе посылки письма[5]. И очень кратко говорит: «по существу же насчет Вашего поступка я продолжаю думать, как и раньше...»

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера Иванов прочел мне письмо Зайцева, в котором он отказывает ему в членстве Союза до тех пор, пока он не оправдается от возводимых на него обвинений в дни оккупации. [...]

Ночь Ян провел плохо. Кашлял. Письмо М. С. его задело и сообщение, что «результат ее письма это письма Зайцева и Веры Алексеевны».

13. 11.

Сегодня мы оба сидели у Ивановых. [...] мирно беседовали о Пушкине и о Лермонтове. Восхищались «Путешествием в Арзерум» и «Таманью». Иванов выше ставит Пушкина, как прозаика.

24. III.

[...] Была Екатерина Таубер. Подарила мне «Под сенью оливы». Ян хвалит ее стихи.

27. III.

Сегодня газета принесла 3 смерти: А. И. Андреева 11 марта, Мочульский 21 марта, Бердяев 23 марта.

4 апреля.

Приехала 2 апреля М. И. Балтрушайтис[6]. Она издает стихи мужа. [...] Спокойна, тихо говорит, с чувством собственного достоинства. В прошлом — богатство, почет, приемы в посольстве, драгоценности. [...] Полное отсутствие у нее интересов эмиграционных. Живет своим.

Вспоминаю Балтрушайтиса в пивной Белло. Еще молодой, красный, над кружкой пива. Одиноко сидит, мрачный. Мы с Яном, съев сосиски, выпив пива, подсаживались к нему, и они начинали бесконечные разговоры на литературные темы. Ян всегда любил его, выделял из всей этой модернистической компании.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[В конце апреля Бунины вернулись в Париж:]

10 августа.

Наконец нашла эту тетрадь. [...] Ян только что выкарабкался из серьезной болезни. Еще слаб, много лежит в постели. [...] У него после припадка астмы образовался фокус в легких. Т° поднималась до 38°. Были тревожные дни. [...] Все старались помочь, как могли.

15 августа.

[...] 2000 долларов нам не позволяют отказаться от вечера. Решили устроить его 23 октября в день рождения Яна. Он решил «рассказать кое-что о своей жизни». [...]

1 октября 48.

Получила от Софочки Волконской[7] одно письмо Ив. Ал. к Рахманинову, а другое его ко мне. Письма этого я не получила, а потому я перепишу его. «...хочу поблагодарить Вас от всей души за те полстраницы, которые посвящены моей дочери[8]. Вы хорошая, сердечная, если догадались написать о ней. [...] у нас жизнь не красная, а лично я и жена моя, мы только и заняты слухами и сообщениями о войне, а мысленно о Танюше. Вот почему так трогательны и были Ваши строки о ней».

1949

Juan les pins. «Русский дом».

7. 1. 49. (25. XII. 48.)

Вот мы опять в фурнемской ссылке. [...] В этом году кормят лучше. О прошлогодней кормежке все вспоминают с ужасом. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20. 1.

Чувствовала себя отвратительно. Ян страдает глазами — экзема век. [...]

Вчера он сказал: «Мне кажется, что у Блока есть что-то и от Вертинского».

Читаем «Войну и мир», и Ян неустанно восхищается Толстым.

26 января.

[...] Много говорили [с М. А. Алдановым. — М. Г.] о «Войне и мире». М. А. считает самым лучшим 3-ий том. Нача́ло считает слабее. Ян не согласился. Считает начало великолепным по свободе и разнообразию людей. Это был не спор, а разговор людей, любящих одно и то же.

«Ну, кто бы не удержался, и не выставил Анатоля мерзавцем, не изругал бы его, а у Толстого чувствуется какая-то симпатия», сказал Ян. [...]

11. 2. 49

[...] Вчера были Алдановы. Очень оба милы. Сидели, разговаривали. Без Толстого не обошлось. Но Ян все был не тот, как обычно.

12. 2.

[...] Ночь прошла тяжело. Ян задыхался. 2 раза была кровь. Пульс больше 100. Слаб так, что сам не может поправить себе подушки.

15. 2.

[...] Ночь прошла на редкость тяжело, до 4-х мы не спали, затем Ян каждый час просыпался и только с 9—12 спал. Микстуру не принимает — «изжога».

17. 2.

Ночь прошла ужасно. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

18. 2.
Ночь прошла дурно. [...]

22. 2.
Температура в 11 ч. утра 36,6°. Сидел в кресле. [...]

24. 2.
[...] Ян сейчас вспомнил, как папаша Познер приезжал к нему с предложением вступить в «Союз Советских Патриотов». Ян послал его туда же, куда и Гефтера.

Познер на старости лет стал писать по новой орфографии.

18 марта.
Вчера Ян начал писать «Ночлег». [...]

20 марта.
Вчера Ян задыхался.

23. III.
Ян кончил «Ночлег».

29. III.
[...] Ян сидел сегодня около часа в саду. Разговаривал с художницей, все расспрашивал об Испании.

30. III. День Алексея Божьего человека.
Когда-то, 29 лет тому назад, Алексей Толстой читал начало своего романа «Хождение по мукам» в салоне М. С. Цетлиной. Мы 2 дня как приехали в Париж. [...] Квартира Цетлиных поразила меня — в ней было 3 ванны![1]

В первый день мы уже завтракали с Цетлиными, Толстыми, Тэффи, Гончаровой и Ларионовым у Прюнье. Все еще были молоды. Из этой компании умерли Толстой и Цетлин. Это начало эмиграции.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Как сначала было трудно взять и носить чужое платье. А потом, понемногу, смирилась. [...]

— Вот рассказ замечательный, сказал неожиданно Ян — это «Лирник Родион»[2].

— Да, там настоящая поэзия.

— Это та поэзия, которая исчезла из мира, и все наши поэты ни в зуб толком. [...]

6 апреля.

[...] Ян получил письмо от Г., он сообщает об Ильюше Муромцеве[3] [...] называет его «знаменитым ученым». Он профессор в Блумфильдском университете по высшей математике, читает для post graduates. Он изобретатель cavety magnethron — прибора для производства ультра-коротких волн. [...] Пишет, что Илюша восхищается Яном. Передает сердечный поклон В. Н. «от ее родственника и Вашего свойственника».

Я очень рада. Я давно мечтала спросить Г., не знает ли он что-либо об Илье Муромцеве. [...]

12 апреля.

Ян опять болен. [...] Вчера были Зайцевы. [...] они так счастливы, что едут в Испанию, что даже приятно. [...]

28 апреля.

Ян поправился, легкие здоровы, но сердце слабо. [...] Ян сейчас пишет «Третий Толстой».

В Ницце Кодрянские. Они, действительно, очень внимательные и хорошие люди. [...]

4 мая.

Ян по ночам задыхается, кашляет и очень мучается.

Получила от Ильи Эммануиловича [Муромце-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ва. — М. Г.] письмо, очень милое, родственное. Оно меня сильно взволновало. [...]

Ян отказался принимать участие в Пушкинском комитете. Вчера написал об этом Адамовичу. В нем будет участвовать Лифарь. [...]

13 мая.

Завтра [...] отъезд.

13 июня (Париж).

[...] Наши «четверги» приобретают популярность. Пока перебывало человек 21. [...] Всех «четвергов» было 4. [...]

Ян диктует почти ежедневно. Все пишет «Третий Толстой», но пока о нем меньше всего.

2 сентября.

За это время оказалось, что я больна — декальсификация позвонка. Лечусь с 18 июля.

3 сентября.

У Яна летом была сильнейшая кровь. Нужна маленькая операция. [...] Чувствует слабость. Задыхается. На людях оживляется. Бывает блестящ. На воздух не выходит. Часто почти весь день в постели. [...] Леня помогает, покупает. [...]

[Бунин в ночь с 2 на 3 октября записывает:]

Все одни и те же думы, воспоминания. И все то же отчаяние: как невозвратимо, непоправимо! Много было тяжелого, было и оскорбительное — как допустил себя до этого! И сколько прекрасного, счастливого — и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал — тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди — калека и смерть почти на пороге.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Вера Николаевна:]

12 ноября 49.

[...] Был у нас Керенский. Сидел полчаса. Пил белое вино, ел финики, виноград. Он стал седой, тихий, менее нервен. Разговор носил частный характер. Ян рассказывал о своем посещении Богомолова. Он смеялся. [...]

Теперь у нас «четверги» два раза в месяц. [...]

Вечер Лени был удачный. 18-го вечер Адамовича. Я продала ему билетов пока на 6.250.

1950

1 января.

Этот год не «встречали». Была у всенощной и на молебне.

3 января.

[...] Ян сказал Лене: «Вы единственный писатель после меня».

5 января.

Наш «четверг». Было человек 27. Ян очень задыхался. С гостями был мало.

6 января.

[...] Леня задал Яну вопрос: Почему в ранних ваших стихах и потом в «Храме Солнца» у вас душа религиозная, а затем вы как-то от этого закрылись? — Ян ничего не ответил.

А ведь душа его, действительно, религиозна. В нем 2 души — матери и отца. Последняя заглушает первую.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9 января.

Ян не спал всю ночь. [...] и днем не заснул. Леня покормил его. [...]

10 января.

Была у Павловского, вручила 2 приглашения на вечер памяти З. Н. Гиппиус. Получила 1000. Чувствую, что больше билетов продавать не могу. Надеюсь, что это последний раз.

11 января.

Ян очень страдает, то у него озноб, то зуд во всем теле. Десять лекарств в день и каждое от всех болезней.

13 января.

[...] Продала [на вечер памяти З. Н. Гиппиус. — М. Г.] на 5600 фр., на синема «Быстрой Помощи» — 5200. На Олечку собрала 20000, на Лялю — 18000, на Тэффи 20000, на Леню 43000, на «Быструю Помощь» 13800. Это за год.

31 января.

[...] недостаток кровяных шариков у Яна. Мне кажется, ему лучше. Крови пока нет.

7 февраля.

[...] Ян почти весь день в постели. Задыхается. [...]

1 апреля.

Были у доктора Лабри. Сердце нормально. Склероз артерий легких. Искривлен позвоночник. Лабри очень приятный. Ничего не взял. Яну запрещено все соленое, вплоть до ветчины. Ян ехал, как на казнь.

28 апреля.

Завтра едем. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

29 апреля.

[...] Провожали: Леня, Аля, Адамович, Ляля, Олечка и Володя Варшавский.

30 апреля.

Спали в вагоне хорошо. Но утром Ян чувствовал себя дурно. Казалось ему: «Не доеду». В Антибах были в 11 ч. 5 м. На минуту был задержан поезд из-за наших чемоданов. Их было 7, да 3 я взяла сама.

Здесь тишина, народу «на донышке». Кормят хорошо.

1 мая Juan les Pins, Русский дом.

Ян бушевал из-за соли. Насыпал себе соли в суп почти целую ложку. Я сказала, что тогда ему не нужно варить без соли. Пришел в ярость. Не стал есть. [...]

2 мая.

Был Марк Александрович [Алданов. — М. Г.]. У него высокое давление. Он на еще более строгом режиме. [...]

Ян провел день тяжело, хотя и вставал. Ел ветчину, кашу, рыбу с картошкой.

4 мая.

Была Е. П. Ставраки. [...] Дает мне 1000 фр. на кого я хочу. [...]

7 мая.

Проснулся окончательно в 9 ч. Захотел кофе, ветчины. Я встала и закрутилась до ½12. [...] Вечером задыхается. Все время требует моего присутствия.

8 мая.

Обед для бедняков. Было 25 человек.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

9 мая.

Ездила в Ниццу на свидание с Л. Т. Доброй. [...] Получила на Ставрова 500 и на «Быструю Помощь» (лотерея) — 500. Слава Богу, Яну лучше. [...]

11 мая.

Ночь почти без сна. Зуд. Печень. Утром доктор. Запрещение мяса, кроме ветчины. Зуд продолжается, это от печени. Новые лекарства.

22 мая.

[...] воспаление в левом легком. Т° 38,8. Это после пенициллина.

26 мая.

[...] Был Марк Алекс. Они уезжают в Лондон во вторник. Сидели приятно. Опять говорили о литературе, о Толстом, опять восхищались «Войной и миром». М. А. говорил, что у писателей редко бывает глазная память, исключение — Куприн. [...]

28 мая.

[...] Ян чувствует себя отчаянно — тошнит, никакого аппетита.

31 мая.

[...] «Не думал, что придется так тяжело умирать».

4 июня.

[...] Ян сидел за столом. После воспаления легкого он в первый раз сел в кресло. [...]

8 июня.

С утра волнение — ждут морителей блох и клопов. [...] Ян категорически заявил, что никуда не пой-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

дет и не пустит к себе. Согласились в его комнате сделать легкую дезинфекцию — только протерли пол.

10 июня.

Ночь была ужасная.

Пришло «Новоселье»[1]. Ян прочел Тэффи. «Ничего не понимаю, так она не писала». [...] Просмотрел Бахрака о поэтах — «Присманова оригинальный поэт...»

11 июня.

Ночью прочел «Русскую повесть» Зурова. — «Рассказ хороший, некоторые страницы превосходны... Варшавский талантлив, но уж очень до одури подробен».

15 июня.

[...] Ян спал до пяти. Немного поел. — «У меня жар». Лоб горячий. Т° 38°.

16 июня.

Очень слаб. Съел ветчины. Второй раз пенициллин.

20 июня.

Ян чувствует себя убийственно.

29 июня.

День нашего отъезда. [...]

30 июня.

Встретили К [неразб. — М. Г.], Леня с креслом на колесах и Жиров. [...] Стол ломился. Мы хорошо закусили. Ян сидел за столом и рассказывал. В 5 ч. был Зернов. Посоветовал исследовать мочу на белок и бактерии. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1 июля.

[...] анализ мочи прекрасный. А в легких хрипы. Предложил американский пенициллин за 1800 фр. Ян согласился.

13 июля.

[...] Подсчитали, сколько стоят доктора, анализы, аптеки и уколы за две недели — 8.700. Беспокоюсь, как проживем август.

8 августа.
[...] промывание пузыря. [...]

13 августа.
Лежит с зондом, целая канализация.

19 августа.
Получила 15000 от М. А. Алданова. [...]

22 августа.

В 4 ч Симков. Промывал пузырь. Неожиданно пришел Аитов, затем Беляев. Все трое находят, что операция необходима, как и переливание крови. [...] медлить не следует, может быть катарр пузыря:

23 августа.

[...] Об операции и слышать не хочет.

27 августа.

[...] Был доктор Дюфур. Немедленно в госпиталь. [...] у меня почти не было денег. Кодрянские дали взаймы 30000 фр.

28 августа.
Приезд в клинику. [...] Здесь хорошо. Тишина.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

31 августа.

Сильнейшие боли, почти до крика. [...] готовят к операции. Морфий. [...]

1 сентября.

[...] Дюфур пришел в 6. Сказал, что операцию сделает 4-ого сентября.

4 сентября.

Повезли без четверти девять. Ян был молодцом. Ночь провел лучше предыдущей. На операцию поехал сидя. Проявил присутствие духа. Говорит, что боли были нестерпимые.

5 сентября.

[...] Был Дюфур. Остался доволен.

9 сентября.

[...] Прислали 6 экз. «Воспоминаний» Яна. Ян читает. [...] чувствует себя ужасно. [...] все спит. [...] мечется.

10 сентября.

[...] 3 раза пенициллин.

12 сентября.

Звонила Павловскому, дает 25000 фр., звонила Бененсон — дают 10000. Теперь у нас долг в 100 тысяч. [...]

14 сентября.

[...] Звонок от Рогнедова, завтра привезет 80000 франков. Какое счастье!

15 сентября.

Был Рогнедов. Вместо 80000 дал 40000. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

16 сентября.

[...] Спросила Дюфура, сколько мы ему должны. — Операция была очень трудная, но вы дайте, сколько хотите. Я всегда так говорю с русскими.

17 сентября.

[...] Первый раз Ян поел, как следует. [...]

20 сентября.

Назначено наше возвращение домой. [...]

1951

7 янв./25 дек.

В пятидесятом году я писала мало, особенно последние месяцы. Вообще вести дневник при моей жизни трудно. Буду делать короткие записи.

Приехал М. А. [Алданов. — М. Г.]. Вчера был вместе с Полонскими, провели с нами сочельник.

Было невесело. Думаю, что Ян поразил их своей инвалидностью. Уже 15 дней у него плеврит. [...]

У Лени вчера был Андреев[1], вид очень русский. Много рассказывал, но я мало могла его слушать. Сейчас он в Лондоне [Кембридже. — М. Г.] профессором. 2 г. 3 м. сидел в Праге в советской тюрьме. Какая-то сказка. Говорит, что среди русских, даже НКВДистов, много человечности.

[Без даты.]

Скончалась Н. А. Рахманинова.

Ян сегодня не отпускал меня: вспоминал болезнь матери в Огневке. Отца. Евгения. Машу. Всю их жизнь. [...] Рассказывал, как ездил с мужиком за доктором за 25 верст, и как Яков все соскакивал с телеги и шел рядом.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

25/12 января.

[...] Пришло разрешение на телефон. [...] Утешительное письмо от Мазуровой. Обещает помогать.

1 февраля.

Ян с воскресенья в ужасном состоянии. [...]

На «Зимний Дворец»[2] у нас 110000 фр. Нужно еще в полтора раза больше. Помоги Бог.

16 февраля.

[...] Ян проснулся в час. Настроение лучше. Поел. Читает газеты. [...]

22 апреля.

[...] Завтра 44 года, как мы пустились в путь с Яном. [...]

11 июля.

Ян очень слабеет. [...] Чтобы встать с постели тратит на сборы часа 2-3. Кроток. Смирился с болезнью, внешне во всяком случае.

16 августа.

[...] Паша [Мельгунова. — М. Г.] опять наклеветала на Яна: «вел переговоры с Советами об издании полного собрания сочинений». Как раз наоборот — все сделал, чтобы его произведения не были изданы в России у большевиков. [...]

О возвращении нашем в Россию не могло быть никаких переговоров, т. к. мы ни в коем случае туда и не думали ехать. Были предложения, уговоры, на которые даже серьезно не отвечали, так они были нелепы при отношении к большевикам, какое было и есть у Яна. Если с кем и виделся и разговаривал, то по двум причинам — как бы добиться аннулирования издания и, конечно, из интереса чисто писательского — что это за люди. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Вчера Ян задыхался часа 3 сряду. Я от него не отходила.

30 августа.

[...] Ян задыхается, а я смотрю и ничем помочь не могу. [...]

Не могу успокоиться относительно клеветы Паши Мельгуновой. Даже Симонов не уговаривал, понимая, что Ян в иных настроениях. [...] Расстраивает и медленность работы Лени. Не знаю, когда кончит «Зимний Дворец». Не знаю, сколько будет стоить печатание. [...]

9 сентября.

Пришло письмо от В. Александровой. Чеховский дом решил все книги выпускать по новой орфографии. [...] Ян решился отказаться. Часто бывает в каком-то бессилии.

Скончался внезапно Г. П. Федотов[3]. [...] Он был талантлив и с ним связана целая эпоха жизни.

12 октября.

Ян очень ослабел. [...] Он растерян внутренне.

13 октября.

[...] Слава Богу, Яну лучше, хотя он еще какой-то безучастный, все молчит. Тих, подавлен.

[В черной коленкоровой тетрадке на первой странице дрожащей рукой, почерком Ив. А. Бунина, написано:

Дай тебе, Господи, еще много лет и здоровья, драгоценная моя!

1/14 Октября 1951 г. Париж.

Ив. Бунин.]

1/14 октября. Покров.

Не была в церкви. Возилась с Яном. Он по прежне-

Для сайта BOOK-OLDS.RU

му безучастен. Не читает, говорит, что нет сил надеть очки. Аппетита никакого. Говорит, что не поправится. [...] Пришла Н. Ян поразил ее: «Таким я еще никогда его не видала».

20 октября 51.

Вчера до 5 ч. я была счастлива: уже накануне вечером он стал прежним и перед сном вспоминал прошлое — Пушешникова и т. д. Утром принял лекарство, съел котлетку. Обещал сесть в кресло. Около 5 ч. позвал меня: «попробуй лоб, у меня, кажется, жар». [...] Тридцать восемь!

Этого боялся Муккси. От лежания воспаление легких.

1 декабря.

Вчера хоронили Я. Б. Полонского. Сгорел в одну неделю от болезни сердца.

2 декабря.

Ян сказал: Привяжется мотив и все звучит. Сейчас — «Вы жертвою пали»... — Никогда не мог понять слов «любви беззаветной к народу». Кто это так любил народ? Все выдуманные чувства, которыми жило несколько поколений. И что такое народ?

1952

1 января. 12 ч. 3 мин.

[...] Встретили без вина. Ян перекрестился.

1 февраля.

Был болен Ян. Опять хрипы в легких, опять пенициллин. Очень ослабел, задыхается. Сегодня утром плакал, что не успел сделать, что надо. Потом просил

Для сайта BOOK-OLDS.RU

беречься: «Если ты умрешь, я покончу с собой. Не представляю жизни без тебя». Плакала и я.

6 марта.

[...] день — нянькино одеяло из разноцветных, но однородных ситцевых лоскутков.

Сегодня заболел, опять воспалением легких. Зернов сказал, что серьезно. [...] Я все делаю, чтобы не приходить в отчаяние. Он догадывается, что положение серьезно: «Сегодня Зернов был очень решителен».

А мы только что собирались перепечатывать для Сазоновой[1] его биографию и сообщить ей то, о чем она просит в письме.

8 марта.

Яну лучше.

С 22 апреля болен Ян. Было и обычное воспаление в легком и колобациллы. [...] затем и цилиндры и белок. С 22 апреля болезнь уже стоила 17.600 фр. Был Кодрянский [...] Привез 150000 фр.

3 августа.

Живу, как в кошмаре. Олечка тяжело больна[2]. [...] Собрала пока 70000 фр. — 10000 ушло на предварительные расходы. [...]

12 октября.

[...] Неделя, как узнали о серьезном положении Тэффи. [...]

В. Р. сообщила мне о кончине Надюши. [...] пошла к Яну. «Умерла?» — Да. — И он стал меня утешать, видя мое лицо. Я твердо сказала, что поеду на первую панихиду.

Надюша лежала на своем широком ложе в белых простынях, верхняя до пояса. Одета в черное. У рук образ Серафима Саровского. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Последний раз она была у нас. Ей хотелось повидаться с Яном. Пришла. Не могла вымолвить ни слова. Припадок. Что-то проглотила и стала над собой потешаться: «Хороша гостья». Ян тоже готовился к встрече, что-то принимал, чтобы не было удушья.

Я приготовила чай и то, что она любит. Она почти не ела. Боялась. Говорили они оба оживленно. Смеялись. Острили. Вспоминали. [...]

7 марта. [ноября? — М. Г.]

Вчера Нобелевскую премию по литературе получил Франсуа Мориак. [...] Это настоящий художник-писатель, тонкий психолог. Ян послал телеграмму. Хочет написать и письмо.

Олечке как будто лучше. [...]

5 декабря.

[...] Вчера работали с Таней[3] [Т. И. Алексинская. — М. Г.] весь день. Она устала. Сегодня тоже придет. Архив растет. Кончаем «Нобелевские дни». [...]

1953

1 января.

[...] Встретили с Яном, он выпил глоток вина, я — стакан. [...]

9 января.

Заболел Ян. [...] Был Зернов. Думает — желудок, хотя есть и хрипы. [...]

11 января.

[...] Пришла Таня, работали весь день. Она разбирала, я наклеивала. Привезла Яну чудное вино. [...]

Был Аминад [Дон Аминадо. — М. Г.). Как всегда, приятен, умен и полон любви к Яну.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

23 января.

Ян вчера не отпускал меня до 3 ч ночи. Боялся остаться один. [...]

[В ночь с 27 на 28 января 1953 Бунин, уже изменившимся почерком записал на листке, вырванном из тетради:]

— Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего *все об одном и том же в прошлом:* об утерянном, пропущенном, счастливом, неоцененном, о непоправимых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недальновидности и о неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!

23 Февраля 53.

Вчера Алданов рассказал, что сам Алешка Толстой говорил ему, что он, Т., до 16 лет носил фамилию Бострэм, а потом поехал к своему мнимому отцу графу Ник. Толстому и упросил узаконить его — графом Толстым[1].

[Вера Николаевна:]

28 февраля.

Приехали Олечка и Ляля. Обе очень пополнели. Пока у нас. [...]

23 апреля.

46 лет мы с Яном. Выпили с ним вдвоем. [...]

24 апреля.

Взяла взаймы у Кодрянских сто тысяч франков.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

[Последняя, найденная мною запись Бунина написана каким-то заострившимся почерком:]

2 мая 53 г.

Это все таки поразительно до столбняка! Через некоторое *очень* малое время меня не будет — и дела и судьбы *всего, всего* будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!... И я только тупо, умом *стараюсь* изумиться, устрашиться!

[Из записей Веры Николаевны:]

14 мая.

В полном отчаянии. [...] Ян тревожит меня: «Я умираю». Все спит. Стал многое не замечать.

22 июня.

Вечером Ян сказал: «Гоца» я задумал писать в Индийском Океане по пути на Цейлон. Но написал только начало. Как странно!

4 июля.

Ян чудесно прочитал Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», восхищаясь многими строками.

— «Пожалуй, его смерть трагичнее Пушкинской. [...] Какая проза! И после таких поэтов — Есенин, Маяковский и т. д.»

19 июля.

Была у Баранова. Заняла 50000. Перед тем был Петя[2], нашел, что положение серьезное[3]. Леня согласен лечиться. [...]

20 июля.

Отвезли Леню в клинику. [...]

Для сайта BOOK-OLDS.RU

2 августа.
[...] Приходится манкировать Чеховым[4].

4 августа.
Весь день писала. [...] Переписаны 3 рассказа. В книге будут рассказы 2 родов: жестокие и благостные. Всех около 30. Называться будет «Петлистые уши и Аглая».

5 августа.
Весь вечер работали над книгой Яна. [...]

12 августа.
Ян изнемог. Лежит похудевший. [...] Очень слаб.

27 сентября
Ян очень ослабел, все спит.

30 сентября.
Именины. Было 25 гостей, прислали поздравления тоже 25, по телефону поздравили 3.

11 октября.
Поздно вечером Зернов. Пенициллин. [...] Ночь провела у Яна, у него пролежни, страдает очень.

14 октября.
[...] Ян чувствует себя ужасно: «Я умираю, никакого аппетита — даже курица не мила». До 4 утра провела с ним.

8 ноября.
В 2 ч. ночи скончался Ян.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть четвертая

1934

1. Покупка не состоялась, и Бунины никакой собственности не приобрели.
2. Бунина известили, что ему присуждена Нобелевская премия по литературе.
3. В Геттингене жили Степуны.

1935

1. Л. Ф. Зуров ездил в этнографическую экспедицию.

1936

1. Бунин тяжело переживал разрыв с Г. Кузнецовой, связавшей свою жизнь с Маргой Степун.
2. Леон Блюм, социалист, стал министром-президентом.
3. Бунина приглашали выступить с докладом в Польше.
4. Книга была издана в Париже в 1937 году.
5. О Е. М. Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома», т. II, «Чужбина».
6. Намек на «Беседы с памятью», воспоминания, которые писала Вера Николаевна.
7. Об этом свидетельствуют письма Бунина Вере Николаевне, хранящиеся в архиве.
8. Даты этих поездок установила мисс П. Стир, которая любезно привела в порядок бунинские отельные счета, за что приношу ей искреннюю благодарность.

1937

1. Л. С. Врангель, писательница.

1938

1. У Буниных жила Е. Жирова с дочерью Олечкой, к которой Бунины очень привязались.
2. Куприн, вернувшийся в 1937 г. в Россию, скончался от рака.
3. Речь идет о съезде русских писателей в Белграде в 1928 г. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1939

1. Зуров привез из экспедиции в Эстонию коллекцию полотенец и др. материалов, которые теперь хранятся в Музее Человека в Париже.
2. Художница Т. Д. Муравьева-Логинова.
3. М. Степун и Г. Кузнецова после объявления войны спешно уехали в Париж.
4. Не совсем точно: Гитлер «призвал» людей немецкого происхождения в Германию и они получили разрешение выехать.
5. В 1939 г. были только основаны советские базы, оккупация произошла в 1940 г.
6. Речь идет о советско-финской войне.

1940

1. Брат первой жены Бунина.
2. «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина.
3. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», 1921 г.
4. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», 1921 г.
5. Речь идет о сборнике «Темные аллеи».
6. См. запись Бунина от 22.7.40.
7. У М. Степун был немецкий паспорт и ей грозило интернирование.
8. Елена Александровна Розен-Мейер, урожд. Пушкина, внучка Александра Сергеевича.
9. Это ошибочное замечание, см. записи от 1, 8, 9 июня.
10. Двое Буниных, Г. Кузнецова, М. Степун и Е. Жирова с Олечкой.
11. Ранний рассказ А. И. Эртеля, вошедший в его «Записки степняка».
12. Повесть И. С. Тургенева.
13. М. Л. Кантор, издатель и критик.
14. Вероятно, маршал Петэн.
15. Французские писатели XIX века.
16. О романе Бунина с Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», запись В. Н. от 6 июня 1931 г.
17. В этом письме Г. Д. Гребенщиков пишет о рабской зависимости от сугубого материализма, «в результате которой у нас все есть, кроме здоровья, свободы, денег и читателя».
18. Балтийские страны были оккупированы советскими войсками в середине июня 1940 г.
19. Поэтесса М. Карамзина. Письма к ней Бунина опубликованы А. Бабореко в «Литературном Наследстве», Иван Бунин, Москва, 1973, кн. первая, сс. 663-687.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

20. Литератор А. Бахрах (Бунин обычно писал: Бахрак).
21. См. прим. 20, 1925 г.

1941

1. Вера Ник. записывает 22 января: «Мы еще не голодаем, но не далек тот день, когда голод будем чувствовать большую часть дня. Пока еще остается хлеб».
2. Эту открытку Т. Д. Муравьева опубликовала в «Литературном Наследстве», Иван Бунин, кн. 2, с. 315.
3. Эти слова подчеркнуты. На полях простым карандашом поставлен крестик и восклицательный знак, а с другой стороны, в конце цитаты, рукой Бунина написано: «Идиот и сумасшедший».
4. Произведения И. Бунина.
5. Д. С. Мережковского.
6. Переписка на иностранных языках была в то время запрещена. Писали открытки, на которых, как на формулярах, были напечатаны вопросы со свободными для ответа местами.
7. Вопрос о душевной болезни, видимо, интересовал Бунина, см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома».
8. Речь идет о «Темных аллеях».
9. Слух этот был неверный.
10. Я. Б. Полонский, общественный деятель.
11. Писатель П. Д. Боборыкин (1836 - 1921).
12. Сам Иван Алексеевич, Л. Ф. Зуров и А. Бахрах.
13. Письмо А. Жида сохранилось в архиве.

«4 juillet 41

Cher Monsieur

Je me suis beaucoup inquiété ces derniers jours, en pensant à vous, au sujet des derniers règlements et des mesures prises à l'égard des Russes. L'on m'affirme que vous n'avez pas été tracassé... mais je voudrais être pleinemeut rassuré; ou du moins je souhaite, en cas de gêne et d'ennuis, en être aussitot avisé par un mot. Mon admiration pour l'auteur du *Village,* mon estime et ma sympathie, sont trop vives pour me laisser supporter d'un coeur leger quoi que ce soit qui puisse vous arriver de fâcheux.

Veuillez me croire bien attentivement

Votre André Gide.

1942

1. В. М. Куталадзе скончался в середине декабря.
2. Вера Ник. записывает: «Ян и Леня огорчены, что я не дома. Но я больше не могу выносить барышень, их фальши. Они, конечно, рады, что я уехала. Аля равнодушен. Ему все равно, с кем поесть или попить».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3. Пианист.
4. Вещи М. Алданова.
5. Адмирал Дарлан, сотрудничавший с Петэном в правительстве Виши.
6. Роман А. Эртеля.

1943

1. В. Варшавский попал в плен к немцам и выжил, а его считали погибшим.
2. О встречах с С. В. Рахманиновым см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
3. «Бесчувственность», видимо, не была постоянной. См.: «Памяти П. Нилуса», некролог, написанный Буниным в связи с третьей годовщиной смерти его «многолетнего друга». («Русские Новости», 24 мая, 1946 г.). О Нилусе см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома».
4. О А. Клягине см.: И. Бунин, Собр. соч., т. 9, изд-во «Художественная литература», 1967, сс. 477-479.
5. Знаменитый врач, лечивший в свое время Черчилля.
6. Художник Н. Д. Милиотти.
7. Этот рассказ Бунин потом переименовал в «Речной трактир».

1944

1. Так у Буниных называлась их квартира на 1 rue Jacques Offenbach в Париже.
2. Т. С. Конюс, дочь Рахманинова.
3. Вилла по соседству с Буниными.
4. С архимандритом о. Киприаном Керн, известным патрологом, Бунин переписывался с 1940 г. Письмо, о котором говорится в дневнике, вероятно, ответ на длинное письмо о. Киприана о Толстом, в связи с книгой Бунина «Освобождение Толстого».
5. К Буниным приходили русские военнопленные.

1945

1. Бунины, вместе с Мережковскими, отдыхали в Амбуазе летом 1922 г. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
2. Проф. С. П. Мельгунов.

1946

1. Поэт, которого Бунин знал по Одессе.
2. Советский посол в Париже.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

3. Писательница Н. Кодрянская, принимавшая большое участие в судьбе Буниных.
4. Советский писатель К. Симонов.
5. Переводчица.
6. О В. Катаеве см.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».
7. Писатель.
8. Писатель Р. Б. Гуль, ныне редактор «Нового Журнала».
9. Вероятно, художник Александр Бенуа.

1947

1. См.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».

1948

1. Бунины ушли из Союза писателей в протест против решения удалить из Союза принявших советское подданство писателей.
2. Бунин отказался ехать в Советский Союз, несмотря на все приглашения.
3. Поэт Георгий Иванов.
4. Проф. М. Карпович, в то время редактор «Нового Журнала».
5. Письмо было послано через Б. К. Зайцева.
6. Вдова поэта.
7. Старшая дочь Рахманинова.
8. Т. С. Конюс.

1949

1. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
2. Рассказ Бунина, написанный в 1913 г. на Капри.
3. Родственник Веры Николаевны.

1950

1. Журнал, изд. в Нью-Йорке, под ред. С. Прегель.

1951

1. Д-р Николай Ефремович Андреев, историк.
2. В. Н. собирала деньги на издание романа Л. Зурова. Эти деньги пошли потом, с согласия подписчиков, на его лечение.
3. О проф. Г. П. Федотове, историке Церкви, см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».

Для сайта BOOK-OLDS.RU

1952

1. Ю. Л. Сазонова собиралась писать книгу о творчестве Бунина. См. мою публ. в «Новом Журнале», № 107, «Бунин о себе и своем творчестве», сс. 165-169.
2. Нервное расстройство.
3. Т. Алексинская помогала Вере Николаевне разбирать архив Бунина.

1953

1. Редакция «Нового Журнала», в котором были опубликованы выдержки из дневников Бунина, поместила к этой записи следующее небезынтересное примечание (№ 116, с. 184):
   «Эта запись кажется нам неверной. От лица очень близкого к семье гр. Н. Толстого мы знаем, что Бострэм был воспитателем его детей. Графиня Толстая сошлась с Бострэмом, и от их связи родился сын. Граф Н. Толстой поступил благородно, он покрыл «грех» жены, признав Алексея законным сыном, который и получил его титул и фамилию. [...] Его сводные братья по матери не признавали его ни графом, ни Толстым. [...]»
2. Врач, о. Петр Струве.
3. Л. Ф. Зуров заболел нервным расстройством.
4. Речь идет о подготовке к изданию киниги Бунина «О Чехове», вышедшей посмертно.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Не включены лица, фамилии которых установить не удалось и которые лишь мельком упомянуты в тексте.)*

Абрамович 24
Авксентьев Н. Д. 63
Адамович Г. В. 61, 64, 111, 193, 194, 196
Аитов М., д-р. 199
Алданов Марк (М. А. Ландау) 18, 27, 32, 34, 53, 57, 63, 64, 69, 73, 74, 77, 91, 96, 110, 133, 145, 184, 190, 196, 197, 199, 201, 207
Алданова (Ландау Т. М.) 63
Алдановы 24, 57, 64, 74, 77, 190
Александр III 65
Александрова В. 203
Алексинская Т. И. (Таня) 206
Андреев Н. Е., д-р 201
Андреева А. И. 188
Андреевский С. А. 81
Антонеску Ю. 68, 169
Аргутинский В. Н. 122, 126, 146

Бабель И. 132, 133
Бак Перл (Buck Pearl) 110
Бальмонт К. Д. 14, 17, 121, 146
Бальмонт Е. К. 14, 146, 163
Бальмонт Мирра 146
Балтрушайтис Ю. 188
Балтрушайтис М. И. 188
Банин 183, 185
Баранов И. Г. (?) 208
Баранова Н. Л. 178
Барсуков 79, 91
«Барышни» — см. Г. Н. Кузнецова и М. Степун.
Барятинский В. В., кн. 105, 126
Бауэр 24
Бахрах А. (Аля, у Бунина — Бахрак) 73, 76, 80, 82, 83, 87, 88, 91, 93, 97, 99-102, 106, 112-115, 119, 125, 131, 143, 145, 154, 157, 171, 173, 196, 198
Башкирцева М. А. 139
Белинский В. 41
Белый Андрей (Б. Н. Бугаев) 107
Беляев Н. Т. 27, 199
Бененсон А. К. 200
Бенуа А. 185
Берберова Н. Н. 184
Бердяев Н. А. 188
Бержанский 185
Бетховен Л. 15
Блок А. 190
Блюм Леон 18, 20, 64, 70, 75
Боборыкин П. Д. 77, 94
Богомолов 182, 194
Бодлэр Ш. 121
Бодольо 156
Бострэм 207
Бразоль 53
Браухич фон, марш. 123
Бродские 145
Бруссон 117
Буллит В. 61
Бунин Ал. Н. (отец) 87, 141, 201
Бунин Евг. А. 43, 122, 201
Бунин Ю. А. 43
Бунина Л. А. (мать) 87, 122, 141, 201

---

* Выражаю свою глубокую благодарность Э. И. Вознесенской, которая помогла мне составить этот список и дала много дельных советов. Т. Д. Муравьеву сердечно благодарю за помощь в выяснении инициалов некоторых знакомых Буниных на юге Франции.

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Бунина М. (по мужу Ласкаржевская) 87, 141, 201
Бунина Н. К. (Настя) 122
Бунина С. Н. (по мужу Пушешникова) 57
Бюффа 132

Валери Поль 12
Вандербреч Ж. М. (Vanderbretch J. M.) 62
Варшавский В. С. 146, 184, 196, 198
Вертинский А. 190
Да Винчи Леонардо 70
Вишняк М. В. 63
Вишняки 34
Волконская И. С. 189
Волконские 184
Врангель Л. С. 23
Вырубов В. В. 180
Гавронский 52
Ганди Махатма 138
Гандшины (? Ганшины) 126
Гаршин В. М. 40
Де Голль Ш. 64, 164
Гейне Г. 128
Геринг Г. 120
Герцен А. 83, 94
Гесс Р. (Hess R.) 93
Гёте В. 149
Гефтер А. 191
Гиппиус А. Н. 146
Гиппиус З. Н. (Мережковская) 33, 36, 121, 126, 137, 153, 155, 178-180, 195
Гитлер А. (Хитлер, «фюрер») 46, 63, 64, 68, 77, 79, 80, 84, 86, 89, 119, 121, 123, 125, 146, 147, 165, 166
Гоголь Н. В. 9, 47, 132, 171
Гонкур, братья Э. и Ж. 65, 68
Гончаров И. 113, 115
Гончарова Нат. 36, 191
Горький Максим (Пешков А. М.) 66, 109, 127
Готье 137, 146
Гребенщиков Г. Д. 11, 38, 66
Грязновы 55
Гукасов 75, 76, 144, 145
Гуль Р. Б. 184

Даль В. И. 41
Данте Алигьери 9
Дантес Ж. Ш. 175, 176
Дарлан Ф., адм. 82, 114, 145
Дебюсси К. 47
Деникин А. И., ген. 105, 185
Дидрихс Н. 181
Добрая Л. Т. 197
Додэ Леон 172
Долгополов Н. С. 128, 159
Дон Аминадо (А. П. Шполянский, Аминад) 126, 206
Достоевский Ф. М. 47, 135, 137, 138
Дюфур, д-р. 199, 200, 201
Дюма А. 84

Евлогий, арх. 105
Ельяшевич, проф., В. Б. и Ф. О. 30
Ельяшевич Ф. О. 146
Емельянов 182
Еремеева О. Л. 21, 146
Есенин С. 208

Жданов В. А. (?) 139
Жид А. (André Gide) 102, 107, 109-111, 114, 116, 119, 130
Жиров А. (папа) 27, 53, 54, 173, 196, 198

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Жирова Е. (Ляля, мама́) 27-31, 35, 36, 43, 54, 55, 173, 174, 178, 181, 185, 195, 196, 207
Жирова Олечка 25, 27-30, 35, 37, 41, 43, 44, 51, 54, 55, 90, 98, 99, 103, 112, 130, 156, 173-175, 178, 181, 185, 195, 196, 205-207
Жировы 33, 50

Зайцев Б. К. 9, 14, 26, 35, 51, 73, 98, 155, 162, 180-182, 184, 188
Зайцева В. А. (Верочка) 51, 84, 98, 122, 129, 146, 150, 155, 163, 184, 188
Зайцевы 20, 24, 26, 30, 34, 129, 178, 192
Зайцев К. О. 7
Зензинов В. М. 34
Зернов В. М., д-р. 182, 186, 198, 205, 206, 209
Зернов 146
Зернова С. А. 146
Злобин В. А. 178, 179
Золя Эмиль 30, 44, 84
Зуров Л. Ф. (Леня, З.) 8, 12, 14, 23-25, 27, 28, 32-37, 42, 47, 72, 80, 87, 88, 94, 97, 99-102, 104, 106, 107, 113-116, 119, 121, 127, 131, 132, 133, 135, 149, 163, 170, 172, 176, 181-185, 193-196, 198, 201-203, 208
Иванжина Е. 14
Иванов Вяч. В. 22
Иванов Георгий 137, 187, 188
Ивановы 188
Иванов П. К. 184
Иден Антони 103
Иоанн, арх. Сан-Францисский (Шаховской) 7, 81

Каверин В. А. 76
Калитинский А. И., проф. 27
Каллаш М. (псевд. Курдюмов) 16, 33, 84, 129, 163
Каменский В. М. 11
Каменская 59
Кантор 61, 64, 93
Карамзина М. 67
Карпович М., проф. 187
Катаев Вал. 11, 183
Керенский А. Ф. 18, 194
О. Киприан (Керн) 167
Клягин Ал. 152, 153, 156-159, 161, 162, 166, 171
Клягины 152
Кодрянская Н. В. 182
Кодрянский, д-р. 205
Кодрянские 192, 199, 207
Колесников 167
Кольцов А. В. 45
Конюс (ур. Рахманинова) Т. С. 147, 189
Конюсы 164, 184
Коринфский Ап. 46
Краснов П. Н. 55
Кузминская Т. А. 102
Кузнецова Г. Н. (Галя, Г.) 8, 10-12, 14, 15, 18, 25, 27-29, 31, 33, 36, 43, 44, 46, 50, 53, 54, 61, 66, 71, 72, 82, 85, 87, 88, 92, 98, 100, 101, 104, 105, 110-113, 116, 119, 120, 130, 131, 133, 150, 162, 177, 192
Кульман Н. К., проф. 73, 126, 146
Кульман Н. И. 146, 175
Куприн Ал. 14, 25, 26, 126, 197
Куталадзе В. М. и М. И. 119, 124, 125, 129

Лаваль П. 76, 109, 133
Лантальм 41
Ларионов М. Ф. 191
Левин 106, 111
Левитов А. И. 97
Легранд 144
Ленин В. И. 68
Леонтьев К. 83
Лермонтов М. Ю. 45, 168, 188, 208
Лесков 62, 72, 180

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Либерман А. 126
Либерманы 126
О. Липеровский Лев 179
Лифарь С. М. 193
Ллойд Джордж 61
Лозинский Г. Л., проф. 146
Лопатина Ек. М. (псевд. Ельцова) («Лопатэнушка») 21, 65, 161
Лоти Пьер 139, 142
Лупеску, m-me 86
Львова Т. М. (ур. Толстая) 118, 136

Мазурова А. 202
Майский И. М. 112
Маклаков В. А. 49, 100
Маковский С. 162, 184
Малявин Ф. А. 146
Мамай 176
Манухина Т. И. 122, 179
Маркюс (Marcus Cyrille) 31, 46
Маяковский Вл. 208
Мельгунов С. П., проф. 180
Мельгунова П. 202, 203
Мельгуновы 180
Мережковский Д. С. 26, 27, 33, 39, 83, 121, 122, 126, 146, 155, 179, 185
Мережковские 23, 33, 47, 83
Метнер Н. К. 79
Милиотти Н. Д. 155
Милюков П. Н. 149
Михайлов П. А., проф. 12, 13, 46, 50, 150, 184
Молотов В. М. 74
Морель 52
Мориак Франсуа 116, 151, 206
Моро Людовик 70
Моцарт А. 79
Мочульский К. 23, 188
Муравьев И. Н. 32
Муравьева-Логинова Т. Д. 32, 36, 79
Муравьевы 32, 34, 113
Муромцев Дм. Н. (Митя) 9, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 113
Муромцев И. Э. 192
Муромцев Н. (папа) 28
Муромцев П. Н. (Павлик) 113
Муссолини Б. («дуче») 46, 68, 79, 83, 84, 121, 152, 153

Надсон С. Я. 39
Найденов (С. А. Алексеев) 94
Нансен Ф. 69
Наполеон 135, 185
Неклюдовы Н. и А. 54
Немирович-Данченко В. 122
Николай II 65, 181
Нилус П. А. 150
Нобели 37

Овсянико-Куликовский Д. Н. 185
Одоевцева И. 44
Ольхина 141
Оман Эмиль 146
Осоргин М. (Ильин) 145, 146, 180

Павел I 148
Павел, принц 86, 87, 90
Павловский М. 195, 200
Пантелеймонов Б. 182, 208
Пастернак Б. 109
Паулюс, фельдм. 146

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Певзнеры 144
Перские 24
Петр Великий 120
Петр II, кор. Югосл. 90
Петэн, марш. 63, 82, 83, 120, 133, 134
Пиранделло Луиджи 12
Плеханов Г. В. 83
Познер (жена) 146
Познер (папаша) 191
Полонский Я. Б. 204
Полонский Я. П. 141, 142
Полонские 94, 110, 132, 201
Порошин 148
Прево Марсель (Prévost Marcel) 94
Присманова А. С. 198
Протопопов Е. С. 49
Пушешников А. И. 57
Пушешников Н. 204
Пушешникова С. Н. (ур. Бунина) 57
Пушкин А. А. 95
Пушкин А. С. 23, 24, 45, 52, 54, 68, 70, 95, 114, 154, 175, 188, 193, 208
Пушкина, см. Розен-Мейер Ел. А.

Раскольников Ф. 107
Рахманинов С. В. 24, 47, 147, 189
Рахманинова Н. А. 201
Рахманиновы 24
Ренье Анри, де (Renier Henri, de) 175
Рогнедов А. 200
Роговский 208
Розанов, д-р. 128, 130
Розанов В. В. 135
Розен-Мейер Ел. А. (ур. Пушкина) 51, 54, 95, 110, 114, 132, 154
Романовы 66
Рощин Н. («Капитан») 11, 15, 173, 184
Рублев, иконописец 155
Руднев В. В. 63, 74, 146
Рузвельт Ф. Д. 61, 63, 77, 87, 88, 89, 108, 155, 177
Рукье 8, 10, 15
Рустан 99

Сазонова Ю. Л. 205
Салтыков-Щедрин М. 43, 44
Самойлов Ф. 46, 60, 79, 100, 101
Самойловы Ф. и А. 21, 34, 46, 60, 72, 79, 88, 92, 105, 113
Свечин, ген. 104
Серов С. М., д-р 42
Симков 199
Симонов К. 182, 183, 203
Сипягин Д. С., ген. 42
Сирин (псевд. В. Набокова) 23, 24, 34
Соллогуб М. А. 178
Соллогуб Ф. К. (Тетерников) 38, 109
Соловьев Влад. 83
Ставров 197
Ставраки Е. П. 196
Сталин И. В. 39, 58, 68, 93, 94, 101, 155
Стеллецкий Д. С. 7
Стендаль М. 166
Степун М. А. (Марга, М.) 8, 10, 11, 14-16, 27-29, 31-33, 36, 41, 43, 49, 50, 52-54, 61, 66, 71, 72, 82, 85, 87, 98, 100, 101, 104, 105, 110-114, 119, 120, 130, 162
Степун Ф. А., проф. 10, 119
Степуны 162
Струве Мих. 185
Струве Н. А. 150
Струве П. Б. 94, 150, 164
Струве о. Петр 208

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Суворов, ген. 51

Танеев С. И. 47, 48
Таубер Е. 188
Телешов Н. 49
Тимошенко С. К., марш. 138
Толстой А. К. 42, 43, 151
Толстой А. Н. 14, 78, 105, 148, 176, 180, 191-193, 207
Толстые 191
Толстой Л. Н. 20, 39, 41, 81, 83, 86, 105, 108, 109, 118, 131, 139, 167, 190, 197
Толстой Мих. Л. 118
Толстой Н. 207
Толстая С. А. 148
Толстая Т., см. Львова
Троцкий Л. (Бронштейн Лейба) 61-63, 68
Тургенев И. С. 39, 41, 45, 47, 59, 68, 110, 111, 131
Тэффи Н. А. (Лохвицкая) 24, 31, 51, 181-184, 186, 187, 191, 195, 198, 205, 206
Тюков 100, 106, 115, 133

Уайльд О. 36

Федин К. 162
Федоров 100, 101
Федотов Г. П. 203
Фет А. 56
Фиников А. П. 208
Флеминг А. 172
Флобер Г. 94, 97, 100, 101
Фондаминский И. И. (Бунаков) 14, 24, 34
Фондаминская А. О. 14
Франко, ген. 83
Франс А. 68, 117, 120

Херст 41
Хигерович 146
Хмара 24
Ходасевич В. 29

Цакни Б. Н. 38, 40, 46, 62, 65
Цветаева Марина 128, 146
Цетлин М. О. 145, 180, 191
Цетлина М. С. 24, 27, 63, 184, 186, 187, 188, 191
Цетлины 18, 57, 64, 77, 79, 191

Чайковский Н. В. 47
Часинг 21
Чемберлен А. Н. 74
Черчиль У. 61, 67, 70, 82, 89, 155, 168
Чехов А. П. 75, 77, 125, 127, 209

Шаляпин Ф. 122
Шаховской, см. Иоанн, арх.
Шекспир В. 9, 25
Шмелев И. С. 34, 92, 208
Шолохов Мих. 105, 109, 133

Эртель А. И. 58, 62, 145

Ясинский И. 40

Для сайта BOOK-OLDS.RU

Для сайта BOOK-OLDS.RU

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая. На исходе 7

Примечания 210

Указатель имен 216

Для сайта BOOK-OLDS.RU